

‘Awe-inspiring. Prepare to fall in love
with epic fantasy all over again.’

ANNA SMITH SPARK

STEVEN ERIKSON

AUTHOR OF THE MALAZAN BOOK OF THE FALLEN

The God is Not Willing
THE FIRST TALE OF WITNESS

Много лет прошло с того дня, когда трое Теблоров учинили кровавую резню в городке Серебряное Озеро на Генабакисе. Теперь племена гор уже не рискуют вторгаться на юг. Городок отстроился, хотя недобрая память о прошлом никуда не делась. Ведь один из тройки дикарей, Карса Орлонг, ныне почитается божеством — пусть и безразличным божеством. Да, среди мировых сил произошли большие перемены. Бог смерти воскрес и ушел в отставку, а боги войны убиты. Новые религии распространились по миру малазан. Кто-то поклоняется Чернокрылому Колтейну, а солдаты Империи предпочли призывать Искара Джарека, стража мертвых.

Отряд малазанской морской пехоты направляется к Серебряному Озеру, откуда в последние месяцы приходило все больше слухов о волнениях племен. Они не знают, с чем придется столкнуться. Но, как и морпехи прошлых войн, готовы решить любой вопрос. Или погибнуть, пытаясь. Хотя — если в мире нет богов войны, откуда взяться битвам и сражениям? Неужели люди продолжают безумствовать и создавать новых властителей-чудовищ?

Стивен Эриксон

Бог не Желает

Первая история Свидетеля

Действующие лица

Поселение Серебряное Озеро
Рент, Теблор-полукровка, сын Карсы Орлонга
Серлис, мать Рента
Дамиск, охотник и следопыт
Силгар Младший, мэр
Наст Форн, лейтенант, командир остатков малазанского гарнизона
Благая Ролли, сержант
Лошадник, капрал
Тренд,
Промашка,
Скачка,
Летунья,
Желтый Гунд, рядовые
Сторп, ветеран, владелец бара
Бловлант,
Варбо, работники из обоза
Жрикрыс, маг

Четырнадцатый легион, Вторая рота
Капитан Грубит, командир

Второй взвод
Шрейка, сержант
Подтелега, капрал
Дай,
Ори Громче,
Вам Хана,
Глиняный Таз, рядовые
Третий взвод:
Штырь, сержант
Моррут, капрал
Омс,
Скудно-Бедно,
Бенжер,
Скажу-Нет, рядовые
Четвертый взвод:
Муштраф, сержант
Снек, капрал
Водичка,
Фолибор,
Кожух,
Аникс Фро, рядовые

Среди Теблоров
Делас Фана,
Тониз Агра,
Сетал, дочери Карсы Орлонга
Дейлис, вдова Байрота Гилда
Пейк Гилд, ее дочь
Карек Торд, сын Делюма Торда
Элейд Тарос, воевода всех кланов
Велок, бывший раб
Галамбар,
Сетал,
Сивит Гила,
Торса Вонт,
Кадараст,
Хесталан,
Багидде, воины
Селан Ардал, вождь сьонидов
Сти Эпифанос, разведчица из Яркого Узла

Прочие

Сука-Война, богиня Жекков
Говер, владыка Черных Жекков
Нилгхан, воин из Черных Жекков
Каснок, владыка Белых Жекков
Тройка, призрак
Путаная Ведьма, дух одного из племен
Нистилещ, ведун племени ганрелов
Андрисон Балк, командир наемников
Ара, его лейтенант
Спица,
Шугал,
Крик, сержанты Компании Балка
Скаббе,
Кранел,
Вист, маги
Хлоп,
Байрдел,
Понти,
Оруле,
Райли, ночные клинки
Кулак Севитт, командующая Четырнадцатым легионом
Топчи-Цветок,
Гори-Солома, офицеры
Хрипун,

Сулбан,
Беллам Ном, сержанты
Олит Фас, целитель

Что же тут делать? Повелитель Смерти мертв. Праотец, Войны безмолвно залег в обрушенной крипте. Свет и Тьма бежали в Тень, а Тень мечтает о солнечном свете. Дома оставлены. Глашатаи кричат, но их не слышат; каменщики просеивают пыль сквозь онемевшие пальцы; господа одиноко бродят в ночи. Королевы рыдают, а короли спотыкаются. Весь мир в изменении, истины гибнут с каждым потраченным дыханием, каждым сказанным словом.

И старуха бредет по коридору, одну за одной зажигая свечи, но гулкий ветер крадет пламя за ее спиной, шаг за шагом.

Однако вижу перед собой новое поле битвы, приветствующее зарю тяжелым молчанием. Скоро поредет мгла и темнота сбежит, обнажая противостояние армий. Знамена крыльями плещут на ветру, ряды дымятся и колышутся; восходящее солнце обрызгало золотом сокровища — оружие и латы.

Затем поднимается одна фигура среди врагов, шпиль плоти и упрямой воли; железные кости, но лицо разбито. Он ничей поборник, но бог для всех. Он воитель алого благословения, но и сладкий поцелуй любви; он свидетель каждого трупа и сеятель детей. Он золоченый носовой таран корабля истории, яростно режущий пену волн, но мирно дремлющий в промежутке меж курганом и менгиром. Он тяжкая поступь и он — касание перышка; хладный взор и лукавый взгляд. Для него всякая сдача, для него всякая жертва. Ради его имени рушатся народы; от его имени преклоняют колени боги. Если империи пылают, его не вини, не сейчас, когда любящий взор уходит прочь. Стать свидетелем означает — начать видеть. Видеть означает — начать понимать. Понять означает — отпрянуть. Но он стоит дерзко, без оружия и без лат пред будущим, и я знаю его: он Нежелающий Бог, Беспомощный Бог, Убийца Всех и Никого.

Враги не движутся. Солнце разбрасывает золотой свет на покровы мира. Станет ли день днем битвы? Мы увидим...

"Ханаскордия", или Видения Последнего Пророка. Третий Карсанский апокриф (Даруджистан, в год Дикарского Вызова)

Над Ледеронским плато, северо-запад Генабакиса, земли Теблоров

Восхождение заняло шесть дней. Последние два дня они шагали вдоль почти вертикальной ледяной стены, достигнув, наконец, верхнего уступа горы. Поверхность ледника была обезображена давними оттепелями, но на таких высотах зима еще крепко сжимала гору. Несшийся сверху ветер казался белесым от измороси, порождая радуги на ярком полуденном свету.

Верхний уступ был узким, неровным, едва способным дать место ногам четырех Теблоров. Ветер выл вокруг, пытаясь оторвать притороченное оружие и ероша меховые одежды. Ветер то и дело напирал, словно разъяренный дерзостью великанов. Эти высоты, сам этот мир не принадлежал им. Солнце было слишком близко, воздух слишком разрежен.

Вдова Дейлис плотнее натянула на плечи волчий плащ. Впереди склон шел вниз, его ярусы были усеяны камнями и завалены битым льдом, снегом и песком. Все это походило на оборонительный вал озера.

Отсюда, через острозубый барьер, они могли видеть и само озеро. Нагромождения льдин вздымались островами, уродуя ровную, засыпанную снегом гладь. Иные острова были высоки, словно крепости, словно сотня тиранов враждовала здесь ради власти над великой империей замерзшей воды.

Никто не был готов начинать разговор. Вдова Дейлис прищурилась, направляя взор в сторону севера, где озеро, предположительно, должно было оканчиваться. Но всё было бело на столь великом расстоянии. Над белизной нависали еще более высокие пики, подобные смутно видимым облакам. Однако южные склоны их были свободны от снега. Одно это зрелище наводило ужас. Вдова Дейлис повернулась к молодому вождю, стоявшему справа.

Ей все еще было дико видеть рядом ратида, как будто тысячи лет убийственной вражды ничего не значат, не способны отвратить воеводу от похода к клану Урид, от поиска воинов, готовых сопровождать его... сюда.

Все меняется. Она еще миг всматривалась в него, затем сказала: — Значит, твой народ способен видеть.

Элейд Тарос опирался на двуручный кровомеч, вогнав острие в гладкий лед, что заполнял трещину в камне у ног. — На самых верхних стоянках, — кивнул он. — Белые Лики больше не белы.

Мало кто из уридов, выслушав рассказ Элейда, смог понять всю важность известия. Жизнь была медленным, размеренным шествием времен года. Если прошлая зима выдалась холодной, что ж, до нее была зима теплая. Если оттепели приходят резко и неожиданно; если странные потоки горячего ветра несутся с северных высот; если снег падает день за днем, угрожая засыпать Теблоров с головами; если сами леса ползут все выше по склонам, а в низинах гибнут от засухи и болезней... ну, как пастухи каждый год выбирают новые пастбища, так пути Теблоров постепенно изменятся, приспособиваясь.

Новости, бормотали ему в ответ, не из числа страшных. О, может быть, ратиды — еще остающиеся в немногочисленных селениях, забившись в тайные убежища, прячась от алчных рабовладельцев юга — приучились скулить, словно побитые псы, и теперь дрожат от любой тени в небе...

Такие слова должны были залить мраком лицо Элейда Тароса. Но он лишь улыбнулся,

скала зубы в безмолвном рычании. Вздохнул неспешно и глубоко и ответил: "Дети-рабовладельцы все мертвы. Или вы никогда не верите слухам? Мое имя здесь ничего не значит? Я Элейд Тарос, воевода кланов Сюнид и Ратид. Воевода свободных и познавших рабство. Головы тысячи детей-рабовладельцев отметили победный путь на родину, и каждая ехала на копье Теблора". Он помолчал, презрение сделало диким взгляд серых глаз. "Если нужно, я отыщу немногих воинов-фалидов, с которыми отправлюсь на север..."

Вот так он и решил дело. Скажите, какую историю принесет Элейд ненавистным фалидам? "Уриды разбежались по хижинам и не стали меня слушать..." Даже при непонимании выбора не осталось, ибо гордость — хозяйка любого воина. Воевода ратидов может быть молодым, но он не глупец.

— Вечные снега пожаты, — произнес Карек Торд. — Само по себе невозможное событие. — Его лицо было озадаченным, но смотрел он не на далекие горы. Он смотрел на озеро. — Вопрос был, куда они ушли. Теперь мы видим ответ. — Карек обернулся к Элейду. — А эта затопленная долина всегда была такой?

— Нет, Карек из Урида. Прежде была река, да, чистая и холодная, она бежала между круглых валунов, по ложу из песка и гальки. На мелководьях скапливалось золото. Чтобы перейти ее, не нужно было погружаться по пояс.

— Когда это было? — спросил Карек.

— Во времена моего отца.

Вторая женщина коротко фыркнула. — Ты перебрал все его воспоминания, воевода, и догадался, сколько сотен лет назад он посещал это место?

— Нет, Тониз Агра из Урида. Он уже мертв. Поймите, моя семья издавна хранила дар добычи золота. Мы пробирались в самые далекие уголки хребта, где не бывали другие Теблоры. Все золото, ходящее среди Теблоров, найдено было моей семьей. — Он на миг запнулся и пожал плечами. — Разумеется, мне пришлось перенять семейное дело, и учился я с юных лет. Потом явились рабовладельцы, и мы вынуждены были уйти южнее. Тем, кому удалось. А когда мы, наконец, сочли себя в безопасности, пришла шайка Теблоров. Тогда был убит мой отец.

Вдова Дейлис снова всматривалась в воеводу. Во рту внезапно пересохло. — Те налетчики, Воевода, были уридами.

— Были, — отозвался он равнодушным тоном.

Карек Торд уставился на Элейда широко открытыми глазами. — Мой род...

— Верно. Нетрудно было запомнить их имена — разве уриды до сих пор не поют о Карсе Орлонге? О Делюме Торде и Байроте Гилде? — Он прямо поглядел в глаза Дейлис. — А ты, Вдовица, родившая дитя от семени Байрота. Не ты ли причислена ныне к верующим в Разбитого Бога?

— Ты многое знаешь об уридах, — ответила она, и слова звенели, будто сокрытое лезвие.

Элейд шевельнул плечами, как бы стараясь забыть о собеседниках и недавнем разговоре. Снова устремил всё внимание к замерзшему озеру. — Смотрите лучше, — начал он. — Перед нами не озеро, лишь залив. За горами Божья Тропа, где прежде тянулась тундра, ныне лежит море. Высокогорья запада не дают ему соединиться с океаном. На восток оно тянется через треть континента. — Он резко застыл, качнув головой. — Что я знаю о континенте? Смею сказать, побольше любого из вас. Вы мыслите нас в узком мирке, среди этих гор и долин, низин к югу и моря за ними. Но мир не столь мал, мало знание о нем

Теблоров.

— Однако не твое? — Голос Тониз Агры был резок, но за маской презрения скрывался страх.

— Бывшие рабы много о чем могут рассказать. Их знания просветили меня. И да, я видел карты. — Теперь он отвернулся от них. — Ледяная стена сдерживает море. Мы шли вдоль нее два дня. Мы видели ее трещины, ее гниль. Видели древних зверей, что прежде были заперты льдом. Теперь клочья их шкур усеивают склоны. Всё новые выпадают с каждой весной, привлекая стаи кондоров, ворон и даже Великих Воронов. Прошлое разложило щедрый пир для пожирателей падали. И всё же, — закончил он, — в этом я вижу будущее. Наше будущее.

Вдова Дейлис понимала значение обнаженных горных пиков. Мир зимы умирает. Она поняла и смысл их путешествия. Они увидели, куда уходит талая вода. Увидели, почему она не течет на нижние склоны, где каждое лето свирепствует засуха. И теперь высказала вслух истину. — Когда ледяная дамба рухнет...

Однако воевода Элейд Тарос не готов был отдать женщине эту честь. — Когда ледяной вал обрушится, воины Урида, миру Теблоров придет конец.

— Ты сказал "море", — вмешался Карек Торд. — Против такого... куда нам бежать?

Теперь Элейд Тарос улыбался. — Я не просто так пришел к уридам. Я был в других местах, а когда завершу путь, все кланы будут со мной.

— С тобой? — спросила Тониз. — И что мы должны будем восклицать? Слава великому воеводе Ратида, освободителю сюнидских и ратидских рабов, убийце тысячи детей- жителей юга? Элейд Тарос! О да! Теперь он ведет нас на войну против того, чего не смогут остановить сами боги!

Он склонил голову к плечу, будто видел Тониз Агру впервые. Хотя наверняка они не раз успели перекинуться словами в долгие дни после поселка уридов. — Тониз Агра, твой страх слишком явно выказывает себя, твоя шкура тонка и каждое слово хрупко. — Он поднял руку, когда женщина потянулась к рукояти меча. — Слушай же, Тониз Агра. Страх преследует всех нас, и воин, отвергающий страх, глуп. Но слушай внимательно. Если нам приходится защищаться от ледяного ветра ужаса, пусть он дует в спины!

Он замолчал, ожидая.

Вдова Дейлис издала звук, хотя сама не могла бы сказать, что он значит. Медленно покачала головой. — Ты сам ощутил себя на следах Разбитого Бога? В его тени? Ратид, чей отец пал от меча Карсы. Или Делюма, или Байрота. Итак, сейчас ты готов выйти из тени. И слава твоего похода заставит Разбитого Бога пасть в канаву.

Элейд Тарос пожал плечами: — Здесь и сейчас я ищу славы, Вдовица Дейлис, и если Разбитый Бог готов сыграть свою роль, он будет на острие моего меча. Тониз Агра сказала правду — нам не выиграть войны у потопа. Вода придет. Наши земли утонут. Но затопление земель Теблоров станет лишь рождением потопа. Понимаешь?

Она кивнула. — О да, воевода Элейд Тарос. Поток ринется с наших гор. Затопит низины юга, где обитают дети-рабовладельцы. Уничтожит их всех.

Вождь потряс головой: — Нет. Это сделаем МЫ.

Внезапно Карек Торд выхватил свой клинок, встал лицом к Элейду и опустился на колени, выставив кровомеч — горизонтально держа на повернутых к небу ладонях. — Я Карек Торд из Урида. Веди меня, Воевода.

Улыбнувшись, Элейд коснулся меча. — Готово.

Миг спустя Тониз Агра сделала то же, и хотя между ними недавно готова была вспыхнуть ссора, воевода принял клятву без колебаний, без мгновенного раздумья.

Вдова Дейлис отвела взгляд, хотя понимала, что ратид ожидает ответа. Она не могла и не хотела отказывать. Дикарское тепло бурлило в жилах. Сердце громко стучало. Однако она удержала язык, пристально всматриваясь в южную даль.

— Да, — пробормотал Элейд Тарос, внезапно оказавшийся рядом. — Перед водой придет огонь.

— Возможно, это мой муж убил твоего отца.

— Нет. Я собственными глазами видел: его зарубил Карса Орлонг. Я единственный среди ратидов пережил бойню.

— Понимаю.

— Неужели? — спросил он. — Скажи, где твой Разбитый Бог? Карса Орлонг вернулся в родные земли? Пришел собрать сородичей, найти новых последователей? Начал великую войну против южных детей? Нет. Ничего подобного. Скажи, Вдовица, зачем ты цепляешься за ложную надежду?

— Байрот Гилд решил встать рядом с ним.

— И умер ради такой привилегии. Уверяю, — сказал Элейд, — я не буду столь неосторожным со своими клятвенниками.

Женщина фыркнула: — Никто не погибнет? Какую войну ты замыслил, скажи. Пойдя на юг, воевода, мы не раскрасим лица серым и белым?

Его брови поднялись. — Ища смерти? О нет, Вдовица, я поведу нас к победе.

— Против юга? — Остальные стояли и слушали их. — Ты говоришь, будто видел карты. Я тоже, когда к нам вернулась первая дочь Карсы. Элейд Тарос, мы не можем победить Малазанскую Империю.

Элейд рассмеялся. — Это превзошло бы даже мои дерзания. Но скажу так: хватка империи на Генабакисе слабее, чем можно думать, особенно в землях Генабариса и Натилога.

Она покачала головой. — Пустые различия. Чтобы привести народ на юг, чтобы найти место, где можно жить и куда не достанет потоп, нам придется убить всех. Малазан, натийцев, генабарисан, коривийцев.

— Верно. Но лишь малазане объединяют все народы в единого противника на поле брани. Где мы встретим их и разгромим.

— Мы налетчики, Элейд Тарос, не солдаты. И нас слишком мало.

Он вздохнул. — Твои сомнения не лишают меня смелости. Буду рад твоему голосу в военном совете. Нас слишком мало? Верно. Мы будем одни? Нет.

— О чем ты?

— Вдовица Дейлис, ты дашь клятву? Поднимешь ввысь меч, чтобы я коснулся его? Если нет, тогда наши разговоры должны прекратиться здесь и сейчас. К тому же, — добавил он с мягкой улыбкой, — это еще не военный совет. Знаю, ты полна сомнений, и хочу, чтобы ты говорила за всех, не имеющих своего голоса.

Она извлекла кровомеч. — Я готова. Но помни, Элейд Тарос. Дочери Карсы Орлонг ездили из нашей страны туда, где живет их отец, Разбитый Бог. Много раз.

— И он не делает ничего.

— Элейд Тарос, — сказала она, — он лишь набирает дыхание.

— Тогда я буду ждать, надеясь услышать его боевой клич, Вдовица.

"Не думаю". Однако она промолчала. Потом опустилась на колени и подняла над головой деревянный клинок. — Я Вдовица Дейлис из Урида. Веди меня, Воевода.

Солнце достигло наивысшей точки, позволенной ему в тот день. Со стороны замерзшего залива внутреннего моря донеслись стонущие звуки, разорвав безмолвие. Таяние началось. По ледяной стене справа от них с ритмичным шумом бежала вода, незаметная за синими и зелеными колоннами. Эти звуки они слышали в каждый день восхождения, когда становилось тепло.

В южных отрогах соплеменники порадуются весеннему половодью ручьев. Лето, скажут они, не будет засушливым. Видите? Не о чем тревожиться.

Вскоре, понимала она, эти мелочи перестанут иметь значение. Едва к ним придет воевода, неся обещание мести ненавистным детям юга. Неся посул войны.

Когда он, наконец, коснулся ее меча и произнес слово одобрения, женщина встала и подняла руку. — Давайте считать это первым военным советом.

Карек Торд ответил: — Дейлис, едва ли...

— Именно, — бросила она, глядя в глаза Элейда. — Воевода. Есть тайна, которую мы четверо должны хранить, не проронив единого слова.

— Какая тайна? — удивилась Тониз.

Вдова смотрела лишь на вождя. — Принеси всем кланам Теблоров обещание войны против детей юга. Говори о воздаянии. Говори о мести за все преступления, свершенные над нашим народом. О мести работоторговцам и наемникам. Говори о новых селениях, которыми окружили наши территории. Говори о прошлых победах. Завоюй их, Воевода, словами о крови и славе.

Тониз встала между ними. — А как насчет потопа? Одно этого откровения достаточно!

— Многие не захотят верить нашим словам, — пояснила Дейлис. — Особенно среди отдаленных родов, довольных размеренным течением времен года, не знающих тяжелых трудов и лишений.

Долгое время все молчали. Однакодвигающийся лед сам объявлял о себе.

Затем Элейд Тарос кивнул: — Готов сделать, как ты советуешь. Но, чтобы завоевать все кланы, я не должен ходить один.

— Верно. Вот почему мы втроем последуем за тобой, Воевода. Ратиды, сюниды и уриды. Одно это заставит всех выслушать нас.

Карек Торд хмыкнул: — Еще бы найти фалида! Эх, горы содрогнулись бы от удивления!

Элейд Тарос обернулся к нему. — Карек из Урида, среди моих последователей уже есть фалид. Итак, союз кланов. Ратид, Сюнид, Урид и Фалид. — Теперь он глядел на вдову Дейлис. — Мудро. Дадим же клятву хранить секрет. Пока все четверо не решим, что пришла пора его раскрыть. — Он оглядел всех, и все кивнули в свой черед. Даже Тониз Агра.

Лишь тогда они начали спуск.

Вода же продолжала барабанить за блестящими стенами льда, и нарастающий жар солнца заставлял камни исходить паром.

КНИГА ПЕРВАЯ

КОСТЯШКИ

Рассказывают, что пока беспомощные, раненые и юные убегали, их заслонял строй, перегородив узкий проход перевала. Двенадцать вооружившихся чем попало взрослых Теблоров забили железные клинья в крайние звенья своих разорванных цепей, приковали себя к скалам за лодыжки. Так они собирались противостоять ярости рабовладельцев и их приспешников, армии, что ринулась в преследование сбежавшей ценной плоти.

Разумеется, невозможно знать, случилось ли это на самом деле. Но мы знаем, что бегство освободившихся Теблоров было успешным, и так завершилась эпоха рабства в провинции Мелин на малазанском Генабакисе, так все узрели падение последнего оплота постыдной торговли плотью.

Валард из Города Тюльпанов, однако, спустя три года делает любопытное упоминание о Теблорском перевале в своей "Географата Мотт", упоминая присутствие там костной гряды в самом узком месте, а ниже по склону другой, куда большей кучи костей. Словно, пишет он, "тысяча людей погибла в сражении против единой линии обороняющихся".

Стоит, кстати, заметить, что Валард, будучи посвященным Мистиком Отвержения, мог вообще не знать ни новостей о восстании рабов Мелина, ни местных сказаний о Противостоянии Клиньев.

*История Гаэрлона, том IX
Великая библиотека Морна*

Неудачное начало зачастую само по себе становится зловещим предупреждением.

"Речения шута", Тенис Буле

Гарнизон Слипто, Кулвернская Переправа, что к северо-востоку от Мелинского Моста на Генабакисе

Бледное небо, созданное для бесцветного мира. Весна еще не вступила в силу. Заросли по обе стороны мощеной дороги к форту и городку оставались хаотической мешаниной бурых прутьев с ключьями тускло-красной и тускло-желтой листвы. Однако появились свежие почки, и в канавах уже не лежал лед, но текла вода, окрестные поля покрылись серыми лужами и целыми озерцами, отразившими пустое небо.

Кто-то когда-то сказал — Омс не помнил, кто — что мир является зеркалом небес, жестяным, поцарапанным, помутневшим, изрытым словно в насмешку над прекрасным ликом небес. Нет сомнений, сказано это было в результате долгого наблюдения. Странно, как бессмыслицы остаются в памяти, тогда как все истины пропадают, брошенные, словно ненужный хлам.

Солдата, заявившего, будто ему неведом соблазн опасности, считайте лжецом. Омс был в рядах армии с пятнадцати лет. Двадцать один год как бегал от этой истины, основной истины своей взрослой жизни. Остальные блеклые истины прятались в тени этой, главной. Наслаждение наркомана, как всегда порочное; зловещий призрак, нависающий над плечом, когда ты стоишь и смотришь на труп — на труп, который, сложишь схватка чуть иначе, мог быть твоим. Жить легче, размышлял Омс, когда ты можешь убить свои страхи. И смотреть потом в бескровное лицо, ожидая, когда успокоятся сердце и дыхание.

А завтра бывал новый день и новый страх, и новое лицо, и облегчение, словно сладчайшее зелье в венах.

Он был солдатом и не мог вообразить себя в иной роли. Он собирался умереть на поле брани, показав убийце свое бескровное лицо — увидев, может быть, в последние мгновения зловещий призрак над плечом врага. Всякому ведомо, что смерть — истина, от которой не скроешься.

Позади него был северный лес. Конь устал, но не стоило позволять ему застаиваться, чтобы не затекли мышцы. Однако Омс оставался неподвижным в седле. Еще несколько мгновений не убьют ни скакуна, ни ездока. Он надеялся на это. По крайней мере, пусть успокоятся дыхание и сердце.

Когда привидение показывается кому-то, нельзя понять, какое злодейство у него на уме. Не стоит смешивать запутанное волшебство садков с незримыми мирами, где обитают мертвецы, и отнюдь не в одиночестве. Пантеоны богов и властителей, запертых в клетках храмов, рождающихся и умирающих, словно цветы при смене эпох — принадлежат совсем иной вселенной, нежели бессловесные первобытные силы, что таятся в диких и всеми забытых местах.

Представшая пред ним призрачная фигура лишь смутно походила на человека. Почти бесформенная, очертания расплывчаты, в середине темная масса, а в ней какие-то рваные

полосы бурлят и переливаются, будто оказавшись в плену. Тусклая как небо, как озера и лужи.

Он ожидал, что призрак что-то скажет, и удивлялся, почему не тревожится конь. Но мгновения текли, и разум его потянулся к прошлым боям — особенно к последнему — гадая, не пропустил ли он что-то? Например, свою смерть. Знают ли мертвецы, что умерли? Может, он убежал от воспоминания, полного ужаса и горечи? Что было? Дикий ожог от пронзившего грудь копейного наконечника? Мучительная боль ранения в живот, перерезанное горло, брызгающая из бедра кровь?

— Так, значит? Я помер?

Левое ухо коня дрогнуло, ожидая новых слов.

Призрак дал неожиданный ответ. Рванулся к нему, мрак заполнил зрение, хаотическое мельтешение *чего-то* бурлило вокруг, его словно обняли и встряхнули, окатили волной. Он видел, как призрак пронесется сквозь его тело. Пропав.

Он озирался, моргая. Ничего, лишь тусклый бесцветный мир, холодное утро ранней весны, тихий звон текущей воды и еле слышный шепоток ветра. Взгляд упал на дорогу, туда, откуда поднялось привидение; глаза нашли один булыжник, грязный, но чем-то отличный от остальных.

— Дерьмо. — Он спешил, чуть пошатнувшись, еще переживая то касание; присел, протирая камень, отгоняя ручейки мутной талой воды. Обнаружив вырезанное лицо. Круглые пустые глаза, бороздки, изображающие нос и треугольник опущенных губ.

— Дранный Генабакис, — буркнул он. — Драная Переправа. Да в пропасть всех давно померших, всех духов, богов, призраков и прочих, драть их всех. — Он встал, возвратился к спокойно ожидавшему коню. И застыл, вспоминая экстаз того соединения. — Но знай, кто бы ты ни был: если ты отодрал меня, я проклятуще доволен.

К северу от форта лежало старое кладбище, странная смесь подобных ульям склепов и курганов с утонувшими, перекошенными платформами для погребальных урн, намеки на давно забытые обычаи столь же давно забытых племен. Когда Третья малазанская армия строила форт во времена завоевания, кладбище по приказу военных инженеров пересекли траншеями и раскопами, некоторые плиты пошли на строительство фундаментов стен, тогда деревянных, а сейчас замененных на каменные. Вырытые кости бросили на месте, в высокой траве вокруг траншей; иные виднелись и сейчас, расколотые и отбеленные, среди узловатых сухих стеблей.

Грязная была работенка, но нужда — суровая хозяйка. К тому же проклятое кладбище лежало в середине пустоты, за лиги от ближайшего городка, вокруг лишь горстка деревень и хуторов. И местные не жаловались, все как один утверждая, что кладбище не их рода.

Южную сторону форта отмечало новое кладбище, с небольшими прямоугольными криптами в генабарийском стиле и одним длинным курганом, набитым гнилыми костями нескольких сотен малазанских пехотинцев. На вершине уже выросла рощица. Кладбище подходило к стене, дальше были ворота, за ними на месте имперского поста появился город.

Земля за восточной стеной была выделена для муштры, строительство запрещено, лишь овцы паслись там, поддерживая траву в опрятном состоянии.

Форт стоял в сотне шагов от реки Кулверн. В прошедшие декады разливы становились все яростнее, и берег подошел на тридцать шагов к западной стене. В этом узком проходе и расположился лагерь Второй роты Четырнадцатого легиона.

Сержант ушел подальше от ревущей реки, как делал каждое утро, ведь он ненавидел этот звук. Оставив форт справа, вошел на заросшее, заброшенное кладбище, вспоминая первый раз, когда он его увидел.

Им пустили немало крови в неожиданной стычке с Багряной Гвардией, новости с юга сделали название Черный Пес настоящим ругательством. Проблемой стало и то, что Сжигателей Мостов разделили: две роты послали на помощь Второй армии, на северо-восток, остальные ушли к Мотту.

Сержант сел на неровно лежащую каменную платформу, взирая на прочные стены форта. Он помнил, когда там были лишь бревна и щебень. Помнил, как болела спина после попеременного махания киркой и лопатой, пока его команда делала насыпь, а другая сводила ближайший лес, спеша воздвигнуть первые стены.

Воздух тогда был каким-то жестким... или таким был он сам? Что ж, тут была глушь, дикость на границе человеческих поселений. Первые дни той поры, когда Сжигателей начали бросать из одного кошмара в другой. Да, надежда еще жила, но становилась все хрупче.

Теперь эту землю душным одеялом окутал мир, плодя торговцев, содержателей трактиров, мастеровых, пастухов и селян, и так далее. Дерево заменили камнем, пустоши стали городком. Но всё это казалось не вполне реальным.

Он не ожидал сюда вернуться. Не в место, где дважды взрывал лопатой почву — сперва строя форт, затем копая могилу и бросая туда окровавленные тела мертвых товарищей. Солдатская верность умирает от тысячи мелких ран, пока не окажется, что ее не вернуть никогда — ни верность империи, ни командиру, ни даже вере. Он видел, как бегут соратники, делаясь дезертирами. Даже Сжигатели. Они слишком далеко зашли, стали слишком одинокими, чтобы смотреть в глаза другим людям. Он сам был чертовски близок к такому.

Через годы и далеко на юго-восток отсюда, в дождь под Черным Кораллом Верховный кулак Даджек Однорукий официально распустил Сжигателей Мостов. Сержант помнил тот момент: как стоял под ливнем и слушал гул плотного слоя воды, падавшей с неба, с повисшего над головами смертельно поврежденного Отродья Луны. Слушал звук, который станет ненавидеть.

Нужно было поступать, как те немногие, что выжили. Просто уйти. Но он никогда не хотел где-нибудь осесть. Даже манящие соблазны Даруджистана не удержали его. Нет, он скитался, кружил, гадая, не верность ли держит его на привязи.

Удивительно ли, что он снова оказался в рядах Армии? Но изменилось ли что-то? Похоже, взводы морпехов не менялись, невзирая на бесконечную смену лиц, голосов, личных историй. Командиры приходили и уходили, иногда они были славными, иногда дурными. Годы мирного размещения перемежались жестокими стычками. Этому мерцанию не бывает конца. Всё как всегда. Он пришел к убеждению, что последний миг Малазанской Империи наступит с гибелью последнего морпеха. Где-нибудь там, в ненужной битве на краю пустоты.

Нет, здесь ничего не менялось. Но внутри, в душе бывшего Сжигателя, еще служащего империи... там всё иначе.

Черный Коралл. После дождя, после того как смылась соль с кожаной куртки доспеха, после того как высохли глаза — еще не решив, чем он перестал быть и чем станет — он пришел к кургану. К мерцающей горе, блестящей всеми сокровищами мира. Там он оставил

свой значок, серебро и рубин, свой мост в языках пламени.

Странно, как человек, которого он никогда не встречал, смог его изменить. Человек, который, как ему рассказали, отдал жизнь во искупление Т" лан Имассов.

"Итковиан. Единственный безумный жест, ужасающее обещание. Ты представлял, чего оно будет тебе стоить? Не думаю, что ты потратил хоть один Худом клятый миг, прежде чем широко открыть ясные глаза, прощая непростительное".

Он мало что понимал в то время. Но бесцельные скитания чертили круг, и он вечно возвращался в Коралл, видя место, где погибли Сжигатели Мостов. Видя рождение бога, веры, безнадежной мечты.

"Ты и сейчас не закрываешь глаз? Так недавно рожденный, ты лишь сухо улыбнулся, видя неминуемую смерть. Когда столь многие из нас вышли тебя защитить. Странное побуждение, верность не тебе, но идее, которую ты воплощал".

Ни множество унижений, ни избыток чувств, эмоций, ужасов и страстей; ничто в мирах реальных и воображенных не может изменить или отменить эту единственную, полную любви жажду.

Искупление.

Лишь в нём таится верность, от которой не избавиться смертному, нужда, к которой придется возвратиться, рано или поздно, когда все внешнее окажется ломким и пустым, а долгая жизнь подойдет к итогу.

Все эти годы, солдат среди солдат, затем странник среди незнакомцев, он упорно всматривался в море лиц, и в любом и каждом видел одно и то же. Зачастую скрываемое, спрятанное, но несомненное. Зачастую отрицаемое — с дерзким вызовом или беспокойным стыдом, зачастую подавленное выпивкой и дымом.

"Одно стремление. Ищи его в любой толпе — и отыщешь. Раскрась его в любой цвет по выбору: горе, тоска по прошлому, меланхолия, воспоминание, всё это лишь оттенки, поэтические отражения.

Лишь Искупитель, держащий искупление в руках, сможет ответить нашему стремлению. Только бы мы попросили".

Оказалось, он сам не вполне готов, да и будь он готов, как бы это выглядело? Что бы из этого вышло? *"Что случается, когда стремление наконец удовлетворено?"* Неужели спасения нужно страшиться, ибо исчезнет последняя причина жить? Неужели тоска по искуплению не отличается от тоски по смерти? Или здесь есть фундаментальное различие?

Отдаленное движение привлекло его. Он увидел, что это "ночной клинок", Омс, возвращается с востока. Итак, дело сделано. Но стоит выслушать доклад самому, прежде чем объявят сбор.

Сержант стоял, уперев руки в бедра и выгибая больную спину. Два дня назад, недалеко отсюда, он копал другую яму. Чтобы опустить знакомые лица в землю, "и доброй ночи всем и каждому".

Омс заметил сержанта среди старых могил и гробниц, повернул коня, чтобы подъехать. Хотя мысли его, честно говоря, были заняты привидением. Трудно было думать об ином. Ничего подобного прежде не случалось. Он должен был испугаться... но не испугался. Он должен был задрожать от чуждых объятий, но не задрожал. Вполне возможно, та старая голова, вбитая в грунт и ставшая частью имперской дороги, не имела ничего общего с духом.

Он думал о солдатском соблазне, зажигающем взоры; думал, как трудно бывает солдату

закопать наконец свой меч. И мысли эти вызвал человек, к которому он сейчас скакал. Человек, задержавшийся в строю, ибо идти ему было больше некуда.

Омс натянул удила и спешился. Спутал коню ноги и пошел к сержанту. — Было как ты и предвидел, Штырь.

— И?

— Улажено. — Омс пожал плечами. — Мне и потрудиться не пришлось, скажу честно. Он уже выпускал последний вздох. Был еще жив лишь благодаря злости. Думаю, он даже поблагодарил бы меня за то, что убиваю — только кровь залила весь рот.

Штырь поморщился, отводя глаза. — Какая утешительная мысль.

— Полагаю, — небрежно бросил Омс. Потом снова пожал плечами. — Ну, мне лучше отвести коня в стойло. А затем палатка и добрый сон...

— Не сейчас, — прервал его сержант. — Капитан созывает сбор.

— Снова трепанные приказы? Нас только что серьезно высекли. Мы зализываем раны, стараясь не видеть пустые места за столом. От роты осталось три драных взвода, а они хотят снова послать..?

Штырь лишь шевельнул плечами.

Омс еще посмотрел на него, затем начал озираться. — Это место наводит на меня дрожь. Ну, одно дело трупы на поле битвы — погибли скопом, за половину дня. Это наша роль, наша работа, и лучше сразу смириться. Так? Но кладбища. Поколения мертвецов, одни на других и так далее. Сотни лет. В тоску вгоняет.

— Неужели? — отозвался Штырь, глядя на Омса с непроницаемым лицом.

— Привкус... ну, чего-то такого. Тщетности?

— Почему бы не постоять?

Омс содрогнулся. — Ага. Мертвого постоять. — Он помялся. — Сержант, думал когда-нибудь о богах?

— Нет. А нужно было?

— Ну, они ли нас создали? А если да, на кой хрен? И как будто первого раза недостаточно, они лезут в наши дела. Как будто не могут отстать и оставить нас в покое; словно клятый опекун, не желающий уйти с праздника, и вот ты втюрился в красотку и она не прочь и вы вместе ищете, в какие бы кусты залезть, но... — Видя недоумевающее выражение лица сержанта, Омс позволил мысли улететь прочь. Потер глаза и глуповато улыбнулся. — Искар побери. Устал.

— Скачи в конюшни, Омс, — велел Штырь. — Может, успеешь перекусить.

— Ага, поспешу.

— И поздравляю с хорошо выполненной... миссией.

Омс кивнул. И сел в седло.

Белое солнце ослепительно сияло в белом небе, а ведь еще не полдень. Булькала вода, текущая в узкой траншее у стены. Копотившийся во дворе петух издал сдавленный крик и зловеще замолчал.

Водичка стояла, следя, как здоровенный широкоплечий солдат ищет путь в кольчугу. Вот опять железные звенья вцепились в длинные грязные волосы, выдирая их там и тут на голове и на груди. Золотистые завитки выделялись на фоне голубоватого железа. Он никогда не стонал, проделывая это, однако рывки были достаточно болезненными, чтобы заставить лицо покраснеть, а глаза увлажниться.

Надев, наконец, кольчугу и пуше опустив покатые плечи, он подобрал пояс с оружием. К бронзовым полоскам ножен каким-то образом успели пристать те же рыжеватые волоски. Туго застегнув пояс над бедрами, он помедлил, почесывая сломанный плоский нос, украдкой утерев слезу в левом глазу; затем отряхнул потертые кожаные штаны и поглядел на нее.

— Искарова хромота, Фолибор. Мы всего лишь идем в командный шатер. — Она указала на главный плац форта. — Туда. Как и всегда.

— Всегда верил, что упреждение есть солдата спасение, Водичка. — Он щурился, разглядывая плац. — К тому же самые опасные пути — те, что кажутся легкими. А Кожуха брат? Он в отхожей яме.

Водичка скорчила гримасу. Кожух заставлял ее нервничать. — Ну и давно он там сидит? Пожимая плечами, Фолибор отозвался: — Не поймешь, долго ли потребуется.

— Что, совсем скрутило?

— Вовсе нет. Я ж сказал, он в отхожей яме. — Пауза. — В самой яме. Уронил туда амулет, что дала бабушка.

— Амулет с надписью? Той, что говорит "убейте пацана пока не вырос?" Что это за доброе пожелание? У Кожуха с головой не всё в порядке, помяни мое слово.

Фолибор снова пожал плечами, с обеспокоенным видом.

— Да ладно. Идем. Не думаю, что капитана осчастливит Кожух в дерьме.

Они двинулись.

— Плюнь на остальных, — начал Фолибор. — Лично я уважаю твою природную смекалку.

— Мою что?

— Природную смекалку.

Она удивленно глянула на солдата. Тяжелая пехота — странный народ. Что именно делает бронированные кулаки любого взвода такими необычными? У них ведь одна задача, а именно встать перед любым надвигающимся мальстримом, выдержать натиск и огрызнуться. Просто.

— Вам даже не нужно знать грамоту, — сказала она.

— Снова начинаешь? Слушай, читать — это легко. Что тяжело, так это обращаться со словами в голове. Подумай. Десять человек читают одни и те же треклятые слова, но уходят с десятком разными толкованиями.

— У-гу.

— Вот почему есть правило: не давать тяжеловесам писаных приказов.

— Потому что вы смутитесь.

— Точно. Нас поймают эти толкования, нюансы, ссылки и допущения. Одни проблемы. Что капитан имеет в виду на деле? Когда он пишет, скажем, "выйти вперед". В какой перед? А если я задолжал ростовщику, поганой акуле, и на меня уже напустили псов? Тогда было бы точнее приказать "отходи вперед", верно? То есть, должен ли я отнести приказ к себе лично или...

Она искоса глянула на него. Слишком большой, чтобы уютно чувствовать себя рядом, костяные надбровья и тяжелая квадратная голова, под лохмами плоское лицо, которое поглотила рыжая борода, видны лишь широкий нос и крошечные голубые глаза с мягкими ресницами. — Ты о Первом взводе, да? Тяжеловесы выполнили приказ, только через ползвона все они были мертвы. Да?

— Я не о том, что было с Первым. Это лишь пункт в списке возможного. И ты

возможно, знаешь больше меня.

— Так что случилось с Первым, Фолибор?

— Меня спрашиваешь? Откуда мне знать? Откуда кому-то знать?

Она скривилась. — Кто-то знает.

— Так ты твердишь. Слушай, забудь Первый. Они ушли. Померли. Реальная мясорубка.

— Какого рода?

— Реального рода.

Они уже были поблизости от шатра, когда капрал Снек выскочил сбоку и перехватил их. — Вас-то я и искал!

Водичка подмигнула в ответ значительному взгляду Фолибора. Эти его предостережения. "Легкие пути".

Снек пытался подтянуть пояс, недоуменно глядя толстый живот, будто удивляясь сему неожиданному явлению. — Где Кожух? Нам нужен полный взвод. Капитан ждет.

— Он спустился в отхожую яму, — объяснила Водичка. — Плавает в дерьме и моче в поисках амулета.

— Того, что прячет в задку?

— Хорошая догадка, — сказала Водичка.

— Того, что однажды вылетел из его зада на языках пламени?

— Лучший газовый огонь, что я видел, сэр, — торжественно кивнул Фолибор. — Спорю, вам до сих пор жаль, что пропустили зрелище.

— Жаль — не то слово. Ну, так достаньте его. Вы оба. И без споров.

— Тогда мы трое опоздаем, — возразил Фолибор. — Может, перемените приказ, сэр, учитывая погрешность от излишней поспешности? Сейчас нет одного солдата, а тогда будет не хватать трех. Это половина Четвертого взвода, сэр.

— Более половины, — зажурчала Водичка. — Никто не видел Аникс Фро уже несколько дней.

Густые брови Снека взлетели. — Аникс еще во взводе? Я думал, ее перевели.

— Перевели? — спросила Водичка.

Брови сошлись воедино. — Не так?

— Разве приказ не приходил?

— Никогда не видел. — Снек всплеснул руками. — Но Аникс меж тем перевели!

— Не удивлен, что ее тут нет, — встрял Фолибор.

— погоди, Снек, — сказала Водичка. — Ты наш капрал, и ты не знаешь про приказ и перевод? Не похоже, что сержант стал бы о таком умалчивать.

Снек смотрел на нее в полном недоумении, пухлое лицо краснело. — Так и есть! Именно так, тупоумная ведьма! Он всегда и обо всем умалчивает!

— Так или иначе, менее половины, — принялась за свое Водичка. — Тяжеловес прав. Кто тут из Четвертого? Верно, капрал и сержант. Остальные принимают ванну в треклятой выгребной яме. Не дурно ли это пахнет — когда капрал только и умеет пожимать плечами на вопрос, где его пропавшие солдаты?

— Ох, Водичка, — сказал Фолибор, — знай, что я смеюсь внутри.

— Чего?

— Такое невинное выражение на твоём красивом личике. И ох, — добавил он, кивая ей за плечо, — вот и она.

Водичка и Снек разом обернулись к Аникс Фро, шагавшей примерно в их направлении.

Капрал сделал шаг. — Аникс! Сюда, чтоб тебя!

Она шагала не вполне прямо, но хотя бы старалась. Аникс выглядела бледной, но ведь она всегда выглядела бледной. Хотя глаза выпучивались чуть сильнее обыкновенного. Аникс Фро вообще была проклята болезненностью. — Бедная Аникс, — сказала Водичка, едва та подошла.

— Чем уж я такая бедная? — спросила Аникс. — И чего вы на меня уставились?

— Капрал Снек сказал, тебя перевели, — объяснил Фолибор.

— Правда? Хвала богам.

— Нет! — сказал Снек. — Тебя не перевели, проклятие. Но тебя нигде не было несколько дней.

— Нет, я была. Я знала, где я, все время. Слушайте, разве Чахлую Команду не кличут на сбор?

— Мы не любим это прозвание, — сказал Снек.

— Кто это "мы"? — удивилась Аникс. — Не мы прозвали нас Чахлой Командой, будь уверен. Это сделали почти все вокруг, капрал.

Содержательную беседу прервало явление из командного шатра сержанта Муштрафа.

Вдруг взволновавшись, Снек начал: — Все здесь, сержант, кроме Кожуха, который дерьмит амулет в яме. То есть...

Водичка, по природе жалостливая, вмешалась. — Он о том, что Кожух сейчас весь в дерьме, натурально.

— Ох, — сказал Фолибор, — люблю тебя, Водичка.

— Что? — воскликнула она. — Что ты сейчас сказал? — Но тут же снова поглядела на Муштрафа. — Суть в том, сержант, что Кожух потерял для встречи. Без амулета он не сможет усладить нас свистом из зада.

— Капитан не впечатлился... — начала Аникс.

Ворчание сержанта остановило ее и всех остальных. Все взоры обратились к Муштрафу, а тот смотрел в почти белое небо. Затем он сомкнул нежно-ореховые глаза и коротко постучал пальцем по спинке длинного носа, затем развернулся к шатру. Кратким жестом велел идти следом.

Водичка чуть заметно толкнула Снека в плечо. — За ним, идиот. Всё путём.

Командный шатер был забит. Но если бы там присутствовали все солдаты Второй роты Четырнадцатого легиона, кроме одного, шатер был бы забит еще сильнее. До невозможного. Водичка попыталась вообразить двенадцать взводов, вползших в шатер одновременно, и постаралась не улыбнуться; встала спиной к брезенту, как привыкла. Неловко было улыбаться, учитывая дурное состояние Второй роты и то, что большинство привычных лиц она уже не увидит.

На миг она удивилась: да что с ней такое? Общее настроение было подавленным, как и должно. Под командой капитана осталось три жалких взвода, пока не пришьют новобранцев. А когда это случится? Скорее всего, никогда. Слишком много мертвых друзей, о которых вспоминаешь... в том и проблема. Она никогда не вспоминала о мертвых. Они же умерли.

Скрестив руки на груди, она созерцала капитана, а тот озирал круг морпехов. Через пару мгновений он встанет и начнет речь, и всякий, кто знал его лишь по имени, будет пялиться в откровенном неверии.

Имя капитана было настоящим. Должно было быть. Даже давно покойный Бравый Зуё не смог бы изобрести такую кличку и приклеить к этому человеку. Было бы слишком идиотски. Она всматривалась в него, наслаждаясь представлением; а капитан опустил взор, изучая лавандовую шелковую сорочку, помедлил, поправляя манжеты и проверяя тонкие кожаные перчатки на длинных, тонких пальцах. Затем последовало быстрое, текучее вставание из кресла, левая рука взлетела под отмеренным углом к уху, пальцы порхали; напудренное до мертвенной белизны лицо изобразило улыбку, так что алые губы почти разошлись. — Дражайшие мои солдаты, приветствую!

"О да, дамы и господа, пред вами Грубит, наш возлюбленный капитан".

Скудно-Бедно встала так далеко от своего сержанта, как только смогла. Отгородилась Омсом, Бенжером и капралом Моррутом, и сумей она всунуть еще Скажу-Нет, так и был бы. Однако Скажу-Нет была левшой и всегда сражалась слева от Скудно-Бедно, и ничто не смогло бы изменить ее привычку.

Не то чтобы Скудно-Бедно не любила сержанта, не доверяла ему или еще что. Проблема была в том, что он вонял. Не сам. Воняла его волосяная рубаха.

Она слышала, что Штырь был последним Сжигателем Мостов. Но сомневалась, что он бывал среди этой злосчастной компании. Всегда бывают слухи, летающие над каким-то солдатом, что умеет напускать вид. Людям это нравится. Малазанской армии это нравится.

Нелепые намеки, смехотворные тайны, шепотки про одинокую фигуру, что бродит на границе лагеря, общаясь с Конными Духами Мертвого Отряда. С самим Искарком Джареком хрымом стражем Врат Смерти.

Лишь последний из Сжигателей стал бы поддерживать такое общение, соглашались все. Старые друзья, давно погибшие, их тела прозрачнее тумана, а их кони покрыты изморозью. Израненные товарищи, всё ещё в своей крови, шутят с сержантом в волосяной рубахе. Смердящей смертью.

Ну, сама она ни разу не заставляла Штыря далеко за огнями лагеря, беседующим с духами. А власяница его пахла смертью потому, что была сделала из волос то ли его матери, то ли бабки. Хотя и это может быть рассказнями. Кто стал бы носить такую дрянь? Штырь может быть странным во многих смыслах, но он не безумец. Но ведь рубаха откуда-то взялась? И в ней вполне могут быть волосы старухи, черные с седыми космами.

Да и зачем объяснения? Знаешь, не знаешь, вонь не меняется. Еще говорят, у Сжигателей Мостов были татуировки на лбах, мост в пламени — что же еще? — а у Штыря на лбу только оспины или знаки еще непонятно какой хвори. Куда более походящие на следы детской болезни, нежели на отметины морантских припасов. Их, кстати, тоже никто не видел уже десять лет.

Сжигатели Мостов. Охотники за Костями. Вороны Колтейна. В истории Малазанской Империи было много погибших армий. Мертвых, но не забытых. Не в том ли вся проблема, а? Мертвых нужно забывать, но, как всегда говорит Скажу-Нет, помнить — одно дело, за что помнить — совсем другое.

Она глянула на подругу из тяжелой пехоты, слева. Скажу-Нет подняла взгляд и пожала плечами.

Скажу-Нет всегда такое говорит. Но что это значит, во имя всех черных перьев мира?

О, капитан Грубит окончил прихорашиваться и встал.

Дай и Ори Громче из Второго взвода нашли общую скамью, и сидели тесно, ведь оба были здоровяками, и ни один не хотел уступать, так что началась титаническая битва — плечо, локоть и бедро против плеча, локтя и бедра. Каждый старался вытолкнуть противника с сиденья.

Дыхание стало громким, ноздри свистели, скамья кряхтела под двойным весом. Они не глядели один на другого. Зачем бы? Оба были похожи: кряжистые, уродливые, в шрамах и бородах, глазки блестят над свороченными носами, губы явно не умеют улыбаться.

Почти прижатый плечом Ори Громче Вам Хана искоса изучал его. Он чуть отодвинулся от остальных из взвода Шрейки. Его перевели из Первой роты, когда от той мало что осталось. А до нее он служил в Семнадцатом, когда начался мятеж в Гризе, и для подавления бунта потребовались жизни половины легиона. Вам оказался живучим, но перестал быть привлекательным. Говорили, что он оставляет за собой развалины. Не удивительно, что сослуживцы не спешили принять его с распахнутыми объятиями.

Однако в деле с Балком он показал себя вполне сносно. Что было, то было. Смелости ему достало, успел выставить щит между копьем и грудью капрала Подтелеги, заслужив небрежный кивок. Или это не был кивок, и капрал просто опустил голову, проверяя, точно ли грудь осталась невредима?

Но именно двое тяжеловесов сделали главную работу в той схватке. Дай и Ори Громче, как оказалось, ценили соревнование, особенно в бою. Вам Хана начал подозревать, что соперничество их дошло до крайних степеней. Стало кипящей ненавистью. Двое ни разу не обменялись словом. Даже не переглядывались. Не делились фляжкой. И тем не менее были неразлучны, один на шаг впереди другого.

Человек менее невезучий счел бы это забавным, размышлял Вам Хана. Он же находил в битве тяжеловесов какое-то болезненное наслаждение. Вот сейчас ждал, когда же треснет скамья.

— Увы, — сказал Грубит после дружелюбного приветствия, — в каждой местности есть свои разбойники. — Руки взлетели, спеша успокоить возражения, которых — насколько видела Водичка — никто не хотел выдвигать. — Знаю, дорогие, знаю! Какие же разбойники способны вывести в поле настоящее войско, сотни отлично вооруженных, превосходно подготовленных и необычайно стойких бойцов? Кулак уверил меня в недавнем послании, что достоинства сил Балка не были описаны в докладах разведчиков. — Он помедлил, изучая россыпь лиц. — Потому наша рота и заплатила тяжелую цену за победу.

— Но мы не победили, — сказала сержант Шрейка из Второго, крутя конец длинного черного локона. Томный взор скользнул по Штырю. — Если бы не захватили самого Балка, если бы его отряд не показал послушания, удивив всех, и не сложил оружия, когда Штырь поднес нож к горлу главаря, ну... никто из нас тут не сидел бы.

— Уверяю вас, Шрейка, — улыбнулся Грубит, — я еще не высказал всех похвал ловким действиям Третьего взвода, сумевшего захватить вожака бандитов.

Капрал Моррут подал голос. Он, как обычно, сидел рядом со Штырем. — Но план был вашим, капитан. Штырь всегда отдает должное, сэр.

— Было намерение отсечь змее голову, говоря точнее, — кивнул Грубит, при всей манерности не любивший полировать свой рог. Гм, подумалось Водичке, наверное, это не лучший образ. — Разве не было очевидным, что любой из офицеров компании Балка способен перенять управление после гибели вожака? Значит, смерть Балка мало чем улучшила бы нашу ситуацию. То есть, — добавил он, снова поводя левой рукой, — угроза

убить этого человека дала наиболее выгодный эффект. Короче, милые мои, нам чертовски повезло.

Тут закивали все.

Водичка имела обыкновение носить драный шарф, потрепанную полосу сероватого льна, которая некогда прикрывала глаза трупа. Не то чтобы труп в этом нуждался, ведь склеп был темным, и даже если досадные лучи света просачивались в щели между тяжелыми камнями, у мертвеца не было глаз, так что тряпка на глазах была ни к чему. Логическое мышление — вот что было ее талантом.

Старый дружок Бренох, помнится, был с ней в той гробнице. Проблема разграбления могил в том, что — гадай не ошибешься — в любой могиле уже успели побывать другие воры. Кое-где разграбление могил карается смертью; такой обычай она вполне одобряла, ведь он давал надежду наткнуться на курган, еще не раскуроченный.

Бренох пинал ногами груды мусора в дальнем углу, где просел низкий потолок. Сказал, будто нечто там заметил. Она не возражала, будучи довольной, что оказалась одна у открытого гроба — на известняке отчетливо выделялись следы лома, которым более прыткий ублюдок-грабитель сбросил крышку, грубо повалив на пол. Деталь, интересная лишь тем, что навела ее на мысль запастись парой ломиков для следующего дельца. Что же ее утешило? Вид ссохшегося тела ведьмы, лежавшей в гробу под слоями красивых тканей.

Почти все расхитители могил — мужчины, а мужчины не понимают в изящных вещах; пусть льняной саван был покрыт пылью, паутиной, кусками сухой плоти и пятнами той загадочной жидкости, что выделяют трупы (мать звала ее Худовым Медом), это все же был лен, а лен прекрасен.

Значит, Водичка взяла себе полосу ткани с глаз трупа, и так нашла две золотые монеты, которыми были прикрыты глазницы. Быстро припрятала их, но Бренох что-то заметил и стал подозрительным. В конце концов она рассказала про монеты, лишь бы прекратил нудеть. Бренох пришел в ярость, затем стал завидовать и жадничать, пока не пришлось его убить, когда он украл у нее эти монеты. Не помогли ни мольбы, ни уверения, что украл не он. Бедняга Бренох пополнил длинный список друзей, которых больше нет.

Водичка носила льняной шарф, чтобы скрыть татуировку в виде веревки на шее. Иные могли бы перепутать веревку с петлей висельника, что смешно: наколоть петлю — самому напроситься на неприятности. Но золотистая веревка в палец толщиной на шее, ни начала ни конца, означающая ее призвание и готовность убить стольких, сколько потребуется... да, это было *элегантно*.

Быть ассасином рискованно. Она избежала бы такого ремесла, если бы не ночь откровения. Кто это был из старых друзей? А, Филбин. Кое-что понимавший в магии. В Рашане, точнее, в сладкой магии теней. Он без особого усердия обучил ее паре штучек, и ее осенило. *"Котиллион, мой покровитель, Повелитель Ассасинов. Веревка. Но постойте, он был лишь половинкой, верно? Он и Темный Трон, вместе они выковали Империю. Кинжал и магия, соединенные воедино. Веревка и Тень. Но зачем двое? Ассасин-маг! Почему никто раньше не додумался?"*

Она стала бы первой и лучшей. Она выудила из Филбина всё, что тот знал, прежде чем пришлось... Бедный Филбин.

Ключ был в том, чтобы таить магию. Татуировка оказалась полезной, хотя и казалась идиотской. Вообразите, она показывает всем свою преданность богу ассасинов! Кто будет

так глумиться? Она, ведь это помогает обманывать. *"Одно дело знать, что некто — профессиональный убийца. Ты делаешь всё, чтобы защититься от ассасина. Не замечая тенистой тропы магии. И прежде чем догадаешься, вот она я, выхожу из твоей же тени и раз-раз-раз!"*

Муштраф знал, что именно досталось ему с Водичкой, и разумно использовал ее талант. Никогда не спрашивал, что заставило ее вступить в малазанскую морскую пехоту, если она могла избрать полную притворно-скромной роскоши жизнь в каком-нибудь большом городе, берясь за контракты от бесконечно враждующих аристократов. Если могла носить шелка и содержать иссиня-черные волосы в чистоте и уходе. Она знала, как быть *знойной*, или была уверена, что знает, а среди морпехов запроса на *знойность* не существовало. О, он никогда и ни о чем ее не расспрашивал.

Среди морпехов уже бывали ассасины. Например, Отброс, или Ларвин Дым-над-Водой или Калам Мекхар. Рано или поздно требуется ночная работа, а значит, приходит нужда в ней.

Она носила шарф из скромности, чтобы не пугать приятелей-солдат. О, все они знали о татуировке, и она почему-то наводила на них дрожь. А может, вовсе не татуировка заставляла их ежиться и щетиниться при взгляде на ее шею. Может, виной были два пятна Худова Меда на шарфе, очень похожие на два глаза. Хотя это же невозможно. Даже мертвец не может видеть сквозь золотые монеты, верно?

Она гадала, куда же Бренох дел украденные монеты. Может, проглотил. Было упущением не подумать об этом сразу же. Могла бы вспороть ему брюхо и вернуть пропажу.

— Было не особо смешно, — сказал Снек, пока они брели к скромным палаткам. В казармах оставалось много мест, но никто из выживших не был в настроении вселяться туда, слушать гулкое эхо ночной пустоты.

— Уж точно, — кивнула Аникс Фро. — Серебряное озеро. Не там ли было место мятежа Теблоров? Слышала, в ту ночь сгорело полгорода, а раз торговля рабами угасла, там больше нет денег. К чему нам туда идти?

— Приказы такие сложные, — сказал Фолибор и оглянулся на Водичку, морща брови.

— Вовсе нет, — ответила она. — Мы усиливаем тамошний гарнизон. На неопределенное время.

Однако Фолибор качал головой. — Именно что. Долго ли это, "неопределенное время"? Мы можем там состариться, тратя лучшие годы, пока не умрем от старости и не закончим дни в мрачном кургане. Знаешь, зимы суровы у ледникового озера, как будто мертвецам и так не холодно. Нет, мне не нравится. И думаю, капитан был не совсем точен. Говорят, гарнизон истребили рабы. Сколько осталось, семеро? Так будет точнее сказать, что они усиливают нас, а не мы их.

Сержант шагал чуть впереди; но, как обычно, Муштраф не даже не пытался уладить спор.

Попытался Снек: — Мы идем на север, к Серебряному озеру, Фолибор. Только это тебе и нужно знать.

— Так почему Грубит велел Штырю остаться позади? Они говорили меж собой, верно? Тут будут последствия. И даже осложнения.

— Штырь есть Штырь, — сказала Аникс Фро, будто это все объясняло.

Фолибор скосил глаза, но промолчал.

Прибыв в лагерь у западной стены форма, они нашли Кожуха у костра, он заваривал чай. Аникс изобразила, будто ее тошнит, и скрылась в палатку. Мушграф сделал то же, только не давился. Снек пошел было за жестяной кружкой, но оказался сравнительно близко от Кожуха и передумал, двинувшись в "Торговый кабачок" ниже по дороге, зажимая нос и рот.

Фолибор опустился на бревно рядом сослуживцем из тяжелой пехоты. — Кожух, воняешь.

— Это вонь торжества.

— Значит, нашел?

— Ты удивишься, что можно найти по колена в моче и кале, если хорошо черпать ситом.

— Ситом? — Водичка держалась на расстоянии. — Откуда добыл сито?

— Занял у Глины.

— А он знает?

— Ему не нужно знать. Я успел вернуть.

В тот же миг со стороны Второго взвода донесся вопль ярости. Солдаты оглянулись, но лишь на миг.

— Полагаю, вымыть не успел, — заметила Водичка.

— А сам я похож на мытого?

— В форте есть родник.

— Меня не захотели пускать. Гарнизонная стража нас не любит.

Чай заварился. Фолибор достал кружку и Кожух явил манеры, налив сначала ему, до краев, потом уж себе. Такие поступки делали Кожуха странным типом. Водичка не доверяла людям с манерами. Сдержанные, добрые, спешащие на помощь — что с ними такое? Что-то нехорошее. Будьте проклятуще уверены.

— У нас новые приказы, — возвестил Фолибор и подул в кружку. Затем шумно отхлебнул. — Серебряное озеро.

— Ну, это тревожит, — сказал Кожух.

— Знаю, — отвечал Фолибор. — Я сам говорю, да никто не слушает. А капитан болтает со Штырем наедине.

— Еще хуже.

— Точно, я сам так говорю.

Кожух надул изгвазданные щеки. — Серебряное озеро. Где Бог с Разбитым Лицом впервые пересекся с империей.

— Чего? — вздрогнула Водичка.

— Я и это хотел сказать, — заявил Фолибор, — да никто не слушал.

— Бог с Разби...

— Ты о Тоблакае. Но он поднялся среди пепла Восстания Ша" ик. Семь Городов. Рараку, не трепаное Серебряное озеро.

— До Рараку — Серебряное озеро, — настаивал Кожух. — Не настоящий Тоблакай. Теблор. Из тех падших, одичавших племен, что ютятся на севере. Помнишь рассказы об Атаке Идиотов? Три Теблора напали на город с гарнизоном? Это было на озере.

— Что? Думала, это было в Бринжеровой Стопе.

— Бринжеровой Стопы тогда не было. Поселенцы добрались лишь до Серебряного озера. Нет, Атака Идиотов была на озере, Водичка. Их вел тот, кого стали звать Богом с Разбитым Лицом.

— Знаменья, — бурчал Фолибор меж хлебками. — Изменения... последствия... то, что кипит под видимо спокойной гладью.

— Один из них считал себя псом.

Ошеломленная Водичка уставилась на Кожуха. — Что это значит?

Кожух пожал плечами. — Трудно сказать.

— Но важно, — буркнул Фолибор.

Мужчины кивнули и принялись допивать чай.

Водичка трясла головой. — Думала, Атака Идиотов была... ну, сто лет назад. Очевидно не в Стопе, раз ее не было. Хорошо, десять лет назад. Сама не знаю, почему подумала на Стопу, и почему решила, что это было сто лет назад. Я же не эксперт по северным поселениям.

— Уж точно, — согласился Кожух.

Она скривилась: — Хорошо, только не раздувай. Но я никогда не связывала Тоблака с Атакой Идиотов. Не связывала с Генабакисом. Говоришь, он Теблор? Какое племя? Сюнид или Ратид?

— Ни то, ни то, — ответил Фолибор, протягивая кружку за новым чаем, который Кожух тут же налил. — К северу есть другие кланы, высоко в горах. Сюнидов и ратидов истребили работорговцы, хотя не всех, как оказалось. Восстание на деле было освобождением сородичей. Позвольте догадаться: мы идем к озеру, потому что Теблоров что-то встревожило. Снова.

— Бог с Разбитым Лицом — вот что их встревожило, — заявил Кожух.

— Что? Он здесь?!

— Нет, Водичка, он не здесь. — Тут Кожух нахмурился. — По крайней мере, так мне говорили. Но ведь кто знает, куда боги идут и что делают.

Фолибор сказал: — Бог с Разбитым Лицом живет в хижине под Даруджистаном.

Водичка раскрыла глаза. — Точно? Но ради какого хрена? Что он там делает?

— Никто не знает, — заявил Фолибор, — но он не уходит оттуда много лет. Говорят, противится возвышению. Говорят, бьет любого поклонника, едва тот покажется. И знаете, к чему это ведет? Поклонников все больше. Ну, не понимаю я людей. Никогда не понимал и не пойму. Как плохо написанные приказы. Велишь кому-то убираться, а он возвращается через день и друга тащит с собой. Или трех. — Солдат пожал плечами.

Кожух заметил: — Но среди Теблоров появился его культ. Уверен.

— Ого, — пробормотал Фолибор. — Ты прав.

Зашуршали стенки палатки Аникс Фро, она высунула голову из-под полога. — Заткнетесь, а? Пытаюсь заснуть.

— Середина дня, Аникс! — рывкнула Водичка. — В палатке, наверное, воздух кипит!

— Вот почему я хотела, чтобы мы стали к востоку от форта.

— Но это означало бы яркий свет поутру и лужи пота. Мы ж говорили!

— А я говорила, что я ранняя пташка!

— Так утащи палатку на ту сторону!

— И могу! — Голова исчезла.

Стало тихо. Затем Водичка спросила: — Кожух, нашел куда припрятать амулет?

— Хочешь увидеть газовый огонь?

Капитан Грубит расхаживал по шатру. — Но хотел бы видеть, как вы пытаетесь. — Он

помедлил, рассматривая сержанта Штыря. Странно, не правда ли? Подлинный бывший Сжигатель Мостов. Однако он казался совершенно обыкновенным. Кроме гнусной власяницы. Грубит всегда тайно восхищался вычурными неистовствами моды. Однако... бывают же пределы.

Но вот он, человек из Легенд, ссутулившийся на высоком стуле. Разумеется, не из славных легенд. Но не осталось никого другого, и быть последним выжившим — уже престижно. Как бы. Быть последним в живых и, похоже, последним по значимости. Занимательное зрелище и ничего более, решил Грубит, ведь Штырь оказался одним из самых неразговорчивых людей, каких он знал.

— Вы ведь попытаетесь?

— Верность его под большим вопросом, сэр.

Грубит изящно развернулся на каблуке, возобновляя хождение. — Вы можете удивиться, дорогой друг, но я мало этим обеспокоен. — Он помедлил, всматриваясь. — Не удивлены? — Чуть подняв бровь, Грубит продолжил: — Да, любопытство вовсе не порок. Я ублажу его заранее. Но сначала хотел бы выразить озабоченность иным: как моя рота примет новость?

— Они примут, — заверил Штырь.

— Ах, глас уверенности? Какое облегчение!

— Новость примут, сэр. Но как будут с этим жить — другое дело.

— О. Хмм. Вижу разницу. — Капитан просиял. — Тогда — еще одно мудрое, утешительное слово от вас? Наверняка этого будет более чем достаточно... Боги мои, вы не уверены.

— Я смогу с этим жить, — сказал Штырь, чуть помявшись.

Высказанные с полным отсутствием выражения слова не смогли бы успокоить ни одного слушателя. — Сладость небес, вы поистине испытываете мою веру, сержант.

— Вижу, сэр.

Миг спустя Грубит воздел руки. — Послушайте нас! Снова забежали вперед. Один мост за один раз... ах, это лишь пословица. Как бы. Единственный и самый важный вопрос, на него нужно ответить здесь и сейчас, сержант мой Штырь: вы сделаете это?

Штырь встал и размял поясницу. — Будет нелегко.

— О?

Он пожал плечами: — При первом знакомстве я прижал ему нож к горлу, сэр.

— Конечно, это уже в прошлом!

— А теперь вы хотите пристегнуть его отряд и его самого к нам.

— Поистине. Разве это не поэтическое решение?

— Ага, сэр. Слово глоток душевного яда.

Грубит побелел. — Милый мой, какие стихи вы читаете? Ладно. Это остается элегантным решением нашего плачевного состояния.

— Они и довели нас до плачевного состояния, сэр, не забыли?

— В прошлом!

Штырь смотрел, как бы снова усомнившись в командире. — Вы что-то сказали об уверенности.

— Точно. Это порода Балка, сержант. Мы похожи, я и он.

— Вы?

— Положение, мой дорогой. Положение. Иным добродетелям не изменяют.

Штырь застыл на несколько мгновений. И спросил: — Его звание, сэр?

— Ах... о, знаю. лейтенант Балк. Ну, это даже звучит соблазнительно.

— Да, сэр.

— Штырь, вы понимаете, что просить должны вы. Явно не я.

— Не вполне понимаю.

— Ведь это был *ваш* нож! Вы заставили всех сдать ся.

— И стал их любимым морпехом, да?

— Ну, если бы вы перерезали Балку горло...

Штырь смотрел, пока Грубит не понял, что требуется нечто более прямое. Поглядел сержанту в глаза и сказал тоном холоднее: — Если бы я приставил Балку нож к горлу, в тот же миг голова упала бы наземь.

Глаза Штыря чуть расширились. Тишина затянулась. Наконец сержант хмыкнул. — Тогда я попрошу его.

Успокоившийся Грубит улыбнулся. — Превосходно, мой дорогой сержант Штырь.

У выхода из шатра Штырь замер, оглянулся. — Капитан?

— Да?

— Когда-либо пачкали руки... таким манером?

— Сладость небес! Больше, чем могу сосчитать.

Штырь промолчал, кивнул и вышел.

Грубит лениво подумал, почему подобные признания заставляют людей вздрагивать. Можно было бы счесть, что у тертых солдат шкуры потолще. Очень интересно.

Пожимая плечами, он сел за офицерский стол и поднял зеркало, тихо мурлыча, и принялся подкрашивать губы.

Что-нибудь всегда происходит. Вот почему дури нет конца.

Карса Орлонг

Главарь разбойников Балк сгорбился на деревянной скамье камеры, прижал спину к холодному камню. Эта камера и еще три расположились с противоположной стороны от казармы, в которую упрятали его Компанию. Обыкновенно узилище предназначалось для случайного убийцы или пьяницы из солдатских рядов, которым требовалась скромная помощь в улучшении поведения. Иногда помогали кулаками, а иногда и ножом по горлу.

Штырь отослал охранника в коридор и подтащил его стул ближе к решетке. Балк искоса глянул на него и вернулся к созерцанию пола, на котором три крысы — явно со свернутыми головами — лежали небольшой симметричной кучкой.

Что-то в этом зрелище заставило Штыря нахмуриться. — Ты что, некромант?

Едва заметно блеснули зубы. — Нет. Вовсе нет.

Расслабившись, Штырь сел. — Он мертв.

— Кто?

— Самозванный барон Ринагг из Дурацкого леса. Похоже, уже давно был болен. При смерти. Мне так рассказали. Но мы получили от него всё, что хотели.

— И что вы хотели от него, сержант?

— Он кое-что имел на тебя, достаточно, чтобы склонить к соучастию.

— Соучастию в чем именно?

Штырь пожал плечами. — Так понимаю, вы были компанией наемников, но начавшееся как обычный контракт обернулось совсем иным. Разбоем.

Балк снова глянул, глаз было почти не различить в вечных тенях камеры. — Барон доказывал свои права на власть. Сборы и подати. Не разбой.

— Да уж, понял, — буркнул Штырь. — Но сборы и подати определяются империей. Чиновники, что ими занимаются, передают почти все налоги областному сборщику. Но никто не назначал Ринагга, и он никому ничего не передавал.

— Барон был солдатом, — сказал Балк. — Сражался с вторжением.

— Гм, да. И проиграл.

Мужчины помолчали. Затем Штырь встал и потер лицо. Выгнув спину, чуть поморщившись. — Ты из благородных, или так верит мой капитан. Человек чести. Наверняка твои приверженцы так думают.

— Лучше бы им было забыть обо мне, — ответил Балк.

— Убей я тебя, так и случилось бы.

— И тогда бы вы проиграли.

— Возможно. Но мне интересно, что ты делал с четырьмя сотнями опытных наемников, блуждая по Дурацкому лесу? Империя не нанимает. И дело было не в деньгах Ринагга. Вначале.

— Почему же?

— Потому что этот тип был никем. Даже облагая данью караваны и лесорубов к востоку отсюда, он не мог бы платить вам долго. Нет, он должен был иметь на вас что-то важное,

чтобы заставить трудиться бесплатно и даже набивать его закрома.

Балк отвернулся, старательно изучая стены. — Много понимаешь в наемных компаниях, сержант?

— Сталкивался с парой-другой. Да уж. Давно. Большинство с трудом держались вместе, даже когда добыча была славной. Покажи им бронированный кулак, и разбегутся. Так бывало почти всегда. За немногими исключениями империя легко покупала их и затем разделяла.

— Что за исключения?

Штырь сел спиной к стене. Скрестил руки. — Были два, может три.

— Элинские Щиты? Отряд Тюльпанов? Янтарный Камень?

Штырь осклабился: — Сосунки, все они.

— Дурак. Никогда не наталкивался на них, верно? Тюльпаны выставляли восемь полных рот...

— Время достойных наемников ушло, Балк. Ага, вы смогли разбить нас носы, но лишь потому, что мы были не укомплектованы. Плохо информированы. Пошли, ожидая встретить сотню неудачников.

— Вы пошли, собрав все силы.

— Да, утешайся. Знай мы лучше, твои солдаты встали бы поутру и увидели всех офицеров мертвыми. Включая тебя и барона.

— Не лицом к лицу, вот как. Просто ночные ножи.

— Ага, быстро и нежно.

— Ты точно ничего не знаешь...

— Ох, Балк, — сказал Штырь, опуская затылок на стену. — Багряная Гвардия. Серые Мечи. — Он склонил голову набок. — Волонтеры Мотта? Честно скажу, не уверен. Они были скорее племенем, а мы вторглись в их...

— Лжец.

— Не думаю, что могу причислять сюда Тисте Анди из Отродья Луны, — не унимался Штырь. — Не к наемникам. Они ни у кого не брали денег. К счастью, с Серыми Мечами мы встретились не врагами, вместе освобождали Капустан. Тот день мне никогда не забыть.

Балк встал и подошел ближе к решетке. — Точно думаешь, что я поверю, сержант? К чему эти игры?

— Не думай, что я верю тебе, — сказал Штырь, глядя на пленника сквозь опущенные ресницы. — Однако у капитана Грубита есть предложение. Ваш предыдущий наниматель мертв. Вторая рота далеко не в полном составе, но должна усилить гарнизон Серебряного Озера. Местный кулак одобрил шестимесячный контракт. Заработаете достаточно, чтобы возместить все убытки. В командной структуре ты будешь числиться лейтенантом.

— Контракт? Нас не разобьют, расовав по легиону?

Штырь оторвался от стены и двинулся к двери. Он не имел привычки повторяться. — Решай, потом сообщишь охраннику.

— Это против его природы, — заявила Водичка.

— Какой-такой природы? — спросил Вам Хана, собирая дощечки. — Белая краска уже сходит.

— Не краска, — сказал Глиняный Таз. — Свинец. Намазывайся им, и руки станут синими. Потом загниют и отвалятся. Но тебе будет все равно, ведь ты уже чокнешься. — Он

уоставил палец на Аникс Фро. — Говорю тебе, нужна правильная краска. Известняковая пыль и гуано, и пара капель льняного масла. А еще лучше просто позолотить проклятые штуки.

— Не будешь так добр закрыть говенную дырку? — сказала Аникс вежливо. — Дай человеку подумать.

— Бенжер не умеет думать, — сказал Глиняный Таз.

Водичка застонала, потирая глаза. — В том и проблема, — сказала она. — Здесь и сейчас. Аникс, деревянные плашки — не Колода Драконов, что бы ты ни твердила. К тому же, весь смысл Гамбита Скрипача в карточной игре Колодой Драконов.

— Ну, — взвилась Аникс, — у тебя *есть* колода, Водичка? Ты хотя бы ее *видела*?

— Однажды. В Г" данисбане. У Трехпалого Херахва, прежде чем он дезертировал. Только сказал что-то такое, будто нашел Путь Рук. Бедный Херахв.

Глиняный Таз захохотал.

Водичка уставилась на него. — Чего?

— Парень с тремя пальцами искал руки! Ха-ха-ха!

Бенжер выпрямился, бросая деревянный спил. — Ставлю против тебя Госпожу.

— Это же Рота Смерти. Ты не выиграешь, если таишься за Вратами.

— Я подумаю о победе потом, — отвечал Бенжер, хватая кружку и выпивая залпом.

Водичка издала насмешливый звук, вот только вышел он скорее похожим на то, что ей сдавило горло. Торопливо выпила из фляжки, удивляясь, почему такое происходит с ней снова и снова. — Просто выжить сейчас, да? Я ж говорю, это не в природе Бенжера. Прижмите Бенжера к стенке, и он станет искать окно.

— Прижмите к стенке меня, я сделаю так же. — Глиняный Таз выложил пару дощечек. — Икари затемнил прошлое, дал мне свободу. Нелюбимая бьет Госпожу.

Хмурясь, Вам Хана выложил и свою дощечку. — Черные Перья сбоку.

— Обложили! — зашипел Бенжер. — Давай, Водичка, сделать что-нибудь!

— Разве мы сдружились, Бенжер? Но если отдашь Корабас, которую припрятал под...

— Без торговли! — заорал Глиняный Таз.

— Почему бы?

— Вот в чем проблема игры без правил, — заметила Аникс Фро. — В каждой компании свои правила.

— Но это официальная версия, — настаивал Глиняный Таз.

— Нет официальной версии!

Тем временем Бенжер послал Корабас скользить над столом. Плашка спряталась под правой ладонью Водички.

— Вот, — сказала она. — Было совсем не трудно, да?

— Разрушила мою победу, — застонал Бенжер. — Но и худшим не буду.

— Верно. Я выдвигаю Церковь Угря. Немигающего Глаза, Владыки Знамений. Нелюбимая отворачивается, Пелена опускается. Слезы наполняют Реку, текущую сквозь Врата. Это потоп несчастий, охвативших спутанные ряды Войска Смерти. Все вы теряетесь, пропуская ходы, а тут летит Корабас, Убийца Магии. Конец миру. Моя победа!

— Ты подарил ей победу! — зарычал на Бенжера Глиняный Таз.

— Отдавая тебе худшую позицию. О да! Ну-ка, дай мне плашку Дважды Живого. Я начну следующий круг, ведь закончив при помощи Корабас, она повалила весь пьедестал.

— Не хочу играть, — сказал Глиняный Таз. — Политика, предательства, удары в спину. И чему я удивляюсь?

— Отлично, — сказала Аникс. — Дайте мне все плашки. Нужно поправить.

— Только запомните, у кого будет Дважды Живой.

— Запомню, Бенжер. Может быть.

— Обманешь — проклянущу, Аникс.

— Чудно. Как раз хотела опробовать Железную Пасть, и ты будешь мишенью не хуже прочих.

— Вот так угроза, — ухмыльнулся Бенжер. — Изобретение, которое не работает и даже выглядит глупо.

Аникс смела рукой все плашки в кожаный мешок, который туго завязала.

— Попомните слова Бенжера, все вы. Сможем повторить над его могилой. Ну, над кучей земли, которой покроют его жалкие ошметки.

— Бедный Бенжер, — сказала Водичка.

Глиняный Таз покачивал фляжку с элем. — Кого нужно проклясть, так Кожуха. Бенжер, я помогу тебе в игре, если ты проклянешь этот зловонный кусман ожившего говна.

— Мне нужны союзники, ведь со мной Дважды Живой.

— Может быть, — сказала Аникс. — Но тебе не найди много друзей с привычкой всех проклинать. Ты же целитель, не изрыгающая проклятия жоподырка.

— Изрыгающая жоподырка?

— Это скорее Кожух, — заметил Глиняный Таз.

Все, кроме Водички, засмеялись. Она же гадала, что они нашли смешного.

"Торговый кабачок" был полон, хотя, против обыкновения, не под завязку. Почти все три взвода были тут. Тяжеловесы заняли отдельный стол и о чем-то спорили. Сержанта Водичка разглядела лишь одного — ее Мушграф сидел за столиком, имея за компанию кувшин эля.

Не то чтобы никто не любил Мушграфа, мрачно размышляла Водичка. Скорее его никто не знал. Ну, все знали его, но и не знали тоже. Знали уже годы, и за эти годы успели понять, что узнать его невозможно.

И капралы взяли себе стол, четвертым был Омс, хотя сидел он, отодвинув стул довольно далеко от Моррута, Подтелеги и Снека. Вероятно, не нашел другого места. Она работала с Омсом. Он был компетентным, из последних саперов и ночной клинок, ведь саперов уже не использовали так, как они привыкли. У них было немного припасов, но весьма сомнительных. Не морантских, конечно. Имперские копии. Омс вечно жаловался, что каждый четвертый — дохлый. Не буквально, но в среднем каждый четвертый. А горелки имели обыкновение взрываться в руке, что совсем нехорошо. Она не понимала саперов.

Яркое воспоминание о последней битве, она была во фланге рядом с лесом. Питамбра из Седьмого вышел против шестерых с единственным жульком, бросил им под ноги. Но глина была слишком толстой, позже объяснял Омс, припас отскочил не взорвавшись, и миг спустя Питамбра был мертв. Потом кто-то наступил на жулек и лишился обеих ног. Слишком мало, слишком поздно.

Она помнила, что сама это сказала; потом сказала, что безногий бандит умер и уже не встанет на колени. Все вокруг смеялись. Он вспоминала, и кривилась всё гаже. Вообразите: смеются, хотя из роты только что выбили дерьмо. Сейчас, если кто вспоминал ту сцену, начинал описывать разбойника, прозванного Слишком-Малым-Слишком-Поздним, и все снова хохотали.

Малазанские морпехи любили смеяться по самым неподходящим поводам. Она не

понимала. Вот обокрасть мертвую ведьму, это было смешно.

И все же — бедный Питамбра.

Бенжер и Глиняный Таз покинули стол, за ними ушел Вам Хана, из компании осталась лишь Аникс Фро. Водичка поглядела на женщину. — Выглядишь больной.

— И правда, — согласилась Аникс. — Мне больно каждый раз, как ты это говоришь. А мне всего лишь досталась фарфоровая комплекция.

— Чего?

Аникс погладила щеку, похлопала ресницами. — Кремовая...

— Блеклая.

— Хрупкая...

— Мертвенная.

Аникс замолкла.

— Давай, — пожелала Водичка. — Услышим твоё описание этих мешков под глазами.

— Они от матери.

— И зачем взяла?

Аникс нахмурилась. — Я же говорю: они от матери.

— Так почему она отдала их тебе, и почему ты согласилась их взять? Что она сказала? "Вот, милая, я устала таскать эти мешки". А ты говоришь: "Да, мамочка", и вот она ты, выглядишь, будто жила под камнем.

— Это же взаправду? Ну, хорошая попытка. Всех тяжелых успела убедить, точно.

— В чем убедить?

— Что ты тверже шлюпочного сиденья, Водичка.

— Нужно было вступить в "Коготь". И не пришлось бы выслушивать всякие оскорбления. В "Когте" они разговаривают только об убийствах, да и о чем еще можно болтать? Особенно Когтям.

— Омс был в "Когте". Может, и остался.

— Омс? Не верю. Он никогда не говорит об убийствах. — Она поглядела на мужчину, сидевшего рядом, но не вместе с капралами. Очевидно, что-то указало ему на ее внимание, голова дернулась, он встретил ее взгляд и скорчил рожу. Она ответила тем же и вернулась к Аникс, успевшей деловито засунуть за щеку катыш ржавого листа. — Вчера днем он толковал о прыгучей штуке.

— Прыгучей что?

— Штуке. Внутри тела. Прыгает туда и сюда.

— Да что за штука?

— Полагаю, прыгучая.

Взгляд Аникс Фро стал тупым, глаза затуманились. — Наверняка притворялся.

— Омс? Он не умеет. Точнее, не хочет. К тому же он весь так и подпрыгивает.

— Не похоже. Похоже, что он почти заснул.

— Спрашивал меня о духах, призраках и богах и любят ли они трахать смертных и что, если один так и сделал.

Аникс сплюнула бурую жижу в запасную кружку, всмотрелась и отодвинула подальше. — А ты что, Водичка?

— Я сказала то, что сказал бы любой.

— То есть?

— О, сказала: "Нет, Омс, я не трахала тебя, так что отвали на хрен".

Аникс кивнула. — Без сомнений, аргумент. Так... кто ты из них?

— Из них кого?

— Дух, призрак или бог? То есть богиня.

— Я его не трахала, я тут ни при чем.

— А думаешь, кто-то... того?

— Омса? Зачем кому-то трахать Омса? Нет, он просто свистит. — Она сложила руки на груди. — Вот почему он не Коготь и никогда не был.

— Может, ты права, — согласилась Аникс. — В нет ничего магического. Почти во всех Когтях есть, ты же знаешь.

— Правда?

— Разумеется! Они ассасины-маги. Это требуется доказать, прежде чем даже мечтать о вступлении в ряды.

Водичка уставилась на Аникс Фро. Издавала звук, который значил... ну, что-то значил, она не знала, что именно. Затем выругалась. — Вот так всегда, чтоб меня! Как в могилах — всегда кто-то влез первым!

Подошел Глиняный Таз, взял кружку, выпил и убрел прочь.

Водичка поглядела на кружку, на Аникс, та встретила ее взгляд и поглядела на кружку, затем обе поглядели на кружку. Долгий миг спустя Аникс встала, кинула на плечо мешок с деревянными плашками. — Пойду рисовать.

— Снова свинцовой краской?

— Почему нет? У меня этого дерьма целый горшок. Главное, поменьше крутить их и вертеть. И всё.

— Может, оттого у тебя такой больной вид?

— Не больной. Фарфоровый.

Сержант Шрейка опустила кончик косы в вино, затем вставила меж полных губ и принялась сосать.

— Тебе точно нужно так делать? — сказал Вам Хана.

— Мы бросали кости, Вам, — сказала она, не выпуская косу и даже начав ее жевать. — Я проиграла.

— В вашем взводе мало людей.

— Бывало такое и прежде. Твоя репутация бежит впереди тебя. Не самая лучшая.

— Ничего не изменилось, — сказал Вам Хана с неким отчаянием, жалея, что слишком много выпил. — Удача есть удача. Госпожа дает. Но потом кто-то решил, будто у всех, кто вокруг меня, Господин отнимает. Несправедливо.

— Ты прав, — отозвалась она. — Закон Справедливости порушен. Советую подать жалобу матери-вселенной. Наилучший способ, разумеется, написать ее на черепке и бросить в пруд. Мне говорили, всегда срабатывает.

— Вы могли бы видеть во мне... знаешь, амулет.

— Могли бы, будь в тебе что-то волшебное. Правда в том, что ты самый обыкновенный. И пришел с прозвищем, намекающим, что успел его заслужить.

— Я заслужил его, потому что потерял слишком много друзей. Потому что в вашей жалкой вселенной нет вовсе никаких законов.

Шрейка погрузила косу в вино и принялась помешивать. — Моя вселенная вовсе не жалкая. В ней сплошные цветы, луга и бабочки под ярким солнцем летнего полдня. Хочешь

войти?

— Так точно.

— Не бывать тому. Ты слишком обыкновенный и еще разносишь неудачи. Вот теперь мы в тебя вляпались и если переживешь нас, клянусь, Вам Хана, я сломаю Стражу Врат вторую ногу, чтобы выйти и преследовать тебя весь остаток твоей Госпожой целованной в зад жизни. И своих морячков приведу.

Он смотрел, как она сует косу в рот и чмокает, напоказ и слишком громко. — Надеюсь, ты ею подавишься, — сказал он в итоге.

— Верь в мою удачу или, знаешь, в свою. А теперь иди напивайся дальше и перди в подушку кому другому. Ладно? Я жду Штыря.

Он встал, пошатнувшись, развернулся со всем оставшимся достоинством. Ушел. Ему и так не нравился "Кабачок", а особенно в эту ночь перед отправкой. Еще хуже, теперь что-то было не так. Он не смог бы рассказать, но такое ощущение бывало и раньше. Особенно в ночи перед катастрофами. Не стоило о нем говорить, никому, ведь в прошлый раз это чувство посетило его накануне легкой расправы над сотней бестолковых разбойников.

Похоже, жизнь его нашла новую траекторию. Он падает вниз по лестнице, больно ударяясь о каждую ступень.

Снаружи он помялся, позволяя себе омыться холодным дыханием ночи. Решив, что ненавидит сержанта Шрейку. С ее намоченной в вине косой и пухлыми губами, глазами томными и зовущими, словно два пруда, подбородком острым и полным, выступающей челюстью, широкой грудью и легкой хромотой, позволяющей ступать соблазнительно даже при такой увесистой заднице. И особенно ненавидит ее ум, весь этот сарказм, сочащийся наружу змеиным ядом. А более всего ненавидит тот факт, что она может делать с широким мечом всё, что захочет. Вообразите, разрубить мужчину напополам через грудь! Не поверил бы, не увидь он этого собственными глазами.

Это случилось сразу после того, как он спас жизнь капрала Подтелеги. Или сразу до. Так или иначе, тогда. Да, она слишком мясисто в плечах, но ведь она подпрыгнула для своего подвига, внезапной атаки, подошла к тому мужику с бока — он как раз поднял обе руки, чем-то размахивая, и она нырнула под локоть. Ребра трещали, словно костяшки сапера. Хрусь! Хрусь-хрусь! А потом поток крови, и он упал, захлебнувшись.

Он ненавидел ее всю. Так ненавидел, что готов был затрахать.

Но обыкновенным мужчинам типа него не видать удачи с женщинами типа нее, отчего ненависть еще сильнее. Жалкая вселенная снова показала ему самую блеклую из гримас.

Тут он пошатнулся от внезапного озарения. *"Твоя вселенная, Вам? Да, она точное твое отражение. Так было и так вечно будет. Ну, будь мужчиной и сожри это!"*

Чума черных перьев на удачу Госпожи. В следующий раз, в следующей схватке, следующем что угодно он пойдет вперед, моля о рывке Господина. *"Покончим. Покончи с этим, проклятый!"*

И тут он упал на колени, громко испустив газы.

— Это вопрос большего блага, — говорил Кожух, — и если приходится приковать нескольких бедных глупцов к клятой стене, ну, это лучше, чем клятый континент под водой, тысячи тысяч утонувших.

— Легко сказать, — возразила Скудно-Бедно, — не тебя ведь приковали к Буревой Стене.

— Я говорю о принципах, Скудна, и к ним мы адресуемся все время.

— Но твои принципы служат лишь заглаживанию мрачных деталей, Кожух. Вот почему я твержу, что Камнедержец поступил правильно.

— Мы толком не знаем, что сделал Камнедержец, — заметил Фолибор.

Скудно-Бедно обернулась к нему. — Типично, Фолибор. Это может тебя шокировать, но незнание не помогает защите твоей позиции. Лишь подчеркивает ее пороки, уж не говорю об ужасающих дефектах образования.

Фолибор заморгал. — Ты же пустилась в личные нападки, каковое поведение славится как последняя увертка в безнадежно проигранном споре.

— Ложь. Последней моей уверткой будет врезать тебе кулаком в рожу.

— Ха! — фыркнул Кожух. — Как будто физическое насилие не есть первый признак умственной слабости.

Женщина наставила на него палец. — Именно! Что же Камнедержец сделал на Буревой Стене? Остановил сражения! Все убийства и смерти окончились после его поступка!

— И мчатся ледяные глыбы, — пропела Скажу-Нет, — блестят серпы могучих волн, лишь камень недвижим веками. Из соли гривы скакунов, враги кружат у башни.

Готов ли сердце ты пожрать Поверженного Бога? Взойти по лестнице на бой с его несчастной дочерью? Так унеси клинок гранита, не воздымай над головой...

Тяжеловесы застыли, у кого-то заблестели влагой глаза.

Фолибор подался назад, вздохнул. Всего-то требуется немного поэзии, чтобы не взлетали кулаки.

— А как там дальше? — хрипло спросил Кожух.

Скажу-Нет пожала плечами. — Честно, не помню.

— Что-то насчет слепого глаза, — задумался Дай.

— Не та песня, — зарычал Ори Громче, сверкая глазами на Дая. — Ты вспомнил о "Балладе Ипшанка"...

— Нет, вовсе нет, — рявкнул тот. — Баллада Ипшанка имеет метр четыре-три-четыре, а барабан должен быть самой низкой октавы...

— Но кто-то должен отбивать контрапункт чечеткой!

— Только в Даль Хоне! Нигде больше не дадут и крошки за чечетку на барабанах. Ну тупица!

Фолибор удивил всех, врезав кулаком по столу. Полилось вино и эль. — Мы обсуждали принципы оснований истинной моральной добродетели, друзья. Скудно-Бедно решила сосредоточиться на судьбе Камнедержца у Буревой Стены, а также на Потоке Слез, очистившем Колансе. Могу ли я воспользоваться возможностью, приведя пример Подвига Без Свидетелей...

— Больше не надо! — вскрикнула Скудно-Бедно. — Если Гибель Охотников за Костями осталась без свидетелей, откуда мы о ней знаем? Это же лживая история. Нет, хуже! Придуманная!

Кожух привстал над стулом, оскалил зубы. — И что плохого в "придуманном"?

— Неведомы наши судьбы, — вдруг подала голос Скажу-Нет, — нет чар на этом пути, и крылья не станут защитой...

И вновь, пока она декламировала, все присмирели. Но Фолибор знал: это будет длинная ночь. Он смотрел на Скажу-Нет, моля всех богов, чтобы она помнила достаточно волнительных стихов...

Шрейка увидела Штыря, вошедшего в таверну и шагавшего к ее столику, но тут же углядела, что к ним подбирается Мушграф. Он успел первым. Шрейка ногой подвинула стул подальше от стола; сержант благодарно кивнул и плюхнулся на сиденье.

— Никому не придется по нраву, — начал он, мельком глядя на подсевшего к ним Штыря.

— Вам Хана напился, — сказала Шрейка.

Мушграф наморщил лоб. — И что?

— Вам Хана.

— Ну, я слышал. Но что?

— Старые рассказы верны. Вот доказательство. Когда собирается говенная буря, Вам Хана сразу напивается.

— Никакой говенной бури.

— Пока.

— Ну, — сказал Мушграф миг спустя, — тем хуже, что ты его не отпугнула.

— Говорила же, Штраф, плохая идея. Смотри, я сама с трудом не давала себе распустить руки. Он такой... щеночек.

Штырь и Мушграф переглянулись.

— Отваливайте оба. Какому-то взводу он точно отгрызет всё между ног. Вы знаете.

Подошел слуга, поставил кувшин дешевого натийского вина и поспешил прочь.

— Про кубки забыл, — заметила Шрейка, поспешно подвигая свой, чтобы ни у кого не возникало дурных мыслей. — Можете передавать кувшин туда-обратно.

Штырь спросил: — Так штучка с косой не сработала?

— Ох, он издавал стоны отвращения, но не мог отвести от нее глаз. Проще говоря, вышло наоборот. Думаю, если бы я ковыряла в носу... но нет, ничего не сработает. Мы, словно два магнита на столе, медленно ползем друг к дружке. Очень скоро... *щелк!*

— Четырехногий спинозверь, — сказал Мушграф. — То ли Шрейка, то ли Хана.

— А уродом его называла?

— Называла его обыкновенным.

— Попробуй уroda.

Мушграф громко выдохнул через нос. — Называй его уродом, этим не отменить факта, что он миловиден. Согласись, Шрейка. Хотя лично я, если бы пришлось видеть его личико каждое утро, повесился бы.

— Это потому, что ты ненавидишь всех.

— Я не ненавижу всех, Шрейка. Они просто меня утомляют. — Он моргнул. — Кроме нынешней компании.

Шпиль кашлянул. — Лейтенант Балк поведет свою колонну. Будем разбивать стоянки порознь до самого Серебряного Озера, но я предвижу перебранки и даже пару стычек. Нужно держать солдат в узде. Капитан желает, чтобы вы это поняли. Едим сообща.

Шрейка откинулась назад, принявшись купать кончик косы в вине. Затем скорчила рожу, отбросив косу. — Предвижу эпическую битву на провианте и потери с обеих сторон. Предлагаю начать первыми: пусть Омс засунет трещалки в хлеб. Знаю, трещалки нужны, чтобы пугать лошадей, но если такая взорвется во рту, человек весьма удивится.

Вздохнув, Мушграф отозвался: — Империя уже не та, что прежде. Платит наемникам. И если этого недостаточно, как насчет найма тех, с кем мы еще вчера бодались?

— Предыдущий их наниматель помер, — заметил Штырь.

— Посмотри на нас, — резко сказала Шрейка. — Осталось трое.

— Зато совещания будут краткими, — ответил Мушграф и тут же махнул рукой. —

Знаю, шуточка дурная. Прости. Нужно быть как Водичка.

Брови Шрейки взлетели. — Водичка? Твоя магиня с ножом?

— Но никто не знает, что она владеет магией.

— О чем ты, Мушграф? Все знают!

— Она не знает, что все знают.

— Что делает ее идиоткой, — бросила Шрейка. — Считаешь, все мы должны стать вроде нее? Идиотами?

— Она не видит реального мира, — объяснил Мушграф, — и даже людей вокруг. Она живет в своем личном месте, и каком месте! Полном мертвых друзей и живых друзей, которые скоро умрут, разумеется. А тем временем всё иное просто не существует! — Он сел прямее. — Завидую ей.

Шрейка окунула косу в вино и обсосала.

Оба солдата внимательно смотрели на нее.

Она оскалилась, вытащила кончик косы изо рта. — Дранные мужики, все вы одинаковы.

В то время северными малазанскими провинциями на Генабакисе командовала кулак Севитт. О Севитт мало что известно, и вряд ли мы узнаем больше. Будет забавно представить историю как ряд свидетелей, выстроившихся пред нами и пытающихся говорить; но лишь у одного из десяти или двадцати рот не зашит нитками. Прошлое по большей части немо, а те выкрики, что все же донеслись до нас в настоящее, кажутся пародией на предзнание. Спорить готов, что любой и каждый разрушенный монумент был поставлен в честь глупости. Мудрость не выживает. Лишь тщетная слава, гордыня и фарс идиотизма.

Ох, о чем это я? А, кулак Севитт...

Кахаграс Пилът, Предисловие к "Введению в предварительные размышления о переосмыслении истории", Великая библиотека Морна

Поселение Серебряное Озеро в провинции Мелин

Хотя он и был охотником почти всю жизнь, той ночью ни разу не подумал разбудить жителей городка. Он давно не был ребенком. Много повидал и уже знал, когда следует отложить лук, найти насест поудобнее и молча созерцать нечто удивительное.

У животных бывают повадки. Так легко думать, что это всё, что у них есть. Питаться, размножаться, растить потомство. Убегать от опасности и огрызаться, если загнан в угол. Он видел, как зверь ведет себя в страхе, в ужасе, в боли и отчаянии. Даже видел, как звери прыгают с обрыва, идут на смерть, и стадо становится единым существом, слепо убегая от того, чего даже не успело увидеть.

Он видел и других животных, хищников в погоне за добычей, знал, что нужда зачастую бывает жестокой и беспощадной.

У жизни свои узоры, иногда малые, иногда столь большие, что трудно бывает осознать. Растения, животные, люди. Все они вплетены в узор, хотят того или нет, признают это или нет. Время толкает всё и вся вперед; можешь плыть в нем, можешь сопротивляться.

В ту ночь, что еще не окончилась, поверхность озера нашла новый узор, какого охотник еще не видывал. Под разбитой половиной луны, объятые серебристыми молниями, под тихий рокот воды и треск сталкивающихся рогов карибу плыли по озеру. Тысячи или даже десятки тысяч.

На северном берегу озера стоял таежный лес, устья оврагов и ущелий скомканной картой расползались на восток и запад. Наверняка эти русла возникли задолго до озера, и былые потоки уходили в трещины скал, сквозь провалы и подземные реки. Мягкий пейзаж простирался и на север, огибая обточенные бока гор Божьей Тропы, постепенно понижаясь в болота, а далее на сотню с лишним лиг лежала тундра.

У стад есть повадки, но никогда они не мигрировали так далеко на юг. Охотник был уверен. Карибу зимовали в лесу и весной обычно шли на север, по древним тропам в болотах, и дальше, по пологим холмам тундры.

Охотник никогда не заходил так далеко, но слышал рассказы жителей лесов северо-востока, торговцев мехами, янтарем и диким рисом. И сам иногда ловил карибу в лесу.

Понадобилась целая ночь, чтобы переправилось стадо. Случись такое дюжину лет назад, он помчался бы в поселение, собрав как можно больше охотников, и они устроили бы побоище, мечтая о горах мяса, всех этих шкурах и целом состоянии копыт.

Жажда крови, решил он сейчас, самое стойкое чувство, но ушло и оно. Он устал от убийств.

Так что сидел, созерцая зрелище под серебристым лунным светом. Тысячи стали одним — одним нарушением вековой повадки. Не стоило лишь сидеть и восхищаться. Тут могла быть дюжина причин, и все важные, все следует разузнать... но то, что завладело его душой, заняло его мысли, пока ночь медленно ползла мимо и звери выходили на берег и разбегались, направившись на юг по пастбищам и обширным топким лугам на месте сведенных лесов, было куда как более глубоким. Люди смотрят на зверей и видят в повадках инстинкты, видят в зверях рабов своей природы.

Во многих смыслах так и было. Но увиденное ночью показало охотнику, что любое животное — каждое животное — не только собрание инстинктов. Что звери не отличаются от людей. Каждая жизнь жива. Жива на людской манер. Надежды, даже мечты. Желания, о да, наверняка у них есть желания.

"Не желаю тонуть.

Не желаю, чтобы моего теленка утянула вода или сожрали волки.

Не желаю, чтобы стрела остановила мое сердце. Или пробила легкое, заставив захлебываться кровью, слабея, шатаясь, падая на колени".

Когда небо начало бледнеть, остатки стада покинули озеро, бредя в глубь лугов среди южных туманов. С мокрыми щеками он смотрел, как они уходят.

Приятель-охотники придут в ярость. Многие помчатся по следам, чтобы звери падали под ударами стрел. Но самое опасное, самое уязвимое для стада время миновало.

Лишь затем он решился сойти с холма, собрать заячьи силки и спуститься по дороге в этот последний день убийств. Последний.

Таверна "Трехлапый пес" стояла на конце улицы, у озера, занимая угол прибрежной дороги и главной улицы городка. Под нависающим над дверью балконом уместился огромный череп коня, в два раза больше нормального по южным, людским меркам.

В таверне над каменным камином бара висел закопченный череп серого медведя без нижней челюсти. В сами камни очага был вделан череп Теблора, свод над глазами весь в трещинах и вмятинах.

Глядя на север, за озеро, на туманные горы, Рент всякий раз воображал себя в мире, в котором он стал маленьким, незаметным для зверя и человека. Ребенком он восхищался тремя черепами "Трехлапый пса", но восторг — все чудеса воображения — не пережил череды болезненных откровений роста. Давние друзья перестали играть с ним, начав избегать.

Истины не заставили себя ждать. Весь город знал, что мать его поразило безумие. Все считали ее больной, хотя Рент был ребенком и мать была единственным окошком в мир взрослых и естественно, он считал ее нормальной. Взрослые, понял он затем, имеют по два лица. Одно показывают днем, в общественных местах; и другое надевают ночами, в своих домах.

Он долгое время считал и алые зубы матери нормальными. Пока не осознал иное и в миг сконфуженного откровения не услышал слова: "улыбка шлюхи кровяного масла". Что добавило новый пункт в список слов, которые пока непонятны.

Кажется, ему было девять лет, когда он вырос выше любого взрослого в Серебряном Озере. А прежние друзья сбились в трусливую банду и швырялись камнями — с другой стороны улицы. Еще через два года взрослые смотрели ему чуть выше пупа. А дружки бросали камни всё увесистей. Вскоре все в городке звали его теблорским полукровкой и слали ему всю ярость, родившуюся во время мятежа рабов.

Конечно, он видел рабов-Теблоров и успел понять, что череп в камине тоже принадлежал Теблору. Но долгое время он не связывал этих великанов и свой быстрый рост, ширину в плечах и дикую свою силу.

Мятеж был кратким, но жестоким. Вольные Теблоры, не ведающие кандалов и цепей, пришли с гор освобождать сородичей. Убивали всех, кто решился им сопротивляться. Это заняло одну ночь, и он мог видеть из окошка своего дома на Прибрежной улице лишь тусклое зарево пожара рабьих барачков далеко справа и россыпь недвижимых тел на немощной улице внизу. Доносившиеся вопли заставляли кожу покрываться мурашками.

С той поры к страху добавилась злоба и Рент, печалившийся потере друзей, отчаянно пытавшийся понять причину их измены, оказался еще более одиноким. В таком одиночестве, какого не мог вообразить.

В матери он не мог найти большого утешения. Истина медленно входила в разум Рента, осознание того, что она была ненадежна и непостижима, что дикий лихорадочный блеск в глазах не был признаком любви, ничем подобным. Это было *безумие*. Ее улыбка не была признаком чувства. Это была улыбка шлюхи кровяного масла, полная алчной нужды.

На своем чердаке, оттащив кровать как можно дальше от окна, он застыл, сжавшись клубком, весь в смятении; соломенный матрац был колючим и влажным, в комнате пахло чем-то незнакомым.

А она бродила внизу, издавая вопли попеременно со всхлипами, и вместе с всхлипами доносились звуки кулаков: она била себя по лицу, до синяков, в кровь, и кожа лопалась там, где вспухла слишком сильно.

Из своего закутка он видел лишь тусклое озеро и смутные тени туманных гор, почти обесцвеченных грязным стеклом. Он не видел ее лица. Но знал, на что оно походит.

Ведь она хихикала, плакала и била себя по лицу и когда оседлала его, сжимая бедрами, а он смотрел снизу, не понимая, и странное ощущение возникло между ног, и штука для писанья отвердела и удлинилась, и болела, потому что попала вовнутрь.

Глаза безумия. Улыбка кровяного масла. Внезапные сполохи ужаса. Кулаками по лицу, чтобы кровоточили разрывы, ноздри, глаза. Пока эта его часть пронзала ее, Рент думал о втором имени, которым его звали. Ублюдок Кровяного Масла.

Он не знал, что такое Кровяное Масло. Может, их фамилия? "Ублюдок" означало, что у него нет отца. Это он понимал, это было очевидным, ведь друзья пользовались словом "отец", а он нет. Хотя "матери" были у всех.

У некоторых "отцы" были убиты во время мятежа.

Смятение охватило все его мысли. Не только от безумия матери и того, что она сделала впервые. Впервые для него. Он видел ее с другими мужчинами, ведь такова была ее работа. Мужчины платили, и тем жили она и сын. Рент решил, что теперь сам должен ей заплатить.

Дело не только в загадке кровавого масла, которое было не единственной фамилией вероятного отца — отца, которого нет — ведь пьяница Менжер, владелец "Трехлапного пса" однажды попытался пнуть его в переулке за таверной, где Рент привык прятаться, играя с парой бродячих собак, а когда нога промахнулась, Менжер с искаженным лицом проклял Рента.

"Тащи отсюда свой вшивый остов! Думал, ты единственный ублюдок, оставленный за собой треклятым Разбитым Богом? Полукровка Карсы Орлонга! Нет, ты не был единственным, но с остальными мы покончили давным-давно! Зарезали, едва они явили знаки поганого родства с Теблором! И с тобой нужно было так же! Ублюдок Кровавого Масла!"

Вот что тревожило его всего сильнее. Карса Орлонг. Это имя выпевала мать, скача на нем с безумными глазами и улыбкой кровавого масла, пока Рент лихорадочно искал способ ей заплатить, ведь без этого им нечего будет есть.

А он и так всегда был голоден.

Закончив, она уползла с чердака под сопровождение стонов, а он сжался клубком, ожидая, когда же встанет солнце.

Теперь, в нарастающем свете, он смотрел в окошко. Через тусклое озеро, на смутную черную полосу леса и зубчатые склоны таких далеких горных вершин.

— Рент!

Он пошевелился в ответ на сиплый зов. — Ничего не добыл! — ответил он и внезапные слезы залили глаза.

— Рент! Слушай! Ты слышишь? Нужно уйти.

— Уйти куда?

— Отсюда. Беги. Оставь город и никогда не возвращайся! Я не могу. Не буду. Нет куда. Это несказанный закон. Не могу. И ничего. — Затем она что-то тихо забормотала. — Слушай. Найди Теблоров, что сбежали — они знают тебя. Защищали тебя, но теперь их нет, понял? Люди убьют тебя и скоро! Это не мне. Не мне они платили, а лихорадке масла. Получали вкус, лишь вкус, и возвращались, а ты, ты... Нет. Уходи. Я не могу. Не буду.

Кулаками по лицу.

Он сморщился. — Не надо. Прошу, не надо.

Удары затихли. Голос изменился, став безжизненным. — Иди. Сегодня. Сейчас же. Если не уйдешь, убью себя.

— Я заплачу! Вот увидишь!

Она завопила, и резко затрещала лестница — мать лезла вверх. Он сжался сильнее.

— Заплачу. Обещаю.

— Никто не получал достаточно, Рент. Останешься, и с тобой будет так же. А я не хочу. Не хочу. Лежи у себя, да. Знай, я люблю тебя всем сердцем. И сейчас пойду и широко перережу себе горло.

Он, кажется, зарыдал, хотя никогда еще не издавал такого звука и не вполне понимал, что он значит; но внезапно движение охватило его тело, он метнулся мимо нее, комкая одеяло, скользнул через край люка. Рост его более чем равнялся высоте лестницы.

Бег к двери. — Не надо! — вопил он, не смея взглянуть. — Не надо!

Потом он бежал по главной улице к полосе гравийного пляжа — и там были животные, выходили из воды. Вроде мелких лошадок, но с рогами. Много. Они разбегались перед ним, а он брел, чуя запах сырых шкур, видя плюмажи дыхания в холодном воздухе и пар над

спинами.

Поскользнулся в грязи и упал под ноги.

Мир залило слезами. Мать перерезала себе горло. Потому что любила его. А он не мог заплатить.

Топот копыт затих. Он поднял голову. Животные убегали. Он лег набок на камни в грязи и глянул через озеро.

Он смотрел вдаль, на север, на линию черного леса. На место, где обитают огромные звери. И Теблоры.

Встал на ноги и понял, что держит одеяло. Он давно его перерос. Скомкал под левой рукой и пошел по берегу, затем в ледяную воду.

Поплыл.

Псы еще лаяли на фермах, пока последние дюжины карибу покидали взлохмаченные поля, стремясь к остаткам леса за городком. Следя за карибу, охотник гадал об их участи. Боялся, что едва разнесется новость, их ждет истребление.

В силки попало пять зайцев, одна из них зайчиха с детенышами в чреве. Ему было жаль ее. Зима выдалась суровой, на зверьках мало мяса. Истина в том, что границы вольности отодвигались. Все больше селений пускало корни, рассылая вокруг людей с топорами и огнем; очень скоро в охотниках не будет большой нужды.

Лет десять или двадцать назад, моложе, он рассердился бы, кипя гневом и готовясь бежать от наступающей цивилизации. Мир казался огромным, но он гадал: не наступит ли день, когда исчезнут последние дикие места, а старые охотники вроде него сядут в тавернах, напиваясь элем и тоскуя, или бессмысленно бродя по улицам и переулкам. Новые жертвы прогресса.

Но мысли просто порхали по поверхности разума. Единственный важный прогресс — продвижение твоей жизни, день за днем. Остальное — чужие проблемы. Он был не из тех, что способны вспылать белым гневом от мыслей, вытянуть руку, как скелет из могилы, смехотворно пытаясь сделать всё таким, каким оно было раньше.

Что ж, если животные уходят, значит, место их занимает нечто ужасное.

Дорога стала грязной, камни вывернуты, повсюду борозды. Скоро может показаться команда рабочих для починки. Они будут браниться и сыпать проклятиями, в жарком дневном воздухе повиснет запах навоза и травы, но мало кто вообще заметит, что сменилось время года.

Поглядев налево, он изучил озеро, замечая, как плывет облаками взбаламученный ил. Там и тут воду пятнали туши. Здешние воды были холодными.

И тут он застыл, щурясь. Что-то еще билось в воде. Он смотрел, пока не уверился, что видит поднимающуюся и падающую руку. Поискал днище перевернувшейся лодки — но пловец, казалось, был там один.

И был обречен.

Если не помочь, его станут преследовать укоры совести. Он был уверен. Равнодушие имеет свою цену, он устал ее платить. Человек побежал, пересекая мосток над Вонючим ручьем, к берегу, на который вытащили рыбацьи лодки. Так рано весной рыба и угри еще дремали в донном иле. Выползание угрей на мелководье и в луговые ручьи случится через месяц. Даже здесь год имеет тощие сезоны, и сейчас как раз был такой. Почти все лодки никто не трогал с осени.

Никого не было на берегу. Слишком раннее утро. Однако он заметил скиф старика Капора, старый рядом с новой лодкой. Скиф прохутился, его не спускали в воду с прошлого лета, но охотник взял его. Старина Капор не сильно обидится, ведь наверняка оставил суденышко на выброс.

Он перевернул скиф, бросил внутрь зайцев и потащил лодку на воду. Пловец еще виднелся, хотя рука двигалась тяжелее.

Через несколько мгновений скиф был на воде, охотник прыгнул внутрь. Не ставя мачту — ветра почти не было — он вложил весла в уключины на ветхих выветренных бортах.

Гребля была тяжелой, непривычной работой, и вскоре он покрылся потом. Оглянулся на берег: показались первые жители, темные фигуры на Центральной улице. Затем первый рыбак сошел на пляж с ведром в руке. Не Капор. Может, Вихун, он ходит такой вот раскорякой. Рыбак помялся, заметив охотника на озере, но затем пошел дальше. Вихун не был наделен избытком воображения и мало чем интересовался.

Охотник поднял весла, повернувшись, поискал пловца. Протекло несколько вдохов, и ничего. Рука уже не поднималась в отчаянных взмахх. Охотник уложил весла на борта и осторожно встал, широко расставив ноги, чтобы лодчонка не качалась. И увидел. Вон там... или нет? Плавает, но неподвижно.

"Наверное, лишь труп. Я рвался сюда ради ничего". Этот труп был слишком далеко, кто туда доплыл бы? И он слишком большой, а цветом...

— Дерьмо. — Он сел и схватил весла, принявшись грести.

Взор его был уже не столь острым. Но там человек, прицепившийся к вздутому телу карибу. Он был уверен. Плечи болели, так сильно он налегал на старые весла.

Ренту снилось, что он стал очень маленьким. Сначала пропали ноги, потом руки и почти все тело. Он был лишь плечами, шеей и головой, и всё это покоилось на вонючей мокрой шкуре странного зверя, как на плавучем бревне. Однако он замечал, как шерсть скользит по щеке, и понимал, что долго на странном островке не удержится. Скоро пропадут и плечи.

Было очевидно, что годы роста потекли назад, уменьшая его все сильнее. Для мира он был слишком высоким, слишком большим, опасным и страшным, ему доставались лишь резкие слова и режущие камни. Так что он начал отходить, уменьшаться, и солнце было теплым на щеке и вода перестала быть ледяной, и было приятно вообразить, как он станет столь маленьким, что не увидит никто.

Но тут его встряхнуло. Было слишком трудно открыть глаза, но он слышал плеск, кряхтение и скрип дерева. Веревка шлепнула по щеке. Голову повернули, и движение было необычайно гладким. Какой-то узел коснулся плеча, давя все сильнее. Плечи ползли по борту, задевая какие-то кругляши. Он ощутил пропажу меха, застонав от потери.

И услышал слабый, далекий голос: — Еще жив, вот как. Оттаивать будет больно. Думаю, очень. Извини же.

Снова движение, вечность движения, пока затылок не коснулся покрытого песком дерева, возник запах чешуи, а солнце перекатилось на другую сторону неба, подсушив привыкшую к мокрому меху щеку, и всё вокруг тряслось, но вскоре нашло колыбельный ритм, подчеркиваемый чьим-то кряхтением.

Затем уменьшение окончилось и он снова стал расти, опаленный солнечным огнем.

— Говорят, у некоторых полукровок два сердца. Будь ты из невезучих, будь у тебя один

барабан в груди — уже помер бы. Те полукровки чахли за несколько лет, едва тело становилось слишком большим для одного сердца. Сегодня тебе, парень, пригодилось запасное. Будь я проклят, какой размер! Ты проплыл больше половины озера. Трудно поверить.

Рент сосредоточился на голосе — не потому, что понимал, о чем говорит человек, но потому, что это было лучше ощущений боли и огня, что ползли по растущему телу.

— Позволим солнцу оттаять тебя быстро и нежно. Можешь разжать пальцы левой руки? Мокрое одеяло нужно выжать. Сейчас оно скорее похоже на ледяной ком, спорить готов.

Рент ощущал, как плещется вокруг вода. Холодная, не ледяная. Её все больше.

— Боюсь, долго говорить не смогу. Нужно поберечь дыхание. Мы тонем. Северный берег, или нам конец. Тебе не пережить нового погружения, да тут и не вода, а ледяная каша. Вижу целые глыбы льда.

Рент поднял руку, вторую. Сумел выпустить одеяло. Затем открыл глаза и сел.

Мужчина на веслах вздрогнул. — Боги подлые, так быстро? Какие два сердца? У тебя должна быть дюжина сердец или еще больше.

Рент узнал этого мужчину. Из охотников, тех, что выслеживают беглых рабов и водят ловцов в глубь теблорских земель. Раньше был солдатом. Тот самый человек, что убил серого медведя, череп которого украшает зал "Трехлапного пса". — Выследил меня, — сказал Рент, горбясь у борта, слова были скомканы. — Говорят, ты лучший. Теперь отвезешь назад и меня убьют.

— Убьют? За что?

— Мать перерезала себе горло. Из-за меня. Потому что я не мог ей заплатить за работу.

— Тебя, кажется, зовут Рент.

Парень кивнул.

Охотник налегал на весла, но лодка еле двигалась. Воды было до середины бортов, она плескала на сиденья. — Я никуда нас не отвезу.

Рент повел рукой: — Дай весла.

— Тебе?

— Чтобы не думать о всяком.

— Всяком?

— Огонь. Мать.

Охотник колебался, но потом отпустил весла и перебрался на нос. Нашел прицепленную деревянную чашу и принялся вычерпывать воду.

Рент заставил себя сесть на скамью, изогнулся, беря весла. Опустил лопасти в воду и нажал.

Лодка рванулась вперед, охотник ударился коленями и выругался, омоченный ледяной водой. Но затем принялся за работу и даже нашел вдохновение, черпая воду без остановки.

Странное дело, гребля уменьшила боль. Рент дышал спокойнее, болели лишь ноги в воде, но охотник успешно соревновался с протечкой.

Лишь теперь заметил он веревки на груди, ощутил двойные узлы над лопатками и бронзовую петлю на груди. Рабы путы. Он уже такие видел. — Веревки, — начал он.

— Всегда ношу веревки, — отозвался охотник. — Бронзовые кольца и кожаные ремни. И походный котелок, он нам тотчас пригодится на северном берегу. И мясо есть, хотя после лежания на дне Капоровой лодки малость пересоленное.

— Эти путы.

Миг заминки, затем: — Ага. Но те дни миновали.

— Ты получишь награду.

— Видел, как мать перерезала горло?

— Я сбежал, — ответил Рент. — Она сказала...

— Слова могут заморозить кровь, но не выпустить. Готов спорить, она не стала бы делать, что обещала... да, он безумна, твоя мать, но коснуться клинком своего горла? Особенно с Проклятием Кровяного Масла? Это же сам жар похоти. Она хотела, чтобы ты покинул Озеро. И это было разумно. Но что за богомерзкий способ заставить тебя сбежать!

— Мое имя проклято? — сказал Рент. Он не был готов верить охотнику насчет матери. Еще не готов.

— Что?

— Кровяное Масло, мое фамильное имя. Ты сказал, это проклятие.

Похоже, вопрос обидел охотника, ибо он молчал. Деревянный черпак скреб по дну, выбрасывая лишь брызги грязной воды. Лодыжки Рента освободились и зудели, будто покусанные полчищем муравьев. Он греб, не решаясь задавать новые вопросы.

— Тише, Рент. Обернись. Видишь впадину за упавшим деревом? Веди нас туда.

Они были почти на берегу. Но лишь несколько мгновений назад он был на днище старой лодки, плывущей в никуда. Рент усомнился в истинности мира. Он вырос, только чтобы уменьшиться и снова расти. Но на этот раз он рос иначе. На этот раз мир не был слишком мал для него. Лишь некоторые места.

Киль коснулся жестких камней, нос уперся в кусты. Охотник метнул аркан на сучья, чтобы привязать лодку. — Ладно, вылезай, парень. Возьми связку зайцев и мой мешок. О, и одеяло. Хорошая идея.

Вода за бортом была по колено Ренту, но кожа яростно заныла. Он поспешил вылезти на берег. Охотник выбрался за ним, в одной руке веревка, в другой лук и колчан. Подумал было натянуть привязь, и остановился.

— Зачем трудиться? Она все равно потонет. Видишь новые прорехи? Это ты, Рент. Ты явно вешишь больше, чем лучший осетр в озере. — Он отвязал веревку от куста и кольца в носу лодки. — Ну, вверх, парень. Нужно найти ровное местечко и разложить костер. Уверен, оба мы нагуляли аппетит.

— Значит, ты поднимешь дым над костром? — спросил Рент. — Чтобы они увидели и нашли нас?

Охотник с непроницаемым видом оглядел Рента. — Никакого дыма, парень. Я веду тебя к Теблорам.

Снова смущение. — Почему?

Охотник шевельнул плечами. — Полукровки заперты меж двух миров. Может, Теблоры отнесутся к тебе лучше, чем люди. Стоит попытаться.

— Но почему?

— Твоя фамилия, Рент, не Кровяное Масло. Орлонг.

В новом мире было слишком много истин, не заслуживших веры. — Тогда... что такое кровяное масло?

— Сложный вопрос. Может, позже?

— Забыл твое имя... но ты тот, что убил серого медведя.

— Последнего серого медведя по эту сторону Божьей Тропы, — поморщился охотник. — Люди не понимают. Я убил его из жалости. Мое имя Дамиск.

Он слышал это имя, слышал от рабов. — Теблоры ненавидят тебя.

— По весомой причине. Я отведу тебя как можно ближе к деревне или стоянке, какую найдем. Дальше всё зависит от тебя, я же помчусь на юг со всех ног.

Рент кивнул. Хотя бы это было разумно. Он помахал связкой мокрых зайцев. — Я проголодался, Дамиск.

— Ага. Набил желудок — и день светлее.

— Ты спас мне жизнь.

Дамиск пожал плечами: — Не бывает спасения жизни, Рент. Мне лишь случилось ее удлинить. Ну, зайцев я выпотрошил, теперь нужно ободрать...

— Я умею, — отозвался Рент.

— Хорошо. Займись, пока я развожу огонь.

Рент сохранил нож, единственное, что ему дарили в жизни. Отряд малазанской морской пехоты проходил как-то через Озеро. Ему было пять или шесть.

Рент вытащил нож. Лезвие было холоднее льда. — Дамиск, ты видел этих рогатых коников в озере.

— Точно.

— И что это было?

— Надеюсь, мы с тобой разузнаем. Или нет. Так и эдак, да будет с ними удача Госпожи.

Он повел Рента вверх, в густой лес, подбирая по пути сучья, ветки и лишайники. Оказывается, на северном берегу солнце столь же теплое, сколь на южном. Большой мир, напомнил себе Рент. Но и маленький.

Тридцать Первый легион по прибытии в Натилог едва имел две трети личного состава, ибо пересечение охваченного неожиданными бурями океана обернулось катастрофой. И, как будто навшим духом солдатам не достало бед, слухи о пустынной чуме вынудили начальника гавани объявить карантин, окружив флот брандерами. Эта задержка с высадкой на берег стала первой в череде ошибок. Но зачем излишние подробности? Скажем лишь, настроения среди солдат ходили неприятные.

*Бреф из Бесплезного Клада, "Истории о том и сём",
Великая Библиотека Морна*

В прошлом Дамиска было мало поводов для гордости, и в мире было мало того, что он мог бы любить. По крайней мере, говоря о людях. Слишком много среди них было глупцов, не умеющих мыслить ясно даже ради спасения своей жизни. Хуже всего то, что они не признавали своей глупости. Каждому провалу находили оправдание, в каждой неудаче был виноват кто-то другой. Глупцы всегда находили повод злиться, но не могли понять, что злятся из-за разочарования, а разочарованы они потому, что не понимают меру своей глупости.

Однако глупцов можно было извинить за их слова и поступки. Они же беспомощны, верно? Кому нет извинения, это умникам. Хотя и тут иное: даже умники иногда глупят, иногда творят ошибки среди разумных дел. Слишком часто, на взгляд Дамиска, умники понимают всё вокруг, но только не себя.

Да была ли цивилизация во всей человеческой истории, в которой честность не была редкостью? Честность к себе и другим, говоря точнее.

Дамиск много размышлял и всегда находил одну истину о себе самом. Он не был особенно умным, но и не был непроходимым глупцом. Не особенно любил людей, но ведь это относилось и к нему самому.

— Дело не в добре и зле, — говорил он Ренту, пока они сидели у костерка, ставшего почти не дававшими дыма углями. — Нужно было тебя сразу предупредить: охотник проводит много времени наедине с собой. Слишком часто одинок, вот как. Так что, когда охотник находит компанию, что ж, его речам нет конца. Ты не против?

Громадина-полукровка помотал головой. Челюсть еще лоснилась от жира. Он был бос, но подошвы успели загубеть. Он стащил кожаную тунику, чтобы отжать воду, но затем надел снова — иначе она могла высохнуть слишком быстро и покоробиться. То была туника раба, наверное, единственная вещь, подошедшая парню по размерам. Дамиск помог снять путы и спрятал подальше с глаз. Ум охотника еще не пришел к заключению, глуп Рент или умен, ведь Теблоры взрослеют медленно. Не физически, но умственно.

— Добро и зло, Рент. Мудрецы пишат и говорят об них всё время. Жрецы во храмах. Чиновники и порученцы. Говорят обо всё так, будто кто-то уже всё решил, какой-то бог или даже сама вселенная. Но таковых нет, а если есть, они молчат. И тогда эти смертные, мудрецы, жрецы и чиновники, они тянут шеи, сурово хмурят брови и объявляют, что именно

им следует доверить все суждения. И они доказывают свои притязания обычным способом. Святые писания, имперский закон, городская стража, солдаты. Как всегда, острый-меч-в-тени наготове, таится за сладкими речами.

Дамиск помолчал. Было трудно судить, понимает ли Рент хоть что-то сказанное или слушает ли. Глупцы умеют надевать маску собранности и внимания, но маски эти не толще бумаги, а под ними что-то мелкое, потерянное в тумане.

— Я о том, что твоя мать не зла. Как и ты. Позволь сообщить тебе то, что открыла мне Воля, отдалив от цивилизации с ее паутиной лжи. — Он воздел руки, ловя ладонями последние отсветы дня. — Не добро и зло, не правильное и неправильное. Настоящие чаши, на которых нас взвешивают, Рент, куда как проще. Возьми жизнь, любую, краткую или долгую. Из чего она сделана? Ну, из выборов, обещаний, верований, загадок и страхов, целый список — всё, что ты делал и что думал. Вот из чего создана жизнь. Хочешь видеть ее с позиции добра и зла, правильного и неправильного? Это не путь Воли, ведь так люди судят других людей, но проблема в том, что ты не видишь истину на чашах весов, если глаза твои перекошены. А глаза перекошены у всех, признают они это или нет.

Дамиск смотрел в открытые ладони. — Душа собирает пометки, Рент. Такие, какие ты найдешь в книге торговца. Иные выжжены на коже. Другие попали туда с поцелуем. Забудь добро и зло, правильное и неправильное. Думай вместо этого о страдании и благословении. — Он помолчал, всматриваясь в тяжелые черты лица полукровки. — Вот единственно значимая книга. Возьми жизнь, говорю я снова, и изучи. Выборы, дела, обещания. Что несло страдания, а что давало благословения?

Он поднял руки еще выше — и позволил им опуститься. — Любая смертная душа живет тысячу раз, или больше, но это не значит, что на нее заведено тысяча книг. Нет, лишь одна, неизменная книга. Душа несет ее с собой каждый раз, вселяясь в тело, и тело играет до смерти, добавляя новые пометки. Страдания. Благословения. И нет пути бегства, обмана, записей не утаить. То, что я назвал Волей, есть лишь дикая природа, сама вселенная, и она ничего не забывает и никогда не моргает. И так душа платит за каждый выбор, каждое решение, обещание, нарушенное или исполненное.

— Платит? Чем? — спросил Рент.

— Что вкладываешь, то получаешь. Проведи жизнь, заставляя людей страдать и мучиться, и в следующей жизни тебя ожидает то же самое. Этого не избежать. Весы правосудия, Рент, не упали нам на головы с небес. Нет, они лишь наше кривое зеркало. — Он ткнул пальцем в грудь. — Они тут. Правосудия в Вольных землях нет, поверь. Я всю жизнь искал его и не нашел. Нет, правосудие живет в душе каждого. И когда ты жульничаешь и думаешь, что всё скрыл — нет, не скрыл. Когда причиняешь кому-то страдания, самолично или своим бездействием, внутренняя книга фиксирует. И весы клонятся, и страдание вернется к тебе и однажды твоя душа познает отчаяние, которое несла другим.

Он мельком взглянул в лицо Рента и пожал плечами: — Твою мать изнасиловал Карса Орлонг, схваченный проклятием кровавого масла, и так получился ты. А она была запятнана маслом, став наполовину безумной, и не излечилась; но каким-то образом она смогла вырастить тебя, сберегая в безопасности. Рент, она страдала, но не по твоей вине. Нет, ты был ее благословением. Вот почему она отослала тебя, чтобы спасти.

Если сказанное слово способно ожогом отпечататься на лице слушателя, слово "благословение" было именно таким. Дамиск видел широко раскрытые глаза, и как потрясение медленно вонзает свое жало, глубоко, пока боль не перешла в тепло, словно в

обьятиях женщины. Этот мальчик даже не знал, что его любят, особенно мать. Дамиск беспокоился, что Рент не уловил хода его мысли. Он ошибался. Парню оставалось немало лет до полного взросления, это делало его похожим на дурачка, вялого и неуклюжего. Но он таковым не был.

Лишенная любви жизнь просыпается медленно. Зачастую — никогда.

— Дамиск?

— Да?

— Мать работала на мужчин в селении. В комнате. И они ей платили. Но потом она поработала со мной, прошлой ночью. Но не мог заплатить. — Он сглотнул. — Не думаю, что стал ей благословением.

Дамиск уставился на парня. Постарался говорить спокойно. — И после... этого она выгнала тебя из дома?

Рент кивнул.

— Сказав, что перережет себе горло, если останешься.

Он снова кивнул.

Дамиску хотелось закрыть лицо руками и зарыдать. Он глубоко, прерывисто вздохнул, и еще раз. — Это была лихорадка кровяного масла. То, что она сделала с тобой... это было масло. А потом, когда выгнала тебя — это была настоящая она. Мать, воспитавшая тебя и любившая тебя. Двое в одном теле, Рент.

— Никогда не любил ту, с кровяным маслом. Она меня пугала.

— Той ночью она сделала с тобой нечто ужасное, Рент. То, чего никогда не сделает здоровая мать — или отец. Большинство тех, что делают подобное с детьми, лишены оправдания кровяного масла. Выжженные ими на душах клейма потребуют самой суровой расплаты. Я даже не могу сочувствовать им. — Он не давал рукам дрожать. — Проклятие кровяного масла в безумии. Мать долго сопротивлялась своему гнусному желанию. Но когда ты перестал выглядеть ребенком, она проиграла битву. Затем, когда схлынула лихорадка, чувство вины пожрало ее целиком. — Он помедлил, не желая высказывать все свои мысли. Однако Ренту нужно было знать. — Если она отняла свою жизнь, то от вины и стыда и ужаса, и страха пред совершенным. Тут не твоя вина, Рент.

О всмотрелся в лицо Рента.

— Она била себя по лицу, — сказал тот. — Так жестоко, что я почти не узнавал ее.

— Возможно, это акт крайнего отчаяния. Она не хотела, чтобы ее лицо преследовало тебя, когда накатят ужасные воспоминания. Смирись с этим, если можешь. Это была не она, не твоя мать. Кто-то иной. Кто-то иной учинил с тобой эту мерзость.

— Не благословил, значит.

— Нет, он проклял тебя, Рент.

— Но настоящая мать любила меня и благословляла.

— Так, как умела. Да. Если можешь, прости ее. Но никогда не прощай жену кровяного масла, которая изнасиловала тебя.

Рент утер глаза. — Не знаю, Дамиск, что со всем этим делать.

— Думаю, я тоже не знаю, — сознался Дамиск.

— Дамиск?

— А?

— Думаю, ты спас меня, чтобы это рассказать. Но не ради меня, ведь во мне ничего особенного. Думаю, ты хотел оставить добрую запись на своей душе. Потому что...

— Потому что там слишком много дурных? — Дамиск сложил ладони и встал, кряхтя. Ноги казались слабыми. — Брось кости в костер, ладно? Ночью будет ветер. Нужно уйти дальше в лес.

Пока парень принимался за сборы, Дамиск взял лук и колчан, заставляя себя думать о насущном. *"Оставим это. Слишком много даже для двоих. Все безумие мира... что ты можешь делать? Что может сделать это дитя?"*

Я твердил о правосудии, а он рассказал такое. Карса Орлонг, тебе за многое придется ответить. Когда твой бастард отыщет гнев, когда поймет размах твоего предательства — что виновата не беспомощная мать, а ты, Карса Орлонг..."

Дамиск потер лицо, еще раз глубоко вздохнул, чтобы позаботиться о том, что вокруг, о том, что сейчас. Переход карибу уничтожил всё под ногами. Сучья и ветки внизу деревьев были съедены, подлесок выглядел неузнаваемо. Не осталось следов дичи, а он плохо знал эти места.

Иначе говоря, пойдут они медленно. Он стоял, глядя на ожидавший их крутой склон, пока Рент не закончил дела, встав рядом. Дамиск поглядел на полукровку. — В следующей жизни моя душа воспрянет посреди гнилых костей в самой жалкой, черной из низин, и там останется надолго. — Он поскреб в броне. — Благая пометка? Ну, хотя бы начало.

Найденный ими гребень вел вглубь суши. Озера видно не было, хотя Дамиск понимал: они идут почти параллельно берегу, забирая западнее. Даже эта возвышенность была усеяна оврагами и провалами. Почти везде оставалась лишь черная грязь, бесчисленные копыта перемешали слои мхов и лишайников. Нужно было выйти за пределы пройденной карибу местности, чтобы найти хорошую воду. Дамиск надеялся, что это случится до темноты.

Немногие сосны и черные ели достигали здесь положенной высоты и стати, а корни их часто вились змеями, канатами, отыскивая любые трещины, так что каждый шаг был опасен. Медленно спускался сумрак. Прохладный воздух стал холодным, но без зимней кусачести; верный знак, что времена года сменились.

Новый сезон, время надежд, обновленных амбиций и оживившейся решимости. Время нового подъема всяческих заблуждений, воздух кипит манящими обещаниями. Настроение Дамиска портилось. Он видел слишком много новых начал, слишком часто находил в сердцевине новизны лишь пустоту, потаенную гниль.

Разумеется, даже за одну жизнь охотник успел заметить, что дичь исчезает во все более широком круге, центром которого стало Озеро. Слишком многие верят, что мир неизменен, вечен в своих повторях. Переход одного сезона в другой и так далее, вот что обманывает их. Для Дамиска эта сладкая ложь была одним из худших видов глупости.

Нет, перемены вовсе не "непредсказуемы". Совсем напротив. Когда глаза открыты и разум мыслит во всю силу, приход перемен не только предсказуем. Он неизбежен.

Он думал, как объяснить это Ренту, ребенку-великану рядом, как изложить теорию работы мира; что самые важные константы не найти в законах природы, в желании есть, спать и размножаться. Не найти в этапах расцвета и упадка. Не найти во временах года, традициях, в тех границах, кои зверь и человек чертят себе на песке.

"Парень, самой мощной константой стала глупость. Остальное меркнет в сравнении. Глупость убила животных, лишила небеса птиц, отравила реки, выжгла леса, ведет войны, кормит ложь, снова и снова заполняя мир идиотскими, нереальными изобретениями. Глупость, парень, победит всякого бога, сокрушит каждую надежду, развалит любую"

империю. Потом что, в конце концов, глупцы превосходят умных числом. Будь иначе, мы не страдали бы снова и снова, поколение за поколением за поколением и так далее".

Но парень был юным, слишком свежим для мрачных уроков мира. У него достаточно своих ужасов. Да и напрасно кому-то это передавать. Глупость не нуждается в союзниках среди умных, ибо нет ничего, что ей опасно.

Тени удлинились, тьма захватывала гребень. Однако они вышли за пределы устроенного стадом опустошения. Впереди виднелась путаница поваленных черных елей, далее широкая каменистая низина с озерцом талой воды.

— Подходяще, — сказал Дамиск, озирая вертикальные стены вывороченных корней.

Рент присел на корточки, лицо было озабоченным. Однако он не был готов заговорить; и Дамиск не стал его понуждать. Нет, он прошелся, изучая стены из корней, камней и грязи, где даже в полумраке различал какие-то проблески.

Кости недолго лежали в земле этой местности: слишком кислая, и лес полон падальщиков, малых и больших. Обычно оставалось совсем немного, рога и челюсти, ведь зубы очень прочны, и всё это лежало белесой россыпью среди мхов. Черные ели жили недолго, тридцать-пятьдесят лет, а эти были не самыми крупными.

Тем страннее, что корни были усеяны клыками, то ли волчьими, то ли росомашьими или медвежьими. Он взял один, большой, прищурился. Потом взял второй. — Дерьмо, — пробормотал охотник. Оставил клыки на месте и обернулся к Ренту. — Извини, не здесь. Нужно уходить.

Юный Теблор-полукровка огляделся, морща брови в смущении.

— Не думал, что они заходят так далеко на юг, — сказал Дамиск, торопливо готовя лук. Вынул стрелу для крупной дичи, с длинным крестообразным наконечником, и наложил на тетиву.

Рент выгащил нож.

Ночь опустилась на них.

— Теперь тихо, — шепнул Дамиск. — И точно за мной.

Они сделали шесть шагов на запад, затем Дамиск повел переростка вниз, на сторону озера, чтобы не маячить на гребне. Идти приходилось медленно, пробираясь между острых камней и стволов упавших деревьев, подныривая под мертвые сучья, все прогалины между которыми густо затянула паутина.

Во рту у Дамиска пересохло. Он подумал идти ближе к скалистому берегу, но до воды можно было добраться лишь по отвесным голым скалам, и потом долго брести по берегу на запад, пока озеро не начнет уходить южнее. Он проклинал себя за то, что не набрал талой воды. Но паника пришла и ушла.

Они нашли козырек с подобием пещеры, и Дамиск затянул Рента в сомнительное укрытие. Оба сели. Дамиск не снимал стрелы с пальцев, жестом другой руки подозвав парня ближе. — Саэмды, — сказал он тихо. — Охотники с севера, говорят, живут на ледяном острове. Наверное, шли за стадом. Но тут таится большее. Клыки, что мы нашли... возможно, мы прошли сквозь них. Что значит, нас заметили.

— Какие клыки? — шепнул Рент.

— В корнях. От морских львов, больше медвежьих. Саэмды охотятся на морских львов, когда нет карибу. Эти клыки — знак притязания на территорию.

Едва видимое во мраке лицо Рента было непроницаемо.

Вздыхнув, Дамиск продолжил: — Северное побережье озера — уголья коривийцев, но

коривийцев куда меньше, чем саэмдов. Если саэмды здесь, они прошли через коривийцев.

— Прошли?

— Убили их всех, Рент. Всех.

— Всех?

— Не было беглых коривийцев в селениях. Я бы знал. При случае они побежали бы сюда, ведь мы торгуем и обычно хорошо уживаемся. Но саэмды — совсем иное дело. С ними никто не ладит. Я сказал, они ловят оленей и морских львов, это правда. Но не таков их ритуал перехода в воины. Нет, для этого они идут на север, как можно севернее, в одиночку. И не возвращаются без головы Белого Жекка.

— Что за Белого Жекка?

— Ах, Рент, мир велик, но не пуст. Если я скажу тебе, что белые медведи и даже серые медведи бегут от Жекков, что ты ответишь?

— А саэмды охотятся даже на них?

— Ага.

— Как? — Парень указал на лук. — С такими?

— Возможно. Отравленные наконечники? Было бы самым безопасным способом, на расстоянии. Яд можно добыть из некоторых лишайников. Честно, я не могу придумать иного способа, разве еще ловушки и капканы. Никто не говорит, что Белые Жекки хитры. — Он помолчал, пошевелил плечами. — А может, все выдумки. Я же никогда не видел Белого Жекка. Но видел воина — саэмда, и потому тревожусь.

— Если о нас узнали, почему нас не убили?

— Если позволишь погадать... в живых нас сохраняешь ты. Или точнее, Рент, кровь Теблора в твоих жилах.

— Саэмды знают Теблоров?

— Часть масел в кровяном масле принесена ими, — пожал плечами Дамиск. — Тюленье, китовое или нечто подобное. Они меняют его на твердые породы дерева. Если встретим, наверняка увидим у них оружие в теблорском стиле, только уменьшенное.

— Я видел кровомеч Теблоров.

Дамиск кивнул: — Иссохший, на стене "Трехлапного пса". Да. Хорошо ухоженный меч в руках Теблора прорезает кожаный доспех и кольчугу солдата. Крушит малазанские щиты, не говоря о шлемах. — Он скреб под бородой. — Сомневаюсь, что так сможет саэмд. Но и я не одет в доспех, верно?

— Интересно... — начал Рент и замолк.

— Что интересно? Давай же.

— Ну... видели ли они меня, когда я был в рабьих путах.

Дамиск ощутил, как кровь уходит от лица, из рук и ног. Ссутулился, стрела повисла, потеряв зарубку на луке. — Ах дерьмо, ты не так уж туп, впору позавидовать.

— Но мы сняли путы, — добавил Рент. — Они могли и это видеть.

— Если во мне успели узнать ловца рабов, разницы нет.

— Я защищу тебя, Дамиск. Скажу им.

Дамиск снова наложил стрелу. — Сомневаюсь, что они останются поболтать, Рент, но благодарю за эти слова.

— Так что будем делать?

— Меня так и тянет оставить тебя здесь, — сказал он и торопливо добавил, ведь парень испытал слишком много разочарований, — пока я могу бегать быстро и стану для них

трудной целью. Конечно, они могут вернуться за тобой, но не причинят вреда. Просто скажи, что хочешь примкнуть к своему роду.

— Скажи, что и сам вернешься.

— Если смогу, вернусь. Обещаю. Жди всю ночь, может, до полудня. Если не вернусь, я мертв. Тогда иди на запад вдоль берега. На краю выбери ближайшую гору и лезь туда. Будет высоко, но там ты найдешь перевал. Увидишь древние ступени, Рент, врезанные в скалу. И кости, много костей. И водопад.

— А потом?

— Лезь выше и выше. Рано или поздно тебя заметит кто-то из племени Теблоров. Фалид или келлид.

Он бросил парню оставшиеся две тушки, закопченные на медленном огне.

— Ты считаешь, что погибнешь.

— Увидимся поутру, — отозвался Дамиск. — Ложись здесь, постарайся поспать. — Он повернулся, чтобы взойти по склону.

— Дамиск?

Он помедлил, оглядываясь. — Что?

— Мой отец взаправду бог?

Дамиск помешкал. — Тогда он им не был. Просто воин-налетчик. Что он сейчас, не знаю. Истории — просто истории, пока не увидишь истину лицом к лицу. Не живи сказками, Рент.

Рент опустил глаза. — Значит, простой налетчик.

— Парень, он был воином, какого я прежде не видел. Никто из нас в Серебряном Озере такого не видел. Да, мы сковали его. На время. Но говорят, он еще живет далеко на юге. Без цепей. Свободный. Возможно, этого достаточно, чтобы стать богом. Не знаю, так это или не так.

— Хотелось бы...

— Может, и не стоит, — резко оборвал Дамиск, ибо тут была необходима грубость. Хотя бы сейчас. — Ты рожден от насилия, а насилие жестоко. А сделанное руками Карсы с твоей матерью и того хуже. Карса поднес кровавое масло к своим губам в отчаянии и ярости — весь его набег валился в говенную дыру. Друзья его были убиты или готовились к смерти. То, что он сотворил с ней, было не ради власти или господства, или иной жалкой цели. Это был поступок бешеного зверя, бездумный, бессмысленный, беспощадный. Вот что он оставил ей. Это — и тебя. Не ищи Карсу Орлонга, нет нужды. Остайся с Теблорами. Устрой свою жизнь там и не желай иного.

Кажется, Рент пожал плечами в ответ. Было слишком темно, но хотя бы парень не стал отвечать сразу. Хотя бы не сыпет пустыми обещаниями...

Дамиск отвернулся и пошел наверх. Он сделал, что мог.

Может, кровавое масло — это оправдание. Оправдание находится всегда, не так ли? Он потряс головой. Суть в том, что ему не обдурить никого — ни себя, ни недоросля-полукровку.

В дикой природе творится немало диких дел. Но твари делают их бездумно, не имея рассудка, ничего не зная. У человека нет такого оправдания.

Кроме кровавого масла. Кроме того, что Карса Орлонг, раненый и загнанный, ломился в дома, выбивая двери. Если бы нашел чертову корову, оттрахал бы и ее.

Но он нашел мать Рента.

Охотник не знал точно, но порожденное лихорадкой дитя могло сохранить кровяное масло глубоко в теле, словно топливо, ожидающее искры. Многие горожане думали так же, смотрели на Рента со страхом. Поэтому рано или поздно его убили бы. Насколько понимал Дамиск, они были бы правы.

Но масло оказывало на Теблора не то же действие, чем на жителя низин. Теблор испытывал лихорадку, проходил сквозь безумие и возвращался к себе прежнему. А рассудок жителя низин попросту ломался. Но в Ренте было наполовину того и другого. Среди Теблоров он, возможно, будет в безопасности. Под горами, вероятно, нет.

Луна низко висела над горами, заслоненная тучами. Лес затих. Дамиск забрался на гребень, пригибая голову. Замер, тихо дыша, рыская глазами. Ничего. Но волоски поднялись дыбом на затылке.

"Да-с, они там".

Рент никогда не бывал в лесу, вся жизнь прошла в Серебряном Озере. Дома, переулки, пляж с вытасненными лодками и чайками, дерущимися за рыбы кишки; главная улица и ворота, которые так и не починили после Восстания. Казармы гарнизона и дом торговой фактории, который горел дважды и был отстроен лишь однажды — таким образом, ему достались почерневшие руины, где можно было укрываться от метателей камней. Из диких животных он видел лишь бродячих псов. Другие звери появлялись у городке мертвыми, на плечах охотников. Ну, и еще черепа.

Думая о лесе, он воображал его кишущим ужасными тварями, дикарями и налетчиками-Теблорами. Не догадывался, что лес на деле окажется пустым, почти безмолвным и непроглядно темным, едва пришла ночь.

Однако Дамиск сказал, там охотники. Убийцы всех коривийцев, тех странных тихих людей в шкурах и мехах, что украдкой приходили в город для торговли, весной и перед зимними снегами. Теперь они уже не вернутся. Он пытался представить их мертвыми, лежащими на усыпанной хвоей земле стоянок. Убитых детей, младенцев, брошенных умирать от голода или на поживу медведям с волками. Лужи крови, груды пепла на месте хижин.

В таком избиении не было мастерства. Не было смысла. И славы. Его грызла и другая тревога. Если саэмды без колебаний режут всех на своем пути, Озеро тоже оказалось в опасности. Его мать, все дети и все остальные.

В гарнизоне едва ли вообще оставались солдаты.

Он глянул вниз, поняв, что так и держит нож. Тусклый блеск лезвия заставил думать о малазанском отряде, что иногда навещал город. В последний раз это было два года назад. Их вид сделал некоторых горожан счастливыми, тогда как другие бранились, ведь мазалане принадлежали Империи, а эта Империя завоевала Генабакис и всё Семиградье, и отныне никто не был свободен.

Если саэмды нападут на Серебряное Озеро, кто встанет на защиту?

Он мог бы вернуться. Предупредить их.

Рент выполз из укрытия. Заметил проблески — мерцающую гладь озера среди сучьев и веток. Если пробраться на берег, он сможет найти лодку. Переплыть озеро и стать героем, и кто посмеет убить героя?

А может быть, саэмды не придут. У них ведь нет лодок, как они надеются пересечь озеро? Что, если он всполошит город, а саэмды не придут? Тогда его убьют наверняка.

Он не знал, что делать.

— Санк фрис эне орол.

Женский голос донесся из-за скального карниза, куда он не мог заглянуть.

Сердца гулко застучали; Рент сжался, неподвижный, рукоять ножа вдруг поплыла в потной ладони.

— Тре" ханг эне Теблор?

Может, она говорила со спутниками рядом?

— Я говорю, ты должен избегать озера, — произнес голос. Тихий шелест, и некая фигура ловко спрыгнула к Ренту.

Он глубже вжался в пещерку, выставляя нож.

Трудно было судить о ее возрасте, но лицо было бледнее лунного света. Она носила меха, запачканные и залитые чем-то темным. Из тела торчали палки — нет, не палки. Стрелы. Он насчитал шесть, две глубоко вошли в грудь. Волосы были длинными, распущенными, спутанными.

— Полукровка, — сказала она. — Разбитый сын Разбитого Бога. Однажды я задумал похитить тебя. Спасти от судьбы. Но, кажется, ты спасся сам.

— Почему ты еще жива? — спросил Рент.

— Думаешь, кто-то смог бы выжить после такого? Не глупи. Я мертва. Совсем мертва. Но... неугомонна. Это был не лучший способ ухода. Они позаботились обо мне в первую очередь, знали, что я опаснее прочих. Я упала наземь до того, как первый из них вошел на стоянку и, став мертвой, не могла помешать тому, что случилось.

— Коривийка.

— Вы звали нас так, хотя наши связи с коривийцами были отдаленными. Вы, низинники, не спрашивали. А мы звали себя иным именем. — Когда она пожала плечами, он услышал за ее спиной сухой шелест оперения. — Какая теперь разница, нас больше нет.

— Саэмды.

— Они не знают, что делать с озером. Шестеро выследили твоего друга, остальные на берегу. Бросатели костей молчат, скрывая страх.

— Почему они страшатся озера? — удивился Рент.

— Не всегда тут было озеро, — ответила она, делая к нему шаг и садясь на корточки. Теперь он мог видеть лицо. При жизни она была миловидной. Теперь не была, и глаза не сияли, запавшие, мертвые как камни. — Низинники зовут его Серебряным. Мы называли Тартен" игниал. Долиной Камней Тартено. До прихода воды тут было священное место, высокие камни стояли по всему обводу долины, а в середине — гора черепов. Тартено и Имассов. Говорят, черепа Имассов остаются живыми, даже сейчас, и глядят из затопленного мира, сквозь ил и мертвые корни.

Взгляд Рента скользнул мимо нее, на мерцающую воду. — Я переплыл его. До середины.

— И они следили за тобой, уверена. Ждали, что ты утонешь и сядешь меж ними, как многие до тебя. Они разочарованы? Кто знает.

— Но всё ныне под водой. Мы ловим в озере рыбу, тянем сети, забрасываем удочки.

— Да. Сети иногда теряются, так? Стоячие камни поросли паутиной, ветхие сети и веревки опутали их, будто приношения. Не веришь? Я была там, прошла мимо них. В состоянии смерти есть свои преимущества.

Рент подумал и решил, что сомневается.

— Саэмды не навредят тебе, — сказала она. — Но твоего друга убьют.

— Он спас мне жизнь. Я скажу саэмдам...

— Мало кто из них понимает натийский. Забуди его, вы больше не увидите.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ледники севера созданы Джагугами. Омтозе Феллак. Но Трон Льда давно потерял силу. Говорят, Повелитель Льдов вернулся и великая война с Имассами окончена. — Она замолчала, кашляя, сплюнув в итоге чем-то, похожим на озерную воду. — Как смею я спорить, ведь Врата Смерти охраняет ныне Вороватая Птица? Но если Трон и занят снова, сидящий на нем ничего не делает. Так что магия слабеет. Скажи своим родичам, Теблорам: лед севера тает, весь, и грянет потоп. Скажи, им нужно бежать.

— Не понимаю.

— Но запомнишь мои слова?

Он нерешительно кивнул.

— Ты видел стадо?

— Ага.

— Бегут от потопа. И саэмды тоже бегут. Придут и другие. Волки, медведи, Жекки.

— Как Теблоры поверят мне?

— Ты Сын Разбитого Бога.

— Почему они поверят в это?

— Они узнают.

Рент сел. — Сделаю что скажешь, но только если ты спасешь Дамиска.

— Щенок торгуется? С мертвой ведьмой, вот оно как!

— Спаси его.

— Возможно, уже поздно. К тому же мне осталось недолго. Уже чую зов забвения. Вскоре я покину тело и моя власть в мире живых сильно ослабнет. Мертвецы назойливы, только когда одержимы ненавистью. Я не такова. Саэмды рассердили меня бессмысленными убийствами, но я понимаю их панику и не могу ненавидеть.

— Спаси Дамиска.

Мертвая ведьма скривилась, корча рожу. Рент понял, что будет видеть ее в кошмарах. — Вот что я получаю за услугу? Отлично. Попробую. Ты же оставайся на ночь в своей пещерке. Потом иди на запад, в...

— Знаю. И там найду Теблоров. Дамиск мне рассказал.

Она молча рассматривала его. Потом отвернулась, бормоча: — Кому нужны мертвые?

Если вопрос предназначался ему, она не стала ожидать ответа. Он снова был один, ночь безмолвствовала. Рент уселся в глубине пещерки, спиной к неровному камню. Чем обернется путь на запад, в широкий обход озера? Каково будет карабкаться в горы по узким тропам? Найти лестницу из костей и вырубленного камня? Он закрыл глаза, пытаясь всё это вообразить, уже видя себя в столь необычных местах, за дни пути отсюда.

Но чувствовал он лишь одиночество, проваливаясь в него, будто в колодец.

Он потерял мать. Потерял Дамиска. Потерял даже мертвую ведьму. На кратчайший миг он затосковал по городку, по летящим камням.

Каково это — ощутить себя в безопасности? Он не знал и гадал, узнали ли когда-нибудь.

Массивный выход известняка косо уселся на гранитной скале, единственное

напоминание, что некогда местность выглядела совсем иначе. Дамиск был на две трети высоты гребня, залег на залитой гуано полке. Почти в пределах досягаемости сланцевую полку усеивали гнезда, тихие и явно еще не обитаемые в такую раннюю весну. Он был за это благодарен: птицы не станут хрипло орать, оберегая яйца. Лук его лежал горизонтально, стрела на выемке.

У подножия утеса пятеро чужаков ходили среди кустов и поваленных деревьев, тела, руки и ноги обернуты полосами меха, на головах скальпы коривийцев. У одной был короткий кривой лук из рогов, стрелы в колчане выглядели длинными. Женщина еще не наложила стрелу, но охотник знал, что наконечник будет длиной почти в локоть, зазубренный, из полированной блестящей кости, а древко чуть выше, вероятно, окажется смазано ядом.

Остальные несли дротики, у бедер покачивались кожаные атлатли.

Дамиск не спеша провел пальцами по длине тетивы и отвел руку, натягивая. Женщина с луком была больше мужчин, широкие плечи и мощные кости. Она осталась на полдюжины шагов позади остальных, на каждом шаге замирая, оглядывая округу. Еще не подняла взгляда к каменному козырьку.

Он выждал, когда она снова замрет, и пустил стрелу.

Стрела впиалась между плечом и шеей, толкнув тело наземь. Когда она упала, коривийский скальп слетел, обнажая бритую макушку со следами крови.

Дамиск опустил лук и глубже спрятался в тень нависающего утеса. Внизу слышалось движение, но не голоса. Четверо сбегались к убитой подруге. Вычислив, откуда летела стрела, они начнут всматриваться в скалы до самого верха. Не видя ничего.

Сланцевый выступ можно обойти, найти тропки к вершине. Двое слева, двое справа. Они сойдутся прямо над головой Дамиска.

Через тридцать ударов сердца он скользнул к краю, изучая, что творится внизу. Тело женщины положили на спину, лук и колчан исчезли. Остальных саэмдов видно не было. Взор его вернулся к трупу. На лбу виднелось темное пятно — он не различал деталей, но знал: собственный нож женщины вогнали ей в кость, чтобы драгоценное железное лезвие выпило душу. Где-то неподалеку нож вонзят в ствол дерева. Отныне дух ее принадлежит этому месту, а это место принадлежит саэмдам.

Дамиск принялся слезать. Лунный свет стал и благом, и проклятием. Без нее он не смог бы убить лучницу, как и не видел бы других охотников. Но и враги увидят его. Единственным преимуществом оставалось то, что они жили в тундре, не в лесах. Как любые охотники, умели затаиваться, дышать неслышно. Но шумели, когда пробирались сквозь подлесок.

В отличие от Дамиска.

У подножия он присел, успокаивая дыхание и проверяя вещи, чтобы все было туго привязано и не задевало ветки и сучки. Подошел к трупу. Как и ожидал, его стрелу сломали, наконечник вырезали из раны и припрятали.

Широкое, плоское лицо мертвой женщины казалось мирным, невзирая на черный след ножа во лбу. Он двинулся в сторону деревьев.

Почти сразу же обнаружив нож в дереве. Рукоять из рога, позвонок-гарда и дешевое покупное железо. Сломать его было легко.

"Теперь блуждай, потерянная, и пусть духи коривийцев вечно гонят тебя. Лишь глупцы верят, что месть не переживает смерти. Надеюсь, месть духов достигнет тебя".

Он шел между деревьев на запад. Сомневаясь, что догонит двоих впереди, начал отклоняться в сторону озера, там хотя бы были знакомые места.

Сорок шагов, и он нашел звериную тропу в заросли, и там лежал труп еще одного саэмда. Шея была свернута. Дюжину саэмдийских стрел воткнули ему в рот, глаза, уши и грудь.

"Значит, какой-то коривиец выжил. И весьма зол".

Потрясенный зрелищем Дамиск перешагнул тело и продолжил путь.

Добра и зла не найти в мире, вне мыслей человека. Даже благословение и проклятие, хотя существуют, но могут скользить в руке. Быстрая смерть — благословение? Может ли жизнь спасенная обернуться годами мучений?

Он не знал. Всё скользит, если размышлять достаточно долго.

Дамиск желал Ренту благой судьбы, не только удачи в пути, но и удачи среди Теблоров. Полукровки скользят в крови меж двух миров. Зачастую ни один из миров не рад им надолго.

Рент был сыном Карсы Орлонга, что могло стать ему спасением или смертным приговором.

"Но не станет ли смерть большей милостью?"

Охотники нашли его след куда раньше, чем он ожидал. Теперь они бежали, не заботясь о производимом шуме. Значит, гнев. Нож сломан, начата новая битва, битва проклятий и контр-проклятий. Если его поймут, смерть придет не скоро.

Он мчался быстрее оленя в самую черную чашу.

"Говорят, Орбис был прелестным городком на берегу".

Бархок, "Идиллия под волнами", Великая Библиотека Морна

— Так я теперь сержант? — Шугал фыркнул своим словам, раскосые глаза сузились, когда он увидел, что Балк отъезжает от малазанской колонны и медленно возвращается к своим. Шугал обернулся в седле, озирая строй собственной колонны. — Глупо это. Могли бы налететь на них сейчас и выложить обочину малазанскими головами. Сладкая расплата за то, что они сделали с капитаном.

— Теперь он лейтенант, не капитан, — сказал Крик. — Балка понизили.

— Ну, пусть зовут как хотят. Для нас ничего не меняется, верно? Мы Компания Балка. Не припоминаю, чтобы вставал в очередь малазанских рекрутов. А вы?

— Это контракт, — сказала Спица, вытерев руки о кожаные штаны и влезая в седло. — Остальное — не наше дело, Шугал. Думаешь слишком много, причем о делах не твоего ума. Думаешь, кому-то на хрен нужно твое мнение. Думаешь, кто-то даст за твои мысли хоть кусок дерьма. — Она подняла фляжку, выпила от души и принялась чесать всклокоченные тускло-рыжие волосы, морщась, когда задевала очередной колтун.

Шугал сверкнул глазами: — А я думал, ты просто посышь в канаву. Но ты принялась обливаться своей мочой.

— Ну, не всех, — отозвалась она, полные щеки затряслись, когда женщина принялась усаживаться удобнее. — Только тебя. Потому что думать ты не горазд. На что годишься, так разбивать бошки. Сколько раз твердила: будешь счастливее, когда перестанешь думать и особенно болтать.

Крик хмыкнул. — Вы двое, закончили? Капитан здесь.

Трое сержантов замолчали. Командир подъехал, натянул удила. — Нет, — начал он сразу, — мы не посылаем ловцов за треклятыми карибу. Грубит приказал оставить их в покое.

— Напрасно, — буркнул Шугал.

— Разведчики взяли пару дюжин, — добавил Балк, приглаживая рукой каштановые волосы, на что Спица смотрела — отметил Шугал — почти опустив веки. — Но времени готовить не было, они лишь половину успели сунуть в мешки с солью. — Он дал сигнал ожидающим отрядам, развернул коня и поход возобновился.

Есть в Балке что-то, думал Шугал, глядя на него и Спицу. Ему не требуется постоянно отдавать приказы, все и так на него смотрят. Ленивый жест, и колонна в пути. Это талант или еще что. Однажды Шугал станет таким же. Все взоры будут на нем, даже Спицы. Он будет наслаждаться. Поставит ее на место. Как и Крика. Тот помалкивает, но всегда на стороне Спицы.

Эти трое служили вместе уже семь лет. Удивительно, что еще не успели убить друг дружку. Но ведь они нашли нечто общее. Общее и тайное наслаждение: видеть, как жизнь угасает в глазах дурака. Любого дурака. Еще лучше, сразу многих дураков.

Два с чем-то года при Балке, но долго это не продлится. Балк предпочитает брать денежки с живых купцов, чем грабить их трупы. Говорит, долгосрочные вложения надежнее.

Но какое дело Шугалу до долгих сроков? Балк обуздал их тройцу, вот и всё. Даже Спица дуется, вот почему пьет уже три дня. Шугал не любил Спицу, особенно пьяной. Такая она еще злее.

Что хуже, вбила себе в голову, будто отвечает за всех троих. Словно вождь или еще кто. Но Шугал всегда был выше рангом, даже когда они встретились в городской страже Города Тюльпанов. Это его затеи приносили денежки, пока в город не явился "Коготь" и не вычистил всех акул-ростовщиков. И им пришлось бежать, спасая жизни.

Нет, думал Шугал, малазан он тоже не любит. Ни одного. Единственное, что с ними выходит хорошо — схватить и медленно резать, и хохотать, когда они молят оставить им жалкие, никчемные жизни. Они с Криком и Спицей устраивали такое не раз и не два, но при Балке настало время засухи.

— Наши мечники не рады, капитан, — сказал Шугал, когда поравнялся с Балком на грязной обочине. — Всё это дело с малазанами.

Балк глянул искоса, чуть пошевелил бровями и промолчал.

Шугал поерзал в седле, поглядел на поле слева, прищурился на дальний лес, где темные силуэты двигались среди деревьев. Карибу, целые сотни. Как олени, но грубее на вид, и головы не вздергивают. Созданы для северных ветров, сказала Спица, но откуда дуре знать?

А та подала голос: — Кто не рад, так сам Шугал. Взять деньги, как вы сказали, чертовски верное дело. Чего злиться? Мы уже вздули их, а теперь они должны относиться к нам вежливо, всё такое. Кроме Шугала никто не ноет, капитан.

Шугал ощерился. — За меня говоришь?

— Кто-то мозговитый должен, Шугал, особенно когда ты решаешься сам заговорить.

— Хватит вам, — сказал Крик. — Мечникам не стоит видеть, как сержанты собачатся меж собой. Помните, на нас все глаза.

Капитан Балк заметил: — Вот идея. Вы трое, вернитесь к своим отрядам. Крик, пришли лейтенанта Ару.

Вот что значит заигрывать с капитаном. Шугал сверкнул глазами на Спицу, но та даже не заметила. Может настать такой день, подумал он, когда ее можно будет медленно зарезать. Если не успеет первой. Нет, вряд ли. Он же лучше ее в любом деле. Поглядите, качается в седле полупьяная.

Никто не раскрыл рта, пока трое ехали назад. Крик передал Аре приглашение капитана. Шугал заметил черную злобу во взгляде Спицы. Да, это понятно. Ара была с Балком дольше всех. Одна эта деталь делает ее помехой. Нет, настоящим врагом.

Однажды Шугал возглавит компанию. Когда малазане сцапали Балка в лесу, именно Ара приказала сложить оружие. Мол, все мы заодно. Будь у власти Шугал, позволил бы малазанам перерезать Балку горло, а потом выпустил разъяренных мечников, положил бы всех малазан. Может, оставил бы того волосатого сержанта для долгой ночи мучений.

Но ничего не случилось. И за это Аре придется держать ответ.

Шугал подъехал ближе к Спице.

— Оставь меня в покое, — бросила та. — Мне нужно вести отряд.

— Как и нам, — сказал Шугал и понизил голос. — Когда придет черед Ары, она вся твоя.

Спица усмехнулась. — Великодушно с твоей стороны. Но не заставь меня напоминать про это обещание.

— Ни за что.

— И хорошо, — отозвалась она. — Вали подальше.
Едва он отъехал, Спица глянула на Крика. — Слыхал?
Крик пожал обтянутыми кабаньей кожей плечами. — Ясно.
— Хорошо. Скажи, когда начнешь с ней. Я уж мешать не стану.

Лейтенант Ара поспешила к Балку. Намотала поводья на рог седла и чуть откинулась назад. — Скоро придется их убить, капитан.

Балк вздохнул. — Недостаточно знать, что они такое, Ара. Чтобы правосудие было наглядным, нужно поймать их на горячем.

— Ждем жертвы? Драть меня, капитан, это жестоко.

— Зависит от жертвы, — отозвался Балк. — Помню, ты призывала дюжину злых духов на голову Штыря. Будешь ли рыдать, если трое сержантов помучают его полночи?

— Рыдать? Нет. Мне будет его жаль. В том и проблема, капитан. Не желаю, чтобы мою ненависть заслонили тучи жалости. Но не нужно думать, что жертва так очевидна. Они могут напасть на тебя или меня. Сам знаешь.

Балк улыбнулся: — Шугал мечтает заменить меня во главе компании. Но он не так умен, чтобы преуспеть. Спица мечтает о том же, она умнее, и при ней Крик.

— Когда не пьет.

— Ох, сомневаюсь, что выпивка ее замедлит. Скорее наоборот.

— Так давай их просто уьем, — настаивала Ара. — В такой ситуации кто ударит первым, тот обычно и в выигрыше.

— О, так и будет, — обещал Балк. — В тактически удобный момент.

Ара замолчала. Колонна ехала по флангу малазанской роты с огромным обозом, почти все фургоны в котором несли в себе припасы для гарнизона Серебряного Озера. Она слышала, что там осталось всего семь солдат. Интересно, зачем такие кучи снаряжения? По прибытии возникнет и вопрос постоя. Одна компания Балка удвоит население городка.

— Капитан, когда-нибудь был в Озере?

— Однажды, — ответил Балк. — Молодым, сопровождал отца, когда тот выводил на торги лошадей нашего имения. Одно могу сказать о малазанах точно: они честно платят за то, чего пожелают.

Ара вздрогнула и отвела глаза. — Не думаю, что это хорошая идея.

— Знаю. — Похоже, он не хотел говорить точнее, но продолжил: — Ара, мой отец поддержал армию Серого Пса. Армия проиграла и рассеялась по ветру, а малазане наказали аристократов, снарядивших и кормивших войска. Нас лишили прав, и не будь торговли лошадьми, мы потеряли бы последние земли. Вот наша история. Нет смысла забывать.

"Всякая надежда на свободу потеряна, если ты не покидаешь тюрьму прошлого, Андризон Балк". Но не было нужды напоминать ему. Имение выстояло. Едва — едва. Отец Андрисона умер раньше срока, испытав все превратности малазанского правосудия. И если бы семья Ары не потеряла всё и не разорвала помолвку, она была бы женой человека, с которым сейчас просто служит...

— Я решил стать безземельным, сказал Балк. — Решил жить так, чтобы не задолжать им ничего. А ты, Ара, решила сопровождать меня. Но ничто не держит тебя здесь.

Снова он начал. Он пинал эту дверь, открывая настежь, хотя оба знали, чего будет стоить ему ее уход. Она подозревала, что некая часть его души жаждет новой раны, нового шрама в добавление к прочим.

— Но, — продолжал Балк, — контракт был принят и ты не возражала. Тогда.

У нее не было ответа. Этот разговор уже велся. И никуда не привел. Она решила сменить тему. — Шугала надо...

— Время есть, — отрезал Балк. — Нынешнее положение позволит нам зализать раны и пополнить запасы. Малазанская Империя растянута, истощена, стала беспечной. Когда тебя некому остановить, ты постепенно начинаешь верить в свое бессмертие. Верить, что простая величина гарантирует выживание. Но это иллюзия. Нет империи столь обширной, чтобы не могла пасть. И она падет. — Он хмыкнул. — И это начнется здесь, на Генабакисе.

Она ощутила, как поднимается гнев. *"Мужчины, у вас тухлые мозги"*. — Я потеряла больше твоего, капитан. Кажется, ты забыл, восседая на вершине одинокой горы.

— Так как ты можешь не быть рядом?

"Не быть рядом? А где я, демон побери!" Она натянула поводья и поскакала назад. — Проверю отряды.

Водичка любила походы. Разумеется, не особо весело тащить на спине снаряжение, оружие и так далее, но когда обозные фургоны дребезжат позади, даже вещмешок кажется легким. Нет нужды нести пищу, воду, лопату, кирку, веревки и канаты, палатки, шесты, крючья, молотки, топорики, посуду, побольше воды, запасные сапоги и тому подобное. По факту, если солнце приятно греет и ветерок отгоняет слепней, и лишь иногда приходится переступать конское дерьмо (хотя удивительно, сколько дерьма производит одна дюжина лошадей), солдат почти достигает полного удовлетворения. Полным совершенством, разумеется, была бы возможность перерезать несколько глоток, не сходя с дороги.

Она не считала себе слишком кровожадной. Просто любила работу. Сильно. Единственное, что тяжко засело в уме — дельце с имперским "Когтем", укравшим ее идею. Долги надо признавать. Неужели это так трудно? Но, если честно, сладостный союз колдовства и убийств был очевиден. Задним числом. Так ли важно, стала ли она первой? Той, что придумала это прежде прочих?

Ну, важно, чтоб вас.

— Просто прогулка по лесам, — сказал капрал Снек, шагавший рядом. — А я просто жалок.

Она искоса поглядела на него. Капрал пыхтел, весь в поту, борода блестит. — Что в этом тюке, капрал? Ты умираешь на ходу.

— Спасибо за предложение, но нет. Я в порядке.

Водичка нахмурилась. — Какое предложение? Я что-то предлагала?

Он ощерился. — Это из истории.

— Ага, все той же истории, проклятой истории, вечной истории.

— Потому что ты никогда не даешь ее дорассказать! Начинаю и...

— Точно, — оборвала она. — И это сводит с ума.

— Так дай закончить!

— Зачем? Едва начинаешь, уже скучно.

Фолибор сказал, шагая на пару шагов сзади: — Хорошая история, Дичка. Тебе точно следует послушать. А капралу тогда не придется повторять.

— О, неужели? Но ты же, Фолибор, услышишь ее не в первый раз. Так что соврал мне насчет повторения. Так? Признавайся!

Он вздохнул: — Ты права. Я слышал ее не одну сотню раз.

— Оба вы жалкие комки говна, — сказал Снек. — Было это, когда я был юным, в день...

— Хорошо бы тот день был твоим последним днем. Во веки веков. Бедный Снек, сражен до срока. Подумайте, кем бы он мог стать! Если бы только держал рот закрытым, прекратив бормотать свою жалкую говенную историю, ему не перерезали бы глотку.

Фолибор и Кожух зафыркали, словно кони, пытающиеся пить ноздрями. Водичка проверила, не запачкался ли снова клапан вещмешка, и обернула голову к Снеку. — Вбей в голову, капрал. Я не люблю рассказней. Они мне не интересны. Любая история — о ком-то глупом. А с глупыми я имею дело каждый день.

— Но, Водичка, — сказал Кожух, — ценность историй о глупцах в том, что ты учишься избегать глупостей, не платя полную цену.

— Но я же плачу, — бросила она. — Плачу скукой.

— Чудесно! — рявкнул Снек. — Будь по-твоему. Скажи, Водичка, о чем желаешь поговорить?

Она кивнула в сторону отряда, шагавшего параллельно малазанам. — О них. Не доверяю им.

— Неужели? — спросил Снек. — Почему бы? Ну, мы пытались убить их, а они нас. Нс целых две недели назад! И только половина наших друзей погибла. Целые взводы. А наш ловил треклятые стрелы за спиной Штыря, пока тот гонялся за Балком.

— Не об том, — ответила Водичка. — Почему они не на дороге? Почему так рады маршировать по грязным полям? Какая-то тухлятина.

Снек обернулся. — Поэтому ты им не доверяешь?

— Я разве не сказала? Почему не увязаться за обозом? Дорога отличная. Малазанские морпехи из первых легионов к северу от Бетриса, вот кто ее строил. Это, мать ее, дорога Сжигателей Мостов.

— Может, — заметил Фолибор, — в том и суть.

— Все вы идиоты. — Слова донеслись из-за спин двух тяжеловесов, где Аникс Фро шагала сама по себе, ведь таков был ее вечный путь на марше, ибо она никогда не шла ровно и любой солдат, решивший идти рядом, неизбежно врезался в чьи-то спины. Что-то с Аникс было не так.

Кожух сказал: — Спасибо, Аникс, за ценный вклад в дискуссию.

— Глупая дискуссия. Если кто потрудится и глянет через мою новую трубу, увидите скрытных туземцев. Так и следят за нами из леса.

— Каких скрытных туземцев? — воскликнул Снек, щурясь на далекие деревья. — Это не скрытные туземцы. Это карибу.

— Забудь глупых карибу, капрал. Ведь половина вовсе не карибу, а скрытные туземцы в шкурах карибу и с рогами на головах.

— Поразительно, — отозвался Фолибор. — Воображаю, они ходят парами под шкурой, чтобы мы видели четвероногих.

— Возможно, — сказала Аникс Фро, снова поднимая толстую подзорную трубу. — Но со мной все их маскировочные штучки не проходят. Я вижу даже волоски в их треклятых ноздрах.

— Зачем ты смотришь на волосы в их ноздрах? — желала узнать Водичка. — Что такого важного в этих волосах?

— Тонкое дело, Дичка, — пояснил Кожух. — Так ты можешь отличить одно лесное племя от другого. Западные ганрелы заплетают свои в косы, слипшиеся от соплей. Но

восточные ганрелы, эти завивают волосы вокруг носов.

— Ты выдумал, — обвинила Водичка.

— Разумеется, — сказал Фолибор. — Всё прямо наоборот.

— Вернемся к нашим скрытным туземцам, — предложил Снек. — Не вижу ни одного.

Только карибу.

— Они там, капрал. Возьми и сам посмотри.

Лицо Снека покрылось пятнами, как всегда, когда он сердился. Он повернулся и прошел между Фолибором и Кожухом. Тюк на плечах залязгал, изнутри зловеще прорисовались шуки с острыми углами, заставив пехотинцев разойтись.

— Что там, капрал? — спросил Кожух.

— Сколько раз повторять: не вашего ума дело? — Снек стащил Аникс Фро на обочину. — Ну, дай свою вещицу.

Остаток взвода присоединился, оставив сержанта Муштрафа маршировать перед пустым местом. Водичка подозревала, он даже не заметит. Так и вышло.

Вскоре должен был подойти первый фургон обоза, заслонив прогалину.

Снек заметил, что все стоят рядом с ним и Аникс. — Чего вам, дуракам, нужно? Мы потеряем место в строю. Ты, Фолибор. Беги вперед и займи нам место.

— Хочу узнать насчет скрытных туземцев, капрал. Думаю, это может быть важно и даже значимо на самый зловещий манер.

— Более чем зловещий, — торжественно кивнул Кожух. — Роковой.

— Зловещий рок, — согласился Фолибор.

Снек поглядел на Водичку, открыл рот, будто хотел ей что-то приказать — но передумал. Взял у Аникс железную с серебром трубу и положил ее на плечо Аникс. Уставился в глазок.

Аникс скривилась. — И почему я сама не додумалась?

— Потому что с тобой никто не ходит, — заметила Водичка. — Значит, не на кого положить.

Фолибор и Кожух снова зафыркали. Водичка как бы не заметила. Аникс почему-то сердито смотрела на нее. Водичка пожала плечами. — Слушай, это легко поправить. Тебе нужен шест вот такой высоты, с зарубкой сверху, чтобы держать тяжелую трубу. Учитывая, что все твои изобретения по-дурацки тяжелые, по-дурацки большие и почти бесполезные, шест поможет со всеми.

— Или, — пробормотала Аникс, — я могу воспользоваться чьим-то плечом.

— Что видите, капрал? — спросил Фолибор.

— Скрытных туземцев.

— Правда?

— Говорила я, — сказала Аникс Фро.

Водичка ретиво всматривалась в далекую линию деревьев. — Проверь волосы в ноздрях, — сказала она.

— Или они, — продолжил Снек, — или хитрые карибу.

— Так что именно? — спросил Кожух. — Скрытные туземцы или хитрые карибу?

— Может, и те и те.

Водичка заметила, как двое тяжеловесов обмениваются многозначительными взглядами. С нее было довольно. — Хочу видеть, — заявила она.

Аникс Фро просела под весом прибора, тот перекосялся, окуляр ударил Снека в глаз.

Он завопил и отскочил, но Аникс ухитрилась поймать трубу. — Ни шанса, Дичка. Найди другое плечо. А еще лучше, другую трубу.

— Мне не нужно, — ответила Водичка, стаскивая и развязывая вещевой мешок. Порылась внутри. — Если вы забыли, моя вторая работа — наблюдение. — Она вынула небольшую подзорную трубу, бронза и слоновая кость. — В этой пять линз. Нашла их подле кургана Брайтго в Натилоге.

— Подле?

— Ладно, внутри. Древность, но с ними я пересчитаю те волоски.

Аникс Фро сжимала свою трубу, словно дубину. Даже сделала пару шагов в направлении Водички, прежде чем Фолибор деликатно оттащил ее и обезоружил.

Водичка раздвинула трубу. Прибор издал четкое щелк, принимая новое положение. Уставилась в глазок...

— Ну? — спросил Снек.

— Вижу лист. Он огромен. На деле за таким можно скрыть целую армию.

— Нужен Омс, чтобы пошел и проверил, — решил Снек. — В чьем он взводе, а?

— Есть только три взвода, — заметил Фолибор. — Как вы можете не знать?

— Но в котором из трех?

— Ну, один это мы, осталось только два.

Аникс Фро фыркнула: — Как могут люди быть такими идиотами и оставаться в живых? Омс во взводе Штыря, капрал. Кажется, это Третий. А мы в Четырнадцатом легионе, хотя большая часть легиона вернулась в Бетрис или еще куда. Капитана звать...

— Ладно, только захлопни помойку, — буркнул Снек. — Иди туда, Аникс, и доложи Штырю о туземных карибу, что тут шпионят.

— Может, нужно сначала доложить нашему сержанту, капрал, — не спеша сказала Аникс. — Как думаешь?

— Точно. Да, скажи ему по пути. Иди же. На нас могут налететь в любой момент.

— Если бы мы налетели на них, было бы на ком скакать, — заметил Кожух.

— Глупости, — закатил глаза Снек. — Ты не сможешь скакать на карибу. Они низкие.

— И на туземцах тоже, — добавил Фолибор. — В точном смысле слова.

Аникс Фро не унялась. — А если Штырь не захочет посылать Омса?

Снек нахмурился. — Что? Но кого он пошлет?

— Водичку.

Водичка опустила трубу. — Не мой род работы. И он не пошлет Омса, ведь полный день и никто не сможет незаметно пересечь голое поле. Ясно?

Внезапная улыбка Аникс была злой. — Верно. Но убийца, способная скользнуть в тени, которых здесь даже как бы нет, вот она могла бы.

— Нет, ответила Водичка. — Он никого не пошлет, потому что все дело глупое. И зачем разговоры о магии? Я просто ассасин... Чего уставились?

Снек ткнул пальцем в Аникс. — Просто выполняй.

— Тотчас же, как Фолибор вернет трубу.

— В этом целое искусство, — говорил Бенжер. — Но тебе, Омс, следует это знать как никому. Любой маг практикует скрытность, даже если Мокра не его избранный садок. Вопрос в том, чтобы затаиться, верно? Держаться под завесой. Чтобы никто тебя не унюхал, и если ты не сможешь, тебе конец.

— Бенжер, — сказал Омс со вздохом, — конец приходит к каждому.

— Верно. Умереть через пятьдесят пять лет или умереть завтра. Выбирай.

— И никто не выбирает.

Бенжер был дальхонезцем. Хотя это, возможно, является заблуждением, многие знатоки магических искусств были уверены, что Мокра рожден в джунглях Даль Хона. Старый Император, вероятно, начинал заклинателем Мокра, прежде чем наткнулся на то, на что наткнулся. Или так полагало большинство магов. И он тоже был дальхонезцем. Может быть. Или нет. Омс мысленно качал головой. Одна мысль о Келланведе заводила в густую дымку смущения, словно любое с ними связанное воспоминание пробуждало тайное заклинание размахом в целый мир. Что казалось смехотворным.

— Я тут помочь тебе стараюсь, Омс.

— Прости, Бенжер. Забыл, о чем мы толковали.

— Вот вопрос, не так ли? То есть как можно пересечь открытое место, чтобы никто не заметил? Знаешь, когда сотни размалеванных дикарей скрываются в лесу, каждый из них непременно плянется именно в твоём направлении.

Омс потер заросший подбородок. — Послать Водичку.

— Согласен в принципе. Но ведь Штырь послал нас, а?

Они отошли от сержанта на два десятка шагов, а две из тяжелой пехоты, Скудно-Бедно и Скажу-Нет, спинами создавали им широкую покачивающуюся завесу. — Да, — согласился Омс, — тут есть о чем подумать.

— Нет, — ответил Бенжер. — Все знают, что ты Коготь. Вокруг тебя кипит темный садок. Не знаю, почему не видел раньше.

— Я не Коготь, — возражал Омс. — И даже если был, уже нет, и даже тогда не все Когти маги, так что я мог быть не магического сорта, если бы был вообще, а я не был. Суть в том, что я не знаю, что ты там видишь или что тебе кажется. Так или иначе, это не мое.

— Может, и не твое, но оно явно тебя любит.

— Слушай, — ответил Омс, — что, если нам оседлать пару лошадей, поехать туда и попросту спросить, что они там делают?

— Ненавижу лошадей. И что важнее, лошади ненавидят меня.

— Точно, он умеют чуют.

— О, правда? — Бенжер стащил шлем, чтобы почесать между немногих белесых волос на бурой как жвачка бетеля голове. — Помнишь атаку антанской кавалерии под Г" данисбаном? Пять сотен лошадей, мчащихся прямо на строй с пиками?

— И что?

Бенжер вернул шлем на место. — Вот вопрос, не так ли?

Омс закатил глаза. Одно из знаменитых замечаний Бенжера. Идя по пути наименьшего сопротивления, он ответил: — А именно?

— Ну, кто глупее: лошади или ездоки? Я назвал бы их равными. Через четверть звона все они умерли или умирали.

— Какое значение это имеет здесь, Бенжер? Мы не намерены атаковать местных древотрахов, так?

— Имеет значение, ибо я не подарю доверия дикоглазому зверю с репой вместо мозгов.

Омс хрюкнул. — Уверен, они так же относятся к тебе.

— К тому же слишком много трудов в наших обстоятельствах. Ладно, благодарю за развлечение. Уверен, они согласны.

— Что? Ты уже там?

— Да. — И тут Бенжер исчез.

Выругавшись, Омс всунулся между Скажу-Нет и Скудно-Бедно — нелегкий подвиг — и игнорируя нелестные замечания, ухитрился пролезть. Подбежал к Штырю и Морруту. — Он добрался и потом что-то пошло не так.

— Что пошло? — спросил Моррут.

— Не знаю, но иллюзия лопнула. Может, увидел что-то и отвлекся, потерял концентрацию. Или у них была ведьма, или ведун, который унюхал его и прихлопнул.

Штырь сказал: — Капрал, седлать четырех коней. Едем туда.

— Четверых будем мало для спасения Бенжера, — заметил Омс.

— Нужно три, — ответил Штырь. — Четвертый для Бенжера.

— Так ты думаешь, он в порядке?

Штырь пожал плечами. — Может показаться иначе, но — так и будет.

— Мы могли бы по дороге взять людей у Балка, — сказал Омс неохотно.

— Нет смысла усиливать наши трения, — отозвался сержант. — Стой здесь и жди Моррута. Я доложу капитану.

Омс глядел в спину Штырю, который поскакал к капитану Грубиту и сержанту Шрейке. Ее больная лодыжка болела сильнее всего при слове "поход". Он не мог ее винить. В Кулверне у них было достаточно лошадей, но шел третий год засухи, в Озере потеряли два урожая, там явно не хватало фуража даже для своих. Никому не хотелось морить животных голодом. Что означало поход в точном смысле слова. Шрейка не любила ходить так же, как Омс не любил ездить верхом. *"А ладно, не бывает счастливого мира, полного счастливых людей. Вечно кто-то вылезает и жалуется"*.

Но тот темный садок, упомянутый Бенжером. Это тревожило.

— Как раз мага я искала.

Омс обернулся и увидел Аникс Фро с вечной трубой. — Я не маг.

— Почему это маги любят отрицать, что они маги?

— Я не похож на Водичку.

— Ха, твой загадочный вид — лишь обман? Вялое позерство?

— Позерство?

— Позерство? Это когда строишь позы.

— Может, ты о притворстве? Или помпезном придурстве?

— Хватит меня отвлекать, не сработает. За нами шпионят с опушки. — Она показала огромную трубу. — От нее не скрыться.

— Как и от зоркого глаза Штыря.

— Чего? Врешь.

— Очевидно, не вру. Так или иначе, — рассказал Омс, — Бенжер помагичил и пошел на разведку. А потом иллюзия, что он идет и говорит со мной, пуфф! И пропала. И теперь мы едем туда.

— И опять незаметно, ха? Зачем беспокоиться? Бенжер уже мертв. Там ведун.

— Ты откуда узнала?

— Видела его, — сказала она торжествующе. — Штырь явно не увидел и теперь Бенжер мертв. Я называю это очередным разрывом коммуникаций, постепенно поражающим малазанские войска. Один глупый маг за один раз.

Скудно-Бедно подала голос сзади: — Есть много связанных факторов, порождающих

упадок Малазанской Империи, и хотя растущая зависимость войск от магии — тренд тревожащий и важный, смею полагать, что первичной причиной распада стала Аникс Фро и ее глупые изобретения.

Аникс послала ей грубый жест, порядком смазанный весом подозрительной трубы в руке. — Тяжелой пехоте тяжело будет меня обдурить.

— Напротив, наше позерство весьма успешно, — возразила Скудно-Бедно.

— О, смотрите, ирония. — Аникс вернула внимание Омсу. — Спорю, Штырь не видел того, что увидела Водичка.

— А именно?

— Листья. Но кроме них, она считает, что там идет обмен сигналами.

— Сигналами? С кем?

— Между ними и Балком.

— Очень тревожно, — пробормотала Скудно-Бедно, и Скажу-Нет согласно крякнула.

Штырь вернулся сразу после приведшего четырех лошадей Моррута. — Новые сведения, сержант, — сказал Омс, влезая в седло. — Могу доложить по пути.

— Что за сигналы? — спросил капрал Снек у Водички.

Та пожала плечами, складывая трубу. — Руками. Жестами.

— Типа взмахов?

— Именно, капрал. Они просто машут, говоря "привет". Вот так, — показала она. — Только значит это совсем иное.

Фолибор хмыкнул: — Это не было приветствием, Водичка. Сама знаешь.

— И те туземцы не махали приветственно, чтоб меня.

Снек обернулся. — Но ты только что...

— Она говорила с сарказмом, — объяснил Кожух.

— И как я должен был понять, Кожух? Вот так все и рушится.

Водичка вздохнула: — Чесоточные перья, Снек, ты не лучше Аникс Фро. — Она замолчала: впереди показались сержант Штырь, Омс и Моррут, едущие к ним. С запасным конем.

— Не лучший знак, — заметил Фолибор.

— Бенжер, — шепнула Водичка. — Похоже, его поймали. Убили. Бедный Бенжер.

Сержант Муштраф пришел к ним, помятое, изрытое лицо потемнело от гнева. Наставил на Водичку корявый палец. — Ты, колдуй и несись туда.

— Я не...

— Хватит дурить, — прервал ее Муштраф. — Я отдал приказ.

— Мне нужно уйти за фургон. Там я упаду в сорняки, расплывусь — благодаря исключительно навыкам скрытности — и просочусь через поле. Потому что вы неправильно воспринимаете магические штучки.

— Просто доберись туда и поддержи их, если нужно.

— Могу я убить ведуна?

— Откуда мне знать? А ты можешь?

Это прозвучало для Водички очередным приказом. Она улыбнулась и передала мешок Фолибору. — Не потеряй.

— Как могу я потерять то, через что намерен смотреть?

— Иными словами, — сказала она, — уважение к моим личным вещам не устоит перед

твоим зрительным фетишизмом?

— Вполне верно.

— Водичка, — зарычал Снек.

— Иду! — Она повернулась и обогнула бок ближайшего влекомого волами фургона.

Возчик уставился сверху. Она оскалилась вверх. — Отвернись, жопа дырявая.

Королевство Тени всегда было уродливым садком, полным странных складок, иные можно пройти, в других полно ужасных, мстительных демонов, лишь иногда готовых услышать доводы разума. Что еще тревожнее, насильственное открытие двери в садок не дает гарантии, что ты окажешься там, куда желаешь попасть. Она слышала о магах, ступивших на поле битвы демонов, а то и прямо в пасть Гончей.

— Опять пялишься.

Возчик жевал что-то, делавшее губы пурпурными. Он выглядел в точности как ребенок, которого она как-то нашла безнадежно запутавшимся в зарослях ежевики. Тот орал, даже когда она заткнула ему рот. Но этот был старше, лет сорок.

— Мне нужно скрыться, — сказала она.

— Так скрывайся, — ответил он гнусаво и сплюнул пурпурной слюной на сторону.

— Что жуешь?

— Кто сказал, что я что-то жую?

— Просто отвернись.

— Ты назвала меня дырявой жопой без всякой причины.

— Как раз сейчас ты даешь мне причину.

— Ты меня обидела.

Из-за фургона донесся рев Снека: — Водичка!

Она вытянула нож. — Если не отвернешься, убью.

— Эй, что сразу не сказала? — Мужчина отвернулся, поднял глаза к небесам, челюсти деловито обрабатывали то, что он не жевал.

Она смотрела на него еще мгновение, просто чтобы убедиться, а затем легким жестом открыла Садок Тени. Единственным видимым признаком стала необычная размытость воздуха и почвы перед ней. Пока все как надо. Спрятав нож, она быстро скользнула в проход.

Небо над головой вдруг стало темнее и мутнее, тускло-желтое с серым оттенком железной крицы. Дорога и поле, колонны и прочее исчезли, хотя если прищуриться, можно было различить призрачные очертания, горсть ярких пятен — маги и целители, ведь они — на взгляд из садка — всегда протекали. Яркое свечение вола было странным, но некоторые животные чувят магию носом или ухом, или даже затылком. Когда скот замычал, звук донесся будто издалека. Проходя мимо, она коснулась его уха. Вол снова замычал.

Она видела линию деревьев за отрядами Балка, но казалось, будто всё грубо набросано взмахами кисти на фоне иной унылой картины: черные песчаные волны и выступы острых камней, а местами огромных валунов. Полосы более светлого песка вились по склону холма, на гребне стоял некий четвероногий зверь и следил за ней. Трудно было понять, насколько он велик, ведь расстояния в садке часто играли шутки.

Когда она направилась в сторону деревьев, зверь не последовал, так что она решила игнорировать неотвязный горящий взор.

Всего дюжина быстрых шагов вынесли ее за строй Балка и внезапно опушка выросла впереди, призрачный лес, как бы вылезавший из россыпи камней, в которых она отметила что-то необычное, решив обдумать после.

Тихий стук копыт позади; она обернулась, увидев проскакавших Штыря, Моррута и Омса.

Водичка вздрогнула. Омс тускло мерцал чем-то болезненно-опасным. Видела ли она это прежде? Он был сапером и мастером работать ножом. И Когтем, как говорили? Трудно сказать. Иногда люди несут чушь, как будто мозги и глаза перекошены. Но...

Взгляд на Штыря поразил ее сильнее — хотя она ожидала, ведь видела это каждый раз, встречая его и находясь в садке. *"Безумное... нечто. Нечто. Что это, во имя Джарека?"* Колеблющиеся нити энергии, слишком беспорядочные для паутины, плыли вокруг сержанта, словно влекомые в разные стороны незримыми потоками. Добрая треть нитей опустилась вниз, обвив коня, будто крепя всадника к нему; она ощущала дух животного, устрешенного до дрожи.

А вот Моррута не отличить было от кома сухой глины.

Водичка посторонилась, пропустив троицу, и вздрогнула в третий раз, ибо нечто следовало за Омсом, и было оно большим и тяжелым — она ощутила намек на буйную гриву, на пальцы с когтями длиной с кинжал, притом это нечто имело какой-то женский привкус, и оно плыло вслед, повиснув над Омсом.

— Кто ты и зачем тебе Омс?

Призрак не подал вида, что услышал Водичку. Она хмыкнула, следя, как он скользит мимо, держась подальше от Штыря, словно не хочет, чтобы нити-щупальца коснулись его и схватили.

Был ли Штырь магом? Если да, никогда этого не показывал на ее памяти. И если власяница была заколдована, этого тоже было не увидеть. Нет, Штырь был просто Штырем. Хотя и мог быть проклят. Но если был, почему Бенжер не снял проклятие уже давно, ведь кроме Мокра он был также адептом Денала?

Трое остановили коней. Водичка слышала голос Штыря словно из-за стены или сразу двух. — С лошадьми, Моррут. Похоже, наши гости сбежали, но нужно найти Бенжера.

— Сбежали, но недалеко, — заметил Омс. — Чувствую запах крови и кишок.

— Могли разделять карибу, Омс.

— Ты сам веришь, капрал?

— Нет, просто жалкая попытка казаться оптимистичным.

Штырь и Омс спешили. Водичка видела, как натянулись нити Штыря, а затем освободили трепещущую душу животного.

— Ты впереди, Омс, — велел Штырь.

Они вошли под почти лишенный листьев лесной полог. Омс выставил арбалет. Водичка следовала, отставая на дюжину шагов. Ведун был близко, но хорошо замаскировался, вероятно, обернулся в призрачные сплетения ветвей древнего леса, что некогда покрывал весь север. На фермерских полях повсюду стоят призраки деревьев, если у вас есть глаза, чтобы видеть. А здешняя рощица осин, ильмов и ольхи сильно волновалась — колдунья подозревала, что тысячи прошедших и сотни оставшихся карибу принесли с собой нечто первобытное, загрязнившее элементарные воды.

Однако перед Водичкой встала более насущная проблема — как перелезть груды валунов мира, в котором она оказалась. Камни были скользкими, покрытыми мхом, черными, как провалившиеся глазницы Вдовы. Она полезла сбоку насыпи и выругалась. Водичка повидала достаточно дурацких курганов, чтобы узнать еще один.

Курган в Королевстве Тени. Она прекратила карабкаться, облизала губы. Часто ли такое

бывает? *"Как насчет... никогда?"* Он ведь даже не кажется особо древним, верно: любая куча камней, почти проглоченных торфом и мхами, выглядит лишенной возраста. Трава, кусты, затем деревца. Еще три сотни лет, и никто не заметит. А ведь даже мох, который она содрала при подъеме, вырос едва несколько лет назад.

"Разграблен? Вряд ли! Это же Тень, полная демонов, ходячих трупов и Гончих!"

Она полезла снова, быстро оказавшись на вершине. Шагах в двадцати посреди поляны стояли Штырь и Омс. А то тяжелое огненновласое привидение кружило, словно почуявшая запах собака. А вон там, у ног сержанта, было оставшееся от Бенжера. Утыканное стрелами, скальпированное, выпотрошенное, горло перерезано, глаз нет.

"Бедный Бенжер. Да ладно, для меня работы не осталось. А эти двое еще живы и выглядят хорошо, особенно в сравнении с раздувшейся огромной каргой с когтями, что спует тут, словно шлюха у казарм. А ведуна нет — никакого свечения. Дернул отсюда, конечно, в пасти пара милых глазных яблок, на поясе кровавый скальп. Человек, успевший повеселиться. Бедный, бедный Бенжер".

А тем временем кто-то подкинул на ее пути громадный могильник. Это не может быть случайностью. Вселенная так не работает. *"Это... это как в поэме о богах, властителях и так далее. Схождение сил. Прямо здесь и прямо сейчас. Я и... курган"*.

Она пробралась среди валунов к более высокому краю и там, как полагается, нашла массивную длинную плиту, закрывшую вход внутрь. Бросившись рядом, Водичка застыла. Препятствие выглядело большим и тяжелым, а она так и не запаслась ломиком.

Временное затруднение. Она быстро огляделась. Штырь и Омс стояли спинами к ней, демоническая карга пропала, и доброго пути. Идеально. Она отпустила садок, сделала два быстрых шага и с торопливым жестом снова нырнула в Тень.

Очутившись в темноте. Запахи плесени, запахи мертвечины, но никаких запахов, говорящих, будто могильник старый.

"Я внутри!" — Привет, господин мертвец, — пробормотала она. — Я за покупками.

Проход оказался узким, заставив ее встать на четвереньки; сырой земляной пол шел вниз. Она поняла, что достигла конца тоннеля, когда расставленные руки вместо каменных стен ощупали воздух.

Водичка застыла. Села на корточки, прошептала несколько слов и подождала, пока слабый свет не обрисовал закругленные стены гробницы.

В центре доминировал помост из грубо обработанных досок, вместо гвоздей скрепленных ремнями; повсюду висели фетиши из перьев и крысиные хвосты. Тело принадлежало кому-то высокому, тонкокостному и высохшему в уютном мешке из оленьей кожи. Ноги торчали близко от входа, на голове была лакированная маска, искажившая черты деревянного лица нелепой гримасой; по сторонам торчали седые волосы. У маски не было дыр для глаз, но глаза были нарисованы, большие и открытые. — Смотрите, — шепнула она. — Свинцовая краска.

Около головы окованная железом коробочка покоилась на треноге, крышка запечатана полосой воска, усеянного дохлыми мухами и прочими насекомыми. С другой стороны лежал глухой шлем, вдавленный от удара.

— Нужно было пригибаться, — шепнула Водичка.

Помост был высотой с обеденный стол, под ним было достаточно места. Водичка встала на колени, проползла и заглянула под мертвецкое ложе.

Там лежал меч в ножнах. Полуторного рода, с извитой гардой и шаром из янтаря. Она

подтянула оружие поближе, чтобы осмотреть. Поработала ножом и торопливо припрятала выпавший камень. Оказалась достаточно любопытной, чтобы вытащить клинок на треть и полюбоваться рисунком на лезвии. Однако она не нашла бы применения мечу, к тому же он был слишком большим, чтобы привлечь кого-то во взводе. Так что засунула оружие глубже под помост. Он тут пока не самое ценное, хотя при случае она взяла бы его и продала в Серебряном Озере.

Разогнувшись на коленях, она осматривала спеленутый труп. Затем прорезала кожаный саван, чтобы осмотреть тело. Блеск золота привлекал внимание, где-то в складках плаща. Брошь. Она срезала ее с одежды и добавила к шару в кошельке. Было еще ожерелье из сотен крошечных зубов. Крысиных? Она не знала. Не помнила, чтобы изучала крысиные клыки. Кожух сказал бы; он знал все обо всем. Она потянула ожерелье, нашла застежку и добавила к добыче.

Приподняла руку, издавшую треск. — О, чудная рукавица. — Сняла. Рука оканчивалась ниже локтя. — Фуу. Точно нужно было уворачиваться. — Однако рана выглядела давней. Из божеств Удачи на война поглядывал лишь Господин. Она обнаружила даже рану от меча, которая помогла ему умереть — наряду с проломленной головой и свинцовой краской — слева от грудины, горизонтальный разрез между ребер, прямо к сердцу. — Нужно было отскочить.

Вечно так смертвецами. Они мертвы, потому что не слушали советов. Будь на месте этот типа она, он наверняка выжил бы. С выпученными глазами и пускающий слюни от свинца, но живой.

Да ладно. Браслетов нет, плохо. И колец, но если он был бойцом, удивляться нечему. Нет ничего болезненнее, чем кольцо, сдавившее палец в разгар ножевого боя.

Она еще раз посмотрела на маску. Интересная. Краска хорошая, но никакой позолоты. Какой-нибудь богач мог бы ее купить, не думая о возможных зловредных духах. Повесить на стену и забыть, пока все семейство не помрет или не рассорится. И заплатил бы слишком много. Идиот.

Она стащила маску с лица. Высохший лик не принадлежал человеку. Водичка скривилась. — Тисте. Нужно было догадаться. — Кожа на острых скулах была серой, тоже не удивительно, ведь мужчина был мертвым. И точно, правый висок вдавлен, кожа порвана и вся в черной крови. — Видишь? Пригибайся, уворачивайся, отскакивай. Могла бы получить состояние, давая советы.

Она сунула маску под блузу, и маска холодно облекла левую грудь.

А теперь пришло время для милой коробочки.

Лезвие ножа легко скользнуло по воску. Крышка откинулась со слабым скрипом.

Золотые монеты. Сложены, кругляши склеены тем же воском. Она насчитала двенадцать столбиков по двенадцать монет. Что в сумме... много. — Еще один совет, — сказала она трупу. — Раз ты мертв, тебе их не удержать. А вот я жива и удержу. И тебе не забрать их в посмертие, так-то. Ну а я могу взять их куда хочу. Ты сидел на них насадкой и ни к чему не пришел, потому что умер.

Она вытащила кошель побольше, из мятой кожи. В добрые времена он содержал сласти, любые, которые можно было купить на ближайшем рынке. Кошель пустовал после самой Кулвернской Переправы. Трагично, но теперь удобно.

Столбики монет отрывались от воска, сразу или после прокрутки, и быстро падали на дно кошелька. Она завязала верх и взвесила кошель в руке. Чертовски тяжелый. Монеты были

большими, больше, чем даруджийские консулы и даже старые антанские соверены. И толще. Судя по весу, чистое золото.

— Я богата. Разбогатела честным путем. Тяжелая работа и никакой помощи. И никаких наследственных привилегий. Похожа я на наследницу? Мягкую, жирную, ленивую и надушенную? Не я. Это подобающая компенсация и никто не...

Льняной шарф чуть натянулся на шею. Водичка подалась в сторону, а лезвие кинжала просвистело чуть выше лопаток — увернулась от удара в спину! Даже не коснулось кожи — она упала, перебив коленом подпорки в ногах трупа, тело навалилось сверху, ловко отделив ее от татуированного туземца, готового прыгнуть с ножом.

Острые пронзило мертвую грудь.

— Промазал! — Высвободившись, Водичка резанула своим ножом, ощутив, что задела нападающему подбородок. Голова отдернулась.

"Ведун! Хитрый ублюдок спрятался здесь!"

Он попытался напасть снова, она пихнула ногами, заставив его упасть на почти обрушенный помост. Пока он возился, пытаясь встать, врезала ему кошелом в висок. Удар вызвал приятный хруст. Кровь хлынула на каменную стену, ведун отшатнулся, падая на спину.

Водичка прыгнула следом, довершая дело ударом ножа. Лезвие вошло под ключицу.

Он ответил ударом сбоку, достав до лопаточной кости.

— Ой! Больно, твою мать! — Мешочек с золотом был бесполезен на таком расстоянии, она выпустила его и вонзила палец в глаз ведуна. Глаз лопнул, словно виноградина.

Он попытался просунуть ей ногу между коленей, однако она заблокировала его, повернув бедро. — И не сработает. Я не мужик! Ха! — Он попробовал снова, дотянувшись до паха. — Ой! Все равно больно! Очень!

Она откатилась, одурев от боли и вслепую ударяя ножом.

Что-то вскрыла, кровь полилась на руку. — Попался!

Вспышка боли заставила онеметь левое бедро. — Ой! Драть тебя!

Она пнула его правой, вогнав пятку в кишки. Вырвался хриплый вздох. Она пнула еще, пяткой в челюсть. Устроив ему вывих.

Водичка снова перекатилась на живот и дважды ударила врага в грудь. Соленый палец влез в рот, она укусила его и принялась жевать. И через миг поняла, что ведун лежит неподвижно. Выплюнула палец и села.

Мокасин ударил ее в висок, заставив упасть набок. — Мудак, ты же должен умереть, — пробормотала она. Выронила нож. — Почему ты не умер? — Она шарила в поисках ножа, слыша, как ведун встает и пытается уйти по коридору. — Убежать? Невероятно! Ни шанса!

Пальцы нащупали нож, но не тот конец. — Ой, так...! — Вторая рука нашла кошель с монетами. Левое бедро взрывалось мучительной болью при любой попытке опереться. Замедляло ее. — Вернись, неубиваемый ублюдок!

Она сгорбилась, ковыляя по проходу. Ведун был почти у выхода, тяжелая плита-дверь оттащена вбок. *"Когда это случилось?"* Она видела, как силуэт заслонил бледный свет дня — и пропал.

Она слышала снаружи странные звуки, пока — голова кружится, шея будто сломана — хромала, почти карабкаясь по крутому подъему. Наконец вывалившись из глотки кургана.

Гончая Тени стояла в пяти шагах, в пасти застряла нижняя часть ведуна. Очевидно, верхняя была внутри. Те звуки были хрустом костей. Зверь чуть опустил голову, устремив на

нее пламенеющий взор.

Водичка засмеялась и выставила палец. — Погляди на себя! Обжора! Теперь не сможешь...

Гончая дернула головой, татуированные ноги скользнули внутрь, словно были без костей.

— Ох, дерьмо.

Водичка открыла садок, расплескав энергию по рваным краям прохода, и нырнула, когда Гончая прыгнула к ней.

Ощутила рывок за кожаное пончо — и покатила по мшистому грунту под облачное, но теплое небо.

Услышала тихий свист меча, покинувшего ножны. — Сдаюсь!

— Водичка! — Омс встал на колени, отбросив арбалет. — Живого места нет!

— Меня ранили, Омс, — зарычала она, — и пнули в голову и сломали шею и один сплошной синяк на мягком месте. Как я должна выглядеть? Смотри! Истекаю кровью отовсюду!

— Мягком? — сказал Омс.

Штырь стоял рядом, склоняясь. В руке короткий меч. — Это не только твоя кровь.

— Чертов скрытный ведун прятался в треклятом кургане. В Королевстве Тени! Верите ли в такое везение?

— И где он? — спросил Омс.

— Мертв. И скажу вам, было нелегко. — Она осторожно села. — Ой, спина порезана, и поглядите на дыру в ляжке!

Омс стоял на коленях, теперь позади нее. — Низ пончо пропал, Дичка. Что там случилось? Большая дыра прямо над...

— Гончая Тени. Почти съела меня.

Штырь смотрел сверху вниз. — Королевство Тени, курган, ведун, теперь еще и Гончая. Ничего не пропустил?

Она подтянула кошель с монетами, глаза подозрительно сузились. — Нечего. Всё так, сержант.

— Драть меня, — буркнул Омс, выпрямляясь и подбирая арбалет.

Кривясь, Водичка сказала: — Чего? Я убила треклятого ведуна, так? Ладно, слишком поздно для бедняги Бенжера, что досадно, ведь кто меня исцелит? Но ведь чертов ведун мог убить и вас двоих. — Она принялась утирать лицо, тыл ладони был залит кровью, к ней пристали клочки кожи от трупа. — И у ведуна была кожная зараза. Ох.

— Омс. — Штырь вложил меч в ножны.

— Не уверен, сержант. Близо. — Омс повернулся в сторону поляны и сказал громче: — Бенжер! Ведун мертв, можешь выходить!

Верхушка дерева затряслась, Бенжер ловко спрыгнул вниз.

Водичка глядела туда, где второй Бенжер лежал посреди большого мутного пятна крови и прочих мерзких гуморов. Смотрела, как он пропадает. — Так и знала. Утыкан стрелами, скальпирован, выпотрошен, глотка перерезана, глаз нет. Кем себя возомнил, Тисте? — и тут же замахала рукой. — Целитель! Спешу, умираю!

Лейтенант Ара и Балк рядом с ней молча смотрели, как небольшая группа малазан появляется из леса, четыре конных и пеший. Кажется, женщина на последнем коне была вся

в крови.

— Не торговля заставила меня изменить решение, — вдруг начал Балк. — Любое племя радо будет обменять связку мехов или еще что на железный горшок, нож или топорик. Полезные вещи. Прочнее и долговечнее местных аналогов. Это разумно, но привычка соблазняет, и с ней приходят вещи менее приятные.

Ара промолчала. Желание Балка оправдать свои решения, подумалось ей, говорят о том, что у него остались сомнения. Малазане явно схлестнулись с ганрелами. Это было не обязательно. Но и не удивительно. Никто не объявлял торгов, и тут имперские земли. Есть определенные правила общения с немирными народами. К тому же маги морпехов могли учуять, что происходит нечто необычное.

— Однако селения глубже в Вольных землях, — продолжил Балк, — именно там я впервые встретил беглеца-натийца, жалкого землероба, проведшего жизнь в нищете и тяжком труде. Пленника системы, державшей его в ярме и сулившей то же его детям. Он сбежал от всего этого. Боялся, что я затащу его назад к цивилизации. Но я не стал. Мне было интересно выслушать его историю, и он сказал, что в глуши есть ему подобные, они живут без денег и сословий, без мучительного труда и убогого быта. Я не был удивлен.

Вдалеке Штырь повернул коня, медленным галопом направившись к ним.

— Оно обрушилось на меня именно тогда, — говорил Балк. — Откровение.

Ара щурилась, следя за Штырем. Так и хотела увидеть его мертвым. Ненавидела за то, что он заставил ее делать. — Захочет узнать, какая фигня тут творится.

— Ничего тут не творится.

— Пока.

Они замолчали. Штырь подъехал ближе. — Лейтенант Балк.

— Сержант?

— Там был ведун, он пробуждал духов земли.

Балк пожал плечами: — Они так делают. Легче выслеживать добычу.

— Не за добычей он ходил, капитан. Тут не нужна магия. В лесу не сделать десяти шагов, не наткнувшись на карибу. Эти ганрелы далеко зашли на наши территории; но полагаю, вы часто имели с ними дело в Дурацком лесу.

— В сезон торговли, верно.

Штырь любезно кивнул, он как будто наслаждался верховой ездой. — Масса докладов, — продолжил он, — с северных границ. Они пришли в движение. Скапливаются большой силой. Там и тут стычки. Никакой торговли.

— Так что будет нашей задачей в Серебряном Озере, сержант? Ловля дикарей на имперских землях? — В голосе Балка почти открыто звучали негодование и презрение. — Будем выставять головы на шестах? Или просто брать скальпы?

— Это не стиль малазан, лейтенант, — спокойно ответил Штырь; его заинтересовало что-то вдали, он щурился под солнечным светом, наконец прожегшим тонкую пелену облаков. — Мы здесь ради защиты поселенцев, поддержания имперских дорог и патрулирования границ.

— Вы заехали в лес, сержант. Трое конных и запасная лошадь. А выехали четверо конных и пеший. У вас раненый.

— Ведун, работая с духами земли, может выслеживать перемещения отрядов врага.

— Мы теперь на войне, сержант?

— Думаю, кто-то уже воюет, — отвечал Штырь. Пожал плечами и схватил поводья. —

Неважно. Ведун мертв. Не этого мы хотели, но он не желал общаться.

Всадник ударил шпорами и отъехал.

Через долгое мгновение Ара зашипела: — Нистилеш мертв? Не верю.

Балк смотрел на марширующих морпехов. Всадники соединились с ними. — Меньше двадцати, — буркнул он, — но в этой горстке есть кто-то поистине опасный.

— Но Нистилеш, капитан? Ганрелы никогда не оправятся. — Она указала на морпехов. — Ублюдки только что вырвали нам проклятое сердце.

— Эта смерть их ослабила, да. Но и озлобила.

— Штырь не доверяет тебе, капитан.

Он сплюнул в сторону. — Взаимно.

Задумался и произнес: — Шугал, Спица и Крик могут заняться Штырем, хоть всю ночь работать ножами. Благословляю.

Век нынешний уникален лишь тем, что ты живешь в нем. Когда умрешь, сразу перестанешь о нем тревожиться. Сам понимаешь. Вот почему ты не тревожишься о том, что за пределами твоей жизни. Какое тебе дело?

Следовательно, и это весьма разумно, каждое поколение проклинает поколение предшествующее. А именно, твое. И жалкое отступление с боями, которое ты зовешь консерватизмом — эта горькая, полная ненависти война с переменами — обречено на неудачу, ведь ни один век не длится вечно. Один следует за другим, и это неумолимый факт.

Так что отойди в сторону. Твои дни кончены. Не регрессируй до детских капризов, не твори насмешку над мудростью. Век умирает с тобой, как должно, и ты обнажил нам его лицо: лицо хнычущего дитяти, чья колыбель рассыпалась в прах.

Синтреас, "После последнего дня бунта", Великая библиотека Нового Морна

Рент заблудился. Уже три дня шагал по камням, среди безумного лабиринта ущелий и ветвящихся во все стороны расселин, перебираясь через ямы, заваленные гнилыми деревьями и залитые мраком, между ломаными ребрами высоких скальных гребней. Озеро он потерял из вида два дня назад. Солнце стало жарче, иссушив ломкие лишайники под ногами, наполнив воздух тучами насекомых.

Наконец он добрался до обширного плато, по которому были разбросаны огромные валуны, и сел в тени горной сосны, чей ствол был странно вывернут от корня до вершины. Нашел в лишайнике горсть грибов-дождевиков и принялся есть. Они крошились, будто сыр, но почти не имели вкуса.

На него давил груз истины: он не способен позаботиться о себе. Для выживания нужно нечто большее, чем находить еду и воду или забиваться в пещеры перед приходом ночи. Такое случается или нет, как утомленному пловцу спасает жизнь отмель или песчаный островок. Но величайшая борьба за жизнь начинается между кратких убежищ, в мгновения между тут и там, с каждым вздохом, когда тебя словно тянут в стороны незримые течения.

Он не знал, что делать с пустыми промежутками. Голос в голове, который Рент считал своим, звучал как чужой — как испуганное дитя, меряющее пределы темницы немногих мыслей. Мысли шли круг за кругом, и все на подбор бесполезные и неутешительные.

Солнце садилось, удлинялись тени. Он чесался от укусов, на поясице под пальцами уже показывалась кровь. Растаявшие под солнцем снеговые лужи почти исчезли; ему приходилось вытаскивать мох из трещин и засовывать нос между камней, чтобы лизнуть воду. Ему начало казаться, что валуны разложены неким узором, но едва намечалась линия, как оканчивалась бесформенной каменной кучей. Эта страна словно была разрушена — возможно, по чьей-то воле.

Дамиск не отыскал его, оставив в душе странное чувство. Когда старый охотник вошел в

мир Рента, то чем-то его заполнил; а теперь он пропал. Был живым, а теперь, наверное, умер. И если бы внезапно появился его призрак, Рент зарыдал бы от облегчения. Что угодно, лишь бы кончилось одиночество.

Он съел грибы, но в желудке осталась пустота. На ночь еды нет, и он не видел убежища, в котором можно будет избежать ночного холода. Голос в голове твердил, что выбора осталось мало, и самый простой — сдаться и лечь в трещину, и когда придет смерть... что ж, сопротивляться он не станет.

Тени удлинились, разлиновав неровную скалу под ногами, тени тянулись от каждого валуна, черные тени деревьев качались, будто те пытались вонзить сучья в твердые камни. Сети теней, узоры трещин и бездонных ям простерлись вокруг.

Тут безопаснее всего не двигаться. Рент спрыгнул с валуна и свился клубком у его подножия. Однако он не мог сделать себя таким маленьким, чтобы укрыться детским одеялом. Стопы и лодыжки вздулись от комариных укусов, и он бережно укрыл их, хотя грубая ткань усилила зуд, и сел, ожидая ночи.

Если Дамиск был прав, мать еще жива. Он был рад этому, и тому, что без него с вечными его жалобами на голод она познает хоть какой-то покой. И сбережет деньги, возможно, сможет залатать крышу. Он вообразил ее в голове: последний мужчина ушел, и она смогла сесть на кровать, и с чердака не доносятся скрипы беспокойного сна сына-великана. Он видел ее лицо: тревожные морщинки пропали вместе с ним, синяки выцвели, и отвалились корочки ссадин. Такая милая.

А по главной улице слоняются дружки: камни в руках, но не в кого их бросить. Пьяница Менжер вышел в переулок вылить собакам отбросы. Капор и Арко и Вихун сидят в таверне, у огня, ибо старикам всегда холодно. Говорят о том же, что и каждый вечер: рыбалка и сети и крючки, и лодки, которые пора заново красить.

Та же луна вышла среди облаков, хотя над другим берегом озера. Те же звезды сверкали там в темнеющем небе. Все не так далеко, как кажется, но ведь не коснешься. Единственной свободой оставалась свобода мыслить, и мысли вились, летая в ночи и не заботясь, как далеко уносят его; и пока смыкалась тьма, чужак в голове замолкал, сдаваясь миру вокруг.

Он слышал летучих мышей, тихие крики утомившихся птиц, а над головой тянулась звездная дорога духов. Этой ночью не было ветра, и кусачие насекомые облепили его.

Отец его не был богом. Не мог быть. Боги перешагивают горы одним махом, выпивают огромные озера и вырывают деревья, словно цветы. Они столь высоки, что ничто внизу им не важно.

Почти все жители Озера были натийцами. Их загнали сюда многолетние вторжения малазан. Они ушли так далеко, как смогли, но империя все же проглотила их. Но где-то за всем этим началась торговля рабами, и первые рабы были пойманы в лесах севера, они мало отличались от жителей городка. Однако затем работорговцы нашли Теблоров, Великанов было слишком мало, чтобы сопротивляться. Рент не понимал, как можно желать владения себе подобными; но Теблоры были сильнее и жили дольше любых лесных дикарей. Это делало их особо ценными.

Серебряное Озеро богатело. Все жили в хороших домах и вели добрую жизнь, и никто не голодал. Но малазане не любят рабства. Империя запретила его. В Малазанской Империи один человек не владеет другим. И началась битва между законом и деньгами, и не сразу, но закон смог победить.

Дамиск объяснил это, пока они шли вместе. Дамиск болтал, словно в его черепе было

слишком много слов и нужно было их вычистить. Он сказал, что история — собрание истин, иногда скрытых или искаженных, даже переплетенных с ложью, но, если искать их упорно, истины являют себя. Но большинство людей не хотят ничего знать, нет, если ложь делает их счастливыми и дарит уют, богатство.

История живет в памяти; однако у каждого своя память, и никто не помнит одинаково. Так что история также — вечный спор истин.

"Тут есть еще кое-что, Рент. История — не прошлое. Прошлое ушло, оно сзади и нам не вернуться назад. Нет, историю мы носим с собой. Это история воспоминаний о том, каковы были вещи, какова была жизнь. Но чем дальше заходишь, тем слабее память, тем больше дыр; и мы берем и заполняем дыры воображением и домыслами. Ты можешь подумать, что воображение сильно. Не так. Чем уже твой жизненный опыт, тем слабее твоё воображение.

Но как насчет детей, спросишь ты. Разве они не опровергают мои слова? Да и нет. Их воображение сильнее всего, и внутри их мир полон счастья. Пока не погибнет под пятой. Рано или поздно ребенок учится оставлять воображение позади, забывать, не кормить. И оно гаснет".

Рент кивнул. Да, говорил он себе, я гасну. Чую это в душе. Слишком много камней ударило тело, слишком много проклятий летело в его сторону, чтобы остаться прежним. Быть ребенком означало быть наполовину слепым, вырасти означало прозреть к тому, что реально.

"Твой отец — Карса Орлонг, воин Теблоров. Может, теперь он бог. Вот где начинается история твоей жизни, Рент. Это истина. История. Удивительно, что тебя не убили годы назад. Но почему? Никогда не удивлялся?"

Нет, не удивлялся. Он не знал, что у людей есть причина его убить. Не любить — одно дело, убить — совсем иное. Правда?

"Страх", сказал ему Дамиск. "Отродье бога. А если Карса Орлонг узнает об участии сына? Что, если Карса Орлонг вернется в Серебряное Озеро? Мудро ли гневить бога?"

Нет, это не казалось мудрым.

"Но твоя мать знала, что нельзя верить страху. Знала, что жизнь твоя под угрозой. И как ненависть теряет разум и случается ненужное. Еще один повод услатить тебя. Она позаботилась, чтобы ты жил; если это не акт любви, то что есть любовь?"

Но сейчас он хотел умереть. Выцвести с историей, быть забытым. Так бог одним взмахом руки стирает свои дурные дела. Вроде зачатия Рента.

Он услышал звук, открыл глаза.

Трое стояли перед ним, омытые вялым светом луны. Две женщины и мужчина. Конечности были покрыты спиральными узорами татуировок и блестели, будто лоя серебристые отсветы. На шеях ожерелья из зубов, птичьи кости свисают из длинных неопрятных русых волос. У поясов скальпы. Мужчина нес костяной лук, так тщательно отполированный, что казался сделанным из янтаря. Он был широкоплечим и крепким, на лице маска из костяных фрагментов. Женщина слева держала на плече длинный дротик. Она была молода, тело полноватое, лицо круглое и все в черных оспинах. Вторая, старшая женщина была безоружна. Одни кости и сухая кожа, она казалась умирающей. Костяной выступ бровей под почти белыми волосами, глаза сокрыты глубоко, каждый светит подобно далекой холодной звезде.

Рент осторожно сел. — Саэмды, — произнес он.

Старуха оскалилась. — Сай Имас хеди.

Он смотрел недоумевающе.

Молодая породила низку иноземных слов, тон казался Ренту презрительным. Однако он восхищался красотой ее языка, подобного песне. Он улыбнулся ей.

Мужчина издал нечто вроде смешка, добавив несколько столь же мелодичных слов.

Круглолицая надула щеки, замолчав.

— Сай Имас хеди, — повторила старуха медленнее. — Народ Холодных Морей, дитя Тоблакаев.

Помня слова Дамиска, он ответил так: — Я Рент, сын Карсы Орлонга, и я приветствую вас.

Трое замолчали, словно оценивая его дерзость. Затем старуха заговорила снова. — Я одна понимаю нати. Но имя твоего отца ведомо всем. Мы слышали о тебе, божий отпрыск Серебряного Озера. Не думали, что тебе позволят жить.

— Я убежал, — сказал он, пожимая плечами.

— Ты слаб.

Рент кивнул. — Не чувствую себя сыном бога.

Молодая снова заговорила, резко и пренебрежительно; тем временем мужчина в маске отошел и начал обходить место, вынимая из колчана длинную зазубренную стрелу. Девушка, закончив, опустила дротик и сняла с пояса метательную петлю.

— Они тоже хотят меня убить.

— Нет, — ответила Ренту старуха. — Но здесь опасно. — Она подошла и села напротив. Из мешка выложила сухое мясо и обожженные куски какого-то сала. Затем предложила водяной мех. — Во времена до крушения мира это было островом во льдах. Не пей много, иначе взбунтуется живот. Теперь ешь, медленно, ага. Остров, божий отпрыск, созданный из шкуры мира, сделанный убежищем — или тюрьмой. Иногда убежище делается прочнейшей из клеток, если тебе не хочется пробовать на крепость прутья. — Она помедлила. — Здесь обитают Жекки, думают, что защищены от крушения мира.

— Не знаю, кто такие Жекки, и никого тут не видел.

— После крушения мира лед умирал и много раз возрождался. Во времена без льда мы нашли их, узнали, что это Жекки, и охотились на них.

— Они пасутся стадами?

Улыбка обнажила слишком большие плоские зубы, сточенные и в пятнах. — Нет, божий отпрыск, не стадами. Они охотники, как и мы, пожиратели мяса. Наши воины должны испытать себя против Жекков.

— Почему?

Вопрос заставил ее смутиться. — Жекки нам враги.

— Но почему?

— Так было всегда, — сказала она, явно рассердившись.

— И вы убили всех?

Старуха села прямее, губы сжались, глаза похолодели сильнее.

Мужчина в маске вернулся и присел на корточки, лук на коленях, стрела наложена и направлена почти на Рента. — Тэф син верал. Наллит.

Рент понял, что маска сделана не из костей — из кусочков панциря черепахи.

— Ихм фаль э'раф, — бросила карга. Резко махнула на Рента рукой. — Сай г'нат Тоблакай.

Мужчина смотрел на него — Рент различил в щелях маски блеклые глаза, суровые и не

моргающие. Затем воин встал, сказал что-то молодой женщине, не получил ответа, пожал плечами и ушел в сторону.

Старуха издала невеселое хихиканье. — Божий отпрыск, ты ищешь своих.

— Теблоров. Да.

— Они ждут тебя?

— Не знаю. На что это похоже, когда тебя ждут?

— Не думаю, что ты узнаешь. С тобой был еще один — где он?

Рент покачал головой.

— Мы охотимся и за ним. Убил слишком многих из нас. Найдем и убьем. Ты будешь рад? Надо бы. Он оставил за собой кровавый след. — Она забрала мех и остатки пищи. Медленно встала. — Ты умрешь на этом древнем острове. Отец был беззаботен, он бросил тебя. И мы не хотим заботиться. Иные ручьи текут недолго. Иные ручьи умирают сами по себе. Но от тебя еще может быть польза.

Они оставили его, ушли не оглядываясь.

Рент снова устроился спиной к валуну. Еда и вода, верно, но не дружба. Однако казалось, что один его друг выжил. Дамиск. Куда-то убежал, может, на этот "остров" из голого камня. Если получится, он его отыщет. Старая карга может думать что хочет. С Дамиском рядом выживет и Рент.

Издали донесся какой-то вопль. Рент встал и поглядел в ту сторону, куда ушли саэмды. Ничего не увидев, свет луны стал тусклым. Движение? Быстро движущиеся сгустки тьмы?

И тут показались две фигуры, они бежали к нему. Одна хромала, затем упала, и через миг как будто мрак поднялся и облепил ее, затягивая в себя. Снова вопль чистого ужаса, ближе, от той, что еще была на ногах.

Дротик пропал. Ее лицо было искажено, залито кровью.

Он смотрел, как она приближается. Некий инстинкт заставил его вытащить малазанский нож.

Что-то скакнуло слева, высотой по плечо, длинное, черное пятно во мраке. Рент закричал, предупреждая, и рванулся к ней.

Слишком поздно. Пятно ударило ее сбоку, заставив кувырнуться, будто сломанную куклу. Тварь встретила ее на камнях. Челюсти сомкнулись на бедре, и женщину замотало из стороны в сторону под жуткий хруст костей.

Рент понял, что бежит к ним. В голове было пусто, но казалось, он просто разрезает ночной кошмар до странного равнодушно, без признаков страха и паники.

Углом глаза полукровка уловил новое движение и развернулся.

Волк врезался в него, рычащая тьма, клыки и мех. Он пошатнулся, большой палец левой руки как-то очутился в пасти зверя, оттягивая голову и челюсти от горла, пока челюсти не передвинулись, поймав палец меж коренных зубов, дробя.

Боль пламенем охватила руку. Он сам ответил рычанием, и нож стал раз за разом вонзаться в грудь зверя. Три, четыре, пять, кости фаланг колотятся о пропитанную кровью меховую шкуру.

Волк повалился на бок.

Едва он выпрямился, второй волк ударил сзади, подпрыгнув, чтобы сжать зубами шею.

Удар заставил его упасть на четвереньки, тяжесть зверя прижала животом к камням.

Извиваясь, Рент вывел нож выше головы. Угодил в глазницу и вонзил что есть силы.

Челюсти сжались на шею — и обмякли. Рент столкнул труп и вскочил на ноги. Побрел к волку, который еще терзал юную женщину.

Еще двое напали с боков, чуть сзади. Идеальная одновременность. Челюсти сомкнулись на плечевых костях, терзая, грызя плоть. Звери пытались повалить его.

Но Рент выпрямился сильнее, поднял руки. На миг оба волка повисли в воздухе. Левая рука вдруг ощутила лапу зверя. Рент согнул ее, пока не сломалась, и зверь отпустил его, воя от боли. Забыв про второго, Рент повернулся и схватил зверя за глотку, а колено тяжело опустил на хребет. И потянул голову назад, пока шея не сломалась с сочным хрустом. Он осознал, что почему-то плачет. Сжал свободную руку в кулак — лишь обгрызенный палец остался снаружи — и приложил второго волка могучим ударом в брюхо.

Жидкость брызнула на кулак, волк словно обернулся вокруг костяшек. Челюсти разжались, зверь задергался.

Рент вогнал ему нож в затылок, так, что острие прошло в камень. Удар заставил железо зазвенеть колоколом, рука онемела. Он выпустил рукоять.

Обернулся к волку, что напал на женщину, и понял, что зверь его разглядывает. Бока были окровавлены, из груди торчал костяной нож. Юная женщина неподвижно лежала рядом.

Рент смотрел в горящие уголья-глаза.

Потом зверь медленно сел и тут же повалился набок, тяжело дыша, челюсти раскрылись, высунулся слюнявый язык.

То и дело глядя на него, Рент подошел к женщине. Она стала мешаниной порванной плоти, но лицо осталось нетронутым, глаза закрыты. Казалось, ей хорошо в смерти.

Рент помнил, что не особо нравился ей. Но опустил руку, нежно убирая светлые волосы со лба.

Послышалось кряхтение и влажный кашель и Рент обернулся — а волк, понял он, уже не был волком, но огромным волосатым мужчиной, грудь колесом. Он медленно садился, широкой ладонью вытягивая нож из ребер. Глаза — еще звериные, горящие — смотрели на Рента. В залитой кровью бороде блеснуло белое. — Ты был наживкой, значит. Дураки.

Мужчина говорил по-натийски, но с необычным акцентом. — Наживкой?

— Хотели разойтись, оставив тебя в центре. Думали, мы сочтем тебя легким мясом. А они нападут на мирно жующих.

Рент потряс головой. — Они были добры ко мне.

— Звуки разнеслись далеко, — сказал мужчина, сплюнув кровавой сгусток. — Ты ведь не понимаешь их язык, да? Язык Имассов. А мы понимаем, когда перетекаем. Наши уши очень хороши. — Он небрежно кивнул на мертвую женщину. — Ее идея.

Рент смотрел в милое круглое лицо. Оспины оказались каким-то видом татуировок, оставивших выступающие рубцы. — Словно мы напали бы на Тоблакая, — говорил мужчина. — Не могу представить, какое существо в треклятом мире было бы труднее убить.

— Но вы напали, — заметил Рент.

— И ты доказал правоту моих слов.

Рент выпрямился. Он истекал кровью отовсюду, голова кружилась. — Думаю, я умираю.

— Сомневаюсь.

— А ты? Умрешь?

— Пятеро из моей шестерки погибли, четверо от твоей руки, Тоблакай. Задето легкое. — Тяжелые брови сошлись, и он сказал: — Нет. Но выздоровление займет время. То

есть, — глаза прищурились, — если ты не решишь добить меня.

— Не люблю убийств, — сказал Рент. — Устал, хочу спать. Но тогда ты сможешь убить меня.

— Не буду. Я слишком увлекся. Оставил бы Имассу мне, и сейчас мы сидели бы у костра, пили крепкий чай и делились небылицами.

— Небылицами?

— Ты юн. У тебя не может быть правдивых историй. Что до меня... тоже без гарантий. Итак, Тоблакай, когда ты решил, что не любишь убивать?

Рент подумал. — Сейчас, кажется. Да и раньше не убивал.

Мужчина помолчал и крикнул. — Я Говер, владыка Черных Жекков. Путешествую к Тоблакаям, неся предложение. А ты?

— Рент. — Он помялся и добавил: — Бастард Карсы Орлонга. Иду к Теблорам, то есть, похоже, к твоим Тоблакаям.

— Доставляя предложение?

— Нет. Скорее ища приглашения.

— Не будем убивать друг друга, Рент. Сон звучит гораздо приятнее.

Рент сел куда быстрее, чем хотел.

— Вижу, ты совсем юн, Рент. — Голос Говера доносился издалека. — Горе врагам твоим, когда вырастешь. — Кажется, он засмеялся, но звуки пропали вдаль, когда тьма сомкнулась, унося разум Рента в небытие.

Когда-то Дамиск был солдатом. Ему не особенно понравилось. Затем стал следопытом для работорговцев. Тоже мерзкое занятие. Затем он был проводником для дюжины сектантов, поклонявшихся телу под каменной плитой. Та затея его чуть не прикончила. Нужен особый тип души, понял он, чтобы выполнять чужие приказы. Таких людей немало. На деле их больше всего.

Другую ступень занимали те, что любят отдавать приказы, и по большей части это были опасные идиоты. Резоны их зачастую были сомнительны — обычно амбиции и жажда власти — и такие ценили себя лишь тогда, когда им удавалось наступить на чужую шею. На деле Дамиск не мог припомнить вождя, которого не хотелось бы убить или, по меньшей мере, измолотить в котлету.

Очевидно, ему не везло. Хорошие лидеры существовали... где-то. Люди, видящие в своем положении служение, ответственность и даже тяжкий долг. Он мог бы пойти за таким... точнее, мог бы пойти лет десять назад. А сейчас он, похоже, стал слишком старым, и терпение изнашивалось как кожаная одежда.

Его стиль охоты требовал одиночества. Одиночество было ему последним прибежищем, путем смотреть на мир спокойно, а не проклинать его с каждым вздохом. Но одиночество имеет свою цену.

Саэмды загнали его на север, на два дня и три ночи; за волнистое плато голого камня со следами льда, к самому краю болот. Он убил с полдюжины воинов, и дважды думал, что стряхнул погоню — только чтобы обнаружить сзади новую банду загонщиков.

Чуть слева поднимались первые пики горной гряды, что идет на запад до океана. Однако до них оставались дни пути. А впереди была путаница болот, которых он пытался избегать весь день: низины с черными прудами, полосы деревьев по колено ростом и похожие на ребра скалы, и топкие луговины над заиленными протоками. Высокие островки

грязи и тростников, в центре каждого обломанный ствол, столь древний, что стал тверже камня. Москиты и оводы вились тучами, ласточки ныряли к ним за добычей.

Южнее валуны и расщелины плоскогорья давали защиту, но последние тысячу шагов он брел по открытому месту, неровным камням, постепенно спускавшимся к краю болотины.

На плоскость вышли пятеро. Его преследователи.

Зайти в болото значило оказаться по пояс в ледяной воде, едва ли не на четвертом шаге. Саэмды могли встать на расстоянии, утыкав его стрелами, будто лося в трясине.

В колчане болталось семь стрел, легких, для фазанов. Стрелы более тяжелые остались в телах врагов, скорость преследователей не давала времени их извлечь. Он наложил одну и потрусил на запад, у самого края болота.

Шаги стали медленными. Он переутомился, им двигало лишь тупое упрямство, отказ сдаться легко. К тому же за пределами болот было что-то странное, загадка, терзавшая разум. Северный горизонт плыл, мерцал, отбрасывая там и тут ослепительные искры, но их было слишком мало, чем если бы там лежал голый лед. Тогда весь горизонт светился бы солнечным пламенем. Но было не так.

Пока охотники приближались, расходясь, Дамиск снова и снова всматривался в далекий север. Он мог бы поклясться, что золотые вспышки передвигались.

Но внимание его было отвлечено чем-то иным, впереди. Невысокая груда наклонных столбов поднималась посреди низины, словно обрушенный монумент. Сооружение даже с двух сотен шагов казалось большим, как крепость, каждый монолит в три человеческих роста. Они тянулись к небу, наваливаясь один на другой, без намека на строгий порядок. Тут словно сама скала буйно выбросила к небесам свои недра. Место казалось не природным, но и не планомерно собранным. Да ладно. Оно казалось подходящим для обороны, если он сумеет добраться и сделать наклонные столбы укрытием.

Саэмды явно видели то же самое, так как прибавили в скорости. Двое несли луки, у остальных были наготове дротики. Им не нужно было обгонять его. Стрелы бьют на семьдесят шагов, но он сможет уворачиваться, пока их видит. Дротики на сорок шагов; но стрелы и дротики вместе его повалят. Пот залил глаза, он бежал на глиняных ногах, пытаясь оценить расстояния.

Не успеет.

Готовя стрелу, Дамиск выждал момент, когда никто из саэмдов не смотрел прямо на него, и пустил ее по высокой арке.

Когда стрела упала в двух шагах от ведущей охотницы, саэмды разбежались, Дамиск слышал крики тревоги. Стрелы на птицу тонкие, с узким оперением, должны проходить между ветвей, потому их трудно заметить. Тем хуже, что он промахнулся. Он подготовил другую, хотя стрелять не имело смысла: саэмды были наготове.

К удивлению Дамиска, преследователи замедлялись, зачем — то кричали ему и махали оружием. Он не знал языка, как и они наверняка не поняли бы его. Ведущая начала делать жесты ножом, как бы перерезая ему глотку.

Дамиск повернулся к каменной груде. Не более тридцати шагов. Как он не заметил времени? Теперь схожесть с павшей крепостью была сильнее, хотя он не видел кирпичей и блоков. Однако различил иное. На скошенные камни были натянуты какие-то шкуры, повсюду черные пятна крови. Он видел и тучи мух вокруг здания. Меж двух массивных глыб обозначился темный проход.

Шкуры оказались кожами мужчин. Саэмдов. Он видел целые тела с руками, ногами,

ладонями и подошвами — даже пальцы на местах. Белесые волосы скальпов качались вокруг устья пещеры, камни были усыпаны осколками тысяч костей.

Дамиск оглянулся на саэмдов. Он понял жесты женщины-вождя. Она обещала быструю милосердную смерть, подобающую достойному врагу. Дикари застыли в пятидесяти шагах. Оружие было опущено.

В нарастающей вони Дамиск уловил и мускус волка.

Жекки.

— Ах, чтоб меня, — шепнул он. — Смерть с любой стороны. — Но в груди еще пылал упрямый вызов, едва он вспоминал о клятых саэмдах. Предложить быстрый нож было любезно, но тогда кто-то будет носить у пояса его скальп. Мерзость. *"Отдам трофей Жеккам. Пусть моя кожа украсит скалы"*.

Он послал саэмдам грубый жест и развернулся, идя к груде камней.

В устье пещеры мухи почти оглушили его гудением. Дамиск видел путь, спускавшийся в непроглядную тьму, скала была истерта ногами, лапами или на чем тут ходят. Он замер, пытаясь понять, сколько столетий требуется, чтобы глубоко протоптать и отполировать камень. Издалека он счел столбы выбросами местной породы, но это оказалось не так. Глыбы не были черным базальтом с прожилками молочного кварца, нет, они были тускло-зелеными, морщинистыми и скользкими на вид. Они казались массивами серпентина или даже нефрита.

Мысль заставила его грубо рассмеяться. Перед ним было неисчислимое богатство.

Из глубины пещеры смеху ответил приглушенный рык.

— Да, — сказал Дамиск громче. — У тебя новый гость. Очередной дурак, чтоб ободрать, снять скальп, сожрать и так далее, хотя я плохо улягусь в твоём желудке, Жекк. Горький и старый, это я, Дамиск от Серебряного озера.

Наружу выплыл женский голос: — Значит, не новый юнец-Имасс в поисках славы.

— Остаться в живых, вот что славно.

— Дамиск от Серебряного озера, твою тень отяготили духи сломленных Теблоров. И бесчисленных зверей. Вижу и других, твоего рода. Все погибли от твоей руки.

Потрясенный Дамиск облизнул сухие губы. — Ни один Теблор не умер от моей руки.

Пауза. — Они не согласны.

— Это были... рабы. А я лишь делал свою работу.

Тяжелый вздох, слишком тяжелый, чтобы принадлежать одному существу. — Поразительно здравая защита. Лишь цепи, не убийство, руки чисты. Упрекнуть не за что.

— Не думаю, что ты из Жекков, — сказал Дамиск.

— Да? Кто же я?

— Теблора.

— Придет ли день, Дамиск от Серебряного озера, когда ничтожность воображения уязвит тебя самого? Не сегодня ли это случится?

Он скривился. — Меня оскорбляет устье пещеры.

— Ты остроумнее, чем сам считаешь, — сказала она сухо. — Для нас обоих всё, что протекло пред каменным оком Азата, едва ли постижимо. Думаю, даже бог отшатнется от воспоминаний этого места.

— Дом Азата? Их находят в городах, они сделаны из камня и кирпича. Эта груда обломков — не Дом Азата.

— Будем спорить? Почему бы. Так давно... Нет, Дамиск от Серебряного озера, это не

Дом. Это Оплот, такой, какие строили до первых селений. Этот принадлежит Жеккам, и по праву, ведь они так и не выучились строить дома. Или селения.

Сухой тон превращался в насмешку.

Дамиск оглянулся на оставшихся снаружи саэмдов. Все пятеро присели на корточки. Похоже, делили пищу. Если как-то удастся избежать смерти внутри, его ждут снаружи. Долго ли они будут ждать?

— Мне нужно сесть, — произнес он.

— Твоя смелость впечатляет. Внутри ты найдешь камни, грубо отесаны, но подойдут для твоей нужды.

— Если войду в твое обиталище, — ответил он, — позволят ли мне выйти?

— Зависит от того, долго ли ты хочешь гостить.

— А если отвечу: недолго?

— Тогда, пусть ты ухитрился глубоко меня обидеть... ладно, даже тогда. Да не скажут, что моя шкура в старости стала тонкой. Что ж, тебе будет позволено выйти в любое время. И положиться на милость охотников — саэмдов, что бродят вокруг моих границ.

— А если я испытаю их терпение?

— Против моего? Как я сказала, рискованно оставаться здесь слишком долго.

— Меня сведет с ума бурчание твоего брюха?

— Наш торг уже начинает утомлять. Садись на треклятый камень или нет, Дамиск. Входи или останься там. Или залезь на самый высокий столп Оплота и сиди там.

Дамиск склонил голову набок: — Самый высокий? Зачем бы?

Долгая пауза. — Ну, чтобы избежать самых кусачих мух.

— Последний вопрос, — не унимался Дамиск. — Прости, но если я сяду на камень, ты увидишь тебя?

— Еще не решила.

— Но хотя бы назовешь свое имя?

— Оно для Жекков, ты понял, и его трудно передать вашим языком. Но я получила несколько прозваний, там и тут. Думаю, больше всего мне нравится имя Сука-Война.

И она засмеялась — звук потряс Дамиска до мозга костей. Однако она назвала его смельчаком, провоцируя это доказать. Вернув стрелу в колчан, он торопливо снял тетиву и вошел в темный спуск меж камней.

Валуны были выложены грубым полукругом, каждый едва обработан, чтобы сделать сидения. В десятке шагов, почти в полном мраке, был широкий пьедестал в окружении овальных камней, косо выросших так, что почти сплетались наверху. Это было подобие трона, но сделанного не для двуногих — пьедестал не имел спинки, холодный поток говорил, что сзади него провал.

У подножия пьедестала лежала белая волчица, изумрудно-зеленые глаза с любопытством следили, как он садится на ближайший камень. "*Сука-Война. Ах, теперь вижу*". — Как слова исходят из этих челюстей?

— Нет нужды, — сказала она резко и ясно, словно говорила сама пещера. — Слова мои атакуют барьеры твоего ума, сметая всякое сопротивление, и расцветают в черепе по моей воле.

Он хмыкнул. — Я удивлялся твоему знакомству с натийским языком.

— У склада твоего удивления низкий потолок, Дамиск от Серебряного озера, — ответила она. — Как насчет этого древнего храма? Давно забытого звериного трона? Как

насчет бесчисленных поколений, что некогда преклонялись здесь, почитали священные покои? Как насчет ледника, что однажды осадил храм — его скрипящая тяжесть громоздилась столь высоко, что поглощала горы, но не могла победить груду покосившихся камней? Ты даже не удивлен моему присутствию здесь, где я провожу годы, и одиночество мое нарушено лишь юными идиотами-Имассами, чья ненависть так стара, что забыла о преступлении, ее породившем? И чье же было преступление? Не Жекков, уверяю тебя, а мне лучше знать, я была там в момент события.

Дамиск сказал: — Я лишь стремлюсь к взаимопониманию, Сука-Война. Но твои идеи не так здравы, как тебе кажется. Удивляться не всегда значит выражать удивление.

— Педантизм — не добродетель, — возразила она. — Скорее порождение малого ума, до смешного приверженного навязчивой точности. Я отвечала твоему удивлению честной и свободной игрой, поэтическими экскурсами. Но нет, этот человек желает сидеть на камне и бормотать по-натийски такую заумь, что я теряю дыхание.

Он молчал, чувствуя себя слишком слабым.

— Ранены чувства, ох мой милый.

Мех и гниющее мясо сделали жгучим даже холодный воздух пещеры. Он различил вой ветра, что вырывался из глубокой пропасти за тронном — словно голоса тысячи плакальщиков. Разумеется, люди гибнут от его руки. Он же был солдатом. Работал на рабовладельцев. А сейчас его гонят саэмды, которых Сука назвала Имассами — что, если они действительно Имассы? Хотя бы эти не из ходячих мертвецов. Целые народы могут заблудиться в большом мире. Блуждать, пока их не найдут; вот тогда начинаются проблемы.

Неужели Жекки прогнали саэмдов на юг? Он снова подумал о том, что увидел на горизонте. — Ах, — сказал он вскоре, — советуешь не задерживаться надолго. Внушала мне залезть на самый высокий столб храма. Тут причиной не мухи.

— Я послала пару намеков, — пробормотала она.

— Тающая мерзлота. Новые болота. Будет наводнение.

— Слабо сказано, Дамиск от Серебряного озера. Приходит пора и мне покинуть это место.

— Куда пойдешь?

— Жекки могут не знать, как строить дома и жить в селениях, но они не глупы.

— И еще они не рыбы, — согласился он. — Ты поведешь их к безопасности?

Ее смех был лаем, вырвавшимся из горла лежащего зверя, затем зверь встал и поднял голову.

Дамиск отпрянул. Она была размером с лошадь.

— Безопасности? — спросила волчица. — Вспомни мой титул, глупец.

— Война? С Малазанской империей? Так кто здесь глуп?

Волчица потянулась. — Оставайся на ночь, Дамиск от Серебряного озера. Отдохни.

— А саэмды снаружи?

— Не моя забота. Кто знает, вдруг они увидят меня и решат, что ты мертв. Полагаю, так ты избавишься от их осады. Берегись юга и даже не думай идти назад, к озеру. Между тобой и ним десять тысяч саэмдов.

— Десять тысяч?!

Она заворчала. — Имассы плодятся как мухи, текут наружу, потому что рухнули стены льда. Итак, ни юг, ни восток. Разумеется, север тоже.

— Я уже шел на запад.

— Тебя там ожидает смерть, Дамиск.

— Ты не оставила мне настоящего выбора.

— Не обязана тебе что-то предлагать. — Сука-Война прошла мимо него.

— Что таится за тронем? — внезапно спросил охотник.

Она помедлила, повернув тяжелую голову, скрестив взоры. — Пойдешь тропами Оплотов? Вряд ли это мудро.

— Ты их знаешь? Ты там была?

— Уже давно.

— Почему давно?

— В последний раз едва спасла свою жизнь.

Она прошла к выходу, на миг заслонила почти весь красноватый свет уходящего солнца, и пропала. Вернувшийся поток света слишком напоминал кровь. Дамиск думал о своих жертвах, о мертвецах, что всюду влекутся за ним.

Через миг встал, принявшись изучать пещеру. Он надеялся найти нишу или полость, защищенную от холодных путей ветра. Для осажденного призраками человека он ощущал себя слишком одиноким.

Воздух как будто вращался. Рент был не в центре, но ощущал, как поток несется вокруг искривленного дерева. Вот почему ствол был таким кривым. Он вырос внутри бесконечной спирали энергии.

Поток нежно ласкал его кожу, плечо и руку. Он понял, что лежит нагим на боку, ран нет — бессмыслица, ведь тут были волки. Или мужчина, считавший себя шестью волками, а возможно, так и было — он не просто вожак стаи. Его слова смущали. Они сражались, а потом беседовали, решив больше не враждовать.

Ветер словно коснулся лба мягкой рукой, кожа пошла мурашками. И женский голос сказал: — *Закрой глаза и следуй за мной.*

Она держала его руку и они пересекали каменную пустошь, но каждая трещина была засыпана тонким песком. Он держал глаза закрытыми, хотя и спотыкался на каждом шагу. Он не помнил, как вставал, как брал ее за руку — или она брала его?

И тут она заговорила. — *Опасный поступок — упасть без чувств в устье древних врат. Эта воронка правит течением, влекущим смертные души, но не плоть. Твоя душа вылетела и готова была уйти в иное место — не могла погрузиться в дерево, оно уже заселено. Да, если подрывать корни, можно найти залежи каменных наконечников и каменных ножей, и каждый принадлежал гадающему по костям. Таким образом души были связаны поколение за поколением. Здесь древние Имассы сделали капище, отметив границы валунами.*

— Кто ты? — сказал Рент. Ее ладонь была такой нежной, такой теплой.

— *Не уверена. Наверное, забыла. Так давно.*

— Ты душа без тела?

— *Точно. Как хорошо.*

— Пленена этими... вратами?

— *Да, едва ты сказал, я поняла. Да.*

— Давно ли?

— *Да. Ты напомнил о течении времени за вратами. Но здесь, между миров, времени нет.*

Он думал о сказанном. Они шагали и потоки энергии шептали над ним, то теплые, то

холодные. Он крепко сжал веки, считая, что открытые глаза каким-то образом рассеют всё это, даже изгонят женщину, что ведет его. — А где же гадающие по костям Имассов?

— *Жекки пришли и всё испортили. Гадающие ныне заперты в кривом дереве, дереве, что прекратило расти и никогда не умрет.* — Она помолчала. — *Думаю, я их знала. Эти души гадающих. Они рады были петь. Самые прекрасные голоса.*

— Если Жекки всё ломают, почему уцелели врата?

— *Врата существовали задолго до прихода Имассов. Они нашли их и объявили своими. Энергия не возражает. Она течет, равнодушная к любым притязаниям.*

— Эти врата — садок?

— *Нет, но, думаю, так же устроены и врата садков. Садки, Оплоты, всё зависит от давних, забытых освящений этих вихрей между владениями.*

— Тогда почему ты не ушла во врата?

— *Говорю тебе, всё здесь и всё сейчас в этом месте.* — Она остановила его. — *Теперь медленно преклони колени. Да. Я возьму и другую руку, чтобы вести медленно, чтобы ты не навредил себе.*

Он ощутил ее руку, пальцы скользнули по ладони и потянули его вперед и вниз.

Через миг он ощутил нечто, она провела его пальцами, чтобы он ощупал предмет. Шок узнавания потряс его. — Это нож, мой малазанский нож.

— *Осторожнее с острием,* — предупредила она. — *Нежно возьми его за рукоять. Чувствуешь, как прочно он засел, похороненный в камне? Это сделал ты и сделаешь ты. Да, если вслушаться в потоки энергии, услышишь вечные отзвуки.* — Она вздохнула. — *Вообразите, вогнать нож в твердый камень. Сила владельца не уступит силе железа.*

— Какое отношение нож име... — Голос Рента затих. — Я пленил тебя здесь? Ножом? Но как...

— *Тогда, теперь, однажды. Ты не можешь видеть и чувствовать, но железо стало сплетенным внутри. Сомневаюсь, что нож когда-либо сломается. Как и дерево, отныне он держит в себе это безвременное место, эти вечные энергии.*

— А ты в них? Твоя душа?

— *Думаю.*

— Рент крепко сжал нож. — Тогда я сломаю его и освобожу тебя.

— *Не сможешь. Но если ты вынешь его, я пойду с тобой. Не лучше ли эта участь? Кровожадна ли я, буду ли наслаждаться каждой нанесенной раной? Каждой жизнью, которую ты забереешь своим оружием?*

— Не хочу наносить раны или забирать жизни. Ты будешь томиться жаждой.

— *Или нет. Моя память почти пропала. Кем я была и на что похожа. Мои надежды, страхи, любовь, все ушло.*

— Тогда, — предположил Рент, — осталось место для нового.

— *Но нож держит душу. Я вкушу мир с его острия. Познаю холод и жар, и игру света. Буду купаться в крови.*

— Может, я сумею найти другого. Заклинателя, который освободит тебя.

— *Доверишь меня рукам чужака?*

Рент скривился. Он лишь пытался помочь, но каждый ответ вызывал новые мысли. Он не знал, что делать и что говорить. Мог бы бросить вонзенный в камень нож, чтобы его нашел другой. Но нож принадлежал ему. Малазанский солдат отдал его. Он помнил тот день, то мгновение, всё воспоминание сияло, будто пламя солнца.

"— Что ты делаешь?"

Он уворачивался от камней. — Играю с друзьями.

— Это зовется игрой, вот как?

Он кивнул. Губа была разбита и трудно говорить. На груди и спине расцвели синяки.

— Видишь? — Тут он вытянул из ножен большой клинок. — Видишь, как водяные знаки ползут по лезвию, будто волны в пруду? Аренская сталь. Это боевой нож, оружие. Понимаешь? Им не вырезают ложки, не крошат овощи и не режут мясо. Не бросают в древесный ствол. — Нож скрылся в ножнах. — Бери, отныне он твой.

Тяжелые в руке деревянные ножны потерты, изношены, лишь мелкие остатки золотой и алой краски таятся в резных узорах — словно змейки расплзлись по всей длине. Навершие гладкое, местами в зарубках и потертостях, рукоять короткая, неуклюжая. — Почему?

— На тот день, когда устанешь от таких игр".

Малазанский солдат. Морпех. Обветренное лицо в морщинах и белых шрамах, глаза как миндалины в черном дегте. Уходит, оставляя Рента с ножом.

Один из дружков побежал за морпехом, клянча и себе нож, или даже меч. Оплеуха тылом скрытой перчаткой руки послала его кувыркаться, лицо стало кровавой лепешкой, а морпех обернулся к Ренту и его ошеломленным дружкам. " — Нож останется у него. Если найду нож в ваших руках, когда вернусь — шкуры сдеру со всей кодлы, потом выпотрошу тех, что вас породили. Дыханье Худа, сожгу всю вашу помойную деревню".

Друзья Рента даже не пытались отобрать нож. Но после того дня камни стали больше. И всё же прошли годы, прежде чем Рент решил, что устал от игр. Фактически решил лишь сейчас.

"Я устал от игр".

Слова пылали в голове, когда он выпрямился. И начал дрожать.

— Узнаю, — сказала женщина рядом.

— Что... что я чувствую?

— Гнев.

"Гнев". Он вспомнил о битве с волками. Тогда всё в нем оставалось спокойным, почти безжизненным. Но теперь он ощущал нечто противоположное. Оно пожирало его, просилось, чтобы его излили наружу.

Когда он пал на колени, женская рука пропала, ведь он крепко сжал кулаки. — Я не... не хочу... так...

— Никогда прежде не ощущал такого?

— Нет! И мне не нравится!

— Гнев — демон внутри нас. Когда он торжествует, приходит разруха. Когда он освобожден, мир впадает в безумие.

Рент плакал. — Они не были друзьями! — кричал он. — Никогда не были друзьями! Они... они били меня!

Когда она коснулась щеки, буйное пламя погасло. Холодная тишина заполнила череп. Дрожь исчезла, тоска стала пеплом. Ошеломленный, он смахнул слезы и понял, что смотрит в бесформенную пустоту. Торопливо повернул голову. И даже с открытыми глазами не увидел женщины. От нее оставалось лишь ощущение холодных, мягких пальцев.

— Я забрала его, — сказала она. — Глубоко в лезвие. Сковала демона. Тебе осталось лишь прощение.

Он содрогнулся от мысли, а затем новая мысль вошла в разум и он сказал холодным, горьким тоном: — Я буду защищать себя.

— *Всегда*, — отозвалась она. — *Всегда*.

Нечто в ее тоне заставило его зарыдать снова. Но он лишь присел, схватил обмотанную кожей рукоять и вырвал нож из камня.

— *Хорошо*, — сказала она. — *Теперь снова закрой глаза. Мысленно придай мне форму, будто я стою пред тобой. Я добавлю всё, что нужно. Да, так, и еще.*

— Ты прекрасна.

— *Да, я плутую.*

— Похожа на мою мать.

— *Нет, я не как она. Я пришла не заменить тебе мать. И не ищу в тебе любовника. Ты слишком молод. Считай меня сестрой. Сможешь?*

Он подумал. Он знал, что у некоторых мальчишек были сестры. Старше или моложе, или двойняшки. — Старшая, — решил он. — Как тебя зовут?

— *Не могу вспомнить. Выбери новое имя.*

— Тройка.

— *Тройка?*

Он решительно кивнул.

— *Я Тройка. Ты удерживаешь меня очами разума? Хорошо. Кажется, я что-то добавила от себя. Возможно, из того, чем была раньше. Но не вижу в этом пользы. Так что, любимый, подними нож и отсеки мои крылья.*

Он видел их, кожистые как у летучей мыши, поднимающиеся за спиной складчатыми пеленами тьмы. Однако они казались вполне уместными. Рент снова всмотрелся в лицо сердечком. И на нем, на высоких ярких скулах был намек на чешую. Вертикальные зрачки на лавандовом фоне изучали его — он никогда не видел прежде таких глаз. — Не хочу, — ответил он.

— *Я подозревала*, — сказала она тут же. — *То, чем я была прежде, уже не обитает в мире. Его время прошло. Мой род ускользнул в тени, а тени умерли во тьме, где пропадают все воспоминания. Если сосредоточиться на прошлом, я смогу разбудить больше.*

— Разве это не будет хорошо?

— *Может быть и плохо.*

— Я не отсеку их, Тройка.

— *Очень хорошо. Пока я поймана клинком, для них нет применения — разве что мешать движениям. Я научусь терпеть.*

Он вздрогнул. — О. Мое имя — Рент.

Она улыбнулась. — *Тартено Теломен Тоблакай. Помню, этими именами описывали твой народ. Вам привычно собирать души. Кажется, ты начал.*

Рент озирался. — Уведи меня обратно, прошу. Я оставил кое-кого в беде. — Ему не хотелось думать о собирании душ. Ни за что.

Она протянула руку, и он сжал ее. — *Закрой глаза. И мы пойдём по спирали обратно.*

Когда-то позже рука ее пропала и он замер, открыв глаза и оказавшись у корявого дерева. Было утро, но воздух на удивление сильно прогрелся. Неподалеку лисица и три ее щенка поедали труп юной Имассы.

Он увидел, что Говер сидит спиной к валуну, следя за зверьками. Два ворона

приземлились, осторожно запрыгали к лисам и их мрачной поживе.

Рент искал новую подругу, но ее не было, даже в разуме. Однако он держал нож — неужели ее душа действительно внутри? Или всё лишь приснилось ему?

— Чудный трюк.

Рент нахмурился. — Что?

Покрытая бурой коростой рука слабо поднялась. — Пропасть на два дня и вернуться исцеленным.

— Тут воронка.

— Ох, да знаю. Она опасна. Почти никто не возвращается. Хотя иногда возвращаются куски. Воронки. Мы, Жекки, обычно избегаем их, мы осторожны по натуре. Скажу, что обучающий избеганию ритуал начинают именно с панического бегства, с диких криков ужаса.

Рент подошел ближе к крупному волосатому мужчине. Он видел, как тот страдает. Хотя раны на теле закрылись, из них еще сочилась кровь. Губы потрескались и потемнели. — Воды нет, — сказал Рент. — Может, я смогу найти.

— Я вполне исцелился. Если не унесу задницу сейчас, могу не унести никогда. К тому же любование, как жиреют звери, только нагоняет голод. Что бы ты ни слышал о Жекках, мы не привычны есть плоть Имассов. Если получаем выбор. — Он начал подниматься, кряхтя и ругаясь.

— Поблизости его другие Жекки?

— Надеюсь, нет. И если не повстречаю ни одного в ближайший год, сочту, что меня благословили все духи неба, земли и моря. Быть владыкой означает готовность принять вызов любого претендента; сейчас же меня забьет даже малыш-саэмд. Погремушкой.

Рент спрятал нож. — Хочешь, я помогу идти?

— Сей ребенок наделен неистощимым умением оскорблять. Стану ли терпеть бесчестие? Что, если кто-то нас увидит? Нет, ты предложил невозможное. Пойду сам или умру.

Он сумел сделать три шага, прежде чем упал без сознания.

Рент взвалил Говера на плечо. Встал лицом туда, где полагал запад, и двинулся в путь.

КНИГА ВТОРАЯ КОЛЕСО ЗВЕЗД

Сделай смерть мою шепотом. А твоя пусть будет воплем.

Рыбак Кел Там

Все было в смятении. Новые соки отныне текли по Садкам и казалось, что даже нижележащая структура — сами кости магии — начала являться сквозь прорехи, под содранной кожей.

С окраины Летерийского континента пришел рассказ о древнем Властителе, который (конечно же, за несколько дней и ночей) привел в бытие новый набор Садков и Аспектов, и все рождены были потом с его горячего лба.

Пусть многие готовы были не верить слухам, неверие само по себе не служит ответом на новые, очевидные перемены. И я должен заключить, что, в отсутствие альтернативы, летерийская сказка весьма близка к истине.

Кто тот властитель, что породил новизну? Это требует расследования и, надеюсь, кто-то предпримет оное, ибо мне недосуг.

Раздумья Ленивца Барка, Великая Библиотека Нового Морна

Имперская дорога вела от Кулверна к Серебряному озеру более-менее параллельно реке, затем поворачивала к селению Озеро, на северо-восток, минуя древние низины — пропавшие леса, что стали пахотными землями. Мощеная дорога на насыпи пересекала клочки черных илистых полей с каменными изгородями. Немногие оставшиеся деревья укрывали кронами фермы или хижины лесорубов, давно заброшенные.

Пейзаж не впечатляет, решил Штырь. Всего лишь мешанина бурого и серого, места, где наделы скромны, а фермеры сами тянут плуг и работают лопатами. И не важно, сколько камней ушло на строительство дороги и лежит в изгородях — всё новые каждую весну рождаются на полях. Собранные в груды там и тут, камни делали равнину похожей на государство могильников.

К исходу дня колонна увидела Серебряное Озеро. Немногочисленные крытые черепицей крыши едва показывались сквозь дым над земляными валами, оградившими городок с трех напольных сторон. Новые дома стояли вдоль дороги севернее, снаружи вала, и Штырь с трудом разглядел Новые ворота и мост перед ними. Дома все казались недостроенными, штабели досок рядом посерели и сгнили от времени. Конец рабства опустошил городские сундуки.

Пока они подходили ближе, бриз приносил вонь со стороны поля, куда вывозили городские отбросы, и от бойни слева. Даже в наступавшем сумраке Штырь видел ряды и ряды стоек с тушами карibu, пир для стервятников.

— Оленина на ужин, — сказал Омс, скакавший рядом. — И на завтрашний ужин, и...

— Скачи вперед, Омс, — оборвал его Штырь. — Погляди, ждет ли нас местное начальство.

— И всю неделю и следующую тоже. Да, сержант. А если их нет?

— Тогда займи мне столик в "Черном Угре", что за воротами.

— Бывал здесь, сержант?

— Нет.

Через миг Омс послал коня в галоп, заставив вздрогнуть капитана Грубита впереди. Грубит осадил коня, подождав Штыря.

— Дорогой мой сержант.

— Сэр?

— Я думаю, что рота лейтенанта Балка может встать к югу от города, за валами. Как считаете?

— Общинный выпас? Да, сойдет.

— Вижу сторожевую башню над стеной.

Штырь кивнул.

— Мы поняли друг друга?

Штырь снова кивнул.

Впереди, на мосту у ворот, Омс встретился с тремя местными. Он стоял рядом с лошадью, ожидая колонну и капитана. Штырь всмотрелся в лицо солдата, но ничего не смог прочитать. Посмотрел на местных начальников. Один вышел вперед.

— Рад видеть вас, капитан. Я лейтенант Наст Форн, командую здешним имперским гарнизоном. А за пределами военной должности я — имперский управитель всего региона. — Он помялся. — После того как прежняя управительница была убита в Мятеже. Надеюсь, замена прибыла с вами?

Грубит спешил след за Штырем. Колонна встала на дороге.

Капитан отозвался: — Увы, лейтенант, нет. Кажется, вам придется нести двойной груз ответственности. Что, без сомнений, почетно.

Казалось, Наст Форн едва перешагнул за тридцать. Полоски бронзы на кожаном нагруднике были отполированы до красноты. Пластина на правой руке и ножны меча блестели, рукоять украшал рубин изрядной величины. Имя походило на антанское, и Штырь уже гадал, какие невзгоды судьбы загнали явного аристократа в такую глушь. Услышав от Грубита новость, он омрачился лицом. — Наверняка тут какая-то ошибка, сэр. Мое последнее послание адресовано было лично Кулаку Севитт. Списки требуемой помощи и материальных потерь, ибо весь регион пришел в состояние полнейшего...

Вышел второй человек из троицы, что-то шепнул лейтенанту. — Мои извинения, сэр. Надеюсь, я смогу говорить по этой теме более предметно.

— Как прекрасно, — улыбнулся Грубит. — А вы?

— Силгар Младший, мэр и глава торговой фактории Серебряного Озера, в коей должности я и составлял списки должных репараций после Мятежа. Смею добавить, наше терпение истощается. — Он повел рукой. — Как вы могли видеть по недостроенным жилищам, наши попытки отстроиться и даже увеличить общину затормозились. Неспособность имперского гарнизона защитить нас и оборонить город прямо ответственна за наши нынешние бедствия, и со стороны империи задержки в справедливой компенсации выглядят недостойно.

Улыбка Грубита не угасла. — Что за необычайный и весьма продуманный аргумент, сэр. Но вам следует понять, пусть запоздало, что такие вопросы следует обсуждать наедине. Чуть позднее я предъявлю вам документы, высланные империей в ответ на ваш запрос, расскажу все подробности. Но сейчас перед нами стоят нужды более насущные. — Он весь светился, улыбаясь мэру. — Постой для морпехов в городе, если изволите. Наши наемные силы всей компанией разместятся снаружи, у южных валов. Скоро вы увидите, сколь велик

наш обоз. Нужно провести его в гарнизон самым кратким путем. Лейтенант Наст Форн желал бы выслушать доклад о расположении ваших сил. Может, нам пройтись? — Он передал поводья Штырю. — Сержант Штырь, можете заняться с мэром вопросами размещения?

Штырь поглядел на третьего из делегации, женщину. — Уверен, списки уже составлены и места ожидают солдат.

Женщина в потертом мундире морского пехотинца встретила его взгляд и ухмыльнулась. — Во всем своем великолепии.

Не опуская бровей, Грубит повернулся к ней.

Она резко отдала честь. — Старший сержант Благая Ролли, сэр.

— Милосердные боги! Неужели? Что вы делаете здесь, ради Искаровой хромоты?

— Скрываюсь, сэр. Как оказалось, плохо скрываюсь.

Грубит повернулся к Насту Форну. — Лейтенант, вы знали, что рядом с вами живет героиня?

— Не только знал, капитан, но и весьма тому рад. Без нее не выжил бы ни единый солдат, сэр. Как, полагаю, и никто в городе.

— Ах, разумеется. Не удивлен. И желаю услышать больше. Идемте! — Он подцепил лейтенанта под локоть и повел в город.

Силгар Младший смотрел на них с открытым ртом. Но затем опомнился и обратился к Штырю: — Да, насчет постоя! Три лучших здания города изъяты — нет, украдены...

— Они были заселены?

— Ну, не вполне...

— Простите, что это должно значить? В них жили люди или нет?

— Убиты в Мятеже, — ответил Силгар, — и без наследников имущества, отчего здания переходят городу, что было с полной обоснованностью установлено...

— Вами? — невинно спросил стоявший неподалеку Омс.

— Как мэр...

— Точно. Вами, значит. — Омс вышел вперед, забирая поводья лошадей. — Вижу таверну вон там, сержант, с отличной коновязью. Могу ли?

Штырь кивнул.

— Я говорю... — не унимался Силгар Младший.

— Лучше напишите, — ответил Штырь, шагнув к Благой Ролли и крепко ее обняв. — *Проклятая женщина*, — шепнул он ей в густые черные волосы, — *тебе нужно было бежать дальше.*

Водичка тяжело шлепнулась на стул и потянулась за кружкой эля. — Вот теперь настоящая жизнь, — сказала она. — Всё хорошо, кроме пореза на пальце, и знаете, что сказал Бенжер? Сказал, сама порезалась, так что живи с этим. Можете поверить?!

Фолибор чокнулся с ней. — Всегда режешься собственными ножами, Дичка. Слишком острые.

— Разумеется слишком острые, идиот. Я ассасин. Но это не к месту. Бенжер — вот проблема.

— Он исцелил тебя.

— Кроме пальца!

Аникс Фро сидела напротив них, рядом навалился на стол и уже храпел Кожух. — Дс

сих пор считаю, что ты наврала кучу чепухи. Гончая Тени съела ведуна? Смехотворно.

— Ты видела погрыз на пончо. Кто его сделал? Крот? Это была Гончая Тени и она чуть меня не прикончила. Видела бы ты, как глотали того старого ведуна. Оп, хап, хлюп! Быстро! — Она выпила залпом, подняла брови, одобряя эль, и вздохнула. — Бедный ведун.

— А ты грабила могильник, — сказала Аникс с отвращением. — В кошельке звенят монеты какого-то мертвеца. Ты одна такая, Водичка.

— Я выследила ведуна до могильника, говорю же. Это было лишь совпадение, что я нашла добычу. Чудесное схождение.

Фолибор поперхнулся элем и начал кашлять.

— Верите ли, — произнесла Аникс иным тоном. — Благая Ролли. Здесь, в этом говенном городишке.

Водичка пожала плечами. — Идти куда-то надо, почему бы не сюда? И Штырь, ясное дело, с ней близок. Это же Штырь, вот так.

— Сжигатель Мостов, — сказал Фолибор, едва оправившись.

— О, — застонала Аникс Фро, — избавьте. Сжигателей не осталось. Все мертвы. Раздувшиеся трупы плавают вокруг Отродья Луны. Мертвые. Да, Штырь ветеран, не спорю. Повидал многое и многое сделал. Из тех сержантов, которых никогда не повышают. В армии таких полно.

— Тоже хорошо, — заверил Фолибор. — Опора службы. Стальной хребет.

— Ага, всё это. Но Сжигатель? Забудь.

— С Бенжером нужно что-то делать, — заявила Водичка, изучая длинный красный рубец на пальце. — Целитель вроде должен целить. Если не целит, какой в нем прок?

— Не только Денал, — заметил Фолибор. — И Мокра.

— Я просто говорю, что ассасин с обрезанным пальцем пользы не приносит.

— Как и ассасин, грабящий могилы.

— Схождение сил, — провозгласила Водичка. — Я, ведун, Гончая Тени и не забудьте мертвого Тисте Эдур. С ожерельем из крысиных зубов. — Она вытащила ожерелье из-под рубахи, показать всем. — Наверняка зачаровано.

— Скорее проклято, — сказала Аникс. — Это не Гончая пыталась тебя загрызть, это гигантский неупокоенный крот искал свои зубы.

Водичка сверкнула глазами: — Не моя вина, что с тобой ничего интересного не случается, Аникс Фро. — Она отвернулась туда, где сидели сержанты. Они беседовали с владельцем "Черного Угря" Сторпом, пожилым и грузным мужчиной; вот на ком было написано "ветеран", особенно на лице, жестоко изуродованном морантскими кислотами, вероятно, из горелки. — А потом Штырь говорит нам, что солдаты пьют здесь, хотя "Трехлапый Пес" куда ближе к новому дому. И говорит, что никогда здесь не был. Какой во всем смысл?

Дверь открылась, впуслав Благую Ролли и трех солдат из гарнизона, зарезервировавших столик — если вонзенный в столешницу нож означал именно это. Сержант же пошла за стол сержантов, ведь так поступают все сержанты.

Водичка толкнула Фолибора, подняв брови и глядя на солдат рядом с Благой Ролли. — Выжившие при мятеже, и что за жалкий вид. Не тяжеловесы. Эти похожи на сестер, а третий кажется рыбой, которая три дня лежала на солнце.

— Грубовато, Дичка, — возразил Фолибор. — Жабрами он еще хлопает.

— Верно. Так бросим его назад.

— Послушать вас двоих, — сказала Аникс, не оборачиваясь. — Это малазанские солдаты. Регуляры. И они явно умеют втыкать меч, иначе не выжили бы. Верно?

— Зависит, — отозвалась Водичка. — Могли быть самыми быстрыми бегунами.

— Точно, — рывкнула Аникс. — А Благая Ролли их всячески поощряла, будь уверена. Спорим, они там сидят, смотрят на нас и болтают такое же дерьмо. "О, смотрите, та хмурая корова порезала пальчик, какой от нее прок? А тот тяжеловес явно одевается дольше, чем клятая принцесса на первое свидание". Дело в том, что мы тут новички и нам пора подойти и заказать им по кружке, так что выплюнь парочку монет Тисте, Водичка.

— Не будь идиоткой. Эта добыча не для трат. Фолибор, у тебя есть пара монет. Используй.

— Я? Я на мели.

— Ну, тогда Кожух.

Все поглядели на Кожуха. Он держался рукой за кружку, в которой оставалось на треть эля. Кожуху никогда не удавалось допить до дна. Эль его вырубал. Вот вино солдат переносил, хотя становился плаксивым. Спящий, решила Водичка, лучше. — Давай, Фро, поройся у него.

— Хочешь, чтобы я обчищала его карманы? С ума сошла?

— Там полно монет.

— Откуда знаешь?

— Ну, а что еще может быть в том кошеле?

— Не знаю и не хочу знать. — Аникс Фро откинулась назад, скрестив руки на груди.

Водичка вздохнула. — Давай, Фолибор, грабь приятеля. Потом рассчитаетесь.

— Чем бы?

— Это точно не мои проблемы.

Со вздохом Фолибор встал, обошел стол, снял с пояса кошель, порылся и вынул три серебряных джакаты.

Водичка значительно поглядела на Аникс. — Кто тут безумен?

— Липкие, — заметил Фолибор.

Аникс Фро оскалилась. — Говорила, не бери чужого.

— Ну реально липкие.

— Кажется, меня сейчас стошнит.

— Что ты делаешь? — Сказала Водичка. Фолибор склонился к кошелю.

— Кладу назад.

— Так кто платит за выпивку?

— Слишком поздно, — заметил Фолибор. — Только что Вам Хана поставил им круг.

— Второй взвод опять побил нас! Проклятая Аникс, это твоя вина.

— Не желаю новых друзей, — заявила Аникс. — Новые имена для запоминания, стараешься, а зачем? А вот ты болтала, болтала, но оказалась слишком бедной, чтобы хоть за что заплатить.

— Но теперь мы не подружимся с Благой Ролли, ведь если мы не друзья ее солдатам, она не станет дружить с нами.

Взгляд Аникс Фро не вдохновил бы никого. — Да сколько тебе лет? Не важно. — Она подалась вперед. — Вот тебе кое-что насчет героев, дорогая Водичка. Остался стоять один, да? Ну, это самая маловажная деталь. А что за тела вокруг героя? Они все померли. Поверь, я не хотела бы слоняться около Благой Ролли.

Фолибор откашлялся. — Но, Аникс, именно ты настаивала, чтобы мы купили им выпивку.

— Да, из вежливости.

— И ты не хочешь дружить с Ролли? — Водичка запуталась.

Кулаки сжались так, что побелели костяшки; Аникс Фро сказала сквозь сжатые зубы: — Нет.

Водичка устроилась удобнее. — Так все было продумано, верно? Вам Хана обречен, а мы даже не потратились. Ха-ха! А мы всю ночь сможем обсуждать, что сделать с Бенжером — изменником!

Вам Хана хмурился. Солдата напротив звали Тренд, и он вонял. Одежда была грязной. Усеянная железными клепками куртка казалась загаженной птицами. Волосы свисали длинными неопрятными локонами. — И что не так в моем прозвище? — спрашивал Вам, хмурая гримаса превращалась в злую ухмылку, пока он изучал уклончивое лицо Тренда. — Я его заслужил.

— Может, в том и дело, — предположила старшая из сестер, Летунья, водившая пальцем по шраму на правой щеке, вверх-вниз, вверх-вниз. — Заслужить такое имечко. Целые легионы пропадали в твоей близости. Ты задолжал Хромому Богу или еще хуже?

— Вот что я получаю за выпивку?

— О, — улыбнулась Промашка, младшая. — Мы признательны. Честно. Эль у Сторпа самый лучший, но недешевый. Кстати, мы сами задолжали, и премного. Ваш обоз пришел с квартирмейстером? Было бы хорошо узнать поскорее. Наш счет так вырос, что можно купить замок на холме с полным рыбы рвом и яблонями во дворе. Сторп человек добрый, но ему же нужно содержать себя. Знал, что он был рядовым в Третьем легионе? Настоящем Третьем. Да, том самом. Сражался рядом с Сжигателями Мостов наш Сторп, пособлял саперам — ты не знал, что даже у саперов были вспомогательные силы, спорим? — а они были, на случай, если нужно строить всякие инженерные штуки. Подкопы под стенами и так далее. Он чуть не умер в тоннеле под Натилогом, во время Завоевания. Вам достался Штырь. Потрясно. Благая Ролли вечно о нем говорила, о его подходе к животным и...

— Прости, — прервал ее успевший отчаяться Вам, — что насчет Штыря?

Промашка сверкнула глазами, губы сжались тонкой сердитой линией.

— Ну ты сейчас получишь, — пробурчала Летунья. — Прерывать — дурная манера и Промашка такого не спустит. Лучше вам не попадать вместе в заваруху, она тебе не поможет. Прямо скажу, увидит, как тебе волки горло рвут, и лишь улыбнется.

По спине Вама Ханы пробежала дрожь, ибо взгляд молодой женщины стал убийственным. — Прости, — сказал он снова, с куда большим чувством. — Ты просто сказала что-то важное, о Штыре и гм, животных. Не хотел прерывать, но не хотел и пропустить это, если ты сменишь тему.

— И только это тебе было интересно, — качала головой Летунья. — Изо всех рассказов Промашки? Игнорировал остальное, так?

— Включая, — подался вперед Тренд, — слова о нашем долге.

— Я, мать вашу, морпех, — взвился Вам Хана. — Ничего не обязан знать о чужих долгах.

— Какой сквернослов, — сказала Летунья. — Человек, виноватый в гибели целых армий, ведь сам Господин Удачи одолжил ему свой рывок, сидит тут злой и красный,

потому что оскорбил мою сестренку. Не уверена, что одобряю ход нашей встречи.

— Верно. — Вам глубоко вздохнул, успокаивая себя. — Не начать ли нам сначала?

— И с тебя еще круг? — Улыбка Летуньи была холоднее зимы. — Мило, но не надо. Знаешь, ты не сможешь купить нам хорошее настроение. Если подумать, тебе лучше воссоединиться с друзьями вон там, и объяснить, зачем столь горько нас обидел.

Вам Хана медленно встал. — Вашему дружку Тренду нужна помывка, хотя спорю, вы даже не замечаете. Что говорит о многом.

Летунья не спеша воздела брови, поглядывая на сестру. — Думаю, он только что нас оскорбил. — Перевела взор на Вама. — Не уверена, что ты захочешь бросить вызов, ведь можешь ли ты реально полагаться на помощь своего взвода? С таким прозвищем и так далее. К тому же, — добавила она, глянув в сторону, — уже явились капрал Лошадник, Желтый Гунд и сестрица Скачка. Лошадник малость драчлив, когда доходит до вашего брата-морпеха. — Она снова улыбнулась, ощупывая шрам на щеке.

— Теперь понял. Хотя вряд ли Сторп будет рад видеть драку в своем заведении. Говорю, ты блефуешь, ведь при сержанте Волчке и остальных, сидящих с Благой Ролли, дело не пойдет дальше болтовни. Но если считаешь, что тебе есть что доказать — милости просим.

Через миг она отвела глаза. — Мы просто забавлялись, Вам Хана.

— Вот что это было? А если... — И тут два солидных тела встали по бокам Вама тяжелая рука упала на плечо. Вздвогнув, он обнаружил совсем рядом плоское лицо и приплюснутый нос Дая. С другой стороны был Ори Громче. — Боги подлые, — прошептал Вам.

— Мило беседуешь с регулярами? — спросил Дай, в широкой улыбке обнажив немногие уцелевшие зубы.

— Очень у вас милая беседа, — согласился Ори Громче, прочесывая бороду пальцами-сардельками.

Вам Хана попытался припомнить, когда эти двое разговаривали, произносили хоть слово. И не смог. На самом деле, он впервые услышал их голоса. — Думаю, мы были взаимно любезны, Дай, — выдавил он.

— Ох, и мы такие любезные, — сказал Дай.

— Любезнее любезного, — сказал Ори Громче, положив руку на другое плечо. Двойной вес заставил Вама застонать. И, разумеется, оба мужлана начали налегать с боков.

Летунья смотрела на всё это с растущим недоумением.

— Думаю, — проскрипел Вам, — нам пора вернуться за стол.

— Уверен?

— Уверен?

"Боги, даже звучат одинаково" — Абсолютно.

— Даже не представишь нас?

— Даже не представишь нас?

— Ори Громче, Дай, Летунья, Тренд и Промашка. Вот, готово.

Словно два ловких танцора, тяжеловесы развернули Вама Хану — ноги едва зацепляли пол — и переместили к столу взвода.

— Что вы творите? — шепнул Вам.

— Ты, может, и ходячая дурная примета, — сказал Дай. — Но ты наша примета.

— Руки прочь, вот он о чем, — добавил Ори Громче. — Трахнутые регуляры.

— Хм, гм, я чувствую, будто согрелся изнутри. Но только потому, что вы раздавили

меня.

У стола тяжеловесы расступились, позволив Ваму рухнуть на стул. Ноги подогнулись сами.

— Знал, послать тебя было ошибкой, — сказал Глиняный Таз. — Но идиот капрал решил...

— Следи за ртом, Глина, — прорычал Подтелега. — Назовешь идиотом еще раз и будешь в докладе.

— Ладно, изложу иначе. Наш гений-капрал принял идиотское решение, но ох, мы сделали бы еще хуже.

— Что-то не вижу особой разницы.

— Кажется, я был кристально ясен. Сэр.

— Был бы, если бы не утоп в сарказме. Слишком мутный, чтобы быть искренним. — Кулак взлетел, ударив Глину в левое ухо. — Вот так лучше.

— Ой.

— Сэр.

— Ой, сэр.

— Вам Хана, выслушаем твой доклад.

Протянув руку за кружкой, Вам пожал плечами. — Задницы.

— Вот человек, умеющий отдать доклад. Четко, по делу. Отлично, солдат. Кстати, за кем новый круг? За тобой, Глина.

— Никак... ой!

Капрал Лошадник оперся о стол, клонясь к сестрам. — И какого хрена это было, а? Казалось, мы на миг от драчки.

Летунья выгнула шею, поднимая невинный взор. — Морпехи такие грубияны, сэр.

— Мечтаешь, чтобы из нас выбили дерьмо, солдат?

— До такого не дошло бы, — сказала Промашка.

— Особенно после явления тех тяжелых, — вставил Тренд. — То есть бедный дурачок между ними, казалось, скоро лишится костей. Очень странно.

— Это птичье дерьмо у тебя на куртке?

— Треклятые чайки, сэр. Целились метко, будто Локви Вайвелы.

— А если бы ты не выглядел поганым чаячьим гнездом, Тренд?

Тренд вздрогнул и отвернулся.

Лошадник разогнулся со вздохом. — Прекращайте быть идиотами, это приказ. Теперь они здесь и будем благодарны, местные лесные племена совсем отбились от рук. К тому же хорошие новости: нам выдали довольствие.

Трое солдат сели прямее.

— Но ваше пошло напрямиком в сундук Сторпа.

Солдаты сторбились.

— Она запросто может тебя убить, — сказал Омс.

Кустистые брови Бенжера взлетели. — Водичка? Это же мелкий порез. К тому же она меня не пугает.

Омс откинулся в кресле, всматриваясь в Бенжера. — Какие смехотворные слова.

— Ну если чуточку. Ладно, она устрашает, особенно когда смотрит на свой манер.

Знаешь тот взгляд? Холодный, мертвый, пустой, неподвижный. Как будто смотришь в глаза треклятому крокодилу.

— Так исцели ее.

Бенжер подался вперед, крепко сжав кружку. — Каждый клятый раз! Половина ее ран нанесены ею самой! Как-то видел, она роняла нож на ногу, лезвие прошило кожу и застряло в подошве. Знаете, как опасны колотые раны? Вообразите, неуклюжий ассасин — как она еще жива?

Они сидели вместе с Скажу-Нет, Скудно-Бедно и капралом Морругом, и эти трое спорили о месте, выделенном взводу для постоя. Скажу-Нет и Скудно-Бедно малость поссорились, и теперь каждая желала себе отдельную комнату. Но таковых не хватало. Моррут уже объявил, что больше не желает готовить на всех, ведь его кулинарные усилия не ценят, и если Штырь получил самую большую комнату, будет разумно капралу выделить комнату вторую по величине и на том же этаже. Однако на нижнем этаже была лишь одна спальня, а в столовую и зал занесли немало вонючего снаряжения. Похоже, остатку взвода придется влезть в одну оставшуюся спальню. Тем хуже для остатка.

Омсу было всё равно. Он не думал, что будет проводить в доме бывшего рабовладельца много времени.

Бенжер смеялся на свой сдавленный манер: плечи скачут, рот широко открыт, глаза слезятся — и всё это без единого звука.

— Что такого смешного? — спросил Омс.

— На нижнем этаже есть вторая спальня, — сказал тот так тихо, чтобы никто не слышал. — Они просто не смогли найти дверь! — И он засмеялся снова.

— Как думаешь, они уже гадают, куда ты всё время пропадаешь?

— Великая тайна, но это же я, Бенжер. А тебе я посоветую лечь между Скажу-Нет и Скудно-Бедно. Они скоро помирятся, сам знаешь. Вероятно, ночью. Кто знает, вдруг ты обнаружишь себя в середине чего-то необычайного!

— Вот Бенжер и явил нам свою темную сторону. Ух-ох, — добавил он, когда некая фигура возникла над Бенжером.

Безумно острый нож повис над левым ухом солдата. — Я намереваюсь его отрезать, — объявила Водичка.

Все за столом замолчали. Бенжер уже не смеялся, глаза стали круглыми и дикими.

— Почему именно это? — спросил Моррут. — Второе так же уродливо.

— О, дойдет и до второго, если Бенжер решит, что не нужно целить мой палец.

Скудно-Бедно качала головой, на лице грусть. — Дурная идея, Дичка. Не стоит угрожать целителю, никогда.

— Это не угроза. Я просто рассказываю, что буду делать. Спокойно, Бенжер. Сделаю всё чисто и быстро.

— Ладно! Стой! Я исцелю твой проклятый палец!

Она повернулась, выставив палец. — Смотри. Весь красный и вздулся. А это что, гной? Я вижу гной, Бенжер?

Бенжер схватил ее руку. Закрыв глаза и что-то забормотал. Порез сжался, побледнел и, наконец, пропал. — Вот! Теперь счастлива?

Водичка отвела нож. — Не вполне. Мне так хотелось отрезать тебе ухо!

Она отошла к своему столу. Моррут со вздохом принялся информировать тяжеловесов о расположении спальных мест, нарядах на готовку и стирку.

Омс склонился к Бенжеру. — Предупреждал тебя.

— Она сумасшедшая! — прошипел целитель, утирая пот со лба. — Хотела отрезать мое ухо! Я последний оставшийся целитель — она думает, я не отплачу?

— Нужно было исцелить ее палец вместе со всем прочим, — сказал Омс.

Бенжер подался ближе и шепнул: — Так и было!

Омс нахмурился. — Но ты... она... драть меня.

— *Каждый раз исцеляю!* — И Бенжер начал хохотать, плечи прыгают, лицо покраснело пуще, глаза выпучены, уже текут слезы.

— Треклятые иллюзионисты. — Омс встал. — Служба зовет. Однажды, Бенжер, тебя кто-нибудь убьет — не враги, а кто-то из нас.

— Попробуй!

Какой же малый разум нужен, чтобы верить, будто мир столь же прост, каким кажется.

Безумец Райвет, в день своей казни

В "Черном Угре" было шумно, слишком тепло от множества тел и определенно слишком тесно. Снаружи, встав на мостовую кривой, ведущей в центр городка улицы, Омс помедлил, вдыхая прохладный ночной воздух. Напротив двери таверны через улицу была узкая канава и затем склон южного вала, земля поросла мертвыми сорняками, меж которыми уже показалась новая трава.

Потуже натянув на плечи короткий плащ, он перепрыгнул канаву и быстро взошел по уступам насыпи. Классическая малазанская конструкция, понимал Омс. Это оборонительный вал, но он никогда не предназначался для удержания — в гарнизоне слишком мало солдат. Однако крутой внутренний склон отлично помогал врагам падать, а узкая траншея — ломать руки и ноги. Но это случилось бы после прорыва. До прорыва защитники стояли бы на бермах, обстреливая наступающих. Прятались в случае ответной стрельбы. Пускали стрелы навесом, а солдаты с арбалетами ожидали, пока первые атакующие не вырисуются на бермах.

"Раньте и убейте как можно больше стрелами, болтами, и оставшиеся дважды подумают, идти ли дальше. Драка за каждую улицу — кошмар. А малазане чертовски опытны в таких боях. Лесные дикари? Вряд ли".

Он влез на берму, но низко пригнулся, торопливо спеша к сторожевой башне. Та казалась ветхой и уже кренилась влево.

В поле за внешним рвом Компания Балка казалась затихшей, горело лишь несколько костров и еще меньше ламп в поставленных ровными рядами палатках.

Дисциплина у Балка была хорошей, для человека, никогда не служившего в настоящей армии. Его последователи были крутыми и отлично снаряженными, включая доспехи. Это стоило денег. Почти все наемные компании быстро распадаются, ведь поддержание боеготовности слишком дорого. Выжившие навсегда запоминают, что война — деловое предприятие и вести ее нужно умело.

Лучшие же знали, как побеждать, в идеале — без боя. Победа дает репутацию, а репутация для них — всё.

Добравшись до зияющего дверного проема в конце лестницы, Омс помедлил. *"За чертовой штукой вовсе не следят"*. Он ощущал запах дыма, бревна явно пережили пожары. Ослабла ли конструкция? Трудно сказать. Он вошел в проем и полез по ступеням, прибитым к одному бревну.

Треск, шорохи разбегающихся мышей или крыс. Пыль и старый дым сделали воздух спертым. От вала доносились запахи опилок и гнили.

Пять этажей, лишь на верхнем окно. В середине стояла ржавая тренога, старая и потрепанная сигнальная система с зеркалами, шестернями и флажками, отверстия для смазки давно забиты пылью и принесенными ветром семенами. В каждом окне лепились ласточкины гнезда, стены залиты гуано. Внутри тоже были гнезда, по углам у крыши;

замусоренный пол хрустел под ногами, пока Омс садился так, чтобы видеть лагерь Балка.

Он сел на корточки, опустил запястья на колени. К востоку от лагеря, шагах в пятидесяти, начинался лес, выпустивший вперед ряды молодых осин, ильмов, рябин и берез. Опушка была неровной — из нее выгрызали куски, там и тут сушились штабели тонких бревен.

Если наемники и вели дела с племенами, то не хотели их раскрывать. Мысль о сильном ведуне, следившем за войском от Кулверна, тревожила Омса. Водичка убила дурака и тем могла породить кровную месть и даже полноценную войну.

Неспокойные границы не желают успокаиваться. Пусть работорговля давно окончена, это место кажется готовым для пожара. Штырь и даже Грубит что-то знали. Омс чувствовал их тревогу.

Дыхание замерло, когда на него налегли сзади, окутав незримыми объятиями. Он ощутил вроде бы руки — или пальцы — сжившиеся на запястьях. Не так сильно, чтобы сломать, но уверенно и цепко.

— Ладно, — буркнул он чуть слышно, — теперь что?

Женский голос сказал в голове: — *Спи.*

Спица постучала лезвием ножа по шесту, и последовало тихое приглашение войти. Она нырнула в шатер, за ней Шугал.

Балк сидел на кожаном раскладном табурете. Доспех снят, длинные волосы распущены. Фитиль лампы закручен, давая лишь намек на свет.

— Они наверняка кого-то выставили следить, — сказал Балк. — На той старой башне.

— Думаете, знают? — спросил Шугал.

— Нет. Просто подозрительны. Кого рекомендуете для работы ножом?

— Когда?

— Сегодня ночью. Сейчас. Они только встретились с солдатами гарнизона. Там не морская пехота, регуляры. Не успели понять друг друга. Мертвый морпех на башне — это мог сделать любой. Им будет труднее сладиться.

— Натравить морпехов на местных, — кивнула Спица. — Мне нравится.

— Так кто?

— Почему не я? — сказала она.

Балк покачал головой. — Не кто-то из моих. Ни ты, ни Шугал и даже Крик. Дайте того кто сможет пройти к башне незаметно и достаточно умел, чтобы не сорвать дело.

Спица поглядела на Шугала, тот пожал плечами. Она сказала: — Думаю, Хлоп. Он наполовину коривиец.

Балк нахмурился. — Один из лучших разведчиков. Опытен с ножом?

— Более чем, — сказал Шугал. — У него есть какая-то лесная магия. И любит темноту глаза как у кота.

— Хорошо. Пошлем его.

Хлоп неподвижно лежал в высокой траве почти у подножия башни. Улыбался, но это не было проблемой, ведь его потемневшие от бетеля зубы почти не блестели в темноте.

Под земной болью таился гнев. Даже ярость. Хлоп чувал ее в холодном воздухе ночи. Здесь сотни лет умирали, умирали и страдали. Щедрая пожива для него. Водовороты ненависти, плененные энергии кружатся в злобных ритмах. Земля была щедра, кипела

жаром.

Ему пришлось долго подкрадываться к сторожевой башне — просто еще одна тень на земле; множество облаков заслоняло луну и он был почти уверен, что остался незамеченным. Капитан приказал разжечь главный костер и послал целый взвод присматривать за ним. Возможные лазутчики в лагере потеряют ночное зрение. Капитан был умен.

Он готовился убить очередного малазанина. Вплести новый узелок в волосы. Семь — отличное число, волшебное число. Духи будут восторгаться его удаче. Но шесть узелков в волосах заставляли нервничать. Шесть — дурное число. Шесть островов стоят на белой реке смерти, шесть искусств, кои душа должна победить на пути в Страну Ветвистых Рогов. Путаная Ведьма шестью сосцами кормит детей-демонов. Хлоп не любил число шесть.

Он слышал над головой тихое щебетание: ласточки в гнездах. Они не были рады чужой компании. Хлоп почти слышал сопение того дурня. Он пополз. Вокруг башни, в сочной траве, еще за угол, напротив зияющему входу. Медленно сел на корточки.

Деревянные скрипучие ступени и полы должны были стать проблемой, да и сухое гуано хрустит под ногой. Придется идти очень медленно.

Хлоп вытащил узкий длинный нож.

Каждый шаг был рассчитан, вес не перемещался, пока нога не встанет на прочное место. Он ощупывал ступени, пальцы искали глубоко вонзенные гвозди. Где они еще есть, там старое дерево не должно будет скрипеть.

Один шаг и остановка, баланс как у цапли в тростниках. Без единого треска и скрипа он оказался на первом этаже. Увидел следы сапог солдата, забравшегося наверх.

Земля молчит, даже страдая. У нее нет голоса, разве что ветер пронесется между высокими деревьями: скрип сучьев и гул качающихся стволов; но это лишь змеиное шипение, лишенное чувств. Листья болтают ерунду, не зная, сколь кратким будет сезон их жизни. А сгнившие и опавшие не издают звуков, кроме случайного сырого всхлипа. Там, где живут духи, в болотных омутах и пещерах, в ручьях и потоках, блестят немигающие глаза. Нет, за землю могут говорить лишь голоса ее обитателей.

Этой ночью и Хлоп скажет свое слово, ножом. Заточенное железное лезвие шепнет по горлу, и последует булькающий вздох потрясения.

Верхний этаж; голова его медленно поднялась над дырой люка, увидела фигуру человека, спящего почти у южного окна.

Ленивые, бесполезные малазане. Нужно ли бояться морпехов? Вот один, дурак, даже не очнувшийся.

Хлоп встал, быстро миновал три последние ступени и шагнул к окну, к спящему солдату.

Режущая боль по сторонам шеи. Мучительное давление на виски. Его вознесло на брызжущих потоках крови, дико мотнув, и в последние мгновения Хлоп увидел собственное безголовое тело — вот оно, валится набок. Он смотрел на перекошенную сцену, потом пол поднялся, встречая лоб, и он покатился, пока тьма не залила последние мысли.

Шесть *было* дурным числом.

Грубый пинок в бок пробудил Омса. Выругавшись, он вытащил нож и вскочил.

Аникс Фро стояла перед ним, моргая. — Думала, ты мертв. Но ты спал. Спал! Сама не верю! Что, если они пошлют второго, если первый не вернулся? Даже в голову не пришло?

Ах ты безмозглый, жалкий...

— Тише! — зашипел Омс. Была поздняя ночь, когда перед зарей тьма кажется еще темнее, но Омс ощутил вонь крови и опустошенного кишечника. Он заметил короткий меч в руке Аникс, блеск железа казался стружкой дыма. На полу у треноги что-то горбилось.

— И что ты сделал с бедным ублюдком? Погляди на шею — ему оторвали голову!

Глаза привыкали, и Омс увидел голову там, где она указала — кожа ободрана, свисают сухожилия. Сощурился, изучая лицо. — Тот коривийский лазутчик.

— Хлоп, — согласилась Аникс. — Тот, за которым велела следить Водичка.

Он колебался. Паника нарастала в груди и кишках. Сердце тяжело билось о ребра. — Думаю, меня заколдовали. Что-то меня вырубил. — Он сделал шаг и шевельнул голову носком сапога, заставив качнуться. — Этот урод.

— Бросил магию, да? До или после того, как ты ему оторвал голову?

— Явно до. Но я, должно быть, сопротивлялся, успев подскочить и...

— Оторвать голову. Своими тощими ручонками. Поняла.

— Точно. Я был в гневе, так?

— И он проделал весь путь вверх, не пробудив тебя? Хватит, Омс. Ты заснул. В дозоре. В старые дни за это полагалась казнь, а Штырь бережет старые обычаи. Ну, было приятно познакомиться.

Вложив нож в ножны, Омс присел и закрыл лицо руками. — Было не так.

— Плохо слышу сквозь пальцы, Омс.

Он уронил руки и сверкнул глазами. — Что-то прилепилось ко мне. Большое, злое. Восстало из земли передо мной, под Кулверном. Висит надо мной всю дорогу. Ночью показалось и вырубил меня.

— Я верно услышала? У тебя призрак-компаньон. Усыпляет тебя и убивает любого, кто к тебе ползет?

— Похоже на то.

— Меня не убил.

— Ну да. Думаю, не нужно было. Ты не планировала резать мне горло.

— Знай я, что ты просто спишь, перерезала бы. Просто чтобы проучить.

— И две головы катались бы по полу.

— Уверен?

— Нет, конечно, — бросил Омс. — Ни в чем я не уверен.

— И на что похож призрак? Рога, три глаза, полный рот клыков и один во лбу? Крылья нетопыря? Змеиный хвост?

— Чего? Нет. Ты часто таких видишь?

Светало, заря позволила ему видеть ее круглое лицо. Вопрос заставил выражение лица измениться. — Нет. Не будь идиотом. Ну, не наяву. И не когда трезвая.

— Она более-менее походит на человека, но крупнее. Как Скудно-Бедно, но еще крупнее. О, и длинные когти.

— У Скудно-Бедно когти?

Вздыхнув, Омс встал. — Твоя стража. Я найду Штыря и доложу.

— Доклад, ага. Почему бы не отрететировать? Для надежности. Вот, я — Штырь.

— Не сработает. Он красивее.

— Представь.

Омс отвернулся, глядя в мертвое лицо Хлопа. Еще полное удивления. Эти объятия

были... особенными. А ее голос — хотелось бы услышать снова. Но всё это, в общем, стало дурной новостью. — Отлично, — сказал он. — Коривиец — шпион Балка хотел меня зарезать, но моя хранительница, Гигантская Когтистая Женщина, оторвала ему голову. О, сначала Гигантская Когтистая Женщина вырубил меня, так что вы можете захотеть снять меня с ночных дозоров.

— Вырубил? Где же шишка на голове? Покажи.

— Не ударила. Просто усыпила.

— Спал в дозоре?

— Внезапно. Она обняла меня и шепнула "спи", и так и стало. Я вырубился. Сразу.

— Новая деталь! Гигантская Когтистая Женщина говорит!

— Полагаю.

— Так скажи ей, чтобы проваливала.

— Мы не то чтобы беседуем. Было одно слово.

— Много ли раз такое бывало, солдат?

— Никогда. Но не поручусь, что не повторится.

— Вот проблема, — сказала Аникс Фро. — Мне придется тебя убить.

— Он так не скажет.

— Может и нет, ведь Гигантская Когтистая Женщина может явиться и оторвать ему голову. Везет тебе, Омс. Хотела бы я завести Гигантскую Когтистую Женщину для охраны. Но только если она не похожа на Скучно-Бедно. Кстати, спроси Штыря, что нужно сделать с малышом Хлопом. Не хотелось бы провести утро в такой компании, а? Кстати, так ты отвлечешь Штыря от факта, что спал на посту. Потом поблагодаришь. Если он тебя не убьет. Но это вряд ли, так что можешь благодарить прямо сейчас.

— Спасибо, — буркнул Омс, направляясь к лестнице.

— Звучит не очень-то искренне! — заорала Аникс вслед.

— Вылезай из палатки, — сказала Спица. — Едва светает. Проваливай, Шугал. — Она упала и натянула меховое одеяло на лицо.

— У тебя проблема, — сказал Шугал от входа.

— У тебя так точно будет.

— Хлоп не вернулся.

Через миг Спица села. — Нехорошо.

— Явно обделался. Балк хочет тебя. Не я ведь советовал Хлопа. Я думал о Байрделе. Не ты назвала Хлопа и теперь ответишь перед капитаном.

Она начала одеваться. — Ты промолчал, Шугал. Если думал, что Байрдел лучше и ничего не сказал, тогда вздуют тебя.

Шугал скривился: — Я уже открыл рот, всё такое, но ты меня оборвала.

— Не было такого.

— Говорю, было.

— Буду возражать.

— Тебя хочет видеть Балк, не меня.

Метнув ему мрачный взгляд, Спица прошла мимо. Утро было холодным, она плохо выспалась, но тревога заставляла мысли бегать резво. Она направилась к командному шатру.

Проблема, понимала она, не в том, кто ушел на дело. Хлоп и Байрдел или кто-то иной. Проблема в том, что убийца мертв или в руках малазан. Если второе, всё не так плохо —

Хлоп не станет болтать, а малазане утруждать себя пытками. Ответишь — будешь жить, промолчишь — умрешь.

И вряд ли малазане его вернут. Нет, лучше считать Хлопа мертвым. Умер или ночью в сторожевой башне, или утром, в обществе Штыря и Грубита.

Уже легче. Проблема, да, но не запредельная. Хлоп известен ненавистью к малазанам. Уже творил зверства. "И зачем вы поставили солдата на башне и следили за нами? Я думала, вы нас наняли? Или мы даже союзники? Как мы понимаем, Хлоп заметил движение на башне и пошел проверить. Дело, похоже, было в недопонимании, но наш человек погиб".

Нет, решила она и чуть улыбнулась, это вообще не проблема.

Здание, приютившее имперского управителя, было из немногих каменных сооружений городка, три этажа под скошенной крышей высились у кладбища — вполне удобно. Капитан Грубит сидел в контуре второго этажа и смотрел в окно, на кладбище. Кладбище протянулось далеко, и его почти не заслоняла плоская крыша деревянного домика, на которой сидел толстый старик и ел голубя, сырым. Перья летели по утреннему ветру.

Мэр Силгар еще разглагольствовал, но капитан уже не слушал. Он плохо спал, хотя занял уютную квартиру. Доклад о мертвом ведуне был тревожным, и еще сержанта Штыря позвал прибежавший солдат. Грубит видел их под углом деревянного дома. Омс говорил, Штырь слушал. Тоже тревожно.

Лейтенант Наст Форн сидел за своим столом, попивая из глиняной чаши сидр, который вряд ли был слабоалкогольным. Он выглядел скучающим, даже слишком, но тревога проявлялась в том, как нервно он теребил имперскую печать.

Силгар Младший возвысил голос: — Мне повторить, капитан?

— Хмм?

— Список репараций, сэр. Его вели целые годы! Перечень материальных потерь и выпавших доходов! Разве не упоминали вы, что прибыли с пакетом документов от кулака в Тенисе?

— Точно так, сэр. В моем распоряжении официальный ответ и я уполномочен задействовать его по усмотрению.

Силгар моргнул. — По усмотрению?

— Именно так. Но признаюсь в неких колебаниях. — Грубил глянул в окно. — Что за милое утро. Как будто лето уже спешит к нам. Смею предположить, что к полудню станет по-настоящему жарко. Конечно, если небо будет чистым. Скажите, грозят ли нам тучи? Погоды переменчивы, но вы, конечно же, знаете местные приметы и тому подобное. — Он улыбнулся.

— Уважаемый сэр, — сказал Силгар, — простите, но мне кажется, вы говорите без должной серьезности.

— Ффу, я серьезен как никогда, мэр Силгар. Но прошу, позвольте мне выразить симпатию присутствующему здесь лейтенанту Насту Форну. Ведь он выносит все удары вашего недовольства уже долго, не так ли?

— В роли имперского управителя...

— Именно, под грузом, коего молодой человек явно не просил для себя. — Грубит уперся в бедра, встал. — Хорошо же. Дорогой мэр, учитывая природу Мятажа и ужасы рабства, его вызвавшие, Кулак уполномочил меня заявить следующее. — Он шагнул, обеими руками хватая Силгара за кружевные лацканы, одним слитным движением поднял грузного

северянина с кресла, подтащил к себе. — В дупу вас и ваши репарации. — Затем он швырнул мужчину к ближайшей стене.

Затылок Силгара хрустнул о штукатурку, оставив розовое пятно, и розовые капли потекли вслед оседавшему на пол телу.

Грубит изучал свои ногти. — Проклятие, этот сорван? Нет, лишь припухлость. Слава богам. — Он обернулся к Форну, сидевшему с открытым ртом. — Лейтенант, полагаю, внизу мэра ожидают слуги. Боюсь, ему нужна помощь, чтобы покинуть наши пределы. Вы удовлетворены исходом совещания? Я — да. Полагаю также, что вам еще предстоит распределять выплаты. Значит, впереди хлопотливый день. Встретимся у казарм в пятый звон? Отлично.

Грубит подобрал мягкие перчатки и покинул комнату.

Омс потел под ярким солнцем, быстро моргая, всматриваясь в лицо Штыря. Ни намек на эмоции во время длинного и все более отчаянного доклада. Ни одного вопроса в прояснение подробностей. А теперь и капитан Грубит показался из каменного здания и подошел к ним.

— Дорогой сержант Штырь, ваше явное беспокойство меня тревожит.

Омс покосился на капитана. *"Явное?"*

Штырь обернулся. — Вы вовремя, сэр. Омс был в дозоре на сторожевой башне. В полночь его навестил "ночной нож" от Балка. Ассасин убит.

— Превосходный результат!

— Оторвана голова, — добавил Штырь.

Подняв брови, Грубит с интересом смотрел на Омса.

— Не руками Омса, сэр. Вы помните, Бенжер уже рассказывал о довольно устрашающем духе, что преследует Омса. Ну, ночью тот показался. Пока Омс спал.

— Спал?

— По воле духа, сэр.

— Боги правые. — Грубит изучал Омса. — Это для вас обычное дело, солдат?

— Первый раз, сэр.

Штырь кашлянул. — Капитан, вопрос тела.

— Послать Балку. Без комментариев.

— Понял, сэр.

— Мне нужно удалиться на время, прихорошить перышки. Продолжайте.

Омс смотрел в спину капитана. Потом обернулся к сержанту. — Балк не будет счастлив. Оторванная голова... Он задаст вопросы.

Штырь хмыкнул. — Не наша головная боль.

— Догадываюсь, я отстранен от ночных дозоров?

— Что? Нет. Но отныне будешь в паре.

— С кем?

— С Бенжером.

Омс вздохнул. — Не знал, что он унюхал мою... компаньонку.

— Твоя призрачная подруга не отличилась манерами.

— Он сможет от нее избавиться? — Омс задавал вопрос, вовсе не уверенный, что хочет от нее избавляться.

Штырь пожал плечами: — Не просил его пробовать. Явление духа — загадка, но мы не

должны ее игнорировать. Она пробудилась не просто так и выбрала тебя не просто так. Поглядим, куда это приведет.

— Думаю, жаловаться мне не приходится, — сказал Омс. — Она спасла мне жизнь. Но если бы не вырубила, я мог бы услышать его шаги по ступеням. И взять живым.

Штырь нахмурился. — Зачем было брать его живым? Вольно, Омс. Поди поспи. По-настоящему.

— Слушаюсь, сэр.

Он направился к квартирам взвода. *"Я не устал. Нет, таким хорошо отдохнувшим я не чувствовал себя долгие годы. Гигантская Когтистая Женщина, в следующий раз давай побеседуем подробнее. Скажи мне, какого хрена хочешь"*. Что-то заворочалось в кишках, странно сладостное, хотя и беспокоящее.

Он решил пойти прямо к озеру.

"Ты сорвала ему голову. Неужели Хлоп такое заслужил? И хочу дать тебе имечко получше. Гигантская Когтистая Женщина? Ха. Не очень красиво. Типичная Аникс Фро. Ей нравится. Но как насчет... Розы?"

Убежища создавались ради интересного эксперимента, как интересна и сама предрасположенность Джагутов к опытам над низшими существами. Изолируем популяцию за высокими стенами льда, но сохраним островному убежищу сносный климат и обилие ресурсов — и посмотрим, что получится.

Разум наделен неистощимой способностью собирать правила поведения в изоциренный кошмар тщательно создаваемого безумия. Невежество подобно семени — падает под видом полезного злака, но становится сорняком, душащим разум, пока не погибнет всякий здравый смысл.

Презирай, если можешь, навязчивое любопытство моего народа, равнодушную оценку трагедий и страданий, но знай: нашими холодными взорами мы лишь подражаем богам.

Вспомни об этом, когда склоняешься перед алтарем, падая в тень нечеловеческого взора своего бога. Их разум — не твой разум. Их желания — не твои желания. Их радости — не твои радости. Склоняй же колени в чаше ладони своего бога. Но помни. Он или она могут попросту выжать тебя. Назовем и это склонностью к любопытству.

Много раз в своей жизни я пробуждался, слыша тихий неземной возглас: "Упс!" Еще одна жизнь пропала, став алым пятном меж двух пальцев. "Забавно!"

"Глупость Готоса"

Дамиск лежал в тени у края пещеры. Снаружи на стоянке было уже двенадцать саэмдов, и новые подходили издалека. Они видели уход Суки-Войны, он был уверен. Но прошло уже два дня. Вряд ли они считали, что Дамиск жив. Нет, тут творилось что-то иное.

Он проголодался. В пещере не было ничего, годного в пищу. У стены бил родник, создав лужицу в углублении пола, избыток воды уходил в трещину чуть далее. Вода давала ему жизнь. Холодный ветер проникал в самые кости, особенно здесь, у выхода; он беспрестанно дрожал.

Трое саэмдов вышли со стоянки, без оружия. Гадающие по костям, полагал он. Охотник следил, как они расходятся, формируя полукруг за тридцать шагов от Оплота Азата. Дамиск не мог разглядеть со своего поста, но подозревал, что есть и другие стоянки и другие гадающие. Оплот был окружен. Как и многие обитатели севера, саэмды развили вызывающую трепет способность общаться на далеких расстояниях. Возможно, это талант гадающих — но он слышал, что даже их охотники умеют сходиться к нужной точке с разных сторон, словно читая небо и землю, как открытую книгу.

Ритуал начался. Если бы Сука-Война еще пребывала в пещере, наверное, ничего бы не случилось. Саэмды разбежались бы. Но теперь... Дамиск был вполне убежден, что предпринята атака на Оплот Азата.

Им выпал удобный случай. *"Дерзко. И безумно"*.

Трое гадающих по костям разожгли у ног костерки, питая их сплетенными в узлы пучками травы, сухого мха и лишайника.

Порыв ледяного ветра налетел на Дамиска из глубин пещеры, такой пронизывающий, что он задохнулся. "И Оплот отвечает. Трахнутое колено Хромца, я в дурном месте".

Гадающие могут обрушить своды ему на голову. Но куда идти? Если попытается бежать, охотники заметят, и в этот раз ему не обогнать их стрел.

Гадающие пели, голоса слабые и тонкие. Они вытащили каменные ножи и резали себе руки и бедра; струйки крови поднимались в воздух, подобно нитям паутины, выше и выше. Издалека донесся раскат грома.

Ветер из пещеры завыл, ощупывая Дамиска ледяными струями, почти поднимая в воздух. Выругавшись, он перекатился набок, и еще раз, к россыпи острых камней, где попытался найти надежный захват для рук.

Гром трещал со всех сторон, приближаясь. Наклонные столбы качались и стонали. Вой оглушал.

"Смогут ли они его убить? И что случится? Разве Азаты — не вид тюрем? Кака дрянь сможет отсюда выбраться?"

Словно в ответ страхам буйный плевок вырвался из устья — гравий и ледяная крошка — и на коже Дамиска появились кровавые ссадины. Он глубже заполз меж валунов.

Что-то пыхтело и сипло кашляло рядом.

Молния поразила ближайший монолит, грохот был как от малазанской долбашки. Дождем посыпались каменные осколки. Высоченный столб чуть накренился.

Затем что-то громадное заполнило пещеру. Дамиск поглядел вверх.

Серый медведь, которого он убил годы назад, на дыбах был ростом с двух мужчин. Этот был вдвое больше, размером с карету. Ледяная грязь падала с бесцветного гнилого меха. Опущенная голова миновала Дамиска, слишком большая, чтобы украшать дом человека; глаза — пустые ямы, песок сыпется из распахнутой пасти и вылетает из ноздрей с каждым неровным, дребезжащим выдохом.

Почва тряслась под ногами, когда зверь выбрался из устья пещеры и пошел по склону. Дамиск даже сквозь визг ветра расслышал далекие вопли.

Зверь зарычал и ринулся подобно лавине.

Дамиск вскочил, чтобы увидеть, как медведь добирается до первого из невезучих гадающих. То, что взлетело к небу из челюстей, уже не походило на человеческое тело. Саэмды что было ног бежали со стоянки, но с тем же успехом могли бы ползти. Скорость гигантского медведя была поразительной, ужасающей, он напал столь расчетливо и решительно, что явно вознамерился не оставить в живых ни одного северянина.

Дамиск шатался, возвращаясь в пещеру. Мысль попытать удачу, прячась от зверя среди голой тундры, заставила подогнуться колени. Внутри уже не было ветра. Даже холод уходил, вода капала со стен, словно пот, лилась с потолка. Еще онемелый от ужаса, Дамиск обошел алтарь и побрел в глубину пещеры, дальше, чем решался ранее. Проход стал узким извитым спуском — здесь явно не было места для гигантского медведя. Откуда же тот взялся?

Он шел дальше, глубже; воздух стал холоднее, мрак абсолютным. Он выставил руки. Мысль почти заставила остановиться.

"Я мог бы скрыться здесь."

Пока зверь не вернется, не ляжет за трон — без шанса пройти мимо. Что тогда?

А если бы оставил парня тонуть? Сидел бы сейчас в "Трехлапом Псе", напиваясь и мечтая о быстрой, милосердной смерти. Чувство вины такое может сделать... с тем, у кого осталась хоть какая совесть.

Нет, Дамиск, давай без сожалений. Ты дал ему шанс. Должен был".

Он шел, шаг за шагом, вытягивая руки. Ничего не видно, ничего не слышно, даже водяной капли.

"Что, если это и значит быть мертвым? Душа теряется и плывет сквозь забвение? Что, если нам дана лишь жизнь? И нет ни карающей руки, ни весов? Жизнь, полная решений, и никакого конечного ответа. Никакой книги и никакого правосудия".

Мысль ужасала. Он видел слишком много жестокостей, слишком много предательств. *"Вот дрянь, уж лучше бы на той стороне нас поджидал какой-то ублюдок. Искар Джарек, устремляй свой хладный безжизненный взор на каждого прибывшего. Не слушай льстивых слов, не поддавайся жалости к не знавшим лучшей доли. Мы знали, что делаем. Отлично знали".*

Внезапно руки коснулись чего-то обжигающего, от отшатнулся и выбранился. *"Лед. Вертикальная стена льда".* Он подался вперед, ощупывая скользкую поверхность быстро немевшими пальцами, и правая рука провалилась в трещину. Лед здесь был расколот.

Дамиск прошел в расселину. Воняло медведем. *"Он был заморожен? Пленен льдом?"* Охотник обернулся, ожидая увидеть далекое мерцание света от устья пещеры. Но была лишь чернота. Слишком много поворотов? Он пошел назад, по своим следам.

Но через десять шагов замер с вытянутыми руками. *"Заблудился. Путь назад не равен пути вперед. Я в Оплоте Зверя, в старейшем из садков. Что теперь?"*

Порыв воздуха сбоку зашептал намеком на тепло. Он осторожно повернулся туда. Запах сырой земли и соли.

Звуки в ушах были биением крови или чем-то иным? Дамиск шагал к этому тихому дыханию. Пол поднимался; затем появилось мерцание, постепенно обрисовав контуры пещеры. Он взбирался по склону.

Проход сузился, пришлось поднырнуть под каменный навес. Он присел. Тусклый свет показал странные темные пятна на пороге. Он всмотрелся. Отпечатки рук, короткие пальцы, широкие ладони. Краска алая или черная — сказать было невозможно. Но каждая ладонь были прижата к краю узкого выхода, будто стараясь расширить устье. Или пытаюсь удержаться внутри?

Далее мутный свет показал проход, узкий и неровный, песок под ногами — белый, усыпанный листьями и сучками. Стены по бокам украшены изображениями зверей, природные трещины усилены, придавая барельефам форму. Он видел много знакомых животных, но еще больше совершенно неведомых.

Дамиск ускорил шаги, поднимаясь. Шипящий звук стал громче — не биение крови в черепе, но шум извне.

Резкий солнечный свет окатил следующий поворот, показав ровную площадку из того же белого песка и устья пещеры. Кольцо камней, окруживших какое-то черное пятно. Небо было ярко-синим, воздух окатывал необычайным теплом.

Он вышел на узкую скальную полку. Внизу, на высоте роста четырех или пяти человек, тянулась полоса пляжа. Он оказался на середине утеса. Море несло пенные бирюзовые волны, вдалеке напротив едва можно было различить другой берег.

— Чтоб меня!

Трудно было сказать, приблизились ли горы. Волнистые просторы покрытого мхами камня тянулись, кажется, до подножий далекого хребта. Но тут хотя бы были впадины, в которой можно было найти воду, черную и согретую солнцем.

В полдень Рент положил бесчувственного Жекка — позаботившись, чтобы голова не ударилась о камень — и помедлил, изучая обожженное солнцем лицо. Рент тащил Говера уже три дня, и тот ни разу не очнулся. Дыхание было глубоким, но медленным, раны уже не кровоточили.

Рент потянулся, разминая натруженные плечи и больную спину. Только ли усталость заставляла его ощущать, что Говер становится всё тяжелее, тяжелее, чем должен быть? Он вздохнул и прошел к пруду.

Там кишели личинки moskitov, и он нацедил воду через мох, в отбеленную солнцем чашу из свода черепа, которую нашел два дня назад. Поднес край к губам Говера, позволив воде капать внутрь. Тот, как всегда, закашлялся. Рент не знал, попала ли вода внутрь. И даже кашель не заставил Говера проснуться.

Дамиск описал себя как одиночку, который, если найдет компанию, изливает слова бесконечным потоком, словно стремясь облегчить давление избытка одиноких мыслей. Теперь Рент его понял. Некоторое время он пытался говорить с духом в железном ноже, но способность духа беседовать, кажется, пропала, едва тот полностью погрузился в лезвие. Он пытался говорить с Говером, что тоже было бесполезно.

А он был полон слов, полон мыслей, которые некуда деть. Так вот что значило быть одиноким! Целый внутренний мир без выхода, без слушателей и свидетелей. Если в нем есть красота, никто не узрит. Если он страдает, никто не услышит зов о помощи.

Он сел наземь у неподвижного тела Говера, устремив глаза на пустую черепную чашу. Череп казался человеческим. Рент заметил мелкие осколки, когда его подобрал — куски челюсти и скулы, похороненные мхом. Но ни признаки остального тела. Края были погрызены мышами.

Может быть, однажды его череп возляжет здесь на постели из мха. А череп Говера в нескольких шагах. Тела растащат падальщики. И останется лишь загадка, как бывает со всеми костями. Сколь многое в мире неведомо и таковым остается навеки.

Серебряное Озеро казалось большим, пока Рент там жил. Были знакомые улицы и переулки, но и те, в которых он никогда не был. Здания, в которые не входил. Почти все такие. Но сейчас сама мысль об Озере казалась маленькой, съеживалась в уме каждый день и каждую ночь. Он не думал, что снова увидит родной городок.

"А если увижу? Через годы, вернувшись, пройду Кулвернские ворота?"

"И когда же полетит первый камень?"

В памяти возникли картины убийства волков, треск костей, нож сквозь череп... Его сотряс шок. После первого же брошенного камня затрепчат кости, будут разбиты головы. Серьезность этих мыслей сделала его холодным, замерзшим изнутри. Само по себе пугающе. Смущенный, потрясенный, он встал и вернулся к черному пруду.

Положил еще кусок изумрудного мха, погрузил чашу в воду и наполнил. Осторожно вынул мох. Всего одна личинка. Рент выловил ее, поднес чашу к губам. И застыл.

Приближался мужчина.

На левом плече незнакомца лежала тяжелая ляжка какого-то большого животного. Ее

облепили мухи, и багряные мышцы почти пропали под черным шевелящимся покровом. На правом плече было странное оружие: половина длинной челюсти, широкий конец усеян обсидиановыми зубцами; узкий конец он держал рукой, скрытой под кожаной обмоткой. За спиной висело копьё, длинный наконечник также из какого-то розового блестящего камня.

— Буди его, — грозно зарычал мужчина, едва подойдя. Он говорил по-натийски. — Я бросаю вызов.

— Ты не можешь. Он ранен.

Яркая белая улыбка посреди черной бороды. — Тем проще. — Он бросил окорок, распугав жужжащих мух, и вырвал из ножен на поясе каменный нож. — Сразу перережу горло. Великий владыка Говер, тиран Черных Жекков, прольет наземь кровь столь же легко, как мочу.

Рент встал между ними. — Он под моей защитой. Уходи.

— Это дела Жекков, — сощурился незнакомец. — Теблорам в них делать нечего. Он боялся вызова и бросил логово. Я пошел следом. Я буду владыкой Черных Жекков. — Глаза сузились. — Он потерял свору. Нужен был могучий враг, чтобы так его ослабить. Я нашел мертвых Имассов, но этого мало.

— Это был я, — сказал Рент. — Я убил остальных из его... своры, и почти убил его самого. Мне жаль, и я поклялся защищать его, пока не оправится.

Чужак фыркнул и отвел глаза. — Теблоры и их клятвы.

— Не заставляй убивать тебя, — сказал Рент, вытаскивая малазанский нож.

Жекк оскалился. — Этой крошкой? — Повернулся к окороку и начал отрезать большой кусок. — Поторгуюсь? Эта еда наполнит твоё брюхо. Я разведу костер. Поедим, поговорим до самой ночи. О делах славы и ловкости — ты станешь мне ровней? Сомневаюсь, щенок. В конце тебе придется признать поражение и свернуться на одеяле, заснув. Утром приветствуешь нового Владыку Черных Жекков.

— Так не будет. Я его защитник.

— Если бы он очнулся, умер бы со стыда. Владыке Говеру нужен в защитники полудитя-Теблор? Малец с ножом? — Чужак отложил мясо и начал складывать камни для ограждения костра. — Но твоё вранье меня беспокоит. Перетекая в шестерых, Говер становился мастером охоты, засад и убийств. Будь ты его добычей, не выжил бы, а сумеи убить шестерых или пятерых, сам стал бы сплошной раной. Итак, ты врешь. — Жекк помедлил, скалясь. — Было так. Говер сразился с сотней или более того Имассов. Битва на бегу, в такую я вступил бы в самом крайнем случае. Он убил последнего из них и пал без чувств, слишком истерзанный. Ты нашел его или, точнее, нашел большого окровавленного волка. Ты голодал — это я вижу. Итак, будучи трусом, ты решил нести добычу, пока не умрет, а потом обглодать.

— Нет, — ответил Рент.

Оскал Жекка не исчезал, глаза блестели камешками. — Должно быть, он приходил в сознание, хоть на миг-другой, иначе не обратился бы в двуногую форму. Ты вдруг обнаружил, что несешь не волка, но человека, умирающего, но еще не мертвого. Стал бы ты есть человека? Вопрос тебя тяготит. Вот почему ты так и несешь его. Когда умрет, ответить будет проще.

— Тогда почему не разрешаю тебе перерезать ему горло?

Мужчина кивнул. — Хороший вопрос. Но я уже нашел ответ. Ты надеешься обмануть меня речами о чести, долге и клятвах, чтобы я не убил тебя вслед за Говером. Хочешь

убедить, что станешь достойным спутником, чтобы я взял тебя в логово. Я новый владыка, и моя власть будет шаткой. Ты поклянешься встать рядом как телохранитель. Это будет просто продолжением клятвы ему.

— Неужели?

— Клятва защищать владыку Черных Жекков. Я и есть владыка.

Рент покачал головой. Воин-волк вынул огниво и начал высекать искры в сухой лишайник, склоняться и дуть. Показались струйки дыма. Пламя лизнуло лишайник. — Моя клятва — защищать Говера, не владыку Жекков.

— На новом берегу, — сказал чужак, роясь в большом заплечном мешке, — есть плавник. Тяжелое как камень, это дерево всё же горит. Медленно, с большим жаром, плавит медь и даже железо. Для мяса бхедрина, да, это будет праздником. — Он вытащил бруски серого дерева. — Видишь мое великодушие? Жекки редко готовят мясо. Но я знаю Теблоров и их изыски. Пожарю для тебя.

— Не дам тебе убить Говера.

Чужак пожал плечами. — Оставим это на время. Вижу твой голод. Я вежлив даже с жертвой. Поедим. — Из мешка он вытащил зазубренный шампур и нанизал кусок мяса. Кинув дрова в костер, начал строить очаг повыше, накладывая камни. — Я дарю тебе свое имя — еще одна честь, которой ты вряд ли заслужил. Я Нилгхан, я единственный среди Черных Жекков измерил шагами весь Великий Ледник и странствовал по землям юга. Десять лет провел я среди людей. Видел высокие стены Блуэда, величайшего логова мира, где люди плодятся подобно леммингам. Изучил этот язык, и знаю, что ты бастард-полукровка. Не по виду твоему, но по запаху. — Мясо зашипело, ложась над очагом.

— Я Рент от Серебряного озера. Мой отец — Карса Орлонг.

Нилгхан крикнул. — Ты смел во вранье, щенок. Признаю. Я был разведчиком для логова Блуэд, на восточных равнинах, когда услышал об атаке на Серебряное Озеро. Три воина-Теблора, лишь один выжил. Плененный, избитый, ставший жалким рабом. Его отослали кораблем — это такое большое каноэ — в логово Семьгородов. Его звали Карса Орлонг. Но он давно мертв или хуже, влачит жизнь раба в деревушке у восточных вод, пьет конскую мочу и трахает овец — это такие странные животные с глазами ящериц.

— Он живет в Даруджистане.

— Это название мне ведомо, но нет в мире логова больше Блуэда. Четыре или пять раз больше Серебряного Озера, если сможешь поверить. — Нилгхан перевернул шампур.

Запах ошеломлял. Рент не мог отвести глаз от жаркого.

— К чему бродить по здешним землям, Рент от Серебряного озера? Имассы пошли за стадами. Мы, Жекки, шли за ними. Стен льда больше нет. На юге будет резня. Став владыкой Жекков, я разорву все клятвы. Нет, мы будем искать тех, что способны драться; отбирать слабых и питаться их телами, став жирными и богатыми, упившись свежей кровью.

— Я странствую к горным Теблорам.

Нилгхан фыркнул снова. — Тогда спешу.

— Я шел с другом, охотником. Его звали Дамиск.

Взгляд Жекка поднялся, ловя Рента. — Дамиск. Который впервые вышел к Имассам, решив с ними торговать, но едва убежал, оставив тела по всему берегу. Дамиск? Не говори, что Нилгхан легко раздает похвалы, но Дамиска трудно убить.

— Это похвала?

— Среди Жекков нет хвалы выше, чем сказать, что кого-то трудно убить. Ну же,

используй свой смешной ножик и нарежь мяса. Ешь, пока не заболит брюхо.

— Мой нож не для резки мяса.

— У тебя талант намекать, Рент. — Нилгхан принялся пилить мясо своим ножом. — Может статься, я убью тебя рано или поздно. Тогда заберу смешной ножик себе. — Он протянул мясо Ренту.

Тот взял. Обугленное снаружи, сырое внутри. Сок покрыл руки и подбородок. — Что такое бхедрин? — сказал он, проглотив первый кусок.

— До прихода льда мы знали один вид бхедринов. Но я видел бхедринов, которых пасут и едят южные ривийцы. Они меньше, рога короткие. Убивать их будет легко. — Он указал ножом на окорок. — Этот настоящей породы. Вдвое больше южных, длинные рога по сторонам. — Он раздвинул руки. — Вот такие. Своры должны работать вместе, чтобы завалить такого.

— Но ты один.

— Этот был смертельно ранен. Раны заставили подумать о сером медведе, но слишком большом. И он не жрал его, и даже не пометил добычу. Признаюсь, я дрожал, отделяя себе часть. Серый медведь с лапами, способными разом сломать все ребра? Невероятно. — Он пожал плечами. — Не стану говорить, что убил эту добычу.

— Как вкусно.

— Разумеется. Я учился готовить у людей юга.

Обычай привычки и взгляды менять рождает миров бесконечности, возможностей круговороты, и женщины бродят в воображенья тенях, мужчины же, встав на колени, сжимают руках чаши с прахом.

И как заблудиться тебе среди посеянных судеб, когда открывается истина? След, что, казалось, развеется ветром, вдруг времени кровью предстал и плотью земли. То, что не сбылось, записано в сердце твоём, и затруднен каждый шаг исходами шалостей мелких, бездумных капризов. Вселенной своей ты несешь тяжкий гнет, а в ней мириады вселенных иных.

"Апокрифы духа затишья пред бурей", из "Вороньей книги" от монахов Г" данисбана.

Дамиск спустился с полки утеса и бродил по берегу. Там было полно принесенного волнами плавника, даже больше, чем можно было ожидать. Он осматривал груды выбеленного солнцем и водой дерева, ища следов обработки: пропилов или зарубок топора. Ничего. Было странным лишь то, что преобладали вывернутые с корнем деревья, будто после наводнения.

День был жарким; казалось, сразу за небольшим изогнутым пляжем дно опускается в неизмеримые глубины. Когда придет шторм, волны измолотят залив, вздымая брызги до самой пещеры. Нет, пляж не был надежным убежищем.

Сняв мокасины, Дамиск зашел в море. Теплая вода погладила усталые стопы. Он отошел недалеко, обернулся. Над устьем пещеры нависал козырек в три роста высотой, над ним виднелись кусты. Влезть туда было бы нелегкой задачей: каждый слой породы выдавался дальше — еще одно доказательство, что весь утес вырезал волнами.

Единственный путь домой, решил он, таится в пещере — точнее, в древнем садке, что лежит в ее глубинах. Но это дело ненадежное. Он был голоден, и мысль снова погрузиться в ледяную тьму с ноющим желудком и скудным запасом пищи его вовсе не прельщала. Нужно было поохотиться.

Он вернулся на берег и сел на бревно, подождал, пока обсохнут ноги. Натянул мокасины. Затем, убедившись, что лук и немногие оставшиеся стрелы не вывалятся из колчана, полез наверх.

Это было нелегко; он стал слабее, чем думал, было трудно искать надежные опоры для рук и ног. По пути попадались птичьи гнезда, но давно брошенные, истерзанные непогодой. Ни яиц, ни птенцов. Увы. Впрочем, он и птиц здесь почти не видел.

Наконец Дамиск добрался до пучков травы, нашедшей себе место среди источенного камня и песка. С опаской повис на гребне, держась лишь руками. Но камни выдержали, и он ухитрился затащить тело за край, перекатился по сравнительно ровной поверхности.

Лег на спину и заметил что-то справа. Повернул голову и понял, что видит четыре летучие крепости из черного камня — примерно в половине лиги, так низко над землей, что он мог бы, встав снизу, послать меткую стрелу в подобное гнилому зубу основание. Отродья

Луны. Он-то думал, что существовало лишь одно, и то давно уничтожено.

Вокруг вились птицы, не спеша улетать далеко. Он прищурился. *"Великие Вороны? Ненавижу Великих Воронов"*. Он помнил малазанские вторжения; помнил Тисте Анди, бившихся против имперского натиска. Зловещих, чуждых, пустоглазых. Огромные черные падальщики летели за ними, словно предзнаменование. А потом были поля брани, и вороны заполняли небо, спускаясь оглушительной тучей. Питаться.

"Этот мир мне не по нраву".

Отдышавшись, Дамиск встал на ноги. Торопливо приготовил лук, наложил стрелу. Равнина шла волнами, колыхались густые травы. За четырьмя Отродьями — каждое в точности словно вырванный зуб — земля становилась холмами, вдалеке виднелся лес.

Он не видел в степи добычи. Странно. Чтобы добраться до леса, ему нужно будет пройти под Отродьями. Вздохнув, Дамиск двинулся туда.

Шаги его были медленными, сил осталось мало. И все же он озирает равнину, снова и снова возвращаясь взглядом к гигантским крепостям. Нет сомнений, Великие Вороны его заметили — больше на равнинах ничто не движется. Но его приближение не заставило их изменить ленивый полет вокруг чудовищных сооружений.

Через некоторое время он достиг тени Отродий, и воздух стал намного холоднее, неестественно холодным. Бредя под солнцем, он снял с плеч кожаную куртку на теплой подкладке, теперь же торопливо натянул. Дыхание оставляло белые плюмажи. Чем скорее эти монстры перестанут висеть над головой, тем лучше.

Дамиск вспомнил охотника за мехами, что пошел в северную тундру за белыми зайцами. Вышел ранней весной, пока шкуры зверьков не стали летними, тусклыми и серыми. Но погода вдруг переменилась, накатило позднее похолодание, жгучий мороз держался целые недели. Вернувшись, тот мужчина был едва узнаваем. Ушел молодой и здоровый охотник — лучше не найдешь. Вернулось существо со сгорбленной спиной, под кожей одни сухожилия, связки и хрящи. Он блуждал в пустошах, тело пожирало само себя.

Дамиск подозревал, что его ждет такой же конец. Он уже потерял в весе, одежда болталась. В ремне после ухода из Серебряного Озера появилось две новых дырочки.

Обычный человек может нести на себе пищу на две-три недели. В странствии более долгом он стал бы охотиться или ловить рыбу, но это дело ненадежное. В неподходящее время года он мог бы вообще не найти зверя, или рыба ушла бы в глубины, ища прохлады. У птиц также бывают свои миграции.

А он вышел без должной подготовки. Ел, когда удавалось что-то подстрелить. Поход в Вольные земли требует планирования. С первого шага от берегов Серебряного озера он плохо продумывал свой путь. Если человек умирает в Вольных землях — это всегда результат череды ошибок. *"И смотрите на меня. Опытный охотник, а ошибок в итоге не счесть"*.

Он выбрался из неестественного холода снова под полуденное жаркое солнце. Первые деревья торчали среди овражков, поднимались на вершины холмов. Дамиск пошел к оврагу, по самому краю. Лес оказался северным, густым — свидина, ильмы, ольха, там и тут более высокие осины с тусклыми шершавыми стволами и бледно-зеленой листвой. Здесь нет сплошной сени, вездесущий подлесок сделает путь кошмаром.

Он заметил на склоне оврага заросли ежевики, спелые ягоды в плотных гроздьях. Прошептав благодарную молитву — неведомо какому богу — направился туда. Ягоды оказались сладкими, такими зрелыми, что плыли в пальцах, пока он их рвал. Ни одна птица

не разделила с ним пиршество, и это отсутствие — лишь Великие Вороны в небе, лес и подлесок безмолвны — заставило его задрожать.

Да, ему точно не нравился этот мир.

Он ел ягоды горстями, зная, что придется расплатиться изрядным запором. Но лучше так, чем смерть от голодания. Энергия вернулась почти мгновенно. Обтерев лиловые руки о бедра, он снова взялся за оружие.

В таких темных заросших ложбинах имеют обыкновение укрываться олени. Дамиск выбрал овраг пошире и осторожно двинулся туда. Спустился в заросли, медленно прокладывая путь. Он надеялся подстрелить спугнутого оленя, но эти звери часто убегают, только когда вы почти наступили на них.

Только на закате он выбрался из подлеска, пройдя весь овраг и не отыскав следов оленей — ни примятой травы лежбища, ни помета или отпечатков копыт. Весь покрытый паутиной и ссадинами, вышел на вершину холма, где доминировали осины, между ними тополя и редкие березки. Здесь идти стало легче, хотя и ненамного: сплошь поваленные стволы.

Дамиск нашел яму в склоне и прилег там, опустив лук на колени. Тело ломило, душу полнили тревога и разочарование. Мир, лишенный животных. Возможно ли такое? Да, тут даже насекомых почти нет.

Он оглянулся на пройденный путь. Крепости показывали темные бока, словно прорехи в ночь. Кроме Великих Воронов — к вечеру слетавшихся на свои насесты — ни одного признака жизни.

Движение на равнине. Дамиск сел, затем встал на четвереньки.

"Что за... твари?"

Их там были сотни, ковыляли на задних лапах, у многих тяжелый груз. Мешки — или звери? Убитые, разделанные звери. — Ах вы поганцы. Убиваете и жрете всё подряд.

Ему нравилось думать, что охотники умны. Понимают необходимость бережности, чтобы дичь плодилась и ее хватило на следующий сезон и так далее. Но он давно лишился такой наивности. Охотник берет что предложено, раз за разом. Если может убить больше одного зверя, убьет без раздумий.

"И я был таким же. Не мог думать дальше глупого своего носа. Не мог? Нет, Дамиск не ври себе. Не хотел. Если думать так — если думать вообще — рука остановится. Ну, если ты не безумнее дерьма летучей мыши. Если ты не котел кровожадности, пьянеющий от желания поставить ногу на свернутую шею зверя".

Он сплюнул наземь, следя, как отряд охотников тянется к Отродью Луны.

"Знаю таких. Хотя не видел. Не думал, что они реальны. В летающих крепостях нет Тисте Анди. Проклятие, лучше бы были.

Трахнутые К'чайн Че'малле. Дурацкие ящеры. Ради Хромца, почему старшие расы не могут попросту... уйти?"

Едва охотники оказались в сумраке под крепостями, закипела активность, быстрое движение — какие-то платформы спускались с летучих скал, пустые, но возвращавшиеся с грузом мертвых животных.

Дамиск снова сплюнул.

Эти отродья скоро поплывут, ища новые земли, чтобы выдоить досуха, ничего не

оставив за спиной.

Внезапное биение крыл заставило его пригнуться и взглянуть вверх.

Вовсе не Вороны. Тварь сверху была рептилией, кожистые тугие крылья молотили по воздуху, зубастая голова клонилась к нему.

Тут же Дамиск заметил и группку К" чайн Че" малле — вынырнули из тени ближайшего отродья и прыгают по холму. С мечами и длинными копьями, направились прямо к нему.

"Нужно было догадаться. Они же берут всё".

Внезапный гнев окутал Дамиска. Стрела уже была на тетиве, хотя он еще не понял, что делает. Взлетела вверх, пропав между листьяв...

"Напрасная трата! О чем я..."

Тяжелый треск сверху, лопающиеся сучья. Дамиск бросился вбок, а рептилия гулко шлепнулась на землю среди обломанных ветвей и порхающих листьев.

Он с недоумением смотрел на оперение стрелы, торчащей точно в середине левой глазницы ящера.

Ледяной гнев вернулся, но в этот раз к нему примешалось удовлетворение.

Холодок пополз по спине. *"У этой земли были духи. Боги. Должны были быть."*

Один только что воспользовался мной".

Снизу быстро приближались ловцы К'чайн Че'малле.

С почти звериным рычанием Дамиск углубился в лес. Вскоре он оказался среди густых зарослей. Над головой слышались крики летучих ящеров, полные явного разочарования. Было невозможно двигаться без шума, но Дамиск старался свести его к минимуму, пригибаясь и уклоняясь от веток. Где-то сзади слышался треск — ловцы Че'малле зашли в лес.

"Бог или не бог, конец будет плохой".

Он снова начал выдыхаться. *"Похоже, готов. Вся борьба, вся эта тупая глупость упорной человеческой воли... Один обман. Последним моим достойным делом было спасение полукровки. И посмотрите, какой поток крови льется с того дня. Если..."*

Впереди тяжелый топот, хлопки кожистых крыльев над землей. Он различил поляну, на которую только что упали две крылатые твари. Высоко наверху другие вопили в ярости и гневе, он видел их силуэты над деревьями — было понятно, что ящеры опасаются спускаться к земле.

Огромная фигура громоздилась в центре поляны. Сперва Дамиск принял ее за статую, нечто высеченное из серого камня, грубые углы успели сгладиться под дождем и ветром. Три пары рук торчали из длинного туловища, в верхних каменный лук и стрела, уже наложенная на блестящую бриллиантом тетиву. В остальных руках разное оружие, тоже из камня. Вокруг пьедестала валялись, будто бульжники, отрезанные головы, не вполне похожие на человеческие.

Лицо существа было грубым и угловатым, глаза глубоко сидели под надбровными дугами, но изгиб челюсти довольно изящен. Длинные волосы — серые, как и кожа — свисали неопрятными космами. Лицо вовсе не казалось принадлежащим демону, но тело было чудовищным.

Дамиск видел, как сгибается лук и напрягается торс. Стрела взлетела.

Высокий визг огласил сумрак, через несколько мгновений тело грузно плюхнулось сквозь кроны.

За Дамиском охотники близились, взрывом трещали ломаемые сучья, почва тряслась

под лапами. — Опять, что ли?! — простонал он, колеблясь между сомнительными вариантами. Тихо выругался и выбежал на поляну, готовя стрелу. Под ногами было странное ощущение: словно сплошной камень лежит под тонким слоем земли и травы.

Существо заметило его и повернуло лук; новая мерцающая стрела возникла над тетивой.

Дамиск бешено указывал назад. — Не трать эту хрень напрасно! — Затаив дыхание, повернулся к лесу, показывая свой лук.

Показался первый К'чайн Че'малле, огромные клинки приделаны к предплечьям. Тело двигалось параллельно земле, мотался хвост. Тварь рванулась к нему, разинув пасть.

Каменная стрела глубоко утонула в груди. К'чайн Че'малле пьяно развернулся, терзая когтями грунт, сражаясь за равновесие. И рухнул.

В тот же миг позади столкнулись камень и железо, Дамиск развернулся и увидел, как двое К'чайн Че'малле атакуют существо на пьедестале, с двух сторон. Размерами они мало уступали ему.

Он видел каменную палицу, стремящуюся к голове ящера; железный меч поднялся в блоке. Брызнули искры, и меч разлетелся на мелкие куски. Палица врезалась в голову, сокрушая глазницу. Хлынула кровь, удар был столь мощным, что голова почти оторвалась.

С другой стороны клинки танцевали в обманных выпадах, блестя и мерцая во мраке, будто луна в горном потоке.

Лишь сейчас Дамиск заметил цепи, сковавшие лодыжки серого существа и уходившие в камень пьедестала.

— Вряд ли это честно, — прошептал он, натягивая и стреляя в К'чайн Че'малле.

Стрела отскочила или скользнула по шкуре, но на миг отвлекла ловца. Кровь брызнула, ящер попятился, лапа отсечена под плечом; через мгновение острие вошло в горло, а короткий широкий клинок пронзил брюхо, выпустив кишки. Ящер упал, свернувшись на своих внутренностях.

Тишина, лишь кровь капает с листьев.

Дамиск опустил на колено, борясь с хриплыми вздохами, успокаивая стучащее сердце. Если в охотничьей партии и было больше ящеров, они остались в лесу. На поляне лишь три мертвых, и еще две туши их крылатых собратьев.

Он поднял взор, поняв, что скованный изучает его, оружие наготове, стрела нацелена. Дамиск вздрогнул. — Это не ты использовал меня? Там, на опушке?

Ничего. Но затем лук разогнулся, стрела упала.

Дамиск кивнул: — Да, это был ты. И это был я.

Неужели лишь луна сделала всё на поляне серым и мертвенным? Дамиск смотрел на живое существо, или на загадочно ожившую статую? Он вздохнул. — Я не из этого мира. Пришел из Оплота Зверя. Голодный. Хотел охотиться, но К'чайн Че'малле ничего не оставили. И я просто хочу найти путь назад, в проклятую пещеру.

Существо взирало на него.

"Великоленно. Немой бог".

— Над равниной четыре Отродья Луны. — Он помедлил. — Может, ты сумеешь уничтожить любого, кто приходит на поляну или летит сверху, но скажем честно — это мало что меняет. Они убивают всё и всех.

Бог поднял ногу, звеня цепью.

— Видел, — кивнул Дамиск. — Если позволишь догадаться, это сделали твои поклонники. Чтобы держать твой гнев — и твою руку — в четко определенном месте. — Он

пожал плечами. — Так поступаем мы, смертные, только дай шанс. Всегда удивлялся, насколько боги наивны — ну, в легендах, сказаниях и, гм... здесь. Позволю погадать еще: твои поклонники все умерли. Прах и плесневелые кости. Неустойчивые руины, тоскливые призраки. Вот эти головы вокруг. Иными словами, сковать тебя было ошибкой. Для них. — Он сел, устроился удобнее. — Сомневаюсь, что ты полон сочувствия.

Снова задрезжали цепи.

Дамиск покосился на бога. — Думаешь, я могу сломать цепи? А если так?

Бог поднял лицо к небу.

— Ринешься на К'чайн Че'малле? На Отродья Луны? Ты такой крутой? Чудно. Могу попробовать? — Он вяло поднялся и подошел к пьедесталу. Бог следил за ним, с палицы и прочих каменных орудий капала кровь.

Дамиск влез на пьедестал. Один взмах или выпад, и ему конец. Однако он устал бояться. Наклонился, поднимая цепь. Каменные тяжелые звенья. Он не видел швов даже на кандалах. Пробы ради потянул...

Звенья разорвались, лопнули, будто хрупкое стекло.

— А! нужен был смертный, да? — Он быстро порвал вторую цепь и отскочил, чуть не упав с пьедестала, когда бог навис сверху горой.

Поглядел вверх, в тусклые каменные глаза.

Они моргнули и тьма окутала Дамиска, и он ничего более не видел.

Очнулся он от яркого света в лицо и тихого щебета птиц в густых ветвях. Со стоном сел.

Серый великан исчез. На каменном пьедестале между порванных цепей остался обернутый кожей предмет, сальная поверхность облеплена мухами.

Дамиск медленно встал. суставы болели. Помедлил, борясь с головокружением, и подошел к пьедесталу. Развернул кожу и обнаружил куски мраморного мяса, грубо отрезанные и уже лишившиеся крови. Желудок Дамиска свело.

Он вынул нож и отрезал слой потоньше. Мясо было жестким — слишком свежим — но восхитительным. Он отрезал еще. Слишком много, понимал он, и желудок не справится. Рискнул третьим пластом, жевал его долго, пока не высосал сок, а затем проглотил.

Уселся на пьедестал. Солнце грело, воздух заполнили насекомые. Взгляд на юг показал пустое небо. *"Достаточно умны, чтобы сбежать. Кому захочется встретиться с гневным богом?"*

Наконец он решил, что наелся и не потеряет съеденное. Завернул мясо и спрятал в мешок, подобрал лук со стрелами и ушел. Назад, к пещере и — надеялся он — домой.

До спасения того тонущего паренька он считал, что время его кончается, дела остались в прошлом, приключения годятся лишь для рассказов перед незадачливыми дураками, что захотят послушать. Жизнь, переплетенная ложью — а какая история не такова? Каждый раз он ускользал из тени Худа, мастерство побеждало случай, умение обходилось без неловких подачек судьбы.

Сидя в дымной таверне, слишком глубоко погружившись в чашу, пока ползет очередная бессмысленная ночь, человек выкладывает всё, кроме честных признаний. Они остаются последней пядью, за которую стоит сражаться до последнего вздоха. Не так ли завершается жизнь любого, кому удастся выживать долго? Медленный распад, пока не остаются лишь иллюзии? Он считал, что заслужил это, как утопающий заслуживает свой берег, смерть под сиплые вздохи волн и вопли чаек. В конце жизни он покончил с ожиданиями, забыл

амбиции, забыл надежду. Сидел на своем насесте в углу таверны, созерцая великие драмы немногих сотен жителей Озера. Следя, как они выходят под солнце, под дождь или снег, тусклые фигурки с охвостьями историй.

Мужчина ты или женщина, этот возраст делает уходящий мир вокруг пустым, лишенным цвета, лишенным смысла. Жизнь как таковая более не желанна, ее терпят, в лучшем смысле с юмором. Дожить означает узнать, как свет тускнеет в глазах — вот моргнула первая искра, а затем тень наползает все ближе.

Дамиск вздохнул. Вместо всего этого он ползет, таща потрепанные кости и кожу через неведомые миры.

"Ну, лучше так, чем быть скованным богом, бессильным остановить изнасилование родного мира. Я хотя бы сумел..."

Дамиск пробился сквозь последние кусты и пошатнулся, вывалившись на равнину. Застыл моргая, не в силах осознать, что видит.

Четыре Отродья не улетели. Их разбитые остатки устлали равнину. Трупы К'чайн Че'малле лежали длинными курганами, словно наносы на пляже, следы обрушившегося на сушу шторма — мешанина сломанных лап, зияющие раны. И повсюду, где не грудились слои черного камня крепостей, он видел остовы летучих ящеров, утыканные стрелами, скорченные в гибели.

Горстка ворон пьяно скакала в забродившей кровавой жиже, шагах в двадцати от Дамиска.

"Боги подлые, заберите меня отсюда".

В глазах мелькали темные точки. Рент смотрел, как просыпается Нилгхан. Кряхтит, пыхтит, заходится кашлем — затем воин-Жекк сел, бешено расчесывая под черной бородой. И тут же сверкнул глазами на Рента.

— Полное брюхо. Ты должен был спать.

Рент потряс головой.

— Но заснул я. Мог бы перерезать мне глотку. Я бы так и сделал. Но как ты переживешь день? Вижу переутомление. Едва пошатнешься, я ударю. Убью не тебя, если не придется. Убью его. — Он кивнул в сторону неподвижного тела. — Погляди. Он и так почти мертв.

Рент встал.

Нилгхан подался назад. — Теблоры слишком высокие, — шепнул он, потянувшись за странным обсидиановым оружием. — Моя десница породнилась с ним, связана посулом смерти. — Он потуже затягивал ремешки. — Похоже, нам придется биться. Я быстро тебя убью. Почти без боли.

— Я не дерусь с тобой.

— И правильно, что боишься.

— Не боюсь. Мне грустно.

Нилгхан помедлил, рассматривая Рента, щуря налитые красным глаза. — На севере живут белые медведи, родня нашим серым пещерным. Крезимла Арот — белая медведица небес. Ее язык блестит в ночи всеми цветами плоти, крови и жизни. И все твари, на земле живущие, вкушали из ее сосцов. Но пищу ли она дарит? О нет. Это грусть. — Пожимая плечами, он встал. — Грусть делят меж собой все живущие. Тебе кажется, ты одинок в своем чувстве. Но ты ничем не отличен от других. Жить значит грустить, а грустить значит познать... хм, что каждый твой вздох рожден в потоках плоти, крови и жизни. — Он

расставил ноги шире. — Итак...

Рент прыгнул, кулак врезался в лицо Нилгхана. Сломан нос, глаза закатились — воин рухнул наземь.

Розовые пузыри на руинах носа показывали, что он еще дышит. Удовлетворенный Рент присел рядом с бесчувственным воином. Отвязал оружие от руки Нилгхана и этими ремешками связал ему запястья. Подтащил туда, где лежал Говер. Привязал к своему поясу остаток окорока и оружие из челюсти. Повесил копье за спину и повернулся к воинам-Жеккам.

Нелегко было взваливать их на плечи, но он сумел. Пришлось держать обеими руками. Тяжело дыша, Рент двинулся в путь.

Дамиск распластался на дне пещеры. Прибой бушевал внизу. Соленый туман оседал на лице и руках. Казалось, освобождение бога развязало ярость штормов. Спуск по стене утеса заставил его дрожать, то ли от страха, то ли от утомления. Впереди ждала неведомая судьба.

Было ясно, что Оплот Зверя открывается в множество миров. Было возможно, что ему не найти дороги домой, что ему придется до конца своих дней блуждать по странным королевствам. Но даже это казалось лучшей альтернативой. Помощь богу не гарантировала милостивого божьего взгляда. Нет, сама мысль о внимании бога заставляла его нервничать.

Вздыхнув, Дамиск встал и пошел в пещеру. Тепло быстро исчезло, после нескольких поворотов пропал и свет, заставляя его медленно ощупывать путь.

"Меня уже тошнит от пещер".

Вытянутые руки коснулись ледяной стены. Дамиск застыл, закрыв глаза.

"Снова ты. Хорошо. давай прощупаем тебя, пока..."

Провал. Он медлил, хотелось прошептать молитву богу — только какому? *"А, драть их всех"*.

Дамиск шагнул вперед. Холод ударил, украл дыхание их груди. Глаза жгло. Он шагнул. Каменный пол скользил под мокасынами, но пока был ровным.

Что-то коснулось левой щеки под глазом. Дамиск отпрянул. Замер, ожидая.

Когда ничего не произошло, вытянул руку. Пальцы коснулись чего-то гладкого и чуть податливого. Ощупав это, он застонал от внезапного страха. Лицо.

Дамиск отступил, рука вытянула нож.

После долгого мгновения, в котором он слышал лишь свое дыхание и стук сердца, он снова шагнул вперед. Коснулся лица пальцами. Замороженное. Безжизненное. Он коснулся глаз, и ресницы осыпались.

"Боги, что за участь".

Дамиск шагнул дальше. Три, четыре шага. На пятом ледяной пол накренился вниз. Он закачался, упал и заскользил вперед. Дыхание сперло, руки вытянулись, но не находили за что хватиться. Скорость нарастала.

Бок ударился обо что-то, тело развернулось. Отчаявшийся Дамиск вонзил нож в ледяной пол. Падение замедлилось, нож прогрыз во льду глубокую борозду. Затем сломался, и его снова понесло.

Внезапно просиял свет, затем он ударился о каменистый грунт. Услышал, как ломается лук; обломок пробил куртку и поддевку. Второй мотнулся и поранил ему лицо. Выругавшись от боли, он покатился по жестким камням и не сразу остановился.

Медленно собрался с духом и встал, морщась.

Сзади высились зубчатые скалы. Казалось, он выпал из Оплота сквозь сплошной камень. Он недоумевающее огляделся.

Падальщики добрались до изуродованных трупов саэмдов. Куски лежали там и тут.

Далекое движение привлекло его взгляд. Дамиск встал. Прищурился, всматриваясь в странное явление.

Существо брело к нему, пошатываясь, но довольно скоро оказалось рядом. Замерев.

— Перерыл всю память, — сказал Дамиск, — но так и не вспомнил, Рент, что советовал тебе подбирать воинов-Жекков.

Красные глаза устало моргнули. — Дамиск. — Слово прозвучало карканьем. — Ужасно выглядишь.

*В этот день, как во все остальные
Я за свежей слезу бороздой
Взрыта почва, беспомощны корни
Не признаю бессилья пред плугом
Но скажу, что страна вся в прорехах
Стали прахом былые стада
Ты же видишь лишь цель впереди
Вырыт я и в тоске содрогаюсь
Знаю — грезы твои беспощадны
Гибель Воли, распаханый мир
Истощенный, без крови лежащий
Под железными зубьями плуга
Под тяжелой победной стопой
Нам с тобой ни к чему разговоры
Речь одна, только скрыть не сумеем
Мы взаимное непониманье
Не стыжусь я за кровь на руках
Ты навеки останешься сзади
Тишину обнимая как друга
А разящий клинок вдаль уносит
Тяжесть всех твоих давних убийств
Позабудь обо мне навсегда
Руку бледную ввысь подними
Длань раскрой, как святилище хлеба
Столь невинного. Я же помчусь
Со стадами в тиши бесконечного
Праха.*

Смерть равнин, Эрит — ривиец

В поезде торговцев-ривийцев было шесть фургонов. Они въехали по Внутренней дороге, обогнув лагерь Балка, и подтягивались к Новым воротам. Водичка следила за ними с поста. Волы под ярмами были жалкими: старые, с прогнутыми спинами, охряные шкуры в клочках шерсти и розовая кожа там, где ярма натерли холки. Глаза тусклее неба.

— Я или ты? — сказала Аникс с другой стороны. — Как видишь, мне здесь очень удобно, и это что-то значит.

Водичка подняла взгляд. Аникс опиралась на выдавшую виды каменную колонну, которую невесть когда вырыли невесть где и сделали опорой ворот. Опора на стороне Водички была из дерева. Дубовый ствол или еще какой. Ее бока были усеяны железными

гвоздями, на некоторых еще болтались выцветшие обрывки ткани. К такой опоре не прислонишься. — Нечестно, Аникс.

— Почему нечестно? У тебя стул.

— Сидеть удобнее, чем опираться, — сказала Водичка. — Значит, мое отдохновение побивает твое. Так что иди, потолкуй с ними, узнай, что везут, всё такое.

— Отдохновение, вот как? Ты вообще знаешь, что это такое?

Водичка фыркнула, вытянув ноги. — Это значит, что я остаюсь сидеть. Иди, женщина. Я ходила в последний раз.

— Последний раз были две старушки с телегой завяленных яблок. Едва ли считается.

— Считается, поверь. Поспешу, они почти здесь.

Вздыхнув, Аникс оторвалась от колонны. — Хотя бы дай мне одно из тех яблок, Дичка.

— Нет. Это подарок.

— Взятка.

— Подарок, ведь я так мило им улыбалась.

— Глаза на твоём шарфе их так напугали, что лопнули пузыри, — сказала Аникс и вышла на дорогу, подняв руку. — Стоять!

Старый плосколицый ривиец накинул колпак на нос переднего вола, остановив его. Равнинный акцент казался музыкой, хотя он говорил на языке Генабариса. — Четыре года тут торгуем, солдат. Обычно становимся на Купчем Поле. Без проблем. — Взгляд узких глаз пробежался по Водичке. — И без податей. Мы продаем нужное.

— Неужели? — Аникс лениво подошла ближе. — Типа?

— Лекарства и специи. Перо, духи, каменья. Сырая медь, янтарь, шкуры, грузила, шпильки.

— И всё?

— Корзины, сандалии, костяные иголки, желтый терн, огненный шалфей, крысиные хвосты, утиные яйца, хорьки, ласки, змеиные кожи, тетивы, древки для стрел.

— А в остальных фургонах?

Водичка вздохнула и встала, отряхнув лосины. — Не будь сучкой, Аникс.

Аникс скривилась. — Всё это ты запихаешь в заплечный мешок, Дичка. — Она поглядела на купца. — Ну?

Старик почесал голый подбородок. — Получился бы опасный мешок, — буркнул он.

— О чем ты?

— Хорьки и ласки живые, солдат. Они отлично ловят крыс в амбарах и узких закутах.

— Какое облегчение, — сказала Водичка, встав рядом с Аникс. — Хорошо, что змеиные кожи не живые. Но вон тот фургон в конце не торговый.

Ривиец пожал плечами. — Храмина Жреца. Мы не спрашиваем, куда избрал он свой путь, ибо он волен странствовать под небесами.

— Жреца? — спросила Водичка. — Какого культа?

Ривиец промолчал.

— Ладно, — объявила Аникс, — можете встать на Купчем Поле, но сперва я посмотрю на ласок.

— Аникс, — начала Водичка.

— Захлопни люк, Дичка. Я же видела, от крысиных хвостов у тебя глаза загорелись.

— Только потому, что у меня ожерелье из зубов. Крысиные хвосты и крысиные зубы, поняла?

— Ох, поняла, — отвечала Аникс. — Ты чокнулась.

— Оставайся на посту и позволь торгашу проехать. Я допрошу жреца.

— Зачем бы?

— Думаю, он врет.

— Кто? Жрец? Ты даже не видела его!

— Не он, — сказала Водичка. Указала на ривийского купца. — Он. Я спросила, какого культа, а он молчит. Значит, врет.

— Молчание равно вранью? — фыркнула Аникс. — Я ж говорю: чокнулась.

Не обращая внимания, Водичка сверкнула глазами на ривийца и пошла к последнему фургону. Он напоминал карету трайгаллов, сплошь лакированное черное дерево и тонкая резьба. Одинокий вол в упряжи был больше и здоровее прочих.

Торговец сказал сзади: — Ведьмин взор злом остёр.

Водичка развернулась. — Что такое?

— Предупреждение. — Ривиец пожал плечами.

— Не похоже, — заметила Водичка. — Звучит скорее как черное заклятие или хуже, как тупая ривийская поговорка. Из тех, что звучат красиво и мудро, а на деле дурь.

Взгляд ривийца был устремлен на ее шарф. — Да, мы, ривийцы, сочиняем глупые поговорки и шепчем на уши доверчивым чужакам. Но тут иное. На тебе едет призрак или его заклятие. Лучше сожги эту тряпку.

— Но тогда все увидят веревку на шее.

Ривиец чуть побледнел и отступил.

Удовлетворенная Водичка прошла к последнему фургону. Безногая старуха восседала на скамейке кучера, вожжи обернуты вокруг уродливой руки. Она курила трубку, и дым был одного цвета с кожей и волосами. И глазами. — Боги! Женщина, почему тебя еще не похоронили? А жрец внутри, смотрит через ту дырку? Спорю, он там. Эй ты! Открой забор, я вхожу!

Дверца открылась под сиденьем, там, где могли быть ноги старухи; показалось темное татуированное лицо. — На свой страх и риск, солдат. Я владею проклятиями. Могучие садки ждут лишь моего касания. Дюжина Врат таится внутри кареты. И я не желаю впускать ведьмины глаза.

— Что за дурацкое место для окна, Жрец. Носишь безногую вместо шляпы?

— Так теплее. Ну, оставь нас!

— Мерзость! Ты сам знаешь, откуда она взялась? И что я слышу, малазский акцент?

— Водичка! — Аникс подбежала, поднося к самому носу что-то мелкое, черное и ворчащее. — Смотри что купила!

Зашипев, ласка оскалила белые зубы-иглы. Водичка отступила в тревоге. — Почему не взяла хорька? Его хотя бы можно приручить. А эта тварь отгрызет тебе нос, только следи.

— Может, твой? — сказала Аникс, глядя голову мелкой твари. — Мы уже связаны.

— Да, взгляд у вас одинаково зверский. Чудесно. Рада за тебя. Убери ее, пока нас не обрызгала.

— Да посмотри, — продолжала Аникс. — Как ловко спряталась!

Водичка хмыкнула. — Вижу. У тебя теперь меж грудей черный мех и голова. И зубы.

— Так тепло!

— Что она откусит для начала, Аникс Фро?

— Хватит.

Первые три фургона продребезжали под арку воров, в город. Старуха пялилась на Водичку сверху вниз.

— Чудесно, — сказала она Аникс. — Иди, занимай мой стул. Но не жалуйся, если тварь обгадит весь живот.

— А ты куда?

Водичка ударила кулаком по стенке кареты. — Сопровождаю жреца в штаб, и не думаю, что капитан будет счастлив появлению в городке монаха-колдуна с Малаза, особенно если его садки пердят проклятиями.

Лицо в окошке исчезло, лязгнул ставень.

— Капитан может его убить, — подумала вслух Аникс.

— Надеюсь, — отозвалась Водичка. Поглядела на безногую старуху. — Давай, карга, следуй за мной. И без штучек!

Капитан Грубит постукивал длинным голубым ногтем по передним зубам. — Север Дурацкого леса? Не юг?

Омс глянул на Штыря, на капитана. — Пока нет, сэр.

— Уверены насчет племен тундры?

— Сэр, леса кишат всякими типами. Я лишь догадываюсь, что некоторые с севера. В тюленьих шкурах. Они большие. Широкоплечие, уродливые. — Он пожал плечами. — Кажется, местные банды совсем не рады северным гостям. И еще Яркий Узел.

Грубит уже не постукивал по зубам. — Яркий Узел? Клан женщин-воительниц? Уверены?

— Ну, там не одни женщины, — отозвался Омс. — Они связаны с Волонтерами Мотта, если не пугаю. — Он снова поглядел на Штыря, но сержант молчал и даже не кивал. — То есть однажды я видел доспех Узла под Моттским лесом, к востоку. Потрепанный, весь в болотной жиже, и одна рука еще внутри. Нашедший его сапер думал, это кожа аллигатора. Так и было, доспех из кожи аллигатора. И такие же на женщинах, которые я видел тут. На поясах тесаки и всякие метательные ножи. Подходят под описание, которое я слышал... как-то.

Миг спустя Грубит встал, вышел из-за стола. Поглядел сквозь мутное окошко на улицу вниз. — Поистине сборище падших. Сержант Штырь?

— Никаких движений в лагере Балка, сэр. Однако они знают, что происходит в лесу.

— Никаких новых дозоров?

— Насколько мы видим, нет.

— Итак, не боятся. Хмм, дорогие мои. Сон мой будет полон тревог, а вы знаете, как ценю я хороший сон. А упоминал ли я эти некрасивые отеки под глазами? Нет, дорогие, так не пойдет. Ни в коем случае. — Он резко повернулся. — Сержант, мы выстоим?

— В нынешнем числе? Никак нет, сэр. Отступить с боем? Возможно.

— И тогда, — вздохнул капитан, — встанет вопрос горожан. Скажем честно, я не Колтейн, а вы не виканы.

Штырь хмыкнул.

Омс не был уверен, что это был звук согласия. Вполне возможно, сержант чем-то поперхнулся.

— Омс, — сказал Грубит, — вас не заметили во время разведки?

— Заметили? О да, сэр. Не сомневаюсь. У них шаманы. Маги. Танцоры Духа. Жирны

Щенки Путаной Ведьмы.

— Жир... что?

— Последователи Путаной Ведьмы, сэр. Они так сами себя зовут.

— Ах, думаю, вы к ним слишком жестоки. Итак, Омс, если вас видели, позволю неделикатный вопрос: почему вас не убили?

— Во-первых, думаю, они хотели показать, что видели меня, сэр.

— А во-вторых?

Омс кивнул. — Моя, гм, теневая подруга.

— Та, что отрывает головы?

Омс поморщился и нерешительно кивнул. — Да, сэр. Племена очищали перед нами дорогу, сэр. От страха или уважения.

— Страх, уважение, есть ли разница? Но ладно. Сержант Штырь, снаружи нас ждет одна из ваших дозорных от ворот, с ней зловещая карета и еще более зловещая старуха на насесте. Именно на насесте: ходит она куда хуже, чем сидит. Потому...

Штырь встал.

— А для вас, дорогой Омс, есть что разведать в городе.

— Сэр?

— Счет головам. Скольких нам придется вывозить в телегах или фургонах. Сколько детей. И так далее. О, и не спрашивайте у мэра. Он желает компенсаций за десять тысяч горожан, даже если семь тысяч уже лежат в могилах. Нет, подберите солдат и устройте тщательный обход.

— Слушаюсь, сэр.

— И, Омс, вы отлично потрудились. Передайте теневой подруге мой поцелуй. Хорошо?

Водичка улыбнулась Штырю и скривилась, когда Омс вышел почти вслед за сержантом.

— Водичка, — сказал Штырь. Но, поскольку Омс корчил ей рожи и пришлось ответить тем же, она не сразу его приветствовала.

— Сержант. В карете жрец. Думаю, он шпион, притаившийся в хвосте банды торговцев-ривийцев. Хитрый сговор, но недостаточно хитрый.

— Понял. — Штырь косился на карету. — Не двое... некромантов?

— Ну, как знать, что еще там внутри? Могут быть и некроманты и кто угодно.

— Почему бы не пробудить садок, не узнать?

— Владей я магией, так и сделала бы.

Они смотрели друг на друга.

Долгий миг спустя Штырь прошел мимо и постучал в дверь кареты. Раздались тихие звуки отпираемых замков, и дверь со скрипом отворилась.

Водичка выхватила кинжал. — Могу войти первой, сержант, и устранить все опасности. Много времени не займет. Но сперва я возьму внутри все милое. Или ценное.

— Думаю, нет. Твое дело сделано.

— Отпускаете меня? Идете один?

— Думаю, Омсу нужна помощь в ином деле. Спроси у него, объяснит.

— Но я в дозоре у ворот.

— Но ты сейчас не там, а?

— Временно, сержант. Неужели мне оставить Аникс Фро наедине со всеми? Особенно с лаской?

— С чем?

— Новой ручной лаской. Возможно, ее придется убить. Не думаете, что я нужнее там? Ну, когда уверюсь, что вам не перережут горло?

— И почему бы жрецу резать мне горло, Водичка?

Она пожала плечами. — Кто поймет разум жреца?

Штырь сказал со вздохом: — Хорошо. Раз ты явно не желаешь сотрудничать с Омсом, вернись на пост. А о моем горле пусть заботится моя голова.

Водичка нахмурилась, видя улыбочку на лице Штыря, но лишь на миг. Ведь все сержанты идиоты. — Да, сержант, спасибо, сержант. Вы правы, оставим Омса наедине с собой. Иного не заслужил. — Она улыбнулась Штырю и ушла.

Штырь отвернулся, открыл дверь и влез в карету.

— Так и думал, что найду вас здесь, — сказал Омс, садясь напротив Бенжера. "Трехлапый Пса" ценили местные, что казалось Бенжеру лучшей характеристикой таверны. Омс огляделся, выхватывая взглядом ссутуленные фигуры за столиками. Все шестеро. — Ну, если ты реально здесь.

— Конечно, здесь, — ответил Бенжер с гримасой. — Где еще мне... о, ладно. Ты прав. Я лежу в тайном логове и забавляюсь сам с собой.

— Если ты там, придется идти туда и ломать стену.

— Уверен, что хочешь? Только подумай, в каком виде я окажусь. Ладно, шучу.

— Интересные у тебя шуточки.

— Э?

— Забавляться самому с собой.

Бенжер скривился сильнее. Вздохнул. — Да, я реально здесь. Честно. Хватит всех подозревать, Омс.

— Самый тупой совет, от тебя услышанный.

— Итак, ты меня нашел. И чего хочешь?

Омс молчал, пока слуга не принес кружку эля, поставив на стол и слизнув пену с мохнатой руки, и не вернулся к бару.

— Считаю хорошим знаком, — заметил Бенжер, — что он сам пьет свое пойло.

— Неужели? — Омс глотнул, поморщился и пожал плечами: — Могло быть и хуже. Но это не "Мрак Малаза".

Бенжер фыркнул. — Идиот. Никогда ты не пробовал "Мрак Малаза" и знаешь, откуда я знаю? Попробовал бы, помер бы.

— Правда? Почему?

Бенжер подался вперед. — Это шутка, видишь ли. Пришла оттуда.

— Откуда?

— Думаю, из Мертвого Дома. Это пойло Теневой Луны. Метафора, понятно? Старые солдаты, прошедшие через всяческое дерьмо, говорят: "Ну, это еще не мрак Малаза". Врубился? — Бенжер отпрянул с улыбочкой. — Но в том и проблема, Омс. Если приходится объяснять и пояснять, теряется соль. Но я человек прилежный и объясняю любому, что да почему. Вот как тебе.

— Почему любой разговор с тобой разочаровывает?

— Ну, тут проблема, не так ли?

Омс закрыл глаз, на миг, и вздохнул. — Какая?

Бенжер чуть не подавился элем. — Видел череп над очагом? И черепа, вделанные в камни вокруг? Видел шкуру с тремя лапами, что висит между кухней и залом? Это, милый мальчик, история. Псы и лошади Теблоров. И черепа Теблоров.

— Карса Орлонг.

— Бог с Разбитым Лицом, да. По мне мурашки ползают, когда сижу здесь.

— Но сидишь.

— Люблю мурашки.

Омс потер лицо. — Чертовы маги, все вы такие странные. — Уселся удобнее, размышляя. *"Проблема, сказал бы Бенжер, с одержимостью духом гигантской рыжеволосой женщины всего сильнее злит тем, что она не умеет говорить. Остальное я вынес бы, даже ночные обнимашки. Ладно, особенно обнимашки. Это же дрожь любви. Ледяной, жгучей, в которой можно утонуть. Воля от восторга"*. Две ночи назад она сумела убраться от его руки, чтобы обнять крепче. Но ни слова, ни шепота, ни даже дыхания в ухо. Это сводило с ума.

Странный одышливый смех Бенжера заставил его поднять глаза. — Теперь что?

— Твои мысли заставили ее покраснеть.

— Что? Она здесь? Ты можешь ее видеть?

— Купается в твоей похоти, спорить готов. Что за милое сияние. Не одолжить ли вам мое тайное логово?

— Не нужно. — Омс отпил эля.

— Есть не один вид секса, Омс.

— О чем ты?

— Ну, для нездешних существ... даже касание к твоему бьющемуся сердцу заставит их визжать. Или ощущение теплого тела. Или если они пьют из чаши твоей жизненной энергии.

— Ты делаешь ее каким-то паразитом.

— Может быть, так и есть. Но нет, ты желаешь внести в вашу ситуацию сочные сантименты. Есть летучие мыши, что кусают сосок коровы и слизывают кровь. Угри, что плывут по струе мочи и поселяются в твоём члене. Иглочерви, что заползают в ухо, выгрызают перепонку, делают восковой кокон, и потом большой желто-черный жук выползает и живет в синусах.

— Иглочерви? Никогда не слышал.

— С Фаларийских островов. Вот почему почти все фаларийцы безумны. Я о том, что она *что-то* получает от ваших потирушек. Но что получаешь ты от ее внимания? Спорим, до обидного мало.

Против этого было трудно возразить. — Грубит желает провести перепись местных. Кто сможет идти, кто не сможет.

Глаза Бенжера сузились. — Идти? Или бежать?

— Ну, мы можем начать с ходьбы, о беге позаботимся потом.

Тон Бенжера изменился. — Знаешь, что это сулит. Верно? И во всем виноват ты.

— Как это я виноват?

— Ты лазил по лесам.

— Если бы не лазил, Бенжер, мы не знали бы, насколько всё плохо.

— Точно. Покой разума.

— Фатальное неведение, хотел ты сказать!

Бенжер пожал плечами. — Семантика.

Дверь таверны хлопнула, Омс оглянулся и тут же подался к Бенжеру. — Кто еще нам поможет?

Тон целителя был странно ровным. — Тяжелые. Скучно-Бедно, Скажу-Нет, Дай и может, Фолибор. Пошлю белку разворошить им шерстку.

— Ты — чего?

Бенжер моргнул. — Прости? Я сказал, что соберу их.

— Ты не так сказал. — Тут Омс снова оглянулся. Вошедшая женщина села за пустой столик шагах в шести от них. В ней было что-то необычное. Он поглядел на Бенжера. — Ты как демона увидел.

Глаза Бенжера бегали. — Волосы встали на шее?

— Ага, раз ты спросил.

— Кровяное масло.

Омс вздрогнул, качнулся вперед. — Это она? Я слышал о ней, — шепнул он. — Продает намек на... масло.

Брови Бенжера взлетели. — Хочешь вкусить?

— Нет, нет. Привыкание.

— Уверен, она не остается без работы.

— Бедная женщина, — пробормотал Омс. — Было бы чудно ей помочь.

— Есть способы, — признал Бенжер. — Если она захочет.

— Почему бы нет? Так есть способы?

— Высший Денал. Высочайший.

— Ты?

— Возможно. — Он пожал плечами. — Я был бы рад попробовать. Но это может вызвать затруднения. С местными.

— А, понимаю. Может, донести до капитана? Мы же солдаты. Если не помогаем местным, какой от нас прок?

Бенжер улыбнулся. — Омс, ты редкая птица. Не удивляюсь, что тебя вышибли из "Когтя".

— Никогда не был Когтем. Не знаю, почему люди верят во всякую чушь. Ну, ты пойдешь и спросишь, хочет ли она помощи?

— Нет. Подожду, пока не велит капитан.

— Он велит.

— Знаю.

— Допивай. И займемся делом.

Фолибор сосчитал мужчину на восточном тротуаре главной улицы. — Ты. Ты номер пятьдесят седьмой. Запомни номер.

Мужчина выпучил глаза.

— Не работает, — заявил сзади Кожух.

Фолибор повернулся, корча рожу. — Тебе не нужно было увязываться за мной. Омс и Бенжер были весьма точны, говоря, кого берут в волонтеры. Меня, не тебя. Дая, не Ори Громче. Улавливаешь схему, Кожух?

Мужчина попытался уйти, но Фолибор схватил его за руку и приволок обратно. — Номер пятьдесят седьмой.

— Слушай, — сказал Кожух. — Я брошу его на мостовую и прижму. Ты вырежешь ему

номер на лбу. Так проще.

— Нож сломал. Ночью.

— Чего делал?

— Забудь. Дело в том, что у меня лишь меч.

— Размер цифры меня не заботит, Фолибор.

— Я пятьдесят седьмой! — закричал мужчина.

— Видал, Кожух? — Фолибор отпустил мужчину. — Пойдем найдем еще.

Мужчина поспешил прочь, дико виляя по грязной улице, потом рванул в переулок.

Фолибор и Кожух следили за ним до исчезновения.

— Ничего не забудет, — заверил Кожух. — Но почему я всегда играю кровожадного?

Почему бы не поменяться?

— Твое заявление рождает много возражений, Кожух. Позволь перечислить все.

Они пошли по улице, отыскивая еще одного невезучего гражданина Серебряного Озера. — Первое, ты вызвался волонтером. Одно это ставит тебя в подчиненное положение, на мою милость. Второе, это была моя схема, не твоя, так что делай как сказано. Третье, я на вид добрее тебя. Любой заметит... — Он замолчал, наставив палец на женщину, что перебежала улицу, не желая встретиться с ними. — Ты!

— Девятнадцать! — закричала она.

— Хмм, — сказал Фолибор. — Так и думал, выглядит знакомо.

— Нет, не выглядит. Мы ее никогда не встречали. Что-то пошло не так.

— И пятое, именно я веду счет в голове. А ты потенциально запасной вариант, но ты ведь отлыниваешь.

— Вот докажу, что не отлыниваю. Ты упустил четвертое возражение.

— Не упустил, Кожух. Четвертое в том, что ты на самом деле кровожаден. Я решил, что это само собой разумеется.

— Я? Идея с мечом — твоя!

— Я и правда сломал нож ночью.

— Чего делал?

— Забудь. Дело в том, что у меня лишь меч.

Кожух нахмурился. — Ты уже это говорил. Теми же словами. Повторяешься.

— Ты начал.

— Я начал, надеюсь, даже ожидая иного итога.

— Как будто кровожадность сама по себе не дурна, ты еще и тупой. Реально, Кожух, иногда я отчаиваюсь.

Они обогнули угол и наткнулись на Дая с Ори Громче. Те хватили друг дружку за глотки.

— Эй! — рявкнул Фолибор.

Тяжеловесы застыли, оглянулись.

— Тебя не привлекали, Ори. Тебе здесь не место.

— Я нашел четырнадцатую! — зарычал Ори Громче.

— А я шестнадцатого! — взвился Дай. — Но кого нашел потом? Одноногую бабу, и она была четырнадцатая и восьмая тоже!

Кожух хмурился. — Одноногая? Очень короткие волосы, косая? — Он поглядел на Фолибора. — Но она же тридцать третья.

— Друзья, — отозвался Фолибор. — Думаю, мы нашли порок в схеме Кожуха.

— *Моей* схеме?

— Тут он прав, — заметил Дай. — Ну, как все эти люди могут запомнить все эти номера?

Внутри карета была весьма уютной, сиденья усыпаны подушками, фонарики на крюках давали теплый свет, игравший на резных панелях. Сзади крюки потолка держали тяжелую завесу для спального места. Коричневые шкурки каких-то мелких зверьков были сшиты в одеяло, накинутое на плечи святоши, сидевшего напротив Штыря.

— Водичка считает тебя шпионом.

— Эти дни позади.

Они говорили по-малазански. Святоша вынул резной графин и до верха налил в золотые кубки черную жидкость.

— Что это? — спросил Штырь. — Меласса?

— Келик... о, не делай такое лицо. Эта версия нейтрализована. Ее даже не получают из гниющих трупов. Помнишь, в сердце того гнусного напитка таился бог? Его уже нет. — Он предложил кубок Штырю. — По-прежнему горчит, но не без приятности.

— Извини, откажусь.

— Нужно было подумать. Дурные воспоминания.

— Что я хорошо помню, это как задал тебе жару, Жрикрыс. А нужно было сразу убить. Ведь таково наказание за дезертирство.

— В то время ты уже не был солдатом империи. Повезло мне.

Штырь откинулся на сиденье. — Бравый Зуб прозвал тебя Жрецом, но это была лишь кличка. Но теперь, похоже, ты сжился с ролью.

— Жрец Крыс. И мой культ растет. Только подумай, Штырь: старый твой друг, возможно, на пути к возвышению в боги.

— Я полагал это чепухой. Но ты, похоже, вполне на своем месте. Что случилось после Черного Коралла?

Жрикрыс вздохнул, отпил келика и вздохнул снова. — Темные дни и ночи еще темнее. Я узрел свою душу и нашел ее жаждущей. Всё, что ты высказал... ты был прав в словах и делах. И некоторым образом указал мне путь, на котором я ныне стою.

— Ты был задницей, и я на это указал. Ничего более.

— Трудно поверить, — ответил Жрикрыс, не сводя взгляда с темного поила в кубке, — но иные задницы согласятся, что они задницы, с блеском... чего-то такого в глазах. Гордыни? Вызова? Или это безмолвный вопль отчаявшегося глупца?

— Обычно всё сразу.

Жрикрыс кивнул. — Поистине жалкая и бесполезная присяга. Гордыня пуста, вызов тоньше скорлупки. А вот вопль оглушает.

— Ты всегда был искусен в словах, — заметил Штырь, — когда хотел ими пользоваться.

Жрикрыс перехватил кубок другой рукой, повел пальцами. — Видишь пятна? Не келик, чернила. Я пишу свою собственную Священную Книгу.

— Не припоминаю, чтобы ты был склонен к поклонению.

— О, я был, Штырь. Я поклонялся худшему в людях. Находя извинения тому, чем был и всему, что творил. Склонялся пред истиной страданий и нищеты, ища выгод лишь для себя.

— Затем всё изменилось.

Жрикрыс слабо улыбнулся. Не Штырю и не тому, кто мог прятаться в спальне. Может,

воспоминанию, смешанному с горем? Улыбка казалась отстраненной и далекой. — Жрица Искупителя. Помнишь ее? Отравленная келиком, она вела танец смерти и разрушения.

Штырь кивнул.

— Вообрази, как красивая вещь становится чем-то подобным.

— Сомневаюсь, что она согласилась бы зваться вещью, Жрикрыс. Тебе это подходит куда больше.

— Я не о лице или теле. Я не о ней вовсе. Я о танце, об экстазе поклонения. Упасть в объятия бога... Я увидел ее и устыдился.

Глаза Штыря сузились. — Так каким именно богом ты желаешь стать?

— Это важно? Бравый Зуб назвал меня Жрецом и знаешь, почему? Я подружился с крысой в казарме, всего-то. Она была больная, не могла стоять на задних лапках и все время падала, как бы кланяясь мне, пока я ее кормил.

— И как Бравый Зуб это увидел? Он никогда не покидал конторы.

— Он не видел. Еще страннее: он назвал меня так до встречи с крысой.

— И если бы он не дал такой клички, ты не задружился бы с крысой-калекой? Ты об этом?

— Нет. Скорее о том, что Бравый умел видеть наши души. Знал, кто мы, прежде нас самих.

Штырь подумал и дернул плечом. — Возможно.

— И это стало вкусом моей магии, ведя меня все глубже. Я зачаровывал крыс, пользовался ими. Мог ехать на любой, видеть их глазами и слышать, что они слышат.

— Отлично для шпионажа. Но ты стал Сжигателем Мостов.

— Я не записался бы в Сжигатели, как и ты. Сам понимаешь. Они словно выросли вокруг нас. И я нашел применение талантам. Крысы — лучшие друзья саперов, почти что чертовы родичи.

Штырь хмыкнул.

— На запад, — продолжал Жрикрыс. — После Коралла. Как и все, я напился благословением Искупителя. И жалел, что дезертировал. Жалел, что не увидел в нем бога, когда он был еще человеком.

— Итковианом. Если бы остался, ты мог бы погибнуть в тоннелях под Крепью. И никогда не встретить Итковиана.

Внезапно пламя вспыхнуло в темных глазах Жрикрыса. — Неправда. Вот оно! Гадаешь, что меня тревожит? Что сломало меня? Подумай, Штырь! Что делают крысы, прежде чем все обрушится?

— Бегут.

— Они могли выбегать из подкопов в тот самый миг, когда Тайскренн ступил на поле! Еще не понял? Я мог бы спасти Сжигателей! Мог спасти их всех!

Штырь сел прямее, тихо закрыв глаза. Вспоминая... и тут же гася воспоминания.

Открыл глаза и всмотрелся в Жрикрыса. — Нет смысла об этом думать, Жрец. Если не тоннели Крепи, то другая катастрофа. Империи было нужно, чтобы мы пропали. Или нужно Тайскренну, если тут есть различие. Мы уже были мертвы, и мы знали это. Вот почему ты сбежал. Стал первой из наших крыс.

Жрикрыс понурил голову, замолчав.

— Не думаю, что можно решить и стать богом. — Штырь говорил спокойным тоном. — Ты не можешь возвыситься по своей воле.

Жрикрыс поднял глаза, на лице мелькнуло раздумье. — То есть ты никогда... не... Боги, Штырь. Давно ли ты пользовался своим садком?

— Многие годы назад. И ничего хорошего не вышло. А что?

— Так ты не знаешь? Ничего не знаешь!

— О чем ты?

— Пантеон взорван — ну, это ты точно знаешь. Но затем появились новые садки. Безумные, дурнее летучей мыши. Боги пали, но явились новые. На картах Колоды Драконов ты найдешь невиданные Дома — их многие десятки! — Он помолчал, допил келик и налил еще. — Не говоря об Коротышах, — закончил он, утирая рот.

— О ком?

Глаза Жрикрыса блеснули. Он встал и открыл дверцу бокового ящика, вынув лакированный деревянный ящичек. Сел и встряхнул ящичек.

Штырь услышал звон. — Монеты?

— Да. Нет. Коротыши. Не деньги... — Он хрипло засмеялся. — Не в здравом смысле слова. Новые садки — о, гадалки пробовали работать с ними, но вышло боком. Нет, отныне они пользуются для гаданий Коротышами. — Он опустил ящичек на колени и осторожно открыл. — Я погадал, и ничего не изменилось. Сейчас не гадаю. — Глаза горели, словно его охватил жар. — Это чтение довольно дикое. Хуже, при нем время искажается...

— Как именно... Нет. — Штырь покачал головой. — Забудь. Мне не интересно. Честно.

Жрикрыс вытащил немного монет. Штырь заметил блеск — серебро, золото, медь и железо. — Металл важен, аспектирован. Некоторые Коротыши имеют разные металлы на лице и обороте. — Он морщился. — Вот почему они не годятся для рынка.

— Я увидел золотую. С двух сторон.

Жрикрыс вытащил монету, поднял в руке.

Штырь схватил кругляш. — Полновесная. — На одной стороне было колесо со спицами, не четкие линии, скорее выступы. — Белое золото.

— Ага. Колесо Звезд. А на другой стороне?

Штырь перевернул монету, поднял брови. — У золота алый оттенок. Там меч. С одним лезвием.

— Ярость, — сказал Жрикрыс. — Клинок самого Икари.

— То есть Икария? Ах, *Коротыши*.

— Иногда говорят, он создал новые садки — не все они новы, разумеется, но даже знакомые искажены. Свет и Тьма, Жизнь и Смерть, они не на привычных местах.

Штырь кинул монету обратно. — Удивлен, что их не переплавили. Эта одна весит как десять консулов.

— Ближе к двенадцати, но всем ведомо: расплавить монеты — получить проклятие. Как и разрезать, или сплющить молотом, или плюнуть на них, или поставить на кон. Хочешь проклясть мертвого, ну, вложи в уста трупа Забвение или Неудачу. Гнусно. Появились торгаши, продающие проклятия Коротышей на любой случай. Это непотребство. Я так не стал бы и не покупаю таких штук.

Штырь пожал плечами. — Времена меняются. Мир меняется. Но перемены здесь могут быть не такими же, как перемены вокруг. Не думаю...

Жрикрыс оборвал его: — Думаешь, я скитался по ривийским равнинам целые годы? Штырь, я был на Семиградье. Вернулся лишь пару лет назад. Культ Вороны — они поклоняются Колтейну! Охвачен весь континент! И есть другие. Икари с Коротышами и без,

Дважды Живой, Искар Джарек...

— Я знаю, кто такой Искар Джарек.

— А Рыцари Смерти? Это же трахнутые Сжигатели!

— А ты упустил шанс.

— Нет, Штырь. В том и дело. Ты не чувствуешь, как нас омывает поток? Нас, еще живых Сжигателей? Есть ли у тебя ключ к происходящему?

— Ты дезертир.

— Не важно.

Настала пора Штырю отворачиваться, ибо воспоминания вернулись, и нельзя было их сдерживать. Отродье Луны разбитое и умирающее, льющее океан слез на опустевшую равнину. Мертвые Сжигатели Мостов положены внутрь, нежданное благословение и что-то холодное, нежнее ладони, коснулось его, облегчая горе, ужасную потерю.

И он видел в глазах оставшихся живыми — Хватки, Дымки, Дергунчика и прочих — что их омыл то же поток.

"И полился черный дождь. А потом мы предложили Искупителю что имели, хрупкие значки для растущего кургана. Мы шли среди живых, мы, горсть выживших, брели будто призраки.

Чтобы нас развеял ветер, унес вдаль".

Он глядел на Жрикрыса. — Ты ощутил?

— Пьяный и больной. В переулке Мотта нечто коснулось моего лба и поцеловало. Нечто влилось в меня. Я ощутил, ага, и подумал о горькой насмешке какого-то бога. — Он склонил голову набок. — А ты? Ты знал, что случилось?

— Нет. Вряд ли кто-то из нас знал. Мы... онемели. Сломались. Стали развалинами.

— А теперь?

— Иногда я чувствую... наблюдение. — Он резко потряс головой. — Просто чувство.

— Не просто чувство, Штырь. Хватит, человеке! Хромой Солдат от Врат Смерти — это Вискиджек. И они с ним. Наши умершие друзья. Они все с ним. Их благословили в Отродье Луны.

— Кто же благословил их? — возмутился Штырь. — Не Искупитель. Не Каладан Бруд.

— Дважды Живой, — отвечал Жрикрыс. — Трепанный Ганоэс Паран. Владыка Колоды.

— Отчего ты так уверен?

Жрикрыс пожал плечами. — Вкус. Нет, — поправился он, — не знаю точно. Просто чувство. Кто еще там был? У кого еще была власть благословлять? Это Паран.

— Тебя даже не было там.

— Не важно. Я беседовал со многими, что там были.

Штырь не был убежден, сам не зная почему. — Могла быть Корлат, отдавшая Вискиджеку сердце. Или сам Аномандер Рейк.

Но Жрикрыс качал головой. — Был бы привкус Куральд Галайна. Благословение было чистым. Горело горем и сожалением. Почему ты не веришь мне?

— Капитан Паран стал Владыкой Колоды Драконов. Да. И возвысился. Теперь он Дважды Живой, Повелитель Гаданий, Хранитель Карт. Такой бог не благословляет. Он освящает. Влагает силу в карты, в Дома и так далее.

Глаза Жрикрыса сощурились. — Вот. Ты не так уж равнодушен, а?

— Просто думаю, что Сжигатели начали путь возвышения задолго до него. На Семиградье. Вот почему императрица должна была нас уничтожить. Она видела, как трудно

было Келланведу с Т'лан Имассами Логроса. И не хотела повторения.

Жрикрыс улыбнулся, опираясь о спинку сиденья. — Тогда она была душой, Штырь. Убить нас означало подтолкнуть возвышение. Т'лан Имассы? Интересное сравнение. Подумай. Через тысячи лет безумный некромант воззовет к Рыцарям Смерти, и явится армия неупокоенных. Железные клинки вместо кремня, но что еще? Похоже, они будут слишком похожи на Т'лан Имассов. Иные идеи так опасны, что можно лишь таить их.

Мысль потрясла Штыря. *"Вот куда мы идем, мы, еще живые Сжигатели? Вискиджек, ты точно желал возглавить армию мертвых? Ты сейчас истинно счастлив?"* Он скривился. — Но что ты делаешь здесь?

— В лесу есть крысы.

— Мы знаем...

— Нет, я о настоящих. Крысы из тундры. Большие твари, толстый мех, обгложут труп за дюжину ударов сердца. Я был на ривийских равнинах, ты уже понял, и моя власть... да, я ощущаю крыс. Знаю, это зловеще, но таков уж я. Пусть. Крысы тундры — саэмды зовут их вел'ай, знаешь ли — они бегут с севера. Уже пришли на ривийские равнины. Они бегут, Штырь.

— От чего?

Жрикрыс пожимал плечами. — От чего-то дурного. Вот потому я здесь. Сбежавший первым теперь вернулся, чтобы сказать тебе первому: бегите, Штырь. Во имя Искара Джарека, уносите отсюда чертовы ноги!

*Близко подошел ты
К темному огню
Будь предупрежден
Там нестерпимый жар
Я на миг зависну
У ступени первой
Снова задышу
И шаг за шагом вверх
Розни не терплю
Споро улетаю
От нелюбезных игр
Изящно-злых намеков
Мерзостных признаний
Но не молкнет хор
Легиона страхов
Ты мне мечешь в спину
Лезвия вражды
Шаг за шагом вслед*

"Споры дурака", Саймарон

Малазанские морпехи — те, что не были в дозорах, на страже ворот или других заданиях — заполнили таверну "Трехлапый Пес". Местные тут же разбежались, все как один выкрикивая разнообразные номера.

Фолибор откашлялся и начал: — Я решил собрать эту встречу с целью...

— Захлопни люк, Фолибор! — рявкнул Омс. — Слушайте, все вы. Миссия была не из трудных. Тогда как, ради Плачущего Дитяти, ухитрились вы исказить ее превыше узнавания?

Фолибор поджал губы. — Кого первого желаете услышать?

Омс закрыл лицо руками. — Боги подлые, — буркнул он.

— Советовал бы по старшинству, — сказал Кожух. — Но вот мы, четверо тяжелых пехотинцев, записались одновременно. Бенжер? Кто его знает. Вот Омс, Омс с нами очень давно, уверен. Дольше любого из нас, он ведь Коготь.

— Я никогда не был Когтем!

Все кивнули, Кожух продолжил: — Так что считаю, первыми должны быть Омс или Бенжер, но если Омс сам просит объяснений, да, он вне списка. Но если он желает объяснить затруднение сам себе, думаю, остальным следует отправиться к "Угрю", чтобы не мешать старшему по званию уладить дела.

— Тогда слово переходит к Бенжеру, — встрял Фолибор. — Согласно правилам исключения.

— И старшинства, — звякнул Дай.

— И старшинства, Дай, верно.

Омс хлопнул ладонями по столешнице, заставив собравшихся вздрогнуть. — Всё должно было происходить скрытно. В тишине, без фанфар. Простой поголовный учет с уточнением значимых деталей — кто прикован к постели, хром или слеп, и сколько здесь детей, не способных идти самостоятельно.

— Значимых, — поднял брови Ори Громче. — Вот это осложнение.

— Точно, — согласился Фолибор. — Пред нами множество толкований.

Ладони Омса снова ударили по столу. — Только что мэр налетел на меня в слепой панике, — скрипел он зубами, — услышав, что всех эвакуируют. Скорее всего, в крайней спешке. Гонят в шахты...

— Какие шахты? — удивился Дай. — Не знал, что тут есть шахты.

— *Нет здесь никаких шахт!*

Дверь открылась, вошли Водичка, Аникс Фро и Вам Хана. По грязному полу закрипели передвигаемые стулья, лязгнули кольчуги — прибывшие устраивались.

Аникс улыбнулась Омсу и набила рот ржавым листом, лицо становилось бледнее с каждым движением челюсти.

Омс смотрел на нее с рассеянным восхищением. Но Вам Хана кашлянул и начал:

— В Серебряном Озере две тысячи двести восемнадцать жителей.

— Но я насчитал лишь двадцать девять, — сказал Фолибор.

— Точно, — рявкнул Дай, — но твой Двадцать девятый был моим Семнадцатым, у Ори он же Двенадцатый, и...

— Тихо, умоляю. — Омс повернулся к Ваму. — И как ты пришел к этому числу?

— Спросил могильщика. Он ведет список. Но всё ещё лучше.

— Что ещё лучше?

— Там точные числа, Омс. Двести и девятнадцать детей в возрасте до восьми лет. Еще три сотни и пятьдесят семь от восьми до шестнадцати...

— Город помешался на трахе! — сообщила Водичка.

Омс хлопнул по столу в третий раз и ткнул пальцем в сторону Вама. — Откуда могильщик это знает?

— Это очевидно, — вставила Скудно-Бедно. — Фискальные расчеты для уточнения ожидаемого времени закупок и поставок. Гробов.

Повисло молчание. Затем Вам Хана сказал: — Нет, не так. Могильщик еще и местный лекарь.

Аникс хмыкнула и сплюнула бурым на пол. — Так он малость пессимист, верно?

— Вернемся к трах-помешательству! — настаивала Водичка. — Я права, не так ли? Чертова уйма малолеток!

Вам Хана поднял руку. — Точно. Но после первого налета погибли многие взрослые. После мятежа — еще больше. Прежний мэр начал платить женщинам за детей, и новый продолжил практику.

Аникс фыркнула: — Лучший способ заделать ребенка!

Водичка попыталась дать Аникс затрещину, но промазала. — Он не самолично разносит им денежки, а? — Она огляделась. — Так? Проверим детишек, Вам Хана, вдруг все похоже на мэра.

— Он платит за беременность, — объяснил Вам. — Не делает им детей.

— И много ли платит? — спросила Аникс и тоже заозиралась. — Эй, если целую кучу...

— Ты не местная, идиотка! — сказала Водичка. — Мэр не заплатит тебе за брюхо, поняла? К тому же, если заплатит, остальные наши — все, что тебя знают — скинутся и заплатят, чтобы брюха не было. Почему? Потому что одной идиотской жвачной коровы твоей породы вполне достаточно! — Она поглядела на Омса. — Но я слышала, мы всё равно казним всех местных, верно? Я готова, откуда начинать?

— Никого мы не казним! — завопил Омс.

Водичка моргнула. — О, ладно. Но хоть одну? Я готова казнить Аникс Фро, пока мэр ее не обрюхатил.

Аникс фыркнула. — Я не местная, и вы же хотели меня осыпать деньгами. Или мэр — красавчик?

Фолибор подался вперед. — Тут она права, Водичка. Она не местная. И кучи денег не будет, по любому. Ведь забеременеть означает вылететь из морской пехоты пинком под зад, и это будет грустно, но не очень грустно. К тому же мэр — урод. Также советую казнить могильщика последним.

— Имеет смысл, — закивала Водичка. — Не всех. Некоторых. Ты стал умнее, Фолибор.

— Нет. — Омс почти плакал. — Никакого смысла.

— Так я не беременею, — сказала Аникс Фро. — И точно, не хочу ребенка от мэра-урода, сколько бы он ни отвалил.

— Ну, круто, — застонал Кожух. — Теперь нам придется утешать мэра с разбитым сердцем, в довершение всех забот.

Водичка кивнула: — Бедный мэр.

Омс встал. — Вам Хана, пойдешь со мной доложить капитану. Не возражаешь?

Вам кивнул головой. — Не нужно. Уже доложил.

— Так меня сняли с крючка?

— Да. Весьма рад.

— Благословлен будь, Вам Хана. И не слушай, что говорят все товарищи по взводу.

— Погоди... а что все они говорят?

Омс обошел стол, на миг опустив сочувственную руку Ваму Хане на плечо. Торопливо вышел в дверь.

Все молчали. Затем Дай вздохнул. — Было весело. — Встал и огляделся. — А где бармен?

— Убежал, — ответил Кожух, — едва Водичка сообщила о казни всех местных.

— Так... пьем бесплатно!

— Нет, Водичка, не пьем.

Она сверкнула глазами на Фолибора: — Почему?

— Потому что вычтут из довольствия, вот почему. Едва смятение уляжется и люди задышат спокойно, владелец вернется, найдет бочки пустыми, нажалуется самому капитану, и у нас будут проблемы.

Водичка нахмурилась. — То есть мы не убиваем всех местных? Не смешно. В жизни *никогда* уже не будет веселья!

Промашка с сестрами сидели за столиком "Черного Угря". И смотрели на одинокого морпеха неподалеку. Впрочем, он был не так близко, чтобы слышать их разговоры, хоть о себе самом, хоть о сослуживцах. И все же его присутствие нервировало.

Скачка, самая младшая, налила себе в кальян дешевого вина. Глаза остекленели, что для

нее стало нормой; да и всегда они были тускло-зелеными, будто пыльные листья. После двух порций ржавого листа голос стал хриплым. — Мы не можем им доверять. Всё не так, как раньше.

Промашка закатила глаза. — Тебе едва семнадцать, Скачка. Откуда тебе знать, как было раньше?

— Когда Благая Ролли напивается, болтает со мной.

— Потому что у тебя невинный вид, — сказала Летунья. — Но ты не такая. Ты же из нас худшая.

— К делу не относится. Было так, что в легионе или даже в армии лишь горстка магов. Верховных магов. Жутких до усрачки. О, были еще во взводах, но низшего сорта. Урвали что-то там и тут. Но все поменялось. Нет больше верховных магов — император знает, им нельзя верить. И он взял морпехов и напихал им кучу низкосортных магов. Но там попадаются и парни пострашнее. Короче, всюду клятая магия.

— Потому что кончились морантские припасы, — сказала Промашка. — Да, делаем свои, но на них нельзя положиться. Так что если морпехи хотят оставаться корявым кулаком, лупящим врага, им нужно компенсировать припасы. Маги вместо саперов, поняли?

— Кто кому тут устраивает экзамен? — сказала Скачка из-за свежей тучи тошнотворно-сладкого дыма. Сощурилась на одинокого морпеха. — Он маг.

Летунья нахмурилась. — Не показывает вида.

— Конечно же, — согласилась Скачка. — В том и дело. Позволь мне догадаться, думаю, что половина морпехов сейчас маги разного сорта.

— Позволить тебе догадаться?

Скачка скривилась. — Да, это догадки Благой Ролли. Если сомневаешься, говори с ней.

В таверну вошли трое. Промашка осторожно подняла кружку и выпила. Скачка творила новые тучи дыма. Летунья сгорбилась над столом, потянулась за кувшином. И сказала тихим тоном: — Неожиданно.

— Компания Балка, — буркнула Скачка. — Должно было случиться, рано или поздно. Даже наемники иногда пьют.

— Ха, ха, — равнодушно отозвалась Промашка. — Сторп говорил, они покупают у него бочками и везут в лагерь. Нет, эти трое пришли забросить удочки.

— Слышала такие шутки, — сказала Скачка, на миг оторвавшись от трубки.

— Снова наш пьяный сержант?

Скачка пожала плечами. — Может быть. У них убийца-лазутчик убит морпехом в дозоре. Ужасное происшествие, всяческие извинения. Но дело было грубое. Аж глаза на лоб лезут.

Это было уже интересно. Промашка всмотрелась в сестрицу. — Давай. Глаза на лоб?

— Как бы тело принесли в одном мешке, голову в другом.

Тишина повисла над столиком.

Скачка усмехнулась. — Верно. Осторожнее подходите к морпеху, чтобы похлопать по плечу. Такой рефлекс: меч наголо и поперек шеи, голова катится. — Упс, — говорит морпех. — Она подняла два пальца. — Два мешка.

— Кто из морпехов?

— А важно?

Они замолчали: трое наемников, взяв по кружке, приближались к столику сестер.

Двое мужчин и женщина. Она выглядела уже напившейся, да и все трое заставили

мурашки поползти по шее Летуньи.

— Регуляры, — начала женщина, — верно? Рады увидеться. Вы похожи на сестер. У меня была сестра. Утонула в пруду в пять лет. Разбила сердце мамочки.

— Ужасно, — сказала Промашка. — Сочувствую тебе и твоей матери.

— Мне было на год больше, — продолжала женщина. — Пыталась дотянуться до нее, когда она упала с берега. Не смогла. Умела плавать, но там было высоко. Я не решилась спрыгнуть. Пока слезала, стало поздно.

— Спорю, твое сердце тоже разбито, — отозвалась Скачка безучастно.

Женщина дернула плечом. — Может быть. Но девчонки быстро утешаются, верно? Я сержант Спица. Это Крик и Шугал. Мы командуем ротами в Легионе Балка.

— Легионе?

— Вполне так, стоит нас посчитать, — сказал названный Шугалом.

Скачка крикнула: — Всего-то нужно, чтобы стать легионом? Количество.

Ответная улыбка была лишена юмора. — Прежде чем империя выплюнула нам контракт, мы молотили траханых морпехов... простите мои манеры, вы ведь регуляры, так что точно простите. Странные дела, то крошишь кого-то, то вдруг маршируешь с ним нога в ногу.

— Деньги есть деньги, — сказала женщина, Спица, и допила кружку. — Вот что значит быть профессионалами.

— Слышала, один из тех морпехов передал привет вашему лазутчику, прошлой ночью, — небрежно произнесла Скачка.

Лица троицы почти не изменились, отчего Промашку пронизал холод.

Спица резко повернулась в сторону Сторпа за стойкой бара. — Еще эля, сиделец! — Она снова глядела на сестер. — Эти морячки еще не сдружились с нами. Но всякое может быть. Вот почему я готова поставить вам круг. Сдружимся?

— Каково это? — спросила Скачка. — Толкнуть сестричку с берега. В пруд. Смотреть, как она тонет. Что ты чувствовала?

Промашка быстро вытянула нож, но здоровяк, Крик, оказался быстрее. Стол повалился набок от его пинка, тускло блеснули два длинных ножа. Крик надвигался.

Стол опрокинулся на трех сестер, но они успели отскочить и вынуть клинки, хотя стена за спиной стала проблемой.

"Дрянь". Перед длинными клинками их оружие казалось столовыми ножиками. *"Сейчас выпотрошит нас, как рыб на пристани".*

Спица отошла, на губах улыбка. Шугал держал в руке топорик и был готов выскользнуть из-за спины Крика.

И тут кто-то спокойно встал между ними.

Тот морпех. — Достаточно, — сказал он.

Крик поднял клинки выше, зубы оскалены, глаза блестят.

— Нет, тебе не хочется испытать меня, — заверил морпех.

— Думаешь, успеешь вытащить дурацкий меч, прежде чем зарежу? — Улыбка Крика стала шире.

— Ни шанса, — согласился морпех. — Но если оглянешься назад, на стойку, там Сторп уже достал арбалет и целится тебе в затылок. Конечно, можешь присесть, но это вряд ли сработает. Я же буду весь в хлопотах, убивая твоих приятелей. Поверь, для этого мне меч не нужен.

Крик не казался человеком, готовым сдаться. Скорее казалось, он сейчас бросился на морпеха.

Спица сказала: — Расслабься, Крик. Это меня оскорбила наша копченая кошечка, но я уже справилась. Спрячь оружие, друг, подними стол, мы спокойно посидим и...

— Нет, — отрезал морпех. — Можете валить на хрен. Приказ капитана Грубита. Никаких наемников в городе. Сторп посылает вам эль и вино, питаетесь в лагере.

Спица улыбнулась. — Хорошо. Могу узнать ваше имя, морпех? Знаете, вдруг еще встретимся. Я Спица.

Морпех усмехнулся: — Видите? Нетрудно. Я Глиняный Таз, Второй взвод. В следующий раз начните с приветов.

— Уж точно, — заверила Спица. Махнула спутникам. — Идем.

— Сперва заплатите за себя, — сказал Глиняный Таз. — Осчастливьте Сторпа.

— Ага, — согласилась Спица. — Сделаем.

С колотящимся сердцем Промашка вложила нож в ножны и села. Как и сестры.

Глиняный Таз вернулся на прежнее место. Подождал, пока уберутся наемники, затем перетащил стул и сел к ним, лицом к Промашке. Он улыбался.

— Две из вас слишком напирали на моего товарища, прошлой ночью.

— Извинения, — сказала Промашка. — Мы тут пересидели.

Глиняный Таз кивнул. — Бывает. Я просто хочу пояснить. Не возражаете?

Летунья развела руками, как бы приглашая.

— Вы рядовые Малазанской Армии. Да, не самое восхитительное достижение. Но это не имеет значения, особенно для нас, морпехов. Пока мы здесь, мы относимся к вам... — он поднял палец и указал на сердце, — со всей теплотой и заботой. Как ни смешно. — Затем палец устремился к двери. — Эти трое. По ним рудник плачет. Они плохие люди.

— Заметила, — сказала Промашка. Во рту было сухо.

Глиняный Таз указал на Скачку. — Пусть ты вынюхала правду об утопшей сестричке, не нужно было выкладывать вслух. Ты понимала, но всё же рассказала. Почти доведя до смерти и себя, и сестер. Глупо. Спица рано или поздно вернется за тобой. Потому что ты увидела сквозь ее чары, увидела то, что она считала скрытым от всех. — Он встал. — Что ж, мы будем следить пристально, но и сама берегись.

— Я могу о себе позаботиться, — сказала Скачка.

— Ох, милая, она не придет прямо за тобой. Сперва убьет сестер, чтобы ты страдала. И твоих друзей.

Скачка побледнела и начала вставать. — Чудно. Я ее первая на куски...

Пока Промашка и Летунья усаживали сестру на место, Глиняный Таз снова улыбнулся. — Терпение, солдат. Не время калить сковороду. Еще не время.

Они смотрели, как он садится на свое прежнее место. Туда подошел Сторп.

Скачка трясущимися руками разжигала кальян.

Обернувшись к ней, Промашка сказала: — Они могли нас убить, понимаешь?

Скачка торопливо вдохнула дым. — Простите, сестры, я давила слишком сильно. Но та девка...

Летунья вздохнула: — Знаешь, мне трудно говорить, но залезть под куртку морпеха, прямо в подмышку — вонючую, не сомневаюсь — сейчас это было бы здорово.

Промашка кивнула. — И аминь.

Штырь вошел в контору. Капитан Грубит выложил наручи на стол и трудился над охряно-бурым пятнышком, пока не заблестела даже кожаная ветошь. Длинные пальцы выглядели так, будто запачкались в крови. — Милейший Штырь, рад видеть вас живым. Прощу, садитесь. Вот вино. Не лучшее, но все же вино.

Штырь неторопливо сел и помотал головой в ответ на предложение.

Грубит поднял глаза. — И?

— Как и ожидал, сэр.

— Ну?

— Он хочет, чтобы мы бежали, сэр.

Грубит со вздохом отстранился. Мельком поморщился своим алым пальцем. — Самый здравый совет, уверен. Увы, не такова участь солдата. Он приехал лично к вам, да?

— Подозреваю, да, — сказал Штырь, чуть шевельнув плечами.

— Но для дезертира это риск. Вы ведь были обязаны убить его, едва увидев.

Штырь смотрел в сторону. — Иногда, сэр, милосердие оказывается карой страшнее казни.

— Но остальные не получают полезного урока.

— Лишь мы с вами, сэр, знаем, кем был Жрикрыс. Теперь он Жрец Крыс. Самозванный Властитель на полпути к божественности. Если меня что и тревожит, так влияние его прошлого на его будущее. Трудно предсказать, каким богом он обернется.

— Хмм. Возможно, вам все же следовало его убить, ради спасения всех нас.

— Он приехал с добрыми намерениями, сэр. Я хотел отнестись с уважением.

Грубит вздохнул и стер тряпкой остатки алой чистящей пасты. — Вы излагаете дело так ловко, что я не могу не уважить возникший меж вами союз. Что ж, не стану резать ему горло. — Он повел изящными пальцами. — Пусть живет и здравствует.

Штырь кивнул. — Спасибо, сэр.

— Разумеется, если, — продолжал Грубит, — вы удовлетворительно изложите мне, что *на самом деле* привело его сюда. Кроме простого предупреждения. Неужели он считает нас слепыми дураками? Но ладно. Остальное, дорогой сержант, остальное.

"Этого человека вокруг пальца не обведешь. Ну, не так, как пытался я". — Возвышение Сжигателей Мостов, сэр.

— Мертвый Легион Искара Джарека? И что?

— Похоже, не только мертвые. Склонен думать, это и привело Жрикрыса сюда и сделало таким, каким он стал. — Штырь помедлил. — Нас осталось мало по эту сторону Врат Смерти, но похоже, ни один не остался в стороне от... произошедшего под Черным Кораллом.

Грубит кивал, закрыв глаза, руки держали кожаную пластину наруча. — Ваши признания и их следствия не удивили меня, любезный. Что-то еще?

— Он бросил мне Коротыш.

Глаза Грубита заблестели внезапным интересом. — Мне внушили убеждение, что вы ничего не понимаете в подобных делах.

— Не понимал. И не понимаю. Он объяснял, но я так и не понял. *"Внушили? Как? И кто?"*

— Но информируете меня. Почему?

Штырь пожал плечами: — Инстинкт, сэр. Нечто говорит мне, что рассказать было нужно.

— Верно. Точно. — Грубит улыбнулся, но улыбка вышла холодной. — Который Коротыш, смею спросить? Можете не отвечать, ведь эти вещи глубоко личные, а личное следует уважать.

— Колесо Звезд.

— Уверены? Когда вы впервые взяли монету в руку, это было Колесо? Не сторона с Яростью?

— Да, сэр. Тележное колесо из точек.

— Не из точек, мой друг. Из булыжников. Колесо Звезд лежит на почве, вечно глядя в небо.

— А, — сказал Штырь. — Видел несколько таких. В далеких землях.

— Хоть раз входили внутрь?

Штырь скривился. — Я не идиот.

— Нет, конечно. Простите. Эти новые садки чреватые угрозой и зачастую неправильно понимаемы. Признаюсь, меня так и тянет посетить вашего монашествующего друга.

— Для гадания? Он попросит золото. Много золота.

— Они все такие. — Грубит положил наруч. — Идеально. Пришло время нагрудника. Предвижу долгий вечер натирания и полировки. — Брошенный Штырю взгляд был лукавым. — Лучшее время уйти, не так ли?

Лейтенант Ара ввела троих ротных командиров в шатер Балка. По ее жесту они встали у входа. Спица чуть покачивалась, выдыхая хмельные пары.

Балк, сидя на походном стуле, долго изучал вошедших, затем сказал: — Лейтенант Ара доложила о вашей рыбалке, передала всё, что вы рассказали. Что было нетрудно, ведь вы так неразговорчивы. Шугал, вы кажетесь пьяным менее остальных, так что прошу изложить в деталях все события вашего визита в "Черный Угорь".

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Шугал. — Мы думали посеять раздоры, может даже перетянуть тех рядовых на нашу сторону. Хотя бы разбросать угли.

— Из регулярных войск?

Шугал кивнул.

— Всех семерых. Хм, это поистине, — сказал Балк небрежным тоном, — перевернуло бы положение вещей.

Шугал неловко зашевелился. — Мы понимали, что миром может не получиться, и решили, что будет не худо убить трех регулярных. За нашего человека, видите?

— Я в смущении, — сказал Балк, глянув на лейтенанта Ару. — Вы помните, Ара, чтобы я высказывал желание каким-то образом отомстить за гибель ночного ножа?

— Нет, сэр.

— Ммм. И точно. Напротив, я вроде бы призывал к терпению.

— Вы выражались весьма ясно, сэр, — заметила Ара.

Спица внезапно фыркнула. — От трахнутых морпехов осталась одна горсть, сэр, потому как мы их покрошили. Больше их никто не побоит...

— Пьяная тупая дура, — сказал Балк железным тоном. И встал. — Вернуться в тот день? К нашей стычке с неполной ротой малазанских морпехов?

— Мы положили две трети! — проскрипела разозленная Спица.

Балк подскочил к ней. — Именно. Стоит ли удивляться, ведь нас было с тысячу. А потом, когда они заставили Ару сложить оружие, вы сочли наши потери? Нет не думаю. Вы

трое, командиры рот, плевали на гибель своих подчиненных. Хорошо, позвольте информировать вас о полном подсчете потерь столкновения с полусотней морпехов.

— Мы их сделали, сэр, — прошипела Спица, сверкая глазами на Ару.

— Три сотни и девятнадцать убитыми, — сказал Балк. — Семьдесят три ранеными, из них лишь десятеро смогут встать в строй. Когда-либо. Вы трое так усердно гонялись за их лазутчиками в кустах, что не видели, как эти морпехи кладут один наш взвод за другим. Лишь обороняясь, они держали нас на месте, пока три взвода обходили нас — как, интересно? — чтобы убить мою охрану и приставить мне нож к горлу. — Он подошел прямо к Спице, ткнул пальцев грудь, заставив отступить. — Оборона, не контратака, которую им следовало предпринять. Их сдерживал лишь приказ взять меня живым.

Балк вернулся к стулу, весь дрожа от гнева. — Итак, — сказал он более спокойно, — вы нашли трех регуляров в таверне. Почему они не мертвы?

Шугал откашлялся. — Вмешался один морпех. Мы могли завалить его сэр, но помнили о приказе не лезть к морпехам.

— И тот подлый бармен за стойкой, — бросила Спица. — С наставленным на нас арбалетом.

— Сторп, так? — сказал Балк, повернувшись к ним. Все трое закивали. — Ветеран Второй или Третьей армии.

— Старый хрен. В следующий раз Шугал ему шест от палатки забьет в...

— Следующего раза не будет, — заявил Балк. — Вы трое, как и все, заперты в лагере. Ослушаетесь — не только лишитесь званий. Вас казнят. Понятно?

Ара видела, как губы Спицы кривятся, но страх уже загорелся в глазах всей тройки. Первым, неохотно, кивнул Шугал, затем Крик и наконец, сама Спица.

— Вон из моего шатра.

Они скрылись в один миг.

— По самому краю, — сказала Ара, позаботившись опустить и проверить полог. — Их поводки почти перетерлись.

Балк хмыкнул, садясь. — Уже не долго. Так мне передали.

— Надеюсь, ты прав, — сказала Ара.

— Интересно... — начал Балк.

— Что тебе интересно?

— Кто тот одинокий морпех, что заставил их отступить. Пусть Сторп и приготовил арбалет.

— Смею догадаться, — сказала Ара, — из тех, о ком мы уже слышаны. Может, Водичка. Или Омс. Или Бенжер.

— Если придет время перерезать их поводки, Ара, то натравив на этих трех. Понятно?

Она кивнула. — И будем надеяться, они поубивают друг дружку.

— Было бы идеально. А пока, — поглядел он ей в глаза, — осторожнее, Ара. Они давно ненавидят тебя. А теперь, раз ты привела их ко мне и видела всю сцену, ненавидят пуще.

— Знаю.

— Ты советовала убить их уже недели назад, — вспомнил Балк. — Я отказался, откажусь и сейчас. Но чем дольше я жду, тем они опаснее. Мне это не нравится, Ара. Не прошу понять: пока что они мне нужны.

— А я, Балк? Я тебе нужна?

— Да, нужна. Больше, чем они. Этой ночью я почти решился выпотрошить их, и делу

конец. Остановила мою руку лишь мысль использовать их против трех самых опасных морпехов. Если проиграют, скорбеть не буду. Если сумеют, враг будет хотя бы ранен.

— Нужно лишь отвлечь их, выманить, — сказала Ара.

— Скоро, — пробормотал Балк.

— Хочешь остаться один?

— Не этой ночью. Нет.

Она начала расстегивать плащ.

Штырь нашел Омса и Бенжера за столиком у задней стены "Трехлапного Пса". Мужчины затихли, едва сержант подсел к ним.

— Отлично произвел учет, — сказал Штырь Омсу.

— Но я...

— Вам Хана рассказал, что ты послал его поговорить с могильщиком. Умно. — Он помолчал, пожимая плечами. — Вовлечь тяжеловесов в дело, требующее логистической организации, было ошибкой. Хотя уверен, они повеселились, устроив свое позорище.

Бенжер фыркнул. — Вам нужно было их слышать, сержант. Целая драная опера.

— Но я...

Штырь снова перебил его. — Пора в седло, Омс.

Омс моргнул. — Слушаюсь, сэр. — И нахмурился. — В седло, говоришь. Значит, теперь не в лес.

Бенжер ткнул его локтем. — Вымети паутину из башки, идиот. — Подмигнул Штырю. — Скрытно, да? Мне нужно подумать.

— Думай быстро, — ответил Штырь. — Он мне нужен ночью.

— Человек на лошади, это будет нелегко, — размышлял вслух Бенжер. — Весь путь отсюда и мимо лагеря Балка. То есть, чтобы не увидели и не услышали, и даже не унюхали. А если они выставили удаленные дозоры? Мы говорим о дистанции в две тысячи шагов, минимум.

— Я так плохо не пахну, — скривился Омс.

— А если лошадь пернет? Сержант, я умею создавать видимости, но тут подумал об отвлечении внимания. Чтобы все залегли и не высовывались.

Омс застонал: — Только не снова.

Чуть подумав, Штырь кивнул. — Отлично. Возьми для этого Подтелегу. Омс, собирай снаряжение и будь в конюшнях.

Омс сверкал глазами на Бенжера. — И сколько пончо мне захватить на этот раз?

Зубы Бенжера блеснули в улыбке, плечи опустились, раздался пыхтящий смех. — Мы пойдем будить Подтелегу. Сам знаешь, каков он спросонья.

— Ты это специально, — сурово обвинил его Омс. — По глазам вижу, Бенжер. Ты можешь всё наколдовать сам и это знаешь.

— Береженный дольше живет, — ответил Бенжер неожиданно серьезным тоном.

Штырь встал, за ним остальные.

Омс и Бенжер оставили монетки на стойке, ведь бармен еще не вернулся.

Капрал Подтелега сидел за столом в главной комнате штабного дома, длинный ус во рту. Кроме ритмичного сжатия челюстей и странного причмокивания, он был нем и недвижим.

Бенжер сел напротив, постукивая пальцами по столешнице.

Капрал шевельнулся. — Череп сейчас лопнет.

— Что вызываешь?

— Даже не начал. Садок борется со мной.

— Почему?

Подтелега вздохнул. — Иногда бывает, особенно с Синь-Железом. Есть теория.

— О, чудесно, послушаю, пока Омс снаружи.

— Я выявляю противоречивые тенденции в твоём предложении, Бенжер. Не потрудишься объяснить?

— Нет, но даже не думай дать мне затрещину. Я не твоего взвода.

Подтелега подался вперед, продолжая жевать ус. Постучал себя по виску. — Молнии здесь, Бенжер. Вот как работает наше тело.

— О, неужели?

— Ага, или так я теоретизирую. Видел эксперименты с магнитом и медной проволокой. Видел, как отрезанные лягушачьи лапки дергались.

— Что за трахнутый мозг придумал такие опыты? Ладно. Просто проложи нам путь, а мы тронемся.

— Я о том, — продолжал Подтелега, — ты можешь перегрузить голову — если неосторожен, и Синь-Железо откроется слишком быстро, слишком мощно. Ты меня разбудил, значит, я не выспался, значит, устал, что значит, я не смогу держать стены, стены, что защищают мой здравый...

— Стены твоего разума рухнули годы назад. Спешу как резаный, ладно? Нам нужна темнота. Омсу нужна. И мне нужна!

— Хорошо! Но потом желаю сразу начать исцеление.

Бенжер закатил глаза.

— Обещай!

— Ладно! Я исцелю твою бедную, пустую, больную головку.

Издали донеслись раскаты грома.

Бенжер хмыкнул. — Это за лигу или еще дальше. Тяни сюда, Подтелега. Тяни прямо над нами.

Капрал качнул головой. — А Омс поскачет прямо под ней? Ты зол на него или еще что?

Бенжер хмыкнул: — Промокнет насквозь, но не сможет вылезти из седла до утра. Подхватит ужасную простуду, но не найдет достойного целителя еще дольше. Идеально!

— И ты *меня* назвал чокнутым? — Подтелега снова качнул головой.

Когда буря обрушилась на город, Омс зычно выругался: молнии сверкали и трещали, будто ломались кости бога-великана. Гром бухал за почти непроницаемой пленой ливня. Сражаясь с паникой лошади посреди улицы, вдруг ставшей болотом, Омс развернул животное кругом и вогнал пятки в бока. Лошадь заплясала под ним — краткий, ужасающий миг — и нашла свой аллюр.

"Виноват не Подтелега, о нет. За это заплатит Бенжер". Он сверкал глазами, слыша окружающую какофонию, потому что знал — этой буйство наполовину иллюзорно, ведь Бенжер хуже занозы в заднице. Дождь хлестал по лицу, будто залпы самострелов. Он пригнул голову, и в шлеме раздался барабанный грохот.

"Ах ты мелкий дерьмец!"

Он едва разглядел ворота, проезжая под аркой, насыпная дорога тускло блестела слева — он свернул на юг. Костры лагеря Балка были не видны, похоже, потоп погасил их.

Через миг тяжелые объятия охватили его сзади и сверху, рев и грохот исчезли, тело экстатически содрогнулось.

"Ох мать. Дорогая леди, будь благословенна".

Но едва эта мысль запела в разуме, вслед ринулось глубинное беспокойство. Объятия были крепкими.

Молнии не блестели, хотя гром катился, словно горы за озером содрогались барабанами под ударами кулаков. Это был только Подтелега.

"Боги подлые, что за жуткая мы банда".

КНИГА ТРЕТЬЯ

КОРНИ КАМНЯ

Сегодня мы станем спицами колеса.

Элейд Тарос, воевода Теблоров

Один из нечистых Постов Крови был найден у горячей сюнидской деревни. Как и деревянное оружие, что в ходу среди дикарей, он был пропитан кровяным маслом, став необычайно гладким и практически неразрушимым. На нем были вырезаны имена детей, принесенных в жертву их богам-демонам. И, как будто этого ужаса не хватало, женщины в деревне пели песню, вплетая в нее имена каждого ребенка, отданного Каменным Лицам. Они пели радостно, со слезами счастья на глазах.

Если во всем этом можно найти утешение, то лишь в факте, что дети умерли рано. Не стали воинами. Что спасло их от рабства и смерти. Но лучше бы кровь их была на наших руках. По крайней мере, они умерли бы чисто.

"Ненавижу всех богов", Гору Плетеный Хвост

Делас Фана из Урида отдыхала в высокой траве на вершине гребня, рука на горячей холке Скальпа; плотные мускулистые плечи пса поджимались и опускались — он тяжело дышал на такой жаре. Подъем выдался крутым, переход от ночных странствий к передвижению под солнцем заставлял глаза слезиться, ноги отяжелели. Слева от нее еще два теблорских пса, Мускус и Ломоть, сгорбились над сухой тушей козла, что погиб еще зимой. Кости хрустели в челюстях, мерзкая вонь гнилых жил плыла над холмом. На уступах склона под ней бабочки порхали над высокогорными цветами.

Почти дома. Воздух был свежим и чистым, несмотря на необычную жару, пахло сырým камнем и водой. В Даруджистане находились люди, скептически кривившиеся ее рассказам о запахах камней, о мириадах привкусов воды, которые можно различить даже в воздухе. Стоялая вода пахнет затхлостью. Весенний родник отдает металлом. Дождь наделен запахом, который можно назвать не иначе, как небесным.

Лазурное озеро, помнила она, гниет поблизости от города, но запах его на удивление холоден и отдает льдом чуть далее. Запах тамошнего храма отличается от запаха жилых зданий. С мостовой поднимается сальный запах людей и животных, но посреди мостов через узкие, умирающие речки нижнего города известняк пахнет морским дном. Разумеется, они никогда не ходила по дну моря, но в горах встречаются выходы похожего камня, почти целиком состоящего из раздавленных ракушек. Когда вода брызгала на обнажившийся известняк, поднимался острый аромат, и такой же она чуяла на мостах Даруджистана. Хотя это казалось нелепым.

Скальп внезапно поднял тяжелую голову, Делас Фана ощутила ладонью напряжение мышц. Отсмотрела долину вниз, но самые нижние области были еще проглочены тьмой. Движение? Может быть.

— Нас преследуют? — тихо промурлыкала она. Такое путешествие она предпринимала не в первый раз. Чаще в сопровождении сестры, нежели одна. Обследуя земли юга, они были осторожны, но уверены в себе. Здешние обитатели-дети представляли мало угрозы, и лишь однажды они наткнулись на группу людей — похоже, бандитов — которые напали на них

ради высоко ценимого оружия Теблоров. Впоследствии она узнала, что такое оружие продается в городах вроде Даруджистана как предметы искусства. Очень дорогие предметы.

Они с сестрой никого не оставили в живых, а среди пойманных лошадей лишь одна была достаточно молодой, чтобы согдиться в пищу. Обыск изувеченных тел принес лишь несколько мелких монет, и единственной наградой им стали сытые животы.

Но странствие в одиночку оказалось более богатым на приключения. Приходилось убивать немало слишком любопытных южан, особенно в далеких регионах; в конце концов ей пришлось идти по ночам. Но теперь она оказалась на землях, никому не принадлежащих. Прежние горные владения сунидов вернулись к дикости, и лишь развалины селений свидетельствовали о пропавших обитателях.

Насколько она слышала, немногие выжившие суниды, бывшие рабы или оставшиеся свободными, поселились среди ратидов.

Вздыхнув, Делас Фана подобрала копье и встала. Слева блестела солнечным светом западная оконечность Серебряного озера, но городок виден не был: он лежал ближе к юго-восточному берегу. Теперь ей уже не были нужны нюх и чуткость слуха Скальпа. На склоне виднелась группа пешеходов, с трудом взбиравшихся вверх.

Ей самой потребовалось все утро для восхождения, так что чужаки виделись всего лишь точками далеко внизу. Приходилось ждать, чтобы различить больше. Но один казался выше прочих.

Мускус и Ломоть подошли к ней, из пастей воняло гнилым мясом. Три теблорских пса ожидали ее на дне долины. Прибежали сюда от самой деревни уридов. Как им такое удавалось, было загадкой. Все потомки Грыза обладали этим жутким талантом. В отличие от других псов. Еще одно наследие возвышенного отца, решила она.

Мысль об отце заставила губы скривиться. Старый, упрямый, общающийся хмыканьем, он бесил ее. Он был богом. Разве Теблорам не нужен новый бог, если Каменных Лиц больше нет? Но что делать, если бог не желает?

Раздраженно выдохнув, Делас покачала головой. Хорошо бы эти снизу оказались разбойниками. Она была в настроении кого-нибудь прикончить. Эти мысли идут вслед за раздумьями об отце, понимала она. Простое воображение татуированного лица Карсы Орлонга, непроницаемой стены его взгляда, намек на улыбку, никогда не разделявшей его губы, рождало лишь одно желание: выхватить кровомеч, и пусть головы кувыркаются над фонтанами крови.

Немногие жители Даруджистана, все как один низменники, грубо захохотали бы, видя ее гнев, читая желания. Кивнули бы и сказали бы: "Ага, настоящая Теблора. Резня и погром — вот ваш ответ на всё!"

Подобные обвинения ее обижали. Если Теблоров оставить в покое, разве не будут они мирными? Если забыть о межплеменных войнах, кровной мести и набегах, они желают лишь остаться в одиночестве, в изоляции от внешнего мира. Южане гибнут слишком легко, чтобы это было весело. Они доставляют Теблорам неприятности, только собравшись большим числом. Ну, и сам клан Сунид оказался гнилым изнутри.

Разумеется, изоляция имеет свою цену. Она глянула на Скальпа. — В Тот День, много лет назад, — сказала она, — на улицах Даруджистана появились псы тебе под стать, дружище.

Зверь поднял голову, на нее уставились глаза цвета песка.

— Забудь о детях юга. Там, где они живут, есть и другие существа. Достойные принять

вызов. Гончие Света и Гончие Тени. И Элайнты. И даже среди детей встречаются весьма достойные воители, кандидаты в боги. И да, сами боги. Много богов. Хотел бы ощутить шею бога в своей пасти, Скаल्प?

Глаза на миг сверкнули сильнее — или, возможно, она это вообразила. Желание — могучий соблазнитель, и она не ощущала вины, давая волю воображению и дразня пса. — Скоро я возьму тебя и твоих братьев на юг. В сам Даруджистан. Каждую ночь мы будем выходить на улицы — охотиться. На колдунов, демонов, Гончих и драконов, кто попадется. Друзья, нас ждет город Голубого Огня.

А ее отец? Он будет добычей? Встанет ли он тогда, напрягая вялый зад, и сделает хоть что-то?

Дела Фана вздохнула. Вряд ли.

Фигуры приблизились. И одна действительно походила на Теблора. Остальные были скорее детьми-южанами. Двое волосатых спорили, гортанные голоса уже доносились вверх.

Все три пса вдруг зарычали, шерсть на загривках встала дыбом.

Делас Фана принюхалась.

— Жекки. — Рука опустилась на широкий лоб Скальпа. — Не враги, друг. Хотя воняют волком. — Она помолчала. — Но среди Жекков много глупцов. Возможно, такой окажется и среди тех, снизу, он бросит тебе вызов. Не нападай первым. Но будь наготове. Мне рассказали, что суниды могут служить разведчиками южан. И Жекки готовы на это? Давай узнаем. — Она глянула вниз. — Мускус, Ломоть, по бокам. Оставайтесь невидимыми.

Псы припали к земле и уползли. Скрылись в высокой траве.

— Ну, и они нас увидели, Скаल्प. Теблор поднял голову. Ах, он молод. И без оружия. Что за странная банда.

Должно было пройти немало времени, прежде чем они смогут поговорить. Хотя бы Жекки прекратили браниться меж собой. На время.

Копье на левом плече и Скаल्प сбоку, справа, Делас Фана ожидала их.

— Кем бы она ни была, — сказал Дамиск, — она не из сунидов.

Говер хмыкнул. — Тебе есть дело, Следопыт? Думаешь, другим кланам Теблоров неведомо твое имя?

Нилгхан кивнул — редкий миг согласия. — Слабый и жалкий владыка Черных Жекков прав. Тебе лучше нас покинуть. Беги как заяц.

Они поднимались по крутому склону высокого и длинного предгорного холма. Хотя на этом, южном склоне росла густая трава, осыпи там и тут делали подъем опасным.

— Сначала увижу, что парня приняли, — сказал Дамиск. — Я это обещал и сдержу слово.

— Спасибо, Дамиск, — отозвался Рент. — Если она будет нелюбезной, я тебя защищу.

Говер тихо выругался. — Предвижу множество осложнений от связи с тобой, Рент. Кажется, при нужде и я заслоню ей путь. Не потому, что люблю тебя, Дамиск. Но Рент держит жизнь мою в своих руках. — Он повернул голову, ухмыляясь Нилгхану. — Понимаешь ли ты эти чувства, ты, тупоголовый бара" ид?

— Понимаю, что ты дышишь лишь благодаря ему, хромой седомордый позор Жекков. Ему и Дамиску, точнее говоря. Буду только рад, если Следопыт убежит. Рент, больше тебе не выпадет шанса ударить меня по голове боевой челюстью — ведь так ты поступил, верно? Но я лишь раню тебя, хотя ты заслужил смерть, напав из засады и украв мою китокость. Ведь, —

тон его стал мягче, — ты лишь щенок, и нужно прощать щенячьи ошибки.

— Я лишь кулаком, — снова объяснил Рент.

— Лживость щенка делает прощение сложным.

Дамиск качал головой, сберегая дыхание. Удивительно, что эти двое еще не загрызли один другого. Он подозревал, что виной лишь слабость Говера, не способного сразить соперника. Нилгхан не жалел усилий, убеждая себя, что Рент обманул его, обзавелся невидимым оружием и застал воина неготовым; но усилия казались напрасными, ведь любой мог видеть нос Жекка, именно костяшками кулака свороченный на одну сторону плоского лица. Синяки почти ушли, но из ноздрей текла кровь, каждый раз, когда он слишком сильно сморкался. Вот как сейчас.

— Окованное копьё в ее руке кажется уридным, — сказал Ренту Дамиск. — Удачный случай. Твой собственный клан.

— Не мой, отца.

Говер вмешался: — Почему вы решили, что уриды ласково примут отроде Карсы? Он бросил их. Толстеет в южном городе. Там вокруг него строят храм, купают его в китовом масле и чешут ему яйца.

Невольно рассмеявшись, Дамиск фыркнул. — Вот что поклонники творят с богом, лорд Говер?

— Южане, — отвечал Говер.

Нилгхан наконец утер нос. — Что владыка знает о южанах? Я один — и, может быть, наш Следопыт — странствовал в южные земли. Я видел великие города, где держат цыплят в многоярусных клетках, где люди покупают глиняные маски и боятся их носить. Видел храмовых жрецов, едящих мух и клещащих к рукам черные перья — но могут ли они летать? Нет, конечно же. Но однажды каждый из них прыгает на смерть с высокой башни. Потом труп волокут на площадь и приколачивают к деревянному кресту, оставляя обглаживать воронам. Но вот чего я не видел, так чесания яиц!

— Уридам придется признать тебя родичем, — сказал Дамиск, пока Жекки ударились в перебранку. — Едва я увижу это, тотчас покину тебя.

Рент кивнул: — Не хочу, чтобы тебе навредили. Ты мой первый и лучший друг. Если Говер привязан ко мне спасением жизни, то и я признаю подобную связь с тобой. Я буду скучать.

— Ты превосходно обходился и без моей помощи, Рент. Думаю, ты мог бы один пройти весь путь. Ты недооцениваешь себя. — Он подошел чуть ближе и понизил голос. — И верь Говеру. Он будет чтить свою клятву.

— Нилгхан еще желает меня убить, — шепнул Рент.

— Тем хуже, что ты не свернул ему шею, как нос. Но Говер этого не допустит.

— Но Нилгхан желает убить Говера сильнее, чем меня.

— А Говер отказывается принять вызов. Жекки странный народ, Рент. Не могу сказать, что дозволено, что запрещено в борьбе за лидерство. Но нечто мешает Нилгхану, и это не слабость Говера.

Сзади Нилгхан возвысил голос: — О чем вы двое шепчетесь? Хотите убить во сне? Влить яд в мою фляжку? Должен предупредить: я заготовил проклятие последнего вздоха! За убийство вы заплатите тысячекратно!

— А пока, — сказал Говер, — мы платим Ренту за то, что он не убил тебя тысячу раз.

— О Владыка Черных Жекков, твой рассудок слабее кроличьего пука. Не понимаю, как

ты стал владыкой нашего народа. Вообразите, владыка, никогда не покидавший племенные земли, не видевший чудес и угроз внешнего мира!

— Теперь я их покинул.

— Тебе не хватает не только рассудка, но и мудрости. Лишь случай растопил стены льда вокруг наших владений. До тех пор я был доволен твоим правлением. Ничего не менялось: мы охотились на саэмдов, они на нас. Лето приходило и уходило. Удивляться ли, что я убежал в большой мир?

— Жаль, что там не остался.

— Я не мог, и знаешь почему? Я увидел своими глазами, как мал наш мир, мир Жекков. О нас уже не знают за пять дней пути! Как будто мы не живем, и наш владыка — ничто, кружит вместе с кроликами, и даже их не может обогнать! Жекки должны слышать истину.

— Услышат, — заверил Говер. — Как им этого избежать? Ты никогда не замолкаешь.

— А ты ничего не делаешь!

— Неужели?

— Да! Ты сам сбежал от своего народа! Вот почему я пошел выследить тебя, убить тебя, вернувшись к Жеккам новым Владыкой!

— И тебе будут бросать вызовы десять раз на дню, Нилгхан. Народ устал от твоей болтовни. Лавина слов хоронит всякий смысл, но тебе не понять. По этой болтовне мы поняли, что юг заразил тебя.

— Я видел, дурак! Цыплят в клетках! Волчьи шкуры до потолков! Алчность южан неизбежна — даже когда умрет последняя вольная тварь, даже тогда они станут убивать. Убивать друг друга!

— Молчи, Нилгхан.

Нечто в тоне владыки заставило Дамиска обернуться, как и Рента.

Говер встал и поднял руки. — Слушай меня, Нилгхан.

— Чего бы мне?

— Ты мало что понимаешь. Хочешь речей от меня? Хорошо. Я готов.

Ухмыляясь, Нилгхан сложил на груди темные руки.

— Я ушел, да, потому что нуждался в истинах, которые ты нашел в странах юга. Да, в мире больше истин, чем понял ты. Я ушел искать Суку-Войну.

Дамиск видел, как широко раскрываются глаза Нилгхана.

Говер продолжал: — Я близко ощутил ее запах — я узнал его, пусть много поколений провели мы в ледяной тюрьме. Пусть очень давно не зрели мы ее появления. Я искал ее и не нашел.

— Почему я не удивляюсь?

Говер пожал плечами. — Земли заполнены Саэмд Имассами. И казалось, все они мечтают меня убить.

— Разумеется, — кивнул Нилгхан. — Все хотят тебя убить. Ты такой.

— Затем я ошибся в суждении.

— Еще бы.

— Сцепившись челюстями с юнцом-Теблором. — Говер оглянулся на Рента. — Пока я впал в целительный сон, Рент нес меня. Пронес мимо логова Суки-Войны. Но ее там уже не было.

— Да, — заметил Дамиск, — она ушла.

Говер вздрогнул и оскалился. — Ты встретил ее и выжил? Сомневаюсь, Следопыт.

Дамиск пожал плечами. — Как угодно. И больше я об этом не буду говорить.

Через миг Говер снова обратил мрачный взгляд на Нилгхана. Глубоко вздохнул. — Не важно. Я снова чую ее запах. Мы идем по ее следу.

— Зачем? — спросил Нилгхан.

— Нашей ледяной тюрьмы больше нет. Мы вырвались. Так воют наши воины день и ночь, или ты совсем оглох?

— Они правильно воют!

— Возможно. Но погоди, Нилгхан. Подумай о нашей ледяной тюрьме. Погляди с иной точки зрения. Не тюрьма, а убежище.

Брови Нилгхана сошлись, кровь снова полилась из ноздрей, густо блестя на усах и бороде. Он открыл рот, но тут же закрыл его.

Говер кивнул. — Итак, воин. Наконец-то.

— Они найдут нас.

— Если мы ничего не сделаем. Если останемся там, где есть — но мы с тобой знаем, этот выбор уже невозможен. Я осознал, Нилгхан, слишком много истин.

— Если ты видишь верно, Владыка, почему не собрал кланы Черных Жекков? Почему не взял Черный Клинок? Ты должен уже вести нас в южные земли! Убить их, пока они не убили нас!

— Нас поведет Сука-Война.

— Она — миф, — оскалился Нилгхан. — Тут нет ее запаха. А теперь даже Дамиск поддерживает твои враки!

— Она будет нам нужна. Но даже ее недостаточно, верно? Нилгхан, ты странствовал по югу и это знаешь. Верно?

— Разумеется, — бросил Нилгхан. — Я мечтаю не о победе, глупец, но о резне, за которую Жекков не забудут и через тысячу лет!

Говер усмехался, и оскал его зубов заставил Дамиска дрогнуть. — Ну, Нилгхан, — сказал вождь, — где мы оказались? Ты и я?

— Слишком далеко на запад!

— Слишком далеко? Или почти на месте?

— То есть?

— Сука-Война всё отлично поняла. Она ищет то же, что и я. Союзников.

В последовавшей тишине Дамиск приблизился к Ренту. — Друг мой, — шепнул он, не переставая карабкаться, — если смогу, я оставлю тебя прямо сейчас. Я наконец понял смысл происходящего. Мой народ нужно предупредить.

Хмурый Рент поглядел вверх. Он наконец различил лицо Теблоры. Гигантский пес рядом, должно быть, был теблорской породы — он помнил огромную шкуру в таверне. Ни пес, ни женщина не шевелились, всё это время следили за ними. Терпеливо ждали. Рента вдруг пронизал страх.

— Дамиск, еще десяток шагов повредит твоим намерениям? — Он видел нерешительность на осунувшемся лице.

Через миг Дамиск кивнул: — Хорошо. Еще десять шагов вверх, чтобы обменяться словами.

— Если она приготовил копьё, — сказал Рент, — беги вниз, я же стану между ней и тобой и буду держаться как можно дольше.

— Ах, друг, если она поднимет копьё, не шевелись. Она отвлечет тебя, а за мной

помчится боевой пес. С ним тебе не совладать. Считай себя мертвым заранее, Рент.

— Я защищу тебя, как и Говер. Он обещал!

Вздыхая, Дамиск ответил: — Десять шагов вверх, друг. Начнем?

Делас Фана подождала, пока они не окажутся близко. Подняла руку.

— Достаточно, — сказала она по-натийски. — Кто среди вас главный? Кто будет говорить за всех? Это земли Сюнида. Земли Теблоров.

— Я Нилгхан...

— Так и есть, — вмешался второй Жекк. — Но говорит он лишь за себя. Я говорю за Черных Жекков, ибо я Владыка Говер, обладатель Черного Клинка и повелитель свор. Назовись сама.

Делас Фана вздохнула. — Ты странствуешь далеко владыка Говер. Похоже, барьеры льда не смогли сдержать твой род в положенном месте. Торговцы — саэмды часто рассказывают о вас, и ни один рассказ не радует слух.

— Саэмды! — взревел назвавшийся Нилгханом, и кровь брызнула из носа. Выругавшись, он сплюнул, и сплюнул снова. — Железный молот вознесся в ночи, застав меня сонным! Берегись измены в своих рядах, женщина из уридов. Даже владыка Говер стоит на тонком льду, растопырив ноги. Он говорит о Суке-Войне.

— Не знаю никаких сук войны, — вздернула плечи Делас. Взгляд скользнул к юноше с ножом на поясе. — Ты, Теблор. Полукровка. Ты раб из сюнидов? Предатель — следопыт?

— Я Рент, — ответил тот. — От Серебряного озера. Рожден там, но не был рабом. И мало что знаю о следах.

У нее оставались вопросы. Даже отсюда она видела страх в его глазах. Возможно, он не может говорить откровенно? Она поглядела на южанина. — Насчет тебя решение не принято. Ты слишком стар, чтобы быть дураком. Значит, устал от жизни и решил с ней покончить. Ведь ты не уйдешь отсюда живым.

Рент встал между ней и южанином. — Ему не будет причинено вреда. Он спас мне жизнь и привел сюда. Вернул к моему народу.

— Твои желания ничего не значат. Как и мои, если честно. Он мертв с момента, когда ступил на склон.

Рент оглянулся: — Беги, Дамиск. Я...

— Дамиск! — вскричала Делас, и пес рядом вдруг вскочил на ноги. — Это имя я знаю. — Она склонила голову набок и крикнула: — Это Дамиск!

Как бы эхом ее слов показались новые псы, выбежав из густой травы по бокам — всего восемь — а через миг явились пятеро воинов — Теблоров. Четверо пеших спустились вниз, пятая, на коне, проехала к Делас Фане. За ним следовали еще два пса.

— У нас гости, сестра, — сказала Делас.

— Следили за тобой? — ответила всадница.

— Возможно.

— Глупое решение.

Снизу подал голос владыка Черных Жекков. — Плохо же встречают нашего посланника. Если желаете драки, буду рад упражнению. — Он вытащил из-под кожанки обсидиановый нож и схватился рукой за лезвие. — Я сломаю его в миг атаки, перетекая, и все Жекки поймут, что мы воюем с Теблорами.

Делас Фана отозвалась: — Если ты действительно посланник, владыка Говер, тебе не

причинят вреда. Я Делас Фана из уридов, на коне моя сестра, Тониз Агра. — Она помедлила. — Я пришла с юга, от Лазурного озера, и не знаю о последних здешних делах. Скажу лишь так: Теблоры не повернутся спинами к любой войне, и если ты ее желаешь, начни. И все Жекки пожалеют о твоём решении. Но если ты подлинный посланник, отложи клинок.

Говер колебался.

Второй Жекк грубо засмеялся. — Ну и дилемма ему выпала! Мой владыка хочет Теблоров в союзники. Но поклялся защищать следопыта Дамиска. Почему? По желанию полукровки. Что тебе важнее, о Владыка Черных Жекков? Теблоры в союзниках или во врагах, в ненужной войне?

Рент чуть обернулся, чтобы видеть воина. — Нилгхан, если ты не защищаешь Дамиска, прошу, отойди. Если хочешь неожиданно напасть на Говера, придется тебя убить.

Воздев брови, Делас поглядела на сестру. — Он смельчак, не так ли?

— Заблудший, — прохрипела Тониз.

Делас Фана оглядела всю группу пришельцев. — Твой воин сказал верно, владыка Говер? Ты связан клятвой?

Говер выглядел жалко. — Да, — признался он.

— И как Жекк оценит свои клятвы перед возможностью союза двух народов?

— Сам еще не знаю.

Движение заставило Делас взглянуть на следопыта. Дамиск медленно поднял руки. — Я могу всё разрешить, — начал он. — Рент, тут нет твоей вины. Я освобождаю обоих от стыда и ответственности. У Теблоров есть добрая причина ненавидеть меня, желать мне смерти. — Он на миг замолк. — А у меня есть добрая причина сдаться.

Рент развернулся. — Нет? Ты не можешь!

— Могу и сделаю, Рент. Владыка Говер, скрой клинок. Будь посланником, как и намеревался.

Тониз Агра подала голос: — Следопыт Дамиск, смерть твоя будет медленной и мучительной. Увы, но я не милосердна и не готова резать тебя сразу. Тебя отдадут нашему Воеводе, назвавшему родней и сунидов, и ратидов. Правильно ли это?

Дамиск кивнул: — Правильно.

Полукровка подошел и обнял вздрогнувшего Дамиска. Крепко держа, развернул к Делас и Тониз. — Нет! Ему не навредят!

Делас заметила в речи сестры скрытую насмешку. — Бросишь вызов Воеводе, да? Твой... ножик против кровомеча?

— Так и будет!

— Будет так, — пожала плечами Тониз. И поглядела на сестру. — Делас, едва отродье Грыза выбежало со стоянки, я поняла причину и последовала за ними.

— Длинный путь тебе выпал, сестра.

Тониз улыбнулась. — Не такой долгий, как тебе кажется.

Ренту было холодно, и никакие усилия по преодолению скалистого гребня не могли его согреть. Страх сжал его изнутри, страх за друга Дамиска. Холодная рука то и дело хваталась за нож.

Теблорские псы были больше любых собак, им виденных. Даже Говеровы волки не стали бы им ровней. Зверюги окружили группу, и когда какая-либо приближалась, подним

шерсть и скаля зубы, резкая команда всадниц заставляла их отступить, держа дистанцию.

Четыре из шести Теблоров оказались женщинами, чуть ниже Рента ростом. Мужчины были ему равны. Один тощий, почти высохший, на лице затравленное выражение. Запястья уродовали старые шрамы от кандалов. Второй был едва старше самого Рента, чуть стройнее; он свирепо кривился, едва видел полукровку.

Не такой представлял он первую встречу с сородичами. Мысленно он воображал нечто менее напряженное, почти дружеское. Пусть не объятия и сердечные приветствия — хотя и это было бы славно. Они хотя бы должны были признать в нем своего. Но сейчас любой взгляд выражал презрение или открытую вражду. Таких лиц и выражений он навидался в Серебряном Озере.

Это чувство — будто ничего не изменилось — грозило затопить его отчаянием. Похоже, Дамиск зря рисковал жизнью, ведя его к Теблорам, и зря Рент пытался найти путь к родне. Он заподозрил, что удивляться нечему. Даже в Серебряном Озере не все ладили, хотя были людьми. Он был глуп, надеясь найти новую семью. Ведь семьи — это удел других.

А теперь он может убить их воеводу ради жизни Дамиска. Тогда его возненавидят.

И пусть. Им с Дамиском нужно уходить. Они оставят идею, будто Ренту нужно жить в обществе. Они найдут долину, куда никто не ходит, построят дом; пролетят годы, Дамиск постареет и Рент будет о нем заботиться, как сын о дряхлом отце.

Рука лежала на кинжале, и рукоять стала теплой — почти горячей, хотя рука была ледяной. Он решил, что дух клинка близок, и мысленно заговорил с ним.

"Скоро ты вкусишь крови. Мне придется убить одного, спасая другого. Похоже, так теперь всё устроено. В мире люди сражаются друг с другом. О, и прежде были сражения. Когда освободились рабы. Но я их не видел. Почти всегда жил в мире. Кроме камней.

Лес страшил меня. Как и тундра. Думаю, я боялся каждый миг после попадания в озеро. Не тем страхом, от которого пес поджигает хвост. Это страх более глубокий.

Похоже, здесь народ не заботится о других. Здесь смотрят, кто сильнее и кто хитрее. Кто повелевает и кто кланяется. Вот что пытался сказать мне Дамиск, с мудростью старика, с мудростью отца. Такой мудрости не обучал меня родной отец.

И я нашел Дамиска. И Говера. Но эти Теблоры хотят убить Дамиска, а Говер должен говорить за свой народ. И Нилгхан... не понимаю я Нилгхана. Думаю, в нем слишком много слов. Но он мне всё же нравится, хотя я его не понимаю.

Так чего я боюсь? Думаю, теперь я понял, потому что это было со мной всегда.

Одиночество — вот чего я боюсь".

Схваченная рукоять ножа почти обжигала руку. Он гадал, что это значит. Возможно, подумал он, она говорит: пока я с тобой, ты вовсе не одинок. Разумеется, так бы она и сказала. Что есть оружие, если его не держит рука?

Но она не могла пройти с ним рядом. Никогда. Не могла подарить чувство дружества. Было странно думать, что душа женщины, скованная лезвием ножа, оказалась более приспособлена к этому миру, нежели он.

"Одного не понимаю", сказал он ножу. *"Если я Теблор-полукровка, почему я больше всех здешних?"*

Дамиск шел рядом с Рентом, мысли неслись потоком. Не такого он ожидал. Ни шанса ускользнуть, будто привидение, оставив парня с сородичами. Еще хуже, и сам он стал пленником. Никто не принесет новости людям, никто не скажет им, что северные племена

идут на юг и будет война.

Но эти соображения меркли пред растущим страхом за участь Рента. Этот верзила во многих смыслах оставался ребенком. Воевода его убьет. Будь Рент опытным бойцом на ножах — а откуда ему? — ножом не перебить меча. Простой, неоспоримый факт. "Может, если метнуть..." Но оружие в руке Рента не подходило для точных бросков. Негодный баланс — Дамиск понял это, едва увидев нож. Парень сунул его за пояс справа, но сжимал рукой, будто какой-то клин для карабканья по льду.

Что хуже, Рент был явно испуган. Он застынет под взглядом воеводы. Представив грядущую сцену, Дамиск ощутил, как прерывается бег сердца. Глубокая боль, горе и презрение к себе.

"А если сбежать сейчас — метнуться между псов?"

Одна команда, и бестии прижмут его к земле. Но не убьют.

Он имел при себе нож для свежевания. Странников не обыскали. Типичная надменность Теблоров. *"Итак, забрать свою жизнь? Это остановит безумие. Спасет Рента"*.

Едва мысль прошелестела в уме, решение было принято. Парень будет потрясен, верно. Душа будет ранена. Своего рода предательство. *"Да, Дамиску под конец не хватило веры в друга. Дамиск решил бросить его, оставить на жалкую участь среди надменных родичей. Полукровка обречен стать вечным парией, изгнанным отовсюду."*

Но лучше так, чем умереть без смысла. Убив его, они убьют и меня. Напрасно потраченная жизнь".

Да и что оставалось от его жизни?

"Ах, Дамиск, ты ведешь речи труса. Не желаешь отнять свою жизнь. Знаешь, что чистой смерть не будет. И она повлечет много новых смертей."

Но все же это лучший выбор. Рент, конечно, не поймет никогда".

Рука чуть двинулась вперед, коснулась рукоятки...

Тяжкая сила ударила сзади, заставив распластаться на земле. Воздух вылетел из груди, но он извернулся и вынул нож.

Звериные клыки сомкнулись на запястье. Хрустнули кости.

Дамиск завопил.

Потом носок сапога ударил его в висок.

Перепуганный Рент всем телом налетел на молодого воина — послав кувыркаться — и схватил пса за толстую кожу шеи, одной рукой, а второй сжал пасть, еще сжимавшую запястье Дамиска.

Внезапный рывок развел челюсти слишком широко, верхняя часть морды отошла от нижней, изувеченное запястье человека выпало. Рент поднял зверя в воздух, изогнул и опустил наземь. Кровь, треск костей, тело было изуродовано до неузнаваемости. Одной рукой Рент отбросил еще дергающегося пса, второй высвободил нож и развернулся навстречу другому зверю.

Нож двинулся сам, перевернувшись в руке; и, словно незримые руки схватили его предплечья, Рент неуклюже сделал выпад.

Нож погрузился в грудь второго пса.

От силы гулкого удара тот словно взорвался, ребра пробили мышцы и шкуру, желудок и легкие испустили фонтан багрового сока.

Устрашенный Рент широко раскрыл глаза. Однако нож не унимался. Он слышал и

ощущал хлопки тяжелых крыл — темные силуэты бились по сторонам, словно переползали на плечи — понял, что взлетел, пока рука с ножом не потянула вбок, заставив сесть на корточки перед первым воином. Тот успел встать и напирал, выбрасывая обеими руками копьё...

Лезвие непостижимо быстро замелькало, расщепляя древко.

Рент мельком понял, что уже стоит рядом с воином, взгляды встретились. Нож успел сделать свое дело, кровь хлынула на правую руку. В глазах воина было лишь блеклое недоумение. Затем тень смерти заволокла их, голову повело назад, за ней тело, освобождая лезвие ножа.

Всхлипнув, Рент отступил, шатаясь — шаг, второй, снова оказавшись у недвижимого тела Дамиска.

Внезапные промельки, и звери сомкнулись вокруг — но не псы Теблоров. Волки, дюжина, они рычали и щелкали зубами, создавая кольцо.

— Стойте!

Приказ прозвучал из уст Тониз Агры, сумевшей успокоить взбунтовавшегося жеребца. Теблорские псы, уже окружившие волков на расстояние выдоха, быстро отошли.

Второй Теблор подбежал к телу спутника и оттащил его. — Мертв, Тониз! Галамбар мертв, выпотрошен словно лось!

— Все стойте! — крикнула Тониз. Ее глаза, широко открытые в ужасе, следили за Рентом. — Убьешь нас всех, демон?

— Дамиск будет жить! Я обещал!

Сестра Тениз заговорила дрожащим голосом: — Полукровка, твой друг хотел перерезать себе горло. Мы знали, такое возможно. Ты связан верностью — все вы, даже Нилгхан. Видишь, как они тебя защищают? Но Дамиск хотел уйти как трус. Боясь обещанных мук...

— Я сказал, что буду драться с воеводой...

Делас Фана нахмурилась, тон стал тверже. — Колдовство не входило в сделку. Как и кровь демона, что таится в тебе. Таких помощников не берут на поединки.

— Во мне нет крови демонов. — Теперь дрожал Рент. — Я лишь побочный сын Карсы Орлонга и женщины с юга. Если во мне есть демон, его звать Кровавое Масло.

В последовавшей тишине нечто, казалось, ушло прочь. Делас Фана прищурилась, видя, что псы — отродье Грыза отвернулись, потеряв интерес к угрозе полукровки и Д'айверсов. Ее сестра спешила и подошла туда, где Велок ссутулился над трупом Галамбара — сюнид, оплакивающий мертвого ратида. Две женщины — обе ратиды — были готовы к бою, копья на весу, полные злобы глаза устремлены на Рента.

Тониз Агра мало рассказывала о великих переменах, которые явно сошли на Теблоров. Делас давно не была среди своих. Вопросы так и висели в ее уме. Уриды, ратиды и суниды странствуют вместе. Псы разных кланов не дерут друг дружке глотки. А сестра называет Элейда Тароса воеводой.

Тониз Агра явно хотела, чтобы откровения обрушились лавиной, в лагере, что ждал впереди — похоже, там, где хребет холмов пересекали два более высоких горных отрога. Сестра любила такие игры: копить секреты, терзать Делас пустыми отговорками и лукавыми ухмылочками превосходства.

Что ж, за это пришлось заплатить. Делас Фана стояла достаточно близко, чтобы защитить Галамбара, косым выпадом отклонить нож Рента. Могла даже спасти его, обезоружив полукровку.

Но Делас не считала себя ничем обязанной ратида. Даже сейчас она ощущала лишь легкое недоумение, видя, как Тониз и Велок готовят тело к похоронам.

Подняв глаза, Тониз бросила: — Следи за ними, сестрица. Наши псы ведут себя странно.

— Доказательство его слов, — отозвалась Делас. — Узнали запах отца.

Тониз поморщилась, мельком глянув на полукровку, охранявшего беспомощного Дамиска. — Позже, — буркнула она. — Надо похоронить родича.

— Родича?

Велок развернулся к Делас. — Галамбар разрубил мои цепи! Его рука меня освободила!

— Не оспариваю твоего горя, сюнид. К чему бы? К тому же вы всегда были самыми слабыми. Если не дети юга, вас могли бы поработить мы, уриды. Не в этом ли дело, сестра? Уриды склонились пред ратидами и сюнидами?

Взгляд Тониз был спокоен. — Воевода...

— Элейд Тарос, — оборвала ее Делас, кривя губы. — Ты призвала ратида вести нас, Тониз Агра? Может быть, ты приняла его приношения и стала ему женой, женщиной ратидов?

— Воевода Элейд Тарос ведет нас всех, сестра. Все кланы Теблоров. Даже ланидов и фалидов. Я остаюсь уриди. Элейд Тарос мне не супруг. Он мой Воевода.

— Наш отец — вот единственный воевода, нужный Теблорам.

— Почему он не рядом с тобой, Делас?

— Не время это обсуждать.

— Да, ты права. Не время.

Делас Фана оглянулась на полукровку. Жекки обратились в двуногую форму. Оба выглядели весьма жалко. Она со вздохом сказала: — Похорони его, сестра. Я буду на страже.

— Как усторожила Галамбара? — сказала ратида, ощерившись.

Вторая добавила: — На нее нельзя положиться, Сивит Гила.

— Нет, — улыбнулась Делас. — Я не такова.

Тониз и Велок втиснули кишки Галамбара обратно в распоротый живот и уложили в позу эмбриона, лицом к востоку. Сложили ладони на лице, еще сохранившим выражение удивления. Двух мертвых псов — из родной деревни ратида — подтащили ближе, так, что один лег у головы Галамбара, второй в ногах. Затем Велок сам пошел искать камни для погребальной пирамидки, отказавшись от помощи Тониз.

Вскоре одна из ратида пустила копье и пошла ему помогать. Они выложили булыжники вокруг тел, а Тониз продолжала трудиться над трупом, снимая вышивки с одежды, собирая украшения, нож и пояс. Расщепленное копье вложила ему в руки, длинным железным острием на север.

Затем Тониз Агра вернулась к коню, сняла седло и начала вытирать животное.

Крупные камни клали в основание насыпи, чтобы была прочнее; затем внутрь стали класть булыжники поменьше. Ближайшая россыпь была в сотне шагов, где ледник сложил камни настоящим валом. Остальные женщины присоединились к Велоку и ратида. И все же им было не закончить работу до заката.

Дамиск не приходил в себя. Рент сел рядом, легко касаясь груди рукой — грудь ритмично поднималась и опускалась. Покрасневшие глаза Рента следили, как тени ползут по гребню. Говер связал разбитое запястье Дамиска, накинул сверху мех, сделал подушку из

одеяла. Затем чуть отошел и присел на корточки, смотря, как Теблоры складывают курган.

Нилгхан ходил взад и вперед, что-то бурча. Наконец сел рядом с Говером. — Ты подвел, — начал он, — подвел Черных Жекков. Предпочел полукровку своему народу. Твое правление окончено. Теперь я владыка Черных Жекков.

Говер хмыкнул, весьма кисло усмехнувшись. — Если подвел я, то и ты тоже.

Плечи Нилгхана опустились. — Я был зачарован. Единственное объяснение. На черных крыльях яростное буйство вселилось в тело мое, заполнило печени, сердца и легкие. Чуждое. Я был пойман неготовым. Такое не повторится.

— Чуждое? Не спорю, оно совершенно чуждо твоей душе...

— О чем ты? — зарычал Нилгхан.

— Это "чуждое", Нилгхан. Это не колдовство, но *верность*, понятие, которого ты не знаешь.

— Я должен быть верным демону-полукровке, едва не сломавшему мне шею?

— Кажется, так.

Нилгхан зарычал и замолк.

Говер поглядел на Рента. — Может никогда не очнуться, — сказал он. — Будь готов.

Рент качнул головой. — Он лишь спит, владыка.

— Сон может стать вечным.

— Я буду его защищать.

Говер оскалился. — Это мы видели, друг. Твой нож обитаем.

— Знаю.

Подняв брови, Говер метнул взгляд Нилгхану. Взгляды встретились. Нилгхан рыкнул.

— Он всегда таким был? — сказал Говер.

— Нет, владыка. Его подарили мне в Серебряном Озере, в детстве. Малазанин подарил.

— Аренская сталь, — заметил Нилгхан. — Видел я такие клинки в великих логовах южан. Весьма редкие и дорогие. Когда Рент умрет, нож мой.

Не обращая на него внимания, Говер чесал в бороде, созерцая юнца. — Им ты убил одного из меня.

Рент кивнул: — В череп, да. Но клинок глубоко вошел в камень внизу.

Нилгхан фыркнул: — Даже аренская сталь не...

— Так и было, — заверил Говер. — Сам видел. Тот звук все еще отдается в черепе.

— Тогда он не был обитаем. Он пришла потом.

— Она?

— Подруга, что ныне обитает в ноже.

— Она крылата?

— В прежней форме — да.

— Та прежняя форма... две ноги, четыре?

Рент наморщил лоб. — Она стояла вертикально, владыка Говер. Выше меня самого, но очень тощая. Глаза были как змеиные. Крылья как у летучей мыши. Я почувал... — Брови сошлись.

— Что почувал?

— Она... вела одинокую жизнь. Кровь была на ее руках. — Он хмурился сильнее. — Я почти услышал... отголосок истины. — Он глянул на Говера. — Кровь матрон.

— Матрон? — спросил Нилгхан. — Она убивала матерей? К чему, если они уже матери? Видел я, как плодятся южане! Нужно убивать жен, прежде чем они станут

матерями, иначе зачем?

Раздраженный болтовней Нилгхана, Говер пренебрежительно махнул рукой. — Молчать умеешь? Рент говорит не об Элайнте, пусть и крылья. Он говорит об *ассасине*.

— Ба! Это же пустые рассказы, брат.

Голова Рента вскинулась. — Брат?!

Нилгхан весь скривился. — Ага. Это было не заметно?

Вздыхнув, Говер дополнил: — Жаль, что я ребенком не задушил тебя в постели.

Нилгхан фыркнул. — Уже тогда боялся меня.

— Тебя? Нет. Я боялся матери.

Брови дернулись. — Мать. Да, она поистине страшна.

Говер смотрел на Рента. — Убийца, крылатый с глазами змеи. Убийца матрон. Вселившийся в твой нож, Рент, это К'чайн Че'малле, Ассасин Ши'гел.

— Она не помнит, что была... такой. И я не узнаю имен, тобой названных. Она обитает в ином месте, что лежит поверх видимого нам мира. Но мой нож пришил ее к земле... к камню. Пленил в нашем мире, и лишь в нож смогла она уйти.

Нилгхан сказал: — Они не дадут тебе пользоваться ей. И ножом. Тебе дадут копье или меч, и воевода тебя убьет. А потом убьет Дамиска, если он уже не умер. Затем я брошу вызов брату, сразу его и стану Владыкой Черных Жекков. И заключу союз с Теблорами. — Он дико расхохотался, хлопая по бедру. — И вот затем будет славная резня!

Взгляд Рента был тусклым и жутко пустым. — Если таково твое обещание, Нилгхан, придется убить тебя прежде, чем я убью воеводу. Против тебя я использую нож.

Глаза Нилгхана расширились. — Нечестно!

— А убивать ослабшего брата честно?

Говер фыркнул. — Одни слова, Рент, как и всегда. В логове не было дня, чтобы я не слышал претензий Нилгхана на власть. Но он боится того, чего требует. Да, он умнее, чем кажется.

Нилгхан вдруг вскочил — движение заставило встать и оставшихся псов. Вокруг слышалось низкое рычание. Сверкая глазами, Нилгхан уперся руками в бока. — Ну, быть тому именно так? Воин Жекков мочится на траву, и собаки дрожат от ужаса? Ха! Смотрите, я бросаю им вызов! — Он отошел.

Теблорские псы попятились и тут же улеглись в высокую траву.

Пришла темнота, но со стороны могильника слышался стук и лязг камней. Говер различал сестер, стоявших у коня, на котором одна приехала и которого вторая, похоже, желала взять себе. Они разговаривали тихо. Оборотившись, он мог бы услышать каждое слово, но не таким, не в этой форме.

Он думал, что погибнет, защищая Рента и Дамиска. Силы его уменьшились, решимость ослабла. Он сидел на корточках, усталый и опечаленный. Если Дамиск и выживет, придется отнять руку до локтя. Отрезать конечность, пока гниль не пошла вверх. Удар в голову тоже был свирепым — хотя не было признаков перелома позвонков. Однако пошевелить Дамиску голову, возможно, означало причинить еще больший вред. Хотя он готов был сделать это, избавив его от грядущих страданий.

Дневное тепло быстро ушло на таких высотах. Звезды горели над головой, будто костры великой армии.

"Ассасин Ши'гел. Старые легенды, древние титулы и имена — неужели ничто не пропадает? Странно думать, что полурбенок-полукровка может сразить Элайнта.

Ножом. Ведь говорят, что Ассасины Ши'гел делали именно это, убивали драконов.

Но воевода Теблоров быстро окончит жизнь парня, оборвет веревки, коими душа крепилась к телу. И — какая удача — приберет себе опаснейшее оружие".

— Рент.

— Да, владыка?

— Душа в клинке — она знает верность? Ей не всё равно, кто ее хозяин?

— Не знаю. Мы говорили. Она казалась хорошей.

Говер поморщился. И сказал не без колебаний: — Если ты погибнешь, твой убийца присвоит нож.

— Если я погибну, мне будет всё равно, кому отойдет нож.

— А если бы ты мог выбирать?

— Дамиску. Но моя смерть будет смертью и для него. Тогда тебе, Говер. — Рент отыскал взглядом глаза оборотня. Тон его стал тоном взрослого, даже каким-то свинцовым. — Ты хочешь, владыка? Отдать его тебе в руки? Об этом ты хотел просить?

— Не для меня. Для Суки-Войны.

Бледное лицо Рента осунулось. — Не знаю этой Суки.

— От крови Тогга и Фандерай, великих небесных волков моего народа. Наверное, мать всех Жекков. Первая из Д'айверсов, или одна из первых. Начала вещей быстро теряются во времени. Подробности сглажены, лишь сказки рассказываются и пересказываются. Мало кто среди нас верит в нее. Но ее запах плывет по ветру. Поет в моей крови.

— Зачем ей нож?

— Чтобы не попал в руки Теблоров, — сказал Говер.

— Но они станут вам союзниками.

— Их лагерь, Рент, куда мы попадем завтра. Там смешанные запахи.

Рент снова поглядел на него. — Как это?

Вздыхнув, Говер отвел взгляд, видя вокруг лишь темноту. Однако он продолжал смотреть, пока сквозь мрак не заметил первые промельки пламени. Кивнул, не удивленный. — Саэмды. Похоже, Теблоры уже нашли союзников.

Рент молчал дюжину ударов сердца. Затем сказал: — Но Сука-Война с ними?

— Нет. Однако она близко. Думаю, Рент, она ждет лишь меня. Меня с Черным Клинком.

— И нож понадобится ей... против саэмдов?

— Гадающих по костям. Боюсь, что да.

— Если воевода Теблоров настоящий вождь, Говер, он настаит, чтобы Жекки и саэмды подружились. Стали союзниками.

Говер хмыкнул. — Если он способен на такое, Рент, он способен на всё.

Вернулся Нилгхан. — Они закончили дурацкую кучу. Ложатся спать, если ты согласишься. Не будет ни костра, ни тризны. Теблоры, брат, сущие варвары.

*Такое мастерство я видел
Раньше
Всё уже кисть
Небрежнее мазки
Рисунок горечью разит
Безмолвной грязью
Заляпаны чуть видные
Значки
Обид
Досадно скуден список
Колет душу боль
Бичует злоба
Кисть все уже, уже
Словно не достало
В дерьмо встать на колени
Рвать последние обноски
Упасть лицом вперед
И в рот набрать
И сплюнуть
Возвышенным страстям в поганые их
Морды
Такое мастерство я видел раньше
Предательство себя*

"Такое мастерство я видел раньше", Ормулоган

Двое воинов-ратидов встали по бокам Велока, лицом к пирамидке; они гортанно завели "Девять Шатров Мертвого", песнь на языке даже не Теблоров, но Тартено-Тоблакаев, слова, пришедшие из прошлого столь далекого, что оборвались нити смысла.

Делас Фана познала больше других, собрала полчище обрывочных небылиц вперемешку с истинами, прочитала древние тома, всегда написанные рукой человека или, скажем, Джагута. Тоблакаи, далекие предки Теблоров, были безграмотными — это признавали все. Их история плелась памятью и голосом, в поэмах, песнях и ноющих ритмах горлового пения — и говорили, будто даже эта манера пения была лишь заимствована у Имассов.

Она усердно училась, живя в Даруджистане — жажда, которую не разделяла сестрица. Теперь она знала, что ее сородичей можно найти в разных частях света, под разными именами. Тартено. Фенны. Тоблакаи. Теломены. Тел Акаи. Аракианы. Но мало какое изолированное племя помнило о далекой родне. Они рассыпались — возможно, по чужой воле; они жалкими беженцами прятались в уединенных местах.

Похоже, единственно общим у этих неведомых племен было почитание каменных ликов рождения и смерти. Крики родов и крики горя вторили поколениям, первоначальный язык

становился бессловесными звуками.

Она провела рядом с отцом несколько лет. Храмы и библиотеки Даруджистана оказались единственным полезным вкладом в ее жизнь этого периода. Ну, и еще дружба с Семар Дев, которая была любовницей Карсы Орлонга — или не была.

Пока голоса отзывались эхом в ночном воздухе, Делас Фана следила, как сестра стреножит коня и отходит, чтобы разложить постель. Вскоре Делас подошла к сестре. Показались Скалып, Мускус и Ломоть, улеглись, предлагая им согреться теплом тел.

Тониз Агра подняла руку. — Слушай! Душа Галамбара входит в первый шатер, только чтобы найти внутри еще один...

Делас Фана оборвала ее: — Неверный перевод, сестра. Нет девяти шатров мертвого. Есть девять кож смерти. Каждая должна сгнить в свой черед, дабы душа освободилась от земной сути. Тартено имели привычку сдирать кожу с врагов и дубить эту кожу, тем приковав убитого к земной юдоли. Их воины нарезали кожи на полоски и носили на себе, тем заставляя сраженных следовать по их тропе даже в смерти. Вот почему говорят, будто боевой клич сотни Тоблакаев звучал как изданный тысячью глоток.

Глаза Тониз блестели, холодные, как звезды над головами. — Таков твой дар, Делас? Разоблачать наши традиции во имя... чего?

— Ну, как насчет такого слова: истина?

— И зачем эта твоя истина?

Делас Фана скрестила ноги, сев в траву. Туже натянула меховую накидку на плечи. — Теблоры воображают, будто живут одни. Похоже, мы верили в это много, много поколений. Мы были окружены детьми, их странные обычаи были не нашими. Когда пришли Каменные Лица со своими обманами, мы отбросили прежние верования. Это было ошибкой.

Тониз Агра коротко фыркнула. — Твоя "истина" желает того же. Желает оторвать нас от традиций и верований, переживших лживых самозванцев...

— Вовсе нет, сестра. Моя истина, как ты называешь? Она вовсе не моя. Она наша. Теблоры никогда не были одни. Мы даже не уникальны. Разве не важно понять, что определившие нас обычаи таковы же у всех далеких племен, которых мы даже не встречали?

— Это лишено смысла.

Делас Фана отвела взгляд. Ратиды и суниды ходили вокруг могильника. Их шаги сопровождало бормотание спутанных слов. — Если воин-Теломен явится к нам, мы увидим в нем врага. Если Фенн встретит Тартено, они станут биться. Вот как уриды бьются с ратидами или фалидами...

— Уже нет. Ты слишком долго была вдали. Наш мир изменился. Мы, наконец, едины.

— Это меня удивляет, сестра. Наш отец известен не как Теблор. Его прозвали Тоблакаем.

— Знаю, — буркнула Тониз.

— В глазах детей мы одинаковы. Однако мы противимся, держимся за родовые имена и различия, будто в них много смысла. А им все равно. Это ли послание твоему новому воеводе?

— Ты способна изменить мир в один день? Он делает, что может.

Делас Фана замолкла. Вскоре она вздохнула и пожала плечами, хотя сестра вряд ли различила этот жест. — Во мне нет верности чужому клану, но я ищу единого для Тартено и Тоблакаев, для Феннов Квон Тали и Аракианов с Геностеля. Я не слепа к противоречиям.

— А кажется.

— Нет, трудности здесь весьма велики. Сестра, одно мое сердце хранит одну истину, другое — другую. Даже родство не обещает верности. Мы рождены в Уриде, взяли это имя, потому что были трофеями войны. Удивляться ли, что мы разделены изнутри?

— Я уже не разделена, — возразила Тониз Агра.

— Поистине, — мурлыкнула Делас. — И готова отдать жизнь сводного брата в руки воеводы-ратида.

Делас Фана услышала прерванный вздох, потом тихий сердитый свист. Значит, эти несвязные по видимости размышления и признания не подвели сестру к краю ожидавшей их пропасти. Пока Тониз молчаливо сражалась сама с собой, Делас Фана продолжала: — В его лице так много от отца, мне стыдно, что я не сразу поняла истину. Масса его тела, ширина плеч — кажется, мать не дала ему ничего...

— Ну нет, — горько уронила Тониз Агра. — Глаза от нее. Это не глаза Карсы. В них ничего от Карсы. Слишком маленькие, слишком слабые, слишком...

— Ранимые?

Дикий взмах руки Тониз был смутным движением во мраке. — Слаб как щенок. У него глаза ребенка.

— Похоже, воспитала его мать. Южанка, сдавшаяся безумию кровавого масла. Подумай об этом, сестра, если решишься взглянуть в лицо ужасу.

— Хочешь склонить мои сердца на его сторону?

— С той поры, как он назвался перед нами, не могу не думать о его рождении, детстве, его бедной матери.

— Южане слабы. Должно быть, она насильовала его каждую ночь, хотя петушок еще не умел взлетать. Разочарованная, она лупила его. И петушок ожил. Он успел зачать себе братиков и сестричек? А южанам было всё равно?

— Ах, — тихо ответила Делас Фана, — ты тоже успела подумать.

Тониз Агра как будто задрожала, затем прошипела натянутым тоном: — Я буду выть пред Колесом Ночи, Делас, если нужно. Но я отдам его Элейду Таросу. Есть ли выбор? Он сохранит следопыту жизнь, хотя следопыт заслужил тысячу смертей. Что нам делать?

Делас Фана потеряла лицо. Холод ночи сделал его бесчувственным. — В нем есть еще кое-что от отца. Погляди на тех, кто с ним. Заслужить такую преданность — это поистине грозный дар.

— И что?

— Наделен ли Элейд Тарос таким же даром?

— Да, по-своему. Есть тайна, сестра, которую ты вскоре узнаешь. Истина, если хочешь, что в один день изменит твой мир.

— Не важно, — бросила Делас Фана. — Мы ничем не отличаемся от тех Жекков. Впереди гибельный выбор. Как будешь ты жить с кровью сводного брата на руках?

— Не на моих руках! Элейд Тарос...

Презрев эти жалкие оправдания, Делас Фана напирала: — А что насчет верности которой требует твой новый вождь? Переживет она убийство беспомощного щенка, родного тебе по крови?

— Сестра, то крылатое привидение, что это было?

— Не знаю, — призналась Делас Фана. — Скажу лишь, что бастард бога получил отцовский талант находить союзников. Ответь, все ли уриды пошли за воеводой?

— Да, все. Даже вдова Дейлис.

— Это... впечатляет.

Тониз Агра снова зашипела. — Элейд Тарос встал в тени Карсы.

— О? Ну, он может провозглашать себя хоть самым Солнцем, ведь наш отец ничего не предпринимает. Но стоит этому измениться...

— Ты не понимаешь, сестра. Не важно, что отец ничего не делает. Не важно, что он остается в Даруджистане. Вскоре Элейд Тарос явится к нему. И все мы.

Делас Фана была ошеломлена. — Что за безумие?

— Безумие мира, сестра, равнодушно к нашим чувствам. Я не говорила о тайне? Мы вторгнемся в земли южан. Увидим эти земли в огне. И не остановим похода, пока не окажемся у стен Даруджистана. — Тониз Агра сплюнула наземь. — Отец подвел свой народ. Элейд Тарос уже отнял у него власть.

— Элейд Тарос не бог.

— Как и Карса Орлонг! Какой же он бог, если ничего не делает? Если отвергает величание и всякую ответственность, с ним связанную?

— Он поклялся вернуться к Теблорам...

— И нарушил клятву.

Делас Фана молчала. Сестра была права, она огласила звуки ее внутренней битвы, осады, в которой сомнения убивали гаснущую, слабую веру. Прошло время, прежде чем она сказала: — Возможно, новости заставят отца пошевелиться.

— Не убегай от нас снова, сестра. Он узнает иным путем.

— Не убегу. Не смогу, потому что здесь его бастард, и он не знает, что мы ему сестры.

— А если бы знал?

— Ты ведешь его к Элейду, на поединок и верную гибель. Если он узнает в тебе сводную сестру... ну, подозреваю, вся его короткая жизнь была полна измен, так что твое бесчестие его мало удивит.

— Лишь мое? Ну нет.

— Боюсь, лишь твое, — отозвалась Делас Фана. — Ибо я брошу вызов первой. Ради защиты жизни Рента. Защиты? Нет, ради извинений.

— Ты не можешь извиняться за то, о чем ничего не знала...

— Теперь знаю, Тониз. Поздние извинения лучше, чем никакие. Лучше, чем предательство.

— Не будь ты мне сестрой, Делас Фана, убила бы тебя за оскорбление чести.

— Оскорбление? Я лишь высказала истину, Тониз Агра. Ты сделала выбор. Ты отдала сводного брата Элейду Таросу. Делая так, ты не знала, что он родня. Но теперь знаешь, однако обещание, высказанное в облаке незнания, еще обязывает тебя. Вот, сестра, твой выбор.

— Элейд Тарос тебя убьет.

— А потом твоего сводного брата. Двое родичей падут от руки Элейда. Чем ответишь ты?

— Невозможно!

Делас Фана подобрала постель. — Скальп, ко мне! — приказала она. Пес встал. Она повернулась к сестре. — Разбирайся.

С псом у ноги пошла искать более подходящее место для ночлега.

Рент проснулся на боку, он свернулся от холода, но спину кто-то грел. Сонно моргая, он

лениво сел и понял, что к нему прижался один из псов. Зверь чуть дергался — может, видел сны. Он поглядел на Дамиска, неподвижного под мехами. Вскоре Рент понял, что грудь мужчины ровно поднимается и опускается.

— Что с тобой такое? — спросил Говер, сидевший на корточках в нескольких шагах.

Рент задумался. — Со мной ничего такого, владыка.

— Убил двух псов, но третий отдает тебе тепло? Нет, Рент, в тебе что-то есть. Твой отец — бог. Это должно что-то значить.

— Может, он сам хотел согреться.

— А ты теплый?

— Нет. — Рент протер глаза и встал. Воины-Теблоры снимались со стоянки. Он увидел, как подходит та женщина, Делас Фана, глядя на него. Рент сжал рукоять ножа. Видя его движение, женщина покачала головой.

— От меня тебе нет угрозы, сын Карсы Орлонга, — сказала она.

Рент позволил руке опуститься. — Да, я для воеводы.

— Возможно. — Она встала в нескольких шагах, глянула на Говера. — Кажется, это называется комедией положений? Чем ответишь, владыка Черных Жекков?

— Я обдумал проблему. Дамиск освободил Рента от обязанностей хранить ему жизнь. Но Рент отказывается освобождаться. Он упрям, упрям почти как Жекк.

— Ты откажешься от роли посланника? Наверное, ее примет второй.

Гримаса Говера была кислой. — Нилгхан? Принял бы, если бы мог. Увы, кажется, жизнь связала нас воедино. Нилгхан мне брат, по грехам моим. Он может буйствовать, но мы одного помета и верны друг другу. — Он помолчал. — К тому же там саэмды — в лагере, куда мы идем. Смертельные враги Жекков. Это омрачает всё.

— Вижу. — Делас Фана всмотрелась в Жекка, потом поглядела на Рента. — Они заслонят тебя, бастард.

— Не хочу.

— Мне рассказали, что Элейд Тарос могучий воин, но тут скрыто большее. Он единственный выжил после набега на стоянку ратидов. Остальных истребил твой отец. Ненависть должна пожирать его душу, словно белый огонь.

— Мне будет нелегко его убивать. Никого не хочу убивать.

— Без заколдованного ножа ты никого не убьешь, Рент.

Говер грубо засмеялся. — Твоего воеводу ждет сюрприз. Ох, не гляди на меня так. Я дрался с парнем прежде, чем он нашел нож. Он почти убил меня.

— Может он владеть мечом? Копьем?

— Если воевода готов к рукопашной, Теблора, я поставил бы на Рента.

Тониз Агра неслышно подошла к сестре и слышала беседу. Она выглядела утомленной, словно сон не приходил к ней.

Делас Фана повернулась, поднимая брови. — Он даст выбирать оружие, сестра?

— Нет, конечно же, — сказала Тониз тоном, пылающим от непонятных чувств. — Он поцелует острие своего меча, чтобы кровь осталась на губах.

— Тогда это не поединок, — зарычал Говер. — Просто убийство.

— Он может не получить шанса, — сказала Делас Фана.

— Полностью исцелившись, — заметил Говер, — я мог бы его убить. Что до Нилгхана, ну, он может оказаться опасным соперником, особенно если я успею ранить воеводу. Что я и намерен сделать.

Остальные Теблоры собрались вместе, подзывая псов, но один пес остался рядом с Рентом. Зверь сел подле его ног.

— Воеводу ждет поистине суровое испытание. — Щеки Делас Фаны зарумянились. — Кажется, даже Хребет встанет за тебя.

Рент поглядел на животное. — Так его зовут? Хорошее имя.

— Третий от Грыза. Любимого пса твоего отца. — Делас указала па псов, что сидели поблизости. — Брат Скальпу, Мускусу и Ломтю. Они узнали тебя, Рент. Думаю, даже станут за тебя биться. — Она улыбнулась. — Ты явишься пред воеводой Элейдом Таросом во главе маленькой армии или даже собственного рода.

Удивленный Рент озирался, глядя то на Говера, то на Нилгхана, потом на каждого из названных теблорских псов. — Но, — сказал он туповато, — я лишен рода.

Делас Фана смотрела на сестру. Затем ступила вперед, вытаскивая кровомеч.

Говер и Нилгхан зарычали.

Передвинув деревянный клинок так, чтобы он лег в ладони, Делас встретила взгляд Рента, поцеловала лезвие и медленно встала на колено. — Я Делас Фана, дочь Карсы Орлонга. Рожденная насилем. Рент, ты мне сводный брат. Мы родня. Если воевода Элейд Тарос откажется встретиться с тобой без оружия, я брошу вызов первой. — Она не сводила с него глаз. — Отныне и во все дни ты — моя семья.

Тониз Агра зашипела, грубо выругалась и вынула свой клинок, целуя мерцающую грань. Встала на колено. — Я Тониз Агра, дочь Карсы Орлонга. Рожденная насилем. Если сестра падет пред Элейдом Таросом, я брошу ему вызов. Знай также, что есть третья сестра. Твоя сводная сестра. Она ждет нас в лагере. Мы точно твоя родня, Рент. Но есть ли у тебе еще? От матери?

Онемелый Рент потряс головой. Душа его рыдала, хотя он не мог понять, почему.

— Кровяное масло не притянуло ее к тебе?

— Однажды, — прохрипел кто-то сбоку. Дамиск, оперся на работающий локоть, глаза как алые пятна в запавших дырах-орбитах. — Лишь однажды. И она прогнала его.

Делас Фана зашипела. — Значит, это женщина великой смелости. И великой силы воли.

Рент смотрел на нее. *"Моя мать смелая? Сильная?"*

Дамиск сказал, пытаясь говорить громко: — Прими их, Рент. Прими сестер как родных. Как семью.

Но Рент колебался. Он покачал головой: — Не могу. Ведь это значит, что они умрут за меня и тебя. Не могу.

— Упрям как Жекк! — рыкнул Говер, заставив всех вздрогнуть. Он вскочил, сверкая глазами. — Треклятый щенок, делай что сказали! Думаешь, я хочу сегодня умереть? Или Нилгхан? С тремя воительницами между нами и трепаным воеводой нас ждет триумф!

— Нет, — повторил Рент. — Так не должно быть. Никто не защитит меня. Никто не умрет из-за меня! Даже псы.

— Тогда умрет Дамиск, и умрет скверно, — заметил Говер.

Рент тряс головой. — Я одолею воеводу. Но не стану его убивать, если сумею. Вот единственный путь.

Тониз Агра вдруг разразилась смехом. Стояла, вложив меч в ножны, и хохотала. — Ох, он точно сын Карсы Орлонга!

— Но сын, не знающих наших путей. — Делас Фана еще стояла на коленопреклоненно. — Слушай, сводный брат. Отвергая наши клинки, ты отвергаешь нас.

Что решишь, того не изменишь. Мы родня или нет?

— Никто не бьется за меня.

Дамиск встал, шатаясь, с покалеченной руки капала кровь. — Не за тебя они будут биться, Рент. За меня. Ты откажешься от лучшего шанса спасти мне жизнь?

Рент нахмурился. — Никому не дам тебя убить, Дамиск.

— Но твоя гордыня к тому и ведет.

— Думаешь, я не совладаю с воеводой?

— Ты плохо продумал, — утомленно прошептал Дамиск. — Даже если меня пощадят, то не отпустят. Никогда.

— Мы уйдем оба, — настаивал Рент. — Можем сейчас. — Он поглядел на Делас Фану. — Они не остановят нас.

— Остановят, — сказала Говер. — Ни слова южанам. А Дамиск, несомненно, попытается рассказать всё. Если сможет, в чем я начинаю сомневаться. Охотник почти мертв.

Подавал голос Нилгхан: — Я готов сам его добить! Ох щенок, не гляди так грустно. Если я убью его, то из милости.

— Я не против. — Дамиск склонил голову. — Быстрее, Нилгхан.

Двое ратидов тут же встали между следопытом и Жекком, с ними псы.

Нилгхан ощерился. — Видишь, Рент. Теблоры не отпустят следопыта, ни сегодня, ни после, что бы ты ни делал.

— Ох, — вздохнула Тониз. — Вставай, сестрица. Он отверг нас.

— Нет! — закричал Рент, глядя на нее. — Не так! Но я не знаю, что все значит! Что такое сводные сестры? Были другие женщины, как моя мать? Проклятые кровавым маслом отца? И что такое насилие?

— Ах, — почти всхлипнул Говер. — Вот дерьмо.

Потрясение от бесхитростного признания Рента ударило Делас кулаком в грудь. Она не могла говорить. *"Мы такие дуры... сочли его почти мужчиной, а он еще дитя. Ничего не понимает"*. — Рент, прошу, коснись моего клинка.

— Ты станешь биться с воеводой до меня?

Она покачала головой. — Не будет вызова, не будет поединка меж тобой и Элейдом.

— Точно, — согласилась Тониз Агра, лицо искажено, в глазах слезы. — Элейд Тарос благороден. Клянусь.

Смушение на лице Рента усиливалось. — Не понимаю, — произнес он пискливо. — Дамиск...

— Ты не можешь сражаться за него. Ни один Теблор не позволит. Рент, прошу, коснись клинка!

Он протянул руку и коснулся. Тониз Агра ступила вперед, вытаскивая и предлагая свое оружие. — Мы почти одно, Рент. Один отец, разные матери. В обычае Теблоров потребовать ночь с женой и дочерьми того, кого он сразил. Они ложатся с ним, иногда зачиная детей. Поскольку женщины должны или согласиться, или потерять жизнь, это называют насилием...

— Среди южан это зовется изнасилованием, — вставила Делас Фана, поднимаясь. — Среди Теблоров это зовется *правом воина*, мужского пола или женского. Конечно, лишь от мужчины и женщины родится дитя. Так у нас принято.

Рент коснулся клинка Тониз Агры.

— Варвары, — пробурчал Нилгхан.

Рент обернулся к Дамиску, подошел к нему. — Дамиск, что такое? Почему я не буду биться за тебя? Я обещал...

Ослабев, Дамиск снова сел. Повел здоровой рукой. — Рент, помнишь, как малазанский морпех дал тебе нож? Ты рассказывал, что другие дети пытались его забрать, и солдат послал одного кувыряться, крепкой оплеухой?

— Да, но...

— Что, если бы морпех выхватил меч и зарубил мальчишку?

— Он не стал бы...

— Почему?

— Потому что... — Рент нахмурился. — Потому что солдаты так не делают.

— Как и любые разумные люди. Для Теблоров честь — всё. Рент, для твоего народа ты еще не мужчина. Воевода не может с тобой биться потому же, почему морпех не стал — не мог — убивать ребенка.

Рент встретил взгляд Делас Фаны. — Это правда? Меня считают ребенком?

— Потому что ты *ребенок*.

— Мне почти пятнадцать!

Тониз Агра сказала: — У тебя не было Ночи Крови, Рент. До нее в глазах всех Теблоров ты остаешься ребенком. Более того, — обернулась она к ратидам, что отделили Нилгхана от Дамиска, — любой взрослый Теблор должен тебя защищать, к какому бы клану ни относился. Сивит Ги́ла? Торас Вонт? Велок?

Сюнид Велок и обе женщины кивнули.

Тониз снова смотрела на Рента. — Нет для взрослого более торжественного обета, нежели защищать малое дитя.

— Но, — проскрипел Дамиск, — вы и нас зовете детьми.

— Потому что вы мелкие, — бросила Тониз Агра. — Потому что ребенок думает лишь о себе. Потому что каждый из вас живет так, будто добро и зло — не его дело. Потому что вы не знаете удержу, вас пожирает жадность — вы запихнули бы во рты весь мир, если бы могли. Вы подобны Теблору-ребенку, который так и не вырос.

Рент вставил: — Во мне нет ничего такого, отчего же я еще дитя?

Она кивнула ему, напряженно улыбнувшись. — Нет, Рент, ты точно не такой. Но... кажется, тебе пришлось быстро подняться до добродетелей и обязанностей взрослого мужчины. Это сделала не мать, хотя она была сильной. Нет, думаю... — она оглянулась на Говера, Нилгхана и Дамиска, — тебя направляли друзья.

— И если я не веду себя как ребенок...

— Закон, — отрезала Делас Фана, — нерушим. До Ночи Крови ты дитя.

— Дамиск, — сказал Рент, — что будем делать?

— Ты — ничего, — отозвался следопыт. — Это между мной и Теблорами.

— Они убьют тебя!

— Я прожил долго. Не вся моя жизнь была хороша, да я и не притворяюсь. Потому, — сказал он с кривой улыбкой, — всё верно. Иные говорят, что жизнь уже за спиной, словно ответственность имеет срок годности и они от нее уже избавились. — Он покачал головой. — Она настигнет тебя, рано или поздно.

Делас Фана заговорила с одной из воинов-рати́ди. — Сивит Ги́ла?

Высокая женщина подняла глаза.

— Перевяжите раны Дамиска, иначе он истечет кровью прежде, чем мы доберемся до стоянки.

Рент мрачно развернулся к ней. — Я не Теблор, не вашего клана! Это ваш закон, не мой.

— Но ты теперь среди нас. Далее будет так, как решили Теблоры. Наш закон. Наши пути.

Слезы исчертили щеки Рента, руки сжались в кулаки, побелели костяшки пальцев. Он поглядел на Дамиска. — Я убил тебя.

— Нет, — сказал следопыт. — Пойми, Рент. Я ловил беглых рабов. Я водил отряды охотников. Это была моя идея — перебить всю дичь в землях сьонидов, ослабив народ, доведя до голода. И за эти преступления меня ждет достойная расплата.

Теперь в глазах Рента читался ужас. — Но... зачем ты всё это делал?

Дамиск пожал плечами. — Дитя пожрет мир, если сможет. Мы делали это ради простейшей причины. Денег. За деньги мы покупали еду, одежду и жилье. Каждому приходится бороться за эти блага, Рент. И мы оправдываем всё, что делаем ради денег — ведь каждый имеет право жить, не так ли?

Рент утирал щеки. Делас Фана видела, как он словно сдулся. Сломался, словно признания Дамиска лишили достоинств их дружбу. Однако она Дамиска понимала. Понимала, что он делает. Хотя слушать такое, и точно, нелегко.

Тониз Агра махнула рукой, завладев вниманием сестры. Вздохнув, Делас вместе с ней отошла от остальных. Они смотрели на крутой склон, там еще виднелись следы, оставленные неожиданными гостями в траве.

— Что за сказка об истреблении всей дичи в землях Сьонида? — воскликнула Тониз. — Это невозможно.

— Похоже, он врет, — ответила Делас. — Громоздит кучу преступлений, чтобы отсечь верность Рента.

— Остальные его слова — правдивы.

— Знаю. Возможно, правды было недостаточно. Ну, следопытов нанимают для подобных дел.

Тониз Агра хмыкнула. — Мы никогда не сомневались в мужестве Дамиска-следопыта.

— Возможно, — предположила Делас, — твоего воеводу можно будет уговорить? Он дарует Дамиску смерть, подобающую мужчине.

— Ему дадут шанс проявить смелость.

— Зачем бы Элейду Таросу так поступать? — нахмурилась Делас.

— Чтобы напомнить всем, что среди южан есть смелые воины. Что их не нужно недооценивать.

Делас Фана фыркнула. — Слишком поздно. Вы уже их недооценили, если поверили в быстрый поход к Даруджистану.

— Ты еще не видела собравшегося воинства. Теблорские кланы, которые мы считали лишь легендой, встали среди нас. Ветин. Менарк. Трюз Роке. Они из Складчатых Земель. Тысячи саэмдов, с ними Яркий Узел. Вскоре, похоже, будут и Жекки.

Пораженная Делас качала головой. — Как Элейду Таросу удалось такое? Складчатые Земли далеки от малазанской или генабаринской угрозы. Саэмды и Жекки принадлежат ледовой стране. Им также не досаждали враги с юга. Бессмыслица, Тониз.

— Смысл скоро проявится, — обещала сестра. — А теперь мы должны пройти на запад до конца гребня.

Делас Фана издала возглас недовольства. — Именно идти мне и придется. Ты украла коня.

— Одолжила, сестра. Животному нужен седок, чтобы не отвыкать. Но если хочешь, садись сама.

— Вот это чудесно, — сказала Делас Фана. Обернулась, оглядывая странное сборище. И пробормотала: — Бедный брат.

— У него появились старшие сестры, — сурово сказала Тониз. — Защитницы. Вообрази лицо Сетал, когда она узнает — когда впервые увидит нового родича. Мы о нем позаботимся, Делас Фана. Станем за него стеной мечей.

Делас Фана улыбнулась и неспешно кивнула. — Три сестры заодно.

"Военное искусство не знает покоя. Хотя сказителям удобнее бывает приколотить его к месту. Хотя создателям гобеленов, фресок батальных полотен удобнее помещать на поле древней битвы современную фалангу со всем разнообразием новейших вооружений: вот стальные кольчуги и шлемы с забралами, ливень стрел и огромные осадные машины, что крушат стены. В чем же истина? Способы истребления определяют прогресс не только нашей, но любой цивилизации. Эти устройства развиваются, становясь смертоноснее.

В последние годы правления императора Маллика Реля малазанский легион сохранил от прежних времен лишь форму и знаки отличия. На деле его решительно преобразовали сравнительно с эпохой Ранних и Средних Завоеваний: хотя многие знатоки тех времен говорят, что стандартный легион регулярной Армии претерпел упадок в дисциплине, обученности и боевой эффективности, никто не станет оспаривать, что легион Морской пехоты лишь повышал свои качества..."

Введение в "Последний день Севера", из "Нынешней Истории" Реслинга. Великая Библиотека Нового Морна

— Все всегда заглядывали в мой вырез, и теперь он сам на всех смотрит, — сказала Аникс Фро, сидевшая в кресле положив ноги на койку Фолибора. Безопасное дело, ведь Фолибор был в патруле.

Водичка дернула свой льняной шарф. Он как-то туго сидел все последние дни, словно сжимающаяся петля — как бы широко она его ни повязывала. — Это хорошо, Аникс, но глаза твоего выреза сверкают безумием.

Скривившись, Аникс погладила ласку по головке. Естественное дело, ведь только головка был видна над вырезом шерстяной рубахи, остальное уютно угнездилось меж грудей. Она хотела что-то ответить, но дверь грохнула, распахнувшись, являя измазанную глиной спину капрала Снека. Он втащил через порог нечто огромное в тюке.

— Опять не туда попал! — одновременно завопили Водичка и Аникс Фро.

Согнувшийся над тюком капрал едва смог оглянуться. — Все путем, — сказал он. — Просто оставляю это здесь на хранение.

Водичка села на кровати. Тюк звенел и лязгал, в нем лежали какие-то угловатые штуки. — Это ведь не обычный твой тюк с бесполезным дерьмом?

— Я увеличил коллекцию, — ответил Снек, с пыхтеньем дотащивший тюк к краю койки Фолибора. — И комната не твоя и не ее. Это комната Фолибора и Кожуха.

— В нашей воняет, — сказала Водичка. — Ее ласка гадит и метит повсюду.

— Я ее обучаю, — взвилась Аникс Фро. — Вот зачем там лоток с песком.

Водичка оглянулась, встретив взор глаз-бусинок. — Обучаешь чему? Гадить и метить повсюду? Ну, ты проделала великую работу. Хотя боюсь, она не обучаемая, ведь это лишь

продолговатый комок шерсти с головой, приклеенной к одному концу. А когда дашь ей имя?

— Уже. Ее имя... — Аникс Фро нахмурилась. — Тварь.

Снек согнулся, завязывая горловину тройным узлом. — Никому не лазить, — приказал он. — Это личное имущество.

— Расслабься, — сказала Водичка. — Мы уже пошарили в прежнем. Этот мало чем отличается. Но у тебя проблема, знаешь? Все согласны. Тебе нужна помощь.

Выпрямив спину, Снек сердито уставился на нее, лицо вспыхнуло. — Где ваше достоинство? Где уважение к чужой собственности? Причем к собственности старшего по званию! Вы пакостная накипь и еще хуже, будьте прокляты!

— Это не я, — заверила Аникс. — Это явно твой фетиш, который делает помощь невозможной. Все остальные уже устали спорить. Но не я.

Снек сверкнул на нее глазами, но так ничего и не сказал. Лицо покраснело сильнее, глаза выпучились.

Аникс метнула Водичке намекающий взгляд. — Видела? Куда посмотрел в первую очередь?

— Это... это не гигиенично, — выдавил Снек.

Водичка кивнула. — Знаю. Удивительно, что она еще не умерла, бедная Тварь.

Сапоги на крыльце, показался Фолибор, за ним Кожух. Они застыли, на лицах облака смущения.

— Не туда попали, — воскликнула Водичка в приступе вдохновения. — Вам, парни, на другую сторону. Не знаю, что вы там творите, но воняет даже через дверь. Просто пытка.

— О, — сказал Фолибор. — Простите. Но тебе, Дичка, и Аникс пора идти в обход улиц. — Он кивнул Снеку. — Капрал. — Поглядел на Аникс и опять кивнул. — Тварь. — И обернулся к Кожуху. — Идем, не та комната.

— Но почему тут мои вещи?

Фолибор застыл на пороге. — Не говори ей, что я рассказал... но, думаю, Аникс запала на тебя, но знает, что надежды нет, и потому крадет твои вещи.

Кожух поскреб под бородой и дернул плечами.

Они вышли, закрыв за собой дверь.

Снек поглядел на Водичку. — Это было подло, — сказал он.

— Всего через звон они поймут, что долбанулись, — встала с койки Водичка. — И влетят сюда, кипя негодованием. Но мы будем в патруле. Аникс, идем, ну?

— Но там дождь.

— Для того и нужны пончо.

— Тварь их не любит. Тварь ничего не видит.

— Чудесно, ведь Тварь в патруль не идет. Только мы. Тварь — ласка в вечном бешенстве, потому что достаточно умна, чтобы осознавать свою тупость. Советую оставить ее в комнате Фолибора и Кожуха.

Аникс расцвела. — Отличная идея.

Они вышли в коридор. Аникс сунула руку в вырез и достала ласку — похоже, почти в коматозном состоянии. — Нет! — заорала она, когда Водичка потянулась погладить животное по мордочке. — Тварь тебя ненавидит. Тварь откусит тебе палец. — Она постучалась в дверь напротив.

Фолибор тут же открыл, на лице ниже глаз было намотано полотенце. — Да?

Аникс пригнулась и Тварь спрыгнула с руки. Мелькнула в тень под кроватью, на

которой сидел Кожух. — На время, — объяснила Аникс, улыбаясь с набитым жвачкой ртом. — Знаете, в последний раз.

— Ох, — сказал и кивнул Фолибор. — Ладно, да, — добавил он тут же, — это объясняет лоток и ссанный песок.

— И пусть Кожух бросит мне мое пончо. Вон, на кольшке.

— А, — так же кивнул Фолибор, — похоже, одержимость охватила обе стороны. Вам бы обговорить всё вдвоем, знаете ли.

— Так и было бы, — сказала Аникс Фро, — если бы мы не ненавидели друг дружку.

Капрал Снек выглянул. — Вы обе, идите. Вас ждет Бенжер.

— Бенжер? — сказала Водичка. — Чего ему нужно?

— Откуда мне знать? — бросил Снек, морща густые брови. — Это же Бенжер.

Водичка потянула Аникс, голова которой как раз скрылась в тесном пончо. — Идем.

— Но я не вижу! — донесся сдавленный ответ.

— Идем же, — тянула Водичка ее в коридор. — Я скажу, когда ты окажешься на краю лестницы.

— Ага, — сказал Бенжер. — Женщины!

— В некотором роде, — ответила Водичка, глянув на Аникс Фро.

Бенжер оторвался от стены, снова став жертвой не только ветра, но и дождя. Накинул капюшон пончо. — Важно, чтобы у вас были титьки и всё прочее, — пояснил он. — Для того, что случится.

Он ступил на деревянный тротуар, погрузившись в грязь по лодыжки, повернулся к Аникс и Водичке. Те не двигались. — Что нужно сейчас, это идти за мной.

— Потому что у нас титьки и всё прочее? — воскликнула Аникс. — Не думаю, Бенжер.

— Уверен, что хочешь вести нас за собой? — спросила Водичка. — Ну, у меня нож и вдруг я поскользнусь? Бедный Бенжер, что тут сказать.

Он уставился на них, затем взмахнул руками. — О, ничего такого. Это официально разрешено самим капитаном. Но, видите ли, я не мог взять Кожуха и Фолибора. Нужны женщины.

— Грудь и остальное? — сказала Аникс Фро.

— Точно, у вас они в наличии, так идемте. Выполним миссию милосердия. — Женщины не шевельнулись. Бенжер скривил губы. — Да что за хрень?

— Ну, — начала Водичка, — болтаешь ты ловко, все знают. Верно? И я не поражена тем, как ты заболтал нашего вислоухого капитана и внушил, что тебе нужна женщина...

— Или сразу две, — вставила Аникс.

— Или две, то есть почти две. Нет сомнений, тут мы созерцаем акт величайшего милосердия.

— С нашей стороны, — вставила Аникс. — Возможно, нас даже упомянут в ссылаках, хоть в паре комментариев.

Водичка кивнула. — Суть в том, Бенжер, что я лучше подставлю голову пятилетнему ребенку с тупым топором, чем лягу с тобой.

— Слепому пятилетнему, — сказала Аникс Фро, сложив руки на груди — жест вызова, прошедший почти незаметным под пончо.

Бенжер молчал. Затем зашелся сдавленным смехом. — От вас голова лопнет. Спать с одной из вас? Найдите лучше того слепого малолетку, пусть будет первым. — Он снова

взмахнул руками. — Хватит брызгать на углы. Это дело для морпехов, а не ублажение больных сексуальных фантазий о крадущейся в ночи ведьме, одержимой ведьмой. Или о той, что не может стоять прямо и воняет мочой хорька. Ну, шагом марш!

Он двинулся и теперь женщины-солдаты пошли за ним, если неритмичное шлепанье сапог по грязи было доказательством. Он оглянулся: было. Бенжер потряс головой. Женщины не признаются, но они одержимы сексом не меньше любого мужчины. Или только эти? Нет, сержант Шрейка еще хуже, сосет свои шелковистые волосы и так далее. *"И она так вот ходит. Ну, реально!"*

Он пересекли улицу у поворота на главную улицу, пересекли и ее.

Сзади Водичка зашипела и сказала: — Ты тащишь нас в "Трехлапного Пса"? Сказала. Бенжер, мы не...

— погоди! — крикнула Аникс Фро. — А если он сперва поставит выпивку?

— Мы не идем в треклятый бар! — бросил Бенжер.

Они шагали к набережной. У последнего дома перед причалом для лодок Бенжер встал и развернулся к солдатам. — Хорошо. Мы здесь.

— Где здесь? Нигдес!

— Она... не права, — сказала Водичка. — Ох. погоди, Бенжер — ты разум потерял? Мне говорили, в ней кровяное масло!

Аникс Фро повернулась к узкому обшарпанному дому. — Это она? Ты уже вкусил, Бенжер? Нехорошо. Тебе не помочь. Может, дать яда?

— Высший Денал, — оскалился на женщин Бенжер. — Слушайте. Вот и проблема, я ее ясно вижу. Проблема в том, какого хрена мы тут делаем. Мы малазанские морпехи и посланы сюда, и в чем наша работа? Звенеть оружием, бросая грозные взоры? Выпить все их вино и весь эль? Отбирать дома, метить каждому встречному лоб? Точно так. Но есть и большее, верно? Мы помогаем, когда можем.

— Думаешь, можем? — спросила Водичка.

— Возможно. Хочу попытаться.

— И зачем тебе мы? — сказала Аникс Фро. — Я не делаю такую магию, как и Водичка. Мы не... а, титьки и остальное.

— Вы не местные, у вас нет причин злиться на нее. Уловили?

Аникс Фро пожалала плечами. — Ей тяжело, да.

— Водичка?

Та изучала Бенжера, прищурившись. — Ты точно хочешь попытаться?

— Да, хочу.

— Вытянешь это дело, и я трахнусь с тобой. Может быть.

Бенжер быстро моргнул, затем заморгал медленнее. — Ух? О, я хотел сказать ха-ха. Понятно? Я не такой говнюк, как вы думали.

— Я не забуду, как ты отказывал мне в исцелении, когда я случайно резала палец. Я о том, что ты станешь в моих глазах хорошим человеком, Бенжер. На время.

Аникс Фро, недоверчиво смотревшая на Водичку, нахмурилась. — Это предложение чего? Вероятностного секса?

— Точно, — сказала Водичка.

Бенжер яростно потер лицо и продолжил: — Во-вторых, и она не должна бояться вас. Вы ей незнакомы. Пока что.

К ним подходил еще один человек. Местный житель, лицо скрыто промокшим

капюшоном. Вздрогнув, когда чуть не врезался в Водичку, он громко выругался и ступил в сторону. Водичка снова встала на пути. — Не сегодня, — сказала она — Проваливай домой к жене, пока я не выпотрошила тебя за скотство.

Местный торопливо отступил, затем замедлил шаги и оглянулся. Из-под плаща появился мешочек. — Еда, — произнес он. — Для Серлис.

Когда Бенжер кивнул, Водичка подошла и взяла мешочек.

Серлис мало что помнила из детства, еще меньше о днях юности. Все было отнято у нее за единый день. Теперь лишь рваные куски образов плавали в памяти, обрывки алого цвета кровяного масла. Например, тощие коленки на камнях пляжа, как она сдвигает крупные камни, чтобы обнажить тонкий песок, сделанный как будто из стеклянных бусинок ошеломительного разнообразия оттенков. Как плачет от его мерцающей магии.

Бывали времена — когда ее охватывала лихорадка — она видела эти пригоршни песка, и краски рождали боль в глазах. Ужасную боль, но она не могла оторваться, и боль ползла под кожу, будто пламя, растекалась и охватывала лицо, шею, затем грудь, плечи, руки, ладони.

Солнечный свет и яркие краски были отравой в ее венах.

Еще день, день озерного льда, обширной полосы ослепительной белизны, поверхности, вылепленной северными гостями-ветрами. Мужчина и женщина — родители? Может быть. Воздух был холоден, но свеж, она была одета так, что не чувствовала укусов мороза. Плюмажи дыхания из смеющихся губ, восторженные возгласы, хруст пробитого наста, когда она упала.

Тело ее стало раскаленным котлом, алый пар то и дело взлетал, поглощая душу. Этот котел был домом красной гадины. Она видела, как змея разворачивает кольца, голова пробивает слой льда, и вода в полынье уже не вода — кровь.

Было бесполезно хранить воспоминания о девочке, которой она была. Каждое лишь подчеркивало, кем она стала. Однако они жили, ни к чему не привязанные. Она пришла к убеждению, что это неспроста. Каждая невинная сцена существует в разуме, чтобы быть опороченной, и ее судьба — следить, как яд снова и снова побеждает.

Гадина шевелилась. Она сидела на чердаке, в комнате сына, и смотрела в тусклое окно. Дождливые дни были лучше. Вода пожирала дали, делала всё серым и синим. Мало кто ходил по грязным улицам. Дымы из труб скорее размазывались по стенам, нежели летели ввысь. Внешний мир имел обыкновение исчезать за тяжелыми стенами мощного ливня с озера.

Первый мужчина придет к закату. Принесет еды и немного монет. Они все несли еду, ведь ей трудно было покидать дом, выходить к ненавидящим ее горожанам, особенно женщинам.

Обрывочность была свойственна лишь воспоминаниям о жизни до масла. Все последовавшее горело в рассудке с жестокой четкостью. Кровяное масло впиталось в нервы, обострив чувства и казалось, нет предела впечатлениям, врезающимся в память. Каждый вопль отвращения и экстаза, что срывался с губ, и теперь отзывается эхом; каждая конвульсия и сейчас колеблет плоть. Нескончаемые отзвуки и волны. Она сочла это своей судьбой, из сегодня в завтра, долгая чередка — пока старость не схватит ее, пока никто не захочет ей владеть. А тогда? Ну, лишь безумие.

Но сегодня что-то изменилось. Одно воспоминание смяло остальные, воспоминание,

как бы не стираемое алым пятном. Его края были острыми и четкими, и льнуть к нему, почти как к любовнику... это казалось ей чем-то новым и не испытанным.

Она сможет побороть кровавое масло. Сможет плюнуть в пасть гадине. Вот что означало это воспоминание. *Свободу*.

Серлис поняла, что улыбается, и это выражение посещало ее лицо все чаще, каждый день и каждую ночь после...

Судорога пробежала по телу. Этому воспоминанию предшествовали иные, ужасные. Пропать отверженности не имеет дна: ты падаешь ниже, и ниже, и ниже. Но и этого она сможет избежать. Теперь есть средство.

Еще улыбаясь, Серлис подняла руку и легонько провела ногтем поперек горла.

Там, где недавно провела тонкую линию железным ножом.

Стук в дверь прозвучал неправильно. Серлис узнавала стуки всех гостей. Она спустилась с чердака, налила чай в глиняную чашку и села за стол, поверхность изрезана годами безумного царапанья ногтями. Нож ждал ее — заново наточенный, под рукой.

Стук повторился — само по себе необычно. Ее гости всегда входили, лишь раз натрудив костяшки. Серлис помедлила, думая, должна ли она встать и открыть. Но лишь сказала: — Входи.

Змея внутри шевелилась и шевелилась. Она ощущала ее раздвоенный язык, и всюду, где тот касался, рождался жар.

Дверь раскрылась, вошли трое под плащами. Солдаты. Она уже гадала, когда появится первый. Но трое? Вошедший первым отряхнул капли с плаща и стащил капюшон.

Что-то заставило Серлис задрожать.

За его спиной капюшоны опустились, явив двух женщин. Более высокая кивнула и сказала: — Почти все женщины дрожат, впервые видя Бенжера.

— Я до сих пор, — сказала вторая, с лицом широким и бледным, но странно чувственным. — Просто научилась скрывать. Знаешь, кашляя. Рыгая. Всё такое.

— Не слушай их, — проговорил мужчина. — Это лишь пример женщин, которых тебе не нужно бояться и ненавидеть. Чтобы было спокойнее.

Гадина извивалась, то ли в отвращении, то ли в гневе.

— Хочешь, чтобы они смотрели? — спросила она.

— Пусть делают что хотят, — как будто смутился мужчина. — Тебе нужно говорить со мной.

— Говорить?

Высокая фыркнула, шумно шагнув к горшку с отваром. — Это чай? Пахнет как чай. Могу? Бенжер такой, видишь ли. Туповат, но местами.

— Почти везде, — поправила вторая женщина. — И мне налей, Дичка. Или решила возвести грубость на новый уровень? — Она начала снимать пончо. — Тут жарко. Тут жарко?

— Я Бенжер, — сказала мужчина. Его одеяние отличалось от других застежками спереди, он начал их расстегивать. — Мы морские пехотинцы, Четырнадцатый легион. Чай наливает Водичка, а та, что отреагировала на твое масло — Аникс Фро. — На его лбу показался пот. — И она не одинока, боги подлые. — Он шлепнул себя по щекам и встряхнулся, словно собака под дождем, сложил руки и подвинул кресло напротив Серлис. Сел, тяжело вздохнув. — Сосредоточиться будет трудно.

— Чего вам нужно? — спросила Серлис у них, перебегая взглядом, пока не устала

на одного Бенжера.

Водичка стояла с двумя чашками в руках, хмурясь на мужчину. — В большом кресле ты сидишь, Бенжер. Но низком. В таком будет удобно медведю.

— Это сына, — сказала Серлис.

Повисла тишина, женщины обменивались непонятными для Серлис взглядами. Бенжер кашлянул. — Вот и проблема. Одна из них. Он здесь?

Потоки боли, ужаса и чувства вины охватили Серлис. Она отвернулась. — Ушел. Я уснула его.

— В город?

Она покачала головой.

— Сколько ему сейчас?

Она не глядела в глаза Бенжера. Взор его был слишком цепким, но не как у желающих кровавого масла. Она подняла глаза на Водичку. Одна бровь медленно поползла вверх, женщина подмигнула. Серлис снова отвернулась. — У меня дела...

— Не сегодня, — сказала Водичка без нажима.

— Ой, — продолжила Аникс Фро, показывая мешочек. — Еда. Не хотим заставлять тебя голодать. Но сегодня твои дела лишь с нами.

Серлис кивнула, вставая и стягивая рубаху.

— Нет! — гаркнул Бенжер. — Стой! Прости за крик. Она не о том. Слушай, у меня есть несколько вопросов, если не возражаешь. Начнем. Куда они выведут... ну, пойдем потом. Твой сын. Сколько ему лет?

— Не знаю, — помедлив, отозвалась Серлис. Она села, взгляд скользил по ножу на столе. Был путь отсюда. Она знала, тянула из него силы. И пусть солдаты потратят еще немного времени. — Я носила слишком долго.

— Год? — спросил Бенжер.

Она пожала плечами. — Может, два.

Водичка непонятно выругалась.

— И дитя, — сказал Бенжер чуть суровее, — росло медленно?

— Годы и годы. Он менял друзей, потому что одни вырастали, являлись новые. Он думал, что они одни и те же. Но было не так. И они не дружили с ним.

— Ты считала, что его разум слаб и сломлен, — кивнул себе Бенжер. — Что он совсем туп. Но это в нем от Тоблакаев. Медлителей. Годы и годы замедленности. А его отец — ты знаешь его имя?

— Карса Орлонг. Говорят, он живет в Даруджистане, далеком южном городе. У озера. Говорят, теперь он бог.

Бенжер постукивал пальцами по столу, глядя на поверхность. Серлис видела, как изучает он глубокие царапины, перекрестье шрамов. Он посмотрел ей на руки, возможно, заметил следы крови у ногтей. В лице что-то изменилось. — Кровавое масло, — сказал он, глядя в глаза, и сейчас она не отвернулась. — Кто-нибудь потрудился сесть и рассказать тебе?

— Объяснить? Объяснить что? — Истерический смех внезапно сотряс Серлис, но она подавила его. — Что тут объяснять? Лихорадка. Болезнь. Безумие. Да, безумие.

Глаза Бенжера стали тверже. — За все годы ни у кого не нашлось милосердия, чтобы рассказать?

— Нечего рассказывать. — Что-то вроде гнева заставило ее добавить: — Я смотрю

изнутри. Ты нет.

— Тут она права, — сказала Водичка, передав чашку Аникс Фро, и дернула за шарф, словно он душил ее.

— Знаю! — крикнул Бенжер солдату. Застыл, глубоко вздохнул и продолжил тише. — Твое имя, мне сказали, Серлис? Да? Хорошо. Что же, Серлис. Кровяное масло подобно беспокойному приливу. Оно не просто движется в одну сторону. Это изучали. Прилив сменяется отливом. Туда и обратно. Даже сейчас — это важно — он движется между тобой и Карсой Орлонгом. Между тобой и сыном, между сыном и отцом. — Он повел рукой. — Не имеет значения, сколько меж вами лиг. Поток движется туда и обратно, туда и обратно.

Серлис поглядела на него и покачала головой. — Мой сын не... не... такой. Без лихорадки. Без... нужды. А его отец? Я не думаю о его отце. Никогда.

— Тоблакаи...

— Теблоры, — вмешалась Аникс Фро. — Эти племена зовут Теблорами, Бенжер.

— Отлично. Теблоры не сдаются проклятию кровяного масла. Не как люди. Оно не постоянно, это первое. Быстро расходуется.

"Расходуется, да. В меня".

— Но сущность остается, стойкий компонент крови Теблоров. В масле есть примесь отатарала, делающая их невосприимчивыми к магии. Но эффект разнится. Карса Орлонг оказался... очень невосприимчивым. Однако проблема, к которой я подвожу, Серлис... в самих приливах и отливах. Видишь ли, о, что возвращается к тебе от Карсы — этот незримый ток — теперь исходит от *бога*.

— Вдовьи холодные ночи! — буркнула Водичка. — Звучит нехорошо. Ты сдаешься, Бенжер? Что сделает с таким даже Высший Денал?

— Сын не похож на меня, — твердила Серлис. Она вряд ли поняла общий смысл речей Бенжера.

— Не будет таким же, — кивнул Бенжер. — Я не думаю. Поток отца силен. Но я думаю... что его нужно усилить.

— Усилить?

Глаза Бенжера снова блеснули, однако он кивнул. — Просто чтобы обезопасить его.

— Как можно сделать его сильнее? — желала знать Серлис.

— И тут тоже проблема, — сказал он, распластав ладони по столу и откинувшись. — Но думаю, я нашел решение, такое, что избавит нас разом от двух бед.

— Скажи мне, — напряглась Серлис. — Как можно дать Ренту больше сил?

— Тот прилив, что идет к тебе от Карсы Орлонга. Думаю, я смогу его отклонить. В вашего сына. Думаю, смогу вовсе отвести его от тебя. И тем избавить от проклятия кровяного масла.

Вдруг слух ее почти пропал. Серлис смотрела, видела движение губ Бенжера, но не слышала ни звука. Что-то заполнило голову, горячее как песок под очагом. Она едва слышала барабан сердца — или твари кровяного масла, все сильнее сжимающей сердце в груди — но как бы издалека.

Бенжер повел рукой перед ее лицом. Она не заметила... нет, не так. В ней не осталось ничего, способного реагировать и хоть что-то делать.

"Смотреть изнутри. Наружу".

Появилась Водичка, вытянула Бенжера из кресла и села сама, вложила в руки Серлис чашку, подняла к губам, заставляя пить. Что-то сказала, но слова стали неразборчивым

бормотанием. Водичка тут же вытащила чашку из рук и поставила на стол. Встала и зашла Серлис за спину, наклонилась и шепнула в ухо.

Сначала лишь дыхание достигло Серлис, теплое и влажное. Затем было что-то вроде рычания, и на краткий миг Серлис увидела — вспомнила — нечто чужое. Тонкая ткань на мертвых глазах, которые вдруг стали вовсе не мертвыми; точка зрения перемещалась, и уже она смотрела сквозь вуаль.

"Бесполезная сучка, нет, хуже! Однажды я удавлю ее, веревкой или нет, но клянусь! Слушай, печальное, измученное существо. Прими предложение Бенжера. Позволь отвести от тебя поток. Но помни: едва тебя отсекут, едва ты окажешься на сухой земле, поток между тобой и сыном тоже пропадет. Без вариантов".

При этом стон поднялся из пропасти внутри Серлис, готовый обрести голос.

"Хватит ныть! Слушай! Хочешь, чтобы Рент уцелел? Хочешь освободить его от проклятия? Тогда ты должна отсечь себя от него, навсегда. Ради его блага. Тебе придется принять это — внести эту плату. Ты готова? Отве..."

— ...Денал, Серлис. Вот что мы делаем. Бенжер объяснит лучше, чем я. И не думай, что тут хоть что-то идет от меня лично. Если бы ты лучше меня знала, то сразу... Ну, слушай. Вот что значит быть малазанским морпехом. Мы спасаем людей. Вот почему Бенжер здесь.

Этот голос принадлежал Водичке, и слова обжигали ухо Серлис. Она вздохнула со всхлипом, кивнула.

Мозолистая рука солдата сжала ей плечо, и Водичка показалась снова, вручая чашку.

Она взяла чай и поглядела в глаза Бенжера. — Проклятие?

Вздыхая, Бенжер поднял руки. — Не уверен. Но едва я изолирую тебя, едва остановлю поток от Карсы Орлонга, смогу пристальнее взглянуть на твое масло. Без обещаний, но у меня есть надежда исцелить тебя. Да. Вот проблема и вот план. Что скажешь?

Ответом ему стали лишь слезы.

Штырь ушел к озеру и встал на берегу к западу от дока и причалов. Дождь шествовал над водой, дальний берег был едва виден сквозь его полотнища. Воздух прогрелся, весна уже уступила место лету. Капли катились с просмоленного края капюшона. Колдовство Подтелеги рассеивалось медленно, или так было здесь положено по сезону.

Дождь ровно плескал по глади озера, и размеренный звук успокаивал сумятицу мыслей. Штырь вспоминал Черный Коралл, лагерь паломников и детей, которых спасли они с Жриккрысом. Тогда прозвучали жестокие слова, но в конце концов Жриккрыс вспомнил присягу солдата.

Страх в глазах этого человека, там, в карете за штабным зданием... шипящий шепот последнего предупреждения... всё это еще пылало в уме Штыря.

Он услышал хруст сапог по гравиию пляжа, обернулся и увидел Благоую Ролли. Подойдя, она встала рядом и поглядела на озеро, как он.

— Я вообразила, что тут почти безлюдно, — сказала она почти сразу. — Мир и покой, вот все, что мне нужно. Но рабство меня разозлило. Против имперского закона, но капитану платили за то, чтобы он ничего не замечал.

— И где сейчас капитан? — спросил Штырь.

— По большей части в озере. Подозреваю, его выследил беглый раб и вонзил нож под челюсть. Мы нашли труп в сгоревшем амбаре, собрали черные кости, как смогли, и похоронили в озере.

— Не в кургане?

У Благой Ролли не было пончо. Вода промочила волосы, текла по лицу. — Я официально обвинила его в коррупции. Мертвый или нет, он был лишен звания. — Она помолчала. — Не заслужил лечь с убитыми солдатами.

— "Мазаланское правосудие не остановится у края могилы", — кивнул Штырь.

— Звучит цитатой.

— Пятый эдикт Реля. Вот что позволило тебе обвинить капитана посмертно.

Ролли хмыкнула. — Не удивлена, что прошло гладко. Я-то решила, это потому, что он не мог защищать себя в суде...

— Новый кодекс законов стал чертовски обширным. Маллик Рель может быть ублюдком, но ему вполне достаёт усердия и ума. Я служу ему без проблем.

Благая Ролли вздохнула. — Восемь лет мира, кроме мелких стычек там и тут. Ты прав, друг.

Штырь выдавил улыбку. — Мелкие стычки? Ролли, в Джаг Одхане ты оказалась не перед мелкой стычкой.

— Догадываюсь, — признала она. — Но это было глупостью.

— Никогда не буди спящих Джагутов. Особенно теперь, когда пропали Т'лан Имассы.

Благая Ролли выдула губами воздух, вперемешку с водяной пылью. — Штырь, саэмды с севера — это Имассы. Имассы во плоти и крови. Хотя у них мало кремневого оружия. Кости, рога. Уродливые, злые штуки.

— Саэмды или их оружие?

— Так и эдак.

— Сомневаюсь, что Имассы во плоти и крови связаны клятвой воевать с Джагутами.

— Согласна. Я гадаю, долго ли тебе придется ждать Омса?

— Сам не уверен. Скоро. Надеюсь.

Она кинула. — Лучше бы.

Повисло молчание. Затем Благая Ролли сказала: — Ваш капитан, Грубит. Он... — Она покачала головой.

— Да-а, — протянул Штырь. — Точно.

— Все дела с новыми легионами морской пехоты, — продолжила она, — это от императора или его наседок?

— От императора.

Она повернулась, чтобы видеть его. А у Штыря прыгнуло сердце в груди при виде ее лица, румяных круглых щек, темно-карих глаз. — Слухи верны? — спросила Ролли.

Он пожал плечами. — Вероятно. — Дальше говорить он был не готов, ибо внутренне стыдил себя. Слишком стар, чтобы думать... чувствовать... такая чепуха. Выдерживать ее ищущий взор было нелегко.

— Так Грубит тебя не тревожит?

— Ничуть.

Она коротко кивнула и отвернулась к озеру. — Ладно.

— Он тебя видел?

— Нет. Иногда жалею.

— Ты сделала всё милосердно быстро, Благая Ролли. Тебе не идут запоздалые сожаления.

— Знаю. Я определенно веселилась, поджигая амбар.

Штырь сосредоточился на озере и сером дожде. — Есть малазанское правосудие и есть *правосудие малазан*. — Он повернул голову, услышав некий звук.

Внезапная ухмылка раздвинула губы Ролли, холодный смешок быстро унесся по ветру. — Как узнала одна Джагута, побитая и проученная.

— Если только захочешь снова встать в ряды, Благая...

Теперь улыбка была послана ему — и перебои сердца стали чем-то иным — а она пожалала плечами. — Сейчас мы стоим плечом к плечу, Штырь. Мне это подходит.

Он вздрогнул, когда она подхватила его под локоть, таща за собой. — Идем назад, у меня в комнате есть что выпить. Уверена, угли успели согреть кувшин.

— Гм, — выдавил он, — мои старые кости будут рады.

— Ага, пожалуемся на них сообща... потом.

Плеск небесного дождя по озерной водице преследовал их всю дорогу от причалов.

Водичка и Аникс Фро вышли наружу, встав под навесом, чтобы не попасть под дождь. Бенжер устраивал ритуал, женщина все еще рыдала на кухне. На улицах не было ни души.

Бенжер одолжил Водичке трубку и порцию ржавого листа, ведь тот, что имелся у Аникс, горел плохо... что было хорошо, ведь она его жевала. Загоревшись, он обжег бы ей нёбо. Хотя вид Аникс Фро с пламенем во рту был бы не таким уж ужасным зрелищем. Но что-то в происходящем здесь подарило Водичке чувство сердечной легкости, снисходительности даже к Аникс. Так что она отложила зрелище на другое, более подходящее время, и занялась набиванием трубки. Закончив, протянула трубку Аникс, та сердито крякнула и постучала пальцем по боку чаши. Поднялся дымок, плывя в воздухе.

— Мерзкая привычка, — сказала Аникс Фро, сопроводив поучение изрядным плевком бурой жвачки. Струя угодила в лужу на другой стороне улочки.

— Сказала госпожа Бурозубка, — ответила Водичка, затянувшись что есть сил.

— Маскировка для ночных дел, — объяснила Аникс. — Твоя белоснежная улыбка выдает тебя сразу же.

— Я улыбаюсь лишь в конце работы. Вот что я делаю, стоя над трупом и видя, как кровь течет наружу не хуже келика.

— Так что ты ей шепнула?

— А?

— Там. Ты ей шептала на ухо. Когда она готова была сдать. И успокоила. Не знала, Водичка, что в тебе это есть. Ну, я воображала, что именно в тебе есть — и каждый раз кровь стыла в жилах, как от бредового кошмара.

— Кошмара? Я не вижу кошмаров.

Аникс Фро скривилась. — Я не о том.

— Тошнит.

— Потому что ты не привыкла к листу. Странно, что ты еще не выблевала легкие.

Водичка снова приложилась к трубке Бенжера. — Только по особому случаю. Я не кашляю, потому что научилась давно. В шесть. Сестра научила.

— В шесть? И никто не сказала, что ты еще слишком молода? Постой. Сестра?

Водичка нахмурилась. — Ну, ей было пять. Никогда не рассказывала о сестре? Или о братьях? Или об имени и дурацких нарядах, в которые слуги запикивали нас с сестрицей, чтобы мы ходили по залу на скучных приемах? Ну, пока не заползали под диваны в холле? — К морщинам добавилась кривая ухмылка, ибо Аникс Фро смотрела на нее открыв рот.

показав бурую массу жеваного листа, почти готовую вывалиться. — Да что с тобой?

— Гм. Ничего. — Рот закрылся, Аникс Фро глядела на улицу. — И что с ней стало?

— С кем?

— Твоей сестрой! Важнее, что стало с ними всеми? Братьями, родителями? Имением?

Треклятыми приемами? *Нарядами!*

— Что ты так бушуешь?

— Какого хрена ты делаешь *здесь?*

Водичка озиралась. — На Серебряном озере? Мы...

— Боги подлые! Что заставило тебя пойти в морскую пехоту?

— Чтобы уйти от них, конечно. Уйти от всего этого. Это лишь яд, Аникс Фро, уж поверь. От богатств у людей разум мутится. И сердце. Они гнобят всех вокруг, чтобы скрыть гниль внутри. Но не я.

— О, да! — бросила Аникс Фро. — Лучше стать убийцей! Куда лучше для утешения души!

— Точно, — согласилась Водичка. Затянулась еще. — Так о чем ты меня спрашивала?

— Шепот!

— Как, я рассказала ей о солдатах. О нашей цели. В точности что сказал Бенжер. Что мы здесь не только ради того, чтобы всё крушить, всех уродовать и убивать. Нужно искать баланс с вещами иного рода. В голове.

— Давай, — настаивала Аникс Фро. Щека раздулась так, что чуть не лопалась, вторая стала милой и розовой, но взгляд странно острым.

— Это же очевидно? Нет? Мы на страже. Бенжер объяснял четко. И не раз. Ты егс никогда не слушаешь?

— Слушаю. Но хочу послушать и от тебя.

— Даже не офицеры, — продолжила Водичка. — Нет, мы все на страже, мы слуги каждого гражданина империи. Солдат, это забывший, недостойный звания. Вот почему я стала морпехом.

Аникс моргнула. — Что?

— Быть солдатом — противоположность быть богатой. Если бы ты росла со мной, тоже знала бы. И еще. Мой отец и все они, богачи, не видели проблемы в подчинении себе солдат. Проблема была в том, что эти солдаты должны были служить только им. Никому иному. Уж точно не беднякам. Почему же они ждали этого? Ну, потому что они богаты. Настоящая проблема начинается тогда, когда солдат купится и начнет служить лишь им. Это хреново. Это и привело меня к морпехам, здесь всем плевать, богат человек или беден. Это же наше кредо.

Аникс Фро фыркнула. — Чаше плюют на нас.

— Но мы такие! Вот почему Бенжер делает, что делает. Честно, я шептала ей о том, что нам не всё равно.

— Ты меня поражаешь, Дичка.

— Трубка погасла, чтоб тебя со всеми речами.

— Дай мне. У меня ржавый лист получше, чем Бенжерова ссаная солома из конюшни.

— Чудно, ладно. Лучше пойти внутрь. Он сказал, что хочет иметь нас близко, если случится плохое. Но сначала мне надо поблеть.

Высший Денал был любопытной магией, таившей немало загадок. То ли один садок,

способный вторгаться в любые другие, то ли вовсе не садок, а нечто близкое к первичному Хаосу. Он работал, вмещиваясь во всё. Например, некоторые болезни зависят от яростного и опасного избытка порядка. Рак и другие опухоли. В других слишком много хаоса, как при ранениях, переломах и внутренних кровотечениях. Иногда Высший Денал исцелял, восстанавливая порядок. Даже целиком восстанавливал пропавшую конечность или глаз, что соответствует власти хаоса создавать что-то из ничего. Иногда же Высший Денал можно было использовать для слома законов природы, отвергая саму энтропию.

Практики становились адептами того или иного выражения его сил, что можно было считать своего рода специализацией. Бенжер подозревал, что излюбленный им садок Мокра близок Высшему Деналу, хотя связь их не очевидна. На фундаментальном уровне они полагались на элементарный хаос, ведь иллюзии тоже суть создание чего-то из ничего.

Соответственно, его личный подход позволял скользить между Деналом, садком Мокра и его меньшим собратом, Меанасом. Разум играет свою роль в исцелении, подозревал он. Возможно, он имеет великую роль в самой реальности.

Было ли это трюком иллюзиониста — вообразить огромную кроваво-красную реку в разуме Серлис? Сделать ее видимость предельно реальной, полной звука и света, медленное неугомонное течение, колышущиеся по берегам тростники? Было ли просто софистическим приемом — бросить женщину в реку, чтобы воды безжалостно оторвали ее от берега, унеся на середину, где сердечная жила реки стремится вперед бездумным потоком? Далеко от берегов, забытую, мчащуюся вдаль?

А теперь силы его воли: тяжелые камни падают в бегущий поток. Хватит ли их, чтобы развернуть широкую реку? Гора, сокрушенная в обломки. Содрогания песка и щебня, густая глина, чтобы склеить все слои преграды. Выше и выше. Мутная пена и сумятица недоумевающих струй, начало войны между камнем и водой, между законом течения и неумолимой наглостью плотины.

Такие схватки сил было просто вообразить, просто понять. И все же он удивился, что эта сцена пришла так легко, смелая, как крик или предостережение.

И пусть, сила потекла, густо пронизанная Высшим Деналом. С этим он сможет работать.

Серлис тонула. Нет, уже утонула. Видела, как неуклюжее тело дергается и бьется в глубине потока, скребет по дну, руки взбивают цветы ила — каждое облачко становится оципанными, быстро расплывающимися крыльями.

Она раздулась от кровавого масла, и хотя плоть умерла, проклятие еще горело огнем. Глаза стали глухими стенами, незрячими, но видящими. Она видела их и видела сквозь них. Кажется, тут появились разные ее версии. Речной поток наполнился телами. Ударяясь о странные каменные стены, они рвались и распадались. Похоже, всё течение сдавалось, колотясь о камни, ошеломленное, делящееся на струи. Что-то изменилось.

Она удивлялась, куда пропал маг-солдат. И где ее дом, узкая кухня, старая кровать с промятым матрацем. Может ли мир пропасть столь полно?

Глубокий поток продолжал терзать ее тела. Мимо плыли конечности. Кишки выпадали из широких ран, словно змеи, решившие спастись в мутной воде. Она видела блеск костей, тонкие струи крови и клочки темных волос.

И тут, внезапно, ей осталось одно тело. Оно покатило по грязи к каменной стене. Она кинулась к нему, глядя сверху вниз, глядя его глазами. Потоки пытались вылепить для нее

полость, могилу, в которой можно утонуть; но чем шире и глубже была яма под ней, тем выше она поднималась, вцепившись в неровные валуны.

Тьма начала тускнеть, кипящий ил осветился — ее тащили прочь от поверхности реки.

Руки тянулись, хватая ее.

И вытащили из воды, грубо положив на мокрые камни и терзая кожу. Заморгав, чтобы прогнать влагу из глаз, она смотрела вверх, в ослепительно горячее солнце.

Сбоку было что-то теплое, прижатое к плечу, и она повернула голову и увидела Бенжера. Он сидел рядом, весь мокрый, тяжело дышал, выкашливая речную воду.

— Что... где мы? — сказала Серлис.

Он провел рукой по лицу, утираясь. — Дело в том, чтобы найти нечто, годное для тебя, нечто, что имеет смысл для нас обоих.

Она всмотрелась. Он казался вымотанным. — Зачем ты это делаешь?

— Да, ты не заслужила.

— Я еще чувствую кровавое масло.

Он ткнул пальцем в небо. — Да, вот оно. Солнце с медным ореолом и всякими лучами. Ты думала, что поток масла охватил твоё тело — вероятно, это так. В некотором смысле. Но есть ядро, окруженное подавляющим магию отатаралом. В твоё тело тянулись его огни. Щупальца жара, воспалявшие нервы, наполнявшие тебя желанием и отчаянной нуждой.

Серлис села. Она была одета так же, как на кухне. В сухую одежду. *"Придумка Бенжера. Всё это не настоящее. И всё же..."* Яростный жар солнца опалял ее, будто бил увесистым кулаком.

Они были на дорожной насыпи или каменном мосту, шириной в три повозки. С одной стороны река, бурный поток бурой пены, он устремлялся к другому берегу, грыз склоны холмов и рушил утесы, создавая новое русло. С другой стороны было старое русло, далеко внизу: лишь грязь, алые озерца и пруды, явно и быстро высыхающие на жаре. Они тянулись далеко, куда видели глаза.

Она поглядела на солнце. — Как нам удалось?

— Не тебе. Мне.

— Но... как?

— Я сам пытаюсь понять.

— Невероятно. Вы попытались, господин. Никому другому не было дела. Я вам благодарна.

Он сверкнул зубами. — Я малазанский морпех. Чертовски невероятно. — Он застонал, вставая. — Пока что я использовал два Коротыша. Камень и Воду.

Она увидела в руке серебряную монету.

— Теперь Воздух, сделать мост. — Он подкинул ее.

Серебро блестело и блестело, пока не пропало.

— Расплата будет тяжкой, если я всё не закреплю. — Он вытащил откуда-то еще монету и поднес близко к лицу, прищурился. — Это солнце над головой задает вопрос: как оно там оказалось? Ну, дело в спутанном времени. Эта буйная штука сияла в небе, когда Карса напал на тебя, в тот миг, когда масло нашло твоё тело. Если пойдешь к нему, Серлис, снова переживешь то изнасилование. Только... переживешь от лица насильника, не как жертва. Мужчины и женщины, посещавшие тебя каждую ночь — они твои жертвы, даже если думают иначе. Но насиловала не ты, а масло.

— Я не... это лихорадка.

— Ага, способ описания не хуже прочих. Спутанное время. — Он показал монету. — Колесо Звезд. Нужно, чтобы продолжить сгибание.

— Нет.

Бенжер пожал плечами. На этот раз подброшенная монетка полетела высоко и так быстро, что ударилась о небо с громоподобным шумом, порождая барабанное эхо. — Теперь станет сложно. Коротыши ограничены. В них немало сырой энергии, но и только. — Он уперся руками в бока и замолчал.

Она смотрела на солнце. Огромное, буйное, ядовитое. Подумала об одиноком человеке, малазанском морпехе — он как-то достигает его, входит в пламя. Увидела, как он сгорает, став угольями.

Голос Бенжера заставил ее вздрогнуть, будто прозвучал в ухе. — Думаю, — сказал он, — мне нужен дракон.

— ... дракон.

— Что он сказал? — спросила Аникс Фро.

Водичка нахмурилась. — Сама слышала.

— Да, кажется. Потому и переспрашиваю: ЧТО ОН СКАЗАЛ?

На кухне было нестерпимо жарко — бессмыслица, ведь в древней жаровне Серлис осталось лишь несколько янтарных угольков на слое золы. Водичка уже стащила пончо и расстегивала ремешки нагрудника. — Хватит бубнить, лучше думай. Это дерьмо Мокра. Не настоящий дракон.

— Врубилась! — крикнула Аникс, проверяя доспех и оружие. — Но это безумие, Дичка. Бенжер мастер устраивать всякое дерьмо, но заколдовать иллюзию *целого* дракона? Для такого он должен быть Верховным Магом!

— В Империи больше нет верховных магов.

— Знаю! — Аникс Фро надела шлем и застегнула на круглом подбородке. — Я именно об том.

Водичка замерла, меряя спутницу глазами. — И я о том же.

Глаза Аникс тоже широко раскрылись. Она вытянула короткий меч. — Куда ты меня поведешь?

— Просто будь готова, — отозвалась Водичка. — Мы не знаем, куда придется прыгнуть. Пока не выберет Бенжер.

— Выберет что?

— Дракона, разумеется!

— Отл... погоди. И скольких драконов знает Бенжер?

Водичка сбросила нагрудник и кольчугу на пол. — Мне откуда знать? — нагнулась к Серлис, но глаза женщины оставались закрытыми, дыхание лишь немного участилось. Разогнувшись, Водичка проверила все свои ножи. — Просто иди следом и прикрывай со спины.

— Знаю, знаю, хватит лекций. Погоди... он не хочет ведь призвать... знаешь, *мертвого*, да? Я тут слышала ужасные рассказы о том, что бывает, когда призываешь кого-то мертвого!

— Конечно же не... — Водичка скривилась, обернувшись на сонного Бенжера, сидевшего с тупым выражением на уродливом лице, лишь глаза вращались за веками. — Чертовски надеюсь.

Он как-то видел гобелен, в Натилоге — или Генабарисе? Сцену зрелищной битвы, ведь ткачи одержимы подобными сюжетами. Возможно, где-то под Моттом во времена малазанского завоевания. Фоном служил лес, видимый с высокой точки, и две армии вытекали из-под деревьев, чтобы сойтись в схватке. На далекой равнине у леса фаланги напирала на защитный строй, шесть рядов вокруг скромного холма. На вершине холма развевались по ветру знамена.

Точнее, знамена развевались по ветрам, так и сяк; причиной были два дракона в небе, один алый с золотом, и другой черный с серебряным плетением. За ними, словно гигантская черная коровья лепешка, плыло Отродье Луны.

Бенжер мало что знал о драконах. Никогда не видел ни одного и никогда не встречал видевших — разве кроме Штыря, если тот реально был Сжигателем Мостов. Говорили, что алый дракон — как раз этот, с гобелена — живет в Черном Коралле. Так далеко к востоку он тоже не бывал. Может, там каменная статуя на башне, раскрашенная алым и золотым, показывающая, что когда-то тут неподалеку жил дракон, свил себе гнездо или еще что. Сказки всегда преувеличивают.

Он думал о гобелене, решая, какого дракона вообразить. Подошел бы любой, точно. Проблема был в том, что он знал, по слухам, лишь черного дракона. Разумеется, и об алом он кое-что слышал. Но вдруг это другой? И, наконец, тот с гобелена выглядел жутковато.

А черный... да, об этом драконе есть немало историй. Ужасающих, но чего вы ждали? Да, вот вам и проблема. О любом драконе рассказывают только ужасы.

Не то, чтобы он не верил в драконов. Это было бы идиотизмом. Разумеется, драконы существовали! Их видели достойные люди! Даже сражались с ними — по большей части неудачно. Они существовали, как дхенраби и бхедрины и собаки, и Джагуты и неупокоенные Че'малле.

Бенжер нахмурился. *"Что ж, своими глазами я повидал... собак. Боги подлые! Все-то? Собак? Что, если это выдумки? Проклятый гобелен — лишь лживое переплетение дурацких нитей! А Отродье Луны? Наверняка его не было! Просто дурацкая туча, похожая на лицо и так далее!*

Дхенраби? Бхедрины? Неупокоенные К'чайн Че'малле? Одна ложь!"

Застонав, Бенжер опустил плечи, упал на колени. Резко поднял голову, глядя на что-то, окружающее его и Серлис. — Я в беде.

— Что не так?

Он вцепился ногтями в лицо, застонал. — Проклятие Мокра. Может найти тебя внезапно. Иллюзии, магия, иллюзии. Вот и проблема, большая проблема. Создаешь ложь и ложь и ложь, и что приходит на ум? Что, когда ты поймешь — всё вокруг одна ложь?! Всё! Реальность? Что это такое? Ничто. Выдумка! — Он смотрел на них. — Не видите? Мы все и иллюзии! Великая ложь, дерьмо космической собаки. Все мы — продукт мыслей упавшего в нужник пьяного мага!

Водичка смотрела с непроницаемым видом.

Бенжер подался к ней, шепча: — А ты хоть существуешь?

— Хотелось бы не существовать.

Бенжер сжал кулаки, воздел к небесам. — Одна ложь!

Ударившая его в висок рука была наделена очень острыми костяшками. Он с руганью упал набок, схватился за выпирающую шишку и понял, что смотрит снизу вверх на Водичку.

Тут же показалась и Аникс Фро. Женщины смотрели на него сверху вниз.

— Только не снова, — сказала Аникс Фро.

— Бедный Бенжер, — вздохнула Водичка. — Проклятие Мокра.

— Экзистенциальный кризис, — поддакнула Аникс Фро. — Когда бежишь по полю конского дерьма, обречен в оное вступить, рано или поздно.

Водичка обернулась к ней. — И что это должно значить? — Затем протянула руку и подняла Бенжера. — Выскакивай. Мы здесь. Ты что-то сказал о драконе. Хотелось бы указать, что ты мог бы подумать над возможностью создания не-дракона. Например? Гигантской лестницы. Как понимаю, тебе нужно добраться до той красной штуки в небе. Уверена, так и есть. Не подумал, что можно сделать иллюзию попроще? Что не так с длинным рядом ступенек?

Он раззявил рот, потом скривился, отталкивая ее руку. — Ничего не понимаешь! Эти штуки сами себя вымышляют! — Он указал на небо. — Внутри этого скорлупа из отатарала! Конечно, мне нужно отвести это как можно дальше!

Аникс Фро сказала: — Так делай. Мы тут на случай, если пойдет не так. Но имей в виду, если "пойдет не так" получит морду дракона и зубы дракона и когти дракона, нас порвут на части. Так, мелочь. Это случается, когда схватываешься с чем-то безнадежно выше классом.

Бенжер снова указал пальцем. — Мне нужно вымыслить дракона!

— Так давай, вымышляй! — бросила Водичка. — Только не...

Мир потемнел, хладный воздух потек сверху. Серлис завизжала. Или Аникс Фро. Кто-то визжал. Глядя вверх, Бенжер примолк. Он видел лишь мрак, нависший над головами, столь густой и плотный, что слепящий солнечный шар не мог его пронизать. И он был огромным.

— Какого хрена? — воскликнула Водичка. — Худшее изображение дракона, что я видела!

— Вижу крылья! — крикнула Аникс.

— Нет, не видишь. Это другое... как там называется?

— Но я вижу крылья!

— Честно...

— Она права, — бросил Бенжер. — Он там. Дракон.

— Так сотри лишнее! Это же твоя иллюзия!

— Не могу. — Бенжер тер лицо, желая, чтобы борода была длиннее и за нее можно было дергать. Или густая, чтобы ее неровно лохматить. Но было не так. Приходилось драть кожу. — Неожиданно. То черное... облако.

— Не облако, — заверила Аникс Фро. — Чистая сила. Это Элементарная...

— Тьма, — dokonчила Водичка. — Это ж Элементарная Тьма! Бенжер, идиот! Какой дракон... нет, не этого дракона! Бенжер, ты вымыслил иллюзию Аномандера Драгнипурейка! Ум потерял?

Бенжер смотрел дикими глазами. — Был на гобелене, — прошелестел он.

— Но этот дракон мертвый! — орала Аникс Фро. — Аномандер умер! Вызывать иллюзию мертвого... ты просто не должен такое делать! Ни за что, с тех пор как Худ сбросил с плеч звание Повелителя Смерти и за него встал Искар Джарек. Он лишь охраняет Врата. Ни трона, ни закона — никаких правил, Бенжер! Духи ненавидят тех, кто вымышляет их телесно! — Она всплеснула руками, глядя на Водичку. — Мы все мертвы. Было приятно знать... ну, не вполне. Назовем это терпимостью...

— Снова бубнишь, — отозвалась Водичка, шурясь на черную тучу. — Так и не вижу крыльев.

Бенжер застонал — уже в привычку вошло — и сказал: — Он грядет. Может, он не безумен. Ну, это же совсем иное дело, а? Я просто объяснюсь...

Теперь Водичка видела крылья, и многое еще. Массивное рыло, голова на длинной шее, глаза — сияющая синева с серебром.

— Синие глаза, — шепнула она себе, — омерзительны.

Тихий мужской голос наполнил голову. — *Очень тяжело оказаться вспомнутым, оживленным в памяти тех, что некогда знали меня, видели меня. Я пребываю во Тьме бесформенной. Для меня нет иного существования. Если ты удерживаешь меня здесь, Иллюзионист, будь краток. Они идут.*

Водичка повернулась к Аникс Фро. — Слышала?

Женщина — лицо бледнее луны — кивнула.

Крякнув, Водичка обратилась к Бенжеру: — А ты? Прошу, скажи да, ведь я даже спрашивать не хочу, кто за ним идет. Говори свое дело и покончим.

Он сказал, не закрывая рта: — О чем я думал? Я думал об *алом* драконе. Клянусь!

— Бенжер!

Внезапно Бенжер упал на камни и застыл недвижимой кучей.

Аникс Фро подошла ближе, поглядела и сплюнула рядом бурой струей. — Он сомлел, Водичка? Наш верховный маг сомлел?

Содрогнувшись, Водичка села рядом с Серлис. Та сидела, странно расставив колени и растопырив руки, будто неловкая девочка-подросток. — Что думал Бенжер? Чего хотел от дракона? Хоть что-то сказал?

— Мо... мо... жешь его разбудить?

Водичка поглядела на Аникс. — Если продолжишь толкать его носком сапога, он скатится в поток и утонет.

— В том и общий замысел.

— Стоп. Лучше попробуй его разбудить.

— Ох. И как, умоляю, скажи?

— Самое надежное — острие под ногти.

— Я могу просто отрезать палец — у меня слишком большой нож, не войдет под ноготь.

— Знаю, Аникс Фро. Потому и посоветовала. Начинай, покопайся в нем! — Водичка обернулась к Серлис, стараясь не думать, наделена ли гигантская тварь сверху столь же великим терпением. — Думай, прошу!

— Что-то насчет ота... та-та...

— Отатарал. Верно. В крованом масле отатарал. Убивающий магию. — Она нахмурилась. — Однако не особенно эффективный против магии Старших. — Водичка распрямилась и взглянула вверх, на дракона. — Эта женщина проклята лихорадкой крованого масла. Мы пытаемся избавить ее тело от масла. Излечить ее. О, и всё же интересно: кто идет?

— *Те, кого я убил, вечно преследуют меня. Без формы меня не найти. Они идут.*

— Кого вы убили? Ну, их не может быть так уж много? О, ладно. Вы о тех, кого убивали ужасным мечом?

— *Среди прочих.*

— Водичка...

— Что *такое*, Аникс Фро? — зашипела Водичка. — Не видишь, я беседую с драконом!

— Там.

Она видела, что спутница, вставшая на колени подле Бенжера, оказывает на сухое русло. Там что-то кишело, на горизонте, и катилось на них: черное, и железо клинков блестит алыми отсветами солнца. По всей ширине русла. Армия. Много армий, или одна большая. Или много больших... *"Искарров дрын, какая разница!"*

Водичка облизала губы и снова обратилась к дракону: — Если мы не разбудим Бенжера, вы окажетесь прикованным здесь?

— *"Да. Мои загонщики — призраки и духи, но их много.*

— Аникс...

— Я тут устроила кровавый ужас, и ничего!

— Займись вторым пальцем. Большим пальцем! И так далее! — Она поглядела на дракона. — Владыка Тьмы — так вас нужно называть? Ладно, я назвала вас так, потому что боюсь упоминать настоящее имя. Слушайте, вы не могли бы, ну, уничтожить ту красную штуку в небе?

— *Назови причину.*

— Чтобы спасти жизнь.

Дракон навис над ней, крылья медленно били, окруженные облаками мрака. Глаза, казались, видели лишь одну Водичку, и пронзали до глубин души. Она ощутила поток чего-то, заставившего ослабеть колени. *"Грусть? Усталость?"*

— *"Иной причины не нужно.*

Крылья загрохотали, и черная туча с драконом внутри начала подниматься. Водичка смотрела, как он взлетает все выше.

— Водичка!

— Что теперь?

— Он ушел так далеко, что считай его мертвым! Я содрала все ногти!

— Тогда сунься между ног, Аникс, и поработай сама знаешь над чем.

— Чего? Боги подлые! Безумие.

Водичка пригляделась. — Не думала, что ты с этого начнешь! Ха.

— Не сработало!

— И с чего бы? У тебя нет стыда, Аникс Фро. Знаешь?

Серлис пораженно смотрела на странных женщин. Бенжер был целителем. Он передал свое желание, описал стремление излечить ее. Глаза его были добрыми, но потребовалось время, чтобы понять, что же она в них увидела. Так давно этого не было в глазах людей.

Отвращение. Презрение. Похоть. Желание. На обращенных к ней лицах сражались лишь эти страсти. Она поняла его речи, но его лицо и эти глаза до сих пор удивляли и даже пугали ее.

И всё же Бенжер был... осмысленным. Она знала, зачем он здесь и почему делает то, что делает. Хотя суть его действий ускользала. Но эти женщины и устроенная ими нелепая сцена... Серлис не видела в этом никакого смысла.

Страх и разочарование боролись на пухлом лице Аникс Фро, скакавшей по телу Бенжера. Серлис слышала хруст костей.

— Проснись! Проснись, проклятый!

Тем временем Водичка разрывалась между двумя зрелищами: черной тучей, уже

поднявшейся поглотить ослепительно-алое солнце, и тысячами ужасающих тварей, что неслись со стороны пересохшей реки. Однако дыхание ее не участилось, медленное и ровное, и не исказились черты лица. Казалось, у нее вовсе нет чувств, даже тех, что рождаются жаждой самосохранения.

— Хватит, Аникс Фро. Бесчувственное стало безжизненным. Бенжер мертв. Бедный Бенжер.

— Бедные мы! — заорала Аникс. Отвесила телу Бенжера последний пинок и подбежала к Водичке, смотря на катящуюся армию. — Нам их не остановить! И почему они идут сюда? Он там, в небе! — Она ткнула пальцем в небо и крикнула: — Вы идиоты! Смотрите туда! Вы не хотите рвать нас на кусочки — вы *его* хотите рвать на кусочки!

— Ну, очевидно, им до него не допрыгнуть, — заметила Водичка. — И соответственно они готовы выместить разочарование на нас.

— Нечестно!

Водичка потянула за льняной шарф с пятнами. — Клянусь, эта штука хочет меня удавить.

Глаза Аникс Фро выпучились, но обращенный к спутнице тон стал необычайно спокойным. — Так убери эту дрянь. В том, что будет, тебе нужно внимание Веревки. Я встану справа — ну, если они умеют лазить по стенам, а они умеют, зуб даю. Ты слева. Мы постараемся их немного пожевать и, при удаче, дракон успеет пожрать солнце и прервет проклятие, и тогда мы схватим ее под руки и стрелой вылетим из кошмара Мокра.

Водичка облизала губы, качнула бедрами, будто примеряясь. Кивнула. — Ладно. Хотя я хотела встать справа, но если тебе так важно, можешь сама встать справа. Я до одури ненавижу стоять слева, но полагаю, у тебя есть право выбора. Ведь тебе это так важно.

— Неужели сейчас *время* для пассивной агрессивности?

— Дракон огорчится, увидев мертвого Бенжера, — проговорила Водичка задумчивым тоном, начав развязывать узел шарфа. — Пленен здесь со всеми жертвами прошлого, что его преследуют. Лично я на его месте превратила бы нас в липкое гуано, прежде чем сможем улизнуть. Или хуже — треклятый Повелитель Тьмы кинется за нами сам.

— Не наша вина! Бенжера!

Водичка кивнула: — Верно замечено. Можешь объяснить ему. С гуанолипкими губами, но только не с таким выражением лица.

Армия вдруг оказалась ужасно близко, первая шеренга тварей перешла на бег, стремясь к каменной стене. Серлис смотрела на них. Сотни разных форм, лишь несколько людей в первой линии. Демоны? Она не знала, на что похожи демоны. Некоторые были огромными, неуклюжими, чудовищными. Одни скакали на трех ногах, головы как у коней и большой одинокий глаз во лбу. Другие ползли подобно крабам. Звериный рык вздымался, ударяя по стенам.

Серлис удивлялась отсутствию эмоций. Мир отдалился, сжался, как уходящий сон. Она поглядела в небо, увидев черную тучу сжавшейся, бурлящей. Алого солнца видно не было, даже отраженный свет умирал.

И пламя в теле, моргнув, погасло.

Первые призраки добежали до стены, поднимаясь наводнением.

Глядя вниз, Водичка наконец стащила шарф с шеи. — Аникс! Видишь того большого с

гигантскими мечами вместо рук? Он твой.

— Ну нет! С твоей стороны! Почему он мой?

— Мне он не нравится.

— Драть тебя!

Но миг спустя призрак исчез среди всполохов пламени. — Видишь, Аникс? Это не так уж трудно.

— Драть тебя снова! Пстой... там Джагут? Это драный Джагут!

— Он точно с твоей стороны, — отозвалась Водичка. Начала завязывать шарф на поясе, но ткань вдруг вырвалась из рук. — Дерьмо! — Она потянулась, шаря пальцами, и поняла, что лишилась равновесия. — Вот дрянь. Падаю!

Нырнуть лебедью в массу духов и привидений — не лучшее решение, размышляла она, на лету вытаскивая ножи. Но ведь и армия вовсе не ожидала ее одухотворенного прыжка на сбившиеся спины. Ножи мелькали, она резала, била и колола, пробираясь в толчее.

Услышала далекий гром — это Аникс Фро? Казалось слишком громко для нее. Гром треснул снова, гораздо ближе, и масса тел, в которую она почти влипла, содрогнулась как одно существо.

— Ох! Вашу...! — Лезвие резануло по правому боку, обжигающая боль спускалась по ребам. Водичка извернулась и дважды ударила по бурой конечности, затем изменила наклон ножей и вскрыла пласты плоти вдоль всей кости. — Когда захочешь помахать рукой другу, половина отвалится! Ха — ха!

Вдруг она наткнулась на большое узловатое колено и заскользила по красной грязи в речное русло.

— Аф-фу! Воняет!

На этот раз гром взорвался над головой, звук оглушал, сотрясение пробудило в черепе тысячу колоколов, когда колоссальный кулак воздуха вдавил ее глубоко в грязь, почти распяв.

Она не могла дышать. Мир стал черным. Рот забило грязью, а грязь была полна — чего? она нахмурилась — чешуек? *"О, рыба чешуя! Разумеется!"*

Она извивалась, чтобы выползти из грязи, пиналась, пока не пнула воздух, била и резала ножами, пока руки не высвободились, сплюнула грязь с чешуей и ощутила на лице дуновение. Согнула руки в локтях и попробовала сесть. В первый раз неудачно — локти утонули. Ее ягодичы как будто кто-то крепко ухватил, без всякой приятности, особенно учитывая чавкающие звуки снизу. На второй раз грязь поддалась со вздохом сожаления, она ухитрилась перекатиться набок, встать на карачки, потом на ноги, и так и стояла, покачиваясь, посреди большого пустого круга из растерзанных трупов.

"Поглядите-ка! Я поразительна..."

Странная призрачная фигура встала рядом. Водичка отпрыгнула, развернулась и выставила ножи против прищельца.

Он не пытался нападать.

Водичка увидела свой шарф. Он был обернут вокруг головы, два старых пятна, походящие на глаза, идеально сидели над тем, что служило призраку глазами. Космы гнилых волос торчали во все стороны; то, что оставалось видно от лица, было сухим и запавшим; тело — одни узловатые мослы под пестрым саваном. — Отдай мой шарф!

Голова с треском шевельнулась, нарисованные глаза осмотрели ее. — Ах ты безнадежная грабительница могил, мастерица бить в спину! Ты точно так тупа? Я ведьма с

твоей шеи!

Водичка потянулась к горлу — инстинктивный жест, ведь она видела шарф в ином месте — и скорчила рожу. — И почему ты не там?

Армия наступала на кольцо тел, готовая преодолеть эту преграду и поглотить обеих.

— Разбитые Оплоты, — вздохнула мертвая ведьма, — ты меня поражаешь. — Она указала на стену позади. — Иди, я справлюсь.

— Хочу свой шарф!

— Придешь и заберешь, когда закончу. Оплот Эрастраса в ближайшее время никуда не денется, верно?

Водичка моргнула. — Ты *настолько* старая?

— Теперь она меня оскорбляет! — Ведьма снова указала на стену. — Беги!

Масса призраков и духов перевалила через тела павших и катилась волной.

Зарывав, ведьма развела руки. Громы ударили по бушующей толпе. Тела ломались и взлетали, оставляя за собой прорехи в мутной грязи и отдельные торчащие конечности.

Водичка выпучила глаза. — Хорошо, сейчас.

Чудища забрались на стену со всех сторон, и лишь Аникс Фро заслоняла от них Серлис. Женщина — солдат непрерывно бранилась. Вытянутая рука с мечом крушила голову того, кого она назвала Джагутом. Джагут был в огне, что не мешало ему карабкаться на стену. Однако внимание Аникс постоянно отвлекали другие монстры на верху стены, каждый требовал быстрого жеста, превращавшего его в пламенный шар. Тела шатались в яростном огне, трескались кости, пепел взлетал в кипящий воздух.

Все это казалось Серлис невероятным. Как одна женщина... и почему сама Серлис столь спокойна? Столь полно... опустошена? Она плыла внутри себя, несвязанная и беззаботная. Следила, как Аникс Фро испепеляет одно чудище за другим, прерываясь на превращение лысой макушки Джагута в подобие расколотого горшка.

— Таквашуматьдратьедратьсдохнитевсе!

Наконец Джагут расслабил руки и свалился со стены. Аникс Фро повернулась, чтобы сжечь дюжину тварей разом, затем повернулась в другую — и застыла, заляпанное сажей лицо стало гладким и почти детским, едва разгладились вечные морщины на лбу. — Что она там делает? Рядом нет никого! — Она пошатнулась, шагнув к краю.

Серлис указала на речное ложе. Там громоздились сотни порубленных тварей. В сплошном фронте армии появились прорехи истребления. — Слепая женщина уничтожает всех.

Аникс Фро сплюнула бурую жижу — как делала всю битву, между каждым потоком брани. — Где Водичка? Нигде не вижу.

Серлис пожала плечами. — С тех пор как она упала, больше не видела. Не знаю.

— Проклятие, ушла через садок! Поверить не могу! Бросила меня!

— Но кто эта слепая?

Аникс Фро жевала, глядя на далекую фигуру; а та неумолимо наступала на армию под медленный, но дикарский ритм барабанов грома и шлепки взлетающих и падающих тел. Пожала плечами: — Водичка уродлива как кабанья холка, но эта еще уродливее. — Очередная волна взобралась на стену. Аникс вздохнула и перехватила рукоять. Сделала жест другой рукой. Пламя перескакивало с головы на голову. — Слушай, я устаю. Проклятие!

Серлис поглядела в небо. — Они пропали!

— Что? — Аникс Фро тоже поглядела. — Он сумел! Но как сумел... боги подлые! —

Аникс вложила меч в ножны и сжала руку Серлис. — Сделано. Пора.

— Но твоя подруга, Водичка...

— Она мне не подруга! Наверняка уже сидит на твоей сраной кухне, шарит в хлебнице!

— Нет, я не там!

Они обернулись и увидели Водичку на краю стены. Кровоточила дюжина мелких ран, тонкая кожаная рубаха превратилась в полоски. И сплошная речная грязь.

— Спасибо, что оставила все дела мне! — взвизгнула Аникс.

— Просто уходите, — сказала Водичка, опустившись на колени и тяжело дыша.

— А ты?

Она выпрямилась и указала на далекую слепую фигуру. — У нее мой шарф, жду, когда отдаст!

Серлис заметила, как окаменело лицо Аникс Фро. — Правильно, — сказала та. — Повеселись от души.

Водичка смотрела, как они пропадают. Все больше жутких существ влезало на стену, окружив ее. Она вздохнула. — Вы тупые безмозглые идиоты. Видите Аномандера Драгнипурейка? Видите? Он ушел!

Они замерли разом, и стон вознесся из дюжин, сотен, потом тысяч глоток.

— Верно! Он снова не имеет формы, никакой формы! Ну реально, зачем вы его преследуете?

Похоже, она выбрала неверные слова: все вновь устремились к ней, поднимая оружие.

— О, типично. Даже мертвяки не терпят правды. — Она повернулась и прыгнула за стену, открывая в падении садок. Пропала в дикости Эмурланна.

— За шарфом вернусь!

Моргнув, Серлис обнаружила себя сидящей в том же кресле. Вздрогнула, когда показалась Аникс Фро, стаскивая оружейный пояс, бросая на пол.

Бенжер сидел напротив, пыхтя трубкой.

Аникс Фро вытащила нож и приближалась к нему. — Ты, елейный кусок дерьма...

Рука поднялась, возражая. — Думала, я способен торговаться с Аномандером? Да я чуть не обделался! Подумай, Аникс! Кто никогда и ничего не боится? Кто всегда прет на рожон? У кого лицо такое невинное, что не устоит самый сердитый бог?

Аникс Фро сверкнула глазами, но вскоре прошипела ругательство и спрятала нож. Вытерла сажу вокруг глаз. — Страх? Да, она не знает самого этого слова.

— Точно, — согласился Бенжер. — Кстати, где она?

— Возможно, мертва. Разорвана на части, потому что... потому что она... — Аникс Фро потрясла головой. — Не знаю я, где она сейчас. И где будет.

Бенжер издал свой нелепый смешок. — Она Водичка, везде щелочку найдет. Верно?

Кивнув, Аникс Фро вдруг почти упала на пол. — Сделано? Казалось, да. Так делс сделано?

Бенжер опустил трубку. Подался вперед, глядя в глаза Серлис, взял ее руку. — Вода чиста? — спросил он.

Та нахмурилась странному вопросу. И тут же внезапно поняла, что нет ничего странного. — Чиста, сэр. Совершенно чиста. — *"Боги подлые. Я не... я была, но уже не... и всему конец..."* — Она разразилась слезами, плач поднялся из глубины, столь резкий, что

резал горло.

Бенжер сел, нежно глядя ее руку, пока Аникс Фро разжигала огонь, чтобы заварить чай.

— Ни одна ведьма меня не перегонит, — бормотала Водичка. Она стояла на улице, страшивая комки грязи с жалких обрывков одежды. Нужно было вернуться в дом Серлис и забрать снаряжение, Аникс с Бенжером явно не додумаются его унести.

Было поздно, почти заря. Городок Серебряное Озеро молчал, как невоскрывшая могила. Но вряд ли ей в ближайшее время захочется его грабить.

Она подняла руку, проверяя, вернулся ли на шею шарф. Он был там.

Вздыхая, Водичка пошла к дому Серлис.

Вопрос был в том, чем теперь заниматься Серлис? Дело сделано. Проклятие не вернется. Горожане этому не поверят и уж точно не обрадуются. *"Вот хрень, ей придется идти с нами, таскаться с обозом"*. Ну, не в таком смысле слова. Роте нужны повара, починщики, конюхи и как там зовут женщин, что стирают белье?

"Конечно, вряд ли она захочет снова видеть нас". Дурные воспоминания. Уродливая рожа Бенжера. Аникс Фро еще уродливее. А на Водичку она может обидеться, ведь она прыгнула со стены, будто струсила или того хуже. Будто ей было плевать на жизнь Серлис.

Во всем виноват шарф.

Она дошла до двери и удивилась, видя тонкую полосу золотистого света. Пожала плечами и постучала.

Дверь тут же отворили. Разумеется, Серлис закричала, увидев ее, и...

И внезапно Водичка оказалась в неистовых объятиях, поцелуи смочили щеки, тонкие руки сжимали ее всё крепче.

Водичка не шевелилась, позволив Серлис делать что желает. Ну факт, она совсем не понимала людей.

*Лишь одни врата ведут в смерть
И бесчисленные — из смерти
Лишь одни врата ведут в жизнь
И бесчисленные — из жизни*

*Но один только путь у жизни твоей
Он приводит и он же уводит
Каждый шаг выбирай хоть тысячу раз
Но шагнешь — и выбора нет*

*Этим утром по небу летели семь птиц
Как единая слитная стая
Но я думал: у каждой свое оперенье
И по-разному движутся крылья
Пусть отличий немного, но вот же они
Никогда и ни в чем нет единства*

"В век упрощений". Рыбак Кел Тат, из Старших

Рент спал глубоко, беспробудно — пока что-то не ударило его изнутри, яростно, будто разряд молнии в основание черепа — при том не сумев разбудить. Нет, он понял, что лежит в груди мехов, на земле у границы обширного лагеря Теблоров и союзников, и всё это — угасающие костры, фигуры стоящие и движущиеся в ночи — в любой детали было подобным тому, что он оставил засыпая. Сон — если это было сном — отличался лишь одним: он пытался пошевелиться, но руки и ноги стали свинцовыми, он пытался ползти прочь от того, что его ударило.

Даже крик превратился в утробный стон. Слова текли пьяно и бессвязно.

Невозможно было понять, долго ли он боролся, продвигаясь пядь за пядью. Его тело было незнакомым... нет, это тело он знал раньше. Он стал малышом лет семи. И полз к маме, хотя ее не видел. Был страх, но отдаленный и глухой.

Через вечное мгновение он проснулся снова, поняв, что лежит под мехами, что никуда не ползет и никуда не отполз. Темнота вокруг казалась безумной, полной хаотических лучей почти-света. Дрожь пронизала его, дрожь последнего воспоминания о сне со всеми его нелепостями.

Рент перевернулся набок, всматриваясь в странно озаренную ночь. Вспомнил закат прошлого дня, когда оказался в Великой Армии Элейда Тароса. Когда его окружило множество воинов-Теблоров. Обнаженные чувства — гнев, горе и смущение — снова охватили его. Толпы саэмдов, со злорадными криками окруживших Говера и Нилгхана, размахивая оружием. Лесные дикари, сновавшие у всех под ногами подобно шавкам. Могучий рев, ответ на известие о поимке злосчастливого следопыта Дамиска.

Рент ощутил себя маленьким, ничего не значащим. Ощутил, будто снова тонет в озере.

Но ничья рука не тянется сверху, суля помощь. Все эти воины, все эти люди и псы крупные и мелкие, все эти шатры и юрты, звуки и запахи — он был ошеломлен.

Когда воевода Элейд Тарос встал подле него и заговорил, Рент ничего не понял. Язык был теблорским, среди его родичей лишь Делас Фана и Тониз Агра могли разговаривать с ним на понятном наречии, но им не позволили говорить и даже переводить, ведь встреча гостей была обязанностью вождя.

Тон Элейда Тароса был дерзким, резким, презрительным. Многие его слова вызывали хохот в толпе, недовольство Тониз Агры и черную ярость Делас Фаны. Рент понимал, что его унижают — такое случалось и раньше, много раз в Серебряном Озере. Не нужно было знать слов, чтобы понять настроение. Он понял также, что Элейд лицедействует. Много раз слышалось имя Карсы Орлонга, произносимое тоном презрения и с жестами пренебрежения.

Воевода приветствовал Делас Фану без всякого энтузиазма, тут же чего-то потребовав, на что женщина фыркнула и сердито отвернулась. Воевода не ответил на оскорбление гневом. Нет, он усмехнулся и пожал плечами. В дальнейшем он словно не видел Делас.

Третья сестра, о которой говорили Делас и Тониз — Сетал — ничуть на них не походила. Бледная и рыжеволосая, она казалась едва ли ниже Рента. Воссоединение после кратких объятий переросло в жаркий приглушенный спор. Когда Сетал наконец обернулась к Ренту, он понял, что глаз более синих не видел. Синих, как лед в Озере. Она хотела подойти, но Тони Агра удержала ее за руку.

Этот жест родил в Ренте разочарование. В тот миг он предпочел бы не оставаться один. Даже Говер и Нилгхан были заняты. Воины сновали повсюду, острия копий жидко блестели на уходящем солнце, отбрасывая алые и золотые пятна. Жеккам неслись угрозы, в основном от саэмдов: рычание и вопли, и танцы, имитирующие убийство дичи. Каждый раз, когда Говер и Нилгхан пытались подойти к Ренту, их оттесняли; Рент видел, что терпение владыки Черных Жекков истончается.

Дело могло кончиться плохо; но тут притащили Дамиска.

Лежа в мехах под бледнеющим небом, Рент ощущал слезы в глазах. Он мог бы сразиться за друга. Мог бы сразить Элейда Тароса, отмстив за все непонятные оскорбления. Тут его не приветили как родного. Никаких отличий от Серебряного Озера, от лет жизни рядом с людьми. Он устал, устал быть диковиной, годной лишь для насмешек.

Во всем виноват отец? Это было слишком просто. Глядя на Элейда Тароса, он гадал, чем бы ответил воеводе Карса. Растолкал бы всех, встав над Дамиском, вытащив нож или меч и бросив вызов всем, желающим старику дурного?

Заметив Дамиска в двадцати шагах, за спинами дюжины Теблоров, Рент повернулся спиной к Элейду Таросу с его незаконченной грубой тирадой. Вынул нож и шагнул к другу.

Двое Теблоров заступили ему дорогу, но тут же отошли — Рента внезапно окружили псы, опустив головы и оскалив зубы. Грузные бестии не издавали ни звука, шагая вместе с ним.

Ошеломленный Рент шел вперед. Он насчитал десять теблорских псов, своих охранников, в том числе трех потомков любимого пса Карсы Орлонга. Сзади Элейд Тарос что-то крикнул, и повторил фразу.

Воины торопливо уволокли Дамиска. На пути Рента вставали все новые.

И тут же Делас Фана оказалась рядом. — Не ходи, Рент. Прошу.

Рент показал на толпу молодых Теблоров. — У них камни в руках. Готовы забросать камнями Дамиска. — Он поднял нож. — Не люблю камни.

Делас Фана обратилась к сестре: — Чистая смерть для Дамиска, Тониз. Ты обещала. Скажи ему, пока не полилась кровь.

— Скажу, — бросила Тониз Агра, подходя к Элейду Таросу. Воевода казался взбешенным. Ему еще было что произнести, но слушатели отвлеклись!

— Не нравится мне ваш воевода, — сказал Рент Делас. — Неужели он не знает языка южан?

— Ну конечно знает, — рывкнула Делас. — Его не знают лишь в самых далеких родах. Он говорил так, чтобы не дать тебе возражать. Он насмеялся над твоим невежеством и отказывался признавать сородичем.

Рент шевельнул плечами. — Я его тоже отвергаю. Не хочу видеть в нем брата или дядю. Не хочу идти за таким воеводой.

— Имя Карсы Орлонга повисло над ним, — сказала она тихо. — Сетал рассказала — Элейд Тарос ведет войну против веры в Разбитого Бога, против твоего отца и его возвышения. Он хочет вырвать из его рук божественность и присвоить себе.

— Позволь мне сразиться с ним, Делас Фана. Скажи, что я взрослый. Что прошел свок Ночь или как это зовется. Позволь мне убить его.

— С таким ножом ты мог бы преуспеть. Но воины-ратиди уже объявили всем, что в твоём ноже обитает демон. И что ты еще дитя.

Рент уже не видел Дамиска — того увели в лагерь. — Среди Теблоров у меня нет родни, — заявил он.

— Есть, Рент. У тебя есть сестры.

— Глаза Сетал холодны.

— Их цвет обманчив.

— Где же она?

— Ушла искать вдову Дейлис — еще одну возможную союзницу. Поклонники Разбитого Бога смотрят на тебя, Рент. Никому из них не пришлось по сердцу речи воеводы. Ну, прошу, спрячь нож. Или твои друзья-волки станут биться и погибнут на копьях саэмдов. Умрут и эти псы. И твои сестры.

Рент убрал клинок. — Не знаю, что делать.

— Делай как отец.

— То есть?

— Тяни время.

Вернулась Тониз Агра. — Сделано. Ему не понравилось, но смерть Дамиска будет чистой. — Она помялась. — Настолько чистой, насколько он сумеет.

— Как ты его убедила?

— Как мы и проговаривали, сестра. Южная отвага — урок, отлично выученный.

Через миг Элейд Тарос встал напротив Рента, почти рядом. — Нужно выучить язык Теблоров, щенок.

Рент взглянул воеводе в глаза. — Вы идете на юг?

— Да. И все...

— Тогда мне не нужно учить ваш язык, — продолжал Рент.

Элейд Тарос поглядел на Тониз Агру. — Теперь он твой родич. Следи за его повадками. Ну, Делас Фана, все воины присягнули мне. Несколько дней до похода, и со мной пойдут лишь присягнувшие. Еще есть время решиться. Поднеси свой меч или брось мне вызов.

— Я уже принесла клятву.

Элейд Тарос скривился. — Рискнешь изгнанием, Делас Фана.

— Смехотворный риск, коль Воевода целой армии боится единственного не связанного клятвой воина.

Воевода промолчал, тут же уйдя прочь.

Тониз Агра что-то прошипела. Повернулась к сестре: — Ты преклонила пред Отцом? Он принял твой клинок?

Делас Фана пожала плечами. — Не люблю ультиматумов, сестра. Твой Элейд Тарос меня не впечатлил. Еще мало его видела, но пока увидела лишь капризы.

— Тебе еще многое предстоит узнать, — посулила Тониз.

— Армия кажется огромной. Но мы обе знаем, что ждет нас на юге.

— Здесь лишь одна из армий Воеводы, Делас. Тебе нужно понять. Это не вторжение. Это *переселение*.

Делас Фана повернулась к сестре. — Зачем?

Тониз взяла ее под руку. — Объясню. Но не здесь. Идем, поищем Сетал и Вдовицу Дейлис.

Делас Фана колебалась. — Рент, найди для ночлега безопасное место. Если сможешь, с Жекками. Но оставайся близко, чтобы не искать тебя.

Они оставили его с псами. Толпа воинов рассеялась, тьма прокралась в лагерь. Рент увидел Говера и Нилгхана, пошел к ним.

— Во рту моем было мокро, — сказал Нилгхан. — Уже семь сердец бились в груди. Я готов был умереть и мечтал увидеть выхваченный тобой нож, щенок. Трупы и кровь на земле. Наглый воевода, осевший с головой меж колен. Удивление на этой роже помогло бы мне уплыть в королевство счастливых снов. — Тут лицо исказилось негодованием. — А ты его спрятал.

— Мне посоветовали терпение, — ответил Рент, пинками отбрасывая камни, чтобы было где сесть. — Терпеть мне не нравится. Они навредят Дамиску, а я буду беспомощен. Терпение, похоже, сродни жестокости.

Говер смотрел на десятерых псов у ног полукровки. — Эти псы не похожи на остальных. Равнодушны к запаху волков. Восхитительные союзники, Рент. Карса Орлонг одарил тебя жизнью — но, кажется, еще не все дары вручены.

— Теперь даже саэмды с нами, — бурчал Нилгхан, хмуро глядя себе под ноги, нетерпеливо шагая по кругу. — Где же затаилась Сука-Война, брат? — на третьем круге он сдался, сел, устроившись поудобнее. — В лагерь сбежались все саэмды, какие есть. Гадят повсюду. Скоро тут начнутся болезни. Видел эти туши карибу? Еды много, но предложили ли ее нам? Воевода даже не приветствовал владыку Черных Жекков. Короче, нас оскорбили и обрekli на голодную смерть.

— Вскоре, — рыкнул Говер, — ты скажешь так много слов, сколько саэмдов в лагере. Помолчи. Я должен подумать.

— Тогда я буду говорить не с тобой, а с Рентом. Вот он поймет мою мудрость. Сиди, щенок. Ночью больше ничего не случится. Твои сестры делают как все сестры — шепчутся и сплетничают в своей своре. Примут решения, и мир мужчин изменится, хотя мы сами не узнаем. Ночью женщины переделывают мир. Всегда так было. — Он замолчал, почесываясь. — В великих логовах юга женщины выходят на улицу — не помню, в какой день недели — чтобы восславить богиню, называемую Нелюбимой. Она матрона вдов или простых женщин, что бы это ни значило. Это женские секреты. На главной площади

случается ритуал: сотни, даже тысячи женщин становятся в круг. Верховная жрица выходит в середину, в доспехе и с заточенным мечом. Ее враг приближается, полная броня, лицо закрыто шлемом и маской из чешуек или монет. Он также держит меч в правой руке. Толпа поет что-то ужасное, на мой слух. Все громче, чем ближе враг к Нелюбимой. — Он помолчал, ища Рента в сумраке. — Не спишь, щенок?

— Нет, — отозвался Рент.

— Тем хуже, — пробормотал Говер.

— Но левая рука, вот что разделяет их. Подняв левую, Верховная жрица ударяет правой!

Меч сражает врага! Толпа ревет, затем все рыдают, унося тело в потоках крови...

— Она взаправду его убивает?

— Нет. Подделка. Я был очень разочарован. Что это за вера, что за шарада без настоящей крови? Но преступление длится. Той ночью все эти женщины возлегают не с мужчинами, но с другими женщинами. Долой мужей. Долой любовников. Даже смелые воины с ледяного севера, победители на всех возможных путях, остаются одни, и никто не ублажает их нужду. Южане странные люди, щенок.

— Но...

Нилгхан поднял смуглую руку. — Я не закончил.

— О духи мха и костей, — застонал Говер.

— Теперь у тебя есть сестры, так будь предупрежден. Сестры не похожи на матерей, на бабок и даже на дочерей. Может, они сами Д'айверсы, злобные демоны, принимающие наше обличье. Они думают за тебя. Они и решают за тебя, да. Они чертят карту твоего будущего, не ожидая, что ты пойдешь по тропе. Нет, они хотят насладиться разочарованием, что ты непослушен.

— У тебя есть сестры, Нилгхан?

— Нет, за что еженощно благодарю Нежеланную.

— Я думал, она Нелюбимая?

Жекк махнул волосатой рукой. — Нежеланная, Нелюбимая, Недобрая, как угодно.

— Думаю, — сказал Рент, — мне нужно поспать.

Солнце раскрашивало восточное небо. Рент сел. Десять псов подняли головы, рассматривая его. Они спали, окружив Рента, Говера и Нилгхана. Жекки храпели в унисон, укутавшись мехами.

Сон тревожил Рента. Яростный удар по затылку не был болезненным, просто ошеломляющим. Не как кулаком или еще чем твердым. Просто воображение? И как мог он очнуться не очнувшись, но оказавшись в другом сне?

Он полз, ища мать. Но не нашел. Слабое дитя, едва способное шевелить руками и ногами — он даже не помнил такого раннего детства. Его всегда окружала сила. Камни ударялись в спину и он смеялся, хотя внутри некто желал лишь сбежать и сжаться клубком.

Но какая польза здесь от его силы?

Вокруг тоже просыпались. Новый дым валил от костров и земляных очагов, где-то лаяли псы. Рент увидел Делас Фану. Встал, натянул меховую шубу. Воздух был холоден, но ясное небо сулило жару.

— Брат, — сказала она, — хорошо ли выспался?

— Нет. Что сделают с Дамиском?

Она тут же отвела взгляд. — Уже.

— Он умер?!

— Нет, но скоро умрет. — Она помялась. — Это неприятно. Лучше не ходи, ведь уже ничего не сделать. Оставь Дамиска его судьбе.

— Я увижу его, — сказал Рент, — поговорю с ним.

— Рент...

— Он мой друг и я... перекинусь с ним последними словами. Или Элейда Тароса страшит даже это?

— Напротив, — сказала Делас Фана, кривя губы, — он будет восторгаться, видя тебя свидетелем. Может, даже ожидает момента, предвкушая твою боль.

— Не понимаю. Почему чужая боль должна его радовать?

— Твой отец убил его отца, братьев. Разрушил его дом и завалил в постель мать. Старые раны, но они еще кровоточат. — Она пожала плечами. — Я мало знакома с Элейдом Таросом, но он кажется мне тем, кто готов до конца жизни высасывать кровь и гной из своих ран. Он скажет тебе, что это дает силу. Но глаза его мертвы, оживляясь лишь при виде чужих ран. Для Элейда Тароса боль — то, что нас связывает. Он обитает в холодном месте, Рент, и стремится обдать холодом весь мир.

— Не хочу оставаться здесь.

— Он тебя не выпустит. Как и меня. Сможем ли мы убежать? Может быть. Но говорят, лагерь будет оставлен сегодня. На севере слышали гром.

— Гром?

Она снова отвела глаза. — Знамение. Как сказала сестра, некая тайна вызвала наше... переселение. Теблоры идут за Элейдом Таросом, потому что должны. Как и саэмды, Яркий Узел и остальные народы севера.

— Будет война?

Она лишь кивнула.

— Что с Серебряным Озером, где живет мама?

— Надейся, — отозвалась она, — что им удастся сбежать. Не будет завоеваний и удержаний, Рент. Начав двигаться, армии воеводы не остановятся.

— Значит, Элейд Тарос убьет и мою мать. — Рент положил руку на рукоять ножа. — К чему мне блюсти законы Теблоров? Если нож и одержим демоном, он все же мой.

— Встанешь против целой армии?

— Они так жаждут битвы. Почему нет?

— Тогда умрут все — твои сестры, Жекки. Псы.

Он обернулся к ней. — Ты сковала меня, Делас Фана. Ты и остальные — все вы сковали меня.

— Семья, — ответила она ровным тоном. — Ты начал понимать. — Тут она хлопнула его по плечу. — Ну, идем.

— Куда?

— К Дамиску.

Это было не вполне правдой, но и не ложью. Сюниды ослабели после целенаправленных усилий уничтожить дичь в их владениях. Безоглядное истребление стало первым камнем лавины. Дальнейшее было неизбежным.

В юности Дамиск не задавался вопросами. Считал, будто принимать мир как он есть значит быть мудрецом. Он не из любителей идей, мечтаний и даже верований. Ничто

человеческое не вдохновляло юного охотника с морщинами вокруг глаз — глаз, утомленных огромными расстояниями и просторами. Дикая природа подавляла его. Север делал человека мелким, но каждое его решение монументальным. Какой путь выбрать? Идти дальше или возвращаться? Стрелы срывались с его тетивы, снова и снова оканчивая чьи-то жизни. Животные лежали на земле, свет покидал глаза и крики затихали, неровные вздохи становились слабее, пока не наступала тишина, пока безмолвие не окутывало всё вокруг.

Деревьям и скалам было всё равно. Небо никогда не отводило взор. Облака не проливали слез горя. Однако нить жизни рвалась, и Дамиск вытаскивал нож и веревку, оценивая прочность сучьев. Вешал тушу вниз головой, выпуская кровь. Проводил рукой по шкуре, определяя ее ценность. Думал о полном желудке, всматривался в небо, замечая кондоров и воронов. Охота была уместна в Вольных землях, ибо Воля привечала волков и острозубых котов, медведей и росомах, сов и ястребов, змей в сухих листьях, зимородков над ручьями.

Нуждалась ли она в людях?

В те годы он верил, что уместен в Вольных землях. Люди были здесь равны волкам и медведям. Пока Воля оставалась дикой, вера его была нерушима. Но она оставалась дикой, лишь пока не прибыло много людей, пока не взлетели топоры, пока пожары не оборвали нить ее жизни.

Можно перебить всех стадных животных, оставив хищников голоду. Горы не обрушатся. Небо не утерять цвет. Пусть реки станут пустыми и унылыми, они не прекратят течь в море.

Дамиск оказался одной из первых стрел, прицельно запущенных в Волю. Что было потом — не его забота. Люди прибывали, потому что люди прибывают. О чем тут думать и о чем спрашивать?

Таковы были годы его довольства, без намеков на тревоги, охватившие стареющее тело и душу. Потом пришло время увидеть больше троп и следов за спиной, нежели впереди. Взор его оставался острым, но привычка была сильна: он смотрел и ничего не чувствовал.

Небо и горя смеялись над его упрямством. Пустые глаза убитых зверей пялились, пока необходимость отворачиваться не стала бедствием. Самообман, игра глупцов. Удел тупоумных. Он видел слишком много мертвых глаз и слишком часто размышлял, куда же уходит жизнь.

Слабость мысли и неумение размышлять над собой делают слишком многих людей не вполне людьми, лишают драгоценных даров ради бега вперед, только вперед. Он познал годы помрачения, жил лишь ради сегодняшнего дня. Готов был считать себя дураком, ибо так было легче.

Боль в запястьях стала тупым биением. Он содрогался от кровопотери и, наверное, лихорадки. Тело простерто на плоской скале, затылок у голого камня, он смотрел ввысь, пока день наливался теплом. Слышал, как снимают лагерь, слышал, как ушли саэмды — всей массой, до рассвета. Глубокий ритм движения, шаги по камням, плач младенцев и крики детей. Но затем появился новый звук, очень издали, откуда-то с севера. Гром. Треск в воздухе, словно били молнии, и барабаны, от которых дрожали скалы.

Но в окружении звуков он думал о безмолвии. Это когда треск рогов в ветках и сучьях прекращается, когда зверь показывается, лежа на боку, тяжело дыша и теряя кровь. Безмолвие за светом, светом, что улетел за миг, оставив пустые тусклые глаза.

Он помнил последние охоты, как вставал над тушей, готовый выполнять привычную работу: сдирать шкуру, потрошить и рубить — и застывал, оглушенный безмолвием,

ревевшим в ушах как поток крови. Он осознавал, что стал носителем тишины, стал оружием против Воли, что за ним остается недвижная пустота.

Сюнидов было немного — сравнительно с просторами, которые они считали своими. Они осели на земле, охотились лишь на стада, мигрирующие с севера. Они держали коз, лошадей и странных косматых коров, и свиней. Охота перестала быть необходимостью.

Дамиск участвовал в истреблении стад южнее, не в стране сюнидов. Животные не возвращались в горные леса по исходу лета, но вряд ли это ослабляло сюнидов. Тут были иные причины.

Да-да, конечно. Он понимал. Сюниды не были слабыми, их было просто слишком мало против пришлых южан.

"Мы были носителями безмолвия. На время. До топоров и пламени, дорог и телег".

Глупые оказались умнее, они не оглядывались. Мудрецы не могли не оглядываться и страдали. Так люди делились надвое. Дамиск завидовал глупцам, выражению тупого непонимания, которое видел в их глазах, читал на лицах. *"В конце всего мудрость становится воплем"*.

Железные штыри вонзили в камни, проткнув его запястья и голени. Раздели догола, кожа пылала от холода. Теблоры оставили его одного. Оставили Воле.

Горы не рушились. Небо не отводило взор. Не появились облака, желающие оплакать его. Единственной компанией были кусачие мухи. Грудь вздымалась и опадала, вздымалась и опадала. Кровь залепила ноздри, стучала в висках. Во рту пересохло, губы потрескались. Сломанное запястье — заботливо стянутое ремнями, дабы он не оторвал предплечье, оставив кисть на скале — почти онемело и казалось неживым.

Он видел бога в цепях. Освободил, начав тем ужасающую бойню. *"В том мире Воля хотя бы отбивалась. Вот бы Он явился сюда сейчас. Ведь здесь и сейчас Он первым делом вырвал бы мою душу из плоти."*

Но моим правосудием стали Теблоры. Приковали к скале в стране, где нет места людям. Я... я не жалеюсь".

Тень упала сверху. — Дамиск.

Поморгав, он обрел зрение и хрипло вздохнул. — Ах, Рент, тебе не надо быть здесь.

Полукровка плакал.

— Тише, парень. Я уже умираю.

Вода заполнила рот Дамиска, вода из бурдюка Рента. Он закашлялся, но сумел проглотить. Потом отвернул голову. Бурдюк снова появился у губ. Дамиск ощутил веселье и даже улыбнулся. — Ага, вот идея. Утопи меня и обмани всех.

— Дамиск. Я подвел тебя. Но я ведь спрашивал, помнишь? Я освободил бы тебя, если бы ты велел.

— Мой выбор. Пусть не самый лучший. Но я избрал этот путь.

— Делас Фана сказала, саэмды готовы напасть на Серебряное Озеро.

Дамиск нахмурился. — Только они?

— Думаю, и другие племена.

— Не Теблоры?

— Сюниды, ради мести. Бывшие рабы.

— Остальные?

Рент покачал головой, утирая щеки и глаза.

— Там легион, парень. Малазанские морпехи. Где-то к югу от Кулверна, я слышал.

— Ты не смог их предупредить...

— Ах, я ошибался. Спорим, они уловили запах проблем и без меня. О чем же я, Рент... есть еще шанс. Для Теблоров и их союзников дело может обернуться худо. Вряд ли... но такое возможно. Держись. Помни об этом.

— Это не одна армия, Дамиск. Есть еще, к востоку. Все племена Теблоров.

— Значит, впереди кровавые дни. Не лезь в битву, Рент. Не твоя война.

— Не стану биться. Только если защищая Говера и Нилгхана, и... сестер.

Дамиск молча кивнул. Пора речей прошла.

— Ты еще будешь жить? Не живи долго.

Он покачал головой. *"Недолго"*.

— Ты стал мне первым другом, — рыдал Рент. — Из-за меня ты умираешь. Лучше бы дал утонуть в озере. Лучше бы мама зарезала меня, не себя.

Дамиск качал головой. — Никого она не зарезала.

— Знаю. Верю. Но теперь она умрет вместе со всеми. Мир слишком велик для меня, Дамиск. Хотел бы я быть дома. Умереть вместе с матерью.

Делас Фана оказалась у плеча Рента. Охватила его руками, стараясь увести. — Сделано, Рент. Вряд ли он тебя слышит. Уже скоро. Может, мы не успеем отойти далеко.

Рент обернулся. — Ты назвала это чистой смертью?

— Таков путь Теблоров. Преступник наедине со своей виной. Если мучается, то мучает сам себя. Это чисто, Рент. Скоро он уйдет.

"Ага", подумал Дамиск, *"это чисто"*.

Он закрыл глаза, стараясь дышать тише. Он понял Делас Фану. Если смерть не так близка, он сделает вид, что умирает.

Плач Рента терзал его. Он хотел увидеть его в последний раз — но кто захочет видеть при смерти лицо ребенка? После долгого, тяжелого вздоха он расслабил мышцы, щеки обмякли.

Всхлипывания затихли вдали. Солнце обжигало лицо. Мир стал оранжевым за веками.

Прогудели рога. Гулкий топот ног поднялся приливом.

"Я не кричал, когда они забивали иттыри. Не дергался, не бранился. Ничего им не дал."

"И вряд ли ни ожидали иного. Но поняли ли? Я южанин. Я из стран, где видели больше войн, чем может вообразить их воевода. Мы можем быть жалкими в мирной жизни — а кто не? — но в войнах... о, войны мы понимаем".

Воевода стал стрелой, пущенной на юг.

Но юг — это вам не глушь. Там всё знают о безмолвии, приходящем после последней капли крови. После последнего вздоха.

Что-то потревожило его, потребовало внимания. Звук? Он не чувствовал тела. Дамиск открыл глаза. Было за полдень. Армия давно ушла. Никто не топал ногами.

Жажда стала невыносимой. Кожа горела, облекая мертвую плоть.

Фыркание — да, оно — донеслось сбоку. Он повернул голову, попробовал сосредоточиться.

Серая медведица стояла, медленно переминаясь с лапы на лапу. Детеныши прильнули к мокрому животу.

Улыбка пришла на губы Дамиска, разлепляя их. Он ощутил вкус крови.

О, здесь было много запахов, которых медведям лучше избегать. Множество охотников,

которые убили бы их в одно движение. Но они ушли, оставив одного, с запахом крови.

— Я забрал твоего мужа, — шепнул Дамиск, зная, что это ложь. — Завалил его. Украл у тебя... помнишь? Он ушел слишком далеко. На плохую сторону гор. Я убил его.

Однако громадина колебалась. В лагере осталось много отбросов, звери не нуждались в Дамиске.

— Я убил его! — крикнул Дамиск громче. — Я твой! Где твоя смелость, проклятая?

Зверюга пыхла. Подошла ближе на несколько шагов, и снова застыла, приподнявшись на задние лапы. Показался медвежонок, и еще один. Они держались настороже. Зимний выводок, почти как взрослые черные медведи.

Дамиск мотал головой, пытаясь поймать ее взгляд. Касание глаз поможет, знал он. *"Тут есть всё для тебя, дамочка. Смотри на меня!"* Но голова ее моталась, раскрывались влажные ноздри. — Смотри!

Взгляды сомкнулись.

Ее движение было невероятно быстрым.

Дамиск не вскрикнул, когда штыри вонзались в тело. Ни разу.

Сейчас он кричал. Очень и очень долго.

Культ Колтейна, Черноперого Бога, вначале поднялся на Семиградье. За шесть лет стал доминирующей религией всего континента. Быстро вошел в период расколов, роста многочисленных сект — многие были тайными и радикально-гностическими.

Храмы Черного Пера появились в каждом крупном поселении. Место Падения превратилось в место паломничества. Размножались образы и символы, зачастую непостижимого смысла. Разумеется, всеобщим и понятным было черное перо, как и Х-образный крест, часто окованный золотом и серебром. Золотые подвески в виде бабочек были менее понятны, как и храмовая практика заботы о виканских овчарках.

Интересно, что верующие происходили не из класса солдат или воинов. Большинство притекали из беднейших слоев населения империи. Должники, обездоленные, увечные и больные. Какое-то время — поистине темное — новообращенные похищали солдат и приносили в жертву в беднейших кварталах, среди круга отверженных. Разумеется, кары за это последовали суровые и официально одобряемые.

И конечно, эффект оказался обратным ожидаемому. Похищения прекратились. Однако вера стала верховым пожаром, охватившим не только Семиградье, но и остальные территории.

В малазанской армии этот культ презирали.

"Поджог, или Рождение новых религий в поздней Малазанской Империи". Фаэл Эйбел из Арена, что стоит подле места Падения

Серлис привели в комнату, загроможденную военным имуществом. Тощий юнец с сопливым носом подвел ее к столу. За столом восседала широкоплечая пожилая женщина, перебиравшая россыпь инструментов и кожаных ремешков. У нее были волосы на подбородке и по линии челюсти, плоское лицо намекало на ривийское происхождение. Запавшие темные глаза равнодушно изучили Серлис.

— Я Бловлант, — сказала женщина грубым, хриплым голосом. — Ты новенькая, так шо сиди и слушай и раскрывай глаза ширше.

На краю стола лежал ворох кожаных доспехов. Бловлант сунула в него корявую руку и выудила рубаху с длинными рукавами. Всю в полосах прорех, кровавых пятнах и дырах.

Серлис узнала ее. — Это Водички.

— Как и всегда, — тускло сказала Бловлант. Скомкала и кинула на пол. — Ее излюбленная, говорит. Вешно хочет ее обратно сшить. И не спорь. Никогда не спорь. Так шо мы берем новую, вишь? Делаем порезы и тут же зашиваем, и молотим о камни и всячески мнем. Потом отдаем назад и она рада. Варбо! Тащи новую для Водички!

Еще один работник рылся в ящике у стены. — Это не Водичкин ящик, Блов. Это ящик Второго взвода.

— Так найди Водичкин!

Варбо распрямился, почесал шелушащийся лоб. — Мы ж в городе и не думали что нужно, так чтож упаковали глубоко в погреб.

— Глупо сделал, Варбо. Неважно где она. Водичка всегда найдет повод пролить кровушку. Какой ты идиот, если не знаешь? Иди ищи рубахи!

Скривившись, Варбо затопал из комнаты.

Бловлант вздохнула. — Он был солдатом прежде, а посла получил в голову. Теперша может лишь считать. Вместо щет держим. — Она указала на другую рубаху. — Вишь как дурно пахнет? Эта Кожухова. Лопнули пряшки. Легко чинить.

Серлис села и огляделась. И пусть работа нудная. И пусть Бловлант уродлива лицом и пахнет не лучше лошади. Здесь, в обществе обозников, ей будет безопасно.

Четыре дня назад она хотела перерезать себе горло. А теперь вокруг нее много пустого нового места, которое нужно заполнять новыми вещами. Ей казалось, что она помолодела.

— Шо у тебя в глазах, девка?

— Слезы. Прости.

Бловлант уставилась на нее, потом со вздохом взяла рубаху. — Это ш просто пряшки, девка, а пряшки ломаются. Кожух ломает пряшки потому шо он толще, чем думает. А мош нет. Мош это Фолибор, крадется ночью, когда Кожух спит, и ломает, шоб Кожух думал, шо он разжирел. Почему ишо Фолибор чует к нам вину и покупает пряшки горстями, а ишо вино? Вишь? Все дело в понимании. Наши солдаты не задираются. Вот капитан Грубит — ох, это совсем иное дело! Его починку оставь мне. Хорошо шо он почти всё делает сам. Любит это дело. — Она поднесла палец к волосистому виску, делая круговые жесты. — Кто ш мог подумать, а? Лучшие швецы в легионе хотят лучше потрошить людей! Напрасная трата! Напрасная! Ну, подай тот ящик с пряшками и я покажу как и куда.

Штырь открыл дверь капитанской конторы как раз вовремя, чтобы помощники мэра выволокли бесчувственное тело.

— Мэр как раз уходит, — сказал Грубит из-за стола. — Входите, сержант, — пригласил он, хмуро рассматривая круглые алые брызги на потертой столешнице. — Похоже, дерево тверже кости. Интересно! Садитесь, старый друг. Прошу.

Штырь поправил стул и сел. — Капитан, на северном берегу озера замечено движение. И компания Балка зашевелилась. В западном лесу полно гостей, только они не кажутся заинтересованными в торговле.

Грубит отыскал в корзине старую тряпку и вытирал кровь. — Этот сорт упрямства, сержант, оставляет меня в недоумении. Другие сорта я отлично понимаю. Например, Бенжера с его решимостью исцелить местную женщину, одержимую неуправляемыми влечениями. Даже блаженную Водичку с желанием устроить погром в любом месте, где она окажется. Но стоять пред лицом разумных доводов, корча рожу и вздувая жилы на лице и шее. Какое создание добровольно упорствует в этом?

— Тупое, сэр.

Грубит наставил на Штыря длинный, безукоризненно ухоженный палец. — Вы точны, мой дорогой! Весьма! Что же, отлично проделано. Купите последних одров, что сходят здесь за лошадей, и пусть рабочие удвоят усилия. Колеса, оси и дуги. — Он бросил кровавую

тряпку в корзину и сел прямее. — Больше мешков с зерном и так далее. Расширьте пути обхода патрулей, особенно на северо-востоке, за опушку. И конечно, следите за югом и западом. Новые тетивы для арбалетов, новые наконечники для болтов. Раздать взрывприпасы... — Он замолчал, разводя руками. — Ох, послушайте мой лепет! Перед ветераном и так далее!

Штырь пожал плечами: — Забыл последний раз проверить фургоны. Благодарю, что напомнили. — Он помялся. — Эвакуация горожан по первому сигналу остается проблемой, сэр. Особенно в нынешнем состоянии... сознания мэра.

— Бессознательном? Вовсе нет. Оно идеально!

— Пока не очнется.

— Будет мутиться в голове несколько дней, уверен. О, у нас есть несколько дней?

— Неделя — при удаче, сэр. Но Благая Ролли так бы не сказала. Три, может четыре дня.

Капитан потер гладкий подбородок. — Я подумываю послать регуляров в охранение гражданских. Скажите им, не больше полудня для сборов. Знакомые лица утешат местных жителей, я уверен.

— Да, сэр. Рад слышать. Ролли всё устроит.

— А нам, морской пехоте, остается самое сложное — держаться как можно дольше, лишь бы беженцы получили благословенную фору. У нас некоторый некомплект личного состава.

Штырь на миг всмотрелся в капитана и кивнул. — Да-а, сэр. Некоторый.

— Скучна, Дай и Кожух для активных действий. Командовать ставьте Подтелегу. Сегодняшней ночью.

— Слушаюсь, сэр.

— Глиняный Таз, Ори Громче и Фолибор — резерв на случай прорыва. Бенжер прикрывает. Сегодняшней же ночью.

— Я поставлю Моррута присмотреть за Бенжером.

— Хорошее замечание. Неужели я реально поставил Бенжера командовать? Благие боги. Боюсь, я отвлекся.

— Что-то не так, сэр?

— Ничего, с чем не справится умелый макияж. Благодарю за доклад, сержант Штырь.

Штырь встал и вышел.

В патруль Вам Хана вышел с Водичкой. Что-то в ней всегда его напрягало, и не только зловещие глаза на шарфе и даже не тату-веревка под шарфом. Сегодня ей достался старый нагрудник, плохо сидевший и потерявший почти все железные клепки — кроме двух, на уровне сосков. Одно это могло обескуражить, да еще лишь одна из клепок оказалась прямо над соответствующей грудью. Вторая клепка торчала косо, отчего Водичка при взгляде спереди напоминала — как ни странно — женщину с косящим глазом.

Да, полная чепуха, отчего Вам чувствовал себя сбитым с толку и разочарованным. Он даже не глядел на клятые клепки; однако он был взрослым мужчиной, ценителем женщин, и привык восхищаться, поглядывая на грудь, пусть даже искоса, и сейчас ощущал себя выведенным из равновесия. Почему-то горчило во рту.

Ее внимание не помогало. — Ты просто мужик, Вам Хана. Не паникуй. То есть я не раз видела, как у тебя выпирает между ног. И даже голым видела.

— Что? Когда?

Поднявшись на склон, он обошли восточный край города, далее было напольное пространство шагов в семьдесят, за ним неровная линия молодых деревьев и пней. Дальше начинался густой и старый лес.

— Ты был один в палатке. С ведром и тряпкой, вытирал кровь и пот. Как раз когда мы пришили Балка.

— Но... как ты там оказалась, во имя Икари?

Она пожала плечами: — Срезала путь через садок.

— Срезала путь? Мы стояли лагерем!

— Ладно-ладно. Мне захотелось увидеть голого мужика, признаю. Нас измолотили. Я заметила, как ты ползешь в палатку с ведром.

— Слушай, — ответил Вам Хана, — просто срежь проклятые клепки.

— Ни за что. Они защищают соски.

— О, тогда... постой. Ничего они не защищают!

— Один защищает.

Он вцепился ногтями в лицо. — Понял. Врубился. Понял и тебя, и себя. Сейчас все трахаются со всеми, потому что впереди заваруха. Но мое сердце отдано другой...

Водичка остановилась, схватила Вама за руку и тоже заставила остановиться. — Ты не можешь, солдат. Морпехи так не поступают. Шрейка — сержант и скажу тебе, Вам Хана, нам противно видеть, как она млеет по тебе.

— Она что? Правда?

— Сосет косу словно член и так далее. По мне мурашки ползут.

— Косу словно..?

— Ага, разве не очевидно? Она пожирает тебя у всех на глазах, и нам глаз не отвести! Отвратительно.

— Не хочу спать с тобой.

— Хорошо, ибо взаимно. На краю насыпи есть сарай, вон там впереди. Забит сушеной рыбой на подвесках, но пол мягкий — там сети. Однако предостерегу. Слишком много писка и треска, и нас заметут. Вот как было с Подтелегой и женой купца. Скандал! Весь город говорит.

Вам Хана смотрел на Водичку, пытаясь понять. Но тут же сдался. Никому не дано понять Водичку. Женщина внутри ее головы живет в очень странном мире, и доказательство перед ним. Не говоря уже о словах, льющихся из ее рта. — Давай закончим сразу, — сказал он. — Ни сарая, ни чпока. Два морпеха в патруле, верно?

— Точно, — пожала плечами Водичка. — И не будем замечать волосатого лазутчика в лесу, что идет за нами.

— Ну да. Так мы и не замечаем, верно?

— Точно. Я сказала Муштрафу поговорить с ней...

— С кем?

— Со Шрейкой. Сержант с сержантом. Но если не сработает, просто отрежу косы. Потому что, говорю, с нас довольно.

— Тебе не захочется разозлить Шрейку. Я видел...

— Как и все. Меня это не беспокоит.

— Кто там впереди? — спросил Вам. Кто-то взбирался на холмик у озера, волоча нечто тяжелое и громоздкое.

Водичка вздохнула: — Аникс Фро. Идем, это нужно видеть.

Они ускорились. — Видеть что?

— Аникс Фро изобретает глупые штуки. Потому что она изначально глупа, благословите ее боги, а значит, любое ее изобретение столь же глупо. Бедная Аникс.

— Она знает, что ты считаешь ее глупой?

— Нет, думаю, для этого она слишком глупа. Не пойми неправильно, Вам Хана, она не похожа на сестрицу, которую ты пытаешься оставить позади вместе с прочими подругами, но смотришь, а она за спиной. Какая досада! И ты изобретаешь новую игру — "привяжи сестрицу к дереву", и поначалу всё хорошо, вам весело, но когда все разбегаются, а она остается привязанной, это уже не весело. Ну, для нее.

— Ты ведь это придумала на ходу, правда?

Водичка поглядела искоса: — Не позволяй Шрейке тебя затрахать, вот я о чем.

— Я думал, мы о...

— И не пялься на мои штырьки. Или передумал насчет сарая?

— Не хочу спать с тобой!

Сказано было так громко, что Аникс Фро услышала. Повернулась от треноги. — Умница, Вам Хана. Я-то считала тебя глупым. Трахающие Водичку плохо кончают, во всех смыслах. Когда она говорит "бедный тот и бедный этот", это значит "о, да мертвые они, ведь я их убила". — Она согнулась, поднимая тяжелую трубу с расширением на одном конце, железную, длиной с осадный арбалет. На середине трубы был колышек, который она вставила в отверстие треноги. Проверила, легко ли крутится, и кивнула. — Вам стоит отойти. Хотя не тебе, Водичка. Если хочешь, можешь встать вон там, где у трубы большая дырка.

— Так это твоя Железная Пасть, — уперлась Водичка руками в бока.

— А что она делает? — спросил Вам.

— Аникс говорит, она изменит всё. Знаешь, вот как я изобретала магов-ассасинов.

— Ты не изобретала магов-ассасинов, — сказала Аникс.

— Только для того, чтобы идею украли.

— Тогда ее украли еще до твоего рождения.

— До сих пор крадут, Аникс.

Вам Хана кашлянул. — Я спрашивал у Аникс Фро.

— В нее забит мешочек с одной дрянью, а в другом конце лежит обезвреженная смесь для припасов — настолько обезвреженная, чтобы не взорвалась на воздухе. Разумеется, я это сама изобрела, ведь если тебя коснется гений, сам поймешь — приходится изобретать много всякой дряни, чтобы изобретение заработало. Это осложняет и замедляет прогресс. Но сейчас я готова к испытанию.

— Значит, сразу два изобретения, — заметил Вам Хана, кивая.

— Ну, скорее шесть. Хотя по большей части механических. Принцип в своей основе прост...

— Вы будете так стоять и болтать до полудня или поглядим, как она работает? Хотя, скорее, не работает.

— Я хотела это сделать в тайне. Разве ваш дозор не окончен? Почему бы не удалиться в сарай? Обещаю, что не наведу на него Железную Пасть. Если только случайно...

— Он не хочет трахаться, — сказала Водичка. — Миру скоро конец, а он не хочет трахаться. Думаю, с Ханой что-то не так. Если честно, всегда так думала.

Скрестив руки и поджав губы, Аникс Фро вглядывалась в них. Пожевала катыш листа и

перебросила за другую щеку. — Отлично. Я говорю, станьте дальше.

Она повернула Железную Пасть раструбом к лесу. — Регулярам нужен будет обычный источник огня, я придумала это для регулярных войск, не для морпехов. Мне же нужно лишь щелкнуть пальцами. — Так она и сделала.

Взрыв был оглушающим, огромное облако дыма вылетело из Пасти, а сама она отлетела назад, уронив треногу. К счастью, там никто не стоял. Небо над лесом внезапно заполнили кричащие птицы.

Тряся головой, чтобы избавиться от звона в ушах, Вам Хана поглядел на Аникс Фро. Увидев широкую улыбку на обгоревшем лице. — Успех! — крикнула она словно очень издалека. И побежала проверить Железную Пасть.

Вам Хана моргал, не вполне понимая, что произошло. Палец уперся в плечо, и еще, и еще. Он сердито поглядел на Водичку.

Однако она не смотрела на него. Нет, взгляд ее выхватил что-то среди деревьев. Вам всмотрелся. Увидел языки пламени на почве и в сучьях, окруживших странную горизонтальную дыру, глубоко уходящую в лес. И нечто необычное на этой новой тропе.

— Пара ног? — сказал Вам Хана. — Просто стоит? Где... где остальное?

— Наш пронырливый лазутчик, — сказала Водичка. — Увидел больше, чем хотел бы. Бедный шпион. — Она повернулась к Аникс Фро. — Ты сейчас убила жителя Вольных земель, Аникс, лазутчика, что следил за нами. Нет, дай изложу иначе: ты, может быть, только что начала войну.

Аникс Фро подавилась полупережеванным катышем ржавого листа, потратив время на надсадный кашель. Наконец выплюнула его. Выпрямилась и устала на Водичку.

— И теперь, — продолжала та, подходя к упавшей Железной Пасти, — самый насущный вопрос. Как долго ее перезаряжать?

— Примерно полдня.

— Вот погоди, узнает капитан. Бедная Аникс Фро. Начала войну с двадцатью тысячами диких туземцев.

Аникс облизала губы бурым языком. — Намекаешь, лучше было нацелить на ваш сарай?

Крик замер и поднял голову. Хмурый Шугал пожал плечами. Их призвали на совещание в командном шатре Балка. Главный проход давно стал мешаниной грязи и притоптанной травы. Наемников уже две недели осаждала кусачая мошкара, и вокруг повернутой на север головы Крика вилось целое облако.

— Ты слышал? — спросил Крик.

Шугал поглядел на городок. Вдали за ним, около леса, в воздух неспешно поднимался шар черного дыма. — Морантские припасы?

— У них уже нет морантских припасов.

— Значит, малазанские припасы.

Крик кивнул. Как будто прожевал мысль и ответил: — Они взрываются случайно, там и тут. Может, подорвался морпех. Или целый взвод.

— Было бы мило, — сказал Шугал, которому не терпелось продолжить путь, уходя от клубящейся мошкары.

Крик двинулся к шатру.

Шугал успел устать от Крика, хотя и не так, как от Спицы. Она постоянно пила, но ухитрялась не отставать от Балка, вклинившись где-то между капитаном и лейтенантом

Арой. Что кое о чем говорило. Не сомневайтесь: дела тут пошли наперекосяк. Было трудно вообразить, что Балк предпочтет Спицу своей Аре. Они ведь появились вместе и даже могли быть женаты, насколько слышал Шугал.

Он сам не прочь был бы оказаться с Арой наедине, ночью. Если хорошо подумать. Ночь началась бы с игры, в которой голые тела покрываются потом. Ножи потом, ведь стоны жертвы звучат приятнее стонов любовницы — особенно когда льются из одних уст. И как меняется выражение глаз: от томного наслаждения к открытому страху. Одно это заставило бы его дрожать в экстазе.

Он хотел бы проделать что-то такое и со Спицей. Проблема была в том, что она пьяная и вряд ли что-то ощутит. В том и другом смысле. Хуже. Она могла замышлять то же, что и он, так что чей нож окажется у чьего горла — большой вопрос. Шугал ненавидел вид собственной крови. И ощущение боли, если хотите знать.

Они были уже у шатра. Крик вошел, не задерживаясь; Шугал заметил на страже Паллета и замедлил шаг.

— Скоро, солдат, скоро.

Паллет ответил улыбкой, открывшей зеленые зубы. Казалось, этот тип гниет изнутри. Хотя с копьем очень опасен. — Уже вижу на берегу ряды кольев с головами, сержант. Точно.

Паллет потерял друзей из-за этой роты морпехов. И не позволял погаснуть огню злости. — Придет время. Гарантирую тебе веселье.

Короткий кивок стал ответом.

Шугал вошел внутрь.

Ара, Спица и Крик уже уселись, а Балк стоял у стены, около узкого столика с мечом и поясом. Рука капитана касалась деревянных ножен. Он провел по всей длине и обернулся к офицерам.

— У нас сложилось впечатление, что их рота лишена взрывприпасов. Кому поручали проверить содержание обоза — Драчуну и Байрделу?

Шугал поглядел на Крика. Да, взрыв был слышен всем. Похоже, он зашел, пропустив начало спора. Его не подождали.

— Нет причины беспокоиться. — Язык Спицы слегка заплетался. — Слово даю, эти шутки убили больше морпехов, чем их противников. Да нам даже вспотеть не придется на этот раз. Ведь лес кишит жизнью. — Она улыбнулась своей мысли, темные глаза блестели.

— Мы остаемся на месте, — сказал Балк. — Держим юг, стоим колючей стеной, ни на шаг назад.

— Лучше бы нам сразу сказали, — буркнул Шугал, поспешно добавив, — сэр.

Балк вздохнул. — Разве было не очевидно? Мы уже вышли в поход. Контракт с бароном был задержкой, чтобы подтянуть резервы. — Он смотрел на Шугала с явным осуждением. — Понятно ли тебе, Шугал? Контракт подписан давно, и дело лишь в сроках исполнения. А *имперский* контракт — ну, он был слишком вкусным, чтобы отказываться.

Спица и Крик засмеялись, как будто знали всё заранее. Шугал был убежден, что это притворство.

— Так какой контракт мы выполняем сейчас, сэр?

— Вряд ли ты мне поверишь. Вернемся к припасам. В лесном бою их не использовали. Это внушило мне, что у них плохое и ненадежное снабжение. Было бы неплохо узнать, что случилось и были ли жертвы, но мы слишком долго изображаем равнодушие. Не важно, ведь припасы вряд ли будут направлены против нас.

— Нет, пока они верят, что мы играем за них, — вставила Спица.

— Что важнее, — продолжал Балк, — наша прежняя пассивность их озадачила. — Он внезапно потряс головой. — Не знаю, почему я так много о них думаю. Сколько их, всего восемнадцать? Горстка регуляров разницы не делает. Главное неизвестное число — маги. Мы насчитали четырех. — Он поглядел на Ару.

Та кивнула. — Бенжер, Водичка, Глиняный Таз и Омс, хотя насчет Омса мы не уверены и его уже не видят в дозорах. Известно, что он уходил в лес. Полагаем, племенам надоели его подглядывания, и с ним разобрались.

— Мы не связываемся с племенами? — спросил Шугал.

Лейтенант пожала плечами. — Языковые барьеры.

— Мы поддерживаем дистанцию, — сказал Балк. — Они знают, что на нас не надо нападать. Об этом я заботился в первую очередь. Подробности о происходящем в лесу не требуются. — Он помолчал. — Убийство самого могучего шамана их наверняка ослабило. Но буду честным, это не наша проблема.

Шугал качнулся вперед. — Капитан, мы ведь не отдаем морпехов племенам, верно? Ну, не полностью? Не лучше ли получить нескольких живыми?

На лице Балка мелькнуло отвращение, быстро сокрытое; капитан сверлил взглядом Шугала. — Уверен, сержант, ты получишь возможность. Куда будут отступать морпехи? В наш лагерь, больше некуда.

— А горожане? — спросил Крик.

Балк пожал плечами. — Сомневаюсь, что кто-то сумеет выбраться.

— Но, — сказал Шугал, — что потом? Ну, когда дело решится.

— Кулверн. Если успеем первыми — чего не гарантирую — ударим по гарнизону, а с появлением десяти тысяч туземцев прокатимся по ним без задержек. Затем мы соединимся с куда большей армией, и города юга откроются нам. В совместном походе мы будем усердно привлекать новобранцев.

— Это будет необходимо, — вставила Ара. — Едва вся Малазанская Империя начнет огрызаться.

Балх нахмурился, но промолчал.

"Ага, теперь понял". Любовница Балка не убеждена. А вот Спица не упускает возможности, и зуб и глаз отдать готова. Путь на юг обернется рекой крови. Шугал вдруг испугался: а если Спица сумеет отодвинуть Ару и даже изгнать из компании? Потом заберется к Балку под меховое одеяло. Это станет проблемой, ведь она знает амбиции Шугала.

"Проследит, чтобы меня убили. При первом случае. И поможет ей Крик".

Молчание после комментария Ары затягивалось, заставляя нервничать всех. Балк опомнился. — Уже недолго. Следите за своими отрядами. Лагерь опустеет к утру. Чтобы все были наготове!

Шугал глянул на Спицу, но ее пьяная гримаса не менялась.

Одной ногой уде ступила на клятый пьедестал. И знает это.

"Как сказал Балк: уже скоро".

Солнце наконец-то покинуло небо, ночь обещала быть теплой, почти знойной. Фолибор и остальные из тяжелой пехоты собрались в "Черном Угре", а Сторп открыл дверцу винного погреба, чтобы охладить зал.

— Качество жизни оставляет желать лучшего, — вздохнул Фолибор. — Мы живем в темнице, и узорчатые занавески на зарешеченных окнах сути не меняют.

— Тюремный народ ночами, как правило, сладко спит, — заметил Дай и подавился элем, ибо Ори громче толкнул его под локоть. Дай сверкнул глазами. — Вот сокамерники — это проблема.

— Все мы словно белки в клетке, — сказала Скудно-Бедно. — Поглядите на Дая и Ори. Совсем белые, взбеленились от злости.

Кожух фыркнул: — Белену им белки принесли?

Скудно-Бедно наморщила лоб. — Нет? Я как-то видела...

— Нет, — заверил Кожух, неспешно покачивая головой. — Это классическая ложная ассоциация, зачастую поражающая скудные умы. Белки. Белена. Но ведь белки не белые, и белена тоже не белая, и...

— И белки не беленятся, — прервала его Скудно-Бедно, кивнув себе.

Кожух подался вперед массивным носом, глядя на нее. — Я не отвечаю за смятение в твоих мозгах.

— А мне кажется, ты виноват! — рявкнула Скудно-Бедно.

— Дикарям живется отлично, — сказал Фолибор, пытаясь вернуть дискуссию к началу. Не он ли ее начал? Он уже сомневался. И что? — Ни денег, ни налогов. Они даже не объявляют своей землю, на которой обитают. И еще зубы.

— Что? — спросила Скажу-Нет.

— Зубы. Когда перебьем очередную пару сотен, проверь зубы. Нет гнили, это из — за их пищи.

— Лучший способ навредить племени из Вольных земель — дать им сладкое, — сказал Кожух. — Они пристрастятся. И будет плохое.

— Потому что сладости вкусны! — прорычала Скудно-Бедно, весь вечер бывшая в дурном настроении. — Разве не жестоко лишать их сладкого? А если племя погибнет, то из-за внутренней слабости. При чем тут гнилые зубы?

Дай сказал: — Людоедство хорошо для зубов.

Вздохнув, Фолибор отозвался: — Он не людоеды, Дай.

— А были бы, сохранили бы зубы. Зубы были бы лучше, чем у всех.

— Но съесть Аникс Фро они не смогли бы, — заметил Кожух.

— Почему?

— Потому что она сладкая.

— Кожух весьма прав, — сказал Фолибор. — Насколько мы знаем, он присластился к ней, и он не людоед, если песочное дерьмо счесть показателем.

Скажу-Нет поперхнулась элем. — Песочное дерьмо?

— Те кучи, что он оставляет в лотке с песком. Ну, теперь он научился пользоваться лотком. Не хочу говорить, на что это было похоже раньше.

— Этой ласке я чуть голову не раздавил, — сказал Кожух.

— Дерьмом? — спросила Скудно-Бедно. — Это же какая должна быть куча?

— Нет, — сказал Кожух с расстановкой. — Между коленок.

Все уставились на Кожуха, даже Фолибор.

— И спрашивать не хочу, — заявила Скажу-Нет.

— Я спал в койке, понятно? А Тварь любит спать со мной под мехами и...

— В собственном меху?

— Ну, Скудна, да, у нее есть мех, но я не об нем. Я о меховом одеяле, в которое вшиты и шкурки ласок, хотя к счастью Тварь не распознала близкого родства...

— Итак, Тварь спит под мехами ласок в дополнение к своему собственному.

— Ладно, — согласился Кожух. — Здоровое суждение. О чем я?

— Голова Твари между твоих коленей.

— Спасибо, Дай.

— Я Ори Громче.

— Да, но я глядел на Дая, когда он повторял губами твои слова. Знаешь, он так делает.

Выглядит ужасно.

— Между коленей!

— Полагаю, Тварь хотела тепла. Что ж, если между моих ног заползает что-то теплое и мохнатое...

— Стоп! — закричали почти все.

Через миг Скажу-Нет громко фыркнула. — Тварь охотилась на мышей. Тут легко ошибиться.

— Я пытаюсь показать, — продолжил Фолибор, — что жизнь Вольных кажется более сбалансированной, легкой и приятной, чем жизнь типичного цивилизованного гражданина империи — или любой другой цивилизованной страны.

— Трудно квалифицировать, — буркнул Кожух. — Слишком субъективно, вот так.

— Зубы, — сказал Фолибор.

— Мне жаловаться не на что, — возвестил Ори Громче, показав всем ровную белоснежную улыбку.

— Наши правила гигиены, — указал Дай. Ори Громче неслышно повторил его слова, даже обращенные к самому себе. Оба засверкали глазами.

— Так или иначе, — продолжал Фолибор с тоном отчаяния, — в вопросе неизбежного вторжения я не могу понять их мотивов...

— Сладости!

— Людоедство!

— Ласки!

— ... и, — напирал Фолибор, — склонен считать, что Вольные вторгаются не потому, что чего-то хотят, но потому, что им приходится вторгаться. Подумайте о стадах карibu, бегущих на юг, и этих тундровых крысах. Что-то, — закончил он многозначительно, — творится на севере.

— Чреватый вывод, — пробормотал Кожух, сведя пышные брови.

— Возможно, пророческий, — добавила Скудно-Бедно. Вынула тряпку, сунула за воротник и принялась вытирать между грудей.

— Тебе точно нужно это делать при всех? — возмутился Дай. — Отвратительно.

— Что отвратительно — это пот между грудей, — возразила Скудно-Бедно. — Ни разу не видела, как ты протираешь между ног. Могу только вообразить, какой там кошмар.

— Природа, — протянул Дай, — всегда находит равновесие. Зачем мешать ей в столь деликатном деле?

— Я видела лошадь, которая сбежала, едва ты на нее поглядел искоса.

— Это не та, что всюду ходит за тобой?

Дверь открылась, Фолибор обернулся к гостю. — А, пришло время поработать. Сержант Муштраф, ну разве не приятный вечер?

Муштраф скривился. — Пьян?

— Нет, никак нет.

— Не пьян? Значит, свихнулся, — кивнул Муштраф. — Ночь кишит кусачими мухами, а вам пора ползти в траве. Без ругани. Нужно всё сделать скрытно. Бенжер поможет. А теперь, — оглядел он тяжеловесов, — по местам. Уносите свои зады.

Все встали. — Вы с нами? — спросил Фолибор.

— Нет. Идите. Я встречаюсь со Штырем и Шрейкой. Сегодня командуют Снек, Подтелега и Моррут. Боги подлые, Скудна! Что ты делаешь?

— Гигиену. Попробуй как-нибудь.

— Идемте все, — сказал Фолибор. — Оставим сержанта в покое.

Они вышли. У двери Ори Громче склонился к Скудно-Бедно и сказал, негромко, но не так, чтобы никто не расслышал: — Эй, могу взять себе твою тряпку?

Муштраф плюхнулся на стул, Сторп тут же подошел с двумя кружками. Пододвинул одну сержанту, сам сел напротив и смотрел, как тот пробует.

— Что теперь, Сторп?

— В мои дни тяжеловесы были идиотами.

— И сейчас идиоты.

— Не уверен. Они сообразили, что это не обычное нашествие.

Муштраф фыркнул. — Долго соображали. Десять тысяч карибу бегут на юг, через месяц один тяжеловес говорит "Хэй, это было странно", второй кивает и говорит "Думаешь, это что-то значит?" и эти свои "многозначительно, чреватое, зловеще". Много слов, один треклятый смысл. — Он уставился на Сторпа. — Я же сказал, идиоты.

— Вам не хватит времени для эвакуации города.

— Они здесь все упрямы. Слушай, Сторп. Может, ты вмешаешься и убедишь их, что тут либо бежать, либо погибать?

Теперь Сторп уставился ему в глаза. Смотрел, пока сержант не выпил еще. — Когда служишь, — начал Сторп, — не врубаешься. Когда в отставке, ну, до тебя доходит. Дело в якорях. Дело в том, чтобы найти место на остаток жизни.

— Кстати, у тебя отличный фургон. Возишь фляги и бочки.

— Так и я об том. Вы его не получите.

— Нет, получим, — буркнул Муштраф. — Вот почему нам не хватило времени. Одного толчка недостаточно. Даже пинок не помогает. Остается крайнее средство: острие меча. — Он подался вперед. — Реально хочешь отведать наших мечей, Сторпи? Если придется, отведаешь. Результат будет одинаков, так зачем топтать ногами и визжать?

— Постареешь, — ответил Сторп, — сам прекратишь бегать и куда-то стремиться. Назовешь место своим и встанешь насмерть.

— Они не такие старые.

— В головах — старые. Думаешь, твои скитания — норма? Что-то типичное? Армии привлекают людей особого рода. Ты словно слепнешь и не понимаешь, что таких меньшинство.

— Предпочтешь остаться и умереть, или бежать и выжить?

— Думаешь, это такой простой выбор?

Дверь открылась, вошли Штырь и Шрейка, за ними Глиняный Таз.

Сторп крикнул, вставая и унося кружку к бару. Пока все садились, Муштраф хмуро

сказал Глиняному Тазу: — Что ты тут делаешь? Я думал, тебя послали на... задание.

— У Глины есть донесение. — Шрейка выгнула спину и провела пальцами по длинным волосам.

— О, вот идея, — заметил Мушграф. — Дай-ка встану и подвигаю ноющим тазом, вперед-назад.

— Я просто потягивалась! — сказала Шрейка. — Сторп, чего так долго?

— Ему нужно пришить третью руку, — объяснил Мушграф. — Требуется время.

Сторп вернулся с хитроумным подносом, надежно вмещавшем три кружки. Глиняный Таз взял прямо с подноса и выпил разом. Махнул Сторпу пустой кружкой.

— погоди, — велел Штырь. — Сначала твой доклад, Глина.

Солдат скривился. Сторп отошел. — Ну так, это не доклад. Просто ощущения.

— Готовься, едва закончим, удушим тебя в объятиях.

— Рад, что ты не мой сержант.

— Нас двое, радостных.

Глиняный Таз уныло глядел в пустую кружку. Потом вздохнул, опустив ее. — Я говорю за себя. Быть морпехом — работа не хуже прочих. Так я вижу. И примечать — не моя работа, разве только важные вещи. Бенжер что-то сделал, исцелив ту горожанку. Сместил что-то вдалеке. Изменил... внимание.

— Какое внимание? — сказал Штырь.

Глиняный Таз пожал плечами. — Неважно какое, сержант. Внимание есть внимание, и почти всегда это плохо. А на этот раз еще хуже.

Мушграф оперся локтями о стол, потер глаза. — Боги подлые, удивляться ли, что наш Глиняный Таз до сих пор тайна для всех?

— Кровяное масло — странная вещь, — сказал солдат. — Одна здешняя женщина годы и годы жила под его влиянием. Оно убивало магию. В самом масле что-то противостоит магии. Вы еще со мной? Благодаря Бенжеру масло исчезло.

— И при чем тут смена внимания? — спросил Штырь.

— Кровяное масло было принесено богом. Вот какое внимание. Вот что ушло отсюда. Оставив большую дыру. Но большие дыры недолго остаются пустыми. Появляются другие шуки. Магию будет легче творить? Ага, верно. Тут соберутся мерзкие твари? Наверняка.

Штырь сказал: — Ты о том, что нам нужно опасаться лесных ведунов и ведьм?

Глиняный Таз кивнул: — На этот раз, когда они призовут духов земли, ничто не помешает отозваться самым большим и злым.

— Благодарю, морпех, — сказал Штырь. — Можешь идти.

Солдат встал, обменялся веселым взглядом с сержантом Шрейкой и вышел.

— Ути-пути, вот как? — сказал Мушграф. — В собственном взводе!

— Я не поощряла, чтоб тебя!

— Потому что хочешь поваляться с Вамом Ханой? Он тоже в твоём взводе!

— Может, я хочу поваляться со всеми!

— Но особенно с Вамом.

— Да, чтоб тебя! — Она сунула конец косы в рот и принялась жевать.

— Мушграф, — приказал Штырь, — Водичку придержи.

— Это ей не понравится.

— Скажи, что она понадобится для охоты на ведунов и ведьм, уже не упоминая о духах.

— О, это ей понравится.

Шрейка удивленно хмыкнула и сказала через косу: — Пусть возьмет с собой Аникс Фро. Я тут видела две ноги без всего, что выше колен.

Штырь не обратил на нее внимания. — Капитан желает, чтобы регуляры начали выводить горожан. Завтра к полудню. Но им точно понадобится помощь.

Муштраф покачал головой. — Местные могут взбунтоваться.

— Скорее попрячутся по подвалам и так далее. Тут нужны будут все три взвода, пусть помогают Благой Ролли. — Штырь замолчал. — Компания Балка что-то предпримет — или нет. Так или иначе, мы узнаем что-то новое.

— И чем-то ответим, — произнес Муштраф.

— Ага. Никак иначе.

Шрейка вытащила косу изо рта. — Не врубаюсь. Если мы знали, что им нельзя доверять — зачем их наняли?

— Чтобы убраться из леса, — сказал Штырь. — Собрав в одном месте, на виду.

— А если Омс не вернется вовремя? — спросил Муштраф.

— А я скажу, это дерьмовый способ воевать, — буркнула Шрейка. — Война, в которой не воюют. Вот я о чем.

— Нельзя воевать, когда враг не желает показываться. Но уже недолго. Они здесь, и скоро они двинутся на нас.

— Ты проделала отличную работу, как всегда, — заметила Водичка, поднимая кожаный доспех. — Даже кровавые пятна оттерла. Чудесно.

Бловлант только кивнула и ушла в другую комнату.

Серлис из-за своего стола смотрела, как Водичка, будто не замечая выпучившего глаза Варбо, стащила прежнюю кожаную рубаху и натянула новую. Взяла в руки старую. — Эй, Варбо, иди сюда. Ты ставишь клепки, верно? Видишь, тут осталось всего две, на нагруднике? Хочу, чтобы ты их обстрочил.

— Могу добавить новые...

— Нет. Только эти две, но красиво обстроченные.

— А зачем...

— Вам Хана такой разборчивый, — объяснила Водичка, бросая старую рубаху в руки Варбо. Повернулась к Серлис. — Так ты здесь. Завтра едете с горожанами, мы вывезем всех. Садись в закрытый фургон с Бловлант. Так соседи тебя не заметят.

— Спасибо, — отозвалась Серлис. И добавила, помявшись: — Будет странно уехать отсюда. Я тут родилась. Никогда не видела иных мест.

— Они другие, но такие же, поверь. — Водичка пожала плечами. — Люди всюду устроят свинство. Одинаковое свинство, одинаковые запахи и дерьмо одинаковое. Если только ты не натыкаешься на людей, которые не люди. Трелли и Джагуты и всякое такое. Тисте Анди. Джаги. Фенны.

— И почему они не люди?

— Ну, в-общем, не человеки. — Водичка нахмурилась. — Или нелюди. Ложные люди? — Она снова пожала плечами. — Короче, они думают не так как мы, и в их компании бывает неуютно. Но не бойся — таких тут нет. Почти что. Вряд ли мы возвращаемся в Черный Коралл, а драконы оставили Даруджистан много лет назад. Вот погоди, как встретишь Моранта! Хотя не встретишь. Так или иначе, южане такие же люди как мы. Встретимся у Кулверна.

Серлис слышала о Кулверне. Большой город в четырех-пяти днях пути. — Почему вы не с нами? — спросила она.

— Нам придется отбросить армию. — Водичка наморщила лоб, что-то обнаружив на рукаве. — Это что, новый рукав?

— Нет, уверена, Бловлант чинила именно этот.

— Избавилась от следов Гончей — или меня кусал ведун? Не вижу ни одной зашитой дырочки.

— Она мастерица, — сказала Серлис.

Через миг Водичка кивнула. — Да-а, лучшая швея в Легионе, не считая капитана Грубита.

На лице удаляющейся Водички оставалась легкая гримаса.

Серлис смотрела вслед. Она не успела задать еще один вопрос, но дверь уже захлопнулась за спиной солдата.

Серлис обернулась к Варбо, уже хлопотавшему над рубахой. — Варбо, их всего горстка.

Тот поднял голову. — И что?

— Как три взвода могут отбросить армию?

Варбо помедлил, разглядывая ее. — Ну, похоже, это лучший способ сказать, Серлис.

— Что сказать?

— Что все они скоро погибнут. Но будут держаться, пока мы не уйдем далеко. — Он потер щетинистую челюсть и дернул плечами. — Морпехи.

Возникают разногласия, когда речь заходит о Ярком Узле. Почти все контакты с ними были боевыми столкновениями, поэтому подробности скудны и, нет сомнений, окрашены эмоциями (среди которых преобладает страх).

Многие мужчины побаиваются женщин. Ведь магия даруется обоим полам. Глупо спорить об эффективности, когда на кону стоит жизнь. Мастерство подтверждается, когда для кого-то уже слишком поздно. Страх поражения, конечно же, также обычен для мужчин, отчего суждения становятся ложными и явно неискренними.

Яркий Узел — племя особенное, ибо воют в нем только женщины. Возможно, этому племя обязано обычаю полиандрии. Домашние дела улаживаются хранителями очага, мужчинами.

Такие гендерные роли редки в нашем мире. По их собственному мифу, Яркий Узел явился из иного Королевства. Однако племя кажется стабильным. Есть, однако, одна странность. Яркий Узел отвергает все формы колдовства. У них есть целители, пользующиеся дарами леса, но среди целителей нет гендерного разделения.

Возможно, это и служит доказательством их нездешнего происхождения?

"Перейдя черту. Племена и народы за пределами Малазанской Империи". Саэнгал из Генабариса

Большую часть жизни Велок был слаб. Рабовладельцы поймали его в одиннадцать лет. Последнее, что он видел на границе стоянки, где был рожден — голову отца на шесте. Мать умерла через шесть месяцев. Ее нашли лежащей вниз лицом в выгребной канаве, что тянулась через Дом Ожидания. Наутро ее должны были отправить на торги.

Велок мало что мог вспомнить о первых одиннадцати годах. Воспоминания приходили ночью, будто кошмары об ином мире, невероятном мире. Не было низкой крыши над головой и прокопченных балок с космами слипшихся от крови волос — их оставляли взрослые суниды, то и дело ударяясь головами. Не было запаха кала и мочи, и ночей, когда полсотни прикованных рабов кашляли и стонали во снах.

Невероятный мир был ярким, небо неоглядным. Воздух чистым, как и вода. Было бы неправдой сказать, что Велок ничего этого не видел за годы рабства. Его продали местному фермеру. Он ходил по грязным полям под открытым небом. Смотрел на большое озеро к северу от фермы, мечтая, чтобы вода наполнила легкие и вес цепей утянул его подальше от дневного света.

Нет, невероятным этот мир грез делала его свобода.

Когда Галамбар был похоронен под грудой камней на высокогорье, Велок лишился мужчины, которм был обязан свободой и жизнью. Галамбар был среди ратидов Элейда

Тароса, пришедших освобождать остатки рабов-сюнидов. Галамбар разрубил цепи Велока, а потом поднял клинок и зарубил остальных рабов. Вложил в руку Велока железный нож и пригласил участвовать в резне. Но Велок стоял в стороне и лишь следил, как его приятели-рабы, сплошь дети юга, гибнут под мечом Галамбара. Взор Галамбара был затуманен жаждой крови, для него все дети были одинаковы.

Ратиды, понял тогда Велок, пришли за сюнидами и только. Если южане желают держать друг друга в рабстве, быть по сему. Фермер и его семья уже погибли. Южане умерли бы от голода в цепях или сгорели бы в пожаре. Быстрая смерть стала милосердием, пояснял Галамбар.

Велок еще не успел забрать чужую жизнь. Когда бастард Карсы Орлонга убил Галамбара, Велок пожелал мести. Но воображение представило ему Рента в цепях, безоружного и прикованного к земле. Вот тень Велока ложится на обращенное к небу лицо полукровки. И затем...

"И затем". Эту сцену он силился представить, создать за закрытыми веками. В каком угодно качестве. "И затем показывается моя рука. И я взмахиваю мечом. И затем... Рент мертв. Галамбар отмщен".

Но мечты о мести у Велока украли. Смерть Галамбара предстала бессмысленным результатом детской шалости. Пути Теблоров остались для Велока странными. Одна мысль о клятве защищать жизнь Рента наполняла Велока тошнотой.

Но сейчас ничего от него не зависело. Рент держался рядом с Воеводой, под покровительством сводных сестер и Черных Жекков. Армия ушла на юг, тогда как Велок вместе с сюнидами и саэмдами двигались на восток, вдоль северного берега озера. Сюниды в последний раз навещают городок, где были рабами. Копьями, клинками и факелами они вычистят Серебряное Озеро, оставив лишь пепел и горелые кости.

Вела сюнидов Селан Ардал, женщина чуть постарше Велока. Она пришла из лагеря неведомого Велоку, и освободили ее из какой-то далекой западной деревушки. Она казалась устрашающей. Ходили слухи, что она мажется кровяным маслом перед каждым боем, что неразумно было бы сражаться с ней рядом. Наверное, от этого происходила алчная ярость, которую замечал он в ее глазах.

Они прошли восточное окончание озера и разбили лагерь в лесу, собирая местные племена, в том числе Белых Жекков и Яркий Узел. Каждую ночь вспыхивали стычки между саэмдами и Жекками, между воительницами Узла и... в общем, все ссорились со всеми.

Селан Ардал оставила шесть сотен сюнидов в отдалении от главного лагеря. Сейчас она созвала Теблоров, и Велок встал среди них, копьё в правой руке, окованный медью щит в левой. Они стояли толпой среди деревьев и пней. Над головами дрожали свежие листья, солнечный свет лился на землю, омывал лица и тела.

— Выходим ночью, — говорила Селан, — остановимся на опушке, так, чтобы видеть город. Едва небо побледнеет, атакуем. Сюниды ударят по дому стражи на углу оборонительного вала. Саэмды будут на левом фланге. Мне сказали, там мало защитников. Войдя в город, сюниды получают право мстить по своей воле. Саэмды и прочие не остановятся, пойдут дальше на юг, в город с гарнизоном, что называется Кулверн. Запомните, — продолжала она, озирая толпу, — как бы ни хотелось, у нас не будет времени на долгие пытки. Убивайте всех, быстро. Поджигайте здания. Скот забить, мясо будем солить и отправлять с обозом. Мы, сюниды, будем охранять обоз в пути.

Велок даже и не думал о пытках. Он собирался увидеть резню, но не хотел стать ее

участником. Однако сборище воинов забурчало, многие громко ругались.

— Недостатка в южанах не будет, успеете поубивать, — заверила Селан. — Это не набег. Мы закончили с набегами. Помните, что сказал нам Воевода Элейд Тарос. Южане познают удары теблорских мечей по всему пути до Даруджистана. А сегодня отдыхайте. Проверьте оружие.

Велок задержался на месте, пока воины расходились. Подошел туда, где оставил снаряжение, спрятанное в дупле упавшего дерева. Помялся, озираясь. Вокруг мало кто был. Он положил копье, щит и сел на дерево. Вслушался в далекие разговоры, в треск ветвей там, где Теблоры устраивали спальные места.

Он думал о свободе. У рабов есть тайное место, глубоко внутри, тщательно сокрытое. Где мысли бегут свободно, ибо мысли не сковать. Разумеется, по большей части это были не мысли. Вопли разума. Но туда укрывались рабы, пока страдало натруженное тело.

В день, когда лопнули его оковы и упали цепи, пропали и стены вокруг тайного места. Мысли текли свободно, переполнив голову. Эмоции осаждали разум, оставляя его ошеломленным, отупевшим.

Он помнил, как стоял в развалинах фермы, вокруг забрызганные кровью трупы хозяев. Он стоял, свободный, и следил, как Галамбар убивает других рабов, так и оставшихся скованными. Свобода, понял он тогда, не равна мужеству. В ней не скрыты честь и верность. Свобода — это меч Галамбара, падающий, рубящий руки, поднятые в бесполезной самозащите. Заглушающий вопли о пощаде. Свобода — это ясный, ничем не отягощенный взор Галамбара, который отворачивается от изрубленного тела последней жертвы.

Велок достал из мешка старый кровомеч Галамбара, дар воина-ратида, переданный через несколько дней после освобождения. Им не пользовались много лет, его подарили Галамбару в день взросления. Полировка местами стерлась, местами почернела. Первое имущество, полученное свободным Велоком.

Велок не был участником сопротивления рабовладельцам, что пришли вернуть свою собственность. Он лишь слышал о славном противостоянии у горного перевала. Для Велока право пролить кровь — эта холодная свобода — еще не наступило. Подняв меч к глазам, он всматривался в почти прозрачное по краю, янтарное лезвие.

"Я свободен убивать этим мечом. Свободен забирать чужую жизнь. Свободен помнить о всех жестокостях, учиненных над мной южанами. Свободен брать плату за каждую обиду".

Но правда была в том, что всё это сомнительно. Что дух его не воспламенялся от таких мыслей. Он был позором Теблоров. И сомневался, что изменится. Иные истины врезаются в кости. Свобода была лишь новым набором оков. Галамбар носил свои с гордостью, как подобает свободному мужу.

"А я свободен никого не убивать. Свободен щадить чужую жизнь. Свободен помнить все жестокости и ничего не делать. Свободен уморить этот меч жаждой".

На грядущей заре он пойдет с множеством бывших рабов, но ощутит горькое одиночество. По команде Селан Ардал помчится в битву, словно прикованный к воинам слева и справа. Цепи потащат его вперед среди испуганных криков и кровожадных воплей.

Ему хотелось рыдать. В уме явилось лицо Рента, словно видимое через стену воды. Детали размылись и он уже видел лицо Карсы Орлонга, которого встречал в юности, в Доме Ожидания. Он помнил и ночь, когда Карса сбежал, только чтобы быть пойманным. Рабы говорили о нем неделями, если не месяцами. Рискованно сажать на цепь дикого зверя,

толковали они. *"Урид, чему тут дивиться. Конечно, долго он не протянет. Смерть станет ему свободой, и никогда не поклонится он хозяину. Вот проклятие сунидов — мы слишком цивилизованы.*

Ведь в цивилизации почти каждый — раб. У рабов есть рабы и так далее..."

Но Карса Орлонг не умер. И не встал на колени, сдаваясь судьбе. Он был рабом и стал богом.

"Что ты сказал бы, Карса Орлонг, на вопрос о свободе?"

При случае Велок задаст ему вопрос. Подозревая, что уже знает возможный ответ. *"Лишь боги ведают смысл свободы, Велок. Предо мной все в цепях. Но я не бог рабов. Не стану богом рабов. Сила моя в том, чтобы видеть незримые цепи на всех вас, и не твердите о свободе. Так что я спрошу в ответ, Велок: что нужно сделать, чтобы удостоиться моего взгляда?"*

Когда вернешься свободным от всех цепей, я встречу твой взгляд. Вот почему, Велок из Сюнида, я бог нежелающий".

Велок вздрогнул, чуть не упав с древесного ствола. Он задремал, меч тяжким грузом лежал на бедрах. Тот голос в грезах... *"ах, странный сон, странные слова, странное... томление".*

Он ощущал слабость. Ощущал смущение. Он был одинок среди сородичей. Он был поистине жалким Теблором.

Лейтенант Ара вместе с Балком въехала в городок. День угасал. Здесь было тихо, последние жители бежали на юг, перегруженные фургоны сопровождали семь рядовых мазаланской армии.

Она знала, как трудно сдерживаться Балку. Спица подбивала его на последнем совещании. Послать отряд, устроить бойню на южной дороге. Но Балк лишь покачал головой.

Пришлось Аре объяснять Спице, Шугалу и Крику: — Придет время. Они не доедут до Кулверна. И мы здесь не чтобы резать горожан. Наша задача — устранить военное присутствие малазан.

— Регуляры...

— Не важны, Спица.

— Хочу голову Благой Ролли.

— Почему? — спросила Ара.

В мутных глазах мелькнуло смущение. — Потому, — сказала Спица. — Она знаменита. Вот почему.

— Хочешь омыть лицо в ее сладкой славе?

— Довольно, — бросил Балк, вставая и подбирая перчатки. — Время разговора с капитаном Грубитом. Лейтенант, вы со мной.

Не обращая внимания на злобный взгляд Спицы, Ара поднялась. В шатре было душно, ей хотелось глотнуть холодного воздуха.

Шугал сказал: — Мудро ли это, капитан? Вас могут убить.

Балк помедлил, вздевая брови. — Уверяю, сержант, наш загадочный альянс продлится. Нет, капитан не убьет меня. Хотя, возможно, захочет поторговаться. — Он пожал плечами. — Еще не встречался с ним официально. Всё через Штыря. Пришло время оценить

вражеского командира.

И теперь Балк и Ара направляли скакунов к внутренним воротам.

— Итак, — сказала Ара, — ты взял ее в койку. Полагаю, лучший способ присматривать?

Балк глянул искоса. — Взял?

— Нет? Она сидит там целыми ночами...

— Пьяная до бесчувствия, в кресле. Думаешь, я заинтересуюсь женщиной такого сорта?

Ара отвела взгляд и вздохнула. — Ладно.

— Шугал ждет, что первый шаг сделает Спица. Пока она со мной, Шугал не будет действовать.

— Ты рискуешь всем.

— Надеюсь, не тобой.

Ара позволила губам крепко сжаться. — Мог бы предупредить.

— Если бы верил, что ты можешь усомниться, Ара — предупредил бы.

Умел он переворачивать вещи, ее Балк. От негодования к стыду, после нескольких слов.

Ей оставалось лишь бичевать себя за гнусные сомнения.

Они подъехали к воротам, но ни один морпех не вышел навстречу. Посты были оставлены, улицы безлюдны. — Забавно, — сказал Балк. — Мне не казалось, что они ничего не замечают.

— Трое солдат в дозоре на каждой берме. Когда все эвакуированы, нет смысла охранять ворота, да и людей для этого не хватает. Могли бы въехать всей компанией.

Балк хмыкнул: — Могли бы. Что рождает подозрения.

Они ехали по главной улице, к озеру. На повороте к штабу наконец обнаружили двое малазан. Они о чем-то спорили посередине улицы, но замолчали, увидев Балка и Ару.

Один улыбнулся. — Привет вам, лейтенант Балк. Капитан ожидает в конторе. Наверху. Идите туда скорее.

— Спасибо, — кивнул Балк, проезжая. Они спешили у здания. Балк оглянулся и нахмурился. Похоже, спор морпехов возобновился, теперь хриплым шепотом.

Ара хмыкнула: — Все чуднее и чуднее.

— Очевидно, — сказал Балк сухим тоном, — нас незаметно отслеживают. Но думаю, всё это блеф. Если капитан желал успокоить нас, то плохо постарался. Спешка.

Они вошли в здание. Узкий коридор к лестнице. Комната слева казалась перевернутой — опрокинутые, поломанные ящики. Балк всмотрелся, замедлив шаги, но промолчал.

Наверху была запахнута одна из дверей, из-за нее доносилось тихое пение. Ара не узнала мелодию, но голос был нежным и высоким.

Балк поднял брови. Ара пожала плечами. Она не удивилась бы, застав капитана с шпюхой на коленях. Хотя это было бы неожиданной деградацией для командира морской пехоты.

Капитан был один за письменным столом. Голос принадлежал ему, а руки элегантно порхали в воздухе. Он чуть запнулся на последней ноте и замолчал, руки застыли и медленно опустились. — Лейтенант Балк и... ах, какое у вас звание? Простите. Лейтенант Ара, вряд ли вам подошел бы ранг ниже. Капрал? Фу, совсем не идет. И если поразмыслить, нам пора вернуться к капитану Балку. Но чтобы сохранить меня в старшем звании, зовите меня — Император! — Он повел рукой. — Без "сира", однако же. Сойдет и сэр. Жажда не мучает?

На столе стояли графин и три кубка. Капитан налил вина. — Мне сказали, оно достойное, но сказал некто по имени Глиняный Таз. Вам судить, стоит ли его суждение

веры.

Балк не спеша снял перчатки и сел. Ара поискала взглядом кресло, но единственное уже занял Балк. Она встала сзади и справа от командира, чуть выставив одну ногу и сложив руки на груди.

— Мы заметили в лесу чрезвычайную активность, — начал Балк. — Подозреваем присутствие большой массы дикарей. Надеюсь, вы тоже осведомлены, сэр?

— Осведомленность — двусмысленный термин, не думаете? Лес кишит туземцами? Как же, да. Нападение на город неминуемо? Было бы глупо считать иначе. Тайные игроки за, как бы сказать, элегантной ширмой? Вы знаете такие: резная деревянная рама, шелковые полотнища, изысканные рисунки и многоцветье, от которого голова кружится. Как мне не хватает такой роскоши в этой конторе! — Капитан замолчал, весь сияя, и отпил вина. Затем скривился. — Благие боги. Ну что ж, притупим нашу тонкую чувствительность слепым оптимизмом. Уверен, каждый новый глоток пойдет мягче, ведь небо уже онемело.

Балк кашлянул. — Ваши намеки меня смущают, сэр. Что за ширма?

— А! Двусмысленность осведомленности. Я так и не сумел выразиться ясно. Кто о чем знает в точности? Теорий предостаточно. Тени так и снуют за тонкой шелковой завесой. — Взгляд его отвердел, губы опустились. — Одни мистери.

Балк ерзал в кресле. — Я порядком удивился, когда мэр столь охотно принял эвакуацию.

— Охотно? Именно, капитан. Кто соглашается охотнее, нежели человек в коме?

— В коме?

Что-то мелькнуло на лице Грубита. — Я утомился от его жалоб. Уверен, капитан, вы испытываете такое же чувство, хоть иногда. Люди отказываются знать свое место. Ведут себя не по чину. Именно. Ведь я с самого начала не был расположен к этому человеку, сколотившему состояние исключительно на торговле рабами. — Длинный, идеально ухоженный палец чуть погладил левую бровь. — Позорное занятие.

— Я о том, — сказал Балк, — что странно требовать от нас обороны пустого города. Личного состава и так мало. Какой в нем прок, чтобы удерживать?

— И вновь неудачное слово ведет нас в болото двусмысленностей. Прок. Реши мы сопровождать беженцев, тактическая ситуация была бы крайне сложной. У Малазанской империи уже был подобный опыт. Весьма неприятный. Не лучше ли будет построить оборонительный вал далеко за спинами обоза с горожанами, как думаете?

— С тремя взводами?

Грубит улыбнулся. — И вашими одиннадцатью сотнями.

— Риск едва ли кажется разумным, сэр.

Пожимая плечами, Грубит выпил еще, состроил гримасу. — Деньги покупают мечи, верно?

— Мечи. Не самоубийство, сэр.

Брови Грубита взлетели. — Я решительно не имею намерения погибать! Как и не стану рисковать моими морпехами ради бессмысленной, хотя и красивой последней битвы, уверяю. Рад слышать от вас такие же соображения. Самоубийство? Ужасная мысль.

— А кажется, вы зовете нас именно к нему, сэр.

— Неужели?

— Как командир своих отрядов, я требую лучшего разъяснения вашей тактики.

— Уверен, ваша задача обнаружится очень скоро, — сказал Грубит с улыбкой. — Вы

даже не попробовали вино. Я обиделся бы, не завидуй я вашей похвальной трезвости. Глиняный Таз заслужил изрядный реприманд. Не терплю дурного вкуса.

Балк явно с трудом сдерживался, Ара видела, как напряглись его плечи. — Желаете, чтобы мы вошли в город, сэр? Полностью заняв валы, мы станем превосходной силой для отражения атак... туземцев.

— Нет, оставайтесь на месте. Уверен, нас попытаются окружить.

— Тогда нам удерживать путь вашего вероятного отхода?

— Великолепно! Решено. Еще что-то?

— Вопрос о сигналах, сэр.

— Флажки ненадежны, — покачал головой Грубит. — Мы, морпехи, предпочитаем выражать намерения более прямо.

Балк качнулся вперед, голос стал шепотом: — Вас всего восемнадцать.

— И каждый отлично изучил тактику действия взводов, капитан. — Грубит откинулся в кресле, нахмурился, когда дерево затрещало. — Кажется, я приказал капралу Морруту смазать эту штуку. Похоже, забыл.

— В лесу целые тысячи.

— Похоже на то.

Мгновения утекали, тишина усиливалась. Ара видела, что капитаны сцепились взглядами, но не могла видеть глаза Балка, хотя подозревала: на его лице недоумение сражается с растущей подозрительностью.

— Что-то еще, капитан Балк?

Тот резко встал. — Нет, сэр. Благодарю, сэр.

— Возвращайтесь в лагерь, капитан. Готовьте солдат. Мы предсказываем, что дикари нападут утром.

Кивнув, Балк развернулся, жестом велел Аре выйти первой.

Они молчали, пока не покинули здание. Затем Балк тихо выругался. — Полная бессмыслица.

— Не хотела бы я плутовать в игре с этим капитаном. В его взгляде промелькнуло что-то, от чего меня холодом обдало.

Они сели на коней и поехали к воротам. Пустые здания насмешливо смотрели со всех сторон.

Балк сказал приглушенным тоном: — Если дело дойдет до этого — если нас пригласят — мы знаем, что делать. Не входим в ворота — это слишком очевидно. Налетаем на южный вал, уничтожаем нескольких морпехов, если так вообще кто-то кажется — и в город. Рубите всех на пути к штабному зданию.

— А потом?

— Потом я выбью дух из помпезного говнюка и оставлю его Спице, Шугалу и Крику. Мое терпение лопнуло, довольно игр.

— Он точно угадал, когда они нападут.

— Тут не нужен гений, Ара. Как здесь дело ни обернется, мы расчистим дорогу. Желая встретиться с нашими магами, как только вернемся в лагерь.

Ара нахмурилась. В компании было трое магов, лишь один казался ей достойным такого звания. — Скаббе снова и снова твердит, что в городе и окрестностях творится странная магия. День и ночь.

— По большей части Мокра, — отмахнулся Балк. — Наверное, это их Бенжер. У меня

наготове трое ночных ножей, с ним разберутся.

— Лучше пошли с ними хотя бы одного ведуна. Не Скаббе. Он слишком ценен. Кранела или Виста. Из них Вист ловчее.

Балк почти сразу кивнул: — Значит, Виста. Когда Бенжер умрет, мы будем видеть реальную картину.

— Когда послать ночных ножей?

— Ночью. Убрать морпехов.

Они проехали ворот, Балк послал коня в галоп.

Темнело. Водичка вышла из клозета, поправляя пояс, и застыла в коридоре. — В дыре что-то есть, — сказала она, — Я видела бусины глаз.

— Не Тварь, — ответила Аникс Фро, проверяя меж грудей.

— Кожух? — удивился Бенжер.

Водичка обменялась взглядами с Аникс и обе покачали головами. — Это слишком мерзко даже для него. Это зверь, больше земляной белки. Бобер?

— Странное место для строительства плотины, — задумался Бенжер. — Скорее там сурок. — Он нахмурился. — И когда ты его увидела?

— Вот сейчас.

— До или после... ну, знаешь.

— До.

— И всё равно села?

— Ему явно было всё равно, — закатила Водичка глаза. Вытащила кинжал, попробовала остроту и вложила в ножны. — Омс, вот тот пожалуется. Если еще не мертв. Тело гниет в канаве. Туземцы должны рыскать по всем Вольным землям. Бедный Омс.

— Пусть рыщут где хотят, — заметил Бенжер. — Омс — это Омс.

— Бенжер прав, — согласилась Аникс. — Омс это Омс. Мастер "Когтя". Личный ночной нож Императора.

— А если нет? — сказала Водичка.

— Тогда он мертв.

— Убит своим же враньем, — заявила Водичка. — А ты что тут прохлаждаешься, Бенжер? У меня много работы.

— Просто вживаюсь в роль друга. — Бенжер пожал плечами. — Я ощутил новую близость с вами — даже с тобой, Аникс Фро. Учítывая нашу последнюю работу. Мы оказались великой командой, верно?

— Ты нас дурил! — взвилась Аникс.

Бенжер вздрогнул. — Могло показаться...

— Ничего не показала. Так и *было!*

— Уверен, могло показаться. Но я о том, что работать в команде лучше всего. Могу оставаться внутри, в тепле и неге. Д я готов вас обнять! Вообразите!

— Не хочу, — сказала Аникс Фро с отвращением.

Вздыхнув, Водичка проверила снаряжение и встала. — Готова. Лучше бы мне было изучить магию. Но я люблю трудности.

— Ты маг, — сказала Аникс Фро.

— Вас заставляет так думать мое мастерство в маскировке. За магией стоит Бенжер. Ну, оба убирайтесь.

Взгляд Аникс Фро был твердым. — Чтобы ты сделала что, Дичка? Нашла трещину у углу и прокралась по коридору, чтобы мы не заметили? И без капли волшебства? Ты точно считаешь нас идиотами.

— Ну да. Хотя я не о том. С вами я не могу сосредоточиться на скрытности.

Бенжер хлопнул Аникс по плечу, заслужив злобное шипение черной головки между грудей. — Эх, пойдём, оставим ее скрытничать.

— Только одно, — прищурилась Аникс. — Ты реально здесь? Я же должна буду защищать твою спину. Хочу увериться, что буду защищать реальную спину.

Бенжер моргнул. — И чем это важно?

— Я не хочу погибнуть, защищая тебя, когда ты не там. Проклятие!

— Тварь тебе подсказала. Она ведь не стала бы шипеть и скалить зубы на иллюзию. Верно?

— Ты и ее замагичил!

Глаза Бенжера начали широко раскрываться. — Проклятие Мокра, — зашептал он.

— Оба проваливайте прочь! — рявкнула Водичка.

Вист держал в руке монету. Оловянную, на одной стороне фаланга человеческого пальца, на другой — череп в профиль. Этот Коротыш назывался Костяшки, однако Вист предпочитал для колдовства череп. Лейтенант Ара только что послала его к трем ночным ножам. Они сидели у костра, последние языки пламени едва ползли по углям и белой золе. Он рассматривал ночных убийц, одновременно играясь с монеткой.

Понти заплела черные волосы в косу. Среди ее предков явно были ривийцы, но украшения происходили из Черного Коралла. Почти все — защитные амулеты, подозревал Вист. Полезно в ее работе. Узкое лицо было обветренным, вокруг рта глубокие морщины. Подбородок уродовал шрам.

Слева от нее присел на корточки Оруле. Он называл себя выходцем из Мотта, но повадки выдавали жителя Вольных земель. Хотя в любом городе можно было найти гетто для покорившихся цивилизации дикарей. По большей части жалкие отбросы, обреченные на нищету и болезни. Оруле повезло выскочить. Он брил волосы и втирал угольную пыль в кожу скальпа. В бороде застряли сучки. У пояса висел топорик, нагрудная перевязь содержала множество метательных ножей. Губы посинели от бетеля.

Третьей была Рейли. Висту она нравилась. Он считал ее единственно профессиональной среди троицы. Кашгановые волосы коротко подстрижены, круглое лицо миловидно. Голубые глаза оставались холодными, но ничего не пропускали. Два ножа в ножнах подмышками казались простыми, но побывавшими во множестве дел. Вист не знал, откуда она — женщина не любила болтовни. Нанята недавно, вспомнил он, как раз перед стычкой с морпехами.

Было полезно изучить тех, кого он должен будет прикрывать. Детали важны. Привычки, характер движений, склонности — всё впитывал разум Виста. Магия, которую он приготовил на ночь, требовала внимания к мелочам, чтобы не допустить промаха.

Когда все закончили приготовления, упала тишина. Вист кашлянул, один раз плюнул в огонь для везения и сказал: — Мы идем за магом по имени Бенжер. Лицо как у жабы, лысый. Вероятно, Мокра. Это плохо, ведь то, что вы увидите, может не быть настоящим. За тем и нужен я. — Он поднял Коротыш. — Неудача постигнет любое его начинание. Будут одни ошибки и сорванные заклинания. Теперь...

— Тебе не захочется быть рядом со мной, — прервал его Оруле.

Вист сердито нахмурился. У дикарей никаких манер. — Почему?

Оруле показал какую-то коробочку. — Здесь не открою, ради тебя и прочих. — Он помедлил и понизил голос. — Внутри мешочек с толикой отатараловой пыли. Меньше горсти, но хватит. Стоила... хм, даже говорить не стану. Не хотелось бы использовать ее сегодня, но если нужно, не пожалею. Особенно если наша цель — маг Мокра.

Вист ощутил струйку пота между лопаток. — Это меняет дело. Ты принес, Оруле, тебе и пользоваться. — Он указал на других. — Они по бокам. Я сзади. Ты первый. Едва подойдешь близко, швыряй треклятую дрянью прямо в него.

Оруле скис, вздохнул, но кивнул.

Вист не был рад. Отатарал действует без разбора. — Но держись до последнего, понял?

— Мы на тебя вовсе не рассчитывали, — пробурчал Оруле. — Ты уже сорвал все наши планы. Но если Балк хочет тебя здесь, будешь здесь.

Понти сказала: — Мы думали натереться им, все трое.

Вист затряс головой: — Не нужно. Эффект будет постоянным, все ваши магические цацки станут бесполезны.

— Вряд ли, — заметила Понти. — Они от Тисте Анди. — Она замаялась. — Я поклоняюсь Чернокрылому Лорду.

Оруле крикнул. — Этот культ мертв.

— Не в Черном Коралле.

— И что? Я не рискнул бы, Понти. — Вист поглядел на Рейли. — А ты? Есть зачарованные камни или еще что-то?

Ее взгляд был пристальным. — Что, твой план побоку?

— Нет, вовсе нет. Я просто отвлекся на эту идею, втирать пыль. Ну не надо. Радиус действия невелик, может не коснуться их мага и за три шага. Верно, брошенная в вас магия растворится, но вряд ли это полная защита. Не от малазанских морпехов. — Он поднял Коротыш выше. — Я не стану меряться с ними силой. Не мой стиль, даже если бы я был столь могучим. Нет, я касаюсь Черепа, искажая и портя любую магию. Становлюсь для врага неудачей, понятно?

— А пыль? — сказала Рейли.

— Лишит меня сил. Да, я занервничал. Но раз Оруле ее заполучил, дела пойдут лучше, чем я надеялся. Скажу честно — думал, что вы не переживете ночи. Но теперь шансы хорошие.

Никто не ответил. Вист возвышался над ними. — Через три звона. Готовьтесь. Встретимся здесь. Удачно: луны сегодня не будет.

Водичка сидела на валу около сторожевой башни. Ночь была теплой, звезды сияли над головой. Притянула побольше теней, но размазала по стене, смешав с мутной тенью башни. Чтобы проверить готовность, она иногда входила в Эмурланн, отчего тело запротестовало. Там было холодно и сыро. Если подумать, в Эмурланне всегда бывало холодно и сыро.

Люди Фаларских островов вечно живут в таком климате. Так привыкли к холоду и влажности, что в домах не лучше, чем снаружи. Нет, она не понимала фаларийцев. Как будто вечный дискомфорт стал добродетелью. Нет, это не добродетель. Скорее дурно устроенный быт. Глупцы.

Она предпочитала Итко Кан. Всегда знойно. Да, "знойно" было ее любимым словом, так

что не удивительно, что она предпочла Итко Кан. Разумно. А вот Малаз был теплым, но вонючим. Нет, там бывает холодный сезон, но короткий. Остров Малаз ей не особо понравился.

А вот в Арене, что у Падения...

Движение на краю лагеря наемников. Водичка прищурилась. Фигура, почти ползет по земле. Еще две, слева и справа. И еще одна, ее трудно видеть: как будто просто в глазах рябит, когда смотришь прямо. Ее взгляд куда-то убежал, наполняя голову сомнениями. Там или не там? Это Мокра?

Нет. Это магия отвлечения. — Хитро, — прошептала она, подаваясь вперед, обвивая руками колени, чтобы сосредоточиться на наблюдении.

... там просто жара. Жара и сухость, и песок шелестит на улицах и в переулках. От города она запомнила запах специй, мух и коз на крышах домов. О, и фанатиков — поклонников Бога Ворон. Уличные торговцы повсюду суют вам перья. Торговцы? Перья? Она еще пошутила — или скаламбурила? Есть ли разница? Ну, люди смеются шуткам, хорошим шуткам. А каламбуры? Люди лишь стонут и фыркают. Иногда даже бьют весельчака. Она сразу заметила выхваченный нож...

Первый гость — мужчина, судя по широко расставленным кривым ногам — уже был шагах в тридцати справа, у края насыпи. Застыл там, озираясь. Остальные тоже остановились, сохраняя дистанцию.

Первый полез на вал, низко пригнувшись на вершине. Залег. Отлично проделано, решила Водичка.

Быстрое движение, и он оказался на этой стороне.

Водичка проследила за остальными, и последний теперь был виден лучше. Наверняка маг, играющий гранями Мокра. А может, он не знает, что такое Мокра. Она поняла, что он работает с Коротышом, аспектированной монетой. Но какой?

Может, Корень, может, Костяшки. Земля не отзывается, значит, Костяшки. Ах! Теперь она понимала. — Неудача, — шепнула женщина. — Он играет Черепом. Ох, бедный Бенжер!

Что же, они все оказались за валом, крались в город. Там полно тенистых переулков, пустых улиц, зловещей тишины. Они явно ободрятся, почему нет? Ни криков тревоги, ни патрулей.

Разумеется, Бенжера так просто не найти. Даже в обычных обстоятельствах. Это же не поселок, не деревня с кучкой домов на обочине дороги. Бенжер может быть где угодно. В любой комнате. Нет, его найти нелегко.

Если он не захочет быть найденным.

Магия Черепа! Это было умно. Мало усилий. Бенжер даже не заподозрит. Бросит чары выйдет плохо. Выругается и бросит снова. Снова и снова. Он потеет и бранится и вот — ох, что это вонзилось в грудь? Неужели нож? Бенжер умирает.

Бедный, бедный Бенжер.

Она встала, потянулась. Открыла Эмурланн и скользнула в садок. Призрачный, то-ли-здесь-то-ли-нет лагерь наемников простерся перед ней. Мерцание магии там и тут, ничего особенного, ничего активного. Водичка сосредоточилась и поняла, что в Эмурланне здесь идет покатый склон — почти как во внешнем мире. Хорошо.

Она двинулась в сердце лагеря.

Оруле сделал жест, присев у угла. Вист подошел, чуть не задев Рейли и Понти, переулок

был узким. Встал над правым плечом Оруле. — Чего?

— Кажется, я что-то заметил.

— Где?

— В открытой двери напротив. Это что, булочная? Тень метнулась через порог.

Вист задумался. Инстинкт его не подвел. Всё слишком просто. Их как бы приглашают. Персты холодного пота вновь коснулись кожи. — Нам бросают наживку. Спорить готов, за нами сейчас следят.

Оруле тихо выругался. — Слушай. Ты чувствуешь магию?

— Иногда. Небрежную. Пассивную. Зачарованные места. Но мага, который желает скрыться — такого непросто заметить. Думаю, пора менять план. — Он чуть отошел, потянув и Оруле. Они стояли в самой густой тени, женщины на другом углу. — Думаю, за нами следили. Но здесь не может быть много способных на такое. Предлагаю разделиться.

Оруле тихо фыркнул. — В доме демон. Скорее разделяемся.

Вист недоуменно поглядел на него. — Один из нас обязательно должен найти цель. И тебе будет легче, Оруле. С твоей пылью отатарала. Держись от меня подальше, буду признателен. Мы сами станем приманками. Станем заметными.

— Если следят четверо, мы обречены, — заметила Понти.

Вист покачал головой: — Мы насчитали у них не более двоих опытных ночных ножей. Значит, двое из нас свободны. Да хоть один — преимущество все равно за нами. Один достанет Бенжера.

Понти повернулась к Рейли. — Последняя ночь нашей жизни.

— Так покажи себя, — отозвалась Рейли. — И беги, но не стряхивая хвоста. Дадим Оруле и Висту время. Пойдем туда, где нас не ждут. Пусть они гоняются за нами, а мы устраиваем засаду.

Вист был впечатлен. Она оказалась смелой. — Здравая мысль.

— Как скажешь, — буркнула Понти.

— Итак, вперед по переулку, — сказал Вист. — Затем двое налево, двое направо. Затем один отстает. Так, чтобы нас не видели всех сразу. Рейли, со мной. Понти с Оруле — если полетит пыль, твои андийские чары могут выстоять. Ну, пошли.

По лагерю наемников тянулись огромные собачьи следы, хотя никто из них об этом не знал: псы шли через Тень. Водичка помедлила, присев у следа. Похоже, проклятые Гончие вездесущи. Вечно вынюхиваются, вечно охотятся, вечно готовы оторвать голову бедной женщине.

Она подозревала, что если бы, знаете, кто-нибудь потрудился *понять* их. Даже поиграть с ними. Бросить им палку или две. Да, всё было бы хорошо. Можно было бы подружиться. А вместо этого летающие кишки, брызги крови и треск костей. Наверняка бедные Гончие просто одиноки.

Она поискала глазами палку, просто на случай, но тут были лишь колья палаток. Вполне прочные в реальном мире, но сейчас более походившие на струйки дыма. Если скользнет назад, успеет схватить один.

Каламбур был особенно дурной, помнила она. Кто же вытащил нож? Тяжеловес из Первого взвода. Ручеек? Это был Ручеек? Да, вылетел из кресла, заставив его кувыркаться, прыгнул на стол, роняя кружки. Блеснул огромный нож. И там был Голенище, такой тупой и наглый, лицо самодовольное — как всегда у шутников — внезапно залитое выражением

слепого ужаса.

Вопли, крики, погром. Чертова пьянка. Голенище шарит руками, пытаюсь заползти под стол, между ножками. Блеет и вопит. Ручеек напирает лавиной, мебель летит, ножки лопаются, всюду щепки, пролитый эль и катящиеся горшки. Нож ударяет вниз, вниз, но каждый раз Голенище ухитряется избежать касания, в последний миг.

Пока не получилось иначе.

— Бедный Голенище, — шепнула она. Хуже всего, что она не может вспомнить сам каламбур. Наверняка серьезно тупой. Из самых худших. Тот, что сдирает кожу с мозга, если на мозгах бывает кожа. Каламбур столь дурной, что Ручеек брякнулся на пол, весь в крови и совсем мертвый, и алый нож выпал из безжизненной руки.

Что за ночь! Не удивительно, что почти никто не хочет говорить. Как и о том, что случилось с Первым через несколько ночей. Водичка делала вид, что ничего не знает. Что даже не была там. Так легче. Как сказал Бенжер, тайна гибели Первого взвода была полезна, она исцеляла блуждающие умы, коих среди морпехов полно.

Эй, этот шатер выглядит интересно. Она пробралась к нему.

Повсюду солдаты вставали, собирали вещи, готовясь к выходу. Спали этой ночью немногие. Почти всем кострам позволили угаснуть, создав видимость, что всё идет как обычно.

Водичка обошла шатер сзади.

Проблема почти всех шуток в том, что она их не понимала. О, слова были вполне понятны, она даже прослеживала сюжет, если таковой был. Но когда люди хохотали, она не хохотала. Смотрела, как они смеются, гадая, что тут такого смешного, перебирала каждое слово, ища хоть кусочек шутки. Но это были слова как слова.

Водичка вытащила кинжал, разогнулась. В реальном мире ей пришлось бы разрезать стенку шатра. В Эмурланне стенки не было. Ну, была, похожая на паутину, или еще тоньше. Не могла задержать мерцание тел внутри.

Люди хохочут без причины, если ее спросите. Хохочут, потому что кто-то смеется рядом. Кто-то начал хохотать, другие следом. Иногда трудно понять, кто засмеялся первым. Однажды она так и сделает, если нужно. Вытащит этого типа и применит классические техники допроса, чтобы выудить секрет. "Ты чего смеялся, ха? Расскажи, и кошмар закончится".

Она вошла в шатер, вынырнув из Эмурланна.

Человек перед ней смотрел на стену справа, изрытое лицо перекосила гримаса тревоги.

Водичка спокойно сказала: — Кранел, не так ли?

Когда он поворачивался к ней, лезвие уже входило под ребра. Когда рот раскрылся, она зажала его рукой, заглушая крик. Что не было необходимо — он был мертв, еще не упав наземь. Соскользнул с кинжала с нелепым чмокающим звуком.

Она вытерла кинжал о сорочку. И скользнула в Эмурланн.

Она сделала то, что делали Когти. Или еще делают. Убрала того, что важнее прочих. Проблемного. Из тех, что смеются первыми. Нет, погодите, она перепутала мысли. Такое уже случалось, порождая немало конфуза. К счастью, временного и безопасного.

Омс явно станет браниться, ведь пропустил самое интересное. Ну, если уже не мертв. А кто знает? Его нет уже давно. Может, та гигантская рыжая женщина убила его во сне. Такое бывает. Может, даже часто, хотя откуда кому знать? Вошла в спальню и упс, Борто мертв!

Погодите. Какой Борто? Она знала Борто? Должно быть. Какой-то дурак, загадочно

умерший во сне. Ах, вспомнила! Борто жил в номере на углу коридора, из окна открывался чудный вид на огороженный садик. Он ей всегда нравился лучше вида из собственного окна: на загаженный всяким мусором переулок. Но нет, он там угнездился и не хотел переезжать, и замолкни, женщина.

Борто удавился ночью, воспользовавшись веревкой с занавеса. Что за нелепое дело! Но Водичка никогда не любила этот занавес и в первый же день в угловом номере выкинула его. Вид был милым.

Бедный Борто.

Понти рассказали, что взводы морпехов расквартированы в двухэтажном доме, сзади сад со стеной. Прежде особняком владели работорговцы. В такую ночь, когда улицы никто не патрулирует, морпехи должны собраться вместе. И Бенжер в середине. Нелегко будет убить этого человека.

Она застыла в начале улочки и быстро перебежала на другую. За ней следят? Она так не думала. Одна из шгучек Тисте Анди, брошь, была чувствительна к слежке. Или так сказала ведунья, продавшая ее на уличном рынке Черного Коралла. Понти коснулась резной вещицы. Холодная, но это нормально. Если здесь всего два наблюдателя, они выбрали другие цели. В этой части города, должно быть, идут за Оруле.

У него мешочек с отатаралом. Не так просто завалить магией. Что до стычки на ножах, она поставила бы на Оруле. Он опытен, знает самые подлые приемы. Грязный стиль драки, вот что делает его опасным.

Честно говоря, он ей не особенно нравился. Что не мешало уважать его, когда дело доходит до ночной работы.

Она тихо кралась по улочке. Всё ближе. Помедлив у выхода на улицу, где засели морпехи, вынула пару ривийских "лошадиных потрошителей". С двойной заточкой, лезвия расширяются в середине, словно листья. Их используют в распрях между кланами. Засада в траве против всадников. Рассечь брюхо лошади снизу, напасть на ездока, когда животное падет.

Против панцирного противника они тоже годились, особенно если бить снизу, под колено или над пяткой. Пусть упадут, тогда прикончить. Весь вызов в том, чтобы парировать ими выпад меча, ведь у них слишком узкие и короткие гарды.

Однако она вполне ловка для такого. Короткая стычка — то, что нужно бойцу. Чем короче, тем лучше. Если обмен ударами затягивается, это значит, что шансы на успех быстро тают; и тогда она сделает ноги, прежде чем проиграет. Бегает она быстрее большинства.

Прижимаясь к стене здания у выхода, она осторожно выглянула на улицу.

Глаза широко раскрылись.

Это должен был быть Бенжер, хотя стоял он спиной к ней, следя за чем-то дальше по улице. Рядом с целью стояла морпех-женщина, шагах в пяти. Круглый шлем, наборный доспех, в левой руке щит, в правой выдавший виды меч. Что-то распирало ее щеки, словно женщина проглотила яблоко целиком.

Женщина сказала тихим голосом, но Понти сумела расслышать: — Ты точно ждешь, что маг-убийца выскочит прямо на нас?

— Нет, — ответил Бенжер. — Он захочет провести какой-нибудь трюк. Тебе нужно место для маневра или нет, Аникс?

— Ну, да. Чтобы попрыгать на твоём мертвом теле.

Понти решила в один миг. Женщина в доспехе не побежит быстрее нее. А Бенжер ближе. Она метнулась, и в тот же миг ее охватили сомнения. *"Он же с Мокра, проклятие!"* Впрочем, было уже поздно. Она на месте. Сделала два выпада, один нож в шею, второй на уровне печени.

Металл звякнул дважды. Пока пятки Понти бороздили грязь в отчаянной попытке остановиться, даже отскочить, она ощутила жар в груди, расползшийся на спину, а затем все чувства... исчезли. Еще миг, и она лежала на земле.

Услышала слова морпеха, Аникс, круглое лицо с раздутыми щеками смотрело сверху. — О чем она думала?

— Думанье не проблема, — сказал подошедший Бенжер. — Виденье — вот проблема.

— Что ты сделал?

— Ну, она видела тебя вместо меня и наоборот, и стояли мы как бы спинами к ней.

— То есть она нападала на тебя, намереваясь ударить в спину?

— Боюсь, да.

Они пялились на Понти, но единственное, что она контролировала, были глаза. Глаза словно плавали отдельно в грязной луже у ног двух морпехов.

— Еще жива? — небрежно спросил Бенжер.

— Рассечен позвоночник. Если она не жива, как объяснишь вертящиеся глаза? Фу, меня уже тошнит, как бы не облевать тут всё.

— И? — настаивал Бенжер. — Ты ее добьешь?

— Полагаю, так и надо сделать.

"Нет!" подумала Понти. *"Такая чудная ночь... звезды..."*

Но Аникс подошла ближе и повернула клинок острием вниз. Не было никакого чувства, что она сделала что-то еще; но меч поднялся, блестя свежей кровью.

Звезды мигнули и погасли.

Оруле выждал, пока морпех распрямится после удара в сердце Понти. Два ножа вылетели из рук.

Оба попали в женщину по имени Аникс, в правое плечо и над бедром. Завопив, она развернулась и упала, меч вылетел из руки.

Пока Бенжер оглядывался, Оруле уже достал мешочек. Бросил правой рукой, закрутив. Пыль вылетела, окружив иллюзиониста, тот попятился, кашляя и бранясь.

Вывхватив новый нож и топорик, Оруле рванулся на него.

Бенжер все же ухитрился вынуть меч из ножен. Не отступил, но пошел прямо на Оруле.

Удивленный Оруле тут же замедлился, принял оборонительную стойку, готовый парировать выпады.

Топоры плохо годятся для защиты, так что Оруле рубанул по запястью Бенжера, едва морпех выбросил вперед меч. В то же мгновение Оруле поднял нож, чтобы отразить выпад.

Топорик встретил лишь воздух. Нож замер.

Короткий меч Бенжера пронзил левую руку Оруле, над локтем, в мясо. Он ощутил жестокий укол, и как рвутся мышцы и сухожилия. Топорик звякнул о почву, Оруле развернулся, ударяя мага в живот. Нож лязгнул о кольчугу.

Меч вернулся, коснувшись шеи, и вышел на другой стороне в потоке крови.

Кровь хлестала из горла, полная алой пены. Оруле шатнуло, он сорвался с острия меча; но грудь наполнил тяжкий жар, мешая попытке дышать. Он упал на колени, поднял глаза,

чтобы увидеть мокрый блеск железа, летящего к правому виску.

Коллющий толчок, голова откинулась и ночь стала темнее темного.

Бенжер стоял на коленях у Аникс Фро. — Прости, дорогая, меня неуклюжего.

— Хотя бы Тварь не пострадала. Давай, заткнись и цели меня, дурак.

— Не смогу. В легких пыль отатарала. Могу никогда не оправиться.

— Тогда тащи к Глиняному Тазу.

Бенжер выпрямился. — Не хотелось бы трогать. Кровоточащая рана на бедре выглядит серьезно. — Он быстро оглядел улицу. — Кажется, за нами наблюдали. Вот! — Он возвысил голос: — Вам Хана! Иди и разыщи Глину! — Бенжер снова склонился над Аникс. — Помощь идет, милая.

Аникс Фро застонала, пожевала катыш во рту. — Тот парень бросает метко.

— Видел.

— А что потом?

— Я его убил.

Аникс вздохнула. — Забываю.

— О чем?

— Всё это магическое дерьмо, Мокра там, Мокра сям. Но с тобой и старый добрый меч. Кошмарный ужас — вот кто ты такой.

Бенжер пожал плечами. — Думаю, полезно иметь разносторонние таланты.

Где-то затопали сапоги. Бенжер торопливо встал. — Не подходи ближе, Глина, здесь отатарал. Пыль, ставшая грязью. Я весь в ней. Нужно помыться, и быстрее.

— Впервые за все годы, — пробормотала Аникс Фро.

Вам Хана подошел и потащил Аникс из коричневой лужи за левую руку. Голова Твари выскочила поглядеть, что творится, и снова спряталась.

— Осторожно! — бросил Бенжер. — Глина, сперва ту, на бедре.

— Сам вижу, — ответил Глиняный Таз. — Клади здесь, Вам. Я поработаю.

Еще сапоги. Бенжер увидел Фолибора и Кожуха, лбы нахмурены. — Проблемы?

— Нет, в том и дело, — отозвался Фолибор.

Кожух торжественно кивнул. — Ага, в том и настоящая проблема.

— Интересно, — почесал Фолибор в бороде. — Отсутствие проблема само становится проблемой, но не той проблемой, о которой подумал Бенжер. Совсем иной проблемой. Двусмысленность понятий, Кожух, таится в сердце всех жалких человеческих страданий.

— Я определенно страдаю, — буркнул Бенжер, — слушая вас двоих. Какого хрена происходит? Прошу, выражайтесь яснее.

— Нашли тело, — тяжело вздохнул Фолибор. — Думаем, это маг.

— Мертв как настоящий мертвец, — вставил Кожух.

Фолибор кивнул. — Именно так. Горло перерезано, вся кровь вытекла...

— Где-то не там.

— Тоже правда, — согласился Фолибор. — Без крови, весь белый. И еще была монета. Не странно ли, Кожух?

— Да. Странно на самый неожиданный и поразительный манер.

— Что за монета? — воскликнул Бенжер, прежде чем Фолибор открыл бы рот и вывалил еще кучу чепухи в добавление к выданной Кожухом.

Кожух нахмурился. — Ну, не так, Фолибор. Не настоящая монета.

— Коротыш.

— Череп кверху. Неудача. Ха! Понятно? — Кожух хлопнул Фолибора по спине. Улыбнулся Бенжеру, шевельнул плечами. — Так там и лежит.

— На лбу, куда и положили.

— Тщательно.

— Обдуманно.

Кожух кивнул: — И еще намеренно. Глина, Аникс Фро мертва? — Брошенный на Бенжера взгляд заставил целителя вздрогнуть. — Ты допустил гибель нашей соратницы, Бенжер?

— Нет, не допустил. Двое на охоте. Наша ловушка поймала первую, но не второго. Глиняный Таз?

— А?

— Она будет жить?

— Не знаю. Давай спросим ее. Аникс Фро, будешь жить?

— Не дыши в лицо чесноком, Глина.

Глиняный Таз поглядел на Бенжера и тяжеловесов. — Скажу, что это весьма вероятно.

— Залатай получше, — облегченно вздохнул Бенжер. — На заре нас может ждать новая драка. Лично я иду в баню.

— Думаешь, на нас больше не охотятся? — спросил Вам Хана, деловито очищая пальцы от грязи.

— Думаю. Тот маг был их главной затычкой для всех дыр. И, похоже, кто-то его славно обтесал.

— Водичка? — спросил Вам Хана.

— Нет, — разом сказали Аникс, Фолибор и Кожух. Фолибор добавил: — Не ее стиль.

— Тогда где она и почему не помогала охранять тебя, Бенжер?

Бенжер пожал плечами: — Догадываюсь, где-то еще. Ну, давайте скорее покинем грязную улицу?

Большой шатер у шатра командного мерцал и, решила Водичка, мерцал неправильным образом. Она хмурилась, осматривая его с нескольких шагов, почти касаясь солдата на посту у входа. Верно, шатры обычно не мерцают, разве только от фонарей внутри. Но здесь было не желтое мерцание "привет, я обычная лампа", но какое-то пульсирующее, красивое, светло-голубое.

Морщины на лбу Водички стали глубже. Что она видит? Какие-то магические чары? Но таких она еще не встречала. Она подалась ближе. В некоторые места просачиваются иные садки. В древних святилищах, там, где приносили жертвы. И в местах, запачканных болью и страданием, где сама почва сожжена нездешним взором бога или демона.

Скаббе нашел отличное место для своего шатра. Поблизости хаос, да, и какой бы садок здесь не проявлялся, в нем пенится хаос.

Убить его, решила она, будет сложным трюком. Этот Скаббе настоящий параноик. Вообразил себе все сорта лазутчиков, охотников и наемных убийц, что тянутся к нему. И нашел место, черное от древней крови, где каждый садок прогнил насквозь. Как можно вообще спать в таком месте?

Она сместила фокус взгляда в Эмурланн, поглядеть, как место выглядит оттуда. И разочарованно застонала. Безотрадная черная равнина здесь уступила место ровному кругу

мрачных гранитных плит, в середине зияющая пасть колодца. Голубое мерцание исходило снизу. Вызов был в том, чтобы не упасть в колодец, а значит, ей нужно половину внимания держать в Эмурланне, пробираясь по внутренностям шатра.

Вот проблема с параноиками. Выслеживать и убивать их всегда трудно. Лучше бы он расслабился, как свойственно магам. Ленивым, самоуверенным, ни о чем не подозревающим. Она была уверена: таких магов много, они где-то рядом. Просто в очередь встроились, чтобы она их убила.

Но нет. Она проклята, вечно ей достаются трудные.

Пожав плечами, она вытащила кинжал и втекла через стенку шатра.

Внутри было еще хуже. Вместо пола — сухая трава и утоптанная глина. И едва видимая в земле часть каменного круга. У камней стояла лежанка, в данный момент пустая. Скаббе скрестил ноги в дальнем углу, лицом к жаровне в форме чаши. В воздух поднимались струи ароматного дыма. Глаза его были закрыты.

Он странствовал духом. Был не здесь, но где-то в лесу, в обществе ведунов и ведьм. Отличный способ скрытного сообщения, координации действий. Скабби был связным между компанией Балка и туземцами.

Жаровня стояла там, где был колодец Эмурланна, даже по размерам почти такая же. Спина Скаббе касалась стенки шатра, но в Эмурланне не было ничего, лишь гранитные плиты.

Переведя внимание в Эмурланн, Водичка встала почти рядом с магом. Быстрый взмах клинка — и душа его отделится от тела. Это ему совсем не понравится. Общество ведунов и ведьм вдруг станет убийственно опасным. Они схватят его в воздухе. Привяжут душу к камешку или острию ножа, или другому полезному предмету. Нет, это его разозлило бы, и кто стал бы удивляться? Бедный Скаббе.

Она услышала вой Гончей, где-то далеко. Нечестивые собаки! Нечем заняться, кроме как ловить вторгающихся? Как будто это Королевство их задний двор! И, похоже, они знают ее запах, так быстро появляются, изгоняя ее. С каждым разом всё хуже. Преследуют!

Она вышла из шатра, встала там, где спина Скаббе выпирала сквозь брезент.

Гранитные плиты под ногами были опасно скользкими. Похоже, они шли наклонно к колодцу, огражденному лишь бордюром по шиколотку высотой. Согнув колени, Водичка шагнула ближе. Под ногами словно лед! Нужно выйти из садка, пока она не скользнула прямо в треклятый колодец!

Водичка сместилась из Эмурланна и ясно увидела стенку шатра, ощутила холод ночи. Звезды сияли над головой. Теперь ее заметит любой. Не время медлить!

Она ударила в выступ стенки, услышала испуганный стон.

Брезент вспыхнул, ослепляя Водичку. Она попыталась вернуться в Эмурланн. Рука вцепилась в запястье, дико дернула. Ее тащило вперед, ноги скользили по граниту. В облаке дыма и копоты едва разглядела, что ее уцепил Скаббе. Проклятие, она затащила его в Королевство Тени!

— Нарушитель! — заорала она, выхватив второй нож и ударив — но маг изогнулся, клинок застрял в грубом шерстяном балахоне, лишь едва поцарапав кожу.

И тут скользкие ноги коснулись низкого ограждения колодца.

— О нет! — Водичка метнула себя и его в реальный мир. Они упали на жаровню, раскидав угли и рассыпав снопы искр. Мерзкий запах горелой одежды и режущая боль тут, и тут, и там. — Ой! Ой! Ой! Ой!

Тогда снова в Эмурланн! Твердые камни ограждения ударили по левому плечу, по колену. Она чувствовала, что уже падает в пасть колодца, и тяжесть Скаббе никак не помогала этого избежать.

Она резанула ножом по его правой руке. Рыча, Скаббе отпустил запястье, освободив кинжал. Она ударила еще, острие утонуло в груди. Маг подался еще ближе, рукой охватил талию, ногами опутал ее ноги. Он умирал, но пытался утянуть ее за собой в колодец.

— Не надо, идиот! — Она била клинками, пытаясь избавиться от него, не дать затащить себя в провал. Ноги сжались туго, она ударила по ногам. — Убирайся! Ты умираешь, Скабби. Зачем злиться, а?

Его пальцы сцапали ее за волосы, что было вовсе не приятно.

— Нет, нет! — пыхла она, подняв руку и полосую по пальцам, какие только могла найти. Вогнала локоть в пыхтящее потное лицо. Нос приятно треснул. Извернувшись, она другим клинком глубоко порезала ногу, ту, что уже была залита кровью от первого удара в спину.

Гончая завывала. Ближе!

В реальном мире призрачные фигуры вбегали в шатер, выхватив мечи. Повсюду пылали угли, всюду был дым. Крики, вопли паники.

Нет, эти панические вопли издавала она сама. Глупец столь решительно тянул ее за собой! Она не могла поверить в такую решимость. Как будто это что-то личное. — Что за люди! — взывала она. — Что с тобой такое, ради Икари?

Она била повсюду, куда могла дотянуться. Он дрогнул, издал сиплый вздох, обдав горячим щеку, и отвалился.

Потеря веса заставила ее потерять хрупкий баланс на краю колодца. — Вот говно! — взвизгнула Водичка, падая.

Большая рука схватила за воротник, задержав ее, и потащила из колодца на мощеную площадку. Он лежала задыхаясь, глядя в безжизненное сморщенное лицо, окруженное космами серых волос. Поистине ужасное привидение!

— Тебя я уже замечала, — сказала Водичка. — Бродишь тут, словно что-то ищешь. Издалека видела, и пусть бы так и оставалось. И знаю твое имя. Так...

— Что?

— Ты нашел?

Тошная фигура в рваных клочьях одежд и кольчуги отпустила ее и медленно выпрямилась. Сказала скрипучим голосом: — Еще нет.

— Что ты ищешь?

— Ответ.

Водичка закатила глаза. — На какой вопрос?

— Смысл нашего бессмысленного существования.

Водичка села, пряча клинки. — Удачи в поисках. Я Водичка.

— Явно из тихого омута.

— Не знала, что ты привычен спасать живых, Ходящий-по-Краю.

— Не так. — Голова Ходящего-по-Краю трещала, он на что-то оглядывался. — Но я и сам не хотел бы упасть в этот колодец.

— Почему же? — спросила Водичка, вставая и отряхиваясь. — Не то чтобы я возражала или как...

— Там внизу кое-что есть.

— Кое-что?

Ходящий-по-Краю смотрел на нее. На лице не было никакого выражения. Не удивительно, ведь он помер тысячу лет назад или больше. Но слабый свет горел в глубине глазных впадин. — То, — произнес он с нажимом, — что ужаснее любого описания.

Она уставилась на него.

— А сейчас, — продолжал Ходящий-по-Краю, — Блед желает порвать тебя по суставам. — Он выставил длинный костяной палец.

И точно, Гончая уже неслась к ней.

— Дерьмо. — Она отошла от Ходящего-по-Краю, притянула кольцо палатки и бросила в сторону.

— Что ты делаешь? — удивился он.

— Не работает, проклятье! — Водичка открыла путь в реальный мир, где ее ждал вовсе не веселый прием, но что было делать? За миг до того, как гигантский пес трупного цвета схватил ее разинутой пастью, она прыгнула назад,

В шатер, полный солдат.

К счастью, всех отвлекал вид головы Гончей, проникшей сквозь сотворенный ею портал. Голова дернулась, челюсти сомкнулись на туловище солдата, что оказался слишком близко. Ему оставалось лишь орать; треск костей, поток крови, и Гончая начала пролезать сквозь проход.

— Святая срань! — Водичка упала и перекатилась, оказавшись среди множества ног, ножи взлетели, наугад пересекая жилы. Она катилась, пока не уперлась в стенку, застряв.

Тем временем Блед резвился в шатре под дружные вопли.

Водичка вернулась в Эмурланн. — Ты не тут! — крикнула она, вставая и начиная бег по пересеченной местности.

Что-то рвало воздух позади.

— В следующий раз, — пропыхтела она, — возьму палку побольше.

Взгляд назад показал: Блед стоит, ища ее. И тут же он рванулся следом.

Она прыгнула в реальный мир.

Оказавшись на опушке леса, перед ней три фигуры. — Ведуны и ведьмы! — Она оказалась среди них, нанося удары колющие и режущие.

Острые ногти потянули шарф с шеи, отклонив тело назад, жилистые ноги обвили бедра. Вес ведьмы тянул вниз. Водичка ударила ножом над головой, ощутив, как рукоять стучит о череп. Пальцы свело судорогой, натяжение шарфа пропало. — Ах ты косоглазая рванина! Чуть не убила меня! — Она скатилась с тела.

Чуть ранее ей удалось ранить ведуна, он тоже лежал на земле, содрогаясь. Третий бежал в лес со всех ног.

Водичка подкатилась к раненому и быстро успокоила его ножом по горлу. Оглянувшись на ведьму, но нож пробил дырку во лбу, глаза слепо смотрели в небо.

В Эмурланн и обратно, бежала как могла быстро, сзади вой — прервался — снова вой — прервался — туда и сюда. Силуэты маячили в лесу справа, но никто не решался выйти к ней. Просвистела стрела. Она была уже у вала, вскарабкалась наверх. Последний прыжок в Эмурланн — и обратно.

В ров. На том краю городские здания.

Вот так!

До рассвета был еще звон или больше. Водичка вошла в "Черный Угорь". Сторп глянул из-за стойки, глаза красные от недосыпа. Кивнул ей и налил кружку.

Оглядевшись, Водичка нашла лишь одну гостью, в кресле у стены. Взяла кружку. — Сторп, нужно было уйти с остальными. Сам знаешь.

Крякнув, Сторп окинул ее взглядом. — Хотела поближе пробиться к костру?

— Но увидела облако в форме коровьей головы.

— Слишком много крови для веселой болтовни.

Они еще немного поглядели друг на дружку, и Водичка ушла к единственной посетительнице. Села напротив, вздохнула. — Вот главная проблема наемников. Нанимают кого попало. — Голова склонилась набок. — Тебя не было в том бою?

— Не было. Недавно нанятых оставили охранять лагерь. Я первая заметила Омса, он приехал сообщить, что Балк в плену.

— Он видел тебя?

— Если и увидел, не подал вида, — заметила Рейли. И пожала плечами. — Вероятно. Но Омс есть Омс и он всегда скрытен.

— Будь он Когтем, был бы не таким?

— Точно.

— Как прошла ночь? — спросила Водичка, отпив глоток отличного эля.

— Один Вист. А ты?

— Кранел и Скаббе.

Брови Рейли взлетели. — Скаббе был очень хитер. Трудно пришлось?

Водичка покачала головой и отпила побольше. Громко глотнула, вытерла губы, поглядела на нагрудник. — Всё просто и быстро. Однако гляди на эти отметины огня!

— Честно скажу, плохо заметны под багрянцем. Да и темно тут. Много ли тут твоей кровушки?

Водичка засияла: — Нисколько! Ну, я не заметила. Как тебе?

— Не вой ли я слышала? Очень громкий и очень страшный?

— Но и очень разочарованный.

— Однажды, Дичка, кто-то из них тебя достанет.

Водичка вздохнула. — Я все же думаю, что они одиноки. Но есть план. В следующий раз, когда Ходящий-по-Краю вытащит меня из колодца, спрошу у него.

Рейли всматривалась в нее так долго, что стало неудобно. Наконец поднялась, забрав кружки, свою и Водички. Подошла к Сторпу за новой порцией.

Водичка огляделась. Хмыкнула: — Тишь и гладь.

В первый раз на памяти Ары Балк вышел из себя. Они стояли на остатках шатра Скаббе. Валуны рядом были скользкими от крови. Лежанка порвана, повсюду мокрые тряпки. Солдаты успели вынести изуродованные трупы, здесь были лишь Ара и ее командир. Скабби не нашли, но Ара была уверена, что больше его не увидит.

Пропал. Как четверо убийц, посланных в городок.

Лицо Балка было бледным. Он стоял и молча смотрел на перевернутую жаровню и темные угли. Только что донесли о Кранеле, которого нашли с перерезанным горлом. За одну ночь компания потеряла всех магов и лучших ночных ножей.

Утащили они с собой Бенжера или еще кого-то? Узнать было невозможно. Пока. Ара подозревала, что ответ их разочарует.

— Боги подлые, — прошептал Балк. Поглядел на нее широкими глазами. — С кем мы тут столкнулись, во имя Вороны?

— С простыми смертными, — ответила Ара. — Весьма способными мужчинами и женщинами, но всё же смертными. И скоро мы увидим этому доказательство, Балк.

Он промолчал. Взгляд бегал по ней, жадно ища поддержки, но она могла предложить лишь туповатую уверенность, стараясь выражением лица подтвердить утешительные слова.

Однако они слишком хорошо знали друг друга. Он видел в ее глазах нарастающий страх. Не удивительно: именно страх видела она в его взгляде.

Через один звон солнце взламывает горизонт, озарит опушку восточного леса.

"Больше не завтра. Сегодня. Этого дня мы ждали долгие недели.

Но сейчас? Лучше бы я ждала еще год. Десять лет. Проклятие, как насчет сотни?"

Балк провел рукой по лицу и развернулся к выходу. — Пора надеть доспехи, просто на всякий случай, — сказал он тоном, уместным скорее на похоронах. Прошел мимо, навстречу разгорающемуся свету.

Велока разбудили, избавив от суматошных бессвязных снов. Моргая, он понял, что видит лицо Байрека. Воин ухмылялся.

— Время резни, — сказал Байрек. — Селан Ардал велит строиться. Видишь, солнце почти встало.

Велок кивнул, а Байрек пошел будить следующего сьонида. Он встал и застыл, слушая первые птичьи трели в кронах деревьев вокруг. Пузырь был полон. Он был голоден и хотел пить. Разложенное оружие казалось незнакомым и пугающим.

Велок тяжело вздохнул, и еще, но это не помогало. Он снова стал рабом. Похоже, лишь смерть могла его спасти. С этой мыслью воин пошел облегчиться. Может быть, когда вернется, оружие подаст голос. Вдруг в него вселились духи, и они посулят ему славу. Запоют как птицы.

Они будут петь весь день, подозревал Велок. Воспевая свой дар — невинность.

Как он завидовал вольным птицам, ведь они могут улететь.

*О, я знал, как это начнется:
В экзальтации яркого утра
Ничего не осталось от ночи
Даже капли росы запылали
Ослепительным солнечным светом
Жизнь рождается в утро такое
К небесам первый крик вознося
Только я стою одиноко
Похоронены стопы в земле
Прошлый мрак, словно пути, сгустился
Выскребая кору моей кожи
Тайны снов и миров завихренья
Угнездились узлами в глазах
И под пологом их необъемным
Сказки памяти кажутся явью
И пускаю я крепкие корни
На прошедших рассветах питаюсь
Так бессмертный венец вырастает
Над забывчивым лбом человека
И свобода плывет, потерявшись
Лик любимый я вижу — не помню
Ни имен, ни событий, ни слов*

Иллюзия одиночества, Рыбак Кел Там

— Элейд Тарос недоволен тобой.

— Хорошо, — отвечала Делас Фана. — Одно дело видеть мужчину, когда всё идет по его воле. Но увидев его в поражении, можно понять истинную его натуру.

Тониз Агра что-то прошипела и отвернулась.

Делас выпрямилась, поискав взглядом Рента и его Жекков. Однако они снова затерялись в толпе. Шатры опадали, дым сотен костров смешивался с туманом горных склонов, закрывая самые далекие ряды воинства. Вчера забили скот, вонь потрохов и крови тяжело повисла в воздухе.

Южные земли открывались им, за нижними склонами уже виднелись заросшие можжевельником долины. Где-то за гранью леса стояло невезучее селение под названием Мутра. Там был и небольшой малазанский гарнизон. Уже к вечеру его сметут, городок запыхает, головы солдат и жителей поедут на копьях Теблоров, а воевода поведет армию дальше.

Затем они разделятся: треть свернет на восток, уничтожит Бринжерову Стопу и пройдет вдоль реки Кулверн к городу с таким же именем, соединяясь с сунидами и саэмдами.

Остальную армию Элейд Тарос поведет к Нинсанскому Рву, большому городу у моста

через реку Мели. Делас гадала, как воевода устроит осаду. Он ведь спешит. Однако им понадобится мост, чтобы перейти на западный берег к городу Блуэд.

Разделятся армии — разделятся сестры. Причиной снова станет Рент. Ему запретили идти с сунидами и саэмдами, однако он твердо вознамерился найти мать. Разумные доводы отскакивали от его шкуры — так похож на отца, что Делас забавлялась бы, если бы не беспокойство за сестер.

Тониз Агра считала себя сотрудницей штаба воеводы, хотя Элейд Тарос не создавал такой структуры. Он держался традиционных путей, что означало беспорядок и хаос. Вожди кланов вечно были рядом, требуя внимания. Однако она была одной из немногих, сопровождавших его на север и узревших истоки грядущего потопа. По ее мнению, это ставило ее, вдову Дейлис и Карека Торда выше остальных.

А Делас Фана поклялась быть рядом с Рентом. И сказала сестре: — Думаю, Элейд Тарос будет рад видеть наш уход. Ты же и остальные из Урида согревайте его холодными ночами.

Тониз вздохнула. — Воеводе это ни к чему. Мы объединились, сестра, после стольких лет розни. Сетал видит в тебе почти чужачку, а Вдовица была в восторге от твоего возвращения. А теперь ты снова делишь нас, и виной этот приبلудный ребенок.

Делас Фана пожал плечами. Словно призванные, показались Сетал и вдова Дейлис с ее дочерью, Пейк Гилд. — Я не встану пред ним на колени. Не поднесу меча.

— Ты не объяснила, почему, — отозвалась Тониз Агра.

— Удивительно, сестра, что тебе нужны объяснения. — Она поймала взгляд вдовы Дейлис. — Разбитый Бог связал нас. Нити наших жизней сплетены воедино. Путей Теблоров не изменить. Что думаешь, Вдовица?

Женщина оправила волчью шубу. — Ты одна из нас, Делас Фана, склонилась пред отцом, или так говоришь. — Плечо дернулось, улыбка была кривой. — Отлично понимаю твое раздражение. Сетал выдержала лишь половину дня в его обществе. Ты с Тониз — да, вы были там, когда бог Смерти ступил на улицы Даруджистана. С Карсой Орлонгом вы связаны так, что нам не дано вообразить. — Она подняла руку, мешая Делас заговорить. — Не отрицаю его божественности. И не желаю, чтобы Элейд Тарос вознесся на эти надмирные высоты. Но он мой Воевода, я обязана идти за ним. Неотразимые доводы. Всеми нами движет необходимость. Зачем же бороться с приливом?

— Не надо бороться, — сказала Делас, не огорченная речами вдовы Дейлис. — Не отвергаю я и хитрость воеводы, обращающего отчаяние в жажду отмщения. Южане не были к нам добры. Ответ давно запоздал. Нет, — завершила она, — его шаги безошибочны, и никакая иная истина не объединила бы племена севера, Теблоров и прочих. Я не хочу возражать. Скорее, меня обидела его игра в день встречи, как он использовал Рента, чтобы очернить его отца и нашего бога.

— Будь я там, — сказала Дейлис после долгого молчания, — тоже обиделась бы. Похоже, в глазах Элейда Тароса Рент несет угрозу куда большую, чем я могу представить.

— Он не одинок в своих скитаниях, — вставила Тониз Агра. — Убит воин. Дело в малазанском клинке и демоне, что в нем таится. Он явился не как дитя — хотя он еще ребенок — но как возможный враг, и опасный враг. — Она помедлила. — Я тоже не была рада, хотя и понимала его мотивы.

Делас Фана покачала головой: — Если Рент превратился во врага Элейда, это результат поступков воеводы. И пусть. Я стою за сводного брата, мне ли склоняться пред Элейдом

Таросом? Он диктует мне свою волю, и он же недоволен? Говори об отце что хочешь, но когда мы встретим его, не говори, что не понимала последствий.

Вожди выкрикивали приказы. Походный строй формировался. К авангарду гнали тысячу теблорских коней. Здесь, на последнем горном склоне, было жарко; в низинах будет еще жарче.

Вдова Дейлис хмурилась. — Делас Фана, я беспокоюсь не так сильно, как ты. Помни, я знавала Карсу в юности. Он часто не думал о последствиях. Когда ранили его гордыню, он обижал друзей и туго натягивал узы верности. Да, он оставил позади трупы двух лучших друзей. — Она пожала плечами. — Элейд еще юн и не обрел шрамов мудрости. Понимание приходит в страданиях. Боюсь, скоро наш воевода их познает. — Она шагнула и коснулась рукой плеча Тониз. — Пусть Делас Фана идет с Рентом, чтобы защищать и беречь его.

— Она склонна скитаться, — заметила Сетал равнодушным тоном. — Именно это я и запомнила, ее неугомонность.

— Не стану отрицать, — сказала Делас Фана, взглядом выражая всю приязнь к сестре. — Цивилизация запятнала меня духом вечного недовольства, как, наверняка, и Карсу Орлонга. Но сейчас меня гонят не разочарование, не спешка. Сейчас мое будущее определено клятвой. Рент не будет скитаться один.

— Итак, — почти недоверчиво пробормотала Дейлис, — твой младший брат увеличил свое сборище. Двух замечательных Жекков недостаточно. Как и псов из выводка Грыза. Теперь рядом пойдет лучшая воительница Урида.

Пейк Гилд, державшаяся позади, молча, вдруг вышла вперед. — Я с тобой, Делас Фана.

Мать удивленно обернулась, но сжала губы и молча кивнула.

Делас всмотрелась в Пейк Гилд. Она была на год старше, Дейлис носила ее, когда Карса, Байрот и Делном пустились к Серебряному озеру. Вечно тихая, вечно задумчивая. Говорили, она может ездить на любом коне, даже необузданном.

— Рада твоей компании, — сказала она. — Возможно, ты станешь подругой Ренту. — "Хотя бы одной не его крови", подразумевала она.

Пейк Гилд наморщила лоб, словно эта мысль ей не приходила на ум. — Честно сказать, я видела в себе иную пользу для вас. Я владею лошадьми породы, созданной отцом Карсы.

Нилгхан кривился, но ведь он каждый рассвет встречал кривой гримасой. Почему этот день должен был стать иным? Псы, свита Рента, привыкли к воинам-Жеккам. То один, то другой подходил к Нилгхану или Говеру, обнюхивал и снова ложился. Уже не было вздыбленной шерсти. Другие теблорские псы, а здесь их были тысячи, держались на изрядном отдалении от выводка Грыза. Рент спрашивал Делас Фану о судьбе этого достойного праотца; но знаменитый Грыз пропал годы назад. Считалось, что хромым пес удалился в леса, чтобы умереть в одиночестве.

После смерти Дамиска Рент плохо спал. Часто пробуждался с полными слез глазами, в груди саднило — незримая рана вины всё ещё истекала пылающей кровью. А иногда он обнаруживал в руке свой нож, омывающий железо воздух столь холоден, что дымится инеем, а рука онемела. Тогда он садился и видел одинокую фигуру за кругом псов, шкура серого медведя на плечах. Призрак смотрел на него, но видя, что полукровка проснулся, отворачивался и уходил.

Похоже, Элейд Тарос еще не закончил с ним. Как ни странно, эта мысль радовала Рента — ведь и он еще не свел счеты с воеводой. Делас Фана толковала о терпении, но эта

добродетель была ему мало знакома. Хотя он обучился сжимать ее в руке, даже когда гнев обдавал то жаром, то хладом; говорил себе, что боль смирения в конце концов даст приятные плоды.

Было ли честно винить Элейда Тароса за гибель Дамиска? Рент знал ответ. Вина была на Ренте и лишь на нем. Но именно воевода прибил руки и ноги охотника за рабами к скале. Как будто в такой казни не было мучений, как будто она была почетной. Нет, Рент здесь ничего не мог понять.

"Скован", сказал ему вчера Говер, "как работоторговцы сковывали Теблоров. Ответом на его преступление стало отнятие свободы. Подумай, щенок, каково быть скованным по рукам и ногам. Это члены твоего тела, верно? Это орудия твой свободы, оружие твоей воли. Пока не лязгнет железо, и они отняты. Что случается с духом?"

А сидевший неподалеку Нилгхан фыркнул и вставил: "Я оторвал бы свои члены, попадись я в цепи. Я Нилгхан Черный Жекк, а Нилгхан Черный Жекк — это тот самый вой с свободе из многих глоток".

Говер поморщился, но кивнул. "Ночью, Рент, Жеккам снится бег. Бесконечный бег".

"Когда мы, дети, спали вместе", прорычал Нилгхан, "мой адский братец пинал меня ногами. Будил снова и снова. Я видел, как он дергается. Видел, как поднимается его губа в неслышном рычании. И мечтал сомкнуть свои зубы на его шее, пока во рту не станет горячо и солоно. Ха!"

Они позавтракали в молчании, сидя вокруг почти угасшего костра. Нилгхан кривился все страшнее, видя, как Теблоры, ганрелы и прочие вольные племена собираются, строятся в колонны, готовые начать долгий пуск в долину и на равнины юга.

Псы всю ночь жрали мясо коз и коров, животы раздулись и явно заболели. Рент видел, как они чешутся, повизгивая.

— Сука-Война, — сказал Нилгхан, заставив вздрогнуть Рента и Говера. Вождь смотрел на брата в тихом гневе. — Она как Солтейкен среди сборища Д'айверсов. Одинокий зверь среди свор. Тварь, замеченная на гребне холма между границами кланов. Отделенная. Обреченная.

— Я чувствовал ее много дней, — сказал Говер. — А потом... она ушла.

— Как скажешь, ничей владыка. Наши своры бродят рассыпавшись, глупые и неприкаянные. Нужно вернуться.

— В уме своем я прошептал призыв ко всем Черным Жеккам. Прошептал и затем проревел. Наша страна встрепенулась. Я чую. К нам придут. Нам ответят.

— Похоже, твой дар безмолвного рева оглушил меня. Я спал рядом и ничего не слышал.

— Идиот. Тебе ли нужен призыв? Ты уже здесь, к вечному моему сожалению.

— Так почему Сука-Война бежала от нас, если ты всё рассказал верно? Если она не плод твоих мечтаний?

— Дамиск встречал ее, видел, как она оставила логово.

— Он много что болтал. Всё ли было истиной? Вряд ли.

Рент наморщился. — Дамиск никогда не врал.

— А сказка о посещении иного мира? Освобождении пленного бога? Небесные крепости, К'чайн Че'малле и резня, от которой онемели бы все барды? Одиночки становятся центрами вселенной. Нет, своих вселенных. Отчего сходят с ума. Дамиск свихнулся? Я промолчу, но лишь из вежливости.

Говер сказал: — Сегодня твой настрой особенно уныл, братец. Зачем дразнить щенка? Я мало напоминаю тебе о твоём месте. Похоже, зря.

Оскалившись, Нилгхан спросил: — Ещё не выздоровел, брат? Я намерен лишить тебя власти, имею на это все права.

Говер не спеша встал. — Отлично. Я поистине здоров. Сделаем это такими, как сейчас, или в сворах?

Глаза Нилгхана блеснули — и погасли. Он отвернулся, шурясь. — Теблоры. Видишь решимость в их глазах? Мерзкие тайны. Любой разговор обернется проклятием.

Рент обернулся и увидел Делас Фану и ещё одну женщину, незнакомую. Он встал навстречу.

— Сегодня, — начала Делас, — мы поскачем.

Нилгхан заворчал: — Невозможно. Ни одна лошадь не вытерпит Жекка на спине. Холка — то место, куда вцепляется главный волк, тогда как прочие хватают за ляжки и брюхо. Хватают и рвут, валят зверя и едят. — Он облизнулся, словно вспомнив такое пиршество, и раздражённо потряс косматой головой. — Лошади ненавидят меня.

— Неудивительно, — отозвалась Делас сухо. Поглядела на Рента. — Решено. Я сопровождаю вас на юг, как и Пейк Гилд, дочь вдовы Дейлис и Байрота Гилда.

Рент всмотрелся в Пейк Гилд. Его встретили глаза необычайно спокойные, он даже занервничал. — Никогда не скакал на лошади, — сказал он. — Может, мне лучше идти с Нилгханом и Говером.

Пейк Гилд молча улыбнулась.

— Тебе важно научиться, — сказала Делас Фана.

— Почему?

Она замялась. — Может прийти время, когда нужно будет двигаться... быстро.

— А Говер и Нилгхан? — возмутился Рент. — Они друзья. Я больше не теряю друзей.

— Мы перетечем, — объявил Говер. — Может, мы не бегаем быстрее теблорских коней, но мы бегаем дольше любого зверя из плоти и крови.

Рент ни разу не видел, как Жекки оборачиваются сворой. И поглядел на друзей с новой серьёзностью. — Это больно?

— Что больно, Рент?

— Перетекать? Ваши тела рвутся? Вы разваливаетесь на шесть кусков? Как это делается?

Нилгхан фыркнул. — Мы сдаемся зверям внутри нас.

— А потом?

Он пожал плечами. — Перетекаем.

Говер сказал: — В любой миг в нас бьются шесть сердец. Да, лишь одно можно ощутить, положив руку на грудь. Но я чувствую все шесть. Лишь силой воли мы остаемся в единой форме. Перетечь, как и сказал Нилгхан — значит сдаться.

— Тогда у вас по шесть умов? — поражённо спросил Рент. — Как можно жить с шестью голосами в голове? Кто повелевает? Идут споры?

Похоже, Делас и Пейк развеселились от такого вопроса, и Рент ощутил вспышку злости на них. Теблоры дерзки, решил он. Интересно, как мир сможет поставить таких гордецов на колени?

Говер усмехнулся, но тепло. — Мой единый разум, Рент, повелевает сворой. Но я могу странствовать из зверя в зверя, если нужно. Например, — улыбка стала иронической, — если

кто-то вонзает нож в череп, тебе лучше найти другой череп, и поскорее.

— Значит, ты ощущал, каково это — умирать?

Глаза Говера сузились. — Твой ум весьма остер. Да, отвечаю тебе. Мы, Жекки, отлично знакомы со смертью.

— Тогда мне жаль.

Говер пожал плечами: — Ты убивал, чтобы выжить. В подобных обстоятельствах, Рент, не нужны оправдания.

Нечто смыло улыбки с губ Делас Фаны и Пейк Гилд, они смотрели на Рента с новым непонятым выражением. Пейк спросила Говера: — Это дитя сражалось с твоей сворой, владыка?

Говер крикнул. — Первый урок: нельзя недооценивать это "дитя", Пейк Гилд. Были и другие уроки, к счастью, не ко мне обращенные. Но воин Галамбар не даст тебе отзыва, ибо мертв. — Казалось, он закончил. Но потом: — И это, разумеется, было до того, как демон положил глаз на его нож.

— Когда будешь перетекать, — настаивал Рент, — что мы увидим?

— Сперва учуете, — сказал Нилгхан, встряхиваясь, словно медведь в реке. — Затем вещи размываются и сочатся темными пятнами, такой штукой, что подобна клубам дыма. Посередине этого дыма явятся шесть пар глаз. Если ты им враг — это будет последним, что увидишь.

Пейк Гилд сказала: — Я приведу лошадей. Делас Фана, ты заберешь своего скакуна у Тониз Агры?

— Нет, — отозвалась Делас. — Прошу, найди мне нового. Но лучше кобылицу.

— Хорошо. У меня тоже кобылица, — кивнула Пейк. — Тогда ребенку выпадет мерин.

Рент глядел на Говера. — Превратишься сейчас?

— Мы...

— Момент, — рыкнул Нилгхан. — Делас Фана, что сделают ваши псы?

— Не знаю, Нилгхан. Но лучше узнать здесь, нежели на поле битвы.

— Хорошо замечено, — кисло согласился Нилгхан, в изучавших теблорских псов глазах мелькало сомнение. — Брат, лучше я перетеку первым. Даже дурной Владыка Черных Жекков не заслуживает быть порванным в клочья тысячей уродливых собак.

Говер зарычал: — К чему владыка, который не ведет своих подданных? Нет, Нилгхан, хотя я ценю твою ворчливую заботу. — И он начал превращаться.

Пряный запах защипал в носу Рента, при первом же вдохе глаза наполнились слезами. Казалось, Говера поглотил непроницаемый мрак. Который порвался струями черного дыма и, как обещал Нилгхан, сквозь редящее облако засверкали шесть пар глаз.

Через мгновение шесть могучих волков ссутулились по бокам Рента.

Псы помета Грыза вдруг застыли, встав кругом и неотрывно глядя на огромных волков.

Волки, впрочем, не были ровней псам ростом с косматых пони, что возили в Серебряном Озере телеги. Рент подозревал, что свора Жекка смогла бы победить лишь одного или двух теблорских псов.

Делая Фана сказала: — Владыка Черных Жекков поистине впечатляет. Не хотела бы ссориться с такой стаей. Рент, лучше встань между ними, чтобы звери не подрались.

Рент вышел вперед, думая взглянуть в глаза главному волку, узнав взгляд Говера, но животных было не различить.

Нилгхан явно понял, чего хочет Рент. Он хохотнул: — Тактическое преимущество. Кто

вожак? Не поймешь, пока не будет поздно. Что ж, кажется, мой брат не будет разорван на куски — но лишь благодаря твоим песикам. Гляди на псов, приведенных племенами.

Рент оглянулся, и холод пополз по спине. Теблорские псы вились сотнями, вздыбив шерсть и сверкая глазами на свору Говера. Воины выкрикивали приказы, затаскивая собак в строй. Многие сопротивлялись.

Делас Фана встала рядом, лицо хмурое. — Лучше бы воевода это видел, дабы первая же атака его армии не стала хаосом. Было бы мудро поставить Жекков на один фланг, теблорских псов на другой. Конечно, если Жекки вообще за ним пойдут.

Нилгхан перетек, и снова Рент встал рядом, казалось, успокоив своих псов.

Пейк Гилд вернулась, ведя трех лошадей под седлами. Рент подумал, что ни один южанин не сладит с такими бестиями. На каждом была лишь одна узда, седла в ширину больше, чем в длину. Кобылы обе черные, тогда как мерин черный в серых в белых яблоках.

— Говорят, — произнесла сбоку Делас Фана, — что теблорские скакуны не природные существа. Однажды, давным-давно, полукровка-Джагут пришел к Теблорам. Лошади Джагутов едят мясо, излюбленная их добыча — обычные лошади. Колдовство Джагутов могущественно, покорно лишь воле мастера. Полукровка сделал Теблорам дар, сплавив двух зверей, хищника и жертву. Так родились кони Теблоров. Я видела кости, почитаемые в старых кланах. Кажется, они меньше, чем у нынешних.

— Верно, — заметила Пейк. — Мы размножаем их с умом. Нужна тонкость, острый глаз. Слишком большие — и масса мышц ломает кости. Слишком много крови от джагутских — как бывает в жеребцах — и зверь чрезмерно злобен даже для битв. Отец Карсы Орлонга был умелым заводчиком. — Она вышла, ведя мерина и предлагая Ренту повод. — Этого звать Чентак. Сейчас он нервничает в близости волков — но не боится, видишь? Нет, Чентак видит в своре соперника.

— Значит, ест мясо?

— Он питается как медведи. Мясо, растения, термиты и муравьи. — Она помедлила. — И гадит по-медвежьи. Черным, кислым. Видишь, какая длинная челюсть? Теблорец может перекусить южанину бедро. В битве схватить за ногу и бросить на дюжину шагов. Точный удар копытом убьет и Теблора.

— Это мне следует бояться, — сказал Рент.

— Нет, ты должен повелевать. Чентак терпелив. Время учиться еще будет.

— Надеемся, — бросила Делас Фана и влезла на кобылу, свободно держа повод.

— Ее зовут Эйнеп, — сказала Пейк. — Принесла трех жеребят. Добрая, заботливая мать. Ну, Рент, ставь ногу в стремя — нет, другую. Хватайся за рог седла и тащи себя на спину Чентака. Видишь, как это просто? Сейчас расслабься и не натягивай повод. Чентак пойдет вслед Делас Фане, она будет вести нас. Я поеду за тобой и буду подсказывать, учить тебя. Ты не против?

— Нет, — отозвался Рент. — Но меня никто еще не учил. Что нужно делать?

— То, что я скажу. Если бы ты жил среди Теблоров, учился бы, наблюдая. Вот лучший путь обучения. Мои указания мало что дадут, пока ты не начнешь примерять их на себя, так что молчи и запоминай. Если будут вопросы, задавай — и слушай ответ внимательнее.

— Ты не намного меня старше, Пейк Гилд, но говоришь как с дитем малым.

— Потому что тебе многому нужно научиться. Не обижайся.

Рент повернулся к Делас. — О какой особенной ночи ты говорила? Ночи, в которой я стану мужчиной. Когда это будет?

— Очень скоро, Рент, — сказала Делас Фана, обменявшись взглядами с Пейк Гилд. — Но сейчас мы присоединимся к походу. Похоже, мы будем позади даже стариков и калек. Что же, Жекков не станут тревожить псы.

Она вроде бы ничего не делала, но лошадь шагнула вперед. За ней двинулся Чентак.

— Лошади Джагутов бегают стаями, — сказала Пейк Гилд громко, потому что скакала сзади него. — Обычные лошади сбиваются в табуны. Они общаются меж собой невидимыми тебе способами. Обычными лошадьми движет страх. Джагутские охотятся. В теблорских слиты два вида, ибо боевой конь должен знать и страх, и жажду охоты. Ты мог считать, что боевой конь должен ничего не бояться, но такое животное вскоре погибнет и всадника погубит. Страх полезен, внушает осторожность и заставляет защищать себя, и всадника тоже.

Разве воин учится лишь нападению? Нет, его учат и обороне. Поскакав в бой, всадник и его лошадь готовы и нападать, и защищаться. Однажды вы станете в бою единым разумом, общаясь движением мышц, сменой баланса, и если конь будет смотреть налево, ты будешь смотреть направо. Когда ты сделаешь выпад, конь сохранит равновесие. Когда конь понесется, ты прижмешься крепче. Кстати, Карса Орлонг был лучшим наездником своего поколения... хотя, — тихо засмеялась она, — так думал его отец.

Делас Фана обернулась в седле. — Карса Орлонг ныне ездит на чистокровном джагутском коне, Пейк Гилд.

— Когда-то он скакал на лучшем жеребце отца, Ущербе.

— Ах, — сказала Делас Фана, — он дал это имя новому.

Рент вмещался: — В Серебряном озере хранится череп теблорского коня. Может, он того, первого Ущерба?

Его слова заставили женщин замолчать.

Они начали спуск в долину. Рент заметил, как свора Говера унеслась в сторону, будто уловив какой-то запах. Нилгхан за ним не последовал, хотя Рент ощутил напряжение в косматых волках, что бежали рядом с конями. Выводок Грыза вроде бы не обращал внимания на то, чем заняты волки. Скальп трусил так близко от седла, что Рент едва не задевал его бок мокасином.

В Озере некоторые дети владели собаками, но те бежали от Рента. Он почти приручил двух бездомных псов за таверной, но и они осторожничали, даже получая пищу.

Он решил, что звери его не любят. Он помнил, как сердился один паренек, когда его пес сбежал от Рента с поджатым хвостом: пес был крупным и парень вечно надувал щеки, вышагивая под такой охраной. А тут зверь метнулся за угол и пропал из вида.

"Ты воняешь кровяным маслом, Рент. Злым и гнилым. Я заполучу больше собак, десять и еще больше. Они порвут тебя в клочки! Но не сожрут, ведь твое мясо отравлено".

И он убежал с парнями, своей сворой. Казалось, без собаки положение его ухудшилось. Рент пережевывал угрозу много дней, но паренек так и не завел новых собак. Рент встретил его спустя годы, на подбородке щетина, на голове вмятина от конского копыта. Он пускал слюни и вечно улыбался, другие мальчишки звали его Собачий Ум и бросались камнями. Однажды — яркое воспоминание — он попытался помешать "друзьям" забрасывать камнями бедного дурачка, и они послушались. Бросили камни в самого Рента.

"Я отравлен. Проклят кровяным маслом. Собаки бегут от меня".

Он не думал, что сможет доверять псам Теблоров. Не был уверен, что может довериться Чентаку.

Однако он доверял волкам-Жеккам, хотя сейчас рядом была лишь Нилгханова свора.

— Ты слишком тянешь, Рент. Расслабь. Очисти голову. Подумай о чем-то более приятном.

Пейк Гилд была милой, но для нее он лишь дитя.

— Старайся, — велела она.

Длинные густые волосы были белыми и плыли по ветру, словно дым от горящих листьев. Но кожа была чернее оникса, отчего изумруды глаз казались еще прекраснее. Она угнездилась в каменной осыпи, легла набок и дерзко вытянула голые ноги.

Превратившись, Говер встал, глядя на нее, гадая, к чему столь смелая поза. Потом поклонился. — Сука-Война.

— Меня давно считают пропавшей?

— Да. Даже мой брат верит в это. Где мои кланы?

— Близко, но скажу тебе, Владыка Говер: это не наша война. Ты воспротивишься соблазну? Жажде резни, сладости крови на языке?

Он склонил голову набок. — Когда ты ходила в моих снах, всё было смутным. Я мало что понял из твоих желаний.

Она нахмурилась и пожала плечами. — Мало практики. Но ты, Владыка Говер, ты живешь в вечном тумане. Что тебя так влечет в полукровке?

Говер отвел глаза. — Невинность. Словно когтистая лапа сжала мое сердце.

— Ах, — вздохнула она, — невинность, она такая. Однако же его обняла Ассасин Ши'гел, и в крови его пылает огонь бога. Да, он невинен, а те, что внутри него — отнюдь.

— Его нужно бояться, Сука-Война?

Ее глаза широко раскрылись. — Нет, глупец. За ним нужно следовать. — Она улыбнулась, и он увидел во рту волчьих клыки. — Что за штука, верно? Следовать за невинностью. Нам с тобой, покрытым горькими шрамами жестокого опыта. Ши'гел, ради всего благого! Ассасин с кровью драконов на руках, не говоря о сонме убитых матрон К'чайн Че'малле. Да и рукам самого дитяти, скажем честно, не впервой будет творить насилие.

— Кто же он? Зачем идти за ним?

— Ты меня спрашиваешь? Вы с братом готовы за него умереть. Уже не раз это доказали. И сводные сестры. Но скажи, Владыка Говер, согласятся ли твои Черные Жекки? Сильна ли твоя хватка? Ты долго был вдали от кланов.

— Они мои, — прорычал Говер.

— Хорошо, — ответила она. — Белые Жекки неподалеку. Видит ли владыка Каснок сны обо мне? Не знаю, нужно проверить. Если они потеряны для меня... однажды им придется вспомнить всю радость моих тесных объятий.

Однако Говеру было мало дела до Белых Жекков. Он думал об ином. — Дамиск мертв.

— Знаю. Я вычистила его разум, увидела всю его жизнь. Хорошо, что он умер, и хорошо, — она снова улыбнулась, — что умер достойно.

— Первая рана Рента — я вижу, как невинность сочится слезами из его глаз, и порвал бы небеса за эту потерю.

— Если хочешь привязать его к миру, не сумеешь. Жить значит терять веру, с которой ты рожден. Тысяча порезов, и каждый кровоточит. Невинному мир видится совсем иным, и понять это — значит вспомнить свои потери, узреть свое грустное отражение и вновь ощутить всю тяжесть душевной боли.

Говер скривился. — Если ты редко практикуешь хождение по снам смертных, Сука-Война, радуйся: ничего не потеряла, наоборот. Раз мы идем за Рентом, скажи, ты знаешь ожидающую нас судьбу?

— Знаю одно, Владыка Говер. Когда придет время двигаться, нужно двигаться быстро. Позаботься, чтобы это понял и Рент.

— И кто решает, когда придет этот миг?

Она встала, соблазнительно потягиваясь.

Говер сражался с желанием, которое она сознательно будила. Богини могут так злить!

— Ты поймешь, Говер. Но сейчас мне нужно напоминание.

— О чем?

— О благах общения, — сказала она, томно глядя на него.

Он утробно зарычал и двинулся к ней без колебаний.

Весь день понадобился, чтобы спуститься в долину, а вечером разнородные кланы и племена долго перемещались по лесу, отыскивая места для ночлега. Когда хвост походной колонны вливался в низину, дым от сырых дров заполнил лес, словно там начался пожар.

Делас Фана без колебаний вела свой отряд по террасе, берегу давно пропавшей реки (как сказала Пейк), довольно высоко над днищем долины. Здесь можжевеловники уступили место широколистным осинам и березам, камни были устланы слоем прелой листвы. Стоянка здесь позволяла им наблюдать за громадиной армии внизу, хотя многие скрылись под пологом сосен и лиственниц. Когда Делас соорудила костерок и приготовила ужин, всё внизу утонуло в дыме и копоти.

Говер вернулся незадолго до этого, щеки и шея необъяснимо исцарапаны, словно он совал голову в терновые кусты. Рент не видел, как он переходит в форму человека, но свора Нилгхана заметила состояние брата и почему-то не решалась подойти ближе.

Спина и бедра Рента ныли. Он вонял конским потом. Сомневался, что сможет стать хорошим наездником, особенно в сравнении с ловкостью Делас Фаны. Да, ему не стать настоящим Теблором. Но эта мысль почему-то не волновала полукровку. Слишком странно, решил он, когда ты принадлежишь кому-то или какому-то месту. И в Серебряном Озере ему было не так уж худо. Бродил одиночкой, наблюдая жизнь других людей, ощущая себя призраком и вовремя замечая, когда кто-то обращает на него гнев.

Даже пешим он легко избегал почти всех камней. Но и брошенные метко почти не вредили ему. Мелкие синяки, ссадины. Если бы не случившееся с матерью, он мог бы так и жить там. Это не было бы счастливой жизнью... но счастье дело ненадежное, пропадает в один миг. Как будто его и вовсе не было.

Если подумать, он запомнил мало счастливых людей. Ни здесь, ни там. Дети — да, но они растут и лица становятся серьезными, глаза холодными и дерзкими. Значит, в определенном возрасте нечто происходит. Что-то тайное, ночное, как у Теблоров. Когда отрезают счастье, и взамен к душе пришивают правильное знание о мире.

— Ночью прозвучат слова.

Моргнув, Рент смущенно поднял голову. Говер присел напротив, на толстых губах застыл жир от мяса. Нилгхан наконец превратился и грыз сочную кость, руки и лицо блестели. Делас Фана села на седло и держала в руках потертую кружку с горячим чаем. Пейк Гилд чистила и расчесывала лошадей. И, наконец, выводок Грыза окружил стоянку кольцом.

Рент наморщил лоб: — О чем ты, Говер?

Но внимание Говера было обращено на Делас Фану. — Клань Черных Жекков на востоке, на берегах великого озера. Думаю, ближе нас к селению Бринжерова Стопа. Сейчас они там.

— Откуда узнал? — спросила она.

Нилгхан прорычал: — Думаю, подушка нашептала.

— Просто знаю. — Говер не повернул к брату головы. — Когда армия разделится?

— Утром. Некоторые роды Теблоров нетерпеливы. Они пойдут в авангарде и, если врагов мало, не замедлят с атакой. Воины жаждут пролить первую кровь новой войны.

Лицо Говера омрачилось. — Это уже случилось. Напали на Серебряное Озеро.

— И опять твоя осведомленность удивляет, владыка Говер.

— Сука-Война, — бросил Нилгхан. — Она вернулась, если вообще уходила. — Он сверкал глазами. — К чему твои обманы?

— Я молчал бы, если бы не ее аппетиты. Она давно имеет дело с Тоблакаями, то есть Теблорами. И с саэмдами. Если божество желает выжить, ему следует быть настороже. Я сделал то, чего она пожелала.

— И какие вести о битве при Озере? — спросила Делас Фана.

Говер пошевелил плечами. — Битва. Городок сожгли дотла.

Слова были простыми, но утонули в Ренте, не породив всплеска. Он понял, что сжался, хватая руками колени.

— Хотелось бы знать больше, — настаивала Делас. — Ты сказал "битва", не "резня".

— Да. Но могу и ошибаться.

— Кто победил?

— Никто, — буркнул Говер. — Побед не будет. Не в этой войне. Я удержу Черных Жекков в стороне. Нужно идти на юг, и быстро. Лучше избегать встреч, с друзьями ли, с врагами.

Нилгхан резко вскочил. — Не так называли богиню!

— Богиня видела полей брани больше, брат, чем ты разгрыз мелких косточек. Она стояла на поле, белая шкура в крови, и взвешивала цену победы, давась от горькой лжи. Проклинала тех, что пляшут на костях, и скорбела, видя тоску в глазах выживших. Она знает войны, брат. Знает, похоже, слишком хорошо.

— Чего она хочет от нас? Чтобы мы таились в каждой тени до самого Мотта?

Кустистые брови Говера поднялись. — Мотт? Если нас туда ведут, то да. Придется скрываться до самых стен Мотта. Тут дело не в победе. Дело в выживании. Если я проведу клань, не оставив позади ни одного трупа, я одержу победу!

— Бросаю вызов твоей власти!

— Правда, Нилгхан? Ты столь дерзок, хотя Сука-Война ныряет во сны, в самый наш рассудок, и шепчет о вечности ужасов? — Он начал вставать. — Если таково твое желание, быть по...

Рент понял, что кладет руку на плотное плечо Говера, заставляя сесть. — Я хочу того же, владыка Говер, — сказал он. — Без мертвых друзей, без мертвых семей. Нилгхан, разве Жекки тебе не семья? Не родня? Кого же ты готов принести на алтарь войны, выдуманной Элейдом Таросом?

Челюсть Нилгхана отвисла. — Речь не ребенка, — хрипло шепнул он.

— Дамиск мертв, и моя мать. А я мог спасти их.

— Ага, ребенок возвращается.

Рент разгневался, но кипящая злость быстро пожрала себя, оставив то ледяное спокойствие, что заставило застыть весь мир, закалило нервы и замедлило дыхание. Рука нашла нож.

— Прекрати! — бросила Делас Фана.

— Не твое дело. — Нилгхан смотрел на Говера. — Власть...

— Там, где и должна быть, — прервала его Делас. — Ты совсем не думаешь, Нилгхан. Это всё — долины, низины — будут поглощены потопом. Мы, Теблоры, бежим от неминуемого бедствия, что уничтожит наш мир. Вообразил, твоя богиня войны слепа? Она велела Говеру спасти народ, что он и пытается сделать. Будя рядом, и шансы возрастут неимоверно. Дерись с ним, и Черные Жекки умрут. Помысли же, какую награду дарует тебе богиня после смерти.

— Я воин!

Рент вздохнул. — Сядь, Нилгхан. Бросишь вызов брату у стен Мотта, где бы этот Мотт ни был. Прошу вас, довольно споров. Я пройду до Серебряного и похороню мать, если от нее остался лишь пепел. Но это мой путь. Если мчится потоп, я веду вас не туда, куда следует. Я уже не боюсь одиноких скитаний и буду рад знать, что вы в безопасности на юге. — Он заметил Пейк Гилд в полутьме, там, куда не простерся свет костра. Что она успела услышать? — К тому же я никогда не бываю одинок.

— Добрые чувства, — отозвался Говер. — Но Черные Жекки идут с тобой. Я сказал.

— Почему, если богиня желает вам выжить?

— Потому что, на взгляд Суки-Войны, ты даешь лучший шанс.

Ошеломленный, Рент не мог выдать ни слова.

— Бессмыслица, — прошипел Нилгхан, но уселся, словно сдвнувшись.

— Странно, — пробормотала Делас Фана, подбрасывая сучья в костер.

— Что?

— Мои инстинкты твердят то же. Я начинаю верить: это не мы собрались, чтобы защищать Рента. Он сам будет защищать нас.

Пейк Гилд пожалала голос из темноты: — Рент, иди со мной. Я услышала твои слова и обрела откровение в твоём взоре.

Рент нахмурился, когда Делас Фана пояснила: — Положенные слова, Рент. Ты заслужил свою ночь. Женщины решают, женщины выбирают, ибо именно женщины знают.

Пейк Гилд протянула ему руку. — Я услышала твои слова и обрела откровение в твоём взоре. Если предпочитаешь мужчину, я найду его.

— Мужчину? — удивился Рент. — Для чего?

Говер хмыкнул. — Всё очень просто, щенок. Если хочешь кого-то поцеловать, кого предпочтешь: мужчину или женщину?

Поцеловать? Он почти сразу пожал плечами: — Не знаю. Не знаю о чем ты. Никогда никого не целовал и меня не целовали. И зачем люди это делают?

Говер вдруг встал, обошел костер и пошептался с Пейк Гилд, так тихо, что Рент ничего не расслышал.

Лишь увидел потрясение на лице Пейк, боль в глазах. — Тогда, — сказала она, — понимание придет с большим трудом. Рент, прошу, встань и возьми меня за руку. В любом случае к утру ты станешь мужчиной.

Нилгхан странно застонал и бросил: — Ну почему у Суки-Войны нет сестрички. Делай

как она велит, щенок. Я ж говорил: женщины всё знают.

Она увела его далеко от всех, на другой уровень речной террасы. Даже псы не шли следом. Оказавшись наедине с Пейк Гилд, Рент не находил что сказать. Сердца тяжело стучали, по неведомой причине, во рту пересохло. Как будто от нее исходил запах, необычайно экзотический, наводящий смущение и стеснение.

Наконец он придумал тему для беседы, но тут же оказался в затруднении. — Говорят, ритуалы Теблоров полны крови и жестокости. Новорожденных приносят в жертву каменным богам. Режут псов, с лошадей сдирают кожу. Поют заклинания и всё такое, и духи встают из земли. Мне пустят кровь?

— Когда ты впервые глядел на меня, — ответила она, выводя его на полянку, — мне привиделось желание в твоих глазах. Я ошибалась?

— Я счел тебя милой, — сказал он сдавленно, радуясь, что в темноте она не видит горящего лица.

— Но ты изменил свое мнение?

Он расслышал в тоне насмешку. — Ты дразнишь меня.

— Дразнить — наше главное оружие. Кожа мужчины так тонка, мы пробуем, легко ли она кровоточит.

— Нехорошо.

Она нашла поваленный ствол и подвинула ближе. — Сядь со мной.

Он заметил, что она принесла сюда постель, разложила меховые шкуры. — Ты запланировала это раньше, раньше, чем услышала меня.

— Днем, когда я давала тебе советы насчет лошадей, смотря в спину, мне пришло в голову, что ты — мое предназначение. Гм, одно из, ведь я не создана только для служения мужчинам. Скорее я вольна привлечь мужчину или оттолкнуть его, как захочу. Вольна оказывать услуги, пока мне это приятно. Нет, Рент, кровь не прольется.

Он озирался, почему-то избегая смотреть на постель. — Что сейчас будет? Думаю, ты ошиблась. Я ни к чему не готов. Вы назвали меня ребенком, что ниже закона, ниже серьезного отношения. Мне не нравится. Но может, потому что это правда? Я дитя, и кажется, сейчас лишусь того, чего не ценил, но всё же оно ценное. — Он глянул на нее. — Что я потеряю, Пейк Гилд?

Она вздохнула: — Меня предупредили. — Голос был едва слышен. — В обычных обстоятельствах, Рент, я сказала бы "невинность". Но Дамиск сказал Говеру, а Говер передал мне. — Она замолкла.

Хмурый Рент думал и думал. Ничего на ум не пришло.

— То дело с твоей матерью, — шепнула Пейк.

— Я думал, она убила себя из-за меня. Но Дамиск сказал, она жива. Так в чем дело?

— Почему она угрожала убить себя?

— Потому что я не мог заплатить, как остальные. Когда она... — Пришла его очередь молчать. *"Когда она сделала со мной то же, что с другими"*.

— Там не в плате дело, Рент. Это проклятие кровяного масла, лихорадка, пожирающая души южан. Ей была суждена лишь такая работа, но это была лишь работа. До той ночи. Работа. Работая, она кормила вас, содержала дом. Заботилась о тебе. Но затем... лихорадка победила ее, и она сделала то, чего не должно быть.

Ренту казалось, что сейчас он зарыдает, непонятно почему, ведь Пейк Гилд подводила его к чему-то, и было уже больно. Словно у него вдруг нашлась рана, и Пейк засунула в рану

свои пальцы. — Мое тело... моя часть изменилась, — пробормотал он. — Я ничего не мог сделать. Она царапала лицо, била себя кулаками. Я не знал, что творится. Не знал, чем ей помочь.

— Ты ничего не мог сделать.

— Я был сконфужен.

— Ты был охвачен ужасом, — ответила она.

Он подумал. Ему всегда твердили, какой он медленный умом, неуклюжий и тупой в сравнении с шустрыми южанами. Однако он не мог вспомнить никакого ужаса — или просто не понимал смысла слова? — Ужас значит, что я напугался. Не думаю, что я хоть когда-то чего-то пугался.

— Это не одно и то же, Рент. Ужас обитает в мире неведомого, не как обычный страх или боязнь. В нем смущение переходит в неслышный вопль, как будто у тебя вырывают привычный мир. Той ночью, Рент, она вырвала у тебя мир. Той ночью всё изменилось.

Он кивнул. Теперь он видел. — Я убежал к озеру.

— Одна жизнь кончена, другая началась. Как Дамиск нашел тебя?

— Я пытался уплыть на северный берег. Было холодно. Думаю, я уже тонул. Тело не работало. Сила пропала. Дамиск приплыл в лодке. Затащил меня. Потом мы развели огонь.

— Для него ты стал искуплением, — сказала она. — Ну, скорее попыткой искупления. Спаси он тысячу Рентов... нет, даже этого не хватило бы.

— Дамиск был хорошим.

— Для тебя. Но забудь. Таковы люди. С одной стороны горячие, с другой холоднее льда.

— Я чувствую лед, когда гляжу на Элейда Тороса.

— Именно так, — буркнула она.

— И мне не нравится это чувство.

Она глядела на него в тусклом свете луны. Далеко на севере рокотал гром, но небо осталось черным, никаких молний. И сказала: — Этой ночью мы должны разделить две вещи. Будет нелегко, но я постараюсь как могу. С одной стороны, предательство — так поступила с тобой мать; с другой стороны — то, как отзывалось твое тело. Ты ощутил, что не контролируешь его. Я научу контролю, и как найти удовольствие от этих ощущений. Что важнее, научу, как дарить удовольствие, получая его. Как мы отдаем свои тела, веря, что это величайший дар взросления.

— Не хочу больше о матери, — ответил Рент. — Она, наверно, мертва.

— Если и так, пойми: она вздохнула последний раз, успокоенная. Знай она, до чего доводит проклятие, убила бы себя заранее.

Он пристального взгляда ее глаз по коже Рента пошли мурашки. — Ты хочешь сделать со мной то, что сделала мать. Той ночью.

— О да, таково было мое намерение. Но сейчас, Рент, я сделаю признание. Я боюсь. Не то, что ты сделаешь мне больно. Нет, твоя доброта снова и снова ранит сердце. И это пошло не от отца, поверь. — Она хрипло вздохнула. — Нет, я боюсь, что не справлюсь. Что от моего касания ты нырнешь в кошмар той ночи, испытав всё заново.

— Ты проклята кровяным маслом?

— Нет, Теблоры быстро выздоравливают от масла. Вкушала ли я его? Да, однажды. Не удивляюсь, что твой отец потерял контроль. Даже поцелуй свежесмазанного маслом клинка ускоряет сердца и рождает огонь... внизу. Вот что меня пугает. Желание само по себе сродни жару, и я могу сдаться ему, показавшись тебе похожей на мать.

— Ты будешь царапать себе лицо и бить себя? Не надо, Пейк Гилд. Я решил. Я навеки останусь ребенком.

Она кривилась. — А Говер ввалился к нам, на лице целая карта следов женских ногтей. Нет, Рент, я не раню себя. Но ощущения могут меня зажечь, и это покажется насилием, слишком велико удовольствие.

Ему уже не хотелось быть здесь, сидеть наедине с женщиной. Хотелось вернуться к друзьям и сестрам на стоянку внизу.

— Доверишься мне, Рент?

— Хочу назад.

— Вижу, что такая ночь окажется сложной, даже если случится еще через десять лет. Но женщина будущего, Рент, не будет знать о случившемся в Серебряном Озере. Думаю о ней, какой бы она ни была — и чувствую, что должна настоять. Здесь и сейчас. Ради ее блага и ради твоего блага.

Он не мог представить, что это за "женщина будущего", и вдруг понял, что она может оказаться совсем не похожей на ту женщину, что сидит рядом. Среди Теблоров он уже видел пятерых женщин. Они были разные. Ни одной он не понимал.

А вот Пейк Гилд пыталась объяснить с ним, рассказывая о необычном. И ее рассказы вызвали новое понимание. Глаза его широко раскрылись. — Ты мне доверяешь, — сказал Рент.

Она нервно хихикнула. — О Разбитое Лицо! Тебе нельзя не доверять! Думаю, этим ты походишь на отца. Немногословный мужчина подобен глубокому колодцу, и женщина не колеблется, бросая в него всё, что имеет. Смешно, — фыркнула она, — но женщина начинает ненавидеть его солидное молчание, едва пройдет пара десятков лет совместной жизни. "Когда", восклицает она, "ты вернешь мне хоть что-то?" — Она пренебрежительно махнула рукой. — Ладно, я отвлекаюсь. Да, тебе я верю.

— Тогда я скажу, что боюсь. Хочу сбежать от всего этого. Лучше бы был у Озера, забыв всякие чувства. Лучше бы я ложился спать, едва приходит ночь.

— Да, ты побывал на краю смерти. Хорошо же, — она взяла его руку, — позволь вернуть тебя в яркой славе жизни.

— Ну, теперь я... устрaшен.

Она покачала головой, улыбаясь, заставляя его встать. — Не надо. Сегодня ночью мы начнем склеивать твой разбившийся мир.

Селение Мутра опустело. Все жители бежали, совсем недавно. Вдова Дейлис сидела на лошади под кронами деревьев, выше городка. Слева была Тониз Агра, слева Сетал.

Элейд Тарос выслал разведчиков, сейчас они пробирались по заваленным всяческим хламом улочкам Мутры. Далеко на юге, за купами деревьев, поднималось облако пыли, длиной уже больше лиги — словно новая стена.

— Наше приближение заметили, — сказала Тониз Агра.

Дейлис пожала плечами. — Так он сейчас сказал. Дым над лесом мог быть и следствием пожара, но южане поняли верно. Внезапная эвакуация была спланирована заранее, и спланирована хорошо.

— Нас ждет армия, — заметила Сетал. — Та линия пыли. Элейд Тарос получит свою битву.

Силы северян разделились вчера, Делас Фана и Пейк Гилд ушли с ратидами на восток,

как и часть лесных племен. Они должны были достичь Бринжеровой Стопы к вечеру. Да, на востоке уже виднелся дым над горящим городком. Дейлис подозревала, что там тоже не обнаружится никого живого.

Река Кулверн была быстрой и бурной, над каменной стеной Мутры взлетали водяные брызги. Дальше река разливалась шире, образуя два островка в середине. На том, что побольше, с утра поднимался сигнальный дым, но сейчас костер почти погас.

— Малазане уже знают, что мы идем. Не очень хорошо.

— Малазане или нет, — буркнула Тониз, — они южане, а все южане против нас что дети.

Поморщившись, Дейлис отозвалась: — Никогда не любила называть южан детьми.

— Тем не менее. Почти восемь тысяч Теблоров ударят по ним. Они не выстоят.

— Вспомни, — добавила Сетал, — что воевода хочет лишь разметать их оборону и пойти дальше. Времени терять не будем. Что-то крушится на севере — все слышали. Потоп уже начался, сестры.

Тониз Агра пожалала плечами. — Ему нужно перейти горы, заполнить долины, многие из которых окружены утесами. Потребуется дни, чтобы ему дотечь до низин, и гнев воды будет уже истрачен.

— Есть время для битвы, — кивнул Сетал. — Пройдем здесь, ни никто не встретит нас до самого Блуэда.

Дейлис молчала. Вспоминала вчерашний полдень, когда дочь покинула ее. Пейк стояла рядом с Рентом, готовя лошадей, и Дейлис сразу почувствовала: что-то изменилось. А вскоре и поняла.

Удивляться не стоило. Рент не был ребенком физически. Ему недоставало лишь теблорского ритуала перехода. И дочь уже прибрала его к рукам.

И всё же взгляд Рента оставался настороженным, хотя близость Пейк говорила о... другой близости. Кажется, ночь прошла нелегко.

"Дочка", сказала она, подведя лошадь к Делас Фане.

"Мама".

Неужели в глазах дочери читался вызов, словно ей предстоял нагоняй? "Хорошо", сказала Дейлис, "что мужчина рядом с вами не вынимает ножа. И Элейд Тарос не здесь. Вы верно подгадали".

Пейк сразу же кивнула. "Вызова не будет".

Делас Фана подъехала ближе. "Вдовица Дейлис, где мои сестры?"

"Решили идти с воеводой, позаботиться, чтобы он был далеко. Они боялись, что он решил в последний раз поговорить с сыном Карсы Орлонга. Теперь понимаю, что они ожидали этой возможности. Ребенок уже не ребенок".

"Именно", подтвердила Делас Фана. "Прошу, передай им мои чувства и мой совет. Осторожнее! Если скачете в бой, скачите вместе, и всегда зорко следите, что происходит".

Дейлис чуть поклонилась. "Передам. Спасибо тебе. Мне ясно, что прежний мир рухнул. В будущем ничего понятного. Но разве так нельзя сказать о любой ожидающей нас стезе?"

"Некоторые дороги сами кричат об опасности, Вдовица. Но кровь ревет в ушах, и мы ничего не слышим. Поднимается алый туман, и мы слепнем. Барабаны сердец сулят славу, печень горит ярим желанием, а разум теряет способность мыслить о чем-то ином".

"Воевода сказал свое слово", холодно бросила Дейлис, "И мы ответили: веди нас! поднося ему наши клинки. Такова отныне наша стезя, и нет для нас иной".

"Так клялся и Байрот Гилд", сказала Делас. "А теперь его кости гниют на дне Серебряного Озера".

Вдова Дейлис ощутила, как рука ее сжимает рог седла, другая натягивает повод. "Таков был и таким будет путь Теблоров, Делас Фана. Ты твердишь истины, чтобы уязвить меня? Если так, скоро мы сможем поговорить вновь — с клинками в руках".

"Не уязвить, Вдовица, но предупредить".

"Если бы мой муж и Делном Торд не пошли с Карсой Орлонгом, он мог не победить ратидов на их стоянке. И не зачать вас".

"Никто не отрицает троп за нашими спинами. В посещении прошлого сокрыта мудрость, и единственный ее смысл — в том, чтобы понять наши ошибки. Иначе дар мудрости будет напрасен. Реши я переделать содеянное — не с тобой встречалась бы в поединке, с Элейдом Таросом".

Вздыхнув, Дейлис поглядела на дочь. Но затем обратилась к Ренту. "Теперь ты воин-Теблор. Ты должен быть готовым отдать жизнь за род. Отныне твой род — все Теблоры. Охраняй мою дочь даже ценой жизни, Рент Орлонг".

"Я не Теблор", возразил Рент. "Я сын своей матери, чья кровь проклята. Мое имя не Орлонг".

"Все Теблоры-воины носят два имени", сказала Дейлис.

"Тогда зовите меня Рент Проклятая Кровь".

Леденящий шепот зазвучал в самих ее костях. Какое зловещее прозвище! Казалось, оно посылает отзвуки в темное будущее, катится несмолкаемым громом. Грудь сдавило, во рту пересохло. "Так ты отвергаешь нас?"

"Я отдам жизнь ради защиты тех, кто со мной", сказал Рент Проклятая Кровь. "Но крови Теблоров в моих жилах ни при чем. Они — друзья, и более ничего не нужно".

"Нет", решила Дейлис. "Ты не Теблор". Внимание ее обратилось на дочь. "Хорошо подумай, возлюбленная Пейк. Воин рядом с тобой отвергает союзничество Теблоров. Он стоит совсем один. Волки и псы — его племя, демон движет ножом у его бедра".

Пейк Гилд отозвалась: "Однажды я назвала Элейда Тароса своим Воеводой. Но теперь ломаю клинок. Он более не ведет меня. Сделано!"

"А то, что связывало нас?", спросила Дейлис.

"Нерушимо".

"Сейчас?"

"И всегда, мама".

Ну, хотя бы так. Потрясенная до глубины своей сути, Дейлис натянула повод и развернула лошадь. Ускакала галопом, не оглядываясь.

И теперь, лишь день спустя, вдова Дейлис всматривалась в далекую полосу пыли. — Одного не пойму, — сказала она. — Мы знаем, что силы малазан малы. Лишь два легиона для удержания всего севера Генабакиса, они разделены на роты и разбросаны там и тут. Знаем, что местные союзники, натийцы и генабарийцы, ненадежны и плохо снаряжены. Тогда кто решился встать против нас?

— Вероятно, — предположила Сетал, — они воображают, что нас тоже мало. Ведь мы Теблоры, никогда не равнялись с ними в численности.

— Так или иначе, они решили искать встречи. Значит, верят, что могут задержать нас там. — Она указала рукой. — Всего в лиге от Мутры. — Она поглядела на Тониз Агру. —

Могут ли они быть столь дерзкими? Столь безрассудными?

— Могут, — отозвалась Тониз Агра. — Это пошло от войн с другими народами — дети против детей — в которых малазане обычно побеждали. Но мы будем огнем перед потопом. Они уже мертвы, хотя сами не знают.

У городских стен поднимались флаги. — Воевода призывает свою армию, — сказала Сетал.

Они послали скакунов вниз по склону.

Проведя армию через Мутру на пахотные земли за городком, Элейд Тарос выехал к собравшимся воинам. Слева была река. Пять кланов Теблоров стояли в центре. Ганрелы и Яркий Узел были помещены у высокого берега Кулверна. С другого фланга толпились племена Вольных земель и чуть запоздавшие Восточные саэмды, силой более двух тысяч воинов с оружием из кости, кремня, дерева и рога.

Элейд Тарос выхватил меч. Был полдень, небо над головами безоблачно, солнце палило, в сухом жарком воздухе висела пыль. Намасленное оружие тускло отразило свет солнца. Шкура медведя свисала с его плеч, когтистые задние лапы у бедер, передние скрещены на груди, скрепленные железной фибулой. Длинные черные волосы заплетены в косички и прижаты к черепу, готовые скрыться под шлемом из черепахового панциря и кости — он висел у седла. Руки блестели, будто залитые маслом, кожаные защитные пластины потемнели от пота.

Воевода, признала Дейлис, выглядит что надо. Его молодость казалась закаленной сталью, заточенной, но еще не потускневшей. Челюсть чисто выбрита, черты лица словно вытесаны из камня. Руки — одна сжимает меч, другая повод — большие и могучие. Глаза воеводы, который как раз подъехал к ней, были ясными и суровыми.

— Они встанут против нас! — заревел он. — И скоро пожалеют о своем выборе! Мы волна пред иной волной, и когда воды поглотят, наконец-то, эту страну, берега будут завалены мертвыми южанами!

В ответ Теблоры выхватили оружие, но не заорали — такое было не в обычае Теблоров. Многие племена на флангах не понимали теблорского языка, но увидели обнаженные деревянные мечи и разразились боевыми кличами, шаманы выбежали перед строем и пустились в буйную пляску, брызгая кровью ритуальных порезов на руках и плечах.

— Но внимательно выслушайте мои слова! — рычал Элейд Тарос. — Убивайте лишь тех, что встают на пути! Нас не должны остановить или замедлить! Мы должны пробить их строй копьём и хлынуть сквозь, как вода через плотину! Крепко держите в узде жажду крови! Пусть сами утонут в воде!

Вдове Дейлис подумалось, что у воеводы был иной выбор. Попросту объехать окопавшихся малазан. Но ведь лишь Теблоры и Яркий Узел имели лошадей. Оставшиеся шли пешком, ведя стариков, калек, беременных, детишек, неся пожитки, какие смогли захватить. Им не обогнать врага.

Хотя они стояли слишком далеко, чтобы рассмотреть малазанскую армию, Дейлис была уверена, что там есть и конные роты.

Нет, врага нужно разбить. Но, как и сказал воевода, сделать это быстро.

Она привстала в стремях и поглядела на север.

Небо над горами было необычным, иссиня-серые тучи плотным одеялом закрыли вершины пиков. Недавно в небе появились стаи птиц, всех видов, они покрыли небеса

черными заплатами. Сотни тысяч или даже миллионы. Она гадала, что смогли извлечь малазане из этого знамения. Случилось и более странное: олени выскакивали на склоны холмов и среди дикарей, вызывая крики удивления и бестолковые погони. Мелкое зверье было всюду, незасеянные поля кишели живностью, пустившейся в паническое бегство.

Оставалось ли еще время? Дейлис не была уверена, но сердца стучали быстрее, и не от предвкушения битвы. Садясь в седло, она заметила к западу целое стадо лосей, под их ногами полчища мышей, бегавших по бороздам на почве.

— Не будем ждать заката! К исходу дня поле брани останется далеко за нашими спинами! Что ж, готовьте оружие!

Армия зашевелилась. Элейд Тарос выскочил вперед, подзывая вождей. Дейлис послала лошадь к нему, с ней двигались Тониз Агра и Карек Торд. С юга прискакала женщина-лазутчица, с потертым малазанским арбалетом за спиной, в доспехе также частично малазанском. Из Яркого Узла: с ней ехали и другие, на косматых пони, копья вверх, все в перьях и лентах татуированной человеческой кожи. Разведчица была на более крупной южной лошади. Она натянула удила перед воеводой.

Элейд Тарос обратился к ней на натийском языке. — Передай, Сти Эпифанос, всё, что видела в расположении врага.

— Воевода, вот что я видела. Там неполный регулярный легион, расставленный двумя крыльями за траншеями и берегом реки. Центр держит половина легиона морской пехоты, стоят клином. За ними валы. Позади них три когорты натийских волонтеров и местного ополчения. — Лицо Сти Эпифанос исказилось. Казалось, вытатуированные на щеках стебли травы колышутся. — Но это не тот легион!

Элейд Тарос глянул на Тониз Агру и сказал по-теблорски: — Ты что-то поняла, Тониз Агра?

— Я едва ли знакома с малазанскими военными, — дернула плечом Тониз. — Твои разведчики знают больше.

— Но она не из Теблоров. Хуже того: когда-то служила врагу. Возможно, говорит нам то, что мы желаем слышать.

Вдова Дейлис подала голос: — Если она служила им, Воевода, ее глаза видят истину. Выспроси ее хорошенько, лишь потом решай.

Элейд Тарос оборотился к Сти. — Расскажи всё важное.

— Легионы перемещают, Воевода. По всей империи. Им не позволяют оседать, заводить семьи, детей, пускать корни. Судя по знаменам, морпехи настоящие. Они здесь уже два года. Это Четырнадцатый легион, Второй и Четвертый батальоны. Я была при них во вспомогательных силах, но таковых не вижу — возможно, они в ином месте. — Она сделала странный жест перед лицом. — Другие знамена говорят, что это Тридцать Первый регулярный легион. Не знаю, откуда они прибыли. Два года назад таких не было, как и натийцев или генабарян. Эти детали могут быть важными — или нет. Отложи их, Воевода, и выслушай иные подробности.

— Какие же, разведчица?

На ее лице читалось беспокойство. — Клин морпехов, Воевода. Они же стоят перед валом.

— Значит, хотят встретить нас упорством? Поклялись не отступать?

Разведчица Яркого Узла повернула голову и что-то бросила своим соплеменницам. Кто-то выругался. Кто-то сплюнул. Она поглядела на Элейда Тароса. — Их не связывают клятвы,

Воевода. Они не намерены выдерживать наш натиск. Они готовы атаковать.

— Тогда они глупы, — захохотал Элейд Тарос.

— Среди малазанских морпехов нет глупцов. — Лицо Сти потемнело. — Я мало прослужила рядом с ними, но слышала...

— Пустые сплетни, лазутчица, — бросил Элейд Тарос.

Губы поджались. — Они следят за нами, как и мы за ними.

— Что? Ты видела лазутчиков?

— Да. Мы прошли совсем рядом. Я прокляла их. Они меня. Я помахала копьём. Они показали мне голые зады. — Она засмеялась и пожала плечами. — Считаю, они выиграли состязание. Зады были волосатые и уродливые.

— Довольно, Сти Эпифанос. Вернись в строй.

— Слушаюсь, — ответила она и тут же выбранилась. — Еду.

Вдова Дейлис проследила, как отряд разведчицы удаляется на свой фланг у реки.

— Мы, Теблоры, атакуем морпехов, — заявил Элейд Тарос. — Фланги сомнут регулярные войска. Разве не было ясно, — бросил он резко, — что Яркий Узел боится морпехов? Не знаю, что им говорила лазутчица, но в ответах слышалось недовольство и страх.

Дейлис поглядела в глаза Тониз Агры. Молчание не помешало истине. *"Нет, воевода. Недовольны они были тобой, ибо ты не заметил странного расположения морской пехоты. Отсюда и страх. Но, боюсь, не за морпехов"*.

— Предусмотрены ли знаки, — неожиданно задала вопрос Тониз Агра, — в случае внезапной смены наших планов, Воевода?

— Знаки?

— Если нам нужно будет менять направление. Флаги? Сигналы? Рога и барабаны?

— Не Теблоров следует теснить и принуждать к смене планов, Тониз Агра, а их врагов.

— Как скажешь, — слишком спокойно ответила Тониз. Развернула коня, последний раз взглянула на Дейлис и ускакала к клану Урид и сестре.

Вдова Дейлис вздохнула. *"Я найду тебя и сберегу. Может быть, мы сможем сберечь и всех уридов"*. Она напомнила себе: как можно скорее переговорить с Кареком Тордом. Наедине. Конечно, тревоги могут быть необоснованными. Но грядущая битва вовсе не отвечала стилю Теблоров. Это не налет, целиком зависящий от внезапности. Не погоня за беглецами из другого клана, зависящая от упорства и настойчивости. И не простая череда поединков между воинами, меч против меча.

Нет, это битва в стиле малазан. И, о боги подлые, они в таких хороши.

Внезапно пыль рассеялась и перед ней показался строй врага, клин морпехов выдвинут дальше прочих. Дейлис не имела понятия, чем морпех отличается от регуляря. Кажется, морпехи были чем-то вроде ударной силы, тяжеловооруженной или лучше обученной.

Клин выдвигался, расплзаясь по сторонам, становясь почти плоским. Атака началась.

Она начала отставать, чтобы соединиться с Уридом, и вдруг заметила: *"Щиты за спинами. Они даже не вынули клинков"*.

Новая волна птиц пронеслась над головами, разражаясь хриплым карканьем. Вороны и вороны темной тучей летели на малазан.

Крики и боевые возгласы раскололи небо над отрядами воеводы. Клинки стучали о щиты. Ведьмы и ведуны вопили, выпуская духов. Земля дрожала под ногами.

Враги ничего не говорили и ничего не делали — лишь придвигался ставший тонким

клин, шаг за тяжелым шагом. Щиты не поднялись, мечи не покидали ножен.

День внезапно перестал казаться жарким.

Атакующие Теблоры набрали разбег. Смущение туманило разум Дейлис. Похоже, малазане смещались к флангам, в центре осталась лишь тонкая линия.

Она поглядела на морпехов. Ни щитов, ни мечей — казалось, они следят лишь за флангами, где пешие и даже конные туземцы уже отставали от Теблоров.

Вдова выхватила кровомеч. Две армии разделяло полтысячи шагов. Грохот копыт болезненно отзывался в теле. Дыхание участилось, сердца бешено стучали.

Внезапно более мощная дрожь возникла слева. Она заметила взлетающие клубы пыли и грязи, куски тел коней и воинов. Острие копья воеводы исчезло в серии взрывов.

"Что..."

Прямо перед ней Карек Торд и лошадь взлетели на столпе грязи и дыма. Взрыв разнес их в куски. Ее скакун споткнулся, в груди вдруг появилась дюжина кровавых ран. Еще взрыв, ближе, и вдова Дейлис закувыркалась в воздухе. Пыль, дикий жар, боль от ран по всему телу. Она шлепнулась, покатилась и уперлась в лошадь с оторванными ногами. Увидели и свою в десяти шагах: бьется на почве, задние ноги укорочены до суставов.

Она тупо озиралась; увидела Сетал почти рядом, правой ноги и руки нет, остатки крови вытекают в жидкую грязь. Голубые глаза остекленели.

Взрывы длились, охватив весь мир.

Оглушая и одуревшая Дейлис пыталась встать, но левая нога не слушалась. Поглядев вниз, она не сразу ее нашла. Бедро превратилось в мешанину плоти, торчали осколки костей. Она села, охваченная шоком.

Пыль затмила почти всё вокруг. Похоже, атака разбилась. Она видела бегущих куда попало лошадей, почти все без всадников и в крови. Видела воинов на земле, иные двигались, иные — нет. Кто-то брел мимо, калеки, шатающиеся от ранений.

Где-то далеко, за ставшими менее частыми взрывами, она расслышала ритмичный гул, совсем иной, словно двое лесорубов пилят толстое дерево. Над всем этим тонкий визг, и едва слышные крики.

"Колдовство?"

Нога не чувствовалась. Она еще сидела, ухитряясь удерживаться вытянутой рукой. Пыль стала не такой плотной. Она видела правый фланг Вольных туземцев. Линию пламени, крови и смерти, ведь морпехи шаг за неумолимым шагом надвигались на них, магия лилась нестройными, но почти плотными потоками из передней шеренги.

"Они знали, что Теблоры просто стряхнут магию, и кони, и всадники. Знали и не боялись. Но... что поразило нас, если не колдовство?"

Она различила кратеры в земле, со всех сторон, из каждого поднимается дым.

"Припасы. Помещены в почву, словно смертельные семена. Что же это за война?" Она поняла, что не держит меч, и не увидела его. Будь он в руке, она пялилась бы на тусклое лезвие, пораженная его ветхостью. *"Что же это..."* Пусть вопрос прогрызал путь в разуме, окруженный ужасом и негодованием, Дейлис лишь выругалась и потрясла головой. Какая теперь разница? Элейд Тарос завел их в гибельную ловушку. Разведчица Узла была напугана, встревожена, полна подозрений, но воевода отмел всё это. И теперь она лежала на земле и видела гибель Теблоров.

Гул стал громче, земля тряслась под ней. Она озиралась, но нигде не видела Тониз

Агры, конной ли, пешей. На стороне малазан ревели рога. Неистово.

"Но тут не могло быть столько припасов, чтобы убить всех. Подорвался фронт, сколько погибло — тысяча? Две? А остальные воины..." Она изогнулась, чтобы видеть склон, откуда они пришли.

И застыла, не сразу поняв, что видит.

Половина северного неба пропала. Мутно-белые колонны поднимались над далекими долинами. Перевалы сокрылись за буйным штормом... за водой. На ее глазах высокие утесы заливал стремительный потоп. Она знала, что это, но не верила, что возможен такой объем воды. Текущей на нее.

"Боги подлые. Мы все мертвы. Теблоры, вольные, малазане, натийцы... все мы мертвы".

Она увидела, как бешеный поток пожрал селение Мутра, ломая дома с такой силой, что они взрывались, и обломки летели к небу, чтобы пропасть в движущейся водной стене. Мчащейся к равнине.

— Дейлис!

Крик заставил ее обернуться. Тониз Агра была в тридцати шагах. Вся в пыли и более темных пятнах: грязь с кровью. Казалось, половина лица содрана до костей. И как она может говорить? Эта мысль привела Дейлис в недоумение.

Издав единственный крик, Тониз Агра неподвижно встала на краю кратера, из которого вылезла.

"В шоке. Не понимает."

"Не лучше ли уйти так?"

Показался еще воин, бегущий — споткнулся и упал наземь. Затем десятки, пешие и конные, бегущие на юг. Первый попытался встать, только чтобы погибнуть под копытами.

Крики. Не теблорский язык... Дейлис снова обернулась.

Повсюду были малазанские морпехи, бегающие среди массы Теблоров. Она видела, как они машут руками, безоружные, и что-то вопят. Двое встали на пути толпы Теблоров. Пешие воины, старцы, дети. Они сомкнулись над морпехами, рубя их мечами.

Тут появилась дюжина воительниц Яркого Узла, крича на Теблоров. Дейлис различила Сти Эпифанос.

— Они ставят колдовство! — выкрикивала та. — Прекратите убивать! Сюда! Встаньте за ними — в середину — головами в середину!

Дейлис снова отыскала взглядом Тониз Агру. К ней бежал морпех. — Идти можешь? Быстрее... прямо на юг! Мы ставим стену магии! Ну попробуй и...

Воздух треснул. Морпех и Тониз исчезли в клубящейся туче пыли, камней и пламени. Взрыв распластал Дейлис, лицо горело от ударов гравия. Ошеломленная, она моргала, но один глаз ничего не видел. Подняв руку, она ощутила лишь пустую влажную глазницу.

Как-то сумев встать на колени, она привсталала. На месте Тониз Агры и морпеха дымился новый, более широкий кратер.

Морпехи выбежали на смертельное поле. Понимая риск. Бессмыслица.

Кто-то подошел, рука сжала и потрясла плечо. Дейлис видела морпеха, рыжая борода, лицо красное и всё в поту. — Понимаешь меня?

Дейлис кивнула.

— Созови как можно больше своих — пусть встанут за моей спиной. Нет времени убежать — мы уже на дороге к Искарю Джареку. — Он указал на фигуры бредущих. — Вот их!

Зови сюда и быстрее!

Дейлис проследила, куда он указывает. — Уриды! Ко мне, скорее! Отложи меч, Катарст! Этот морпех — маг! Он попробует и...

Она замолкла. — Ты не можешь... мы противостояем вашей магии, солдат. Слишком близко к нам ты вообще не сможешь работать.

— Знаем, — прорычал он, сплюнул и выругался совсем непонятно. — Хотя бы в пяти шагах, и всё. Можно пытаться — или сдаться. Тогда смерть.

— Какое вам дело до нас? — Дейлис хотелось понять, ей нужно было понять.

Он моргнул и прошел мимо. — Пять шагов и сбейтесь плотнее.

— Я не...

— Я как лук, женщина. В моей напряженной тетиве ваше единственное спасение. Хотя ни хрена я не гарантирую, поверь.

Она следила, как он отходит на пять шагов, встает на широко расставленных ногах, вздымает руки...

Дюжина Теблоров окружила Дейлис. Все молчали.

Морпех выкрикнул: — Вот оно!

Через мгновение весь мир исчез в хаосе. Она видела вспышку магии морпеха, видела, как вода ударила его — так сильно, что мужчину сдвинуло на полшага. Пар клубился вокруг морпеха, поглощая его, по сторонам темные стены воды бурлили и брызгали, проносясь мимо, так близко, что Дейлис смогла бы коснуться любой. Затем раздался краткий вопль, и воин на краю скучившейся группы был оторван, осталась лишь рука и плечо. Поток поглотил его и пронесся дальше.

Над головой свет погас: поток перехлестнул слабую, колеблющуюся оболочку магии морпеха. Воздух вдруг стал холодным, дыхание превратилось в плюмажи пара.

Дейлис видела катящиеся по сторонам огромные валуны, поддавшиеся силе потока. Затем мелькнула ужасная череда тел, но кратко — и снова неслись камни, гравий, вырванные с корнями деревья, трупы животных и глыбы льда.

Мир утерял свой цвет, становясь серым. Глубина увеличивалась.

Она поглядела на одинокого морпеха.

Это казалось невероятным. Она не могла вообразить, что требуется, чтобы противостоять потоку. Он весь подался вперед, выставив руки, склонил голову.

Казалось, поток содрогнулся.

За ней прятались двое детей, широко раскрыв глаза.

— Дра..!

Услышав ругань, Дейлис поглядела на морпеха. Его доспех разваливался, помятый и почерневший. Грубая шерстяная рубаха как будто забурлила, становясь серой, затем белой. Пропала пеплом, оставив его голым.

И тут же бледная кожа стала красно-бурой. Кровь потекла из трещин по всему торсу. Он начал что-то говорить, неслышное за ревом нескончаемой воды.

Маленькая рука коснулась левого запястья. Не в силах оторвать взгляд от безымянного морпеха, Дейлис подхватила ребенка и потянулась за вторым. Прижала к груди. — Тише, сладкие мои, — шепнула она. — Почти кончилось.

И тут она услышала его, с неестественной четкостью.

— *Мне жаль. Простите... простите меня...*

Она мельком увидела, как рвется тело. И темный молот обрушился на всех.

Два десятка воительниц Яркого Узла и пара сотен Теблоров сидели в грязи, сверху лился столь же грязный соленый дождь. Сти Эпифанос непроизвольно дрожала, но не готова была подойти к подругам, сбившимся в кучку ради тепла. Это было неправильно. Неправильно пригибать голову, искать утешения среди родни и друзей. Неправильно по-прежнему думать о кланах и племенах.

Они были живы лишь благодаря кругу малазанской морской пехоты, чья магия вылепила купол спасения, ныне стоявший под саженями воды. В человеческом круге было три ряда или больше.

В самом начале. Сейчас осталось два ряда, и морпехи кричали, советуясь друг с другом, а Сти ничего не могла расслышать с места, где сидела.

Сти Эпифанос жестикулировала обеими руками, пальцы порхали, плетя сказ свидетеля, которого никто не видит. Она знаками говорила с богами и духами, говорила с дикой настойчивостью, говорила, рискуя разозлить саму вселенную.

Казалось, вода вихрится вокруг них, хотя это и было иллюзией. Воде не было резона течь по кругу, выгрызая магию и мужчин и женщин, что творили магию, снова и снова утаскивая тех, что ослабли.

"Я буду смотреть и буду петь руками. Враги встретили нас огнем. Они валили нас ряд за рядом. Против них мы были беспомощны. Никто не смог подойти близко, никто не сумел выпустить стрелу или метнуть дротик.

Я спела о той магии, о той прожорливой пасти смерти. А теперь пою о врагах, встретивших нас во второй раз.

Чтобы умереть за нас. Я выпеваю вопросы, на которые не найду ответов. Я пою в изумлении. Победили бы они, оставаясь воедино? Спасли бы своих соратников, там, в рвах позади? Нет, они были слишком растянуты, слишком далеки. Не было времени. И они выбрали нас.

Без щитов и мечей, волшебством они украли наши жизни. А теперь протягивают руку. Велят встать за их спинами.

Могли бы они победить, собрав всю магию в плотный узел?

Могли бы они отступить, шаг за шагом в грязи, на далекий сухой холм?

Могли бы они придумать что-то еще, вместо этой ложной надежды?

Могли бы они проявить милосердие, быстро перебив нас?

Могли бы они утащить нас, мелкими группами, там и тут, в какой-нибудь садок, в мир духов? Но не всякий садок вместит плоть и кровь. Королевства огня, королевства мертвого воздуха, королевства демонов, миры слишком малые и слишком слабые, миры всепоглощающего хаоса. Те, что могли бы, решили остаться с друзьями.

Я пою о них, умирающих один за другим. Дождь стал ледяным градом. Я пою о куполе опадающем, о круговороте воды, что всё ближе и ближе.

Я пою о малазанских морпехах, которые сами не смогли бы объяснить.

Это песнь для воды, воды до небес, и для неба, падающего наземь застывшими слезами.

Услышьте, боги. Запомните. Моя песнь не умрет".

Вдруг добрая треть оставшихся морпехов отступила от круга. Вода хлынула внутрь, но стоящие в круге удержали ее. Солдаты бежали к массе туземцев в середине.

Рев воды был слишком громким, чтобы выкрикивать команды. Она видела, как морпехи переговариваются жестами, словно плетут песнь, как она сама. Они разделились, врезались

в толпу, выделяя мелкие группы и оттаскивая в стороны. Морпех за морпехом отходил, ведя примерно по дюжине Теблоров и дикарей.

Рука схватила ее, вытащив из толчеи; это была женщина с волосами столь короткими, что Сти видела кожу черепа. Слезы текли по щекам, кровавые слезы из красных глаз.

За ней круг морпехов начал рушиться, фигуры падали, упуская магию, пока не осталось лишь дюжина.

"Я пою о невероятном..."

Мир вдруг потемнел. Сти Эпифанос слышала крики. Брань. Кто-то налетел на нее, она упала наземь, но руки продолжали жестикулировать, мелькая.

"Я пою богам. Против сердец смертных вы — никто. Вы лишь..."

Свет пропал.

"И на хрена тебе?"

Первый вопрос потенциальному новобранцу морской пехоты

Заря, два дня назад. Серебряное Озеро

Капитан Грубит встал в пяти шагах от ближайшего солдата, кожаный доспех свежечищен и смазан кирпично-красной краской, как и перчатки. Казалось, он посвистывает себе под нос, хотя ничего слышно не было. Взгляд не отрывался от опушки. Штырь отвел взгляд от капитана и повернулся, чтобы осмотреть взвод.

Четверо солдат стояли на берме в двух шагах один от другого, хотя Скажу-Нет была чуть ближе к Скучно-Бедно. Тут Скажу-Нет подняла глаза и заметила Штыря. Лениво дернула плечами, заняла должную дистанцию. Бенжер был в двух шагах от Штыря, капрал Моррут дальше всех.

Утренний воздух был холоден, небо ясное. На опушке кишели фигуры: туземцы и Теблоры, машут оружием, все ближе к широкой полосе болотистого луга. Справа, напротив лагеря Балка, еще больше воинов топтались, ломая кусты и тощие деревца на краю леса.

Бенжер сказал сбоку: — Мы жалкая линия, сержант. Сейчас я не смогу изобразить даже огненный пердеж. — Он понизил голос. — А капитан...

Штырь щурился, следя, как тени ползут вдоль опушки, укорачиваясь. Он подозревал, что враг нападет, едва солнце осветит луг.

— Я приказал Морруту заякорить фланг, — бубнил Бенжер. — Его садок опасен, и он дальше всех от капитана. Наши две тяжеловески многое смогут метнуть, но потом...

— Нервы, Бенжер? — улыбнулся Штырь.

— Так точно, хуже чем всегда. Стою тут с одним щитом и коротким мечом. Как бы голый.

— Привыкнешь, — отозвался Штырь. — Я почти отказался от магии. Но если покажутся Жекки, думаю, придется использовать. Не вижу конных, лошадей испугать не смогу.

Бенжер хмыкнул. — Привык быть художником, да?

Штырь метнул на него взгляд. — Откуда слышал?

— Не помню. Что-то, будто ты рисовал Колоду Драконов. И карту для штабного стола. И ты гадаешь.

Штырь пожал плечами. — Другая жизнь.

— На что это было похоже? — настаивал Бенжер. — Быть Сжигателем Мостов?

Штырь не хотел отвечать. Но вновь пожал плечами: — Каждый день похож на любой другой день, Бенжер. Взводы, солдаты, офицеры и приказы, вечные приказы. Лица постепенно бледнеют в памяти. Друзья, глупцы, истина и ложь, и больше горя, чем выдержит человек.

Бенжер ненадолго замолчал. — Прости, сержант. Дурное время, чтобы ворошить прошлое.

— Не могу представить хорошего времени. Ладно, началось.

Оживленное движение на далекой опушке, Теблоры впереди всех.

— Бывшие рабы-сюниды, — указал капитан Грубит. — Видите запястья? Следы оков?

Благие боги, это грустный день. Друзья мои, будем надеяться...

С ревом масса Теблоров выкатила на луговину.

И тут же начались взрывы.

Отзвуки сотрясли всех, стоявших на валу. Черные, бурые и алые колонны взлетали в воздух, тела рвались, кувыркались оторванные руки и ноги. Первые шеренги попросту исчезли.

Штырь знал, что его взвод самый слабый, малочисленный и лишенный подходящей магии. Потому их поставили перед самым широким минным полем.

— Должны бы...

Но Штырь не расслышал слов капитана. Никто не смог бы, ведь сюниды шли вперед.

Разрывы продолжались, все громче и ближе. Кровь лилась дождем, сыпались обрывки тел, иногда падая на края вала. Но бывшие рабы шли, стараясь закрыть прорехи строя, медленнее — им приходилось карабкаться по телам павших, скользить в дымящие кратеры, забегать в столбы непроглядного дыма, только чтобы наступить на очередную мину.

Взрывы казались бесконечными, всё ближе к оборонительным валам и шести морпехам наверху. Звук оглушал, всё поле исчезло в дыму и грязевом ливне.

Не веря глазам, Штырь видел невезучих Теблоров всё ближе. Их оставались едва ли десятки. Так близко, что он видел лица, закопченные, и широко открытые глаза, выражение коих Штырь не смог прочесть — и никогда не пожелал бы догадаться, что там можно было прочесть. Лица пропали за новыми взрывами, и кровь брызнула на морпехов, посыпались ошметки мяса и осколки костей.

Последний разрыв породил одинокое эхо, постепенно замещенное стоном мучительной боли. На смертельном поле не было никого стоящего. В лесу кишели силуэты, но, казалось, они теперь бегут, стараясь пробиться на юг.

Утирая лицо, Штырь повернулся к взводу.

Бенжер обхватил себя руками, лицо прочертили слезы. Скучно-Бедно упала на колени, шлем в руке, голова болтается. Скажу-Нет рядом, гладит ладонью короткие рыжеватые волосы подруги. За ними стоял капрал Моррут, словно статуя в брызгах алой грязи. Кажется, он говорил непонятно с кем.

Рука схватила Штыря за плечо, развернув. Он видел Грубита, лицо покраснело, губы шевелятся. Голос едва донесся сквозь зычный звон в ушах. — ... ваш взвод в порядок, чтоб меня! Пусть тяжелые сойдут вниз, осторожно...

Штырь потряс головой. — Не могу, сэр.

— Там раненые...

— Знаю, сэр, но почва там сдвинулась. Перемешалась. Мы не знаем, где лежат неразорвавшиеся припасы. Слишком большой риск.

— Они... они снова идут!

Штырь понимал, откуда такой ужас в глазах Грубита. Понимал и его неотвязную нужду сделать что-то. Хоть что-то. На поле слышались слабые стоны, там и тут шевелилось тело, поднималась из грязи рука, черная или багровая. — Капитан. Слушай меня. *Нам туда нельзя!*

На миг показалось, что Грубит ударит его. Но глаза широко раскрылись и он попятился, лицо стало пустым. — Конечно, сержант, вы правы. Простите.

— Ни к чему, сэр. Я видел: вы кричали, махали им руками, пытались дать сигнал к остановке, но это же безнадежно. Едва ли они видели вас сквозь весь этот дым.

Раздалось еще несколько взрывов, далеко на юге. Скоро прекратившись. И тут же донесся иной звук.

"Вот дерьмо". — Капитан...

— Я уже иду. Оставайтесь со взводом, сержант — пока не поднимите их на ноги. Потом скорее на южный вал.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан Грубит сбежал с вала и пропал среди строений городка.

Штырь развернулся, грубо схватив Бенжера за рукав. — Идем, нам нужно поднять двух тяжеловесов. Капрал Моррут, опомнись! Сюда живее!

— Странное дело, — заметила Водичка. Дюжина волков выбежала из леса, за ними сотни дикарей. Похоже, они стремились в лагерь Балка. Почти все волки миновали мины, но не дикари. Едва раздались первые взрывы, являя кратеры и летящие тела, выжившие обратились вспять. Волки вбежали в лагерь наемников.

— Жекки, — сказал Кожух. — Теперь точно похоже, что нанятая нами компания уже не работает на нас. Предвиденное, но все же осложнение.

— То есть нас отодрали сильнее, чем в первый раз, — бросила Аникс Фро, тщательно наводившая на лагерь Балка свою Железную Пасть.

— Едва ли сильнее, — не согласился Фолибор. — Это может пойти нам на пользу, ведь почти все мины поставлены между лагерем Балка и нами. На поле я насчитал семь взрывов, значит, остается всего пять. Если на востоке враг увидел большое представление, то решил, что здесь мин не меньше. И везде. Оттого и быстрое бегство.

Водичка повернула голову к тяжеловесу. — Говоришь, вы ожидали реальной опасности от Балка, не из леса?

— Расчет времени — это всё, — сказал сержант Муштраф. — Водичка, на нас направлена скрытая магия? Из лагеря Балка?

Она моргнула. — Почему меня спрашиваешь?

— Просто ответь, чтоб тебя!

— Там всё вычищено, сержант, — ответила Водичка, надеясь, что это прозвучит не совсем глупо, но и не совсем как признание.

— Однако там беспокойно, — вставила Аникс Фро. — Духи леса чем-то встревожены.

— Наверное, нами, — сказал Кожух.

— Глаз не сводить с леса! — приказал Муштраф.

— Проклятие, — буркнул Фолибор.

Туземцы снова собирались, теперь напротив юго-восточного угла оборонительного вала.

— Неужели никто не подсказал им идти с другой стороны?

Водичка не поняла, кто спросил. Может, Кожух. Или Снек, но капрал был чем-то отвлечен: постоянно смотрел на север, бубня что-то под нос. Нет, вряд ли он.

— Поднять садки, — велел Муштраф.

— Типичное дело, — возмутилась Аникс. — А где же Второй взвод? О, точно, устроил пикник на западном валу, где никого нет! Шрейка всегда получает работу полегче!

— Колеблются, — заметила Водичка. — Эй, сержант! Я могла бы, гм, просочиться туда

и порезать нескольких. Может, это их отрезвит.

— Не сейчас, — сказал Муштраф, следивший, как Вольные медленно выползают из-под крон. — Нет, сделаем намек более прямой. Аникс, Кожух, ударьте по ним. Но лишь раз.

— Можно использовать Железную Пасть?

— Нет! Магией! Расквасьте им носы!

Магия вырвалась из Кожуха, а через мгновение из Аникс Фро. Две трескучих горизонтальных колонны энергией пересекли поле, быстро как стрелы, и врезались в толпу туземцев. Среди далеких воплей и вспышек пламени среди деревьев мир, казалось, постарался задержать дыхание. Затем, с дружным ревом, Вольные племена ринулись в атаку.

— Ох, — сказал Фолибор. — Не сработало.

Двое Жекков обратились перед Балком, на обоих виднелись раны. Ара только что отдала приказ строиться лицом в сторону городка. Она решила подойти ближе и послушать. Приказ Балка не нападать на волков, если таковые приблизятся к лагерю, был отдан три дня назад. Станный приказ, вдруг обретший смысл.

Она готова была признать, что поражена. Но что еще было думать в таких обстоятельствах?

"Нас наняли Жекки. Но... как давно?"

Балк начал перемещать свои силы к этой местности год назад, беря по пути мелкие заказы — до малазан, например, служил самозваному лесному барону. Компании ничто не запрещало выполнять разные контракты, если они не противоречили один другому. Но это соглашение командор держал в сердце, никого не посвящая.

Ее он тоже обвел вокруг пальца. Зная о постоянных контактах с жителями Вольных земель, она решила, что они и подписали контракт.

Но новые обстоятельства навели на нее смущение. Балк выругался вслух и повернулся к Аре, приглашая ее подойти — вполне учтивым жестом.

Она приблизилась. — Мы готовы наступать на город. Месть давно запоздала, капитан. Не твои ли слова?

— Можешь забыть о них, Ара, ведь мы не атакуем малазан.

— Как?..

— Я наконец-то получил точные распоряжения. Найди мне трех гонцов, нужно немедленно послать весть капитану Грубиту.

Ара моргнула. — Сэр, воображаю, Грубит сейчас слишком занят.

— Вот почему нужны три гонца, пусть ищут его в разных местах. Нашим же отрядам прикажи разойтись и сниматься с лагеря. Времени остается мало.

— Балк...

— Выполнять! Найди мне трех гонцов и довольно, чтоб тебя!

Она отступила, обиженная и встревоженная. — Слушаюсь, сэр! — рявкнула Ара.

Отойти с восточного вала было невозможно — Вольные вернулись в лес, среди них были заметны и саэмды. Штырь перестроил свой неполный взвод, поставив капрала Моррута в середине. Он видел среди саэмдов гадающих по костям.

В земле оставалось несколько мин, но теперь всё должно было решить колдовство.

— Бенжер, беги к сержанту Шрейке. Нам может понадобится помощь, особенно если Вольные окажутся упрямы, как Теблоры.

— Весь взвод?

Штырь подумал и покачал головой. — Максимум троих. Остальные могут понадобиться на южном валу.

Они слышали магический гул, но лишь две мины разорвались на поле между лагерем Балка и валом. — Похоже, другие дикари атакуют из леса взвод Муштрафа. Пока неплохо. Но если Балк сделает свой ход, будет худо.

— Сержант!

Штырь обернулся на крик Скудно-Бедно и всмотрелся в далеких туземцев. Гадающие вышли на опушку, приплясывая, и начали свой ритуал. За ними грудилась плотная масса саэмдов с оружием из кремня, рога и кости.

Нет особого выбора, решил Штырь с неслышным вздохом. — Капрал, не изволишь ли?

— Шаманов?

— Да.

— Скольких?

— Этот ритуал мне не нравится. Так что... всех.

Моррут поднял руки на уровень пояса. Медленно пальцы начали сгибаться, а ладони поворачиваться внутрь.

Дюжина танцующих шаманов начала пошатываться, словно опьянев. Затем один завопил, грудь вдруг жутко раздулась, кожа порвалась на полосы. Торс взорвался, изуродованные органы выпали наружу. Вскоре остальные умирали так же, тела лопались, выпавшие на свет органы были темными. Обезвоженными.

Едва упало последнее тело, всякое движение прекратилось.

Руки Моррута были вывернуты внутрь, пальцы сжаты в кулаки, костяшки побелели. Затем он позволил им упасть.

— Боги подлые, — прошептала Скудно-Бедно. — Никогда не привыкну.

Саэмдам следовало бы отступить. Не было смысла упорствовать в нападении. Но они потекли на поле с дикими, звериными криками.

Штырю не пришлось отдавать приказ. Трое его магов раскрыли садки.

И началось истребление.

Менее чем в двух тысячах шагов к югу от Озера Омс развернул коня и помчался к голове колонны, где скакала кулак Севитт и двое командиров батальонов.

Он натянул удила. — Кулак Севитт, наемники не выступили, насколько я вижу. Атака идет из леса, и думаю, им противостоит лишь один взвод.

— Силы противника? — спросила кулак.

— Тысячи. — Лошадь нервно плясала под Омсом, чувствуя нарастающее в нем отчаяние.

— Отлично. — Лицо Севитт было лишено выражения. — Пехота, ускорить шаг вдвое. — Она повернулась к одному из командиров батальонов. — Какие взводы выбрали, Топчи-Цветок?

Офицер заморгал, будто вопрос стал неожиданным. — Девятый, Одиннадцатый и Двадцать Третий, кулак.

— Капитан назначен?

— Нет. Каждый взвод пройдет по отдельному садку и действовать станет независимо.

— Как понимаю, они к этому привычны, — ответила Севитт, — но хотела бы, чтобы

кто-то из сержантов по прибытии командовал всеми, для лучшей координации. Сержантами в упомянутых взводах служат Хрипун, Сулбан и Беллам Ном, верно?

Омс отлично понимал удивление Топчи-Цветка. Вместо ответа тот кивнул.

— Пусть будет дарудж, Беллам, — решила Севитт. — Ну, посылайте их скорее. Слышу нарастающую усталость в магических атаках.

"И не церемониться!" Но Омс подавил готовый вырваться злой совет. Командор Топчи-Цветок поспешно ускакал к своему батальону. Омс откашлялся. — Кулак, прошу позволения вернуться к своему взводу...

— Понимаю, как вам трудно, Омс, — оборвала его Севитт. — Но нет, вы остаетесь при мне. Если придется вести переговоры с наемниками, мне понадобятся ваши глаза и уши, и прежде всего ваш ум. Вы знаете этого Андрисона Балка, мы — нет.

— Едва ли я его знаю, кулак.

Бровь поползла вверх, к краю шлема. — Но различите его с расстояния?

— Гм, да...

— Если он устроит нечто, нам не нужное, мне придется послать Когтя. Понимаете?

Омс кивнул. — Так точно, кулак.

Она ударила коня пяткой. — Тогда держитесь рядом, солдат. Теряем время.

За ними заревели рога, приказывая удвоить темп.

Плиты мостовой звенели под копытами передового отряда конницы, но этот звук нельзя было сравнить с грохотом яростного обмена колдовскими ударами между южным валом и лесом. Омс встал в стремях, оглядываясь; рога проревели снова, приказывая ускориться до предела.

Если два батальона морской пехоты войдут в бой с наемниками Балка, клин получится узким, по ширине дороги. Такое построение будет выглядеть неуклюжим, но Омс понимал: атака окажется разрушительной. У компании Балка нет ни шанса против двух тысяч морпехов.

Он надеялся, что до такого не дойдет. Решил дать кулаку совет: наемники во второй раз не остановятся, даже если некий Коготь приставит Балку нож к горлу. Морпехам придется действовать решительно, а значит, у наемников не будет времени сломаться. Всем придет конец через пятьдесят ударов сердца.

Бегущие позади него взводы успели узнать историю первой стычки с Балком. Скорее всего морпехи не станут брать пленных.

Похоже, сотни людей скоро умрут.

Кулак Севитт удивила его своими словами: — Если я пошлю Когтя, то для быстрого устранения. Балка, его лейтенантов и сержантов.

— Да, кулак.

— Если убрать командиров, как будут действовать наемники? Ваше мнение?

"Мое мнение. Черт". — Плохо, кулак. Хотя бы в первые мгновения.

— Ах. Не везет им.

Она издала странный звук, Омс оглянулся, увидев искажившееся лицо. — Надеюсь, я дала понять морпехам, что топочут позади нас: Вторая рота действовала сдержанно лишь по моему приказу. Наемникам тогда просто повезло, избежали полного истребления. И удача могла сделать их слишком самоуверенными, но как их стыдить за это?

Омс отвел взгляд от кулака, к тому, что было впереди. Над городом густым облаком висел дым. — Уверен в вас, кулак. Но особой разницы не будет. Сомневаюсь, что кто-то

устоит после первой магической оплеухи.

Севитт поглядела на второго командира. — Верное суждение?

— Вероятно. Это неразумно, мы понимаем, кулак. Но в магическом ударе будет больше силы, нежели потребно — какой приказ мы с вами ни отдали бы. Да, Омс прав.

— Поистине им не везет. Что ж, надеюсь, до такого не дойдет.

Эта учтивая беседа сводила Омса с ума. Ему страстно хотелось пришпорить коня и поскакать к своим. Там всё выглядело серьезно, он стремился помочь им.

И тут впереди засверкали новые колдовские вспышки.

— Превосходно, — бросила Севитт. — Подмога прибыла на место.

Муштраф выдохся, упал на колени, в нем не осталось магии. И тогда Водичка встала между ним и полутысячей вопящих дикарей. Разумеется, в этом не было большого смысла, но она устроила бы ужасную смерть тем, что добегут первыми. Быстрый взгляд вправо показал Снека и Аникс Фро. Капрал отражал пульсирующую магию духов, напрягая свой садок, Водичка могла видеть вихри и молнии атак. Словно гигантские кулаки в воздухе, слепленные из десятков мелких лесных духов, мерзкого скопища. Магия туземцев оказалась страшной.

Аникс Фро готовила Железную Пасть, ее Тюр выдохся. Перед ними две сотни Вольных почти дошли до вала, заставляя Аникс поворачивать дуло вниз.

Слева Фолибор и Кожух проводили губительные атаки по очереди, отогнав Вольных до опушки, где они снова скопились, собираясь повторить дикий набег.

И результат стал бы иным, ведь тяжеловесы выдохлись и готовили вместо магии обычные мечи.

Ох ладно. Бедный Четвертый взвод! Она будет скучать, может, даже очень.

А может, и не придется.

Что-то издало резкий треск. Водичка обернулась, думая, это Железная Пасть сама себя порвала, но нет — она лишь завалилась набок, Аникс Фро скакала рядом, и там были еще морпехи, два взвода. Этот треск возник при открытии садка.

Четвертая рота. Она увидела сержанта Хрипуна, и еще Пестика из взвода Сулбана.

Колдовство новоприбывших очистило поле, оставляя лишь тлеющий пепел и черные кости. Водичка видела панику в лесу, тела летели вместе с деревцами, дикари лежали кучами, беспомощно вздымая руки к небу.

Она опустила ножи, пнула сержанта по руке. — Вставай, Штраф. Мы спасены, и дело дрянь.

Он скривился. — Чего?

— Забудь. — Водичка подошла к гостю. — Ты, Доброй-Ночи, толстая корова! Прекращай!

Тощая пародия на женщину удивленно обернулась. — Мы тут разберемся, Бурдичка. Не суй пальцы в лицо!

— Нет! Не убивайте их! Дело сделано! — Водичка прошла мимо Доброй-Ночи, к сержанту Хрипуну. — Отзови их, ветряной мешок!

— Н-но мы вас спасаем, милая!

— Уже не надо. Твои маги Серка работают грубо. *Прекратите красть их воздух!*

Хрипун уставился на нее, садок опустился.

Муштраф успел опомниться и встал. — Опять без капитана? Чертовы пираты...

— Нет, Мушграф. Топчий поставил во главе Беллама Нома...

— Чудесно! И где он?

— Увел своих на северо-восточный угол.

— О великий капитан! — крикнула Водичка, поднимая руки ввысь.

Колдовство морпехов угасло, ведь было видно — со стороны леса не последует новой атаки. Мертвые лежали там грудями, некоторых убило на месте, возникли новые валы из вывернутых рук и ног, синих вздувшихся лиц.

Весьма неприглядное зрелище.

Аникс Фро встала рядом, проследила, куда глядит Водичка. — Иногда, — сказала она тихо, — мне думается, лучше бы враг победил. Хоть раз. Увидел, как мы пропадаем с лица земли. Ведь знаешь что, Водичка? Война не повторяется снова и снова. Эта штука не устает меняться, и каждый раз становится хуже и гаже.

— И, — заметила Водичка, — покамест мы гаже всех. Верно?

Аникс Фро кивнула. — Боги, как я устала.

— Выпала из Железной Пасти?

— Нет. Фитиль отсырел или еще что. Погасла.

— И хорошо.

Аникс Фро вздохнула. — Точно. И хорошо.

Лишь один гонец от компании Балка сумел добраться до города. Двое погибли на минах. Одинокий всадник скакал по пустым улицам, пока случайно не нашел капитана Грубита со свитой из сержанта Шрейки, Глиняного Таза и Вама Ханы.

Они быстро шагали к расположению взвода сержанта Мушграфа. Вам Хана был за спиной Грубита, когда гонец натянул поводья и сказал: — Мой командир Балк просит о переговорах!

— Дорогой мой, о переговорах?

Гонец как будто смутился. — Ну, точнее, о встрече. Это, хмм, срочно.

— Уверен. Значит, он узрел два батальона морпехов, марширующих по Кулвернской дороге?

У всадника отпала челюсть, он потряс головой. — Ничего не знаю, сэр.

Грубит обернулся. — Сержант Шрейка, думаю, позиция Мушграфа получила подкрепление. Согласны?

— Так точно, капитан. Эти разрывы — Серк, уверена. Я сказала бы, там Четвертая рота.

Кивнув, Грубит обратился к гонцу: — Скачите назад и приведите сюда Балка. Встретимся у ворот. О, не забудьте посоветовать держаться вне полей между нами. Дорога безопасна.

Гонец схватил поводья и ускакал.

Капитан Грубит стянул кожаные перчатки и бережно заправил за пояс, поглядел на Шрейку. — Слышу усиленный шум на северо-востоке, и там не только Подтелега, Дай и Ори Громче. Значит, легион уже здесь, и нам не требуется удерживать позиции. Пошлите солдата, пусть приведет сюда сержанта Штыря и его команду.

— Вам Хана, — рявкнула Шрейка. — Глиняный Таз медленнее черепахи. Давай, солдат.

Кивнув, Вам Хана развернулся и потрусил по улице. Что ж, типичное дело. Она просто не хочет его рядом, так? Дурная удача, что вокруг него клубится — он видит, как она

нервничает и как желает услать его подальше.

Может, пора покончить с солдатством. Он мог бы уйти в запас, уехать в какой-нибудь город, присоединиться к самой гнусной политической клике и улыбаться, когда всё вокруг сгорит.

Мысли улучшили его настроение, как ничто не смогло бы в этот глупый день.

Балк и Ара проскакали по дороге до ворот. Ара с удивлением увидела хозяина гостиницы Сторпа, засевшего за скамьей у дверей, с арбалетом у бедра. Капитан Грубит говорил с ним, не получая никакого ответа. Тогда капитан пожал плечами и прошел ближе к воротам.

Балк и Ара спешили снаружи, командир передал ей свои поводья.

Камни мостовой вибрировали от шагов малазанской морской пехоты, большой отряд трусцой приближался с юга. Его появление стало шоком. Ара теперь понимала, почему три взвода в городке не волновались о своей судьбе. Они знали заранее.

"Если бы мы напали, две тысячи морпехов уже вцепились бы в наш обширный зад".

Капитан Грубит вышел через ворота. — Чем могу, капитан Балк? Полагаю, вы предпочтете вернуть старый чин, верно? Мы встретились как равные, или почти равные, насколько позволяет разница породы и воспитания.

— Я вынужден отказаться от службы, — заявил Балк. — Основной контракт требует нашего присутствия в ином месте.

— Неужели? Вот так сюрприз, — сказал Грубит с улыбкой и явно не удивленный. — Могу ли узнать, кто ваш основной наниматель?

Балк колебался. Покачал головой: — Это не имеет значения, капитан. Мы сняли лагерь и готовы уйти в лес.

— В лес? Вы понимаете, капитан, что, если ваш наниматель видит в нас врагов, кулак Севитт не позволит вам уйти. Напротив, она немедленно ударит по вам.

— Контракт не рассматривает Малазанскую Империю в качестве врага. Капитан Грубит, конфликта не будет и вы нас более не увидите.

— Сомневаюсь, но пусть так. Надеюсь, вы понимаете, что не получите последней выплаты?

Балк кивнул.

Всадник несся с южной дороги, обогнав всех. Ара поняла, что это морпех, и знакомый. *"Омс. Вот почему тебя давно не видели. Мы думали, ты погиб в лесу. Но мы же такие дураки".*

Омс замедлялся, всматриваясь в капитана, тот поднял руку, делая знак. Омс явно расслабился. Помчался назад, к авангарду.

"Кулак Севитт. Боги подлые".

— Мы закончили? — сказал Балк. — Не терпится увести компанию из этой сутолоки.

— Уверен, не терпится. Так идите. О, если найдете в лесу оставшихся туземцев, ваших нанимателей или других — советуйте уходить. Мы не хотим продолжать эту резню.

— Сделаю что смогу, — бросил Балк, хватая у Ары поводья. Они торопливо сели на коней и уехали в лагерь.

Пот быстро похолодел под кожаным панцирем Ары, сердце начало успокаиваться. Она глянула на Балка. — Мы были так близки, — сказала она.

Казалось, он не настроен отвечать, но хотя бы грубо кивнул.

Вам Хана влез на вал и прошел к группе морпехов на дальнем краю. Долговязая фигура Беллама Нома из Двадцать Третьего взвода была узнаваема.

Тяжеловесы — Дай, Ори Громче, Скудно-Бедно и Скажу-Нет сгрудились на самом краю, смотря куда-то вниз. Штырь говорил с Бенжером.

Опушка леса была полна убитых дикарей, в самом лесу ничто не шевелилось.

Взвод Беллама стоял в паре шагов, молча глядя на соратников.

Происходило что-то странное. Вам побежал. Кивнул Белламу мимоходом и встал рядом со Штырем.

— Время отходить, — сообщил он.

Бенжер поднял голову. — Не сейчас.

— Капитан желает, чтобы все...

— Не сейчас, — повторил Бенжер, кивая на склон вала.

Одинокая Теблора ползла к валу, она была еще довольно далеко. Ноги оторваны у коленей, Вам Хана видел кровавые полосы, след ее пути. Оставалось еще половина поля.

— Назад, — велел Штырь тяжеловесам. — Я спускаюсь.

Скудно-Бедно выпрямилась. — Берегись внезапного нападения, сержант. Мы видели среди них настоящих безумцев.

— Она безоружна, — бросил Штырь, начиная спуск.

Пехотинцы приготовили арбалеты, на всякий случай. Беллам Ном подозвал своих.

Все следили, как сержант во власянице садится на корточки около умирающей женщины. При нем был водяной мех, но она не выказала желания пить. Да, она точно умирала.

Вам обернулся к взводу Беллама. — Есть целитель?

По кивку сержанта один морпех вышел вперед. — Олит Фес. Только прикажите.

— Не мне приказывать. — Вам Хана указал на Штыря. — Но, скажу я, слишком поздно. Она потеряла всю кровь.

— Еще не всю, — заметил Олит Фес.

Теблора говорила, сержант Штырь слушал, наклонившись совсем близко.

Все напряглись.

Но голова ее упала, а сержант встал. Полез назад на вал. Заметил Олита и покачал головой.

Солдаты протянули руки, помогая сержанту влезть.

— Что она хотела сказать? — спросил Бенжер.

Штырь прошел мимо и обернулся к городку. Всмотрелся в Серебряное Озеро и развернулся. — Беллам, рад видеть тебя и благодарен. Пришли вовремя. Но теперь, если не против, можете уходить. Мы догоним.

Беллам Ном кивнул и потрусил по валу, солдаты за ним.

Штырь подождал, пока они не отошли подальше, и поглядел в лица оставшимся. — Это решать нам. Ну, мне кажется, так будет верно.

— Что она сказала, сержант? — спросила Скудно-Бедно.

— Простая женщина, бывшая рабыня. С просьбой.

— Выслушаем, — сказал Бенжер тихо и осторожно.

— Она просила, чтобы мы сожгли городишко до основания, — сообщил Штырь. — Только этого они и хотели. Всего лишь. — Он смотрел на них. — Я прошу голосовать.

Сейчас руку поднимает тот, кто...

Он замолчал, ведь продолжать не стоило.

Все руки тянулись вверх.

Глава двадцать первая

Ветвь перевесилась через садовую стену. Плоды она обыкновенно приносила кислые и некрасивые. И все же оскорбленный хозяин земли настаивал, что падающие на землю плоды принадлежат ему; однако же владелец остального дерева, делавший из плодов довольно скверное вино, требовал платы за урожай со своевольной ветви. Это стало для него вопросом принципа, и та подробность, что сосед оставлял плоды гнить на земле, казалась несущественной.

Ссора расширялась. Ущерб собственности, испорченные репутации, составление изобретательных и кровавых проклятий, призывание злых духов... наконец, были потеряны и жизни. Когда дело дошло до местного суда, список претензий и обвинений потребовал для чтения целого дня.

Проблема была в том, что исходный случай затрагивал два разных малазанских закона, о частной собственности и точной оценке стоимости. Крючоктворы выдвигали обвинения о проникновении на чужую землю, другая сторона твердила о намеренной порче чужого имущества (а именно, о том, что плоды оставляли гнить без пользы). Судья был новичком в той области. Не входил в местные общины, не был связан семейными и деловыми отношениями. Вначале это воспринимали как преимущество, поскольку ждали от него справедливого решения и строго соблюдения буквы закона.

Какая неожиданность: он приказал сжечь дерево и оба дома, засыпать землю солью, обе семьи изгнать за границы области.

Обосновывая свое решение, судья сказал буквально следующее: "Мир переполнен жалкими тупоумными ублюдками, и здесь им просто не посчастливилось жить по соседству. Но теперь стало иначе".

"Юриспруденция, судебная практика и уголовное право во времена Реформации Маллика",

воспоминания судьи Илгиша Факельщика

Если бы не бесконечная боль, он смеялся бы. Если бы не смрад истерзанных и гниющих тел вокруг, не липкая трава у придавленной щеки, он смотрел бы в пустое небо, видя голые черепа сброшенных вниз богов.

Сколько верований может уместиться в одной голове? Велок не знал. Но едва они его покинули, вытекая волнами боли и стыда, он понял: занимаемое ими пустое место оказалось вовсе не таким уж большим.

"Голова глупца пуста. А тот, что слушает летающее по черепу эхо и читает в нем истины, глуп вдвойне. Но все мы слышим лишь это эхо. Вера кормит веру, вздор подобен змее, пожирающей свой хвост".

Он верил в мужество. Не в своё: он знал, что не так уж смел. Но ведь правое дело наделяет мужеством, и пламя становится нестерпимо жарким, чистым и белым. Непобедимым. Он верил в будущий мир, в котором ему найдется место. В мир, манящий новой свободой.

Сдери обертки веры, и разум окажется поистине мелким. Убери мир, и узришь, что тело стало последней тюрьмой, а грезы о свободе — единственным путем побега. Грезы, разумеется, были иллюзорными, их крылья фальшивыми, их миры эфемерными. А вот смерть сулила истинный конец, единственно верное освобождение.

Как он сейчас мечтал о ней.

Он бежал в самой толпе, три шага за Байреком, когда что-то треснуло под ногой, вырвавшись из высокой травы, железные зубы вонзились в лодыжку. Споткнувшись, он ошеломленно смотрел на что-то совсем неожиданное. Волчий капкан с пружиной, такие ставил его прежний хозяин, услышав о волчьей стае, уносившей овец и коров. Кости в стопе были сломаны. Цепь держала капкан у земли, железный штырь глубоко уходил вниз.

Когда боль прорвалась сквозь шок, он упал. Сюниды бежали в атаку справа и слева.

Скован всего в трех прыжках от опушки. Не сразу он понял, что остается лишь смеяться.

Успев до того мига, когда опустошение обрушилось на мир.

Тишина окружила маленький отряд, шедший по пути главных сил сюнидов и туземцев. Армия направилась через опустошенную Бринжерову Стопу на южные равнины. Рент скакал с Делас Фаной и Пейк Гилд, в компании волков и псов, свернув с вытопанного тысячами ног пути. Озеро мерцало слева, справа тянулись заброшенные пахотные земли.

Утром небо заполняло множество птиц, они били крыльями, уносясь на юг. Слова Говера, передавшего предостережения Суки-Войны, неотвязно бились в уме. Он боялся, что ведет друзей к общей гибели.

Но он увидит старый дом — или то, что от него осталось. Дым висел над землями востока, они приближались к городку. Упрямством он подобен отцу, говорили ему. Но Ренту оно казалось глубоко личным пороком. Он не думал об отце, лишь о матери, той, что воспитывала его годы и годы.

Он начинал понимать, что такое "жертвенность", определяющая важнейшие решения жизни. Она могла лишиться себя жизни в любой миг, но решила терпеть вечную муку кровавого масла. Она воспитывала и кормила его. Хранила дом, куда он мог вернуться, если злоба детей становилась невыносимой.

Если комната может быть храмом, она создала для него храм. Убежище, место для слез, место, где исцелялись раны и выцветали синяки. Она делала это, жестоко страдая.

Он не хотел думать об их последнем дне вместе. А вот одна мысль о Пейк Гилд наполняла тело жаром. Мягкость ее касаний стала лишь воспоминанием, но и воспоминание заставляло тело дрожать. Что же, дар возмужания был странным. Он внес в жизнь новую уязвимость, мог украсть силу, мог заставить рыдать — как было прошлой ночью в объятиях Пейк.

Материнская версия была пародией. Он лишь сейчас понял истинный смысл проклятия. Отнять у актов любви теплоту и наслаждение — это казалось безмерным преступлением. Превращение любви в акт насилия, голода и слепого самоублажения наводило на Рента ужас. Той ночью он рыдал по матери. В первый раз. Ибо, как оказалось, понимание — вовсе не дар.

Пейк Гилд не поняла его, подозревал Рент; а сам он был не способен превратить плач в слова. Она снова и снова спрашивала, не больно ли ему, ведь ее страсть в конце стала весьма неистовой. Она шептала ему, что столь могучие чувства естественны, ведь узрев свою слабость, хрупкая душа может сломаться.

Но ее объятия не казались капканом. Мягкость плоти стала еще неведомым ему утешением. Он не чувствовал никакой хрупкости. Уязвимость — да, но она оставила его до странности довольным и даже бесстрашным.

Потому он рыдал не по себе. Нет, он скорбел по жизни матери, тому, что сделало с ней кровавое масло.

И лишь потом подумал об отце. Мысли эти были жесткими, внутренний взор суровым. Под обманчиво тихой поверхностью черного пруда бурлили эмоции. Ища повод поднять рябь, выплеснуться яростью.

Кровавое масло было собой. Оно уносило разум и Теблоров, и южан. Отец испытал те же пламя, что и мать. Разница лишь в длительности. Карсе было всё равно, берет ли он Теблору или женщину людской расы. Он, может, даже не заметил.

Рент уже понял, как такой жар отсекает его от будущего, окружает тело и душу огненной стеной. Проклятие на миг пожирает всё. Проследив за собой, Рент мог бы простить отца.

Решив так не делать. Если бы Карсу Орлонга не сковали цепями, не отослали рабом в далекую страну — стал бы он искупать свои преступления? Вот вопрос, который Рент решил задать Карсе, когда они наконец увидятся лицом к лицу. И выслушав ответ, Рент решит, простить ли отца или его убить.

Вот сейчас и в любой миг, когда Пейк Гилд касалась его рукой, Рент верил, что выберет последнее, и рука сжимала нож. Ведь отец его в Даруджистане. Не где-то за далеким океаном, отсеченный от своих грехов. Он в любой миг мог бы вернуться, проехать по своим кровавым следам. Ища возмещения и даже искупления.

Но так он не сделал. Карса Орлонг, похоже, был равнодушен к прошлому.

В этом виделась изрядная наглость, и Рент всё ждал, когда гнев покажется, вздымаясь в негодовании и ярости. Но поверхность пруда оставалась спокойной, слишком темной, чтобы отразить свет.

Он помнил, как дух в ноже коснулся его в миг ярости и стыда, и унес ярость, оставив стыд. Стыд еще горел где-то в глубине. Неужели это навсегда? Не потому ли он сражается, чувствуя в душе покой, холодный и сосредоточенный, не поддающийся желанию рискнуть?

Вернет ли она ему его гнев? И хочет ли он этого?

Горожане обращались с матерью скверно. Он вспоминал истину и — ничего, никакой дрожи.

Рент решил, что с ним что-то очень не так.

Внезапно свора Говера понеслась далеко вперед. Возвышенности вокруг Серебряного Озера уже можно было различить. Они казались грязными, усыпанными каким-то мусором, почерневшими. За холмиками не виднелись крыши домов, что было совсем неправильно.

Делас Фана послала коня к берегу озера и городскому валу, и Рент последовал. Наконец-то он был на правильном пути. Долгая скачка стала привычной, спина и задница уже не болели. Он вздохнул.

— Да, — сказала Пейк Гилд сзади, — кое-что южане делать умеют.

Над валами кружило воронье, а "мусор" оказался трупами. Множеством трупов. Валь

почернели от огня, похоже, весь город был сожжен. В ленивой воде озера плавала копоть, лодки и причалы исчезли.

Свора Говера пропала за горелыми деревьями и валом восточной стороны городка. Делас Фана вела остальных в город, по Озерной улице, перегороженной горелыми руинами бревенчатых домов. Угли еще дымились. Рент привстал в седле, завидев дом матери.

Никто не избежал пламени. От здания остались лишь углы и нижние венцы, высотой по колено, где толстые бревна выдержали пожар.

Пейк Гилд подъехала к Ренту сбоку. — В селении никого не было, Рент. Как в Бринжеровой Стопе. Жителей вывезли.

Рент кивнул: — Значит, она жива. Должно быть.

— Она ушла бы с остальными? К ней отнесли бы хорошо?

— Не знаю. Вряд ли.

— Они не бежали в спешке, видишь? На улицах ни тряпья, ни мебели. Это было хорошо организованное, продуманное отступление.

— Солдаты. Малазанские солдаты. Они сберегли бы ее. Малазанские солдаты добрые и готовые помочь. Те, из гарнизона, не давали бросать в меня камнями, если замечали.

Делас Фана что-то крикнула, и они поскакали к ней.

На северо-восточном углу крепости стояло что-то вроде высокой дозорной башни. Она покосилась и обгорела снаружи. Но Делас Фану явно поразило нечто, увиденное за городком, между валами и опушкой леса.

Пейк Гилд и Рена безмолвно въехали к Делас Фане. Псы и волки Нилгхана явно не спешили спуститься на внешнюю сторону.

Поле было изодрано, став скопищем ям. Везде ковром лежали тела и части тел. От вала тянулись полосы выжженной почвы, на их пути тела лежали гуще, так сильно прожаренные, что сплавились воедино, создав блестящие, мерцающие кучи металла, плоти и торчащих костей.

Рент силился понять, что же видит. Неужели это были люди? Невероятно. В памяти его не содержалось ничего, хотя бы отдаленно похожего на эту сцену. Она не вызывала никаких понятных чувств. Разве что он ощутил облегчение при мысли, что мать не была здесь и не видела всего этого, что она где-то в ином месте — лучше бы как можно дальше отсюда.

Движение на краю леса привлекло Рента. — Вижу Говера, — сказал он. — Он обратился и машет нам рукой.

То ли звук, то ли тень над закрытыми веками: Велок внезапно понял, что уже не мертв. Открыл глаза и увидел два волчьих глаза, сверкающих в нескольких шагах.

Смех быстро прервался, ибо сюнид способен был лишь сдавленно каркнуть.

Волки и он, пойманный волчьим капканом. Он знал, что волки могут отгрызть себе лапу, чтобы вырваться из жестокой ловушки. Если переднюю, это можно пережить. А вот потеря задней приведет к смерти. Иногда капканы обрызгивали манящим запахом, чтобы волку защемило любопытный нос, голову или даже шею. Разумеется, никакой зверь не пережил бы такого.

Какая же склонность влечет южан изобретать цепи, карцеры, стальные зубья, все эти смертные муки? Это одержимость убийствами, какая-то отравка в душе. Он пытался вообразить разум, способный наслаждаться подобными изобретениями. Поистине извращенный разум!

Еще волки. Целая стая. Но Велок уже переживал последние мгновения жизни. Сцена перед глазами размылась, теряя четкость, цвета потекли мокрыми красками.

И волки пропали, вместо них стоял мужчина с густой бородой, лицо уродливое, побитое жизнью. В меховой шубе, оружие на поясе и перевязи.

"Жекк. Ах... ни лихорадки, ни быстрой смерти".

Он слышал, что Жекки шли среди атаковавших этот городок, но сам не видел их ни в битве, ни после.

Послышался топот подков, но он лежал не в том направлении и не видел прибывших. Затем перед ним присела Теблора. Налила воды в ладонь и отерла лицо, смывая копоть с глаз. Потом поднесла водяной мех к губам.

— Велок, — произнесла она.

Единственный глоток. Его глаза сузились. — Делас Фана. Я не узнал тебя. Почему я не узнал тебя?

— Ты в шоке.

— Не могу двинуться. Видишь? Волчий капкан. Хуже любых кандалов, Делас Фана Намного хуже. Штырь забит слишком глубоко. Прочно держит.

Мокрая рука легла на лоб пальцы гладили веки. — Велок... Ты уже не в ловушке. Капкан сработал, да. Но ты лежишь далеко от него, и там осталась часть твоей ноги. Похоже, ты полз, прежде чем лишиться чувств.

Он попытался привстать на локте, окинуть взглядом тело. Она помогла. Да, она сказала правду. Правая его нога кончалась сразу под коленом. — Но, — шепнул он, — я чую цепи. Я знаю это чувство! Знаю! И сейчас на мне... оковы...

— Что тут было, Велок?

Он опустил голову, затылок ударился о почерневшую горелую землю. — Не оковы, капкан, — бормотал он, сражаясь с волнами дурноты. — Что было, Делас Фана? Я умер. Вот что было.

— Ты не мертв.

Она дала больше воды, и в горле полегчало. — Я умер со своим родом, — сказал он. — Сюнидов больше нет. Мы были рабами, потом не были, потом снова ими стали. Умерли здесь, скованные воедино жаждой мести. Вот что сделали мы с нашей свободой. — Он шарил рукой. — Видишь мой меч? Он рядом? Я так и не использовал его.

— Он сгорел, Велок.

Он увидел Рента за Делас Фаной, и еще одну из Урида, незнакомую. Взгляд сосредоточился на полукровке. — Убийца Галамбара, — прошептал он.

— Ты не мертв, — сказал Рент. — Капкан спас тебя. Есть и другие выжившие сюниды. Должны быть. Мы поищем.

Велок покачал головой, закрыл глаза от жестокого света. — Ты не видел того, что видел я. Никого вам не найти.

Делас Фана встала на колени, подняв его голову и положив на колени. Мокрой тряпицей бережно вытерла лицо. Он не знал, зачем ей так трудиться. За ногу потянули, он поглядел и увидел, что вторая Теблора бинтует культю. И снова закрыл глаза.

— Велок, здесь была малазанская армия?

— Армия? — Велок засмеялся. — Делас Фана, я видел врагов на валу, куда мы устремились. Там было всего шестеро.

Говер присоединился к Нилгхану, бродившему среди мертвецов на поле. Взгляд обежал черную почву, кратеры. — Что это за дыры, брат?

Нилгхан скривился, что-то бормоча. Потом сказал: — Тут нет славы. Нет мастерства. Нет ничего для песен грядущих лет. Брат, — повел он рукой, — поле было минировано.

— И что значит это слово?

— Малазанские припасы зарытые, неглубоко, утыканые короткими гвоздями, так, что они не достигали порошка внутри. Но едва нога наступит на них, как... — Он взмахнул руками, развел их и медленно опустил. — Видишь, у многих нет рук и ног? Вот что случилось.

— Первым делом, — пробормотал Говер, изучая следы бойни, — я подумал о колдовстве.

— О, оно тоже было, — зарычал Нилгхан. Указал на черные полосы: — Вот. Маг на вершине вала бросал огонь.

Говер оглянулся на спутников. Рент отошел от женщин, его окружали псы. Он смотрел на юг.

— Они так и не дошли до подножия, — заметил Нилгхан. — А могли бы попросту обойти город.

— Не догадывались о твоих зарытых припасах. Ожидали звона клинков, быстрой победы над гарнизоном.

— Это сделал не гарнизон. — Нилгхан плюнул. — Малазанские морпехи.

— Они знали, что будет.

— Знали, — согласился Нилгхан.

— Нилгхан, что ждет нас на юге?

Глаза брата были блеклыми. — Смерть, брат.

— Если только, — сказал Говер, — мы не будем быстрыми, не откажемся от стычек. Даже пойдем по ночам. Вот чего хочет от нас Сука-Война.

— Где наш народ, Говер? Я ожидал уже их увидеть. Хотя бы здесь.

— Сука ведет их. — Говер помолчал. — Я тоже ждал их здесь.

— Когда она последний раз говорила с тобой?

Говер покачал головой. — После встречи я видел много снов, брат. В них лишь тьма и тишина.

— Так она мертва? Она была здесь? Надо искать горелые трупы Черных Жекков в округе? Если так, — Нилгхан повернулся к брату, скаля зубы, — вы предали нас.

— Она не мертва, — сказал Говер, но в тоне звучало отсутствие веры. Он рассматривал мертвецов вокруг. О малазанах он не знал почти ничего. Еще одно племя, думал он, не отличающееся от натийцев или генабариан, или всяких коривийцев.

Он ошибся. Малазане не были подобны коривийцам или саэмдам. — Нилгхан, — начал он, — ты упоминал... морпехов. Ты часто рассказывал о малазанах, верно. Но — что такое эти морпехи?

Нилгхан шевельнул плечами. — Я видел одну, как-то. Она принесла послание командиру гарнизона. Выглядела как все, не особо страшная. Я взял бы ее в постель, будь такая возможность. Женщина, мундир не такой, как у регулярных войск.

— Иной тип солдата.

— Да. Их посылают туда, где трудно. И трудности кончаются. И тогда их посылают в другое место, где есть трудности. Трудности кончаются.

Говер всмотрелся в поле. Кивнул. — Здесь они тоже кончились.

Пейк Гилд нашла два не совсем обгоревших древка копий и начала делать волокуши. Велок потерял сознание, облегчив ей задачу. Привязав волокуши к упряжи своей кобылицы и поведя ее за узду, она и Говером и Нилгханом начали обходить город с востока, по опушке.

Быстро обнаружив трупы саэмдов и Вольных туземцев. Все подходы к форту зияли теми же кратерами и были усыпаны разорванными телами. Тут или там кто-то пытался встать; такие места были отмечены сходящимися полосами сожженной или пропаханной земли, от тел оставались лишь горстки пепла и кости, или черепа среди черного пятна сажи.

— Гадающие по костям, — предположил Нилгхан. — Ведьмы и ведуны ганрелов. Не вижу на берегу каменных груд над могилами. Похоже, они никого не забрали в обмен на свою гибель, бросая магию. — Говер что-то буркнул, Нилгхан не разобрал и пожал плечами: — Они хоронят своих там, где пали. Но если тел много, строят общий курган. — Он сплюнул. — Говорят, любую границу империи хранит хотя бы один мертвых морпех.

Они передвигались медленно, чтобы волокуши Пейк не сильно задевали за мрачные препятствия. Когда добрались до южного края городка, вид изменился.

На подходах к валу было лишь пара кратеров и дюжина мелких дыр в земле, напомнивших Ренту колонии сурков. И почти не было тел, разве что несколько саэмдов или дикарей. За полем виднелись следы большого лагеря, перекрестия тропинок, четыре выгребные ямы и кучи отбросов на краю леса. А вот в лесу мертвецы лежали сотнями, создав целый вал, словно в насмешку над городскими укреплениями. Огонь не изжарил их, и вороны пировали на вздувшихся трупах.

Вонь удушала. Тучи мух взлетали, потревоженные прыжками жирных стервятников.

Делас Фана остановила их на середине поля. Хмуро оглядела городок. — Мало что понимаю. Лагерь похож на военный. Наверное, морпехов...

— Нет, — сказал Нилгхан. — Я видел лагеря морпехов. Они копают ров и насыпь, даже оставаясь на одну ночь. Зарывают и сжигают отбросы. — Он щурился, оглядывая лагерь. — Даже регуляры строят лучше, а ведь здесь стояли не одну неделю.

— Так кто это были?

Нилгхан лишь покачал головой.

Говер вышел на несколько шагов вперед. — Кем бы они ни были, они ушли в лес. Пришлось прорубать щель в этом вале мертвой плоти.

— Преследуют Вольных? — удивилась Пейк Гилд.

— Только если глупы, — тихо зарычал Нилгхан. — Лучший способ стать мишенями для метких стрел. Дюжина ловушек и засад на каждую тысячу шагов в чащобе.

— Я перетеку, — сказал Говер. — Посмотрю, были ли засады по пути войска.

— Если они шли колонной, — ответил Нилгхан, — то не за битвой полезли в лес. Чем уже строй, тем скорее шаг. Если так, они отступали.

И тут Говер застыл на месте, не успев обратиться. Рент понял, почему.

Из прорехи в смертном вале вышли двое. Один южанин, второй — Жекк.

Вдохнув отатараловую пыль, Бенжер лишился магии. Разведка стала более опасной. По приказу капитана Грубита Штырь и Омс двигались к лесу, намереваясь следить за отрядами Балка. Укрылись в брошенной ферме, привязав лошадей, когда Омс заметил фигуры у опушки. Морпехи залегли на западном скате крыши, выглядывая через гребень.

— Ходили слухи о Жекках, — прошептал Штырь, глядя на далекую группу у края лагеря Балка. — И теперь мы их видим.

— И Теблоров со своими устрашающими боевыми псами, — добавил Омс. — Нужно остаться под ветром, сержант, и говорить как можно тише. — Он помолчал. — Пара тысяч Жекков в волчьем облике могла бы всё изменить. Почему они не шли в атаку?

— Не знаю, — отозвался Штырь.

Омс замолк. Было странным так надолго расставаться с товарищами, но встреча вышла краткой. Не было времени обменяться рассказами. Правду говоря, они выглядели неважно, все они. Живы — уже больше, чем Омс смел надеяться. Но мрачные и молчаливые, в копоти и грязи. Ушли с пепелища, не оглянувшись.

Штырь заметил: — Они окончили переговоры с теми, что вышли из леса.

Вся группа двинулась к опушке, в прогалину между грудями мертвецов. Пропав из вида.

— Волокуши их замедлят, — сказал Омс. — Сержант, хочу извиниться. Мы опоздали. Если бы компания Балка выполнила свой замысел, как подозревал капитан — вы были бы мертвы.

Штырь лишь хмыкнул. Перевернулся и сполз по крыше, достал из кармана кусок вяленого мяса и принялся жевать, глядя в небо. Омс остался следить за лесом.

Когда он добрался до Кулверна, у причалов стояли баржи, высаживались два полных батальона морской пехоты. Кулак Севитт была в городе, уже эвакуированном в ожидании проблем. Задача Омса была проста: доставить сообщение и провести батальоны на север, к Озеру.

В то время основной заботой была компания Балка. Три взвода капитана Грубита стали приманкой, обещая Балку скорое и близкое отмщение. Нож Штыря у горла, должно быть, до сих пор терзает гордость командора. Полезно знать, где находится потенциальный враг. Иногда чем он ближе, тем лучше. Хотя решение было рискованное.

Омс знал, как нервничали взводы, шагая к Серебряному озеру. Он и сам плохо спал в то время. Беспокойные дикари — с ними можно разобраться. Вот хорошо обученная компания наемников за пазухой, численный перевес таков, что легко измолотит семнадцать мерпехов в мелкий фарш — совсем иной уровень угрозы.

Но в некоторой точке баланс угроз сместился в сторону леса. Слишком много дикарей там скопилось. Что-то гнало их на юг; что-то встревожило всю северную границу. Но при чем тут был Балк, обменивавшийся весточками с туземцами в лесу?

Омсу хотелось бы сидеть тут не со Штырем. Сержант был слишком немногословным. Объяснения приходилось вырывать силой, и даже пара слов мало что объясняла. Омсу не хотелось прослыть назойливым болтуном, но терпения уже не хватало.

Он изучал остатки городка, почерневшие валы, россыпи тел на западе. Почти слышал отзвуки колдовства, грохот взрывприпасов, рев пламени. *"Нужно было быть там, со своими. Теперь чувствую себя неполным, как будто что-то отрезали"*.

Итак, они заминировали поля перед валами. Долгая компания ложных слухов о ненадежности малазанских припасов сделала свое дело. *"Эра саперов кончилась. Слишком рискованно в реальном бою. Слишком много пустышек, слишком много преждевременных взрывов"*. Что до трясучих фургонов, сопровождавших три чахлах взвода к Озеру, ну, лишь безумец сложил бы в них десятки ящиков с взрывчаткой.

Возможно, время метательных зарядов осталось в прошлом. Но закладка мин не была

новшеством. Ее изобрел Скрипач, много лет назад устраивая свои "барабаны".

"Дезинформация. Пусть считают нас отнюдь не морпехами из имперских легенд. Что же, подозреваю, это вполне верно. Мы новая порода морпехов. Если подумать, куда смертоноснее".

Поле между лагерем Балка и городом заминировали на всякий случай. Лишь две мины сработали в тот суматошный день. Омс помогал взводу выкапывать остальные. Но и тогда они не болтали между собой. Нельзя оставлять припасы в земле, кому нужны случайные смерти?

Вздыхнув, он сполз по крыше к Штырю. — Итак, балковцы просто встали и ушли, повернулись и маршем в лес. Не удивляюсь, что капитан послал нас за ним.

Штырь оторвал кусок мяса, пожевал и ответил: — Кулак Севитт желала знать наверняка. Остается вопрос, кто их нанял.

— Балк считал честным брать контракт с нами поверх другого?

— Пока они не смешивались, он думал: "Почему нет?" — Штырь жевал вяленое мясо.

— Чушь собачья, — заявил Омс. — Послали убийц в город, так? И Бенжер поймал отатараловую пыль в грудь.

— Ну, — сказал Штырь, — перестарались. Может, хотели оказать услугу Вольным. Но сами себя лишили лучших магов. Бенжер послужил наживкой.

— Водичка?

— И Рейли.

— Жуткая комбинация. — Омс помолчал, потом произнес как бы для себя: — Так кто их нанял, проклятие?

Штырь поднес ко рту бурдюк, отпил. — Пересоленное. Это мы и должны узнать. Думаю, я уже понял, хотя ответ покажется необычным.

— Теблоры?

— Нет. В таком случае Балк присоединился бы к атаке. Единственными Теблорами здесь были бывшие рабы.

— Бедняги.

— Ага, — согласился Штырь. после долгого момента молчания вздохнул и добавил: — Лучше бы им было начать с переговоров. Спасли бы много жизней.

— Я тут гадал, — начал Омс, — зачем вы подожгли дома.

Штырь отвернулся, промолчал.

— В своей неудаче пусть винят Балка, — продолжал Омс. — Он же поддерживал контакты с лесом.

— Думаю, его компания нанята Жекками.

— Что? Кучка дурно пахнущих кровожадных волков пошла и наняла солдат? Ради чего, во имя Искара? И как они их нашли? Не припоминаю, чтобы хоть одного Жекка видели на юге.

— Был один, — сказал Штырь. — Кажется, нанятый в следопыты. Всё время проводил в борделях, и его прогнали. Несколько лет назад.

— Балк ходил по борделям?

Вздых Штыря казался скорее смешком. — Если и ходил, то по другим. Ну не знаю я, как они встретились. Мне более интересно, зачем они сошлись. Чего Жекки хотят от наемников?

— Рейли не о чем доложить?

— Если что-то доложила, то капитану, — пожал плечами Штырь. — И начальство явно не удовлетворилось тем, что она рассказала.

— Интересно, — проговорил Омс. — Если бы мы ударили Балка всей силой, дальше дела шли бы совсем иначе.

— Мы таим силы, если это тактически полезно.

Омс скривился. — Севитт любит такие игры. Первая стычка с Балком, месяцы назад, стоила нам солдат.

"Друзей, товарищей".

— Иногда наша работа в том, чтобы умирать, — бросил Штырь и начал завязывать вещмешок.

— Я был напуган, чуть не обделался, — признался Омс. — Севитт меня держала при себе. Мне было нехорошо, сержант.

— Мы выполняем приказы. — Штырь перегнулся через застреху, сбросил вещмешок и ловко слез на землю.

Омс спрыгнул тоже. — Бенжер — идиот, зачем было вдыхать ржавую пыль? В лесу придется несладко, сержант.

— Точно.

Они ушли с фермы по дороге, к опустевшему лагерю Балка. Омс, внутренне содрогаясь, не сводил глаз с сотен трупов на опушке.

— Компания Балка была у нас в кармане, — начал он, пока они пересекали захламленный пустырь. — И Грубит позволил им уйти восвояси.

— Это было бы не так просто, как ты решил. Да, атаку Вольных мы остановили, Омс. Но даже новые взводы выдохлись. К счастью, враг был уже сломлен. Но мы здесь ищем ответы, так что кончай пустые разговоры.

— Что за неразбериха, — пробурчал Омс себе под нос.

Но Штырь явно его услышал. — Можешь сказать, почему это всё?

— Нет.

— И я. Чего-то не хватает. Может казаться, что мы закончили. Но это ненадолго. Так что догоняем Балка и его нанимателей, задаем несколько вопросов. Они отвечают, мы скорее назад, вот и вся миссия. Чем быстрее вернемся к своим, тем счастливее я буду.

— Уцелевшие туземцы не будут рады Балку, — предположил Омс. — Или Жекки, если ты прав насчет них.

— Да, вовсе не рады.

— А если они шляются неподалеку?

— Сомневаюсь.

— Водичка подошла бы лучше.

— Ага, — буркнул Штырь, проводя Омса через прогалину между тел. — Пусть Водичка разводит дипломатию. Отличная идея.

Омс вздохнул. — Для скрытной части, вот я о чем. *"Но я о том, чтобы это был не ты, Штырь. Наемники Балка ненавидят тебя от всей души. И мы идем в их лагерь? Треклятая глупость".*

Но в Штыре что-то дрогнуло, он прерывисто вздохнул. — Сможет отдохнуть с остальными в Кулверне. Она заслужила. Все они заслужили. — Он застыл посреди прогалины, озирая раздутые трупы.

— Проклятая Четвертая рота, — сказал Омс. — Мертвый воздух. Наверное, страшн

было видеть, как люди задыхаются до смерти. Я должен был быть с вами.

Штырь поморщился, ссутулился, вдруг явив свой возраст. — Грубит привел три сломленных взвода, Омс. Ты ничего хорошего не упустил. — Он провел рукой по глазам. — Зачем это было? Почему они не отступили? Не обошли нас, не сбежали назад?

Омс нерешительно спросил: — А ты, сержант? Ты тоже сломлен?

— Ах, Омс, — вздохнул Штырь. — Я сломлен годы назад. — Он двинулся, проходя мимо мертвых груд.

Омс поглядел ему в спину и пошел следом. — Иногда, — шепнул он, — я ненавижу свое ремесло.

— Владыка Говер, — сказал вышедший из леса Жекк, — когда Сука-Война явилась к нам и рассказала, что вы близко, привела ваши кланы в наш стан — я понял, что миру настал конец. Прошлое мертво, мертва рознь и вражда, мертвы старые пути к нашим логовищам. И вот я стою перед соперником — и подставляю тебе свою глотку.

Говер молчал полдюжины ударов сердца, затем ответил: — Владыка Белых Жекков Каснок, ты прав. Прошлое мертво. Я подставляю тебе свою глотку. — Он сделал шаг. Повелители Жекков соединили запястья, пульс к пульсу.

Нилгхан что-то пробормотал и громко засмеялся. — Теперь я видел в жизни всё! Чешите пуза! Каснок, горный козел, что за южанка рядом с тобой?

Рент поднес руку к ножу, ожидая вспышки гнева Белого Жекка.

Но Каснок лишь комически скосил глаза. — Крысохвостый сурок заговорил! Поистине нет скончания чудесам. Говер, почему ты не убил брата, столь жадного до твоего титула, что год назад предложил мне тайный союз?

Говер косо глянул на брата. — Он пресмыкается пред каждым, Каснок. Я не в силах побороть жалость, едва гляжу на такого братца.

— Южанка! — зарычал Нилгхан.

Та ответила: — Я лейтенант Ара из Компании Балка. Мы разбили лагерь в половине лиги отсюда, в лесу, с вашими сородичами.

— Союзники? — воскликнул Нилгхан.

— Союзники, — согласилась она. — Точнее, мы обеспечим ваше сопровождение в южных землях, в поисках новой родины.

Однако Нилгхан ощерился: — Наемники клянутся, что защитят нас от Малазанской империи. Безумие. Каснок, тебя обдурили. Сколько золотого руна отдал? Эти гуляки бросят тебя при первом взгляде на малазанский флаг! Ты глуп, глуп мой брат и сама Сука! Нам придется с боем делать каждый шаг. Мертвые тела братьев будут лежать по нашему следу, на сотню лиг, пока живых не останется!

— Малазанская империя, — возразила Ара, — уважает законные контракты. Мы сообщили, и морпехи позволили нас соединиться с Жекками. Мы не сражались при Серебряном Озере. Но если вы будете буйствовать в империи, Жекк, никто вас не защитит, и менее всех — отряд наемников.

— Как советует Сука-Война, — сверкну глазами Каснок, — мы пойдем ночами, как можно тише. Огибая селения.

— А есть что будем, траву и цветочки?

Рент заметил, что владыка Белых Жекков морщится. — Надеюсь на торговлю и обмен, — сказал он после заминки. Плечи опустились. — И да, Нилгхан, мы можем

оголодать.

— Детали можно обсудить в лагере, — сказала Ара. Ей явно было не по себе, то ли от сказанного, то ли от соседства множества трупов. — Моя компания заняла старую вырубку. Мы вырыли очаги в земле. Если успеете к скромному ужину, лучше начать переход как можно скорее.

— Погоди, — сказал Каснок. — Кто эти Теблоры? Они хотят к нам? Псы станут затруднением.

Говер отозвался: — Они с нами. Псы привязаны к тому, которого защищают.

Делас Фана уточнила: — Мы будем располагаться не очень близко, чтобы не вызвать недоразумений. Владыка Говер, вы с братом пойдете с своим племенем?

— Я пойду. Но не Нилгхан. Он изгоняется из племени на год. За то, что глупей осла.

— Ни мгновения скучать не стану! — рыкнул Нилгхан, складывая на груди темные волосатые руки.

— Лучше сломай сурку тощую шею, Говер.

— Он послужит в лагере Теблоров, — пожал плечами Говер. — Будет отгонять других Жекков.

— Понятно. Своей вонью.

Лейтенант первой нырнула в проход между трупов. Рент и Делас Фана спешили. Пейк Гилд вела лошадь за узду, перевоза носился к бесчувственным Велоком. Лошади нервничали, проходя мимо тел, но вскоре успокоились.

Рент понял, что вспоминает мертвых карибу. Казалось, это было так давно. Их раздуло, как и эти тела. Дикари казались Ренту мелкими, но жара и газы сделали их великанами. Смерть равнодушна к размерам. Он не видел на телах ран, лишь синие лица с выпученными глазами и лопнувшими венами на щеках. Пустые взоры рассказывали ему нежеланную сказку, шептали о мире, каков он есть на деле. Не таком мире, какой Рент знал раньше и считал настоящим.

Серебряное Озеро, всё, что он знал, обратилось в пятно золы на земле. Тела окружали городок, будто приношения. Если так — что за бог смотрел сейчас вниз сытыми, довольными глазами?

Они углублялись в лес, минуя стоянку за стоянкой, кучи мусора и брошенного оружия. Нашли около одной стоянки тела старцев и калек, уложенные ровными рядами. Горла перерезаны, на лицах выражение спокойное, почти умиротворенное. Обуза для бегущих, объяснил Нилгхан.

Вскоре Пейк Гилд коснулась руки Рента. — Ты впадаешь в шок. Вижу это по глазам, по лицу. Эти ужасы подавляют всех нас. Неужели не будет им конца? Но скажу тебе: конец будет. Где-то впереди, и скоро.

— Я защищу всех, — сказал Рент, лишь сейчас поняв, сколь сильно сжимает рукоять ножа. — Всех Жекков. И наемников. Хватит смертей. Пора положить конец.

— Боюсь, ты увлекся. Твой отец любил давать великие, ужасные клятвы. Не попади в ту же ловушку, Рент. Как сказал бы Велок, каждая и любая клятва отмечена щелчком очередного капкана. Не тащи такое в будущее, Рент.

— Я вижу перед нами лик одного бога, — сказал Рент. — И это лицо моего отца.

— Карса не виноват.

— Неужели? Не уверен, Пейк Гилд. Чую над всем этим его тень. Он отвернулся, а мы теперь осаждены. Мое будущее не свободно. Все мы бредем по его тропе.

Она сжала его руку — и отпустила.

Рент покачал головой. — Не знаю что делать. Все еще желаю найти мать, но ей не место среди этих Жекков и наемников.

— Да. Но наемники могут знать, куда ушли жители Серебряного Озера. Мы спросим.

Они шли, и странное беспокойство овладевало Рентом. Через ладонь на рукояти ножа он ощущал идущие из клинка волны тревоги. Поднялся ветер, колыхая кроны. Он несся с севера, неверное направление для этого времени года. Иногда ветер прорывался сквозь ветви, неся неприятный холод.

— Кажется, в лесу нам не место, — сказал Рент.

— Я тоже чувствую, — заметила Пейк Гилд. — Мы тут не задержимся.

Они проходили мимо небольших стоянок Жекков. Похоже, черные и белые перемешались. Большинство оборотилось людьми, но были и перетекшие, и псы Рента держались ближе к Теблорам. Скальп шагал слева, часто задевая ногу. Рент впервые увидел самок и щенков. Казалось, голод уже заявил о себе — тощие ноги, раздувшиеся животы.

Говер и Каснок задержались у своих. Вопросы и ответы на языке Жекков, тон повышался. Лейтенант Ара жестом велела Теблорам идти дальше. Вскоре они вышли на расчищенное место, где наемники поставили шатры.

Рент увидел и очаги. Над ними жарились большие туши. Лошади.

— Нет, Рент, — тихо сказала Пейк Гилд. — Мы здесь не задержимся.

Делас Фана прошла вперед, за ней плелся недовольный Нилгхан. — Не нравится мне здесь, — сказала она. — Наемникам нет веры. Говеру и Касноку пора уводить своих. На юг, как можно скорее. Но они спорят с дюжинами Нилгханов. А где богиня, Сука-Война?

Рент озирался, всматриваясь в южан-наемников. Они выглядели настороженными и недовольными. Держали оружие при себе, оставались в доспехах. Седла лежали на земле, но лошадей не было.

Лейтенант подошла. — Оставайтесь здесь. Вы в безопасности. Скоро поедите.

— Вы забили своих лошадей, — сказала Делас.

— Так было нужно.

— Вам нужно поскорее выходить.

Ара кивнула. — Надеюсь на это. Владыка Говер здесь, они с Касноком организуют своих.

— Богиня появлялась?

Женщина улыбнулась: — Лишь на словах. И, говоря начистоту, я думаю, ее не существует. Скорее Говер и Каснок используют это имя, чтобы наложить на подданных свою волю.

Их внимание привлекла какая-то суета. С запада показались новые воины-Жекки, затем Рент различил Каснока и Говера, с ними двое людей. Многие Жекки размахивали оружием.

Ара тихо выругалась. — Глазам не верю. — Торопливо повернулась, поманив своего солдата. — Ирик, веди сюда командора. Скорее!

Рент помнил такие мундиры, хотя прошло немало лет. — Это малазанские морпехи, — пояснил он Делас Фане и Пейк Гилд.

С волокуш донесся стон, затем Велок слабым голосом сказал: — Не дайте им меня увидеть.

Делас Фана заслонила собой Велока. — Ты в безопасности. Обещаю.

— Морпехи...

— Только двое.

Ей ответил сдавленный смех. Велок простонал: — Шестеро, двое, как будто есть разница...

— Их окружили Жекки. Велок, давай я отвяжу тебя.

— Бесплезно. Я не смогу бежать. Не знаю, зачем вы унесли меня от сородичей. Я хотел умереть с ними. Оставьте меня или несите туда. Далеко? Может, я сам доползу?

— Хватит, Велок, — сурово сказала Делас Фана. — Жалость к себе мало подходит воину- Теблору.

— Ты не понимаешь, Делас Фана. Не можешь.

— О, и что это значит?

— Ты же из Урида. Ты не жила жизнью сюнидов. — Рука слабо поднялась. — Снимите капкан, прошу. Больно! Как больно!

Рент отвернулся. Что-то в Велоке глубоко его тревожило, словно он видел свое отражение, искаженное, но вполне узнаваемое. Его лицо и его тело, и его руки — но как в лодке Дамиска, когда все его члены то немели, то жестоко болели.

Тот, кого называли командором, прибыл и встал около лейтенанта Ары. Каснок вел к ним морпехов, сзади Говер и Нилгхан снова спорили.

— Сержант Штырь, — начал командир наемников. — Неожиданно.

— Балк, — учтиво кивнул этот Штырь. — Так ваш наниматель — владыка Каснок?

— Точно так.

Кивнув, Штырь поглядел на повелителя Белых Жекков. — Могу спросить, Владыка Каснок, к чему вам нужна компания наемников?

Владыка скривился. — Зачем мне отвечать тебе? Ты не понимаешь сути найма? Разве не такова цивилизация — платить монетой за мечи? Златом за кровь? Покупать оружие?

— О, отвечал Штырь, — такое я понимаю, и мы отнесемся к этому с почтением. Уверен, командор Балк уже вам сказал.

— Что же еще ты хочешь знать?

— Ну, — продолжал Штырь, — это зависит, владыка. Вы уже в пределах Малазанской Империи. Ваш народ... вас здесь тысячи, верно?

— Все Жекки, что еще живы, здесь, — сказал голос за его спиной, и Говер вышел вперед. Нилгхан тащился за ним. — Белые шкуры и черные, серебряные и бурые.

— Переселение, владыка? Или вторжение?

Говер поморщился. — Думаю, то и это.

Штырь снова поглядел на Каснока и Балка. — Боюсь, одиннадцать сотен наемников не решат дела. Малазанская Империя не одобряет вторжений и ответит всей силой.

Балк фыркнул. — О, вы вполне одобряете вторжения, сержант. Когда сами вторгаетесь.

— Эти дни прошли, — спокойно отвечал Штырь, щуря глаза. — Владыка Каснок, вы обошлись бы без найма мечей. Здешние земли принадлежат империи, но мало населены. Перемещаясь скрытно, вы углубились бы в них, и вполне успешно. Но в конце концов нам пришлось бы остановить вас, защищая мирных граждан. В день смертельной битвы, думаете, командор Балк падет рядом с вами? Наемные роты не создаются для смертельных битв, владыка Каснок.

Некая глубокая эмоция овладела Касноком — он не походил на Говера, понял Рент, не умел держать чувства за холодным, трезвым взором. Нет, владыка Белых Жекков казался готовым перетечь. Он сказал дрожащим голосом: — Вода прибывает. Мы потеряли свои

земли. Больше некуда идти. — Он повел рукой. — Погляди на нас! Волосатые дикари, бешеные звери, всеобщий страх! Южане цивилизованы. Мы для вас станем веселой охотой, вы тысячами придете за волчьими шкурами. — Он прерывисто вздохнул, глаза заблестели. — Пройти мимо всех, вот единственная надежда. Но травимые днем и ночью, теряющие детей и стариков, что не способны бежать, в вечном поиске мест, где мало людей — как далеко мы зашли бы? Сколько бы нас осталось, если бы мы нашли новый дом? Нет, нам нужен был конвой. Из южан.

Штырь поглядел на Балка. — Ваша компания согласилась на это?

Балк кивнул.

— Командор, примите извинения. Дело постепенно проясняется. Вижу проблему в том, что вы, Андризон Балк, или ваши посланцы советовали владыке Касноку идти против ваших давних врагов, малазан. И все же это был достойный контракт.

Балк моргнул и снова поклонился. — Благодарю, сержант. Кажется, искренне.

— Лучше бы вы нам сказали.

— Мне велели молчать. — Балк указал на Каснока. — Причины он только что объяснил.

— Мы хотели пройти как можно незаметнее, — сказал Жекк. Тяжело вздохнул, выглядя совершенно подавленным. — Никаких шансов. С чего бы южанам нас принимать?

Взгляд Штыря был прямым, глаза в глаза владыке Жекков. Он спокойно сказал: — Мы примем.

Владыка нахмурился. — Ты, простой солдат, говоришь от имени империи?

— Да, так и есть. Что важнее, мы найдем вам место для обитания, и снабдим провиантом в дорогу.

Ошеломленный Каснок смотрел на Балка, тот пожал плечами: — Я не друг Малазанской империи. Не стал бы доверять ее правителям. То, что Штырь сказал о моих вам советах, было — увы — верным. — Он смущенно помедлил. — Но этим морпехам, помогите боги, я доверяю. Доверяю вот ему. Мы видели приближение их батальонов. Они могли уничтожить нас. Однако решили поверить в честность нашего контракта. Отпустили. Несмотря на... — он запнулся, — на всё.

Штырь ответил Балку: — Обеспечьте им сопровождение, командор. Мы свяжемся, когда сможем обеспечить снабжение. Разошлем весть, что ваш поход разрешен и ваша задача — охранять перемещенные народы. Земли Малазанской Империи обещают вам свободный проход и готовы стать домом. Никаких веселых охот. Но помните, — добавил он, — без обмана! Никаких грабежей.

— Слышу вас, сержант, — отозвался Балк.

Штырь обратился к Касноку: — Владыка? Обещаете держать свои своры под контролем?

Но Каснок был не в состоянии отвечать. Закрыв лицо руками, он отвернулся. Сержанту ответил Говер. — Так и будет. Кто среди нас рискнет гневом Суки-Войны?

Штырь кивнул. Поглядел на своего спутника. — Думаю, пора возвращаться.

По жесту Говера Жекки расступились перед морпехами. Балк повернул голову к вестовому. — Обеспечьте этим двоим малазанам сопровождение до края леса. В округе остаются туземцы, они совсем отчаялись и могут быть опасны. Хочу, чтобы кулак непременно получил наше соглашение. От этого зависит наши драные жизни.

Вестовой поспешил выполнять приказ.

Рент захотел поговорить с малазанами, но вдруг снова стал ребенком, упавшим на колени посреди улицы, в крови от камней. Тень падает сверху, одинокий морпех выходит и заслоняет Рента от так называемых друзей. Затем мозолистая рука помогает ему подняться. Уколы невыносимой стеснительности лишили мальчика дара речи.

И он лишь смотрел, оставаясь вдалеке, не способный сделать шаг, пока морпехи шагали к краю вырубки. Там их встретили трое наемников.

Пейк Силд сказала Ренту: — Думаю, Говер хочет с нами потолковать. А вот Каснок... еще не готов. Страх преследования оказался ужасной ношей.

— Они потеряли родные земли. Им некуда было идти. Они чужаки, а в мире так много тех, что ненавидят чужаков, — сказал Рент, подумав о разных кланах Теблоров.

— Надеюсь, морпехи не соврали.

Рент промолчал, не отрывая взгляда от места, где морпехи исчезли со своим эскортом.

Лейтенант Ара оставила Балка и подошла к ним. — Теблоры, просим к столу.

Рент двинулся с места, и рука коснулась ножа. Он думал о ребенке, которым раньше был, и мундирах, которые так хорошо запомнил.

Потертая рукоять казалась холоднее льда. По телу пробежал слабый трепет. Он нахмурился.

Крик всё идеально подстроил. Они были уже в середине леса, далеко от стоянок Жекков. Малазане тихо беседовали между собой, когда обтянутый латной рукавицей кулак Крика ударил в висок этого Омса, а когда Штырь обернулся — рука уже тянет меч — Крик врезал ему в рожу, разбив нос и отправив в отключку. Едва сержант упал, подскочил Шугал.

— Кляпы уродам, скорее. Свяжи их, Крик, заberi все треклятое оружие. Боги подлые, нас ждет веселье.

— Хочу этого. — Крик склонился над Омсом. — Мне твоё дерьмо не интересно. Кончу, как только очнется. Пусть увидит, как мой нож входит в лоб, прям между глаз, и ползет вниз.

— Слишком быстро, — буркнула Спица. Она дергалась, глаза сияли.

Шугал засунул кляп сержанту. Помедлил, скалясь в разбитое, залитое кровью лицо. — Ох, это будет весело. Спица, тут рядом есть старая хижина. У груды бревен. Тащим их туда.

— Терпенья нет, — прошептала Спица, утирая губы. — Будет славно.

— Крик, — сказал Шугал, — догонишь нас там, когда с этим покончишь.

— Точно.

Спица засмеялась. — И там увидишь, как это нужно делать. Нож в мозги? Хреновски легко отделается.

Шугал поднял руку. — Ты слышала, о чем ублюдки толковали с Балком? Я был слишком далеко.

Спица облизывала губы. Шугал заподозрил, что она что-то скрывает. Спица затрясла головой: — Чертовы беседы, сраные любезности. Балк вечно корчит из себя благородного. Всякая честь да вычесть. Но не беспокойся. Я Балка поймала и зажала между ног. С Арой разберемся ночью, когда вернемся. И сольем Жекков, пусть пропадают. Сделаем всё идеально.

Они подняли провисшее тело Штыря за руки и ноги, понесли в сторону от тропы.

— Мать мою, сам не верю. — Шугал уже тяжело дышал. — Балк просто велел нам уйти в лес. После того как они пришли и поубивали наших магов. Не мы одни чувствуем себя проданными. Уверен. Нужно было всех поубивать.

— Там эти шулки, мины, — сказала Спица.

Шугал фыркнул: — Пошли впереди сотню. Таких тупых, что сделают по приказу Балка что угодно. Вперед, дурачки, взрывайте мины для нас, по сапогу на шулку. Избавиться от мин таким манером, и выступаем. Их даже магия не спасла бы — ты видела, Спица, они из ворот чуть ли не выпадали.

— Вот бы ударить по ним тогда, — сказала Спица, — и минное поле не пришлось бы пересекать.

— Точно. Но мы были у леса, помнишь? Я о том, что мы могли бы зажать их в городе. Оставить несколько в живых и поджарить на горящем дерьме. И Балка с ними.

— Ему конец. Эта ночь станет нашей с ним последней, ха. Отнял вино, драный урод. Потом передадим шелудивых псов...

— Волков.

— Как угодно. Распусти слово, пока будем ходить меж своих. Целое богатство в волчьих шкурах.

— Видела их золотое руно? Как они обращают шкуры в золото?

— Без понятия, и плевать, — буркнула Спица. — Уже вижу хижину.

Омс ощутил жуткую головную боль. Открыл глаза, но они почти не работали. Его дергали, его тащили по кустам за ноги. Вокруг всё кружилось, он ощущал вкус рвоты пополам с мокрой шерстью. Солдат застонал.

Движение остановилось, каблуки громко стукнули о землю. Сверху нависло широкое, тупое лицо в бороде, сипло сопевшее сквозь сломанный нос.

— Очнулся, — сказал этот тип. — Хорошо. Хотел оттащить тебя с тропы, на всякий случай. Теперь хорошо. Мы одни. Нож к горлу Балка, а? Ты заплатишь.

Омс нахмурился. О чем он болтает? Попытался ответить и понял, что во рту кляп.

Мужчина вытащил шерстяную тряпку. — Есть что сказать? Не вопи. Не терплю воплей.

— Целителя, — потребовал Омс. — Похоже, я упал. Я упал? Что случилось?

Мужчина отвесил ему крепкую пощечину. — Очнись, поганец. Хочу, чтобы ты понимал, что я сделаю.

Зрение постепенно восстанавливалось. Омс увидел, как тип достает широкий охотничий нож. — Это зачем?

— Для убийства.

— Кого?

— Тебя.

— Ох. — Омс попытался поднести руку к голове, откуда кровь капала на ухо, но рука не шевельнулась — запястья связывали кожаные ремни. Он моргнул. И еще раз. — Безрассудно, — сказал он.

— Скорее глупо.

— Как скажешь.

Мужлан ухмыльнулся. — Так и скажу.

— Не думаю, что ты понял. — В голове Омса гудело.

Мужлан нахмурился. — Я собираюсь тебя убить. Чего тут понимать?

— Думаю, — сказал Омс, чуть смазано, но зрение стало очень острым, — ее зовут Путаной Ведьмой.

— Чего? Кого?

Она заполняла все пространство за мужланом. Ветер трепал кроны, последние листья осени кружили в воздухе, порывы ледяного ветра хлестали по тропе. Она нависла, не вполне вещественная... но вполне достаточная.

— Сзади, — сказал Омс.

На его глазах мужлана схватили за руки и подняли над тропой. Кости треснули, рот широко открылся в вопле — как ни странно, неслышном. Затем обе руки вылетели из плечевых суставов, тело упало.

"Тут потребен идеальный расчет времени. Как она ухитряется?"

Тело упало с влажным шлепком, ноги дергались, пиная Омса в лодыжку.

Рыжеволосое привидение явило Омсу выражение горя и ужаса, затем вернуло всё внимание наемнику. Он был здоровенным мужчиной, плечистым, мускулистым. Но плечевые мышцы ныне болтались мокрыми тряпками, кровь вытекла, белые сухожилия повисли нитками марионетки. Она взяла ногу за лодыжку, широкая когтистая стопа встала на пах.

Отрывание ноги заняло некоторое время. Отшвырнув ее, она занялась второй.

Омс был чертовски уверен, что мужлан уже мертв. Точнее, очень надеялся.

Перекатившись на бок, он огляделся. Ведь он был не один? Точно, с другим. Он извивался. Ощущая путы не только на руках, но и на лодыжках.

— Ох, чтоб меня. — пробормотал он. *"Штырь. Те двое унесли Штыря"*. — Милая леди, — сказал Омс, — Срежь мои путы, прошу! Мне нужно встать. Нужно найти Штыря...

Однако она схватила его, словно ребенка, дико прижав к груди.

Омс ощутил больше сосков, чем ожидал, один на виске, второй на челюсти, третий внизу шеи. Попытался вырваться. — Боги подлые, просто освободи меня! Умоляю!

Она села, придавив лишенное рук и ног туловище наемника, начала раскачиваться и причитать.

— Развяжи меня, — шептал Омс.

Она качала его сильнее.

Хижина оказалась не жилищем, скорее простым навесом для сушки бревен. Но при таком резком ветре, ломавшем ветки и сучья, годилось любое убежище.

Спица встала коленом на грудь Штыря, играя ножом перед открытыми глазами. — Да, — тихо пробормотала она, — уж не засни. Мы поиграем с тобой всю ночь, ты и я.

— И я, — вставил Шугал. — Он не только твой, знаешь ли.

— Я беру лицо, шею и грудь, — рявкнула Спица. — Потом петушка и яички.

— Мало мне оставила.

— Руки ноги, ниже колен будет больно, аж смерть. Прояви творческий подход. — Она близко склонилась над лицом Штыря. — Это ради Балка, знаешь. Ничего личного. — Она фыркнула смехом. — Никогда ничего личного. Просто я как художник, понял? Скульптор. С ножами. И одобрение я найду в твоих глазах.

— Давай начинай, чего ты...

Шугал споткнулся обо что-то сзади Спицы, наверно, наткнулся на бревно. Но Спице было всё равно. Она слышала, как он пыхтит и кряхтит — но знакомый звук заставил ее замереть. *"Это лезвие ножа покидает плоть"*.

Она взвилась, выставив оба ножа.

Промельк чего-то медного и дикая боль в запястьях. Она упала на спину, уставившись

на обрубки.

Снова блеск, у лица, и она упала в пропасть пустоты, вопя непрерывно.

Было трудно понять, кровь из разбитого носа запеклась на глазах. Голова его уже давно висела ниже плеч. Но Штырь, кажется, узнал своего спасителя.

Из лагеря, который он недавно покинул. Юный воин-Теблор. Он был с двумя женщинами, в сторонке. Штырь заметил в глазах некое томление, юнец не отрываясь глядел на них с Омсом. Загадочные мгновения. Но следом он тогда не пошел.

А теперь, выполнив столь быстрые движения ножом, что глаз не успевал отследить, юнец склонился над Штырем, перерезая ремни. Повсюду были теблорские псы; один схватил отрезанную кисть Спицы и начал грызть, хрустя костями.

Юноша склонился ближе и произнес что-то, на что смущенный Штырь не знал что ответить, даже если бы мог. Руки оказались свободны, он начал вытягивать кляп.

Но юноша уже ушел. Позвав жестом псов, двинулся к своему лагерю, не сказав больше ничего.

Штырь медленно сел. Мысли походили на тину, головная боль одуряла. В носу стучал барабан, он опухал, отекали и глаза.

Какой-то шум заставил его поднять голову. Омс почти упал на него. Висок был залит кровью.

— Сержант! Проклятье! Ты жив! Спасибо... что, здесь Водичка? Драть меня, никогда не видел таких чистых разрезов. Штырь? Как я сюда попал? Что было? И где она?

— Сядь, — проскрипел Штырь. — Тебе нужно перевязать голову. Выглядит плохо.

— Кого я видел... кто склонялся над тобой? Думал, они что, целуются? Ну, с Водичкой? Ты разум потерял?

— Нет, ты потерял. Не Водичка. Теблор из лагеря, который мы только что покинули. Кажется, почти ребенок. У них трудно различить.

— Так он убил этих двоих и поцеловал тебя?

— Не целовал он. Только слова. Я не понял. И не понимаю. Но это были самые милые слова в моей жизни.

Омс провел рукой по виску. — Ладно. Нужно тебя упрашивать?

— Ты не меняешься, Омс. Хоть понимаешь, как я веселюсь, кормя тебя лишь крохами информации?

Омс плюхнулся в прелую кору. — Ублюдок, — пробурчал он, глядя на кровь в ладони.

— Да что там, — сказал Штырь, качая головой. — Он склонился, как ты видел, и сказал мне: "За нож".

Омс хмуро свел брови. — Сержант, это... лишено смысла.

— Как ты вырвался, Омс?

— Не знаю. Ничего не помню, чтоб меня. Пришел в себя у расчлененного тела, и кто-то сгрыз мои путы. Всего залил слюной. — Он бережно гладил висок. — Кулаком?

— Ага. — Омс медленно встал. — Кулаком внутри кольчужной рукавицы. Перевяжу тебе голову и нужно двигать.

— Мы спешим?

— Сильнее, чем сами знаем, Омс.

— Тоже бессмыслица, сержант. — Он потряс головой, морщась. — По приказу Балка?

Сержант хмуро вздохнул. — Сам не вижу смысла, Омс. Но судя по ее словам, она делала

это ради него.

— Ублюдка ждут новые вопросы.

— Ага, но потом. Нужно вернуться к лошадям и скакать в Кулверн. Этот ветер мне совсем не по душе. — Штырь неуклюже поднялся на ноги. — Идти сможешь, Омс?

— Может.

— А бежать?

— Боги подлые. — Омс наконец-то распрямился и стоял, чуть покачиваясь. — Попробую. "За нож", он сказал?

Штырь кивнул. — За нож.

Омс отвел глаза. — Угу.

— Будь ближе, Омс. Не хочу тебя потерять.

Память работал скверно. Омс помнил, как шатался, бредя по разбуженному бурей лесу. Плевки ледяного дождя. Потом на поляне — недавнем лагере Балка. Потом, неведомое количество времени потом, они седлали коней, влезли на их спины и мчались галопом по Кулвернской дороге.

Затем Штырь глянул вправо, изогнулся в седле, чтобы видеть северо-запад. — Боги подлые!

Омс пялился на сержанта, стараясь вспомнить, что они тут делают, и гадая, стоит ли спрашивать, что увидел Штырь. Вражеские силы? В такой буре? В таком гуле? Или это...

Наконец, он проследил, куда смотрит Штырь.

Северо-западная равнина выглядела не так. До ужаса не так. Что он видит? — Сержант?

— Потоп стеной! Скачи вслед!

Сержант свернул с дороги напрямиком на юго-восток. Омс за ним. Они заставили коней мчаться галопом по распаханному полю.

Ревущая пеннистая стена воды двигалась под углом, вот почему они покинули дорогу. Омс кивнул. Имеет смысл. Хорошо, что Штырь главный. Омс даже не знал, где они, не понимал, что происходит и откуда столько воды.

— Мы ее не перегоним, — закричал Штырь.

— Правда? Она же далеко, не так ли? — Омс обернулся. Увидев, как наводнение крушит ферму, которую они только что миновали. Амбар взорвался, доски летели к небу. — Нет, она ближе.

— Драть..!

Омс кивнул. Тут подходит лишь крепкое словцо, верно.

Рев стал сильнее.

Он знал, что теряет сознание — и обретает вновь. Они мчались перед водным фронтом. Походило это на кошмар, из которого не выбраться. Только что он видел, что расстояние между ними и ревающим водным валом сохраняется. Но тут же лошади начали выдыхаться, и во вспышке холодной ясности Омс понял: им конец. На этот раз судьбу не перегонишь. Даже оседлавшая его проклятая ведьма будет бессильна.

— Драть меня! Омс, держись!

— Что? Зачем...

Лошади завизжали.

И земля размылась под копытами, и Омс слышал сквозь свист ветра резкий голос Штыря, изрыгавшего поток грязной ругани. Омс был поражен — но тут же осознал, что

злоба Штыря направлена не на него. На самого сержанта. Бессмыслица.

Но затем смысл появился, ибо лошади снова закричали и помчались так, как никогда ранее. Они бежали быстрее возможного. Постепенно отрываясь от рычащей пенистой стены воды. Омс держался что есть сил.

Он знал о магии Штыря, но весьма смутно. Как он умеет пугать животных. Вот почему Штырь никогда ее не использовал, даже ненавидел. Но Омс никогда не подозревал, *что именно* делает это колдовство. У собаки ведь не спросишь. Или у коня.

Лошади мчались, пока на скользких боках кровь не выступила вместо пота. Мчались, пока кожа не начала лопаться, показывая мышцы — вздутые, напряженные — они тоже начали рваться, лопаясь. Лошади мчались, хотя уже трещали кости.

Вскоре Омс стал подозревать, что лошади уже мертвы. Даже уверился. Он держался за поводья, в голове стучало. Долго ли им еще скакать? Это кончится — должно — и что потом? И потом... он снова лишился рассудка.

Глава двадцать вторая

Какой жест найдешь ты, чтобы явить истинный цвет твоей души? Долго ли нам ждать, чтобы ты обрел мужество?

"На смертном ложе", Джалстин Пефф

Кожух с Фолибором отловили капрала Снека в отхожем месте. Водичка только что вышла оттуда, радуясь, что из-под сиденья за ней не следили ничьи глаза-бусины. Что за смехотворный мир: тебе нужно проверять, куда отливаешь.

Снек выглядел смущенным. Водичка никогда не смущалась, но видела такое выражение на множестве лиц — особенно перед тем, как втыкала в них нож. — Это уже похоже, — сказала она, подойдя к троим мужчинам, — на травлю. Что вам сделал бедный капрал?

— Просто нам нужны ответы, — сказал Фолибор.

— Задали один вопрос, всего-то, — добавил Кожух. — Не думал, что он зарыдает.

Теперь все трое выглядели смущенными.

Вздохнув, Водичка оглядела их. — Как-то я знала трех мальчишек. Они случайно сожгли конюшню. К счастью для них, пустую, но все равно говорили о повешении по причине, знаете ли, порчи имущества. Игрались с волшебным огнем или еще чем-то. Так они признались, когда я помогла допросу.

Обращенные к ней лица выражали потрясение.

— Ты работала с ножом над тремя детишками? — возопил Фолибор, лицо всё сморщилось.

— Даже не пришлось, — закатила глаза Водичка. — Вы не поняли. Тогда просто спрошу: кого ты сжег, капрал?

— Лишь тех, что угрожали выпустить мне кишки, — бросил Снек. — Дело в капканах.

— Волчьих капканах, — уточнил Кожух. — У него их были десятки. Ты там была, Дичка. Видела, что случилось. Эти треклятые штуки на волков и даже так, боги подлые, что за жестокое и бессердечное занятие. Против людей — даже Теблоров — это же... — Губы двигались, но солдат явно не находил слов.

— И я пожелал узнать, о чем он думал, — объяснил Фолибор. — А он начал рыдать.

— Я не рыдал, Фолибор. Я *огорчался*. Это другое.

— Бедный Снек, — сказала Водичка. — Он огорчен. Сами не видите?

Сигнал рога из лагеря за спинами указал, что пора снимать палатки. Наконец-то город Кулверн был готов их принять. Там не спешили, хотя разведка уже заметила силы Теблоров на подходе.

Слыша попытку Водички изъяснить сочувствие, Снек взвился: — Это твоя вина, Водичка!

— Моя? Я ничего не сделала, а если что сделала, благодаря этому ты жив. Считаю себя счастливым — в следующий раз глупить не стану.

— Я пытался рассказать свою историю целые месяцы, будь проклята! Но нет! Ты вечно затыкала меня. Скучно, твердила ты!

— Ох, твоя история. Ну да, она была скучной.

— Откуда знаешь, если ни разу не дослушала?

Она пожала плечами. — Потому что, Снек, ты сам скучный.

— Моя история, бездушная королева-ассасин, *была про капканы!*

— Те, что ты везде собирал и таскал с собой? Почему сразу не сказал? Ты не имеешь понятия, какие спекуляции и нелепые идеи ходили среди наших насчет твоих дурацких капканов. Ну, я не думаю, что идеи нелепые. Но остальные — думали!

Снек вцепился в волосы над ушами и потянул, пока лицо не сплюснулось, а глаза не полезли на лоб.

— К тому же, — продолжала Водичка, — это и сейчас скучно. — Она отвернулась.

— Стой где стоишь, солдат! Это треклятый приказ!

Она снова поглядела на него, удивленная. — Прикажешь скучать до смерти? Просто подло.

— Я был ребенком, — сказал Снек. — Играл в лесу за пастбищем, куда мне запрещали ходить из-за овец...

— Вполне понятно, — сказал Фолибор Кожуху, и они кивнули друг другу.

— Боги подлые, Снек, — бросила Водичка. — Овцы? А ты еще мальчишка?

— Из-за ягнят, чтоб вас всех! Они ведь привлекают волков, верно? И вот я играю, и вдруг лезу на трепаное дерево, как можно выше. А они хотят меня! Слоняются вокруг день и ночь. И мне пришлось... мне пришлось, понятно? Но это было так себе деревце, и ни одна ветка не выдерживала моего веса...

— А ты еще мальчишка? — нахмурилась Водичка. — Уверен, что это был не саженец? Если так, он был невысокий. Волки, говоришь? А может, лисы?

— Или щеночки, — намекнул Кожух.

— Разумно, — согласился Фолибор. — Щенки волков и лис похожи. Думаю.

— Я был раздавлен! До сих пор кошмары мучают! — Он ткнул пальцем в сторону Водички. — А тут рассказы о Жекках в той армии! Волках! Но ты... ты никогда не видишь кошмаров, верно? Потому что совсем *свихнутая!*

Она сложила руки на груди, оперлась на одну ногу. — Один вот сейчас переживаю.

Рог прогудел второй раз, и все повернулись к лагерю. — Ну смотрите, — застонал Фолибор. — Все палатки сложены, кроме вон тех. Потому что они наши.

— Поглядите, там Мушграф, — указала Водичка. — Пытается сложить и их. Управился бы куда скорее, если бы так не ругался.

— И складывал бы по одной, — добавил Кожух, — а не все сразу. А вон Аникс Фро. Она что делает?

— Не удивлен, что Мушграф ругается, — заметил Фолибор. — Аникс Фро не очень искусна в организации дел. Смотрите, указывает ему на следующую, а прежняя в ужасном состоянии.

— Ох, ух, — вздохнул Кожух. — Мушграф вооружился шестом. Дело может обернуться худо, друзья мои, ибо Аникс не умеет бегать по прямой, чтобы спасти свою жизнь. Даже если это может спасти ее жизнь.

Водичка обернулась к Снеку и улыбнулась как могла широко. — Это была великая история. Но не думаете ли, сэр капрал, что вам лучше помочь сержанту с палатками?

— Не люблю лесов! Потому что не люблю волков! И не ожидал я, что проклятые Теблоры окажутся в лесу!

— Неужели? — поднял брови Фолибор. — Ну, я о том, что они были повсюду.

— Я паниковал. Все эти кошмары, они становились всё хуже!

— Теперь вижу, — сказала Водичка. — Ты ушел и оставил их позади. Бедный Снек, теперь ты обречен стать закуской... эй, не оттого ли твое прозвище? — Она опустила плечи. — Нет, это кажется слишком очевидным, верно? Из-за твоих волков.

Рог возвестил неминуемое нападение, на время заставив всех замолчать. Солдаты смотрели на север.

— Самое путаное нападение, что я видел, — заметил Фолибор.

Морпехи строились в ряд спинами к городу, а Мушграф вопил, указывая на свой взвод рукой.

— Надо бы идти, — сказала Водичка. — Я не взяла щит, а похоже, он пригодится.

Они поспешили к своему сержанту и Аникс Фро, которая ставила Железную Пасть: если учесть, что всё утро она потратила, упаковывая изобретение, Водичка могла догадываться, какие именно слова летят изо рта Аникс. Рот не закрывался, хотя вокруг царил неразбериха.

— Нет времени уходить за стены, — заметил Снек. — Нам выпала очередная битва.

— Последняя не походила на битву, — бросил Кожух. — Там конные Теблоры и, о ярость Икари, это огромные псы?

— Может, маленькие лошади, — предположил Фолибор. — Нет, прости, это не лошадки. Это боевые псы Теблоров.

— Кстати, капрал, — спросила Водичка, когда они добрались до кишящего суетой лагеря, — где твои капканы, когда они так нужны? О, знаю. В лесу!

— Однажды, — зашипел Снек, — я устрою тебе Первый взвод, Водичка!

— Реально, капрал! — Фолибор был потрясен. — Мы никогда не говорим о Первом взводе!

Водичка подошла к Аникс Фро. И точно, та грубо бранилась. — Оставь ее, — посоветовал Водичка. — Всё равно не соберешь вовремя.

Аникс Фро затихла. Уставилась на россыпь деталей у ног и громадную трубу в руках. Раздутые щеки зашевелились и пошли волнами. — Ты права. Придется нести ее вот эдак.

— Сработает, — кивнула Водичка. — Хотя вовсе нет.

— Разобрать треклятое снаряжение, — заревел Мушграф. — И в строй!

— Но палатки...

Несмотря на спешку, неразберихи было мало. Всякий знал свое место. Водичка оказалась единственной без щита, но особо не беспокоилась. Бедным Теблорам сюда не добраться. Она видела это раньше, пусть не здесь, на Генабакисе. Даже половина легиона морской пехоты способна послать перед собой опустошительную волну колдовства.

Но затем кто-то — может, знающий всё тайны мира Фолибор — выронил тревожное слово, и оно огнем пробежало по строю.

"Теблоры неуязвимы для магии. Как и их кони. И боевые псы".

Внезапно Водичке захотелось найти щит. Ох, и короткий меч. Вздыхая, она вытащила ножи. — Предупреждаю, — крикнула она, — могу стать скрытной.

— До сих пор думает, что не маг, подумайте, — тут же объявила Аникс Фро, пыхтя с тяжелой трубой на руках. — Водичка ныряет в свой садок, словно трусливая кошка!

Отовсюду зазвучало мяуканье.

Разум Водички искал остроумный ответ, но не успел — сзади кто-то сказал деревянным голосом: — Они не атакуют.

Поскольку это звучало странно, Водичка всмотрелась в надвигающуюся армию

Теблоров, эту неровную стену на плоской равнине.

Вдруг это наблюдение зазвучало в рядах слева и справа, звуки рогов возвестили срочную смену планов. Ошеломленная Водичка обернулась к Аникс Фро. — Что за сигналы? Мы отходим? Нас порубят в куски!

— Нет, — сказал Фолибор, торопливо перемещая щит за плечо. — Это с дозорной башни. Смотри на горизонт за ними!

Чего? Водичка шурилась. Линия горизонта потеряла четкость, пропадая за мутной пленой какого-то дыма или тумана. Она снова поглядела на Теблоров. Нет, не атакуют. Бегут.

— Это вода, — закричал кто-то. — Стена воды!

Водичка всматривалась в быстро надвигающуюся полосу белого, бурого и серого. — Если стена, — буркнула она, — то очень высокая.

— Выше стен гребаного Кулверна, — сказала Аникс Фро, роня Железную Пасть. — Нас сейчас отдерут.

— Может, не всех, — сказал Фолибор, выбираясь из кольчужного доспеха.

— О чем ты?

— Баржи на реке, — ответил Фолибор. — Город почти эвакуирован, помнишь? Батальоны приплыли на них, могут и уплыть назад.

— На гребне гребаной волны? — Аникс не верила себе. — Хватит, Фолибор — нас точно отдерут.

— В этом готова согласиться с Аникс, — сказала Водичка, пряча ножи. Передовые наездники-Теблоры были примерно в двух тысячах шагов. Она видела: все всадники взяли за спины невооруженных сородичей. На многих псах ехали дети, тонкими руками крепко сжав бурые шеи.

Лошади начинали падать. И псы. Они бежали слишком долго.

Тяжелые ворота Кулверна со скрипом открывались. Батальоны делились повзводно, большинство шли к своему снаряжению, сложенному кучами вдоль каменной стены. Но капитаны и сержанты выкрикнули новые приказы: — *Первые три шеренги, бросить щиты, вложить мечи! Вперед скорым шагом!*

Бенжер не успел уронить вещмешок, а уже схватил Вама Хану за рукав. — Брось солдат! Двигаем! — Через миг Вам уже бежал рядом с Бенжером. Объяснений не требовалось. Первые три шеренги, стоявшие лицами к массе Теблоров в ожидании приказа уходить в ворота, слишком ясно видели разворачивающуюся трагедию.

Утомление роняло наземь коней и собак, их сердца разрывались. Дети падали со спин псов. Воины валились с лошадей. Дети вставали и пытались бежать, но многие гибли под копытами или брели, хромя, пока не пропадали в пыли, за силуэтами бегущих.

Вам Хана расстегнул ремень и сбросил, вместе с мечом. Он слышал звуки рогов и понимал: морпехи, успевшие войти в ворота, теперь выходят обратно. Они сформируют проход для Теблоров, делая приглашение как можно более наглядным.

Сюда! В город! За стены!

Вам Хана уже видел водяную стену. И понимал, что городские стены куда как ниже.

"Баржи! Хватит ли места для беженцев? Почти для всех? Для половины?"

Да, если мы, морпехи, не взойдем на баржи".

Внезапно он оказался среди Теблоров. Хаос, пыль, повсюду сталкивающиеся меж собой

фигуры. Какой-то морпех хрипло орал: — Ворота! Бегите через ворота!

Теблора стояла на коленях прямо перед Вамом. Он подбежал к ней. — Ты почти там! Идем, вставай! — Схватил за руку, пытаюсь поднять. — Боги, помогите!

Наконец она решилась встать. Страдание сделало лицо воительницы ужасающе старым. Глаза были пусты, губы покрыты черной грязью, рот открыт, грудь тяжело вздымалась. Она продолжала озираться, и Вам едва ли смог бы толкать ее в ворота — он понял, что она ищет кого-то, и боль на лице сменялась отчаянием.

— Мы их найдем! — завопил Вам Хана ей в лицо. — Только иди! Мы найдем всех!

Какой-то воин схватил женщину за руку. Они побрели в нужном направлении, и Вам Хана резко повернулся.

Дети ползли на четвереньках, другие перепрыгивали их. Один был так мал, что Вам смог бы его поднять. Может быть.

По сторонам все больше морпехов врывались в толпу, пропадая за клубами пыли.

Юный Теблор вопил, когда Кожух и Снек вытаскивали его из-под павшей лошади, а Фолибор пытался поднять мертвый, покрытый скользкой пеной круп. Второй седок лежал рядом, шея свернута под невозможным углом. Водичка видела, что правая нога выжившего вывихнута из сустава, головка бедра торчит прямо под кожей. Она подскочила к Фолибору и стала помогать его усилиям.

Последний вопль, и юнец был свободен. Он дико дергался, пока не выпал из рук морпехов. Тогда Кожух что-то прокричал Снеку, капрал бросился на Теблора, прижимая к земле, пока Кожух не схватил ногу и не вправил бедро на положенное место.

Судороги прекратились, голова юнца повисла. Снек помог Кожуху забросить тело на плечо, и тяжеловес побрел к далеким городским воротам.

Водичка схватила Фолибора за руку. — Иди с Кожухом — он точно не протащит этого быка всю дорогу!

Утирая лицо, Фолибор протянул другую руку и прикоснулся к подбородку Водички, мозолистые пальцы погладили челюсть. Он поглядел ей в глаза. — Это было сладкое удовольствие, Водичка, — сказал он. — Постарайся нырнуть в свой садок, пока не стало слишком поздно.

Водичка отстранилась. — Чтоб тебя, Фолибор. Увидимся на барже. — Она торопливо отошла, найдя Аникс Фро, прежде чем нырнуть в пылевую тучу. — Ищем маленьких, Аникс, таких, чтобы можно было нести. Понятно?

— Брось их в треклятый садок, Дичка!

— Ты сошла с ума. В моем садке полно опасного дерьма. Давай!

— Лучше, чем тонуть!

— Чтобы их рвали на кусочки Гончие? Не думаю!

— Водичка!

Она замолчала, глядя на Аникс Фро, потом на головку Твари между женских грудей, потом снова... — А, вались всё!

Пыли было так много, что она не могла понять, где что. Водичка была уверена, что знает направление к воротам. Но дети бежали не туда, а другие стояли, напуганные и ничего не понимающие.

— Собирай их, — сказала она. — Вели держаться за руки и ждать меня — боги подлые, сколько здесь треклятых детей? — Она выделила девочку, ростом с себя саму, с щенком на

руках. — Ты! Сюда! Быстро!

— Водичка, мы идем не туда! Мы должны тащить их вот сюда!

— Знаю. Но нужно собрать побольше. Вон, пусть тот взрослый нам поможет. Ты! Сломанная рука! Понимаешь натийский? Да ладно, сюда, к нам... проклятие, знаю, это неправильный путь. Мы собираем детей! Идем!

Бенжер заметил Водичку. Потом Аникс Фро и толпу вокруг них. — Дай, Скудна, за мной!

Они направились на перехват женщинам, которые ухитрились собрать дюжину детей, стариков и даже одну беременную. За ними Глиняный Таз тащил двух детей — одного на локте, другой цеплялся руками за шею, повиснув у бедра.

Дай подхватил младенца, еще в пеленках, крошечные кулачки сжаты, рот раскрыт в вопле. Скудно-Бедно повела девушку, что уронила дитя, а Бенжер тащил за собой мальчика, сжавшему ему руку с удивительной силой и наступавшего на пятки.

Догнав Водичку, он сказал: — Вы пошли не туда, дуры!

— Нет, — бросила Водичка. — Мы их собираем!

— Нет времени...

— Нет времени на глупые игры, Бенжер! Сам не слышишь?

Он слышал. Стена воды быстро приближалась. Он уставился на Водичку и выругался. — Ты безумна? Эмурланн? Клятый Эмурланн?!

— Обвинения выдвинешь после, — сказала Водичка.

— Гончие...

— *Оставь драных Гончих мне!* — выпалила она.

Бенжер хотел возразить, но увидел ее взгляд.

— Все! Схватиться за руки! Крепко! — Водичка отступила на шаг и схватилась за куртку Аникс. — Ой! — Тварь вцепилась в ладонь. — Убери свое мелкое дерьмо, Аникс!

— Ты ее напугала!

— Я не страшная!

— Тогда... не знаю!

Зарывав, Водичка попыталась оторвать ласке голову. Тварь отпустила руку и пропала под курткой Аникс. Водичка повернулась. Рев воды оглушал, земля дрожала под ногами, словно ее били.

— За мной!

Она открыла садок Эмурланн, нырнула, волоча Аникс Фро — и, надеялась она, остальных — внутрь. Пять шагов, десять, двадцать и больше.

— Все прошли! — крикнул Бенжер с изрядного расстояния.

Она захлопнула портал, отпустила Аникс и упала на колени.

Внезапно упавшая тишина сделала унылый сумрак Эмурланна совсем жутким. Водичка подняла голову, пронизав взглядом здешнюю реальность ради мира, который они оставили.

Бурление и хаос. Она видела падающие тела, их так хлестало струями, что текла кровь. Видела огромные валуны, катящиеся в диком потоке. И мир темнел с каждым вздохом — наводнение усиливалось. Клубящиеся облака ила, обломки домов и сараев, куски изгородей, сучья и вывороченные деревья.

Рука крепко сжала плечо. Голос Бенжера прохрипел в ухо: — Что видишь?

— Тела.

— Морпехи?

— Морпехи, Теблоры, псы, лошади и не пойми кто...

Он встряхнул ее. — Вырывайся, Водичка. Смотри сюда. Тебе нужно выбрать путь.

Моргая, она потеряла глаза и встала. — Правильно. Ты прав. — Огляделась и указала пальцем. — Туда. В лес. Вам нужно скрыться.

Поглядев на нее с сомнением, Бенжер подошел к другим спасенным. Четверо воинов, упав на колени в сырую землю, тяжело дыша и понуриив головы, старались прийти в себя. Беременная готова была потерять сознание, но Глиняный Таз встал рядом. Десятка два детей сидели, одуревшие и полные испуга. И морпехи — Аникс Фро с Даем.

С одной стороны был лес, с другой за равниной тянулись невысокие лысые холмы.

— Мы готовы, — прошептал Бенжер.

Водичка обернулась. — Когда ты вернешься?

Он скривился. — Будь всё проклято. Похоже, это насовсем. Я поговорил с Даем, и Глиной, и Аникс — они не думают, что смогут вывести нас отсюда. Всё на тебе. Потеряем тебя, Дичка, и нам конец.

— Может да, может нет. Никто здесь не учуял вас, пока. Говоря "учуял", я не имела в виду дурной запах. Это запах ваших душ, жизненной силы и прочего дерьма. Вот почему...

Далекий вой прервал ее. Он несся со стороны холмов. Водичка вздохнула. — Это Блед, у него мой запах свербит в носу. Или у нее? Никогда не проверяла. Она или он узнали, что я здесь. Вот почему вам нужно держаться подальше, уйти в лес, с глаз долой — но не особенно далеко. Сидите там, и никто ни звука.

— А потом?

— Потом Блед уберется отсюда.

— С чего бы?

— Мы тратим время, Бенжер, а его и так нет.

— Водичка, ты не можешь драться с Гончей Теней.

— Мы с Бледом давние друзья, — ответила Водичка. — Танцуем многие годы. — Плечи поднялись. — Пришло время понять, кто в чей дом забрался и кто кому надерет зад.

— Дичка...

— Уводи их в лес, Бенжер. — Она начала снимать шарф. — Можно ли умертвить Гончую Теней? Вероятно, нет. Но если она просто лопнет от злости? Посмотрим. — Она повязала шарф вокруг пояса и улыбнулась Бенжеру. — Поглядим!

Он хотел что-то сказать, но она не дала случая, пустившись по равнине. Вой прозвучал второй раз, такой низкий, что заломило в груди. Водичка кивнула и направилась прямо туда. — Бедный Блед, — шепнула она. Однако во рту было сухо. Но так лучше, чем полный рот воды. Казалось, там на них ринулся весь треклятый океан. Откуда пришло столько воды?

— Какой безумный день, — сказала она громко, продолжая быстро шагать.

Через тридцать шагов оглянулась. Беженцы были почти в лесу. Первый уже пропал среди черных стволов.

Водичка сосредоточилась на том, что впереди. Что там на склоне холма? Быстрое, исчезло в низине у подножия. Она почти бежала, вытащив клинки.

— Карибу и гигантские крысы, птицы в небе, и эти громы пару ночей назад. Какого хрена мы думали? О, знаю. Ни о чем мы не думали. Вот так. Варвары вторгаются с севера. Эту уже не игрушки. Боги, мы готовы были измолотить их магией. Но это не сработало бы, если верить Фолибору. Тоблакаи стряхнули бы ее. И началось бы реальное месиво, кидайте

криво сделанные долбашки и надейтесь на лучшее.

— И оставалось лишь одно. Изменить приказы. Оставайтесь достойными, да, достойными. До конца.

Насколько она знала, четверо морпехов за спиной — последние. Все остальные утопли. — Бедные все остальные.

И вот он, Блед, несется напрямик на нее. Теблорские боевые псы были здоровенными. Как и Блед, но он чуть больше и шире. — Ох, нет. Не так. Блед намного больше любого боевого пса. Может, дело в перспективе? И быстрее, хмм.

Далекая точка уже не была точкой. Блед мчался со всех ног.

Водичка ускорила. Подняла оба ножа. — Смотри! — взвыла она. — Я готова вонзить их тебе в глаза! — Она поводила ножами над головой.

Огромный зверь летел на нее, губы оттянуты, зубы наголо. Глаза сияли как уголья размером с кулак. Опущенная голова была на одном уровне с ее глазами. Тварь намерена, поняла она, откусить ей голову.

— Давай же! — взвизгнула она, снова оценивая скорость. И, боги подлые, тварь была *быстрой*.

Водичка вложила ножи в ножны, убедившись, что не промахнулась. Осталось одно мгновение, чтобы снова поднять руки, и Гончая была уже перед ней, словно сорвавшаяся карета. — Порву зубами!

Она поднырнула среди мелькающих лап. Челюсти щелкнули впустую. Правая рука схватила за переднюю лапу над когтями. Не сомкнувшись, верно, ведь лапа была слишком толстая. Но она держала достаточно крепко...

... чтобы утянуть Гончую в недавно оставленный мир.

— Боги подлые! — шипел Бенжер. Он залег в густой тени на опушке, рядом были Аникс Фро, Дай и Глиняный Таз.

Аникс чем-то подавилась. — Она же...

— Ох, драть меня! — застонал Глиняный Таз.

Потом Дай сказал: — Ай, не знал, что она маг.

— Сказал человек с кирпичом вместо мозгов, — буркнула Аникс. — Как мы сюда попали, а, Дай?

Дай брюзгливо отозвался: — Если бы я знал, где мы, знал бы и ответ. Верно? Это ты, Глина? Я думал, это был ты. Ну, мой садок — Серк, и вряд ли это сделал я. Или я?

Бенжер потирал лицо. — Вот и всё. Треклятая Водичка. Блеснула, да замутилась...

Все замолкли, созерцая пустую низину.

Тряска! Ледяной холод! Мучительная боль в ушах — она разжала пальцы и вцепилась в уши, барахтаясь в морозной, черной, полной гравия воде. Внизу было уже не распаханное поле — скорее, булыжная россыпь. Она ударялась о валуны, вопя от боли, оставляя облака булькающих пузырей.

Нечто, что вполне могло быть Бледом, уплывало в сумрак.

Камень смачно коснулся лба, почти оглушив ее.

Водичка снова открыла садок, пока следующий камень не выбил дух; выплюнула воду, катясь по жесткой сухой почве. Кашляя, задыхаясь. Ноги почти не чувствовались.

Почти — уже хорошо, подумала она, пытаясь глянуть на ноги и причиненный им ущерб.

Она лежала на животе — отличная позиция, если хочешь выкашлять еще воды из легких, добавив и желудочной жижи.

Земля дрожала.

"Чтоб меня!" Водичка встала, шатаясь, и постаралась прийти в себя.

Блед был в двух сотнях шагов — вниз по течению, если мерить ином миром — медленно вставал на дрожащие ноги. Поднял голову, круглые глаза отыскивали ее.

Водичка побрела навстречу Гончей. — Правильно! Сделаем еще раз, жирная свинья! — Она была чертовски уверена, что громко выкрикивала вызов, хотя в голове было безмолвие. Похоже, уши лопнули изнутри.

Неважно. Она надеялась, что Блед способен слышать, особенно следующие слова. — Снова и снова! Тысячу раз! Туда-сюда! Туда-сюда! Будет очень весело!

Водичка побежала, шатаясь. К ее удивлению, Блед попятился.

— Вернись! — взвизгнула Водичка.

Блед попятился сильнее, развернулся и убежал.

— Вернись, тварь драная! О боги, как голова болит! Я сломана! Ранена! Умираю! — Она споткнулась о какую-то кочку, упала, но руки тянулись к далекой Гончей. — Вернись! — застонала она.

Тень упала сверху, она заморгала, силясь поднять голову.

Аникс Фро почти умерла. Засмеялась так, что огромный кусок жвачки скользнул и закрыл глотку. Пока она билась в судорогах, головка Твари выглянула между грудей и снова пропала. Глиняному Тазу пришлось сжать ее в объятиях, обхватив сзади, ритмично сжимая грудную клетку (и Тварь вместе с ней), пока Бенжер засовывал палец в рот, пытаясь вынуть пробку из ржавого листа.

Когда они преуспели в извлечении комка бурой слюнявой дряни, Аникс Фро лишилась чувств. Глиняный Таз склонился над ней. — Будет жить, — провозгласил он и уставился на грудь.

— Ты чего, Глина? — спросил Бенжер.

— Чертова ласка жива, прокляните мои руки.

— О, понял. Прости.

Тем временем Дай смотрел на равнину. — Куда она пропала? — сказал он.

Бенжер обернулся. — Что?

— Я о том, — зарычал Дай, явно теряя самообладание, — куда она пропала? Забрала Гончую с собой, потом они вернулись, и Гончая сбежала, а она упала и снова пропала.

Он был прав. Бенжер встал и осмотрелся. Ни Гончей, ни Водички.

— Дерьмо, — буркнул Глиняный Таз. — Она бросила нас? Не могу поверить — она бросила нас!

— Бессмыслица, — возразил Бенжер. — Она не вернулась бы в потоп по своей воле. Может, ее утщила другая Гончая, а мы пропустили?

— Я ничего не пропускаю, — бросил Дай, — я следил все время. Она села, как бы помахала руками в пустоту и пропала.

— А нам конец, — захрипела Аникс Фро, без сил лежавшая на спине.

Вздыхая, Бенжер всматривался в сумрачные тени. — Пойдем к остальным. Скажем, Водичка избавилась от Гончей. Но не больше.

— Мог бы не добавлять про "больше", — посетовала Аникс, медленно садясь. Она тут

же начала набивать в рот новую порцию листа. — Дети до смерти напуганы твоей рожей, к чему множить ужасы?

Моргая, Водичка села и огляделась. Ее объяла какая-то тень, и она была уже не там, где была мгновением раньше. Вершина холма, опоясанная низкой стеной, камни покрыты лишайниками. В середине торчала колонна, столь ветхая, что казалась лишенным коры сухим стволом. Перед ней стоял довольно симпатичный мужчина в легком кожаном доспехе, брюках оленьей кожи, в поношенных сапожках; на боку простой нож, на другом моток веревки. Он улыбался, черные волосы были длинными и оскорбительно чистыми.

Насквозь промокшая Водичка дрожала. — Ты меня слышишь? Я нет.

— *Не нужно кричать, леди Тероза Дешар.*

Она неуверенно встала, отряхивая грязные лосины. — Леди? Какого хрена ты имеешь в виду и откуда знаешь мое имя? Я оставила его позади. Но погляди на себя! Кем себя вообразил? Котиллионом? Ловкая попытка, но я видела статуи. Ты вполне неплох, но он куда красивее.

— *Титул ваш, леди Дешар, если решитесь вернуться в семейное поместье и повести прежнюю жизнь. Как и наследственное место в Совете магистратов Анты...*

— Я отказалась от адвокатства и всяких законов, — сказала она. — Слишком жестокое занятие, на мой вкус. Я грежу? Я умираю? Или уже умерла, ведь Гончие прекращают охоту только в таком случае? Я мертва! Оставь меня! Погоди? Ты Искар Джарек? Не может быть, его статуи я тоже видела. Он тоже куда красивее, если только ты не сбрил бороду, что — я лишь стараюсь дать совет — было явной ошибкой.

Мужчина медленно склонял голову набок. — Это представление?

— Какое представление? Что я здесь делаю? Мне нужно спасать людей. Это Эмурланн? Похоже на Эмурланн.

— *Эмурланн. Любопытное именование. Смеею догадаться, вы случайно подхватили его в кургане, в который вовсе не должны были соваться. Что, сами не соображали? А теперь называете садок на языке Тисте Эдур.*

Водичка пожала плечами. — Меанас, Эмурланн, как угодно. Ты что, бродяга? Жалкий скиталец, вроде Ходящего-по-Краю, только не так прогнил?

— *Бродяга? Сойдет и так. Мое любопытство далеко не удовлетворено, но уступает спешке. Водичка, хочешь вернуться к спутникам? Этой группе нарушителей границ? Отлично. Я отвлеку Гончих. Нескольких дней хватит?*

— Если этого хватит, чтобы уйти от клятого океана, который на нас обрушился, то хорошо. Идеально. Иди отвлекай Гончих.

Он поднял руки и помешкал. — *Кстати, Блед восхищен тобой, и благодаря этой татуировке вокруг шеи отныне тебе разрешено посещать Эмурланн. С ограничениями. Например, не влезай в древние могилы.*

— Даже не подумаю, — сказала она, широко открыв честные глаза.

Он всмотрелся в нее.

Она старалась не моргать, сохраняя искренний вид.

Он сделал жест и пропал.

Нет, пропала она. Ведь она снова была на равнине. Все еще дрожащая, в синяках, голова кружится, уши не слышат. Подняла голову и сказала: — Весьма благодарна за пустяковую услугу, Котиллион.

Затем Водичка поглядела на лес. Никого. — Типично. "Ох, бедная Водичка мертва! Валим отсюда!" — Она принялась искать свои следы.

В древнем круге, известном как Последний Обет Сильха, бог Котиллион стоял обдумывая странную беседу.

Тени сплелись рядом в нечто, похожее на фигуру в плаще с капюшоном, трость в руке. — Ты веришь ей? — спросил пришелец Котиллиона шепчущим голосом.

Он хмыкнул. — Во что тут не верить?

В ответ прозвучал хриплый смех. — Да, ты же следил за ней все эти годы, видел всё, что она творила, всё, что она пережила. Во что тут не верить? Я же скажу: ни во что!

Котиллион пожал плечами. — Таковы смертные. Некоторые просто рождаются с... чем-то.

— Ты всегда уделяешь так много внимания тем, кто вытатуировал веревку во имя твое?

— Нет. Но она напоминает мне... кого-то. Из давних времен.

— Ты стал терять память? Какая печаль.

— Печаль?

— Именно, — сердито сказал повелитель Трона Тени. И начал растворяться в воздухе.

Котиллион остался один, ненадолго. Покачал головой. — Если подумать еще раз, — сказал он в пустоту, — с ней никто не сравнится.

У Дая был особый нюх, так что когда он заявил, что сзади кто-то есть, Бенжер велел всем остановиться и собрал в кружок. — У нас ножи, — начал он, — и ничего серьезнее. — Он прищурился на воинов-Теблоров. — Кто-то из вас готов сражаться?

Трое мужчин и женщина молчали. Но отозвалась стоявшая в стороне беременная. — Мы вас не понимаем.

Бенжер нахмурился. — Почему?

— Мы пришли резать вас. Я понимала, что это не честное сражение, но мои родичи — нет. Мы ратиды, непокоренные, заклятые враги южан, поработивших и уничтоживших клан Сюнид. Этим вечером я должна была шагать по вашим мертвым телам. — Она качала головой, рассматривая морпехов. — Потом мы увидели воду и мысли о войне исчезли. Не хватало коней, не было времени... и тут вы оказались среди нас. Спасая нас. Мы вас не понимаем.

— Стене воды, — заметила Аникс Фро, — нет дела, кто перед ней. Она равнодушно падает на головы, словно гора.

Один из воинов быстро поговорил с беременной на своем языке. Она ответила и сказала морпехам: — Вы могли бы убежать. Кадараст видел других солдат, уводивших ратидов в город. Им было не выжить. Стены города не так высоки. Зачем было это всё?

Бенжер пожал плечами: — У нас были баржи. Шанс. Не то чтобы большой, но мы попытались.

— Не спасая себя? Бессмысленно.

— Да, — кивнул Бенжер. — Думаю, бессмысленно.

— Если бы ваши солдаты вошли в город и закрыли ворота, успели бы погрузиться на те баржи.

Бенжер метнул взгляд на товарищей. Всем им было столь же неудобно. Затем Глиняный Доспех откашлялся. — Вы уже не были врагами. Мы увидели.

— Если мы не враги, то кто?

— Беженцы, — сказала Аникс. — Ну, я не удивляюсь, что вы напали. Вашу родину покрыла вода, больше там ничего не будет. Какой был выбор? — Она пожевала и сплюнула бурым. — Я и говорю. Беженцы. Кто бы повернулся спиной? Не мы.

Женщина моргнула. Отвернулась и обратилась к ратидам с речью. Ее слова привлекли и детей, что постарше. Когда она замолчала, воины начали спорить, постепенно распалаясь.

— Что теперь? — спросил Бенжер. — у нас нет на это времени, и Водичка просила сидеть тихо. Лес не так пуст, как кажется.

— Водичка? Та, что напала на Пса-демона? Отдала за нас жизнь?

— Мы не уверены, что она мертва, — сказала Аникс Фро. — Лично я сомневаюсь. Пронырливее Водички нет никого. Ага, — добавила она, — вот и эта толстая корова. Теперь понятно, кто за нами шел.

Бенжер обернулся и проследил, куда смотрят Аникс Фро с Тварью — и да, это была Водичка, неуверенно шагавшая к ним из-за деревьев. — Болтовню развели! — заорала она. — Не я ли велела сидеть тихо? Тут чудовища! Глина! Я оглохла! Уши взорвались! Умираю! Хуже, хожу как Аникс Фро! Исцели меня!

Глиняный Таз подошел и закрыл рот Водички рукой, что осчастливило всех. Глаза над ладонью широко раскрылись и зажмурились. Глиняный Таз покачал головой и приложил пальцы к губам. Водичка кивнула.

— Она права, — сказал целитель после краткого сосредоточения, — уши точно взорвались. Тут придется потрудиться. Честно скажу, нам нужен Высший Денал Бенжера.

— Ну, — бросил Бенжер, — он сейчас не готов. Делай что можешь. Хотя бы боль убери. Лопнувшие ужи жутко болят. У меня так было с правым, когда оказался рядом с долбашкой — вот почему она такая дерганая. Не может сосредоточиться и ходить прямо.

— С этим справлюсь, — отозвался Глиняный Таз.

— Если надеетесь вернуть сосредоточенность, — встряла Аникс, — даже Высший Денал не работает. Это же Водичка!

Воин Кадараст говорил с беременной женщиной. Она кивала, глаза широко открылись. Повернулась к морпехам. — Решено. Эти воины Ратида желают быть морпехами.

— Прошу прощения? — сказал Бенжер.

— Вы устыдили их. Всех нас. Мы не привычны с таким чувством. Ратиды дают клятву защищать своих сородичей и всех теблорских детей, любого клана. Таков наш путь. Но вы, солдаты, морпехи, решили защищать не свой клан и даже не свой народ. Мы обязаны ответить тем же. В ваших глазах мы больше не враги. В наших глазах, отныне и навеки, вы не враги.

— Это сложное дело, — сказала Аникс беременной. — Как насчет вернуться к этому позже, когда покончим с заварушкой? К тому же дни и ночи в нашей ворчащей, пердящей компании — да, на тебя смотрю, Дай! — приведут вас в чувство.

— Не болят, но я так и не слышу! — заорала Водичка.

Бенжер оттащил Глиняного Таза и встал рядом с Водичкой. Начал строить Моряцкие Сигналы руками.

— Я кричу? — закричала она. — Реально? Ладно, как насчет шепота? Нет, я уже шепчу. Еще тише? Уверен? Ладно, чудно. Вот что делаем сейчас, народ — все слышат? Первое, выходим из леса туда, откуда пришли. Второе, идем быстро и надеемся, что никто не почует наш запах. Третье, на два дня мы свободны от Гончих, так что не мешкаем и скорым шагом

идем на юг и да, я знаю, где тут юг. Пятое, я могу — что? Я пропустила четвертое? Ладно, вернусь позже. Пятое, я могу подглядывать, и едва мы выйдем за пределы потопа, перенесу всех назад. Теперь к четвертому. Гончие здесь не единственные жуткие монстры, так что мы еще успеем исчерпать свою удачу. Потому всем тише, поняли?

— Спроси, как она поладила с Гончей, — велела Аникс Фро.

Руки Бенжера заплясали.

Водичка оскалилась. — Откуда мне было знать, что Блед всего лишь хотел помыться?

Вот необходимый самообман — верить, что вещи не могут меняться до неузнаваемости. Приветствовать новый день, словно это тень, отброшенная вперед днем вчерашним. Так мы куем звенья цепи, которую зовем своей жизнью.

Но случается миг, когда мир являет новое лицо, когда цепь изгибается, путаясь и спутывая нас, когда дождь становится огнем, вода камнем, земля морем, а нам приходится принять самую неприятную из истин.

Неразрывность — иллюзия. Незримые силы работают ради своих целей. Вот в такой день я стал одним из многих, узревших распад моей нации, столкновение миров. Соседи оборачивались демонами. Мужья стали тиранами, дети — немymi жертвами, лишенными всякой надежды, а жены с матерями стояли островами в море бурь, но вода вздымалась всё выше. Перемены не были природной катастрофой, хотя и до нее было недалеко. Смерть стала смыслом, смерть обесценивала всякий разум, смерть едва ли замечали.

Нация зависит от верований, краеугольных камней мифологии, на коих покоится здание веры. Циник подобен убийце мифов, неустанно подрывающему достоверность всего честного и прямого. Он живет лишь настоящим, не веря в грядущее и отрицая прошлое. Мертвы уничтожающие глаза, пусты горькие слова, неумомимы кулаки, разбивающие лица страдальцев. Циник — мучитель и жертва. Но среди груд трупов вы их не найдете, ничто не подскажет вам, что первые слова гибели исходили от них. Все, что дальше, было потоком потерь и отчаяния, ибо они порождают желание вырвать из души ядовитые семена — и швырнуть вовне.

Увы, порожденная ими перемена мира не пощадила ни одного из них.

*Предисловие к книге "Мятеж, или История распада",
Сирин бен Иллант*

Фолибор поднял руку, начав загибать пальцы. — Штырь, Омс, Бенжер, Дай, Аникс Фрс и... — Он хмуро хмыкнул. Но лоб тут же расправился, поднялась вторая рука. — Водичка. Кого упустил?

Кожух задумался, неторопливо почесывая в глинистой бороде.

Капрал Снек тихо выругался и сказал: — Хватит трепы, вы двое. Мы знаем, кого потеряли. Да, Фолибор, можешь досчитать до пятнадцати. Изображать идиотов — у вас, тяжелой пехоты, это стало второй натурой. Уже хочется вогнать тебе топор в черепушку. Так что кончай и дай нам погоревать, ладно?

Фолибор вздохнул и пошевелил плечами, глядя на Кожуха. Тот ответил так же.

Их баржа была заполнена наполовину. Последняя, время совсем вышло и пришлось рубить канат. Как раз тогда потоп ударил и перелился через стены Кулверна, круша дом за домом, и внезапный подъем заставил дюжину Теблоров и морпехов вывалиться за борт. Больше их не видели.

— Оставь, — сказал сержант Муштраф, следя за бурным, полным мусора разливом. — Мы знаем лишь, что их нет на баржах. Штырь с Омсом, да, у них не было ни шанса. Надеюсь, ушли быстро. Остальные? — Он мотнул подбородком, указав на воду, и замолк.

Небо над головами было серым и низким. Иногда плескал дождь, неся вкус соли. Что до потопа, вода была заметно соленой и жутко холодной.

Остальные баржи они потеряли из вида ночью и плыли одиноко, менее пяти сотен ободранных Теблоров и людей — соотношением четверо к одному. Батальонам крепко досталось. Половина Четырнадцатого легиона потеряла боеспособность. Ни доспехов, ни припасов, даже ни одного меча.

Поток тек на юг, поглощая всё вокруг, хотя течение замедлялось. Муштраф прошел на корму, хватаясь рукой за поручень, обходя сидящих. Надстройки на барже не было, руль требовал двоих, только чтобы замедлять кружение судна. Стало полегче, когда трюм начал набирать воду. Сейчас баржа плыла кормой вперед.

Чайки вопили, сражаясь с разнонаправленными ветрами. Иногда спускались тучей, пируя на вздутом трупe лошади или человека, и крики казались Муштрафу слишком похожими на смех.

У руля сидели капитан Грубит с сержантом Шрейкой, там была и капитан Гори-Солома из Третьей роты, потерявшая всех сержантов и почти всех солдат. Обветренное лицо стало рельефной картой печалей, она упорно молчала.

Все мерзли, одежда не сохла. Грубит так и носил пропитанный отатаралом нагрудник, теперь рваный и в пятнах соли.

— Капитан, — начал Муштраф. — Я снова прошелся по списку. И никто не видел их около баржей.

— Поистине мрачный день, — вздохнул Грубит. — Даже сладостное воссоединение Гори-Соломы с Рейли не смогло оживить ее дух, пусть их сейчас больше, чем нас. Увы. — Он помолчал. — Горе одолевает нас бесчисленными не опознаваемыми трупами, что плывут вокруг. Хуже, наша неудача насмешливо кричит с тела каждого проплывающего мимо мертвого Теблора. Не хватило времени, не хватило баржей, мнимое спасение стало гибелью для тех, что перевернулись. Мы плывем, едва наполовину загруженные, и никогда не вытравить мне из глаз зрелище берегов, поглощаемых потопом. Все эти лица, все эти протянутые к нам руки. Боюсь, друзья мои, я сломлен. Навек сломлен.

Все долго молчали. Баржа дрогнула, когда днище на что-то наткнулось — возможно, это была крыша дома или амбара. Течение быстро ее сдвинуло, но казалось, баржа осела еще на ладонь.

Гори-Солома удивила всех, подав голос. — Так начни собирать себя, Грубит. К черту жалобы. Мы сделали что смогли. Да, почти всё шло не так, но могло быть еще хуже. Если бы город не разбил волну, ни одна баржа не уцелела бы. Нам просто не хватило времени, но это не наша вина.

— Мы должны были почуять, — сказала сержант Шрейка. Она потеряла шлем, уже не заплетала косы, и пряди волос свободно вились по ветру. Выглядела она на годы старше, чем два дня назад. — Все эти перемещения племен. Должна была быть причина, но никто не

позаботился узнать.

— Расспросы могли не дать ответов, — сказал Муштраф. — Помогла бы лишь экспедиция на север, и пришлось бы прорубать путь через тысячи Вольных, только чтобы выйти туда, где лежат ответы. Мы знали, что они идут. Не зная, почему.

— Это было записано, — возвестил Грубит.

— Сэр? О чем вы?

— Конец Погрома Джагутов. Конец войны, а с ним уход Омтозе Феллака, распад стен льда и полей мертвого снега, что скрывали последние твердыни Джагутов от Т'лан Имассов. Были мнения, что итогом может стать мощное половодье.

Муштраф хмыкнул. — Вы о каких-то унылых ученых с паутиной в волосах, бормочущих о наводнении над страницами малопонятного трактата? Ну, чтоб меня, и почему никто не внял такому предупреждению?

— По многим причинам, — отозвался Грубит, явно слишком уставший, чтобы реагировать на едкий сарказм в голосе сержанта. — Ученые не говорят громко, ни на бумаге, ни в аудитории. А если кто и возвысит голос, власть имущие не склонны слушать. У них есть более насущные заботы, дорогие мои, нежели гипотетическая болтовня какого-то умника. По большому счету, — закончил он, — имперское образование сосредоточилось на неверных вопросах.

Как оказалось, рядом с ним сидела Скудно-Бедно; последнее заявление заставило ее поднять голову. — Ну, капитан, это интересное заявление. Не откажетесь пояснить?

— На общем языке, Скудна, или на тяжеловесном?

Брови Скудно-Бедно взлетели. — Что ж, сэр, если вы дадите тяжеловеске шанс, сможете услышать ее мнение о вас, искреннее и честное. Решитесь ли?

Улыбка Грубита была усталой, но все же признательной. — Дражайшая Скудна, разве я когда-либо пропускал оказию? Внимайте же, ибо я подниму дискуссию на невероятный уровень. Тяжел мой сапог... Смотри, вон цветок!

Скудно-Бедно фыркнула. — Как свеж аромат! Иль в нем смертный яд? Давайте.

Муштраф застонал и свесился над бортом, глядя на южный горизонт. Одна лишь мутная вода. Позади Грубит повел речь, но сержант вслушивался вполуха.

— ... склонность к сверхспециализации всегда сужает поле зрения разума, дорогая, и каждый градус узости делает многочисленные связи разных областей знания непостижимыми и даже не интересными. Карьера, посвященная изучению отдельного винтика, заставляет забыть о всей машинерии, о цели постройки мельницы, уши не слышат ропота воды на колесе, мысль не помнит о рождении зерна и о тех, кто поедает полученную муку. Пока внятно?

— Я лишаюсь дара речи, сэр, — отозвалась Скудно-Бедно. — Но без точного познания винтика машина не заработает, колесо не завертится, энергия воды будет потрачена впустую, безо всякой цели.

— Не смею перечить, сладкая моя, но ваше возражение кажется не вполне удачным.

— Да, подозреваю, сэр. Правильное обучение должно обнимать обе крайности.

— Как и лежащее в середине. Я посмею...

— Что-то вижу, — вмешался Муштраф, вставая и прикрывая глаза рукой. — Земля? Там холмы?

Остальные торопливо стали у борта.

— Отлично, сержант, — сказал Грубит. — Это Хребты Блуэда. Не вижу ли я также... о

да, выгашенные на берег баржи. Высадка неизбежна, друзья мои.

Муштраф знал, что у Грубита самые острые глаза, и не усомнился в его словах. — Мы слишком глубоко сидим, сэр. Надеюсь, доберемся.

— Если нас отнесет, все заметят наше отчаянное положение. На холмах полно людей, вижу на гребне наблюдателей. Надеюсь, они уже снесли с Блуэдом через садок. Еще приятнее, вижу столбы дыма. Уже разведены костры. Похоже, мы не умрем от истощения.

Муштраф оторвался от борта. — Велю передавать весть из уст в уста, сэр. Иначе мы сбежимся на один борт и...

— Разумная мысль, сержант. В подходящий момент мы развернем баржу рулем и поищем наиболее пологое место для высадки.

Недалеко от группы морпехов Хесталан из Ратида лежала, спрятав лицо в кольце рук. Глаза были полны слез. Она, как никто из ратидов на этой барже, понимала натийский и даже малазанский язык. В ее деревне жил беглец с юга, малазанский дезертир. Сначала его едва терпели, но затем стали уважать. Когда он умер от лихорадки, два года назад, жители оплакали его как родного. Хесталан отлично его помнила, ведь он почти десять лет помогал ей по хозяйству.

Морпехи были странными людьми. Сколько ударов кулаком в лицо они готовы вынести, только чтобы встать снова? Они как будто жили для того, что бросать вызов миру. Да, эти солдаты и офицеры бичевали себя за то, что спасли мало Теблоров. Почти не говоря о своем горе, о своих павших. Составлен список — и ничего больше. Словно на этом ужасное событие закрыто и забыто. О нет, их грызли воспоминания о ратидах, не выгашенных из потока, тех самых ратидах, которые готовы были рубить их без пощады.

Недавно, перед самой зарей, прижавшийся к ней ради тепла Багидде начал шептать на ухо, излагая свои наблюдения. Врагов так мало, что можно просто столкнуть их в воду, убить всех, твердил он, ибо разве они не враги?

Хесталан попросила его перевернуться, чтобы она смогла прижаться сзади и обнять его руками ради тепла. Она так неловко возилась, что он не заметил веревки в руке, которая уже обернулась вокруг шеи. Да, убить лежащего на палубе старого приятеля оказалось просто и быстро.

Пока не рассвело, Хесталан успела поднять и столкнуть тело за борт. Труп плеснул, исчезая в воде.

Голос в полутьме что-то пробормотал по-малазански: слова сочувствия по другу, который не сумел выжить. Она буркнула благодарность и снова легла на доски.

Вот и спасай иных. Некоторые не способны изменить мышление, даже когда мир перевернется, враг стал спасителем, недруг братом. Они думают по-старому, по законам прошлого мира, где насилие было под рукой, как и жажда убийства. Хесталан понимала, но не сочувствовала. Перевернутый мир явил ей лик бога, прежде сокрытый лишь потому, что прежде она была слепа. Что ж, теперь она созрела.

"Я умру за своих морпехов. И буду убивать ради них. Багидде не понимал, не смог совершить странствие сердца. Уверена, так и продолжалось бы. Он сеял бы семена раздора. И я поняла, что нужно сделать".

Морпехи не могли спасти всех ратидов. Ожидать такого было безумием, но безумием столь славным и ошеломительным, что она рыдала до сих пор, скрыв лицо, прижав щеку к мокрой палубе.

Родные и чужаки, все сочли, что она печалится по внезапно умершему Багидде, и

оставили в покое. Но она знала: вскоре подойдет морпех, встанет на колени и предложит выпить из бурдюка — дар драгоценный, ведь пресной воды становится всё меньше — и отойдет, коснувшись рукой плеча, или спины. Коснувшись с сочувствием.

Она знала, так будет. Знала, что это значит. Это значило *всё*.

Омс молчал, ведь сказать было нечего. Голова все так же болела, иногда он терялся, впадая в полное смущение. Они сидели над водой, на вершине холма. Сзади склон шел выше. Далеко на западе виднелись столбы белесого дыма — значит, выжившие добрались туда.

Омса мучили смутные видения. Дикая скачка, которой не было конца. Кошмар наяву, то и дело сменявшийся полной пустотой. Когда сознание вернулось, они со Штырем стояли в тысяче шагов от холма. Трупы лошадей остались где-то там. Он не оглянулся.

Вот тучи разошлись, послав вниз малую толику тепла. Омс сидел в нескольких шагах от сержанта. А тот плакал по лошадям. Плакал и плакал.

Что мог сказать Омс? Ничего.

Рано или поздно — скорее поздно — Штырь утихнет. Утрет грязь с лица и встанет. Омс присоединится, так же молчаливо, и они пойдут на запад. Чтобы найти друзей.

Есть ли смысл в том, чтобы благодарить мертвых? Омс не знал, но это его не останавливало. Он шептал благодарности, едва выпадал подходящий момент. Ему выпал остаток жизни, годы жизни для того, чтобы помнить. В королевстве мертвых созданий, если такое существует, два животных поднимут головы, услышав благодарность, высоко поднимут, чтобы видеть в высокой траве, и солнце окатит их яркими лучами, и его молитва согреет их.

Он надеялся, что будет примерно так. Если нет — позор вселенной!

Сначала там не было где укрыться, но берег наполнился разной древесиной. В топкой грязи лежали сучья и целые стволы, бревна и доски с разрушенных ферм и тому подобная всячина. Вам Хана помогал морпехам другого батальона подбирать материалы. Вместо палаток будут хижины. Первой проблемой стало отсутствие инструментов. Они потеряли свои вещмешки и тюки. Сначала помогло креативное использование магии, затем с юга показался родной обоз, привезя новости о спешащей от Блуэда помощи и тяжелый фургон с саперным снаряжением.

Хижины собирались почти из ничего. Затем появились дома. Лагерь строился по военной схеме, но стал напоминать городок. Три команды морпехов воздвигали подobaющие казармы и столовую, облизываясь при мысли о предстоящем ужине. Вам Хана оказался среди конопатчиков: затыкал щели между бревнами, для чего брезентовые мешки набивали глиной и приносили со всех сторон. К счастью, было лето и переохлаждение им не грозило, но ледяное море сильно понижало температуру, особенно ночами. Не было одеял и матрацев. А значит, в каждом жилище требовались земляной очаг и хорошая вентиляция.

Перемазанные глиной мешки быстро сохли под солнцем, облака сгорали. Вам Хана оказался рядом с Сторпом, хозяином таверны из Серебряного Озера. Тот не стремился к общению, чему Вам был рад.

Он понимал, о чем могут сейчас толковать выжившие из его роты. Проклятие Вама Ханы продолжается. Куда бы ни шел он, следом несчастье и гибель; вокруг него редуют ряды. Он знал, что прочитает в их взглядах. Лучше быть подальше, а потом подать рапорт о переводе. Как можно скорее.

Они перешли к следующему дому, больше прочих. Для семей ратидов. Теблоры возвышались над морпехами. Двое детей сидели у входа на гнилом, негодном для стройки бревне. Трудно было видеть в них детей — они были выше Вама. Голод и шок сделали их вялыми, тусклые глаза следили за Сторпом, притащившем очередной мешок, чтобы Вам Хана набрал пригоршни холодной влажной глины.

— Почему не просите помощи? — сказала девочка, белокурая и с золотистым блеском в голубых глазах. Ее брат лишь тупо озирался.

Вам Хана не сразу понял, что она говорит на натийском, хотя с сильным акцентом. — Ах, — отозвался он, — мы привыкли трудиться командой. Строим везде, куда ни пошлют. Форты, рвы, и каменщики и плотники... — Он замолчал, поняв: она не понимает всех этих слов. И пожал плечами. — Оставьте, мы справляемся.

Сзади Сторп подал голос. — Ты не справляешься, солдат.

Удивленный Вам вздрогнул. — Ну, мне не хуже, чем всегда.

— Вряд ли, — проворчал грузный ветеран. — Тебя прозвали Хана, верно? Катаешься по легионам, словно монета самих Опоннов. Опять потерял весь взвод?

Морщась, Вам сосредоточился на шлепках ладоней, забивающих глину в щели. — Пару друзей.

— Глиняного Таза и Дая.

— Ты уже знаешь, зачем вонзать нож?

— Вот оно как? Я просто гадаю...

Вам Хана сердито обернулся к старику. — О чем?

— Ну, кто назначил тебя Худом Возрожденным? Вот.

— Хотел бы сам знать.

Сторп весь скривился. — Наглый щенок. Не я называю тебя Худом Возрожденным. Ты сам. Все решили, что на тебя весь клятый мир ополчился. Не так.

— Ты не прошел столько взводов...

— Не ссы, солдат, пока не узнал, откуда ветер дует. Я был частью Сжигателей Мостов. Вспомогательные силы, но всё же. Я знал их. Лица. Имена. Погиб бы вместе с ними в тоннелях под Крепью, если бы меня не отправили скучать в Моттский гарнизон. Так кем это меня делает? Дерзким отродьем Худа? — Он покачал головой, сплюнул. — Нет, не делает. Я всего лишь — всего лишь — оказался везучим. Как и ты, верно? Неужели везение приходится красть у окружающих? Лишь Опонны знают. А ты, один из смертных глупцов, бери что дают и будь рад.

Вам Хана смотрел на запачканные глиной руки. — Извини, Сторп. Догадываюсь, ты искренен. Спасибо. Но ведь это сами мои соратники по взводу...

— Ага, тем самые, что просили за тебя? Те, что выследили меня и умоляли не спускать с тебя глаз? Именно они?

Вам уставился на старика.

— Думал, они подстилали бы тебе солому на каждом шаге, если бы презирали? Или думал, ты реально проклят? Ты не проклят. Они проверяли. Морпехи знают, что в этом мерзком мире говно валится на всех, не разбирая, и все успевают им провонять. — Он выпрямил спину и утер лоб, глядя на извитую тропу прохода. — Вот регуляры, те другие. Эти суеверны до чертиков. Но тебе почти не придется с ними работать. Хотя сейчас другой случай.

Вам Хана повернулся, следя, куда глядит Сторп. Три солдата тащили к нему тележку,

грубо сколоченную, но с настоящими колесами. Он не сразу их узнал. *"Проклятие, те самые"*. Он стряхнул подсохшую глину с ладоней и начал: — Нет, я не должен вам выпивки.

Самая молодая из сестер неловко подняла плечи. — Мои сестрицы полны говна, морпех. Когда у нас много свободы, говно вытекает.

Тележка была загружена мешками с глиной. Старшая — кажется, ее звали Летунья — сказала: — Мы уже поняли, от работающих морпехов лучше держаться подальше. Тупые регуляры, от нас одна помеха.

Сестры принялись разгружать мешки.

— Но месить глину, — продолжала Летунья, — для этого мы сделаны, верно? Рада видеть, Сторп. Хорошо, что успел.

— Благодарю. Но знай, сейчас не время Скачке пускаться в свои шуточки. И тебе, Промашка. Не здесь, не с этим морпехом.

Летунья вздохнула. — Не нужно напоминать, Сторп. Мы пришли загладить обиду.

Сторп хмыкнул.

Скачка засмеялась: — Знаю, мы такие неловкие... Но это потому, что не привыкли стыдиться, понятно? И уж точно никогда не извинялись.

— Забудем, — сказал Вам Хана. — Большой обиды не было. За глину спасибо.

— Что ж, — заметила вторая сестра, Промашка, — забивать глину между бревен нетрудно. Мы уже посмотрели. Тебя ищет сержант, Вам Хана. Она у столовой. Ищи ее в хижине для снаряжения за поленницами.

Когда Вам заколебался, Сторп сказал: — Иди, я поразвлекусь видом работающих женщин. И напомню этим солдатам, что последний счет не оплачен.

— Хорошо. — Вам Хана поглядел на сестер, на Сторпа, на детей-Теблоров, что слушали их разговоры, едва ли понимая. — Догадываюсь, идти нужно.

Он ушел.

Отдельная команда трудилась у столовой, передняя стена была почти закончена. Вам миновал их, обогнул боковую стену — точнее, ее скелет из брусьев. Зашел за дровяной склад. Увидел хижину, однако косо висящая дверь была закрыта.

Вам Хана огляделся, никого не увидев. Ну, наверное, она уже чем-то занялась. Увела взвод счищать кору с бревен или собирать хворост.

Дверь открылась. — Двигай сюда, солдат!

Вам подошел ближе. — Тут малость тесно для...

Она схватила его за ворот и затащила в полутьму. Дверь с грохотом закрылась. — Вылезай из одежды. Быстро. Я ждала слишком долго. — И тут же ее руки были на нем, повсюду, губы крепко прижались к его губам.

"Завтра мы об этом пожалеем. Но сейчас сегодня, и мы еще живы. Может ли морпех ожидать большего?"

И тут слетели последние одежды и останавливаться было поздно, особенно когда Шрейка засунула ему в рот плотный локон чистых, однако чуть солоноватых волос.

Было важно хранить секрет и не было времени отвлекаться, и Водичка вела свой отряд в странном медленном танце между убогими домишками, которые видела лишь она сама. Сзади Глиняный Таз обеспокоенно спрашивал, не получила ли она еще один удар по голове, или снова потеряла чувство равновесия, или неспособность Аникс Фро ходить прямо оказалась заразной и перекинулась на Водичку и ох, пора проверить их на укусы ласки, ведь

разве ласки не бегают зигзагами? Наконец Водичка стада мечтать и даже примериваться, нельзя ли вернуться в реальный мир таким образом, чтобы Глина материализовался над выгребной ямой.

Но удачи не было. Они оказались в неподходящем месте. Похоже, она вывела команду в середину наспех построенного города. Как ни странно, место вполне подходило для перемещения.

Выжило больше морпехов, чем она надеялась. Лучше того, они тут успели подсушиться, и ее команда больше не будет спать без крыши над головами, в окружении монстров, ласок и Даева храпа. Приятно было понять, что дела решаются и без них. Мир привык молотить нас кулаками в лицо. Как насчет некоего разнообразия?

Она нашла место, которое казалось тихим. Собрала всех за спиной. Помедлила, оглядываясь. Поразительно, все выжили. Никаких Гончих, а встречные чудовища оказались не особенно голодными. Она знала: остальные видят лишь унылый, выжженный пейзаж Эмурланна. Охряные холмы, равнины, далекие рощицы причудливых деревьев. Знала, что они истощены и плохо спят. Хуже всего, у Аникс Фро заканчивался запас ржавого листа, и когда он совсем окончился, случится дурное. Особенно с окружающими.

Водичка вздохнула. Бенжер смотрел на нее, плоское уродливое лицо стало совсем обалделым. Глина тащил ребенка-Теблора, как и каждый взрослый Теблор нес на руках одну или две уменьшенные копии себя. Одна девчонка несла щенка. Даже Аникс приняла на руки сосунка с комком травы во рту, отчего щеки выпучивались как у самой Аникс. Дай по неведомой причине решил сесть на землю сзади всех.

— Что видишь? — спросил Бенжер.

— Призраков.

— О, чудно, — взвилась Аникс Фро. — Ты завела нас в королевство самой Смерти.

— Не таких призраков, — ответила Водичка. — Они живы, просто призрачны с этой стороны.

— Морпехи?

Она кивнула. — Да. Я намерена открыть путь, и мы пройдем туда. Всем построиться. А ты, Бенжер, хватайся за меня, но постарайся не хвататься за такое место, чтобы я вогнала тебя нож в глаз.

— Не схвачу.

— Не схватишь?

— Ну, точно нет. Обещаю. Ты прекрасна, не спорю, но на смертельный, устрашающий манер.

Она нахмурилась, гадая, о чем это он. Затем, пожимая плечами, отвернулась. — Ну, за мной, — сказала она, создавая портал двумя легкими жестами рук.

Теплый соленый воздух овеял лицо. Пахло хорошо, если бы не смутные примеси чего-то неприятного.

Она вышла на широкую луговину. Поблизости лежали свежоопуренные бревна, рядом груды сучьев. Напротив стояла лачуга, из которой доносились странные звуки.

Дай вдруг оказался рядом, прошел к лачуге. Открыл дверь, уставился внутрь, затем отшатнулся и закрыл.

— И? — потребовала Водичка.

Он пошевелил плечами. — Мы дома, и всё путём.

Тяжелая пехота смутит любого, не правда ли? Она их совсем не понимала. — Идем по

главной тропе или улице, как хочешь называй. Вижу на берегу очень знакомые лица.

— Точно? — спросила Аникс Фро. — И нам не говоришь?

— Точно, и вот вам говорю. Вперед.

Она снова вела всех.

Какое-то движение заставило Фолибора поднять голову. Он как раз думал о... погодите, о чем же он думал? Солдат поскреб в бороде, глаза прищурились, когда какая-то Теблора закричала и метнулась в толпу, и тут же вышла из толпы, пятясь, уже с крепко прижатым к груди ребенком, а крик стал плачем. К ней присоединились другие Теблоры. Плач, сообразил он, отдает радостью.

Кожух крикнул рядом. — Кого я вижу, Водичку? И Бенжера. Аникс и Дая.

Тяжеловесы вскочили на ноги. — Приведу сержанта с капралом, — сказал Кожух. Шлепнул Фолибора по плечу. — Снова вместе.

Фолибор кивнул. — Снова вместе, — ответил он, хотя Кожуха уже не было.

Водичка подошла к нему. — Думала, вы мертвы.

Улыбаясь, Фолибор отозвался: — От тебя мне день светлее, Водичка.

Она оскалилась. — Чего тебе?

— Уже ничего, — сказал он, делая шаг и заключая ее в медвежьи объятия.

Она забилась в его руках, но тут же обмякла.

— Боги, — бурчал он, — что за вонь?

— Откуда мне знать? Мокрая собака?

На закате капитан Грубит привел Муштрафа и Шрейку к берегу, где кулак Севитт расположила штаб на барже. Они взошли по трапу, найдя женщину-офицера одиноко стоящей на корме.

Муштраф, разумеется, прежде видел кулака лишь на расстоянии. Когда-то она служила в морской пехоте. Это он слышал. Похоже, служила среди тяжелых, будучи столь мускулистой, что явно могла бы повалить человека наземь тычком щита. И прикончить одним ударом пятки.

Она обернулась. Муштраф удивился, видя, что лицо ее покрыто веснушками. Не канези, скорее из фаларийцев. Хотя есть ли разница? Нет. И да. Мало кто считал, что канезцы созданы для армейской службы. Среди них одни художники. Философы, ученые и так далее. Вот так Муштраф составил предубежденное мнение о кулаке своего легиона.

А она оказалась фаларийкой. Если какой народ завоевал себе первое место в истории малазанской армии, то жители Фалар. Буян. Геслер. Йербек. Келлис Выбираю-Место. Бесконечный список.

Она хмуро смотрела на них.

— Кулак? — обеспокоенно спросил Грубит. — Всё ли в порядке?

— Разумеется, нет, капитан, — ответила Севитт. — Но рада слышать, что ваши пропавшие товарищи нашлись. С самого начала боялась, что посылаю ваши три взвода туда, откуда не возвращаются.

— Вполне сносно, мэ, — сказал Грубит. — Вскоре нам придется послать разведку, чтобы определить судьбу компании Балка. Маги Неррузе сообщают, что наводнение имело наибольшую силу к западу отсюда. К тому же лес мог задержать поток воды. Подозреваю, мы видели этих людей не в последний раз.

Она кивнула. — К западу. Верно. — Помедлила, выпрямляясь, не смотря Грубиту в глаза. Тон стал официальным. — Боюсь, мне придется сообщить вам о потере двух батальонов, расквартированных в Нинсанском Рве. Кажется, потоп там был сильнее виденного нами.

— Выживших нет, мэм?

— Насколько нам известно — нет. Думаю, в список потерь можно включить две армии северных туземцев и Теблоров. Ратиды среди вас могут быть последними из своего клана.

Шрейка дернула Муштрафа за локоть, метнула ему взгляд. Кивнув в сторону востока. — Там двое, — сказала она тихо. — Пешие.

Он прищурился. Было слишком темно, чтобы различить детали.

— Знаю, — сурово говорила Севитт, — тоска стала госпожой морпехов. Поняла по себе. Но поняла еще, — добавила она, поворачиваясь к новому морю, — что последствия неизбежны.

Грубит сказал: — Сержант, что так манит ваш... ах, милые мои! — Он поглядел на Севитт. — Кулак, рад доложить, что в моих взводах потерь нет.

Она оглянулась через плечо, глаза сузились. — Отлично, капитан. И последнее: доведите до всех мой приказ. Немедленное выступление. Включая всех беженцев.

— Немедленное, мэм?

— Да. Нужно быть на дороге к Блуэду как можно скорее, желательно к полудню. Беженцев поставить впереди. Как можно дальше от береговой линии.

Муштраф нахмурился, удивляясь, что же пропустил. Поглядел на капитана: тот вдруг сильно побледнел.

— Понятно, мэм.

— Можете идти.

Грубит махнул рукой, веля сержантам идти к трапу. Они шагали навстречу двоим соратникам.

— Как дела у Бенжера? — спросил Грубит спокойно. — Сила не вернулась?

— Говорит, еще в пути, — отозвалась Шрейка. — Пока у нас только Глиняный Таз. Конечно, в других взводах...

— Только при абсолютной необходимости, — отрезал Грубит. — Омс ведь один из нас. Но благие боги, он выглядит ужасно.

"Штырь", мысленно ответил Муштраф, *"выглядит не лучше"*.

— Нужно отыскать фургон и отправить их поутру, — заметила Шрейка.

Капитан фыркнул. — Милая, вы отлично знаете: они откажутся. Нет, мы пришли сюда вместе и вместе уйдем. Или ваше колено готово подломиться? Предсказуемо.

Шрейка криво улыбнулась Муштрафу и пожалала плечами. — Всё подмечаете, сэр?

Он кивнул, глаза блестели. — И никак иначе.

*О доблести не спрашивай героя
Прости, коль не захочет он
Смотреть тебе в глаза, покуда ищешь
Того, что невозможно объяснить*

*Изнанка, что открыта лишь ему
И кровь из жил, и ран глухие стоны
Ошибки — их не взять назад
Упущенные шансы, память обо всём
Что видел он, а вот избыть не в силах
Кошмаров алых корни, узел из ладоней
Тех рук, которых он не удержал
Подумай: вот незримое страданье
В нём вечно бьется то, что он свершил
И то, что не успел
Меж вами пропасть, не построить мост
Не спрашивай его, оставь и уходи
Не оглянись, да не увидишь взгляд украдкой
Мол, кто ты и чего сейчас хотел?
Пусть он вернется в тишину
В скрежещущую тишину
В которой он грызет себя — не пожелаешь
Такой судьбы и славы никому
Кого он спас, кого он потерял
На чаши не положишь жизни, взвесив
Что было, ныне есть и вечно будет
Гореть в нем стыд и горькая вина
О доблести не спрашивай героя, да не скажет
Что не сумел
Что сделал слишком мало
И это "слишком мало" — навсегда*

"Не спрашивай", Гереслан

— *Отправимся в дорогу.*

Голос едва шептал в уме Рента. Он успел решить, что железный нож стал для плененного духа тюрьмой безмолвия. Она сама так говорила. Но сейчас ее голос раздался в голове.

— *Отправимся в дорогу, сын Карсы Орлонга. Бог с Разбитым Лицом пронизывает тебя, но вряд ли его эманация несет дары. Твоя сила — твоя собственная, как и твои сомнения. Но душа твоя плывет, освобожденная от уз плоти, освободив и меня неведомым*

путям. Пойдешь со мной?

Они разбили лагерь на холме, далеко от залитого водой леса. Жекки голодали. Наемники отправили отряды к отдаленным селениям, с полными золотом Жекков кошельками. Делас Фана сомневалась, что хоть один отряд вернется. Шли разговоры о том, чтобы забить теблорских лошадей, и Пейк Гилд требовала скорее уйти, прежде чем Жекки обезумеют и нападут на них.

Насколько понял Рент, ближайший город был за десятки лиг к западу. После ухода двух малазанских морпехов началась какая-то тревога, командор Балк выслал солдат на преследование. Рент прошел мимо них на пути назад.

И никому не рассказал о том дне. Ведь он убил двух наемников. При одной мысли ему становилось плохо. Но Балку он не доверял. Те мужчины и женщина унесли морпехов в лес и намеревались убить. По приказу Балка? И новые отряды были высланы с той же целью? Весь этот случай смущал Рента.

Он не видел Говера и Нилгхана после панического отступления из затопленного леса. Вода прибывала быстро, но не так стремительно, чтобы обогнать людей. Делас считала, что лес ее замедлял. И боялась думать, что же случилось западнее.

Вскоре они уедут, следуя гребням холмов. Возможно, едут они навстречу войне. Рент с грустью прощался с друзьями, но те были заняты. Вполне понятно. Исход сородичей — вот главная их забота. Говер даже смягчил отношение к брату, отменив изгнание.

Рент сейчас сидел один, в отдалении от стоянки, на которой хозяйничали Пейк Гилд и бывший раб Велок. Лошади остались там же. Спина была прижата к торчавшему на вершине холма валуну. Лицо обращено на север. Потоп не дошел до этой равнины, но вдалеке он различал блеск волн. Вся эта местность, пояснила Делас Фана, лежит выше западных регионов.

Солнце катилось к горизонту, но дневное тепло никуда не делось. Рент сомкнул глаза и сказал: — *Да. Я буду с тобой.*

И внезапно был поднят в небо, лишь сознанием, ибо поглядел вниз и мельком увидел свое тело, неподвижно сидящее спиной к валуну. — Я умер?

— *Нет. И вернешься без вреда для себя. Тело внизу — лишь скромное вместилище, Рент, определяющее и размеры души. Более того, его ограничения делают слабыми твои чувства. Эти законы необходимы, ведь во плоти ты должен заботиться о сохранности тела. О выживании. Но это не законы души. Всё это, Рент, верно для всех смертных.*

Они еще поднимались, пейзаж внизу уменьшался, раскрываясь шире. Рент ощутил дрожь восторга. — *Мы летим. Вот на что похож полет! Помню твои крылья, Тройка. Ты знала такое всю жизнь, издавна.*

— *Так раскрывается мир,* — отозвалась она. — *Смена перспективы, а с ней и новое понимание. В этом месте, Рент, можно раскручивать время. Можно выбирать, что мы увидим.*

Он не вполне понял сказанное. Пока что они прекратили подъем и начали смещаться к северо-западу.

— *Значит, назад,* — шепнула она. — *Увидеть нужное. Ты можешь удивляться, к чему это. Терпение. Смысл появится, и ты поймешь.*

Он видел внизу разлив вод. В лесу они оказались на краю катастрофы, но сейчас открылось всё. Земля пропала. Серебряное озеро, высокие скалы над северным берегом полностью исчезли. Пики северо-западных гор стали островами, и вода еще пенилась, буйно

проносясь меж ними. Новое море тянулось на запад, насколько он мог видеть.

— *Это сейчас, Рент.*

И это было... ужасно.

— *Омтозе Феллак отпущен. Древняя магия сокрушена. Теперь посмотрим на недавнее минувшее.*

Казалось, мир внизу растворился в сером мельтешении. Ренту не сразу осознал, что видит потоп в обратном движении. Они летели на север, и Рент смотрел вниз, созерцая жуткое наводнение — как оно ползет назад, сливаясь в стремительные реки в горных перевалах.

— *Видишь тонкую линию на северо-востоке, Рент? Это стена льда, сдерживавшая северное море. Но погляди налево, на северо-запад, где стена преградила проходы между высоких гор. Там было сердце Омтозе Феллака, запертое в горных пещерах, в местах, окруженных ломаными костями Т'лан Имассов, разорванными телами Форкрул Ассейлов. Запертое плетением безумной магии самого Икария.*

Эти слова и необычные имена ничего не говорили Ренту, но он не хотел прерывать ее излияния. Они близились к одному такому проходу, где отвесная стена льда медленно восстанавливалась.

— *Здесь был первый прорыв, — пояснила Тройка. — Одна узкая щель для выхода целого моря. Ты видел итог. Но прорыв здесь ослабил давление на стены к северо-востоку. Видишь, как вода отступает, грызя стены по всем сторонам, и лед начинает крошиться восточнее, выпуская на юг массы воды.*

Внезапно они изменили путь, двигаясь намного быстрее.

— *Но сейчас, Рент, пристальнее поглядим на голую тундру сразу к северу от великого леса, где вы нашли убежище. Где воды потопа достигли опушки... вот, к северу и востоку от городка, в котором ты рожден...*

Они спускались, тундра стала различимее — широкие провалы в почве, обрывы и низкие курганы — и там на холмике стояла фигурка, длинные серебристые волосы выются на бешеном ветру, руки распростерты.

— *Сука-Война, дитя Зимних Волков, последняя из зверобогов древнего Оплота. Потоп должен был обрушиться на ваш лес, Рент, с куда большей мощностью, большей скоростью. И той высокой волны, текущей вперед, ломающей деревья на своем пути, вы не пережили бы. Ни один из вас.*

Твои спутники — Жекки гадали, куда пропала Сука-Война. Смотри же, сын Карсь Орлонга. Даже я не понимаю происходящего, ибо у нее не было сил на такое деяние. Совсем не понимаю. Смотри же, Рент Проклятая Кровь, и свидетельствуй.

Так он и сделал. Став свидетелем того, как одинокая женщина, столь прекрасная, сильная и вольная, извлекла из себя все силы, чтобы сдержать целое море. А потом, не справившись, сражалась, чтобы замедлить его безумный поток, и холм стал островом, и вода поднялась выше нее, вода старалась сокрушить ее, унести изломанное тело.

Но она сражалась против всего мира.

"Спасая нас. Спасая нас всех".

Время опять потекло назад, к моменту, когда водяная башня сжала Суку-Войну со всех сторон.

— *Вот этот миг. Происходит нечто невозможное. Ну, станем мы смотреть на ее гибель?*

Позже Рент решил, что Тройка не ожидала произошедшего. Он не думал, что она могла вообразить бурю, что вырвалась из души его, забирая весь гнев, который был в нем и в малазанском ноже. Гнев на полное страданий детство, когда дитя еще не способно понимать. Понимать причины ненависти, презрения, жестоких слов, видеть море слепой злобы, в котором он тонул дни и ночи, каждый миг жизни.

Было так много возможностей изменить этот гнев. Он мог стать насилием. Мог перейти к следующей жертве. Мог обратиться внутрь, пожирая душу. Мог яриться всю жизнь, бурля под видимо ровной поверхностью, готовый вырваться в любой миг.

Его сила была дикой и порочной, ослепляющей и одуряющей.

Рент собрал гнев в свои объятия. Он мог сделать с ним не только такие простые вещи. Он уже не был ребенком, и никогда им не станет.

Гнев растянулся, ища тысячи иных источников в иных местах, все раненые души страдающих детей. Он тянул из племен Теблоров, носителей диких и жестоких законов. Они берегли своих детей, но потом передавали им кровавое наследие. Законы насилия, законы набегов и убийств, законы разбрызгивания семени и кровяного масла.

Взял он и страдания без гнева, ведь гнев неподвластен младенцу — пройдут годы, прежде чем он научится хотя бы выражать его. Младенец лишь принимает жестокие удары, израненный. Вот семена, что однажды прорастут, питаемые жаром нужды.

Рент собрал всё это в объятиях. И отпустил. Создавая свое море, свою воронку бешеного потока — достаточную, чтобы потянуться вниз, ломая само время.

Ибо она не справлялась. Она умирала.

Но он... он — совсем иное дело.

Сука-Война чувствовала, что проигрывает. В последние мгновения, отрицая невозможность, она тянула к себе последние пелены поклонения — от Говера, от Каснока, от немногих сотен Жекков, что еще веровали в нее. Но их не хватало. Без дара веры всех Жекков она попросту не могла собрать нужной силы. Слишком тонки были потоки между ними, слишком редки связующие нити поклонения, любви и служения.

Почти все новые боги не понимают. Они не ведают необходимости служения, которое должно двигать руками или лапами бога. Не понимают идеи воздаяния. Но мало кто ее понимает, бог или смертный.

"Быть объектом веры — это обязательство. Лишь исполняя обязательства, ты становишься достойным веры".

Сумела ли она? Нет. Потоп нависал над ней башней, массой белой воды и гигантских нагромождений ледяных глыб, ревел и кружил у холма. Сокрушал всё на пути, пожирал редкие деревья, северную границу великого леса. Тек дальше, южнее, поглощая дерево за деревом, вырывая их с корнем, волоча толстую, губительную стену обломков.

Она не сумела.

Медленно руки стали опускаться, пустота в центре водоворота сужалась.

"Ну, я хотя бы славно потрахалась перед..."

Вдруг тепло окутало ее, будто кто-то обнял сзади. Она ощутила, что отрывается от почвы. Мускулистые руки крепко держали ее.

Лицо прижалось к левой щеке, к густым волосам. Голос шепнул в ухо.

— *Здесь никто не умрет.*

Она грубо рассмеялась в ответ. — Незнакомец, благодарю, но поздно, слишком

поздно...

— *Я хочу передать тебе кое-что...*

— Слишком поздно! Сейчас мои дети умирают...

— *Мы повернем это обратно,* — сказал голос.

Всё в этом голосе противилось разуму. Он был слишком спокойным, слишком уверенным в себе. Более того. Он звучал как-то неправильно. Она силилась понять, почему, хотя ощущала силу рук, жар дыхания на щеке.

— *Во мне кое-что есть. Оно идет от всех тех, что не понимали, не понимают. И могут никогда не понять. Чего еще было ожидать? Мы были не готовы.*

Искаженные лица взрослых. Чужаки, или отцы, или матери, их руки хватают нас, бьют по лицам. Все слова, что ранили нас, ломали изнутри. Все войны против того, чем мы были, какими рождались. Все брошенные камни, все пинки и оплеухи... понимаешь?

Она слышала боль в голосе, но не просто его боль. Он собрал ее со всего мира? Возможно ли такое?

— *Непонимание: оно тонет в земле и камне. Непонимание окрашивает стены спальни, потолок и слишком короткую кровать. Непонимание делает сочащийся в окно свет тусклым и холодным, ведь он не для тебя.*

Боль сузилась в луч, и в груди ее родилось страдание.

— *Вот он, весь гнев. Для тебя. Я собрал его. Он твой.*

— Я не твое божество, — сказала она.

— *Мне всё равно.*

— Ты не можешь просто...

Ее заполнило что-то громадное и громящее. Оно унесло все возражения. Видения хлынули, множество разрозненных сцен, увиденных глазами детей. Она смотрела глазами детей на насилие, которое бушевало вокруг. Покинула свою душу, теперь видя эти глаза со стороны — у каждого убитого, убитого человеком или диким зверем — нет разницы, кто кого убивает, ведь невинные способны лишь погибать. Так уж повелось: выжить означает — убить свою невинность.

"Невинные", повторила она, *"способны лишь погибать"*.

Теперь она поняла, что такого странного было в этом голосе. Крепкие обьятия обманывали. Его высота, его сила были лишь иллюзией.

Голос, поняла она, принадлежал ребенку.

Пока сила переливалась от него в нее, изливалась из нее на мир, мир начал меняться. Она смотрела, сама не понимая, как время обращается вспять. Назад и еще назад, пока она снова не увидела стену воды.

Но на этот раз, едва вода ринулась, она взяла доверие детей — такое быстрое, что было трудно разглядеть — и подняла пред валом воды. Оно предстало чистейшим льдом, блестящим, словно поглотил весь свет солнца. Столь чистым, что ослепил ее.

Бегущий поток ударил в новую стену, и тотчас же дикое буйство утихло, словно лишившись сил. Новая ледяная стена почти сразу начала крошиться, образуя щели, вода сочилась наружу, но далеко не с прежней энергией.

Она смотрела из этого вневременного места, став свидетельницей замедления потопа, постепенно заполнявшего лес. Ее островок остался сухим. Она поняла, что не дышит. Заперта между вдохом и выдохом.

— Теперь я могу умереть?

Ребенок ответил: — *Нет. Я тебя не отпущу. Устал терять людей.*

— Людей?

— *Или богов.*

— Тебе не остановить их всех, дитя. Ах, знаю твое имя, но не смею возгласить, не смею разбудить кровь того, кому ты родня. Что знаю я о точке зрения твоего отца?

— *Больше, чем я,* — сказал он с какой-то печалью. — *Но однажды я пойму.*

— И тогда?..

Он вздохнул. — *Не знаю.*

— Дети, от которых ты брал силу... они не поклоняются мне.

— *Я брал то, что они оставили позади. Оставляют и сейчас. Когда ты осознаешь этот момент, как бы сказать... момент непонимания, незнания, ты можешь лишь... отбросить его. Оставить на полу. И уйти.*

Она качала головой. — Ты не оставил его, дитя. И сам знаешь. Верно? — Она помедлила и вздохнула. — Ах, прости. Это я не понимаю. Я ошибаюсь. Ты оставил его за спиной, верно?

Он кивнул, не знаящая бороды кожа была мягкой у ее щеки. — *Потому и смог собрать это. Всё это непонимание. Ведь оно имеет и другое название.*

— Невинность, — прошептала она. — То, что мы оставляем позади. То, от чего уходим рано или поздно. О да, ты можешь оглянуться и назвать ее "невежеством". Но лишь потому, что забыл, что именно потерял.

— *Оставить позади трудно,* — подтвердил сын Карсы Орлонга. — *Нет, не трудно. Это тебя бесит. Делает гневным. Но ты сам не понимаешь.*

Однако она понимала. — Ты не связываешь гнев с потерей невинности. Мало кто понимает.

Воздетые руки медленно опускались. Время потекло вперед. Потоп снова занял лес, но походил он скорее на весеннее речное половодье. Это можно пережить. Они даже перегонят его. А она была жива, хотя готовилась к смерти. Открылись новые возможности, ясные и чистые — как дарованный ей лед.

Его объятия постепенно слабели. Она хотела выйти, обернуться и поглядеть ему глаза, но руки опустились на плечи, без усилий задержав на месте. — *Мне не следует быть здесь,* — сказал он.

И пропал.

Сука-Война огляделась: вода напирала, угрожая залить остатки островка.

— *Догадываюсь, пора уходить,* — пробормотала она, радуясь, что дышит. Вдох и выдох. Вдох и выдох.

Новые возможности. Как оказалось, Говер подарил одну, от которой она уже успела отказаться. Как от бессмысленной и докучной. Но теперь... *"Что же, позволь мне взять в себя немного твоей чистоты, этого яркого дара, о котором мы слишком часто забываем. Снова стать матерью.*

И на этот раз судьба моих божков сложится иначе".

Она подняла голову. — Благодарю тебя, Рент Проклятая Кровь.

— *Неожиданно,* — только и сказала Тройка, отпуская его. Рент открыл глаза. Казалось, прошел едва миг, как он был похищен из тела. Руки и ноги не затекли, камень еще не охлаждал спину.

Кто-то приближался, Рент встал и обошел валун. Увидел Нилгхана и Говера, застывших на месте.

— Это он умеет, — пробормотал Нилгхан. — Тихий, как заячьи лапы. Как фазан в траве.

— Рад вас видеть. Мы завтра уходим.

Кивнув, Говер сказал: — Очень вовремя. Уходите как можно быстрее. Советовал бы этой же ночью, под покровом глубокой тьмы.

— Вот почему, щенок, — добавил Нилгхан, — мы здесь.

— Сказать до свидания.

Рент неловко отвел глаза. — Не люблю расставаний.

— Бывают расставания плохие и хорошие, — сказал Нилгхан. — Покидая великое логово южан, я держал спину прямо и голову высоко. Ведь я выжил в самой гуще врагов, на их переполненных улицах, под их глупыми законами. Я отверг их порочные пути...

Говер фыркнул: — Не во всем.

Нилгхан сверкнул на брата глазами и кашлянул, усмехаясь. — Почти во всем. — Он глядел на Рента. — Сука-Война взвалила на тебя целую гору, щенок. Все эти ожидания. Сказала, ты должен будешь нас спасти. Это было нечестно — и хорошо, что она пропала. Если вообще существовала вне пустой головы моего братца.

— Но довольно об этом, — продолжал он. — Если нам придется разбиться на своры и попытать удачу на Ривийских равнинах, что ж, кто-то выживет. Уверен.

Говер вмешался в болтовню Нилгхана: — Тот морпех, что обещал нам помощь империи, скорее всего утонул. Или сидит где-то на крыше сарая. Балку мы мало верим. Как видишь, мы предоставлены самим себе.

— Выжили, только чтобы медленно умирать, — оскалился Нилгхан в дерзкой ухмылке. — Но не беспокойся обо мне и этом жирном владыке рядом. Мы дойдем, даже если весь род не сумеет.

— От тебя сейчас никакой помощи, брат, — сказал Говер, опираясь спиной о валун, руки на груди. — Думаю, Сука-Война мертва. Верю, что потоп был замедлен ее властью. Я видел во снах странные вещи, особенно прошлой ночью, когда все было тихим и темным. Она ушла, а что до ее веры в тебя, Рент... ну, ты можешь смотреть иначе — как мой брат, например — но, если бы мы не странствовали с тобой, мы погибли бы. Так что, на мой взгляд, ты нас спас.

— Она жива, — заверил его Рент.

Улыбка Говера была слабой. — Ради тебя, друг, я удержу надежду еще на несколько дней. Ведь вера часто получает в ответ молчание, и кто мы такие, чтобы сомневаться?

Рент нахмурился. — Не нравится мне мысль покинуть вас. Но Пейк Гилд твердит, что лошади в опасности, даже когда их охраняют теблорские псы. У нас тоже нет еды, псы покидают нас, чтобы охотиться у берега.

— Что намерены сделать и некоторые мои своры, — кивнул Говер. — Но среди всей этой плавучей древесины не найти ни одного трупа. Что странно.

— Не особенно, — сказал Нилгхан. Он смотрел на север. — Вода слишком тиха. Ни течений, ни приливов. Мертвые звери остаются в лесу, запутались в сучьях. Вот что я думаю, и мысли мои разумны.

— Вероятно, — согласился Говер. Оторвался от валуна и подошел ближе. — Пожмем руки, Рент Проклятая Кровь, на манер южан. Думаю, это хороший обычай. Быстрее скачите

на запад. Говорят, холмы прорезает дорога. Найдите ее и приедете к городу...

— К великому логову, — вмешался Нилгхан, — под названием Оундос. Берегись женщин, требующих денег после игр с твоим членом. Они не понимают, что такое привилегия.

Рент и Говер коротко стиснули ладони друг друга. Затем Говер отпустил руку и отошел на шаг. Повернулся, закрыв лицо рукой, и пошел к стоянке Жекков. Рент смотрел вслед, удивляясь столь краткому прощанию. И решил в итоге, что Говер весь озабочен проблемами своего народа.

Нилгхан усмехнулся ему. — Мой брат глуп во многом, но на этот раз явил мудрость. Закончим быстро, щенок. Скажу лишь так: я назвал тебя щенком в последний раз, ведь ты вырос. И прощаю за удар в лицо, да, и знай: ты единственный, кого я простил в жизни за такую обиду. Сегодня я говорю до свидания Ренту Проклятая Кровь. — Он нагнул косматую голову и пошел за братом.

Лишь чтобы остановиться и резко обернуться. — Его жены завидовали тебе, укравшему его сердце. О, не как могла бы очередная сука, но прежде их супруг не знал дружбы. Пока не нашел тебя. — Он помахал рукой и двинулся дальше.

Уже три друга оставили его. Три первых друга. Вот на что похожа жизнь! Другие интересы уносят одного за другим. Их внимание к тебе остается слабым, так легко отвлечься на иное. Он видел такое среди детей Серебряного Озера: многие вырастали и покидали друзей, заводя отдельную, личную жизнь.

Разве сам он не таков? Не готов расставаться? Сейчас с ним Пейк Гилд, женщина, занявшая место между двух сердец. И сводная сестра Делас Фана. Он гадал, насколько хрупки родственные узы, ведь она уже кажется отдаленной. Почему бы ей быть иной? Они почти равны по возрасту, но он сразу увидел в ней взрослую женщину. Она была во многих местах и видела невообразимые для него вещи.

Удивляться ли, что она видит почти ребенка, неопытного во всех важных вопросах. Если сравнить, он мало что сделал в жизни.

Нашел трех друзей, потерял трех друзей.

Он вытер глаза, рука коснулась шарика на рукояти ножа. *"А ты? Однажды тоже меня бросишь?"*

И голос в голове ответил: — *Никогда.*

Балк сидел на кровати, лицо утонуло в ладонях. Он давно молчал и не двигался. Устав ждать реакции, Ара вышла и принесла складной стул. Села напротив, выждала еще и сказала: — Ты сделал что мог, Андризон. Мы не знаем, что случилось в лесу. Почему не счесть три найденных трупа счастливым знаком? Морпехи выжили.

Он уронил руки, поднял глаза. — И думают, что я отослал их с тремя убийцами.

— И что такого? — сказала она.

Его глаза раскрылись шире.

Ара отвернулась, едва слышно выругавшись: — Дранные мужики. — Подалась вперед, смотря ему в глаза. — Сержант Штырь дал обещание владыке Касноку. Жеккам. Не тебе, Андризон.

— Думаешь, он ушли от потопа?

— Трехлапый пес ушел бы от такого потопа. Мы слышали его куда раньше, чем увидели. И вряд ли они прибыли к нам, не оставив поблизости лошадей. О да, думаю, они

выжили.

— А рассказы Делас Фаны? Вторжение? Война на западе? — Он рубанул рукой воздух. — Похоже, Штырь уехал напрямик в кошмар. У малазан много других забот, не думаешь?

— Возможно, — согласилась она.

— Не просто возможно, а вероятно! — Балк резко встал. Сделал несколько шагов и вернулся к койке, сел, уперев руки с бока, глядя на пыльный пол. — Наверное, даже хорошо, что моя компания тает — отряд за отрядом. Если я уязвлен, Ара, то по собственной глупости. Раздавал золото — причем даже не собственное — и надеялся, что покупаю верность. Хотя бы одного человека в целой компании.

— Одного было бы слишком мало. Другие зарубили бы дурака.

— Знаю! — крикнул он.

— Ты не мог сделать ничего другого. Разве что поехать самому, со мной и тремя-четырьмя самым надежными людьми. Ты прикрывал бы мою спину, а я твою. Вот только, вернувшись, мы не нашли бы здесь никого.

— Но я сам обогатил их и разослал с золотом, пожав на прощание подлые руки.

— Да, похоже, так все и случилось, — признала Ара.

— Что, если нам пойти прямо к Оундосу? — Балк выпрямился.

— С тысячами дикарей-оборотней на привязи? Что ж, если туда дошли вести от Штыря... и все равно местный управитель может решить, что никаких приказов не читал, морпехов в гарнизоне нет и лучше закрыть перед тобой ворота. Для безопасности. Потом Жекки взбунтуются, начнется резня и любое соглашение с малазанской армией не будет стоить ни гроша.

Он понурил голову. — Иногда я ненавижу твою неумолимую логику, Ара.

— И готов слушать?

— Что?

— Мой совет.

Он долго глядел на нее. Потом отозвался: — Давай.

— Распусти команду. Заплати достаточно, чтобы сделать их довольными, и отошли прочь. Они сумеют дойти до Оундоса, Блуэда или дальше на юг.

— Я не брошу Жекков. Они наняли нас ради защиты, ради сопровождения!

— Жекки готовы перетечь, Балк. Все они. Они распались на своры, голодные и отчаянные. Пойдут грабить и резать, пока их самих не вырежут. Без провианта контракт не исполнить. Неужели сам не видишь?

— О, я всё вижу. Но намерен держаться до последнего. Довольно разговоров о роспуске компании, Ара.

— А можно об отрядах снабжения, ушедших с золотом Жекков?

— И об этом не надо.

— О том, когда же союз с Жекками пропадет в хаосе и крови?

Глаза стали еще шире. — Думаешь, они сожрут нас?

Она пожала плечами. — Будь я оголодавшей волчицей, не колебалась бы. А ты? — Женщина вздохнула. — Вот почему твои солдаты так нервничают. Вот почему взвод за взводом отдают тебе напоследок честь — и бегут.

— Мы выстоим, — заявил Балк.

— Чудесно. — Ара встала, забирая стул. — Пойду считать головы.

— И веселиться, — буркнул он, опуская глаза к полу.
Она хотела ответить, но подумала и спокойно вышла.

На заре Рент сел в седло, схватил повод, оглянулся на Пейк и Делас Фану. Было зябко, с севера притек холодный воздух, но безоблачное небо сулило день теплый, возможно, даже жаркий. Взгляд скользнул по Велоку на волокушах за лошадью Пейк. Глаза были открыты, но воин не разговаривал уже несколько дней, исхудал и казался пустым изнутри. Рент отвернулся.

Ночь выдалась беспокойной. Своры перетекших Жекков выли в темноте, охотясь на всё, что можно поймать. Сон не шел к Ренту, однако он не понимал причин тревоги. Позже Пейк пришла к нему, прося себя обнять. Он так и сделал, и постепенно женщина забылась в его руках.

Они проснулись, когда восточное небо едва начало светлеть. Что-то случилось. Было какое-то сотрясение, приведшее Жекков в состояние бешеной суеты. Вой стал несмолкаемым диким рычанием.

Делас Фана велела Ренту быть на страже, пока Пейк Гилд торопливо седлала коней. Скальп и другие псы стояли, подняв головы, принюхиваясь к холодному воздуху.

— Все перетекли, — спокойно сказала Делас. — Как мы предвидели.

— Но вой смещается дальше от нас.

— Ты прав, Рент. Странно. Все они бегут на север.

Пейк Гилд подошла к ним. — Думаю, пока мы в безопасности. Но, раз уже встали и оседлали лошадей, давайте поедим и отправимся в дорогу. За день добреемся до Оундоса, Делас Фана?

Та кивнула. — Думаю, да. Хотя не знаю, какой прием нас ждет.

И тут все псы сорвались с места, убегая на север.

— Нехорошо, — пробормотала Делас.

Пейк Гилд пожала плечами и начала разжигать костер.

Вскоре они были готовы к отъезду, но теблорские псы не вернулись. Их необъяснимое отсутствие ранило сердца Рента. Он привык к их близости, защитному кругу, устроенном для троих всадников.

— Мы слишком долго ждем, — заявила Пейк Гилд. — Сами нас найдут. Если захотят. Делас Фана, поведешь нас?

Кивнув, Делас ударила кобылу пятками по бокам. Рент поехал за ней, Пейк замыкала.

Он успел оглянуться на брошенный Жекками лагерь. Тот походил на поле брани без трупов — вещи брошены где попало. Он заметил группу наемников, Балка и Ару. Они тоже готовились уходить.

— Верь в Говера и Нилгхана, — чуть улыбнулась Пейк Гилд. — Они из тех, что выживают.

— Знаю, — сказал Рент. — Но я печалюсь о тех, кого они потеряли.

— И, возможно, теряют прямо сейчас, — добавила она.

Он глядел на холмы впереди, и давящая на грудь тяжесть чуть смягчалась. Трудно терять друзей. Дамиск был первым, первым обретенным другом — и первым потерянным другом. Дружба началась с руки, протянутой в ледяную воду. Кажется, так давно. Без руки, поданной в миг отчаяния, он не встретил бы Говера или Нилгхана. Не ехал бы сейчас с Теблорами. В тот день началась его вторая жизнь.

Иногда не требуется общей крови, чтобы стать отцом, понял он.

Балк первым поехал по следам исхода массы Жекков. Ночь оказалась ужасной. Многие наемники, разбуженные диким воем, попросту сбежали из лагеря. Четверо попытались украсть запас золота, но оказались среди ворчащих и шелкающих зубами волков.

Утром Ара стояла рядом Балком, озирая остатки лагеря. Заметила, как четверо Теблоров спешат на запад, и пожелала доброго пути.

— Мы найдем, куда все они умчались, — заявил Балк.

И вот они шли тесной группой по равнине, по следам своего же бегства от потопа.

Когда совсем рассвело, увидели впереди береговую линию. Тысячи волков, а небо над головами полно ворон и даже чаек.

— Кормятся, — сказала Ара.

Балк оглянулся, лицо покраснело. — Трупы. Видишь, Ара? Трупы свалены вдоль берега... а я-то подумал, это дюны. И удивился...

— Они жрут утонувших зверей?

Балк ухмыльнулся: — Ара, это же волки. Почему бы нет?

Наемник рядом с Арой выругался и тихо сказал: — Им легко, я думаю. Вздувшиеся гнилые трупы... пощадите боги.

Они были всё ближе, и Ара заметила: некоторые Жекки обратились в людей, с набитыми животами, и в раскоряку шли к холмику, на котором стояла высокая женщина с серебристыми волосами.

— Не думаю, что видел ее на их стоянках, — сказал солдат. — Такое тело запомнил бы.

Балк решил вести отряд к холмику, где уже собралось множество сытых Жекков. Среди них был Говер. И Каснок. Балк указал на запад, Ара поглядела и увидела теблорских псов над трупом бхедрина. Волки как будто не замечали их, обгладывая свою долю.

Они были совсем близко. Каснок заметил наемников и помахал рукой. — Сука-Война, — сказал он, лицо забрызгано кровью, в бороде кусочки мяса. Мухи летали тучами. — Видите нашу возлюбленную богиню? Она устроила пир!

— Сильно ли протухло мясо? — тут же спросил Балк.

— Некоторое вовсе не протухло, и такое мы не ели, командор. Помнили о вас. Скоро разделаем. Сложим костры. Закоптим мясо. Это сохранит его на много дней, верно?

Балк вяло кивнул. — Простите, владыка Каснок. Я потерял половину компании.

— Не важно. Оставшиеся получают больше.

— Мы еще сопровождаем вас?

— Вы нам нужны, командор. Вы не бросили нас, и мы этого не забудем. Ну же, встаньте с нами и выслушаем, что скажет богиня.

Говер глядел на нее, и в сердце было больше любви, чем подобает здравому мужу. Однако и она не раз глядела на него с желанием. Или это лишь его воображение? Но кислые комментарии старшей жены говорили об обратном.

Он стоял пред богиней, живот вздулся и болел. В воздухе повисла сладкая вонь гнили.

Сука-Война как будто недоумевала, озираясь. Наконец она нахмурилась и взглянула Говеру в глаза. — Где же они?

— Кто, богиня?

— Теблоры! Где Рент Проклятая Кровь?

Нилгхан подал голос: — Ушли, Сука-Война, на запад. Вчера мы попрощались. Ты

сказала, что он спасет нас, но это же была ты, богиня. Мы были глупы, что сомневались! Я был глупцом!

— Теперь я могу умереть, — тихо сказал Говер.

— Ты так и остался глупцом, Нилгхан, — продолжала Сука-Война. — Я рассказала избранным среди вас, что Рент Проклятая Кровь, бастард Бога с Разбитым Лицом, станет вашим спасением. Я не знала, как, но знала, что он таков. — Она помолчала, озирая лица. — Думаете, он мало что сделал? Думаете, он ничего не сделал? Собирайтесь же, дети, слушать мои слова. Передавайте их тем, кто сзади, и да будет рассказана история! — Она улыбнулась, глядя Говеру в глаза, и в ее улыбке было нечто, говорящее о мудрости сотен и сотен лет. Но Говер видел и что-то возрожденное, что-то, чему не мог бы дать имени. Улыбка заставила его задохнуться.

— Позвольте рассказать историю, — начала она, — из тех, что дарят надежду на будущее. Как она начинается, так и кончается. С ребенка...

"Быть объектом веры — это обязательство. Лишь исполняя обязательства, ты становишься достойным веры".

Сука-Война, богиня Жекков

Девятнадцать несчастных лошадей вынесли седоков к берегу нового моря. Однако Штырь понимал, что теперь не он стал причиной их страданий. Магия почти покинула его в тот день и еще лежала в пепле горя. Ох, что сотворил он со скакунами, убегая от потопа!

Резкие вопли чаек и воронов они услышали задолго до того, как увидели берег. Кулак Севитт предвидела. Приказ покинуть лагерь всем выжившим, морпехам и беженцам, был отдан вовремя. Они ушли быстро, организованно, и новый городок уже возникал на двух холмах в лиге к югу отсюда. Малазанский инженерный батальон из Блуэда с тяжелым снаряжением поспешно строил дорогу. До окончания работ снабжение происходило по козьим тропам среди холмов.

Работа утомительная, но чистая и честная. Строительство цивилизации казалось Штырю достойным делом. Доказательством того, что человечество может снова и снова вставать с колен, считая неудачи лишь временным затруднением. *"Ага, мы народ упрямый"*.

Он думал о расставании с Благой Ролли, вчерашним утром. Она и ее солдаты повели обоз на восток, пополнить припасы компании Балка и оставшихся Жекков. В Благой Ролли было нечто прочное, нечто неутомимое и неумолимое. Штырь сам удивился глубине своего чувства. Да, он был испуган этой глубиной и тем, что она могла означать.

Видя, как он приближается к ее передовому фургону, она улыбнулась, смуглая кожа пошла морщинами вокруг глаз. — Я надеялась, что заглянешь.

— Прости, смог вырваться лишь сейчас, когда вы уходите.

— Тоже неплохо, — сказала она, отводя глаза.

Штырь подумал и кивнул. — Это была одна ночь, верно? Это ничего не значит. То есть не беспокойся...

Она быстро глянула на него, глаза загорелись. — Не будь идиотом, Штырь. Я провела день, ночь и еще полдня, думая, что ты погиб. Вряд ли я пролила за жизнь больше слез и высказала больше брани, чем в тот день у треклятого моря. Потом был остаток дня и еще день, чтобы опомниться. Рада, что ты не видел меня в том состоянии.

"Ох".

Штырь начал кашлять, надеясь, что заглушит бешеный стук сердца. — Ты пойдешь с миграцией Жекков?

Она кивнула. — На время, чтобы убедиться: Балк не строит дурных планов. — Голова чуть качнулась к плечу. — Я что-то слышала о нападении на тебя и Омса?

Штырь пожал плечами. — Мы справились.

— О чем только думал Балк?

— Начинаю подозревать, это были негодяи среди наемников, взявшие дела в свои руки. Так или иначе, империи плевать на Балка и компанию.

Ролли погладила руками волосы. Кажется, недавно срезала, но они снова отросли. —

Жекки иное дело.

— Да, так точно. Чего стоила бы империя, повернувшаяся спиной к беспомощным людям, своим гражданам или чужим? Я сорву мундир, если будет иначе.

Она усмехнулась. — Я предпочла бы тебя без одежды. — Но улыбка угасла. — Еще увидимся, Штырь?

— Надеюсь. Но... я могу стать слишком старым для моряцких дел. Уже думал подать рапорт.

Брови поднялись. — Правда?

Вернулась старая параноя, сделав ответ обтекаемым. — Ходят... слухи, Ролли, что несколько Сжигателей еще живы. В Даруджистане.

Глаза прищурились. — Дезертиры?

— Такого обвинения не потерплю, — воскликнул Штырь. — Даджек Однорукий официально распустил нас под Черным Кораллом.

— Верю. Но приказ Даджека не был одобрен, и до сих пор не одобрен, насколько знаю. Осторожнее, Штырь. Найди дом, годный для обороны, желательно со многими выходами, и поначалу держись рядом с друзьями.

— Поначалу?

— Ага, поначалу.

Он поискал ее взгляд. Найдя, спросил: — Ты о том, что приедешь?

— Я еще научу тебя соображать быстро, — сказала она. Подошла, коснулась его затылка ладонью и притянула для долгого поцелуя.

Кошачьи вопли донеслись со стороны солдат.

Но Штырю было всё равно. Он быстро сообразил, что ей тоже.

Чайки и вороны оглушали солдат трех взводов. Капитан Грубит ехал первым, и первым натянул удила на вершине холма, видя воду.

Омс наблюдал, как Штырь встал рядом с капитаном, и остальные подошли по одному, вставая шеренгой перед новым морем и его горькими дарами. Лошади мотали головами и фыркали, пока не успокоились. Вонь одуряла.

Как хорошо, подумал Омс, что кулак Севитт велела поставить беженцев первыми на пути к новому лагерю. Они не видели всего этого. Он надеялся, что и не увидят.

Среди тысяч трупов, что разделили землю и море, попадались тела в обрывках военных мундиров и доспехов. Но большинство не было солдатами. Это были Теблоры. Ганрелы. Вольные туземцы и саэмды, Яркий Узел и джинаны, фильдаззы и бретены. И многие иные племена, теперь не различить.

Глядя влево, Омс видел эти ужасные останки до горизонта. Справа море уходило к северу, там тела смешались с вывороченными деревьями, сучьями и целыми плотами из листьев.

Никто не говорил. Они приехали сюда не говорить.

Омс ощущал неудачу, подобную тяжелому камню в груди. Но не мог отвести взгляда. Как остальные, изучал сцену внизу, каждую деталь, разрывая себе душу. Этому были причины. Он не сомневался: большинство людей его не поняло бы. Иногда Омс сам себя не понимал. Их причины трудно было бы изложить вслух.

Стать свидетелями, наверное. Поступить иначе было бы не просто трусостью — было бы актом неуважения. Не только к телам малазан — телам павших соратников и друзей —

но и ко всем остальным. Особенно к детям. Там было так много детей.

Кто смог бы отвернуться от подобной сцены? Смог бы отсечь от себя всякое чувство, всякую человечность?

Это ритуал, решил он наконец. Ритуал в точном смысле слова. Не ритуал перехода — слишком мрачное место, чтобы идти дальше — но просто ритуал долга.

"Ты не отворачиваешься."

Ты не сбегаешь к личной жизни, в личный мир, не говоришь, что важны лишь родные и любимые. Будь важны лишь они, в твоём мире никто, кроме родни, не пошевелил бы ради тебя пальцем. И в таком мире лучше быть мертвым, чем живым".

Или что-то другое. Он мог ошибаться, и подозревал, что раздумья завели его куда-то не туда. Ведь эти мысли наполняли его кипящей злостью. И страхом — страхом, что такой мир вполне возможен, что такой мир реально существует. Страхом, что такой мир обнаружится совсем рядом, и такие люди живут по соседству.

Трусость имеет тысячу лиц. Почти на всех глаза крепко зажмурены.

Да ладно. Это не про морскую пехоту Малазанской Империи. Вот почему они здесь, под горячим солнцем и полчищем птиц, сидят на почти неподвижных лошадях, ничего не говорят. И ни один не отворачивается. Ещё не время.

Полезно оставлять зарубки на памяти, решил Омс. Они сделали что смогли. Этого было недостаточно. Они совершали ошибки. Слишком много ошибок. Среди трупов внизу есть погибшие от малазанских припасов и малазанской магии. Вот и ещё один урок. Ошибки стоят жизней. Любой командир, махнувший на это рукой, заслуживает удара ножом в спину.

Как, решил Омс, и любой правитель.

Пока что император Маллик Рель играет честно. Да, начал он не очень хорошо, но постепенно разгреб завалы и мир снизошел на империю. Но это не повод быть расслабленным. Власть всегда развращает, это может случиться и с императором; даже с жрецом-джисталем. И если такой день придет, что ж, даже император не избавлен от удара ножом в спину.

"Да, славный старина Омс. На нём так и написано: Коготь. Не правда ли?"

Не правда. Когти не имеют дел с внутренними вопросами. Ну, на таком уровне.

Славный старина Омс. Маллик испортился. Что ты будешь делать?"

Омс коснулся рукой места чуть ниже кадыка, ощущая твердость грудины под хлопковой рубахой. Там ничего не было. Разумеется. Никакой подвески на кожаном ремешке или серебряной цепочке. Эти дни давно миновали.

"Что, мальчики и девочки? Пойду и сделаю то, что следует."

Как мы делали всегда — и всегда будем делать".

"Бедные все", подумала Водичка, отчаявшись сосчитать мундиры морпехов внизу. После того как прекратила считать мертвых Теблоров и вольных, а ещё раньше прекратила считать мертвых детей.

Природа низка, решила она. Ей на всё насрать. Но природа есть во всех людях, и когда она рулит, да, они начинают срать друг на дружку. Выпади шанс, она убила бы всех таких. Быстро и эффективно, пусть их много.

Она снова была в самом первом мундире, отчего ощущала себя целостной. Настоящее чудо, как Бловлант выудила его где-то в огромном море, высушила, починила, велела Варбо пропитать нагрудник маслом и передала через Серлис. Со всяческими добрыми

пожеланиями.

Хорошо, когда о тебе заботятся люди такого сорта. Идущие по жизни тихо, честно и усердно. "Люди", подумала она удивленно, "вроде меня".

Когда капитан Грубит наконец натянул удила и развернул коня, отправившись в обратный путь, Штырь махнул всем рукой. Никто не замешкался и вскоре Штырь оказался один.

Мертвым не нужно никого обвинять, и всё же они говорят. На свой манер. Без слов и жестов. Просто не шевелятся, безжизненные лица обращены к пустому небу, бледная плоть выдает пропажу души.

Странно сравнивать два тела, живое и мертвое, и понимать: единственное различие в том, что одно дышит и двигается, а другое нет.

Теперь это стало морем душ. Он слышал, что картографы инженерного батальона уже нарекли его иначе, но не верил, что название прилипнет. Ведь инженеры не были здесь и не видели всё своими глазами, как морпехи. Нет, море найдет иное имя, подобающее имя. Чинуши станут сопротивляться, но не очень долго. Когда выжившие вернуться, чтобы сравнить карту и натуру.

Но тогда оно уже станет морем костей.

Это, решил он, будет подходящим названием. Лучше его "моря душ", ведь души давно успеют улететь.

Штырь поднял взгляд над мерцающей, волнующейся поверхностью. Попытался вообразить копьё солнечного света, пронизывающие ледяную воду и падающие вниз — чтобы слабо озарить старые малазанские дороги, брошенные форты и курганы. Наследие недолговечного завоевания. Глупое дело (как и все дела смертных) верить, будто можно захватить само пространство и сражаться меж собой ради владычества над тем, чего не удержать.

Силы более могущественные просто медлили, выжидая свое время. Вот они — настоящие мастера завоеваний.

Он сидел, радуясь одиночеству, и что люди не видят его слез. Постепенно плач утих, бриз с моря высушил щеки и бороду. Он подхватил поводья и повернул коня.

Пора вернуться к своим морпехам.